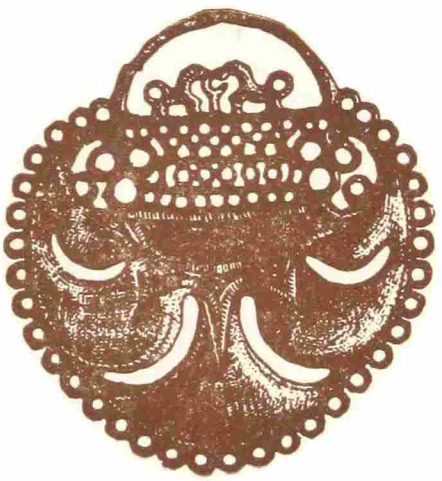
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1
1987

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1
1987

Журнал основан в 1957 году
Выходит 4 раза в год
Москва

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)

И. И. Артеменко, В. И. Козенкова (отв. секретарь),
Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов, В. П. Любин,
В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева (зам. главного редактора),
А. А. Формозов, В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

Цвейбель Д. С., **Колесник** А. В. (Донецк). Техника первичного расщепления кремня на стоянке Белокузьминовка в Донбассе 5
Гаврилюк Н. А. (Киев). Пища степных скифов 21
Кузнецова Т. М. (Москва). Зеркала из скифских памятников VI—III вв. до н. э. (классификация и хронологическое распределение) 35
Сапрыкин С. Ю. (Москва). Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикии) 48
Савостина Е. А. (Москва). Античное поселение Юбилейное I на Тамани (предварительные итоги изучения) 58
Сарианиди В. И. (Москва). Бактрийский центр златоделия 72
Артемьева Н. Г. (Москва). Раннесредневековые жилища Приморья 84
Буров В. А. (Москва). О местоположении княжей сотни в древнем Новгороде 91

Публикации

Савватеев Ю. А. (Петрозаводск). Новые петроглифы на о. Ерпин Пудас . . . 103
Третьяков В. П. (Ленинград). Поселение Имерка 5 — памятник эпохи энеолита в Примокшанье 119
Аншилогов А. В. (Петрозаводск). Поселение Ловозеро I 136
Атаев Г. Д. (Махачкала). Чиркейские курганы бронзового века 145
Удеумурадов Б. Н. (Ленинград). Керамический комплекс верхних слоев Алтын-депе 158
Кутайсов В. А. (Симферополь). Эллинистический дом Керкинитиды 169
Максименко В. Е., **Безуглов** С. И. (Ростов-на-Дону). Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой 183
Афанасьев Г. Е. (Москва). Муравьевский клад (к проблеме оногуро-булгаро-хазарских миграций в лесостепь) 193
Жилина Н. В. (Москва). Тверская берестяная грамота № 1 203
Пуцко В. Г. (Калуга). Крест Марка Пещерника 217
Бектинеев Ш. И. (Минск). Весы и гирьки-разновесы X—XIV вв. из Белоруссии 231

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1987 г.

Заметки

Ксензов В. П. (Минск). Новые исследования верхнепалеолитической стоянки Юровичи 239
Косинская Л. Л. (Сыктывкар). Жилища эпохи ранней бронзы в бассейне Вычегды 243
Прохорова Т. А. (Ростов-на-Дону). Погребение эпохи раннего железа из могильника Криволиманский I 250
Булава Л. А. (Краснодар). К атрибуции золотого колпачка из Курджипского кургана 254
Плетнева С. А. (Москва). Глиняный ритон из Корчева и бронзовая личина из Тмутаракани 258
Дедов В. Н., Швецов М. Л. (Донецк). Находка древнерусского меча в Донбассе 262
Литвинов В. А., Макушников О. А., Дробушевский А. И. (Гомель, Минск). Клады древнерусских шейных гривен из Белоруссии 263
Виноградов В. Б. (Грозный). Два зеркала золотоордынской эпохи из Чечено-Ингушетии 267

Критика и библиография

Кашкин А. В. (Москва). Baiern und Slawen in Oberösterreich. Probleme der Landnahme und Besiedlung.— Schriftenreihe des OÖ Musealvereins — Gesellschaft für Landeskunde. B. 10. Linz, 1980 270
Соловьянов Н. И. (Москва). *Тачева-Хитова М.* История на източните култове в Долна Мизия и Тракия V в. пр. н. э.— IV в. от н. э. София, 1982 . . . 275
Фехнер М. В., Пушкина Т. А. (Москва). Birka II : 1. Systematische Analisen der Gräberfunde / Ed. Arwidsson G. Stockholm, 1984 279

Хроника

Аникович М. В. (Ленинград). Всесоюзное совещание по методике полевых исследований памятников каменного века, посвященное столетию со дня рождения П. П. Ефименко (Ленинград, 1984) 285
Седов В. В., Смирнов К. А. (Москва). Археологическая тематика VI Международного конгресса финно-угроведов 290
Дашевская О. Д., Джорбенадзе В. А. (Москва, Тбилиси). Конференция по проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (Душети, 1984) 294
Шаскольский И. П., Савватеев Ю. А., Столяр А. Д. (Петрозаводск, Ленинград). Памяти Александра Михайловича Линевского 300

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 1

1987

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Tsveibel D. S., Kolesnik A. V. (Donetsk). The Primary Flaking of Flint Technique on the Belokuzminovka Site in Donbass 5
Gavrilyuk N. A. (Kiev). The Diet of Steppe Scythians 21
Kuznetsova T. M. (Moscow). Mirrors from Scythian Sites Dated Between the 6th and 3rd Centuries B. C. (Classification and Chronological Distribution) 35
Saprykin S. Y. (Moscow). Asander and Chersonesus (On the Authenticity of the Legend About Gykia) 48
Savostina E. A. (Moscow). The Yubileinoe I Settlement in Taman (Preliminary Results) 58
Sarianidi V. I. (Moscow). A Centre of Goldworking in Bactria 72
Artemyeva N. G. (Moscow). Early Medieval Dwellings in the Maritime Area . . 84
Burov V. A. (Moscow). Where the "Knyazhaya Sotnya" was Located in Old Novgorod 91

Publications

Savvateyev Y. A. (Petrozavodsk). New Petroglyphs on the Island of Erpin Pudas 103
Tretyakov V. P. (Leningrad). The Imerka 5 Settlement, an Eneolithic Site in the Moksha Basin 119
Anpilogov A. V. (Petrozavodsk). The Lovozero I Settlement 136
Atayev G. D. (Makhachkala). The Chirkeiskie Mounds of the Bronze Epoch . . 145
Udeumuradov B. N. (Leningrad). Pottery Complex of the Altyn Depe Upper Levels 158
Kutaisov V. A. (Simferopol). A Hellenistic House in Cercinitis 169
Maximenko V. E., Bezuglov S. I. (Rostov-on-Don). Late Sarmatian Burials in the Mounds Along the Bystraya River 183
Afanasyev G. E. (Moscow). The Muravieva Hoard (On the Problem of Onoguri-Bulgar-Khazar Migrations into the Forest-Steppe Zone) 193
Zhilina N. V. (Moscow). Birch-Bark Scroll No. 1 from Tver 203
Putsko V. G. (Kaluga). A Cross of Mark Peshchernik 217
Bektineev Sh. I. (Minsk). Balances and Weights of the 10th-14th Centuries from Byelorussia 231

Notes

Ksenzov V. P. (Minsk). New Studies of the Yurovichi Upper Palaeolithic Site 239
Kosinskaya L. L. (Syktyvkar). Early Bronze Epoch Dwellings in the Vychegda Basin 243
Prokhorova T. A. (Rostov-on-Don). An Early Bronze Epoch Burial of the Krivolimanny I Cemetery 250
Bulava L. A. (Krasnodar). Attribution of a Small Gold Cap from the Kurjip Mound 254
Pletneva S. A. (Moscow). A Clay Rhyton from Korchev and a Bronze Mask from Tmutarakan 258
Dedov V. N., Shvetsov M. L. (Donetsk). A Find of an Old Russian Sword in Donbass 262
Litvinov V. A., Markushnikov O. A., Drobushevsky A. I. (Gomel, Minsk). Hoards of Old Russian Torques in Byelorussia 263
Vinogradov V. B. (Grozny). Two Mirrors of the Golden Horde Era from Chechen-Ingushetia 267

Book Reviews and Bibliography

Kashkin A. V. (Moscow). Baiern und Slawen in Oberösterreich, Probleme der Landnahme und Besidlung.— Schriftenreihe des OÖ Musealvereins — Gesellschaft für Landeskunde. Linz, 1980 270

Solovyanov N. I. (Moscow). *Tacheva-Khitova M.* Istoria na iztochnite kultove v Dolna Misiya i Trakia V v. pr. n. e.— IV v. ot n. e. Sofia, 1982 275

Fekhner M. V., Pushkina T. A. (Moscow). Birka II : 1. Sistematische Analisen der Gräberfunde. Ed. Greta Arwidsson. Stockholm, 1984 279

Chronicle

Anikovich M. V. (Leningrad). A National Meeting on the Methods of Study of Stone Age Sites Dedicated to the Centenary of P. P. Efimenko's Birth (Leningrad, 1984) 285

Sedov V. V., Smirnov K. A. (Moscow). Archaeological Subjects Discussed at the 6th International Congress of Finno-Ugricists 290

Dashevskaya O. D., Djorbenadze V. A. (Moscow, Tbilisi). A Conference on Relations Between Mountainous Regions and Lowlands (Dusheti, 1984) 294

Shaskolsky I. P., Savvateyev Y. A., Stolyar A. D. (Petrozavodsk, Leningrad). In Memory of Alexander M. Linevsky 300

Д. С. ЦВЕЙБЕЛЬ, А. В. КОЛЕСНИК

ТЕХНИКА ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ КРЕМНЯ НА СТОЯНКЕ БЕЛОКУЗЬМИНОВКА В ДОНБАССЕ

Мустьерская стоянка Белокузьминовка (Константиновский р-н Донецкой обл.) была открыта в 1968 г. экспедицией Донецкого государственного университета [1, с. 108]. Памятник расположен на мысу левого берега р. Беленькой — притоке р. Казенный Торец, впадающей в Северский Донец.

С 1968 по 1970 г. стоянка исследовалась. Раскоп площадью 106 м² в центральной части мыса вскрыл следующую стратиграфию: дерн и современная почва (0,7 м); суглинок с карбонатными включениями (1,2 м); суглинок с гипсовыми отдельностями (1,3 м); суглинок темно-бурый, видимая мощность 1,7 м.

В 1974 г. на стоянке побывал Н. Д. Праслов. Им была более детально определена стратиграфия четвертичных отложений в стенке искусственной выемки, разрушающей склон мыса в месте впадения древней балки в долину реки. 1. Современная почва черноземного типа, нижний контакт языковатый (0,5 м). 2. Суглинок темно-бурый, пористый, карбонатный горизонт почвы; нижний контакт отчетливый (0,75 м). 3. Суглинок темно-бурый, пористый, карбонатный, книзу опесчанивается; нижний контакт постепенный (2 м). 4. Суглинок темно-бурый, гумусированный, резко пористый, легкий (0,55 м). 5. Суглинок темно-бурый, легкий, рыхлый, по порам лжемицелий; видимая мощность 0,8 м.

На раскопанном участке собрана коллекция искусственно расщепленных кремней, насчитывающая около 9 тыс. экз. Они залегали ниже современной поверхности до глубины 2 м в суглинке вперемешку с равным количеством естественных желвачков. В верхней толще число находок увеличивается, книзу их становится меньше. Сохранность кремней различная. Все они в разной степени покрыты плотной молочно-белой, доходящей до фарфоровой патиной; иногда встречаются следы окатанности, заглаженности, забитости, выветренности, ожелезнения. Наблюдается ухудшение состояния находок кверху.

Кости животных, угольки в суглинистой толще отсутствуют. Слой памятника, видимо, разрушен в древности, но переотложение было незначительным, так как на площади памятника встречены во множестве мелкие отщепы, чешуйки. В 1971 г. это же мнение высказала И. К. Иванова, которая ознакомилась с материалами и полевыми чертежами. Прирезка нескольких квадратов в юго-западной части раскопа показала, что здесь кремневый материал залегает до глубины 3—4 м, а в нижних слоях находится in situ. В контрольном шурфе на глубине около 5 м найден крупный мустьерский остроконечник без патины, резко отличающийся по облику от собранных изделий.

В 1972 г. с коллекцией кремней обстоятельно ознакомился В. П. Любин, чьи советы оказали авторам существенную помощь в работе над комплексом.

В настоящей статье дан анализ техники первичного расщепления кремня на стоянке Белокузьминовка. Под техникой первичного расщепления мы понимаем устойчивую целенаправленную серию последовательных действий для получения скола-заготовки. Это основополагающий элемент индустрии, в значительной степени определяющий состав всего комплекса изделий.

В Белокузьминовке найдены разнотипные ядрища и их заготовки, остаточные нуклеусы, обломки нуклеусов, сколы подживления, пластины и отщепы, которые позволяют достаточно полно охарактеризовать технику первичного расщепления. Однако больше всего подходят для этой цели нуклеусы, так как основные типологические признаки этого класса изделий (число площадок, характер скалывания и др.) меньше всего пострадали от механических повреждений при переотложении.

Вопросу классификации нуклеусов уделено большое внимание в специальной литературе. Систематизация нуклеусов стала своеобразным испытанием тех или иных классификационных принципов. Существуют несколько схем, в основе которых в зависимости от задач исследования лежат разные принципы и структурные связи элементов. Классификации ядрищ строятся на учете в разной последовательности формы [2, с. 19—43], принципа скалывания [3, с. 26, 27], характера ударной площадки [4, с. 79], особенностей рабочей поверхности в сочетании с иными признаками [5, с. 36—48] и др.

Белокузьминовские нуклеусы систематизированы при помощи несложного машинного подсчета. Каждый нуклеус был описан как сумма признаков, эта информация была дана ЭВМ с задачей установить устойчивые сочетания устойчивых признаков[1]. Простой методический прием позволил сгруппировать изделия в довольно четко разделяемые серии. При описании нуклеусов использовались признаки числа и характера площадок, формы, направления скалывания, наличия обработки тыльной стороны и некоторые другие. Не все они равнозначны по объему и содержанию, но сгруппированные признаки демонстрируют устойчивую динамику, т. е. субъективно выбраны правильно. Современная методика не отрицает такого подхода к систематике [6, с. 69—72; 7, с. 13]. Использование машинного подсчета позволило, как нам представляется, более объективно провести классификацию ядрищ.

Согласно полученным данным, отношения признаков содержат двухстепенную зависимость. Общность первого порядка базируется на признаках: «число площадок», «характер и направление скалывания», общность второго — на признаках: «форма», «сечение», «взаиморасположение площадок», «характер площадок» и некоторых иных. Внутри каждого уровня признаки комбинируются с разной устойчивостью, но «машинное» расстояние между уровнями значительно. Комбинационные сочетания первого порядка намного устойчивее; устойчивость первого порядка охватывает два—три признака, второго — четыре—пять.

На первом уровне соответственно выделяются следующие таксономические единицы: плоские уплощенные нуклеусы с одной или несколькими площадками для пластинчатого скалывания, цилиндрические нуклеусы для пластинчатого скалывания, нуклеусы дисковидной формы для радиальных снятий, аморфные и шаровидные ядрища, чоппинговидные нуклеусы. На втором уровне определяются более частные разновидности, которые в основном дифференцируют общности первого порядка.

В выделенных сериях и единичных нуклеусах часто присутствуют сочетания по два признака, которые жестко не коррелируются ни с одной разновидностью. Автономные сочетания «остаточный нуклеус — подправленная площадка», «выпуклая рабочая плоскость — выпуклая площадка» и иные присущи разным нуклеусам. Очевидно, эти «спаянные» признаки либо осознавались «изготовителями орудий как единые нерасчлененные единицы» [8, с. 164], либо являются следствием особенностей моторики расщепления. Всего собрано 197 ядрищ. Средние размеры их колеблются в пределах 6—7 см.

---

[1] Заданный алгоритм сводился к выделению сначала устойчивых сочетаний из двух произвольных признаков массива, затем из трех и т. д., до максимально возможных сочетаний n признаков. После этого производилась корреляция реальных единиц устойчивости с целью получения устойчивой совокупности признаков и установления ее вариабельных границ. Математическая часть программы выполнена С. Нешатаевым на вычислительной машине ЕС 10.20.

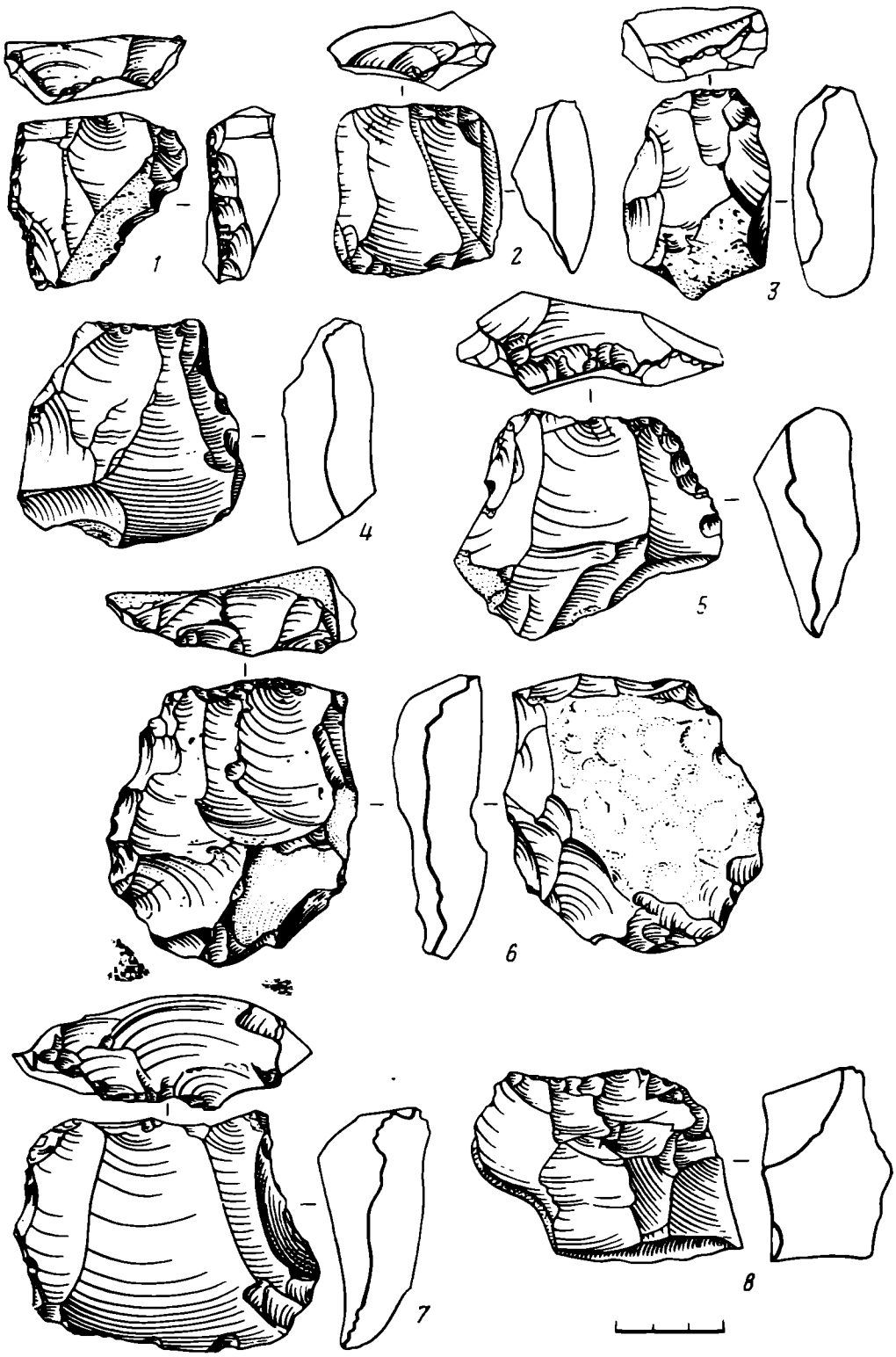


Рис. 1. Одноплощадочные уплощенные четырехугольные нуклеусы

Сочетания признаков первого и второго уровня позволяют выделить следующие типы ядрищ.

1. *Одноплощадочные уплощенные четырехугольные нуклеусы* (рис. 1, *1—5, 7, 8*) — 29 экз. Одноплощадочные нуклеусы обладают одной морфологической особенностью. Как видно по негативам некоторых снятий (рис. 1, *2, 4, 5, 7*), сколы с этих нуклеусов сильно изогнуты в профиле: их дистальные концы значительно загнуты в сторону брюшка. Очевидно, слабая рельефность рабочей плоскости нуклеуса, отсутствие или незначительность ребер жесткости приводили к быстрому затуханию ударов

отбойника и поэтому к такому отделению кремня заготовки. Вряд ли такой результат мог быть желаемым и сознательно преследовался древним мастером. Не случайно многие плоские одноплощадочные нуклеусы сработаны незначительно, коэффициент остаточных нуклеусов невысок — 15% [2]. Переоформлению одноплощадочных ядрищ в двухплощадочные мешали нестрогая форма тела нуклеуса или образовавшаяся клиновидность сечения. Некоторые наиболее правильные экземпляры, видимо, продолжали существовать в качестве двухплощадочных и продольно-поперечных, трехплощадочных.

Один экземпляр одноплощадочного нуклеуса (рис. 1, *6*) по формальным признакам напоминает черепаховидный леваллуазский: он имеет подправленную выпуклую площадку, перпендикулярную длинной оси ядрища, радиальную подправку с тыльной и лицевой сторон, несколько основных сколов (видны негативы двух). От черепаховидных его отличают неправильная форма, отсутствие симметрии.

У 10 экз. одноплощадочных плоских нуклеусов заметна тенденция к снятию центрального скола (рис. 1, *5*, *7*).

Площадки описываемых ядрищ преимущественно подправлены грубыми сколами. В 15 случаях подправка наносилась перпендикулярно к рабочей плоскости, в семи — косо по отношению к последней, и в трех — параллельно. Тонкофасетированные площадки встречены лишь на двух нуклеусах.

2. *Двухплощадочные уплощенные четырехугольные нуклеусы* (рис. 1, *1—10*) — 30 экз. Это самая многочисленная разновидность, они составляют 24% всех типологически ясных ядрищ. Характеризуются подквадратной или подпрямоугольной формой, двумя полюсными площадками, одной плоскостью скалывания; площадки образованы преимущественно средними и небольшими сколами, составляют с рабочей плоскостью угол в 60%. Негативы снятий на нуклеусах этой серии в основном пластинчатые, правильные.

Технология получения и утилизация данных нуклеусов достаточно стандартизирована и представлена разными по степени сработанности элементами. Изготовление изделия начиналось с подбора плоской овальной или прямоугольной в плане кремневой гальки, у которой два противоположных края отсекались с одной стороны несколькими сколами. Образовывались две площадки, первые удары по ним подготавливали рабочую плоскость будущего нуклеуса. Если поверхность гальки была сферическая, без изъянов, тыльная сторона оставлялась без изменений (рис. 2, *9*, *10*), если нет — тыльной стороне путем снятия крупных сколов придавался сферический или близкий к нему вид (рис. 2, *1*, *5*). В подборке плоских двухплощадочных нуклеусов экземпляры со сферической тыльной обработанной или необработанной стороной абсолютно преобладают (27 из 30).

Большинство нуклеусов сработано до предела. Коэффициент остаточных нуклеусов в этой группе ядрищ очень высок (70%).

Из 58 определимых площадок две корковые, четыре гладкие, остальные (52) подправлены. В 12 случаях подправка достаточно тонкая, выполнена неширокими и неглубокими сколами; именно такая подправка образует фасетированные площадки пластин и отщепов. Подправка наносилась в основном перпендикулярно плоскости скалывания, иногда под косым углом (на 6 экз.).

Один остаточный нуклеус переоформлен в скребло (рис. 2, *7*).

3. *Трехплощадочные уплощенные четырехугольные нуклеусы* (рис. 3, *1—3*) — 4 экз. Имеют четырехугольную или близкую к ней в плане форму, одну плоскость скалывания и выдержанное сегментовидное сечение (рабочая сторона по хорде). С морфологической точки зрения пред-

[2] Коэффициент остаточных нуклеусов показывает отношение полностью сработанных нуклеусов к сработанным неполностью и типологически ясным заготовкам. У предельно сработанного нуклеуса очень узкие заломанные площадки, незначительная толщина и размеры, плоская рабочая поверхность; рабочая сторона еще пригодных к расщеплению нуклеусов всегда более или менее выпуклая.

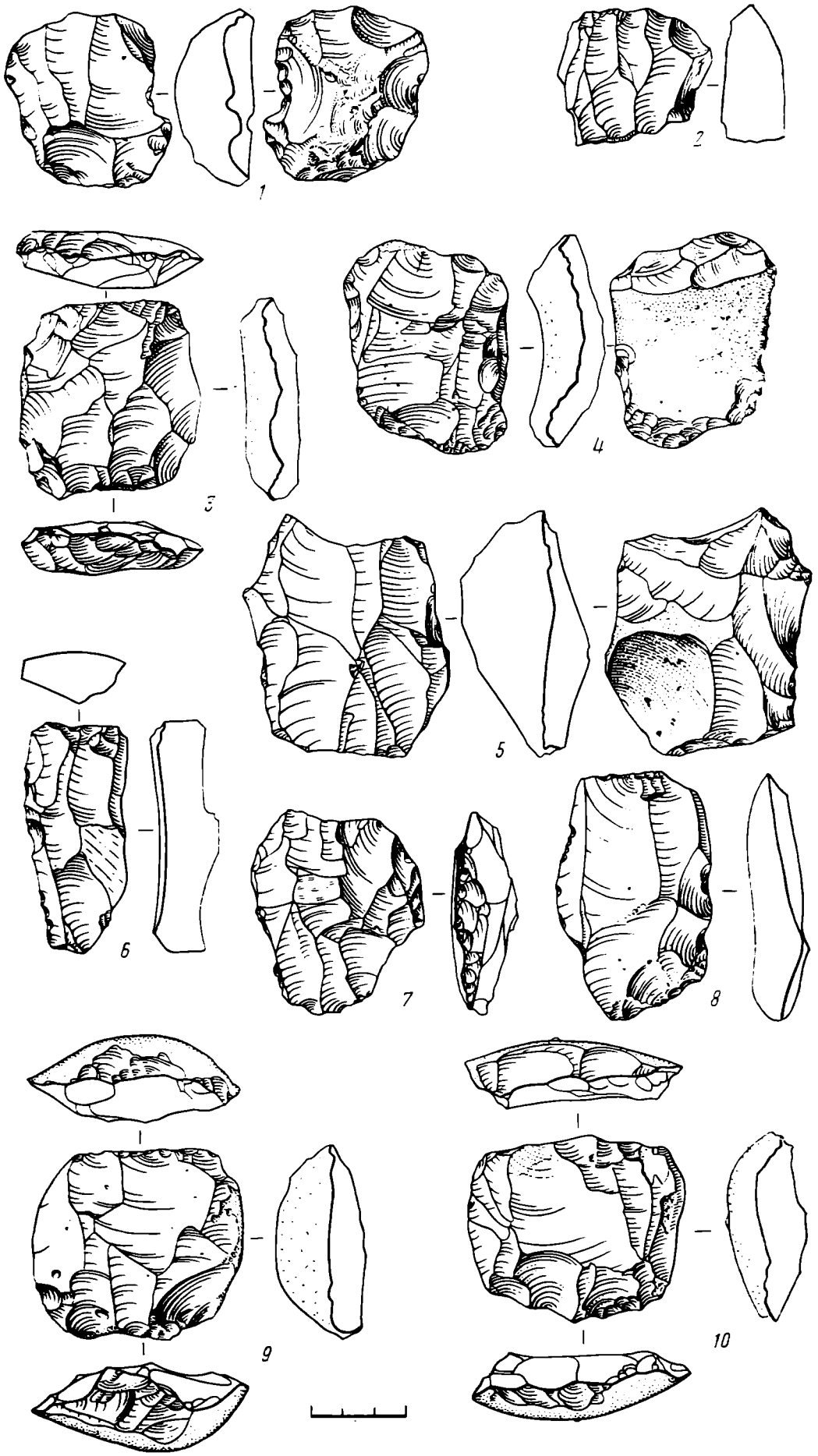


Рис. 2. Двухплощадочные уплощенные четырехугольные нуклеусы

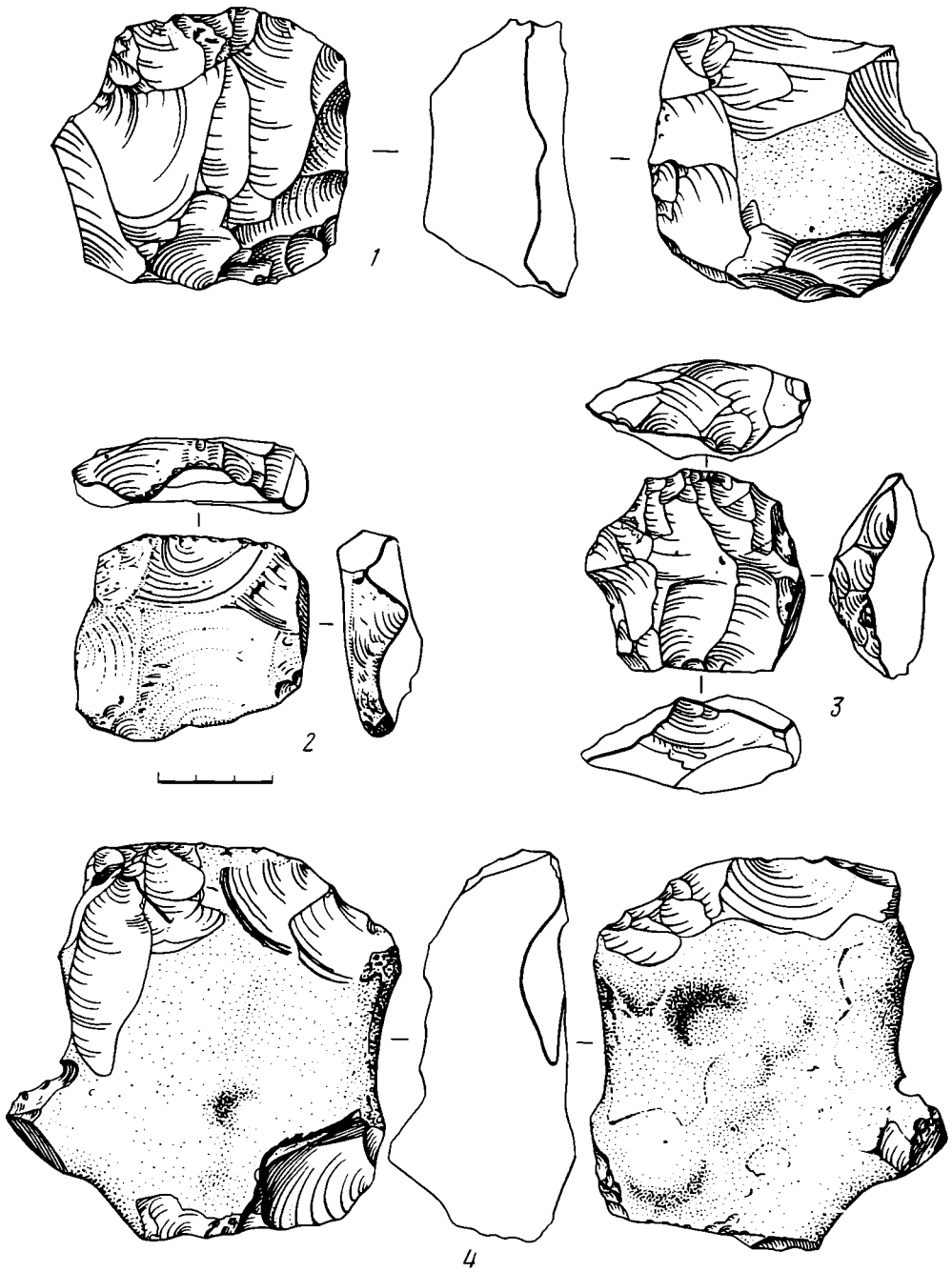


Рис. 3. Трехплощадочные уплощенные четырехугольные нуклеусы (*1—3*) и заготовка нуклеуса (*4*)

ставляют собой обычные плоские двухплощадочные экземпляры с дополнительными снятиями на основной плоскости в поперечном направлении. На всех четырех образцах доминируют фасы от встречных скалываний (как на двухплощадочных), поэтому может показаться, что боковые снятия делались с целью подправки рабочей поверхности. Думается, что это ошибочное впечатление, так как скалывание сбоку производилось со специально сформированной и хорошо подправленной площадки. Все 11 площадок (одна отсутствует) подправлены перпендикулярно плоскости скалывания. Два нуклеуса остаточные (рис. 3, *2*).

4. *Одноплощадочные уплощенные треугольные нуклеусы* (рис. 4, *5—7*) — 4 экз. По всем параметрам близки выделяемым Ф. Бордом нуклеусам для острий [9, табл. 102, рис. 3]. Конвергентное скалывание производилось с дуговидной в плане площадки, тщательно подправленной на всех белокузьминовских экземплярах. Из четырех образцов одна заго-

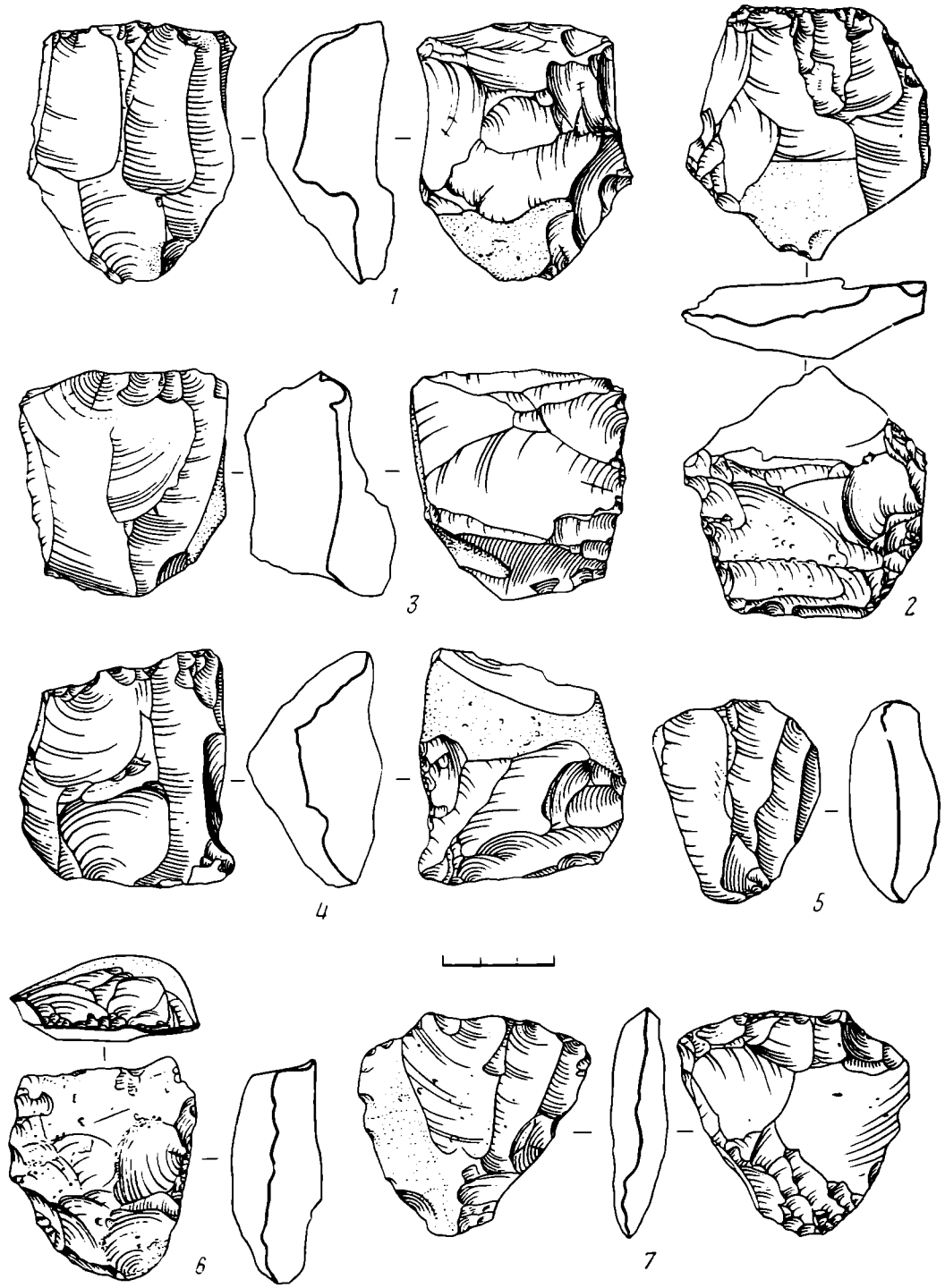


Рис. 4. Нуклеусы продольно-поперечные (*1—4*) и одноплощадочные уплощенные треугольные (*5—7*)

товка (рис. 4, *6*) и один остаточный нуклеус (рис. 4, *7*). Тыльная сторона этих нуклеусов корковая либо гладкая, в двух случаях подправлена. Сработанный до предела экземпляр (рис. 4, *7*) двусторонней подтеской нижнего края превращен в орудие типа резчика.

5. *Продольно-поперечные нуклеусы* (рис. 4, *1—4*) — 12 экз. Выделяются подсчетом нестрого и объединены нами в условную группу. Форма этих нуклеусов нестабильна, варьирует от четырех- и пятиугольной до вытянуто-овальной. Общий признак этих ядрищ — отделение сколов с двух сторон и с разных площадок во взаимно перекрещивающемся направлении. Можно говорить о собственно продольно-поперечных нуклеусах, у которых направления скалывания на двух сторонах взаимно пер-

пендикулярны и имеются три-четыре площадки (рис. 4, *1—3*), и о двусторонних косоплощадочных экземплярах. Первых 5, вторых 7 экз. Лучшие образцы продольно-поперечных нуклеусов напоминают составленные под углом 90° рабочие плоскости уплощенных двухплощадочных ядрищ. Все эти нуклеусы предназначались для скалывания пластин и пластинчатых отщепов. Почти половина продольно-поперечных нуклеусов (5 экз.) являются остаточными, сработанными до предела. Из этого следует, что расщепление таких ядрищ было достаточно хорошо освоено мустьерцами Белокузьминовки. Из 36 площадок подправленных 10, фасетированных 5. Продольно-поперечные нуклеусы можно рассматривать как результат дальнейшей утилизации массивных плоских одно-, чаще

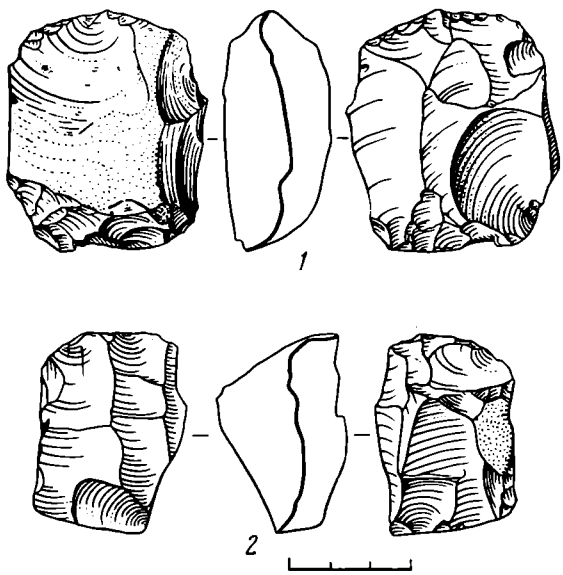


Рис. 5. Нуклеусы типа джрабер

двухплощадочных, когда подправка с тыльной стороны перерастала в самостоятельное скалывание.

6. *Нуклеусы типа джрабер* (рис. 5, *1*, *2*) — 5 экз. Немногочисленны, но составляют выразительную подборку. Более правильное их типологическое название — двухплощадочные с противолежащими площадками, но за ними закрепилось топонимное обозначение — джрабер [10, с. 61, 62]. Эти ядрища характеризуются наличием двух полюсных площадок, с которых производилось встречное скалывание, но с двух сторон. В результате такого расщепления нуклеусы приобретали характерный профиль, по которому их иногда называют S-образными. Белокузьминовские экземпляры отличаются небольшими размерами (5—6 см), укороченными пропорциями, массивностью, тщательно оформленными площадками. Негативы снятий удлиненные, пластинчатые, образуют на теле нуклеусов огранку, близкую к параллельной.

7. *Клиновидные нуклеусы* (рис. 6, *1*, *2*) — 5 экз. Напоминают соответствующие изделия позднепалеолитического возраста. Имеют неправильно-треугольную в плане и в сечении форму, подправленные площадки. Сколы производились в основном с торца; на прилегающих участках площадок видны интенсивные заломы. Один экземпляр переоформлен из ядрища типа джрабер (рис. 6, *2*).

8. *Нуклеусы с круговой площадкой, или грубопризматические* (рис. 6, *3—6*) — 15 экз. Имеют удлиненное цилиндрическое или конусовидное тело и круговую площадку, перпендикулярную длинной оси изделия. Изготавливались, по всей видимости, из цилиндрических желваков (рис. 6, *4*). По морфологическим признакам эти нуклеусы близки к позднепалеолитическим призматическим ядрищам, но отличаются от них большей массивностью и грубостью отделки. Судя по фасам снятий,

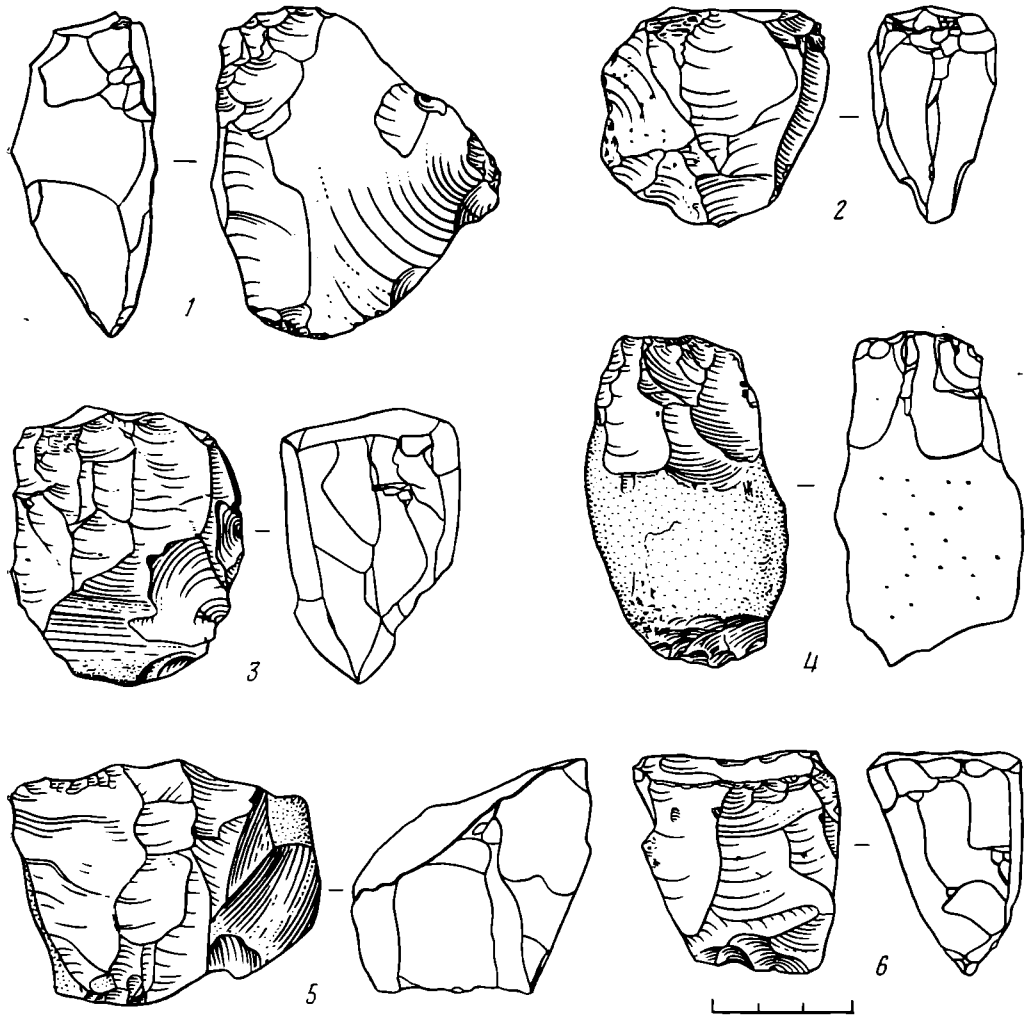


Рис. 6. Нуклеусы клиновидные (*1, 2*), с круговой площадкой, или грубопризматические (*3—6*)

предназначались для получения массивных пластин и пластинчатых отщепов. Преобладают одноплощадочные экземпляры (рис. 6, *3—6*); только 2 экз. имеют выраженные вторые полюсные площадки. Площадки, как правило, гладкие либо незначительно подправленные. Обращает на себя внимание большое число ядрищ на начальной стадии расщепления — их всего 8 из 14. Остаточных нуклеусов нет. Значительный удельный вес заготовок и отсутствие сработанных экземпляров позволяют предполагать факт переделки грубопризматических нуклеусов в другие разновидности (например, типа джрабер). Как хронологический показатель эти нуклеусы свидетельствуют об относительно позднем положении Белокузьминовки в мустье.

9. *Черепаховидный нуклеус* в своем типичном выражении представлен 1 экз.

10. *Дисковидные нуклеусы* (рис. 7, *3—6*) — 8 экз. Производились из крупных отщепов или плоских овальных желваков. Белокузьминовские диски далеки от классических образцов. Собственно дисковидными можно назвать только два остаточных односторонних ядрища с незначительной подправкой с тыльной стороны (рис. 7, *4*) и овальную заготовку с односторонней оббивкой. Остальные 5 экз. скорее относятся к рубящим орудиям. Они имеют выраженную пятку, подправленную или естественную, оббитый с двух сторон закругленный противоположный пятке конец (рис. 7, *3*, *5*, *6*). Оббитые участки этих изделий интенсивно сработаны, их профили извилистые. Видимо, это дисковидные нуклеусы, впоследствии переоформленные в рубящие инструменты.

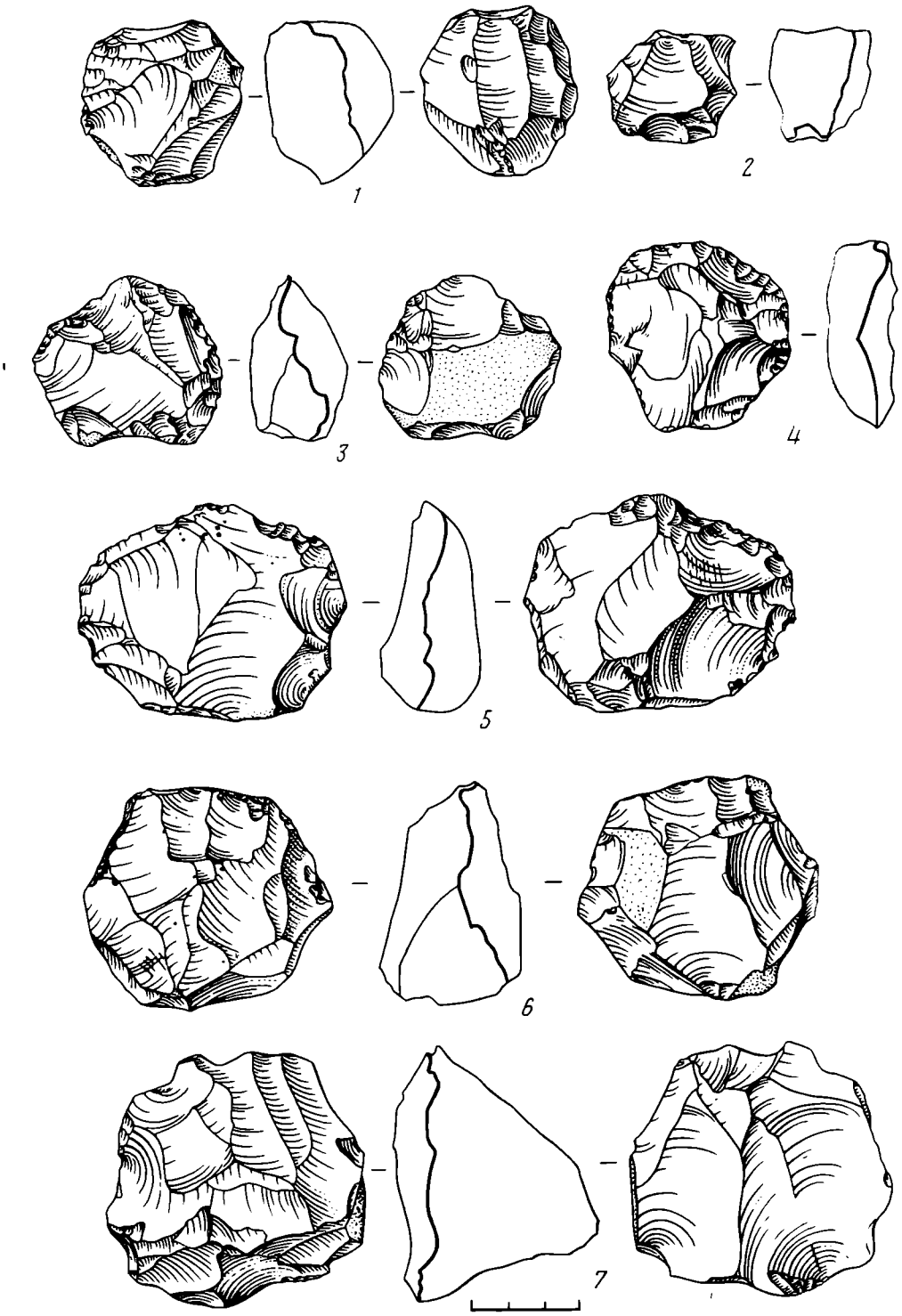


Рис. 7. Нуклеусы шаровидные кубовидные (*1*, *2*), дисковидные (*3*—*6*), конусовидный (*7*)

11. *Конусовидный нуклеус* (рис. 7, 7). Типологически несколько отдельно стоит выразительный экземпляр конусовидного нуклеуса, найденный на глубине 3,2 м. Он имеет конусовидную форму, но по технике расщепления скорее тяготеет к дисковидным ядрищам, чем к призматическим, так как его уплощенная сторона представляет не площадку для скалывания, а самостоятельную рабочую поверхность двустороннего диска.

12. *Чоппинговидные нуклеусы* (перпендикулярные, по В. Н. Гладилину [5, с. 44]) — 7 экз. Выделяются одной особенностью: у них плоскость скалывания и площадка взаимозамещаемы. Техника расщепления

таких нуклеусов напоминает двустороннюю оббивку чоппинга; это своеобразно акцентированный принцип раскалывания двустороннего диска. Возможно, некоторые экземпляры являются выбракованными образцами иных типов с подготовленной площадкой и плоскостью скалывания, но большинство перпендикулярных нуклеусов значительно и равномерно сработаны по обеим сторонам. Грань между плоскостями скалывания имеет характерный зигзагообразный вид, следов употребления нуклеусов в качестве рубящих орудий нет. Продольные сечения ядрищ ромбовидные или близкие к нему. Два нуклеуса остаточные.

13. *Шаровидные* (*кубовидные*) *нуклеусы* (рис. 7, *1*, *2*) — 3 экз. Все они остаточные, не превышают 3—4 см в поперечнике. Имеют типичную для этого типа шаровидную (неправильно-шаровидную) форму и короткие и широкие негативы сколов, которые одновременно являются и ударными площадками для других снятий. Количество таких площадок на одном нуклеусе 5 (рис. 7, *1*) на втором 5 (рис. 7, *2*), на третьем 6. Первоначальная форма этих ядрищ не ясна, но она, как нам представляется, не обязательно должна быть шаровидной или кубовидной.

14. *Аморфные нуклеусы* — 73 экз. Нуклеусы этой разновидности не имеют устойчивой формы и направления скалывания, сохраняют значительные участки корочного покрытия. Скалывание производилось бессистемно, в качестве площадок использовались все удобные для этого плоскости. Некоторые нуклеусы несут следы более или менее регулярных снятий, хотя сработанных до предела нуклеусов нет. Площадки у этих ядрищ не фасетированные и, за редким исключением, не подправленные. Средние размеры 7—9 см. Видимо, эта цифра соответствует величине тех исходных кусков кремневого сырья, которые использовались для получения всех разновидностей ядрищ Белокузьминовки.

Описанные разновидности нуклеусов не равнозначны по своему системному положению: одни изделия составляют очень компактные технико-типологические группы, типологические границы других несколько размыты. Так, плоские двухплощадочные нуклеусы весьма стандартизированы, в то время как одноплощадочные дают довольно изменчивый спектр форм.

Полученная схема далека от правильной формально-логической модели. Связи в системе признаков носят в основном устойчивый, но не тождественный характер, между признаками нет строгой иерархии. Эти элементы алогизма схемы объясняются, очевидно, тем фактом, что отдельные нуклеусы выпадали из цепи утилизации на разной стадии оформления и сработанности, так как по-разному отвечали искомым требованиям древнего мастера.

Изготовитель орудий стремился к получению определенного типа нуклеуса. После подбора сырья его действия обращались к подготовке площадки. В коллекции содержатся бросовые или потерянные древним мастером заготовки со следами формирования площадки (рис. 3, *4*). Всего их около 40. Как видно на некоторых заготовках, после оформления площадки мастер по мере необходимости производил доработку тыльной и рабочей сторон. Все эти операции осуществлялись в рамках обобщенного стереотипного образа, которому изготовитель следовал и который стремился воплотить в предмете. Но образ этот, очевидно, не был законченным и целостным, он состоял из связанных стереотипов действий и элементов образа. После подготовки площадки мастер оценивал свой итог и соизмерял его с последующим стереотипом действий. Если образованная форма соответствовала стереотипу, начинался следующий этап подготовки ядрища — оформление плоскости скалывания. Если один из итогов не подкреплялся желаемым результатом, вещь выпадала из цепи, т. е. выбрасывалась или же попадала под действие другого «дежурного» стереотипа. Тогда в той же последовательности начиналась подготовка заготовки под другой стереотип, которая могла завершиться изготовлением нуклеуса другой разновидности. Целеосознанность трудовой деятельности человека начиная с самых ранних ступеней его формирования подчеркивается в ряде работ [11, с. 69; 12, с. 130]. Среди аморфных

нуклеусов Белокузьминовки много экземпляров с подготовленной площадкой (площадками) и несколькими негативами неудачных сколов-заготовок. Из 73 таких ядрищ только 18 несут следы регулярных снятий, остальные, как указывалось, мало использовались в работе.

Типологическое ядро коллекции нуклеусов составляют уплощенные двухплощадочные ядрища (67 экз.). Видимо, это был основной стереотип нуклеусов, достаточно стандартизированный и хорошо отработанный. Многие разновидности белокузьминовских нуклеусов можно рассматривать как отклонение от этого стереотипа. Таковы некоторые продольно-поперечные, одноплощадочные ядрища, трехплощадочные односторонние, нуклеусы типа джрабер и некоторые иные модификации. Немногочисленность и разнообразность названных типов нуклеусов — результат их непреднамеренного, «рабочего» возникновения. Кроме этого, существовали и иные стереотипы, например стереотип цилиндрических грубопризматических ядрищ, или дисковидных. Но, судя по небольшому количеству и нежесткой стандартизации технологии, они занимали подчиненное положение.

Как видно на материалах Белокузьминовки, типологическая атрибуция нуклеуса часто менялась в известных пределах по мере его расщепления. Это явление давно отмечено для материалов раннего палеолита [4, с. 96; 13, с. 29]. Остаточный нуклеус фиксирует конечную форму существования ядрища, которая не всегда адекватна его начальной стадии. Среди остаточных нуклеусов Белокузьминовки преобладают грацильные геометризированные уплощенные модификации, среди нуклеусов средней стадии сработанности — одно- и двухплощадочные ядрища.

Остаточный нуклеус — часто результат переоформления, которое не было произвольным. Обычно оно касалось плоских нуклеусов для пластинчатого скалывания. Они переделывались в продольно-поперечные, клиновидные, нуклеусы типа джрабер и иные. Среди дисковидных большинство остаточных нуклеусов — двусторонние, среди остальных ядрищ — большинство односторонних. У трех-, четырехплощадочных ядрищ, типа джрабер, клиновидных, как правило, высок коэффициент остаточных нуклеусов (до 40—50%).

Трансформация ядрищ на стадии первичного расщепления состояла, по всей видимости, из трех отдельных циклов: заготовки, ядрища и остаточного нуклеуса. При сопоставлении значительных комплексов целесообразно проводить сравнение отдельно ядрищ и остаточных нуклеусов.

Описанные нуклеусы не являются чем-то особенным для европейского мустье. Для каждого взятого отдельно белокузьминовского ядрища можно привлечь множество близких аналогий из разных памятников соседних и отдаленных регионов. Это связано с ограниченными техническими возможностями мустьерцев. В целом же совокупность белокузьминовских нуклеусов не имеет прямых соответствий в мустьерских комплексах Крыма, юга Русской равнины, Кавказа. Для нуклеусов Белокузьминовки характерен пластинчатый, леваллуазский в широком смысле слова аспект. Этим они отличаются от близко расположенных антоновских памятников [5, с. 36—45], стоянок у хут. Рожок [14, рис. 46, *12*, *13*], Деркульского местонахождения [15, с. 20—23], находок на р. Крынке [16, с. 78—80], Звановского местонахождения [17, с. 341, 342]. По преобладанию в подборке плоских геометризированных экземпляров для пластинчатого скалывания Белокузьминовка ближе всего тяготеет к югоосетинским памятникам, выделенным В. П. Любиным в цхинвальскую группу [18, с. 107, рис. 31, *1—4*, с. 132, рис. 39, *1*, *4*, *8*, с. 133, рис. 40, *10*]. Техника расщепления камня на этих памятниках открытого типа базируется в основном на изготовлении одно- и двухплощадочных нуклеусов для пластинчатого скалывания и их модификаций, треугольных нуклеусов для острий. Последние, правда, имеют в кавказских памятниках больший по сравнению с Белокузьминовкой удельный вес. Как и в Белокузьминовке, югоосетинские плоские нуклеусы с пластинчатыми негативами в сильно сработанном состоянии сохраняют строгие очертания, ясную типологическую атрибуцию. Этого нельзя сказать об

однотипных изделиях, скажем, Молодово [19, с. 48–58, 91–96] или Холодной Балки [20, с. 39, 40], Шайтан-Кобы [21, с. 24–43], где их присутствует довольно много (до 50% всех ядрищ). Судя по публикациям, остаточные нуклеусы этих памятников менее выразительны, чем несработанные ядрища, зачастую аморфны.

Вызывает интерес динамика изменения типологического состава нуклеусов в зависимости от глубины их залегания. Каждая серия ядрищ концентрируется преимущественно на определенном уровне. Так, шаровидные и клиновидные встречены только в верхних слоях, дисковидные залегают на глубине 1,2–1,8 м, грубопризматические в основном найдены на глубине 0,6–0,8 м. Уплощенные одно- и двухплощадочные нуклеусы и их разновидности присутствуют во всей толще отложений, но тоже в определенной последовательности: доля продольно-поперечных, трехплощадочных, нуклеусов типа джрабер в верхней толще значительно увеличивается, достигая почти одной трети всего количества ядрищ этих глубин.

Логично было предполагать рост удельного веса объемных грубопризматических нуклеусов, но материал показывает, что совершенствование техники первичного расщепления кремня в Белокузьминовке шло по пути развития плоскостного пластинчатого скалывания. Явление это нередко отмечается исследователями как тенденция развития техники первичного расщепления у некоторых мустьерских общностей [19, с. 96; 22, с. 51]. Видимо, отделение удлиненных сколов при помощи отбойника наиболее эффективно при утилизации плоских нуклеусов. Основанная же на объемном нуклеусе призматическая техника полностью раскрывает свои возможности только после внедрения посредника между площадкой и ударным инструментом, т. е. уже за технической гранью раннего палеолита.

Кроме нуклеусов на памятнике найдено также 14 желваков со следами незначительной оббивки, 47 желваков со следами формирования площадки, около 250 нуклевидных обломков, 76 кусков ядрищ, 61 поперечных сколов подживления площадок, 11 продольных сколов подживления плоских геометризированных нуклеусов. Из кусков нуклеусов 25 определимы: 16 обломков от ядрищ с пластинчатыми негативами, 9 – от иных нуклеусов. Обращают на себя внимание продольные сколы подживления. Это результат удаления продольных ребер, которые заострились при уплощении нуклеуса в процессе его расщепления. Снятие продольных сколов с боковых участков ударной площадки соответственно укорачивало ее и делало ее более выпуклой. Такой прием улучшал рабочие качества нуклеуса и при необходимости облегчал его переделку.

Характеру нуклеусов полностью соответствует характер снятых с них сколов. Жившие на стоянке люди стремились к получению в основном пластинчатых заготовок. Индекс пластинчатых сколов Белокузьминовки составляет 23,3. Это высокий для мустье показатель.

Многие пластины были случайно или преднамеренно разбиты в древности, т. е. могут учитываться в подсчете дважды. В то же время часть пластин употреблялась для производства орудий, поэтому выведенный индекс кажется нам среднестатистическим. Из 1896 определимых целых и обломанных пластин Белокузьминовки истинные пластины составляют 83,5%. Под истинными пластинами мы вслед за В. П. Любиным понимаем удлиненные ($L \geqslant l$) сколы с правильной параллельной огранкой спинки [18, с. 110]. Пропорции значительного количества белокузьминовских пластин несколько превосходят условную грань Ф. Борда для пластинчатых снятий, приближаясь к соотношению $L = 2{,}2l$. Н. Д. Праслов показал, что в мустье пропорции сколов редко превышают критерий пластин, концентрируясь в основном в пределах соотношений $L > l$—$L < 1{,}5l$ [14, с. 90]. В этом смысле на фоне ближайших мустьерских памятников (Рожок, Антоновка, Звановка, Александровка, Носово) техника первичного расщепления Белокузьминовки выглядит достаточно развитой. Среди истинных пластин в свою очередь преобладают сколы с двугранной спинкой – 54% (рис. 8, *5*, *6*, *7*, *11*), меньше трехгранных

Отдел
ЯБИБОН

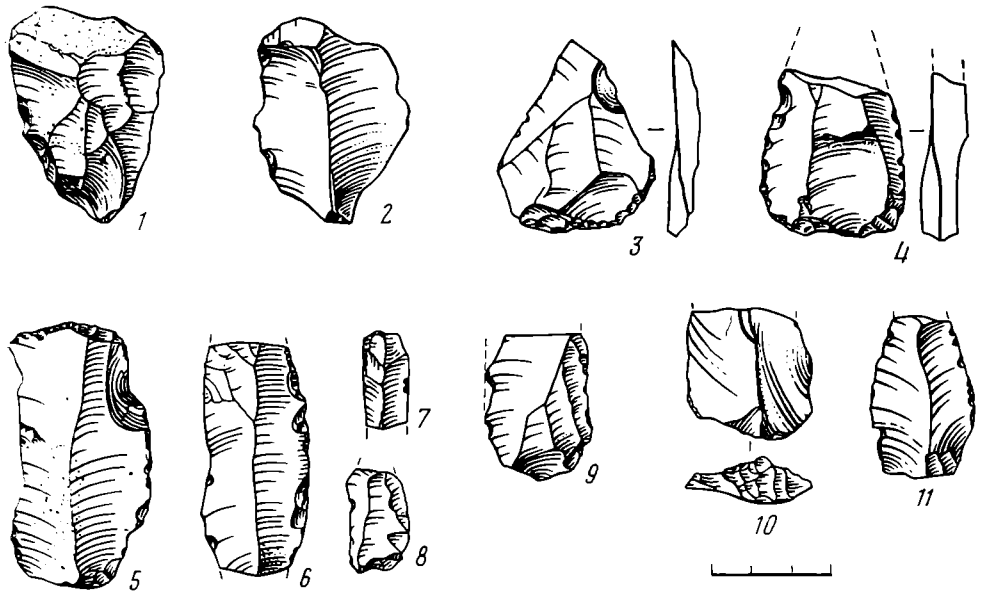


Рис. 8. Отщепы, пластины и пластинки

спинок — 33% (рис. 8, *8*), еще меньше пластин без четкой огранки спинки — 13% (рис. 8, *9*). Средние размеры пластин колеблются в пределах 4—6 см, хотя отдельные экземпляры достигают величины 10 см и более.

Изучение изменений облика пластин по глубинам позволяет сделать ряд заключений. Так, толщина целых пластин колеблется в пределах 0,6—0,8 см, более массивные пластины залегают почти только ниже 0,8 м. Ширина пластин преимущественно 2 см (35, 32%), 3 см (43,17%). Более широкие тоже залегают ниже 0,8 м. Эти наблюдения позволяют считать, что в результате развития техники пластина постепенно становилась у́же и тоньше.

Отличительной особенностью Белокузьминовки является наличие ряда пластин, практически ничем не отличимых от подобных изделий позднепалеолитического возраста (рис. 8, *7*, *8*). Эта особенность отмечена В. П. Любиным [18, с. 90, 152]. Часть их имеет ширину менее 1 см (рис. 8, *7*), т. е. попадает в категорию пластинок. Огранка пластин и пластинок чаще двугранная, края строго параллельны, профиль незначительно изогнут. Откалывались они, видимо, от клиновидных и грубопризматических, некоторых остаточных ядрищ. Аналогичные пластины верхнепалеолитического облика в мустьерских комплексах известны в Монашеской пещере, Губском навесе [18, с. 90, 158; 23, с. 175] и ряде других.

По характеру ударных площадок пластин можно выделить гладкие, корковые, двускатные и фасетированные площадки, в нескольких случаях встречена площадка типа chapeau de gendarme (рис. 8, *10*). Соотношение приемов подправки площадок пластин демонстрирует таблица. Для определимых площадок пластин индекс подправки общий составляет 55,6, индекс тонкого фасетирования — 43,9.

Вместе с пластинами от нуклеусов отделялись пластинчатые отщепы, которые составляют 11% всех сколов-заготовок (рис. 8, *1*, *2*). По морфологическим признакам пластинчатые отщепы близки к истинным пластинам, т. е. имеют параллельные края и удлиненные пропорции, но несколько не «дотягивают» до бордовского критерия пластин. Пластинчатые отщепы представлены, как правило, целыми или почти целыми экземплярами. Вместе с пластинами они прекрасно демонстрируют пластинчатый характер техники первичного расщепления. Средние размеры 3—5 см.

Сколы леваллуа треугольных очертаний составляют 2,5% всех сколов (рис. 8, *3*, *4*). Их несколько больше, чем следовало бы ожидать,

Основные технические показатели пластин и отщепов

Площадки	Пластины		Отщепы из выборки	
	кол-во	%	кол-во	%
С коркой	25	1,7	38	5,3
Гладкие	190	13,9	152	20,9
Двугранные	57	4,0	19	2,6
Фасетированные прямые	109	8,0	50	6,9
Фасетированные выпуклые	104	7,6	60	8,2
Устраненные обработкой	181	13,2	165	22,7
Утраченные	495	36,3	133	18,2
Неопределимые	207	15,3	111	15,2
Всего	1368	100	728	100

учитывая наличие всего четырех ясных нуклеусов для острий в коллекции. Видимо, как это нередко бывает в мустье, часть названных сколов отделялась от дисковидных нуклеусов. Белокузьминовские треугольные сколы леваллуа далеки в своей массе от классических образцов. Представлены как целые, так и обломанные острия. В работе использовались в основном без дополнительной обработки.

У отщепов почти половина площадок (40%) подправлена. Среди фасетированных одинаково представлены как прямые, так и выпуклые площадки (таблица). Как и у пластин, площадки отщепов нередко узкие. С учетом отщепов общий индекс подправки сколов из Белокузьминовки равен 47,8, индекс тонкого фасетирования — 44,2.

Высокие показатели пластинчатости индустрии обусловили значительную величину индекса леваллуа. В традиционном широком понимании IL технический равен 25,5. В узком смысле слова (по Н. Д. Праслову и В. Н. Гладилину — с учетом только острий и сколов с черепаховидных нуклеусов) он очень мал — всего 2,7.

Одна треть всех сколов — первичные отщепы, сколы отделки нуклеусов и орудий, чешуйки.

Большое количество ядрищ, а также желваков со следами оббивки, аморфных нуклеусов, кусков нуклеусов, нуклевидных обломков и других отходов производства указывает на то, что Белокузьминовка, по-видимому, может быть отнесена к типу стоянок-мастерских.

В изученном комплексе отражены несколько технических традиций: наиболее архаическая дисковидно-радиальная, весьма развитая леваллуазская и еще слабо выраженная, но уже проявляющая себя верхнепалеолитическая.

Анализ материалов первичного расщепления кремня позволяет датировать стоянку позднемустьерским временем и ставить вопрос о переходном характере верхних горизонтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Двейбель Д. С.* Стоянка с зубчатыми мустье у с. Белокузьминовки на Донетчине.— АИУ — 1968. Киев, 1971.
2. *Паничкина М. З.* Палеолитические нуклеусы.— АСГЭ, 1959, вып. I.
3. *Любин В. П.* К вопросу о методике изучения раннепалеолитических коллекций.— МИА, 1965, № 131.
4. *Коробков И. И.* Нуклеусы Яштуха.— МИА, 1965, № 131.
5. *Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев: Наук. думка, 1976.
6. *Клейн Л. С.* Понятие типа в современной археологии.— В кн.: Типы в культуре. Л.: Наука, 1979.
7. *Шер Я. А.* Интуиция и логика в археологических исследованиях.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
8. *Синицын А. А.* К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря.— В кн.: Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы.— Л.: Наука, 1977.
9. *Bordes F.* Typologie du paléolithique ancien et moyen.— Publ. de l'Institut de Préhistoire de l'Iniversite de Bordeaux. Mémoire, 1961, № 1.

10. *Любин В. П.* Верхнеашельская мастерская Джрабер.— КСИА, 1961, вып. 82.
11. *Филиппов А. К.* Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите.— В кн.: Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука, 1983.
12. *Сулейманов Р. Х.* О нуклеусах из пещерной стоянки Оби-Рахмат.— КСИА, 1968, вып. 114.
13. *Гладилин В. Н.* К вопросу о технике леваллуа.— В кн.: Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977.
14. *Праслов Н. Д.* Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л.: Наука, 1968.
15. *Ефименко П. П.* Находка остатков мустьерского времени на р. Деркул.— Изв. ГАИМК, 1935, вып. 118.
16. *Борисковский П. П.* Палеолит Украины.— МИА, 1953, № 40.
17. *Колесник А. В., Привалов А. И.* Мустьерская стоянка Звановка.— АО — 1978. М., 1979.
18. *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л.: Наука, 1977.
19. *Черныш А. П.* Ранний и средний палеолит Приднестровья.— Тр. КИЧП, 1965, т. XXV.
20. *Формозов А. А.* Исследования по каменному веку Крыма в 1956 г.— КСИИМК, 1959, вып. 73.
21. *Колосов Ю. Г.* Шайтан-Коба — мустьерська стоянка Криму. Киев: Наук. думка, 1972.
22. *Анисюткин Н. К.* Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы.— В кн.: Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М.: Наука, 1981.
23. *Аутлев П. У.* Губская палеолитическая стоянка.— СА, 1964, № 4.

D. S. Tsveibel, A. V. Kolesnik

THE PRIMARY FLAKING OF FLINT TECHNIQUE ON THE BELOKUZMINOVKA SITE IN DONBASS

Summary

The materials obtained on the site reveal a combination of several traditions: an archaic, a highly developed Levallois and a clearly apparent, though poorly developed at that stage, Upper Palaeolithic. The primary flaking technique is marked by the predominant manufacture of flattened cores from which blades are flaked. It accords with a statistically supported high index of the blade industry. A certain number of Upper Palaeolithic blades, mainly connected with the upper level, were found among flakes. These observations permit a conclusion that Belokuzminovka was a stone-processing site dated, most probably, to the Late Mousterian period.

Н. А. ГАВРИЛЮК

ПИЩА СТЕПНЫХ СКИФОВ

Система питания, зависящая от уровня развития производительных сил, отражает помимо этнической специфики многие явления социального, экономического и культурного характера. Изучение пищи служит углублению представлений о материальной культуре и быте населения, позволяет ставить и решать задачи взаимодействия человека со средой. Однако несмотря на более чем полуторавековую историю изучения скифской проблемы, вопрос о системе питания скифов остается открытым, хотя почти в каждой работе по скифской археологии исследуются категории материальной культуры, связанные в той или иной степени с системой питания (например, изучается состав возделывавшихся в Скифии сельскохозяйственных культур [1], производится определение костей животных, описание утвари и т. д.).

Специального исследования пищи археологами не проводилось. Наиболее близкой работой по этой теме является статья Н. Л. Жуковской о пище кочевников [2]; основной заслугой работы известного антрополога Д. Бразвелла [3] мы считаем, во-первых, само обращение к изучению пищи в древности, во-вторых, глубокое освещение диетологических проблем пищи древних людей, в-третьих, попытку охватить проблемы питания на огромных территориях и в широчайших хронологических рамках. Отчасти эти вопросы были затронуты в работе Р. Таннахила [4], однако бронзовому и железному векам в ней уделено мало внимания, характеристика системы питания номадов дана фрагментарно, без использования этнографического материала, скифская культура не выделяется. Из сказанного следует, что изучение пищи степных скифов становится назревшей задачей.

При исследовании культуры скифов мы исходим из представлений о ее прогрессивном развитии, одним из условий устойчивого характера которого, несомненно, было наличие удовлетворительной системы питания.

В соответствии с выдвигаемой гипотезой и характером основных продуктов питания принята следующая схема исследования: мясная пища (источник энергии, белков, жиров животного происхождения), растительная пища (источник энергии, углеводов, белков, минеральных веществ, витаминов), имеющая универсальный характер молочная пища. Рассмотрена также небольшая группа вкусовых продуктов, среди которых выделено вино, получившее широкое распространение в скифской среде.

Источники, на базе которых было проведено исследование, включали костные остатки из памятников степной Скифии V—IV вв. до н. э., некоторые категории инвентаря (утварь), сведения античных авторов, изображения животных.

Были использованы материалы раскопок 34 курганных могильников (618 погребений), в том числе: Широкое II [5], Широкое, группа Острая Могила [6], Шевченко III [7], Широкое III [8], Носаки [9], Кут [10], Гайманово поле [11], Беленькое [12], Никопольское курганное поле [13], Привольное [14], Вильна Украина [15], Любимовка [16], Львово [17], Верхнетарасовка [18], Владимировка [19], Богдановка [20], Капуловка [21], Меловое [22], Отрадное [23], группы у г. Орджоникидзе [24], Нагорное [25], группа Солохи [26]. Учтены также материалы одиночных погребений. География включенных в исследование памятников охватывает практически всю степную Скифию.

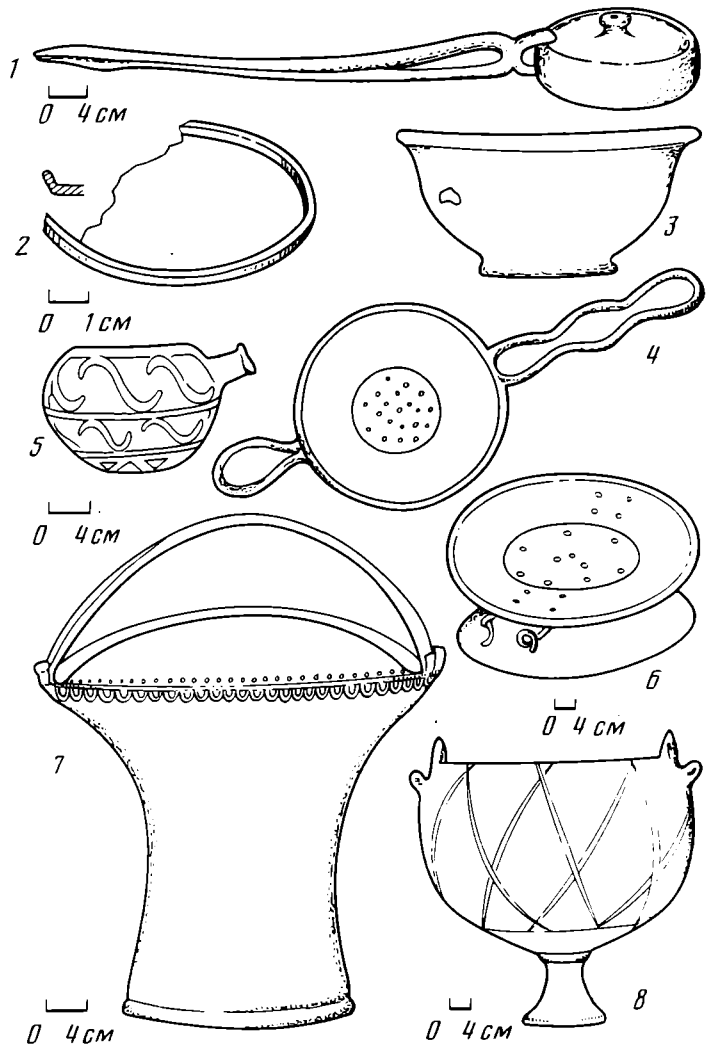


Рис. 1. Находки из хозяйственной ниши Гайманової могилы

Материалы тризны удалось использовать только из тех курганов, которые копались вручную (группа Солохи, Никопольское курганное поле), а находки из рвов и насыпей — из курганов, раскопанных с особой тщательностью (Толстая Могила, Желтокаменка).

Ценная информация получена при анализе инвентаря «хозяйственных ниш» из погребений скифской знати (просмотрено 26 таких памятников). Показательна в этом отношении хозяйственная ниша из Гайманової Могилы[1] (рис. 1), где найдена утварь для варки (котел, казанчик, железные крючок и щипцы) и жарки (жаровня), употребления мяса (бронзовое блюдо, поднос), сосуды для питья (амфоры, килик, черпак, ситула, ойнохоя, кожаный сосуд). Такой же набор утвари повторяется в других погребениях скифской знати.

Хотя задача исследования пищи степных скифов базируется в основном на археологических данных, при ее решении нельзя не коснуться многих вопросов экологии человека, социально-экономической географии, этнографии, гигиены питания, технологии приготовления пищи, сельского хозяйства.

Итак, приступая к изучению пищи степных скифов, мы, с одной стороны, имеем в распоряжении огромный фактический материал, а с другой — почти полное отсутствие предшествующих исследований.

---

[1] Автор благодарит В. И. Бидзилю за разрешение ознакомиться с неопубликованным материалом.

Таблица 1

Виды животных, определяемые по костным остаткам в памятниках степной Скифии (по [5–26])

Памятник	Соотношение погребений и костных скоплений	Количество определенных особей	Овца	Лошадь	Крупный рогатый скот	Птица	Вепрь, заяц	Рыба
Широкое II	10/14	6	3	1	2			
Широкое III	7/10	7	6			1		
Шевченко III	6/6	3	2		1			
Носаки	7/9	5		2	3			
Кут	29/30	26	7	19				
Гайманово поле	14/15	10	3	2	5			
Беленькое	3/3	3		3				
Никопольское курганное поле	50/50	48	9	28	9		2	
Верхнетарасовка	19/21	13	3		10			
Владимировка	5/8	7	1	6				
Шолохово	6/6	3		2		1		
Марьянское I	9/9	3	3					
Марьянское II	8/8	3	2	1				
Группа Башмачки	8/8	7	3	1	3			
Меловое	6/6	1			1			
Капуловка	5/5	5		2	3			1
Орджоникидзе	4/4	4		3	1			
Волчанск	9/10	9	7		2			
Владимировка (Херсонская обл.)	12/15	11	7	2	2			
Одиночные курганы	49/52	31	10	14	7			
Всего	272/295	206	66	86	49	2	2	1
%		100	32,0	41,7	23,8	1,0	1,5	

Мясная пища. Исходя из устойчивой историографической традиции, представляющей скифов классическими номадами и, следовательно, умелыми скотоводами, можно не сомневаться в том, что в их рационе заметную роль играла мясная пища. Прямым доказательством тому являются костные остатки животных, найденные в 272 (44%) из 618 изученных нами рядовых скифских погребений. Основные виды животных, определяемые по костным остаткам, следующие: лошадь — 41,7%, овца — 32, крупный рогатый скот — 23,8, птица — 1% (табл. 1). Кроме того, зафиксированы единичные находки костей диких животных и рыб.

В отличие от рассмотренных погребений рядовых общинников в напутственной пище из богатых погребений (Мелитопольский курган, Гайманова Могила, Александрополь, Краснокутский курган, Малая Цимбалка, Толстая Могила) отсутствует мясо крупного рогатого скота. Только в Солохе и Раскопанной Могиле зафиксированы кости быка [27, 28].

Об пном составе стада, следовательно, и мясных продуктов свидетельствует анализ костных остатков с Каменского городища, в материалах которого количество костей крупного рогатого скота на 8% превышает число костей лошади. Костей мелкого рогатого скота здесь оказалось не более 6,5% [29, с. 144]. Сходная картина состава стада выявляется по материалам некоторых могильников, тяготеющих к пойменной части Поднепровья, где имелись благоприятные условия для земледелия и оседлости.

Найденные кости животных в большинстве случаев относятся к лопаточно-спинным и грудным отрубам туш. Напутственная пища располагалась в основном в головах погребенных (157 из 295 случаев), у входа в погребальную камеру (20 случаев), изредка в области таза, у рук, ног.

Экстерьер животных, позволяющий представить тип конституции и направление продуктивности, а следовательно, и качество мясных продуктов, может быть определен по иконографическим источникам, в част-

ности по изображениям на пекторали из Толстой Могилы [27, с. 91, рис. 73—75], пластине и малому ритону из Гайматовой Могилы [30, табл. 33, 34]. По зоологической классификации [31, с. 12], изображенные на них овцы относятся к группе длиннотощехвостых с длинными сухими утонченными головами; у барана на ритоне на Гайматовой Могилы хорошо развиты рога, матки комолые. Шеи животных средней длины, грудные клетки широкие, холки находятся на одной линии со спинами, спины и поясницы ровные, конечности крепкие, хорошо развитые. Руно овец улучшенного качества и приближается к руну овец с полутонкой однородной шерстью. Оброслость глаз и брюха животных слабая. В соответствии с современной хозяйственной классификацией [31, с. 128], овцы степных скифов ближе всего к цигайской шерстно-мясной породе полутонкорунной группы овец [2].

Среди изображений других сельскохозяйственных животных, имеющих для скифов первостепенное значение, на верхнем ярусе пекторали из Толстой Могилы помещены скульптурные фигурки двух коров с телятами [27, с. 90, рис. 71, 72]. Коровы имеют развитые стати (спину, крестец, окорока), широкую голову с короткой шеей и развитым подгрудком, низкую холку с развитыми мышцами, т. е. обладают совокупностью признаков, характерных для мясорабочего направления продуктивности [32, с. 58—61, 198, 202]. Отсутствие вымени у коров с телятами также убедительно свидетельствует о немолочном направлении продуктивности [3].

На верхнем ярусе пекторали [27, с. 90, рис. 71, 72] изображены две лошади с жеребятами в возрасте до одного месяца. По мнению специалистов, они относятся к животным сухой конституции и известны в специальной литературе как «скифские» лошади [4]. Мясо молодой кобылицы высоко ценилось кочевниками [33, с. 87].

Таким образом, мясной скот у скифов состоял из лошадей, мелкого и крупного рогатого скота, причем их породы уже сильно отличались от соответствующих диких предков.

Приготовление мясной пищи включает два основных приема тепловой обработки — варку и жарку.

Большинство кочевых народов употребляли мясо в вареном виде [2, с. 70; 34, с. 79; 35, с. 144, 150; 36, с. 306; 37, с. 205; 38, с. 203]. Варка мяса степными скифами при совершении жертвенного обряда описана Геродотом: «Как только они сдерут шкуру с жертвенного животного, они очищают кости от мяса и затем кладут мясо в котлы (если они у них окажутся) местной выделки, похожие более всего на лесбосские кратеры, разве только бóльших размеров. Бросая в них мясо, варят его, поджигая снизу кости жертвенных животных» [39, с. 121].

Баранья туша могла вариться целиком (отрубалась только голова), но если судить по находкам из погребений, предпочитаемыми были лопаточный и спинной отрубы. Все мясо отваривалось, по-видимому, без соли [2, с. 64; 37, с. 201].

Для варки мяса у степных скифов предназначалась посуда двух видов — котлы (рис. 2, *9*, *10*) и горшки больших размеров (рис. 2, *5*, *6*). Если упоминаемые Геродотом котлы изучены достаточно полно [40] и их функциональное назначение не вызывает сомнения, то интерпретация горшков больших размеров в качесте лишь тары для сыпучих продуктов является, по нашему мнению, ошибочной. Во-первых, широкое горло горшков ограничивает возможность их использования в качестве тары; во-вторых, копоть на внешней поверхности указывает на их кухонное

---

[2] При описании изображений овец автор исходил из консультации канд. с.-х. наук, доцента Украинской сельскохозяйственной академии Н. В. Штомпеля, которому, пользуясь случаем, выражает глубокую признательность.

[3] При интерпретации изображений коров неоценимую помощь автору оказал доцент Украинской сельскохозяйственной академии, канд. с.-х. наук В. И. Костенко, которому мы признательны.

[4] Определение зав. кафедрой скотоводства и коневодства УСХА, канд. с.-х. наук Б. М. Гоцки, которому автор глубоко благодарен.

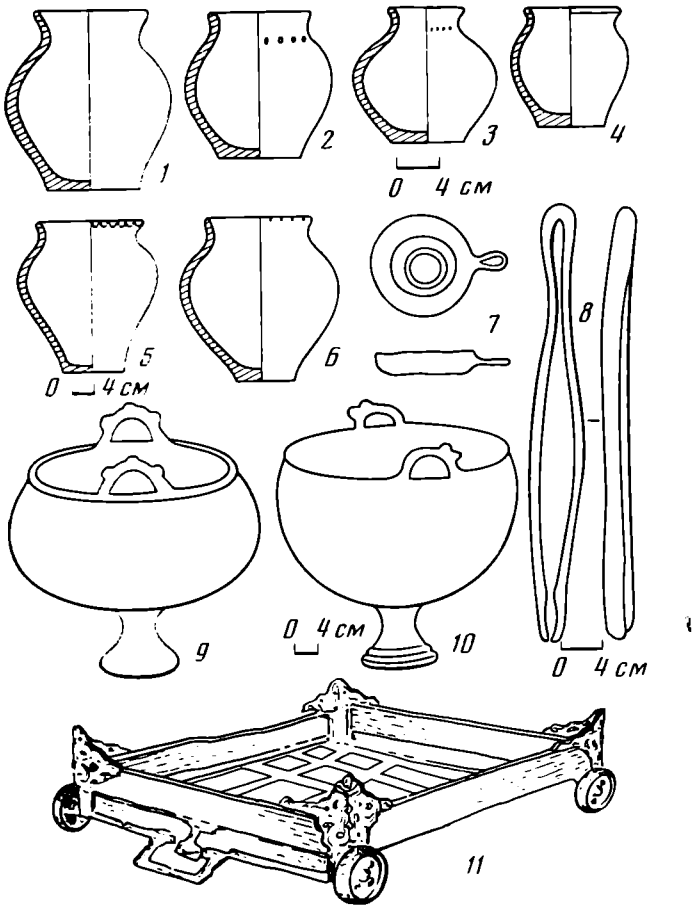


Рис. 2. Сосуды для приготовления пищи и кухонная утварь. *1* — Волчанск, кург. 8, погр. 2; *2* — Верхнетарасовка, кург. 48, погр. 2; *3* — Отрадное, кург. 24, погр. 1; *4* — Вильна Украина, кург. 1, погр. 17; *5* — Нижний Рогачик, погр. 7; *6* — Ильичево, кург. 8, погр. 1; *7* — Толстая Могила, хозяйственная ниша; *8* — Желтокаменка, центральная гробница; *9* — Чертомлык, юго-западная ниша; *10* — Орджоникидзе, гр. Страшной Могилы; *11* — Солоха; *1—6* — керамика; *7*, *9*, *10* — бронза; *8*, *11* — железо

использование; в-третьих, в трех случаях в таких горшках сохранились костные остатки овечьих туш. Наконец, большинство их найдено в остатках тризны.

При разделке мяса у скифов, как и у других кочевых народов [34, с. 78; 35, с. 146; 37, с. 205], соблюдались определенные правила. Так, в качестве напутственной пищи погребенному обычно клалась грудинка с отсеченным позвоночником или мясо передних конечностей. Свидетельством другого ритуального правила служат находки в костных остатках тризны голов животных, предназначенных, по-видимому, наиболее почетным участникам тризны. Возможно, погребенный выступал в качестве хозяина, а участники трпзны — в качестве гостей, среди которых были, несомненно, более почетные. Так делили, например, тушу монголы [37, с. 205], южные буряты [34, с. 79], осетины [41, с. 305].

Готовое мясо при помощи железных щипцов (рис. 2, *8*) или крючков выкладывалось на деревянные блюда. 52 погребения степной Скифии содержали находки такой посуды, представленной тремя типами: плоскими подносами (16 экз.), овальными блюдами с невысокими бортиками, состоявшими из двух-трех частей, скрепленных железными скобами (32 экз.) (рис. 3, *2*), и овальными корытцами (рис. 3, *1*) типа находки из Трехбратнего кургана (4 экз.). Ели мясо руками, измельчая на куски обычными для скифов ножами с горбатой спинкой: один-два ножа торчат в мясе напутственной пищи.

После вкушения мяса подавался в полусферических деревянных чашах бульон (рис. 3, *4*). Именно такую функцию выполняют полусферические деревянные чаши у киргизов [35, с. 149] и осетин [41, с. 143].

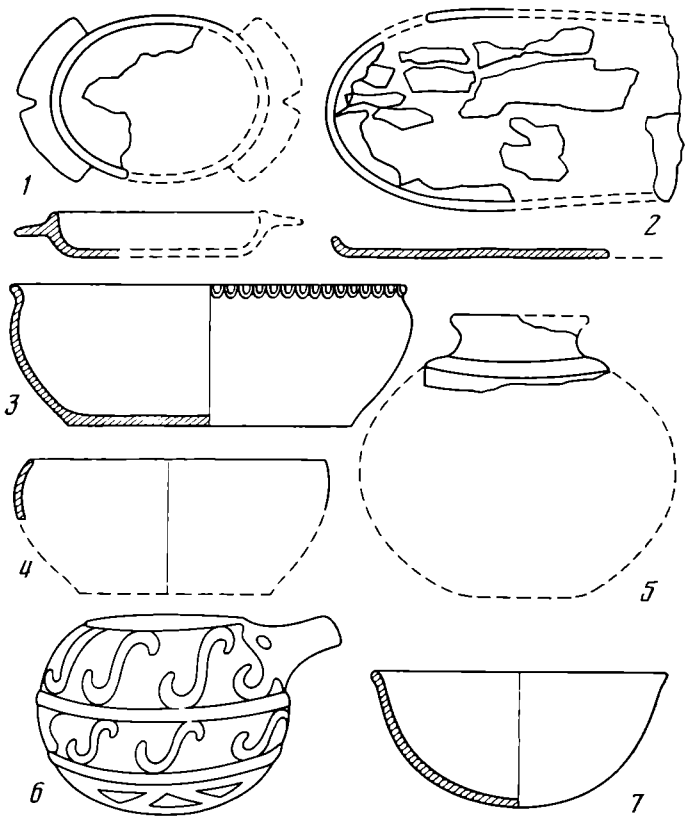


Рис. 3. Деревянные, кожаные и бронзовые столовые сосуды. *1* — Трехбратний курган; *2* — Нагорное, кург. 6; *3* — Широкое, гр. Острой Могилы, кург. *4*; 4 — Львово, кург. 11, погр. 2; *5* — Золотая Балка, кург. 8, погр. 7; *7* — Стрюковка, кург. 20, погр. 1; *1, 2, 4* — дерево; *3, 7* — бронза; *5, 6* — кожа (*5* — основа — металл)

Остатки таких чаш найдены в 12 погребениях исследованных нами скифских могильников. Широкий венчик способствует остужению напитка, облегчает мойку сосуда. Косвенным свидетельством использования таких сосудов для бульона являются находки в некоторых из них костей овец [18, с. 120]. Это не исключает использование чаш для молока: посуда в древности часто была полифункциональна. В группу описанных выше сосудов не включены деревянные чаши с золотыми обивками, свод которых содержится в ряде работ [43].

Помимо варки мяса в котлах или горшках использовался способ варки мяса в желудках жертвенных животных [39, с. 121], известный у некоторых этнографических народов [2, с. 65].

Находки в курганах приспособлений для жарки мяса единичны и характерны для богатых погребений (рис. 1, *4*; рис. 2, *11*). Кроме того, существуют примитивные, не требующие специальных приспособлений способы жарки мяса — в золе, на углях, на раскаленных камнях, в ямах и т. д.

Находки костей птиц и диких животных в погребениях единичны, т. е. охота не являлась регулярным источником мясных продуктов у степных скифов.

В рационе скифов, селившихся по берегам Днепра, присутствовала рыбная пища, о чем свидетельствуют находки костей и рыб (например [21, с. 124]). Об «изобилии превосходнейших рыб» в Борисфене пишет Геродот [39, с. 119]. Косвенным свидетельством распространения у скифов рыбных блюд могут быть предназначенные для украшения деревянных чаш золотые пластины с изображениями морской (например, из кург. 5 у с. Архангельская Слобода [44, с. 56, рис. 31, 32]) или речной (например, из Солохи [45, с. 124, 130]) рыбы. Золотые наносники в виде распластанных рыб из Солохи, бронзовые нащечники из кург. 2 у с. Ма-

Таблица 2

Культурные растения, возделываемые в Северном Причерноморье

Культура	Лесостепные памятники [1, 50]	Каменское городище [29], курганы	Боспор [51—53]	Скифия по Геродоту [39]
Просо обычное	49	2		+
Просо итальянское	3		+	
Пшеница мягкая	2		–	Хлеб
Пшеница карликовая	2		–	
Пшеница двузернянка	1	3	+	
Ячмень пленчатый	12	8		
Ячмень голозерный	1	2		
Конопля	1	+		+
Лук				+
Чеснок				+
Чечевица			+	+
Всего	71	15		

Примечание. Арабские цифры обозначают количество отпечатков зерен.

лая Лепетиха [45, с. 160, 161] также могут характеризовать «ихтиофагию» скифов, селившихся по берегам рек.

У большинства кочевников [38, с. 192], по-видимому и у скифов, соблюдался сезонный ритм питания. Мясная пища преобладала скорее всего осенью, когда перед зимовкой забивались слабые и старые животные, и зимой, когда мясо могло долго храниться.

Следует обратить внимание на проявление социальных особенностей в питании скифов. Так, о преобладании в рационе знатных скифов мясной пищи и пренебрежении ими растительной могут свидетельствовать некоторые данные антропологии, в частности патологические экостазы на костях[5] (скелет 1 из центральной гробницы кургана Желтокаменка [46, с. 228]). В погребениях рядовых общинников кости животных встречаются уже не повсеместно, а в каждом втором погребении. Представителям беднейших слоев населения в голодные годы приходилось довольствоваться даже мясом павших лошадей [47, с. 310].

Растительная пища и группа вкусовых продуктов. Значение растительной пищи по сравнению с мясной для кочевников не так очевидно. Однако в рационе кочевника доля зерновых продуктов занимает все же заметное место. Основной утренней едой большинства кочевников является похлебка или каша из толченого зерна [35, с. 140; 36, с. 308; 37, с. 207; 40, с. 223; 48, с. 105; 49]. По-видимому, скифы и в этом случае не сильно отличались от известного по этнографическим данным собирательного образа кочевников.

Сезонный характер поступления мясной пищи также обязывал к поискам немясной, основанной на зерне пище, источником которой мог быть обмен с оседлым земледельческим населением. Археологические данные, в частности отпечатки зерна на лепных сосудах, позволяют сопоставить видовой состав зерновых культур, известных обитателям степной Скифии (Каменское городище [29, с. 141—143], отпечатки злаков на лепной посуде[6]), лесостепных Трахтемировского [50], Восточного Бельского и других городищ [1], Боспора [51—53], а также культур, упоминаемых Геродотом. В IV в. до н. э. степным скифам были известны просо обычное, пшеница двузернянка, ячмень пленчатый и ячмень голозерный. Вероятным районом выращивания этих культур было Нижнее Поднепровье. Отпечатки зерен (24 зерновки и 1 колосок пшеницы двузернянки) заме-

[5] Любезная консультация д-ра биолог. наук Е. И. Даниловой.

[6] Определение злаков по отпечаткам на лепных сосудах из погребений степной Скифии произведено канд. биол. наук Г. А. Пашкевич, которой автор выражает глубокую признательность.

чены на лепной керамике только трех из известных на сегодняшний день скифских памятников IV в. до н. э.— Каменского городища, Кутянского могильника, поселения Лысая Гора (табл. 2).

Подсушенное на солнце или в котле зерно растирали на зернотерках, встречающихся в основном в насыпях курганов (20 экз.). Функцию зернотерок могли выполнять также каменные блюда из группы «блюд для растирания красок» [54, с. 155] — многие из них найдены в материалах тризны или в хозяйственных нишах (ниша 2 в кург. 9 у с. Нововасильевка [55]).

Толченое зерно варилось в небольшом количестве молока или воды. Основной посудой для приготовления такого блюда были, по всей видимости, широко распространенные в степи горшки трех типов (рис. 2, *1—4*) [56, с. 28 сл.].

Вопрос об употреблении степными скифами хлеба остается открытым. Они, несомненно, знали о выпечке хлеба греками. Пшеница двузернянка, отпечатки которой встречаются на скифской лепной керамике, пригодна для выпечки хлеба. Но находки в насыпях курганов только зернотерок, при помощи которых трудно получить муку, и отсутствие применяемых для этой цели жерновов, а также сведения Геродота о том, что только часть скифов «сеет хлеб для собственного потребления и на продажу», позволяют высказать предположение, что хлеб и мучные продукты, которые к IV в. до н. э. прочно вошли в рацион лесостепного населения, у степных скифов были еще на стадии внедрения. Возможно, из части толченого зерна приготовлялся хлеб типа лепешек.

По археологическим данным можно установить небольшую группу вкусовых продуктов в рационе степных скифов.

С солью скиф-кочевник должен быть хорошо знаком, так как первое место среди минеральных кормов овец занимает поваренная соль [31, с. 188]. Геродот отмечал, что в устье Борисфена «сами собой отлагаются огромные запасы соли» [39, с. 119]. Сваренное мясо ели подсоленным.

Многие известные по этнографии кочевые народы при употреблении мясных блюд использовали приправы — дикий лук (сарану) и чеснок (черемшу) [2, с. 71; 38, с. 210; 37, с. 208]. По словам Геродота, дикий лук и чеснок были известны скифским племенам алазонов и каллипидов [39, с. 107]. О качествах понтийского лука писал Теофраст [47, с. 238]. К мясу или бульону мог использоваться известный скифам сельдерей [39, с. 125].

Источниками витаминов в пищевом рационе степных скифов также были упоминаемые Теофрастом скифский корень, дикие груши и яблоки [47, с. 238].

Постоянным поставщиком растительного оливкового масла в Скифию была материковая Греция [57, с. 40]. Скифы могли получать масло и из конопли, выращивание которой было возможно в степной Скифии [58, с. 123].

Естественным источником сахара у многих народов является мед. Аристотель, характеризуя свойства различных медов, говорит о меде из Понта [47, с. 325]. Мед упоминается Теофрастом в скифском рецепте средства от удушья [47, с. 238]. Косвенным свидетельством знакомства скифов с медом является использование ими литья с утерей восковой модели [29, с. 123]. Воск упоминается Геродотом при описании способа бальзамирования скифского царя [39, с. 125].

В небольшую группу вкусовых продуктов входит вино. Однако вследствие особого положения этого продукта в рационе степных скифов его целесообразно рассмотреть отдельно.

Молочная пища. Первым народом Причерноморских степей, о котором доподлинно известно, что он употреблял молоко, были киммерийцы. Они обладали искусством табунного коневодства, на базе которого возможно использование кобыльего молока как регулярного продукта питания. Греки, чья молочная пища основывалась на овечьем молоке, были настолько удивлены этим обстоятельством, что назвали киммерийцев гиппемолгами. Античные авторы ответственны за преувеличение роли

кобыльего молока в рационе кочевников. По удойности, пищевой ценности, количеству вторичных продуктов кобылье молоко значительно уступает овечьему, которое отличается калорийностью и повышенным содержанием жиров [59, с. 134, табл. 73]. Особое значение овечьего молока для скифов подтверждается тем, что на пекторали из Толстой Могилы представлены сцены доения овец породы с выраженными молочными свойствами. Это матки, близкие к современной цигайской породе, которые за удойный период (1,5—2 мес.) дают 30—60 кг молока [31, с. 88]. На изображении показан молдавский способ доения, широко распространенный сейчас.

Из овечьего молока изготовлялся сухой сыр типа бяслага или арула у монголов [37, с. 201], торака у каракалпаков [36, с. 488], курута у киргизов [35, с. 142]. Сухой сыр, хранившийся века, найден в Пазырыкских курганах [60, с. 203]. Археологическим подтверждением широкого распространения таких сыров у степных скифов являются находки необходимых для его приготовления сосудов — мисочек и горшков с отверстиями в днище [29, с. 75, табл. V, *8*].

Кобылье молоко также использовалось в пищу. Сведения о способах доения кобылиц есть у Геродота [39, с. 99]. Подобный способ дойки использовался алтайцами еще в начале XX в. [61, с. 45, рис. 1].

Хотя кобылье молоко по ряду пищевых качеств уступает другим видам молока, но оно незаменимо при приготовлении весьма ценимого кочевниками продукта — кумыса. Именно в кобыльем молоке, богатом сахаром и бедном жирами [59, с. 134], за счет специфической микрофлоры с особой легкостью протекают процессы смешанного молочнокислого и спиртового брожения, в результате которых получается напиток, обладающий высокой калорийностью, повышенным содержанием витаминов, высокими вкусовыми качествами.

Считают, что кумысный грибок зародился в кожаном сосуде и путем многолетнего отбора была получена закваска необходимого качества [62, с. 491]. О способах приготовления подобного напитка скифами пишет Геродот [39, с. 99]. Процесс его приготовления достаточно трудоемкий: для получения порции кумыса необходимо по меньшей мере 40 тыс. ударов. Астраханские калмыки взбивали смесь для кумыса 3 раза в день в течение часа и делали при этом 3 тыс. ударов [38, с. 197]. Этим делом у скифов занимались зависимые члены общества — «слепые», по Геродоту. Из остатков осевшего после сбивания молока производился сухой кобылий сыр — иппака.

Деревянная и кожаная утварь для молока в погребениях сохраняется плохо. В качестве сосудов, в которые сливалось молоко, могли выступать деревянные бочки (Малая Цимбалка [63, с. 16]), для дойки использовались лепные глиняные горшки. Кроме деревянных чаш для питья молока могли использовать и бронзовые чаши (10 экз.) (рис. 3, *4, 7*). Фрагменты кожаных сосудов найдены в семи погребениях степной Скифии. Уникальна находка в погр. 7 кург. 8 Золотобалковского могильника (раскопки С. В. Полина) кожаного сосуда в виде кубка (рис. 3, *5*), который мог использоваться для хранения закваски кумыса. По находкам из Чертомлыка и Гайдамановой Могилы (рис. 1, *5*; рис. 3, *6*) можно судить о кожаных сосудах на металлическом каркасе (на сосуде из Гайдамановой Могилы найдены обрывки кожи) [42, с. 49]. О важном аспекте молочного питания свидетельствуют находки лепных подражаний гуттусам (5 экз.), посредством которых молоком вскармливали детей годовалого возраста.

В заключение раздела о молочной пище отметим, что молочное направление животноводства находилось на начальной стадии развития и уступало мясному. Широкое использование молока для питания человека стало реальным в более позднее время, после улучшения пород крупного рогатого скота, у которого оказалось возможным развить способность давать молоко в количествах, намного превышающих потребности для вскармливания молодняка. Но у той части населения степной Скифии, которая занималась овцеводством, молочная пища была одним из основных видов питания.

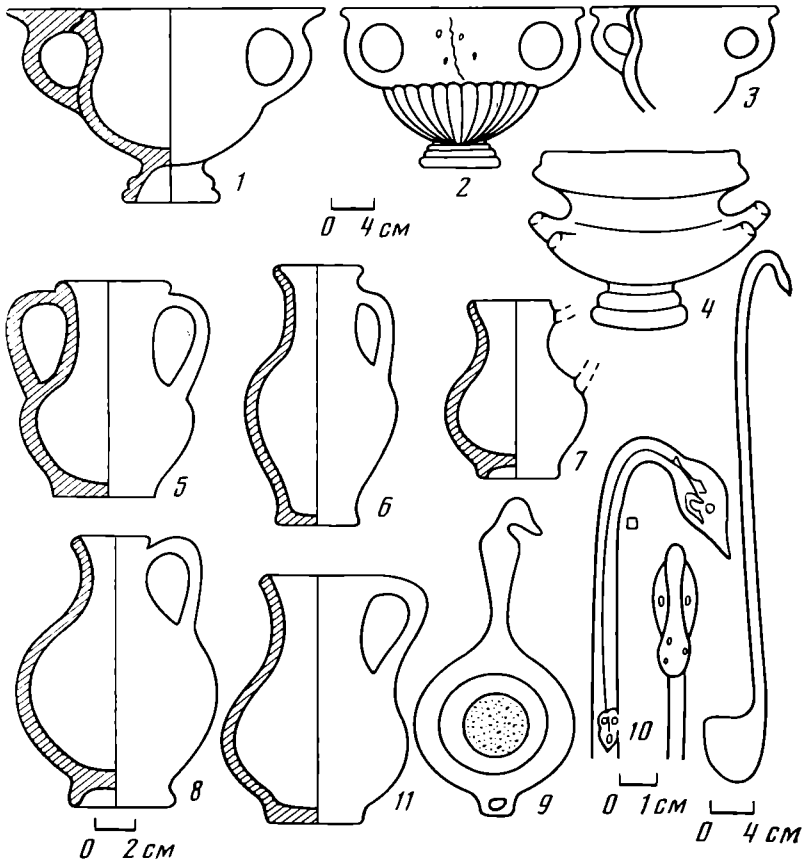


Рис. 4. Сосуды для вина. *1* — Широкое II, кург. 26, погр. 1; *2* — Кут, кург. 22, погр. 9; *3* — Шолохово, кург. 14, погр. 1; *4* — Капуловка, кург. 1, погр. 1; *5, 11* — Широкое II, кург. 5, погр. 2; *6* — Широкое III, кург. 35, погр. 1; *7* — Львово, кург. 18, погр. 1; *8* — Львово, кург. 18, погр. 2; *9* — Солоха; *10* — Орджоникидзе, Сторожевая Могила

Вино. Особенно широкое и быстрое распространение получило у скифов вино греческого производства, чему благоприятствовало раннее знакомство скифов с алкогольными напитками (типа кумыса) и широкие возможности для греческого импорта. Постепенно утвердились и некоторые эллинские обычаи употребления вина, что выразилось в проникновении в степную Скифию греческой чернолаковой керамики, вытеснившей местную лощеную.

Во второй половине VI—V вв. до н. э. в Скифии было известно в основном хиосское вино. В V—III вв. до н. э. его вытеснили фасосское, синопское и гераклейское вина [64, с. 88—105]. Ольвия при этом играла роль транзитного центра [65, с. 129—137]. Принадлежность к тому или иному центру производства вина уверенно устанавливается по амфорам, которые в целом или фрагментированном виде находятся почти в каждом скифском погребении. Гораздо реже и только в богатых скифских погребениях встречаются приспособления для разлива вина — железные и бронзовые черпаки-кнафы (7 экз.) (рис. 4, *10*) и бронзовые ситечки (рис. 1, *4*; рис. 4, *9*). Характер этих находок свидетельствует о том, что вино, по крайней мере в среде знатных скифов, постепенно приобретает бытовой статут.

Со второй половины IV в. до н. э. в степных скифских погребениях появляется серо- и красноглиняная керамика — одноручные и двуручные кувшины (рис. 4, *5—8*). Но основную массу посуды для вина составляет чернолаковая керамика, представленная в основном киликами и канфарами. Наличие тщательно разработанной хронологии их производства в Аттике позволяет воссоздать картину последовательного появления и исчезновения таких сосудов и тем самым уточнить датировку отдельных скифских погребений.

Таблица 3

Уточненная датировка курганов степной Скифии (по чернолаковой керамике)

Датировка, гг. до н. э.	Памятник	Основание для датировки, по [67]
325–300	Кут, кург. 22, погр. 9; Львово, кург. 11, погр. 7; группа Острая Могила, кург. 4, погр. 1	Канфары с каннелированным корпусом, № 704
350–325	Группа Лисьих Могил, кург. 1, погр. 1; группа Солохи, кург. 11, погр. 1; Гайманово поле, кург. 43, погр. 1; Верхнетарасовка, кург. 33, погр. 1; Широкое III, кург. 26, погр. 1, кург. 69, погр. 1; Никополь II, кург. 8, погр. 1, кург. 4, погр. 12; Владимировка, кург. 12, погр. 2 и др.	Канфары с валикообразно отогнутым венчиком, № 700, 701, 708
	Никополь II, кург. 21, погр. 3; Носаки, кург. 4, погр. 3; Шолохово, кург. 14, погр. 1	Канфары с воронковидным горлом, № 699, 703
	Привольное, кург. 10, погр. 3, кург. 16, погр. 2; Кут, кург. 7, погр. 9, кург. 7, погр. 3; Владимировка, кург. 4, погр. 1; Капуловка, кург. 11, погр. 1, кург. 13, погр. 1 и др.	Канфаровидные килики, № 652, 661, 663
375–350	Чернянка, кург. 8, погр. 2; Верхнетарасовка, кург. 14, погр. 2	Канфары с пальметками
400–375	Богдановка, кург. 3, погр. 1; Львово, кург. 18, погр. 1; Красный Перекоп, кург. 23, погр. 1; группа Солохи, кург. 15, погр. 3; Привольное, кург. 10, погр. 2 и др.	Килики, № 517, 603, 611, 617, 621, 674
Конец V в.	Златополь, кург. 16, погр. 3 и 4	Килик с пальметкой, № 611

Килики найдены в восьми из изученных нами погребений. Это преимущественно глубокие сосуды на низкой ножке с валикообразно отогнутым венчиком, датируемые не позже середины IV в. до н. э. Подобные сосуды найдены в Елизаветовском могильнике [66, с. 128, № 171, табл. 14]. Все килики — аттического производства и имеют аналоги в материалах Афинской агоры [67, с. 278, 279, табл. 55, № 611, 617, 621]. Таким образом, шесть из известных нам погребений степной зоны Северного Причерноморья с уверенностью можно датировать не ранее первой половины IV в. до н. э. Анализ же орнаментации киликов (различные варианты штампованных пальметок) позволяет уточнить датировку ряда погребений с точностью до четверти века (табл. 3).

В степных скифских погребениях найдено 12 канфаровидных киликов (рис. 4, *4*). Это приземистые сосуды с валикообразно отогнутым венчиком и невысокой ножкой. Подобные сосуды известны также в материалах могильника у с. Николаевка [68, с. 161, рис. 44, *4*]. Все они аттического производства и датируются не ранее третьей четверти IV в. до н. э. [67, с. 283, табл. 28, № 652, 661, 663] (табл. 3).

Во второй четверти IV в. до н. э. в степи появляются первые чернолаковые канфары аттического производства, украшенные штампованным орнаментом в виде пальметок (Верхнетарасовка, кург. 14, погр. 2; Чернянка, кург. 8, погр. 2), также имеющие аналогии в материалах Афинской агоры [67, с. 283; кат. № 659; с. 285, кат. № 696].

Основная же масса канфаров (16 экз.), найденных в степных погребениях, датируется третьей четвертью IV в. до н. э. В основном это глубокие сосуды на невысокой профилированной ножке с валикообразно отогнутым венчиком (рис. 4, *1*) (13 экз.), также имеющие аналогии в материалах агоры [67, с. 286, табл. 29, кат. № 700, 701, 708; 69, с. 257,

кат. № 26, 300]. В то же время в скифских погребениях Северного Причерноморья встречаются канфары с воронковидным горлом (рис. 4, *3*) (3 экз.) — аналогии см. [67, с. 286, табл. 29, кат. № 699, 703]. Находки канфаровидных килнков и канфаров позволили уточнить датировку 28 погребений степной зоны Северного Причерноморья (табл. 3).

В последней четверти IV в. до н. э. в степных скифских погребениях появляются чернолаковые аттические канфары с каннелированным корпусом (рис. 4, *2*). Найдено три таких сосуда, имеющих аналогии в материалах Афинской агоры [67, с. 287, табл. 29, кат. № 704] (табл. 3). Таким образом, первыми чернолаковыми сосудами для вина, появившимися в степной части Северного Причерноморья в массовом количестве в конце V — начале IV в. до н. э., оказались килики. Со второй четверти IV в. до н. э. на смену им приходят чернолаковые канфары (табл. 3). Кроме чернолаковых сосудов скифская знать использовала для вина серебряные кубки, чаши, ритоны, деревянные чаши с золотыми обивками.

Итак, удается выделить и проследить употребление трех видов продуктов у скифов — мясных, растительных и молочных. Скифская система питания складывалась под влиянием ряда факторов (биогеографических, этнических, экономических и т. д.), среди которых особое место занимают контакты с греками-колонистами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шрамко Б. А., Янушевич З. В.* Культурные растения Скифии.— СА, 1985, № 2.
2. *Жуковская Н. Л.* Пища кочевников Центральной Азии.— СЭ, 1979, № 5.
3. *Brothwell D., Brothwell P.* Food in Antiquity. Wash., 1969.
4. *Tannahil R.* Food in history. L., 1975.
5. *Черненко Е. В., Бунятян Е. П.* Курганная группа Широкое II.— В кн.: Курганы Южной Херсонщины. Киев: Наук. думка, 1977.
6. *Ольговский С. Я., Полин С. В.* Курганная группа «Острая Могила».— В кн.: Курганы Южной Херсонщины. Киев: Наук. думка, 1977.
7. *Бунятян Е. П.* Курганная группа Шевченко III.— В кн.: Курганы Южной Херсонщины. Киев: Наук. думка, 1977.
8. *Черненко Е. В., Симоненко А. В.* Курганная группа Широкое III.— В кн.: Курганы Южной Херсонщины. Киев: Наук. думка, 1977.
9. *Бидзиля В. И., Болтрик Ю. В., Мозолевский Б. Н., Савовский И. П.* Курганный могильник в ур. Носаки.— В кн.: Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. Киев: Наук. думка, 1977.
10. *Березовець Д. Т.* Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу біля с. Кут.— АП, 1960, т. 9.
11. *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н.* Скифский курганный могильник Гайманово поле.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977.
12. *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы Никопольщины.— В кн.: Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
13. *Граков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле.— МИА, 1962, № 115.
14. *Кубышев А. И., Ядвичук В. И.* Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции.— Архив ИА АН УССР, 1975/5.
15. *Лесков А. М., Кубышев А. И., Болдин Я. И.* Отчет о работе Каховской экспедиции в 1970 г.— Архив ИА АН УССР, 1970/36.
16. *Лесков А. М., Черненко С. В., Болтрик Ю. В.* Отчет о раскопках Каховской экспедиции в 1968 г.— Архив ИА АН УССР, 1968/15.
17. *Кубышев А. И., Николова А. В., Полин С. В.* Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине.— В кн.: Древности степей Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
18. *Бунятян Е. П., Чередниченко Н. Н., Мурзин В. Ю.* Скифский могильник у с. Верхнетарасовка.— В кн.: Курганы юга Днепропетровщины. Киев: Наук. думка, 1977.
19. *Чередниченко Н. Н., Болдин Я. И.* Скифские курганы у с. Владимировка.— В кн.: Курганы юга Днепропетровщины. Киев: Наук. думка, 1977.
20. *Битковский О. В., Полин С. В.* Скифский курган у с. Богдановка.— В кн.: Исследования по археологии Скифии. Киев: Наук. думка, 1985.
21. *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы Никопольщины.— В кн.: Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
22. *Кубышев А. И., Полин С. В., Николова А. В. и др.* Отчет Херсонской археологической экспедиции.— Архив ИА АН УССР, 1976/11.
23. *Гребенников Ю. С.* Скифский курганный могильник у с. Отрадное.— В кн.: Археологические памятники Поингулья. Киев: Наук. думка, 1980.
24. *Мозолевский В. Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.

25. *Мозолевский Б. Н.* Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе.— В кн.: Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
26. *Граков Б. Н.* Отчет Скифской степной экспедиции МГУ.— Архив ИА АН УССР. 1962/44.
27. *Мозолевский Б. М.* Товста Могила. Київ: Наук. думка, 1979.
28. *Мозолевский Б. Н.* Скифский царский курган Желтокаменка.— В кн.: Древности степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
29. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— МИА, 1954, № 36.
30. *Бондарь И. В.* Древнее золото. М.: Искусство, 1975.
31. *Литовченко Г. Р., Воробьев П. А.* Овцеводство. М.: Колос, 1974.
32. *Красота В. Ф., Лобанов В. Г., Джапаридзе Т. Г.* Разведение сельскохозяйственных животных. М.: Колос, 1983.
33. *Фиельструп Ф.* Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казакстана.— В кн.: Казаки. Антропологические очерки. Л.: Изд-во АН СССР, 1927.
34. *Тугутов И. Е.* Пища южных бурят.— СЭ, 1957, № 3.
35. *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этнические и культурно-исторические связи. Л.: Наука, 1977.
36. Народы мира. Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
37. *Вяткина К. В.* Монголы Монгольской Народной Республики.— Тр. ИЭ, новая сер., 1960, т. 60.
38. *Житецкий И. А.* Астраханские калмыки. Астрахань, 1892.
39. *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шипова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982.
40. *Шрамко Б. А.* Археология раннего железного века Восточной Европы. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1983.
41. *Магометов А. Х.* Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1968.
42. *Бідзіля В. І.* Дослідження Гайманової могили.— Археологія, 1971, № 1.
43. *Маневич А. П.* Деревянные сосуды скифской эпохи.— АСГЭ, 1966, № 8.
44. *Лесков А. М.* Новые сокровища курганов Украины. Л.: Аврора, 1972.
45. *Тереножкин А. И., Ильинская В. А.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
46. *Круц С. И.* Палеоантропологические материалы из кургана Желтокаменка.— В кн.: Древности степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
47. *Латышев В. В.* Известия древних авторов о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1947, № 1.
48. *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы. М.: Изд-во вост. лит., 1961.
49. *Аристова Т. Ф.* Очерк культуры и быта курдских крестьян Ирана. Тр. ИЭ, новая сер., 1958, т. 39.
50. *Ковпаненко Г. Т., Янушевич З. В.* Отпечатки злаков на керамике из Трахтемировского городища.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
51. *Флаксберг К. А.* Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю.— КСИИМК, 1940, вып. 23.
52. *Никитин В. И.* Находки зерен в Керчи.— КСИИМК, 1948, вып. 23.
53. *Кирьянов А. В.* Материалы по земледелию из раскопок античных поселений Боспора.— КСИА, 1962, вып. 91.
54. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наук. думка, 1975.
55. *Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Балушкин А. Н.* Отчет о работе Ингульской экспедиции за 1975 г.— Архив ИА АН УССР, 1975/3.
56. *Гаврилюк Н. О.* Кераміка степових скіфських поховань.— Археологія, 1980, № 34.
57. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье.— М.: Наука, 1986.
58. Археологія Української РСР. Т. II. Київ: Наук. думка, 1971.
59. Справочник товароведа продовольственных товаров. Т. 2: М.: Экономика, 1981.
60. *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
61. *Потапов Л. П.* Пища алтайцев.— Сб. МАЭ, 1962, т. 14.
62. *Андрианов А. В.* Айран в жизни минусинского инородца.— В кн.: Сборник в честь Потанина. СПб., 1909.
63. ОАК за 1868 г. СПб., 1870.
64. *Ельницкий Л. А.* Из истории древнегреческой виноторговли и керамического производства.— ВДИ, 1969, № 3.
65. *Брашинский И. Б.* Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья.— ВДИ, 1970, № 2.
66. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л.: Наука, 1980.
67. *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery.— In: The Athenian Agora. V. XII. New Jersey Princeton, 1970.
68. *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М.: Наука, 1975.
69. *Rotroff S. I.* Three Cistern Systems on the Kolonos Agoraios.— Hesperia, 1983, v. 52, № 3.

N. A. Gavrilyuk

THE DIET OF STEPPE SCYTHIANS

Summary

Six hundred and eighteen burials of thirty-four cemeteries were involved in the study, as well as the relevant materials from burials of the Scythian nobility. The author has identified the diet pattern which included meat and vegetable products and dairy produce with small cattle and, later, horned cattle being the main types of slaughter animals. Sheep milk was the basic source of dairy produce. Seed imprints found on clay vessels and some other evidence indicate that the economic and cultural entity existing in the steppe at that time was connected with landtilling. The author also describes some other foodstuffs, including wine imported from Greece.

Т. М. КУЗНЕЦОВА

ЗЕРКАЛА ИЗ СКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ VI—III ВВ. ДО Н. Э.
(классификация и хронологическое распределение)

Бронзовые зеркала, происходящие из скифских памятников, еще недостаточно изучены по сравнению с другими категориями археологических источников, поскольку исследовались, как правило, зеркала только определенных типов или районов Скифии [1, с. 85—91; 2, с. 5—25; 3, с. 34—36; 4, с. 151—154; 5, с. 2, 21, 22, 33, 34; 6, с. 51], а вся их совокупность пока не служила объектом специального изучения.

В данной статье в основном по опубликованным материалам проводится классификация зеркал (123 экз.), обнаруженных в скифских памятниках VI—III вв. до н. э. от Днестра до Дона. Случайные и депаспортизованные находки не учитывались, так как подобный материал не дает возможности восстановить дату и культурную принадлежность памятника, из которого он происходит.

В основу классификации положена конструкция зеркал [1], которая позволила разделить их на два класса: I — односоставные (диск и ручка представляют собой единое целое или ручки нет и не было); II — сложносоставные (диск и ручка соединяются различными способами или в конструкцию введены дополнительные детали: укрепляющие накладные пластины и т. п.). В классе сложносоставных зеркал выделяются группы по материалу, из которого изготовлены ручки. В зависимости от расположения ручки относительно диска зеркала каждого класса распределяются по отделам. Многообразие ручек послужило основанием для выделения формы ручки зеркала как типообразующего признака, по которому в каждом отделе выделяются типы. По наличию бортика у диска в каждом типе выделены виды, а по оформлению ручки — варианты (орнаментация ручек в отличие от диска [2] выявляется достаточно полно и учитывается поэтому как вариантный признак). Схема классификации зеркал из скифских памятников VI—III вв. до н. э. приведена на рис. 2.

I класс (односоставные зеркала). Включает три отдела: I отдел — зеркала с центральной ручкой; II отдел — зеркала с боковой ручкой; III отдел — зеркала, у которых ручки нет и не было (рис. 3).

I отдел. Выделяется два типа.

I тип — ручка-петелька (5 экз.— Герасимовка, кург. 2; Поповка, кург. 6; Журовка, кург. 407; Ростов-на-Дону, западный могильник,

[1] Для характеристи формы зеркал использованы следующие термины: «диск», «боковая ручка» (исходящая от края диска и расположенная в одной с ним плоскости; рис. 1, *1*), «центральная ручка» (исходящая из центра диска и расположенная перпендикулярно его плоскости; рис. 1, *2*). Диски различаются: «плоские», «выпукло-вогнутые», у некоторых выделяется «бортик». Боковые ручки имеют: «верх» (место соединения ручки с диском), «ствол» (часть ручки от фигурного украшения в месте соединения ее с диском до фигурного украшения на конце), «конец». Для плоских ручек выделяются «стороны» и ограничивающий их «край». У центральных ручек различаются «ручки-петельки» и «ручки, состоящие из двух столбиков, перекрытых „бляшкой" той или иной формы».

[2] Наличие нереставрированных зеркал и экземпляров плохой сохранности не позволяет выявить орнамент, нанесенный на диск, в силу чего те виды орнамента, которые удалось проследить (точечный, пуансонный, циркульный и т. п. по краю диска; розетки и пальметы в месте соединения диска и ручки), приведены в описании, но при классификации не учитываются. Указанные причины не позволяют проследить для всех экземпляров сочетания орнаментов, формы ручки и орнамента диска и т. п., выявление которых позволило бы в дальнейшем оперировать бо́льшим количеством материала.

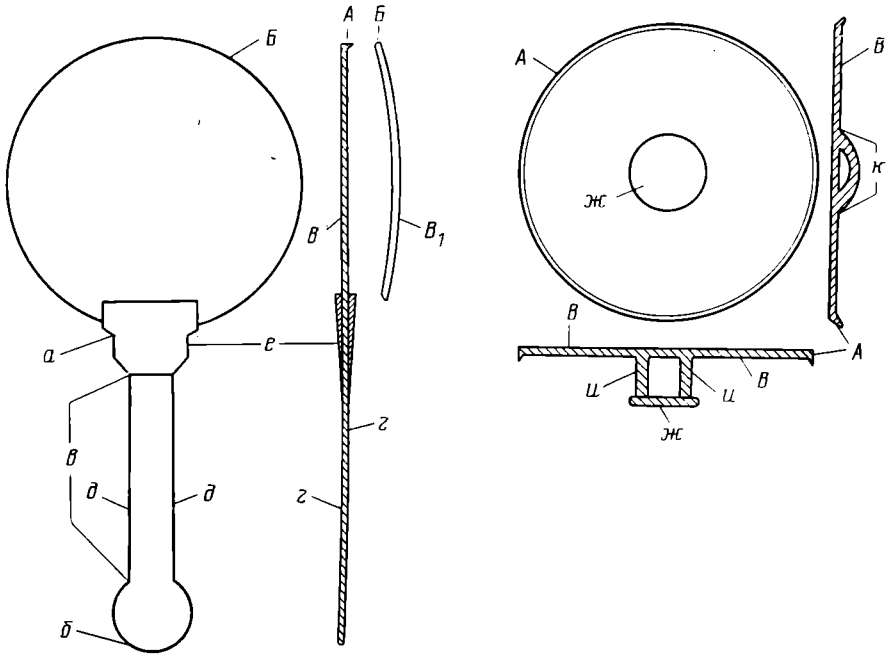


Рис. 1. Конструкция зеркал. Схема. *А* — диск с бортиком; *Б* — диск без бортика; *В* — диск плоский; $В_1$ — диск выпукло-вогнутый. *а* — верх ручки; *б* — конец ручки; *в* — ствол ручки; *г* — сторона ручки (или ствола); *д* — край ручки (или ствола); *е* — накладка; *ж* — бляшка; *и* — столбики; *к* — ручка-петелька

кург. 5, погр. 1; Листопадово, кург. 2, погр. 1 [4, с. 53; 7, с. 169; 8, с. 154; 9, с. 154; 10, с. 54—56; 11, с. 65, 67]).

II тип — ручка, состоящая из двух столбиков, перекрытых бляшкой (4 экз.). По оформлению бляшки зеркала распределяются на три варианта: 1-й вариант — бляшка-кружок с изображением стоящего животного (1 экз.— Бобрица, кург. 35 [1, с. 86]); 2-й вариант — бляшка-кружок без (?) орнамента (1 экз.— курган Репяховатая Могила, гробница 1 [12, с. 35, 39]; 3-й вариант — бляшка имеет вид лежащего животного (2 экз.— Аксютинцы, кург.; Герасимовка, кург. 1 [4, с. 151, 152]).

Зеркала I отдела I класса имеют круглый плоский диск с бортиком. Ручка и бортик расположены на одной стороне. На одном из зеркал I типа (Герасимовка, кург. 2) над ручкой изображена головка хищной птицы. Все зеркала I отдела обнаружены в памятниках VI в. до н. э.

II отдел. Выделяется пять типов.

I тип — ручка плоская, прямая, без орнамента (2 экз.— Стайкин Верх, кург. 8; Аксютинцы, кург. 1 [4, с. 30, 35]). Диск круглый, плоский, без бортика.

II тип — ручка в виде понийской колонны (1 экз.— Журовка, кург. 404 [13, с. 24]). Диск круглый, плоский, без бортика.

III тип — ручка плоская. Верх ручки имеет вид трапеции, ствол прямой, конец расширен (1 экз.— курган Репяховатая Могила, гробница 2 [12, с. 48]). Диск круглый, плоский, с бортиком.

IV тип — ручка плоская с выступами в месте перехода к диску; ствол сужается к концу, оформленному в виде кружка (2 экз.). По оформлению ручки выделяется два варианта. 1-й вариант — ручка украшена рельефными изображениями: розетки — на выступах у диска; обнаженная женская фигура — на стволе; «сфинкс» — на конце; валик — по краям ручки (1 экз. — Волковцы, кург. 4, погр. 4 [4, с. 52, 152—154]). 2-й вариант — ручка украшена рельефными изображениями: розетки — на выступах у диска; «горгонейон» — на конце; валик — по краям ручки (1 экз.— Стайкин Верх, кург. 3 [5, с. 63]). Зеркала IV типа имеют круглый плоский диск без бортика, орнаментированный по краю изображением витой веревочки.

V тип — ручка плоская, ствол прямой или слегка сужающийся, конец оформлен в виде кружка. Выделяется два вида.

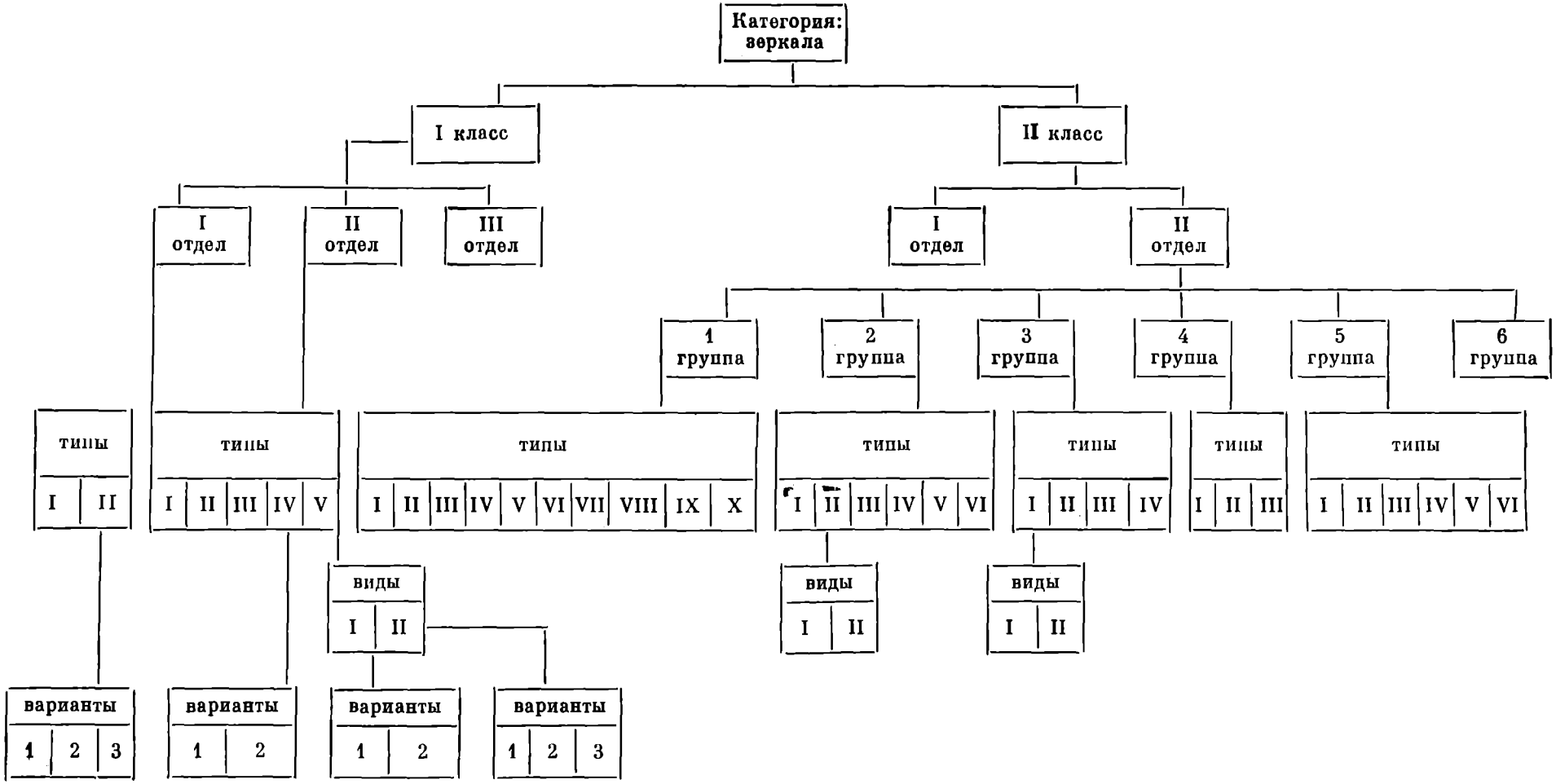


Рис. 2. Классификация зеркал из скифских памятников VI—III вв. до н. э.

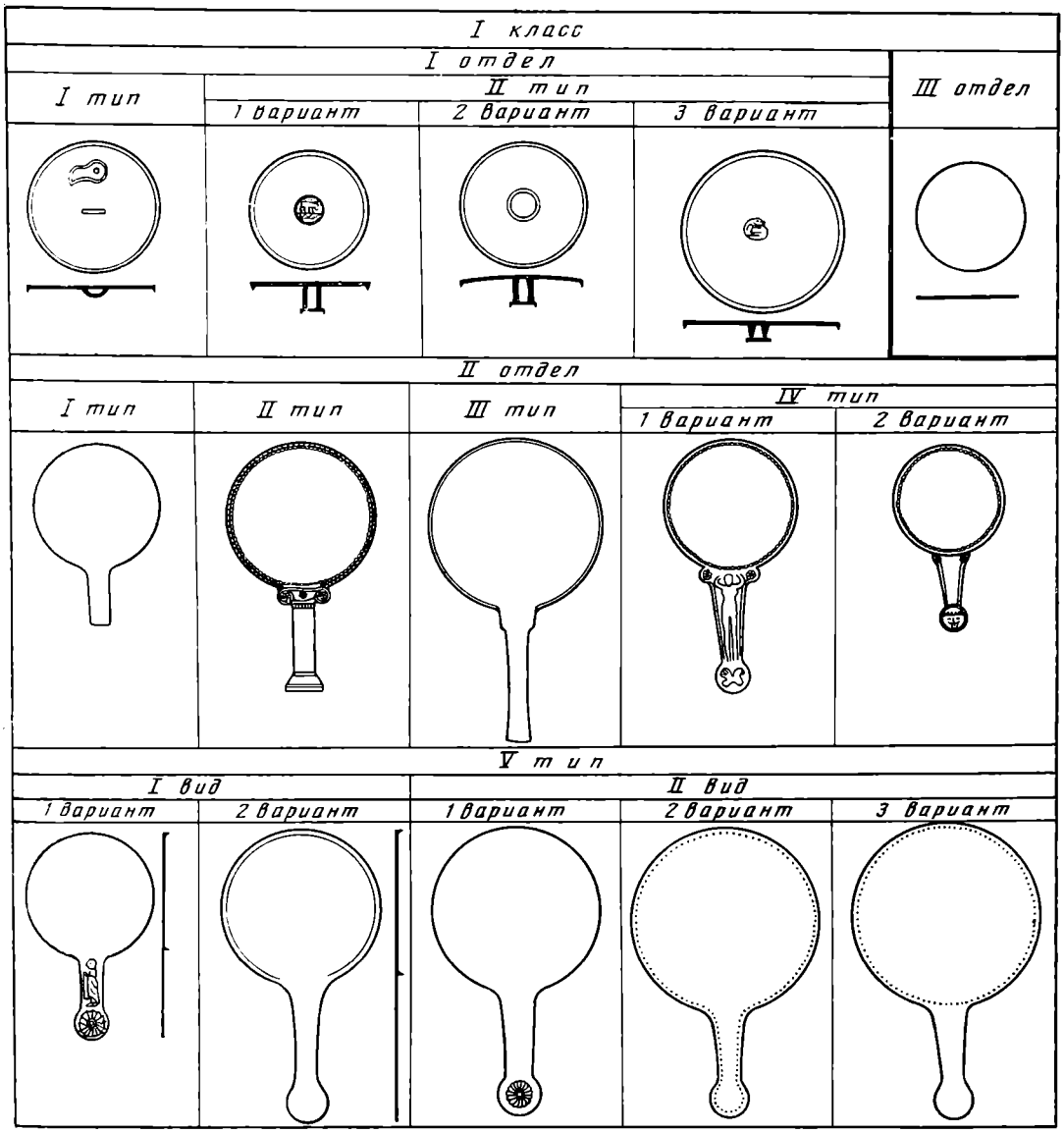


Рис. 3. Односоставные зеркала (I класс)

I вид — диск с бортиком (4 экз.). Имеется два варианта: 1-й вариант — ствол украшен гравированным изображением одетой женской фигуры, конец — многолепестковой розеткой (1 экз.— Аджигол, кург. J [3, с. 35]; 2-й вариант — ручка без орнамента (3 экз.— Аксютинцы, кург. 1; Балабаны, кург. 6, погр. 1; Русская Тростянка, кург. 18 [4, с. 35; 14, с. 119, 120; 15, с. 105]). Диск круглый, плоский.

II вид — диск без бортика (13 экз.). Имеется три варианта: 1-й вариант — ствол без орнамента, конец украшен многолепестковой розеткой (1 экз.— Колонтаевка, кург. 232 [3, с. 35]); 2-й вариант — ствол и конец имеют по краю точечный орнамент (1 экз.— Пастырское, кург. 447, погр. 2 [16, с. 29]); 3-й вариант — ручка без орнамента (11 экз.— Волковцы, кург. 4, погр. 3; Николаевка, погр. 15 и 23; Будки; Дарьевка; Холодный Яр, кург. 20, южное и центральное погребения; группа Сторожевой Могилы, кург. 3, погр. 3; Броварки, кург. 505; Новоселки, кург. 12; Аджигол, кург. R [3, с. 35; 4, с. 39, 42, 52; 6, с. 67; 9, с. 237; 17, с. 247; 18, с. 80, 81; 19, с. 67; 20, с. 23]).

Диск (II вид) круглый, плоский, украшенный точечным орнаментом по краю или неорнаментированный.

Зеркала I класса II отдела I типа обнаружены в памятниках конца VI и начала V в. до н. э.; II и IV типов — в комплексах V в. до н. э.; III типа — в погребении VI в. до н. э.; V типа — конца VI в., V, V—IV, IV—III вв. до н. э.

III отдел. Зеркала, не имевшие ручек (7 экз.— Петуховка, кург. 3S; Верхнетарасовка, кург. 31, погр. 1; Астанино, кург. 21; Буторы, кург. 8, погр. 2; Белозерка, кург. 7; Лупарево, кург. 8, погр. 1; Баратовка, кург. 3, погр. 2[3] [20, с. 74; 21, с. 76; 22, с. 174; 23, с. 86]. Диск круглый, плоский, без бортика. Все зеркала этого отдела происходят из памятников IV—III вв. до н. э.

II класс (сложносоставные зеркала). Включает два отдела: 1 отдел — зеркала, имевшие две ручки (центральную и боковую); II отдел — зеркала с боковой ручкой (рис. 4). Во II отделе выделяются группы 1—5 по материалу, из которого изготовлены ручки, и группа 6, объединяющая зеркала с утраченными ручками (выделена условно).

I отдел. Зеркала с двумя ручками (2 экз.— Ленковцы, погребальное место; кург. Захарейкова Могила, погр. 1 [12, с. 59, 60; 24, с. 64]). Плохая сохранность ручек не позволяет провести более дробную классификацию. Диск круглый, плоский, с бортиком. Обнаружены в памятниках VI в. до н. э.

II отдел. Зеркала с боковой ручкой.

1-я группа — зеркала с бронзовыми ручками (десять типов).

I тип — верх ручки оформлен в виде овала; ствол прямой, на стволе — три продольных ребра; конец — фигурка стоящего кошачьего хищника (1 экз.— курган Роменской группы [8, с. 69]). Диск круглый, плоский, с бортиком.

II тип — верх ручки — фигурка оленя; ствол прямой, на стволе — три продольных ребра; конец — фигура стоящего кошачьего хищника (1 экз.— Братышев, кург. IV [25, с. 150, 153]). Диск круглый, плоский, с бортиком.

III тип — верх ручки имеет форму, близкую овалу, с небольшими выступами под ним; ствол прямой, на стволе — пять продольных ребер; конец — головка барана (2 экз.— Гуляй-Город, кург. 38; Мачуха, кург. 18 [2, с. 17]). Диск круглый, плоский, с бортиком.

IV тип — верх ручки оформлен в виде прямоугольника; ствол плоский, слегка сужается к концу; конец имеет вид перекладины, на которую опирается головка барана, выполненная очень схематично (1 экз.— Сапогов, кург. [25, с. 150, 151]). Диск круглый, плоский, с бортиком.

Место соединения диска и ручки у зеркал I—IV типов 1-й группы укреплено со стороны, имеющей бортик, дополнительной полукруглой пластиной [2, с. 7], возможно, отливавшейся вместе с ручкой.

V тип — верх и конец ручки оформлены в виде округлой фигуры; ствол прямой с небольшими валиками по краям (1 экз.— Берестняги, кург. 4 [8, с. 95]). Диск круглый, плоский, без бортика.

VI тип — верх ручки оформлен в виде фигуры, по форме близкой трапеции; ствол плоский, сужающийся к концу; конец имеет вид знака «⊥» с острыми концами (1 экз.— Братышев, кург. V [25, с. 157]). Диск круглый, плоский, с бортиком.

VII тип — верх ручки представляет собой фигуру, близкую овалу; ствол с валиками по краям сужается к концу; конец оформлен в виде фигуры, которая напоминает «хвост рыбы» со скругленными концами (1 экз.— Ивахновцы, кург. 3 [25, с. 157]). Диск круглый, плоский, с бортиком.

VIII тип — верх ручки представляет собой единое целое с диском; ствол сужается к концу; конец оформлен в виде кружка с отверстием в центре (1 экз.— Холодный Яр, кург. 26, западное погребение [19, с. 74]). Диск круглый, плоский, без бортика.

IX тип — ручка плоская; ствол прямой; конец оформлен в виде кружка (1 экз.— Николаевка, кург. [26, с. 95]). Диск круглый, плоский, без бортика.

X тип — ручка представляет собой бронзовый стержень; верх расклепан; конец имеет форму «шляпки» (1 экз.— Владимировка, кург. 5

[3] Благодарю В. Г. Петренко за предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными материалами раскопок могильников у сел Лупарево и Баратовка.

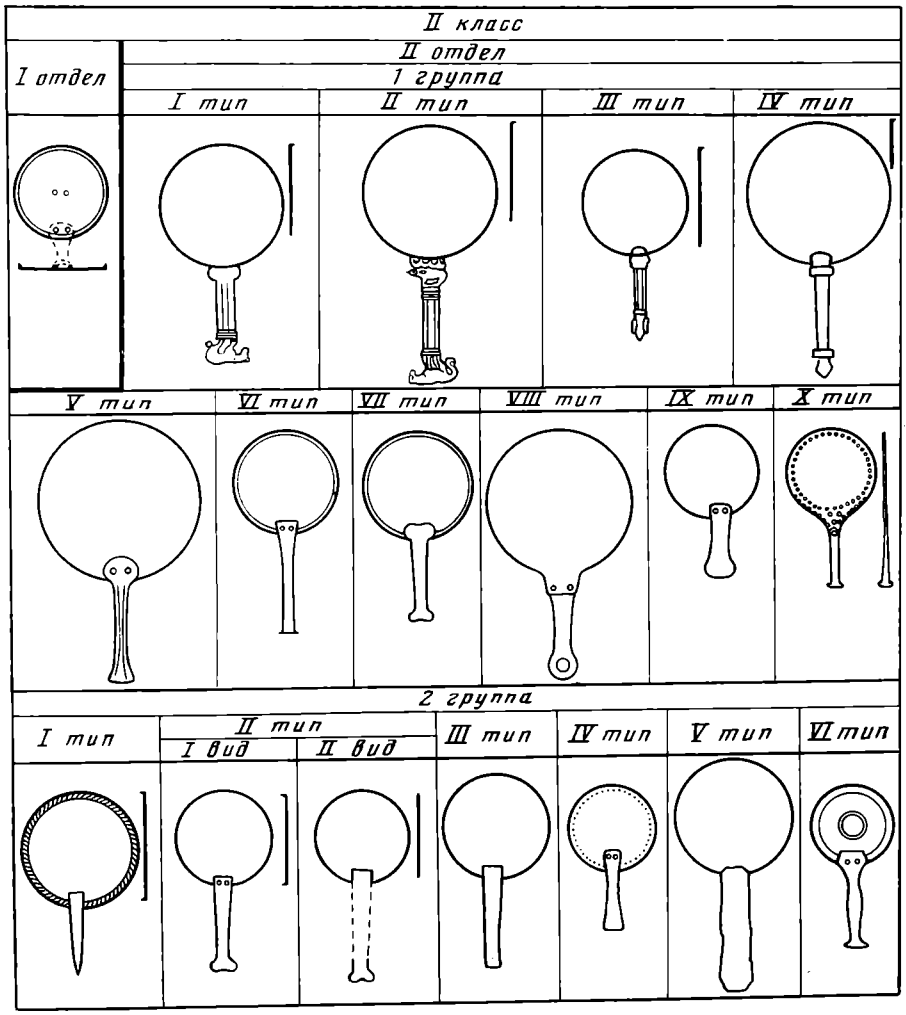


Рис. 4, I часть. Сложносоставные зеркала (II класс)

[27, с. 140]). Диск удлиненной формы, плоский, без бортика, украшенный по краю пуансонным орнаментом. Зеркала 1-й группы II отдела II класса I—III типов происходят из памятников, датирующихся VI в. до н. э.; IV типа — из памятников VI—V вв. до н. э. Зеркала V—VII типов обнаружены в комплексах V в. до н. э.; VIII и X типов — IV—III вв. до н. э.; IX типа — V—IV вв. до н. э.

2-я группа[4] — зеркала, ручки которых изготовлены из железа (шесть типов).

I тип — ручка тонкая, короткая, сужающаяся к концу; конец острый (1 экз.— Волковцы, кург. 494 [16, с. 47]). Диск круглый, плоский, без бортика.

II тип — верх ручки имеет расширение; ствол сужается к концу, оформленному в виде «хвоста рыбы» со скругленными концами (2 экз.). Выделяется два вида: I вид — диск с бортиком (1 экз.— Грудек, кург. 1 [25, с. 157]); II вид — диск без бортика (1 экз.— Северновское городище [28, с. 100]). Диск круглый, плоский.

III тип — ручка слегка сужается к концу (2 экз.— курган Репяховатая Могила, гробница 2; Капуловка, кург. 13, погр. 1 [12, с. 48; 29, с. 123]). Диск круглый, плоский, без бортика.

IV тип — верх и конец ручки имеют расширение (6 экз.— Макеевка, кург. 490, погр. 2; Орджоникидзе, группа БОФ, кург. 13, могила 1 и кург. 12; Борисполь, кург. 3, погр. 2; Старинская птицефабрика, кург. 3,

[4] Типология изменена с увеличением материала [39, с. 13—19]!

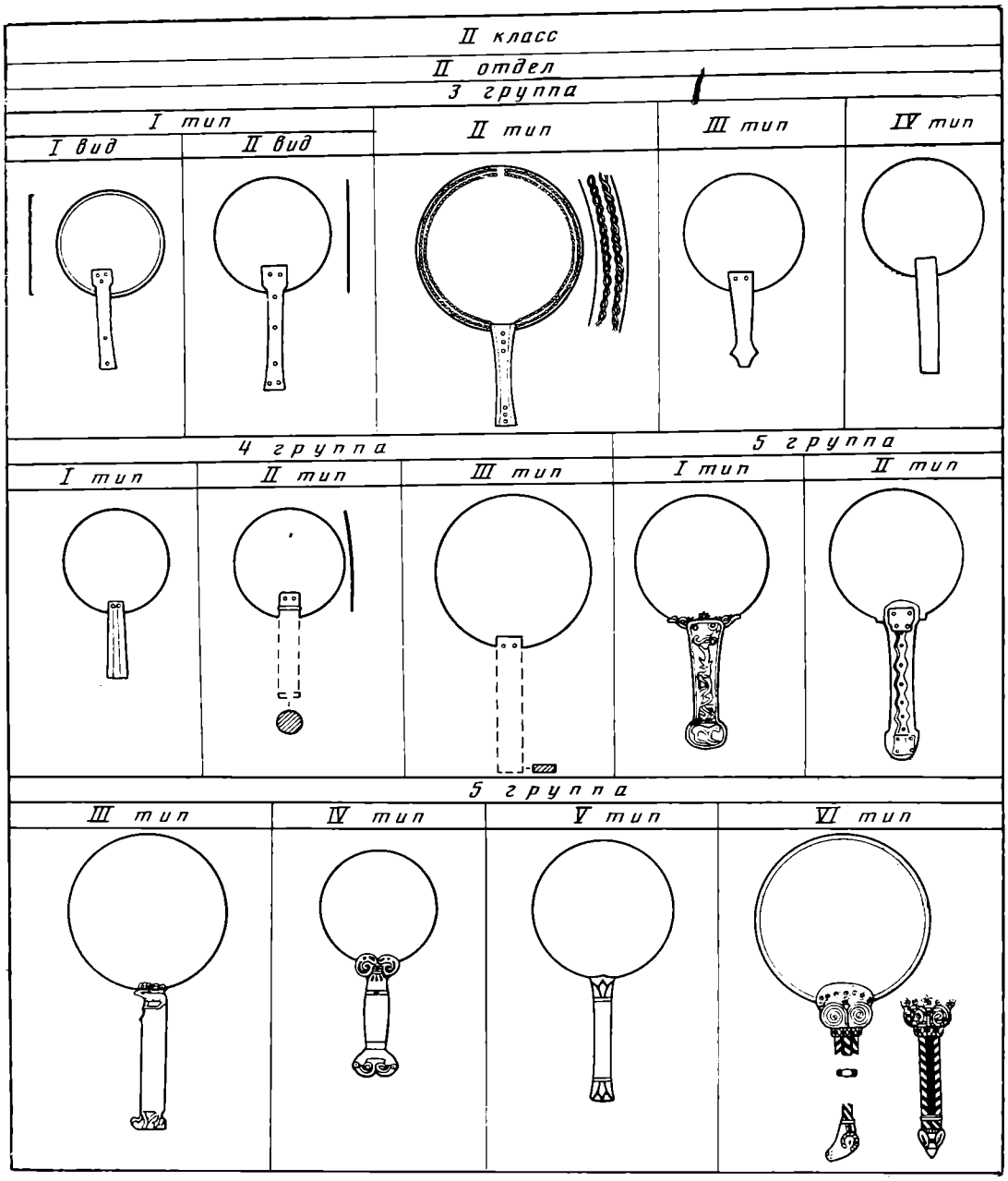


Рис. 4. (II часть)

погр. 2 и кург. 15, погр. 1 [16, с. 28; 29, с. 154, 159; 30, с. 153; 31, с. 155]). Диск круглый, плоский, без бортика.

V тип — ручка прямая (2 экз.— курган Репяховатая Могила, гробница 2; курган Толстая Могила, боковое погребение [12, с. 48; 32, с. 124]). Диск круглый, плоский, без бортика.

VI тип — верх ручки, видимо, имел форму четырехугольника (очень корродирован); ствол прямой или слегка расширяющийся в средней части; конец имеет вид перекладины (2 экз.— Буторы, кург. 2, погр. 3; Нагорное, кург. 11, погр. 2 [23, с. 88; 33, с. 203]). Диск круглый, плоский, с бортиком. На той стороне диска, которая имеет бортик, прослежен орнамент в виде концентрических окружностей.

Даты памятников, в которых встречены зеркала 2-й группы: I тип — V в. до н. э.; II тип — V—IV вв. до н. э.; III тип — VI и IV—III вв. до н. э.; IV тип — V и IV—III вв. до н. э.; V тип — VI и IV—III вв. до н. э.; VI тип — IV—III вв. до н. э.

3-я группа — зеркала, ручки которых изготовлены из кости (четыре типа).

I тип — ручка прямая; верх оформлен в виде перевернутой прямоугольной трапеции; конец слегка расширен (3 экз.). Выделяется два вида: I вид — диск с бортиком (1 экз.— Никопольский могильник, II группа, кург. 21, погр. 1 [34, с. 94]); II вид — диск без бортика (2 экз.— Холодный Яр, кург. 28; курган Чертомлык, северо-западное погребение [19, с. 73—75; 35, с. 118]). Диск круглый, плоский.

II тип — ручка многогранная, узкая в средней части, плавно расширяется вверху и на конце (1 экз. Кут, кург. 7, погр. 9 [36, с. 54]). Диск круглый, выпукло-вогнутый, без бортика. На одной из сторон орнамент в виде переплетенных веревочек.

III тип — ручка, ствол которой имеет незначительное сужение к концу; конец оформлен в виде ромба (1 экз.— группа кургана Страшная Могила, кург. 4, погр. 2 [29, с. 145]). Диск круглый, плоский, без бортика.

IV тип — ручка прямая (1 экз.— Верхнетарасовка, кург. 49, погр. 2 [21, с. 108]). Диск круглый, плоский, без бортика. Зеркала 3-й группы происходят из памятников IV—III вв. до н. э. 4-я группа — зеркала, ручки которых изготовлены из дерева (три типа) [5].

I тип — ручка слегка расширяется к концу, прослеживаются следы граней (1 экз.— Тенетинка, кург. 224 [3, с. 35]). Диск круглый, плоский, без бортика.

II тип — ручка прямая (круглая в сечении); верх имеет поперечный желобок и валик (2 экз.— Аккермен I, кург. 16, погр. 2; Капуловка II, кург. 1, погр. 1 [29, с. 130; 37, с. 55]). Диск круглый, плоский (1 экз.) или выпукло-вогнутый (1 экз.), без бортика.

III тип — ручка прямая, прямоугольная (2 экз.— курган у г. Днепрорудный; кург. III Испанова Могила, погр. 2 [18, с. 143; 31, с. 63]). Диск круглый, плоский, без бортика.

Зеркала 4-й группы I типа происходят из памятников V—IV вв. до н. э.; II типа — из памятников IV—III вв. до н. э.; III типа — из комплексов V в. до н. э.

5-я группа — зеркала с комбинированными ручками (шесть типов).

I тип — ручка имеет расширение вверху; ствол прямой; конец оформлен в виде овала, расположенного перпендикулярно стволу. Ручка изготовлена из железа и имеет золотую двустороннюю обкладку, украшенную стилизованными изображениями животных на стволе и конце (1 экз.— курган Куль-Оба [6, с. 62; 39, с. 16, 19]). Диск круглый, плоский, без бортика. На диске в месте крепления ручки — орнамент в виде волют и пальмет.

II тип — ствол ручки прямой; конец имеет вид фигуры, близкой кружку. Ручка изготовлена из железа; поверх железной основы с обеих сторон наложены деревянные пластины, инкрустированные по длинной оси костяными накладками в виде ромбов. Верх и конец ручки имели золотые накладки (1 экз.— Орджоникидзе, группа БОФ, кург. 13, погр. 2 [29, с. 165]). Диск круглый, плоский, без бортика. В месте крепления ручки диск украшен орнаментом из волют и пальмет.

III тип — верх ручки — фигурка оленя; ствол прямой, плоский; конец — очень схематизированное изображение кошачьего хищника (1 экз.— Журовка, кург. 447 [13, с. 24]). Диск круглый, плоский, без бортика.

IV тип — верх ручки выполнен в виде волют; ствол плоский, расширяющийся в средней части; конец — две грифоньих головки, обращенные друг к другу (1 экз.— Басовка, кург. 6 [4, с. 40]). Диск круглый, плоский, без бортика.

V тип — ручка плоская, слегка расширяется вверху и на конце. Верх и конец ручки украшены гравированным орнаментом в виде лотоса (1 экз.— Гладковщина, кург. 449 [16, с. 38]). Диск круглый, плоский, без бортика.

VI тип — верх ручки имеет вид волют (украшен орнаментом из кружков и цветов); ствол прямой с тремя продольными ребрами, перви-

[5] Ручки зеркал этой группы сохранились не полностью (только верх), поэтому на рис. 4 реконструируемый (по аналогии с верхом) конец дан пунктиром.

тыми лентой из бронзы; конец — головка барана (1 экз.— Братышево, кург. II [25, с. 140]). Диск круглый, плоский, с бортиком.

Зеркала III—VI типов этой группы имеют ручку, ствол которой изготовлен из железа, а украшения на верху и на конце — из бронзы. Зеркала I и II типов обнаружены в памятниках IV—III вв. до н. э.; III, V, VI типов происходят из археологических комплексов VI в. до н. э.; IV типа — из комплексов V в. до н. э.

6-я группа — зеркала с утраченными ручками (объединены условно — 39 экз.). Диски круглые, с бортиком или без него; плоские, выпукловогнутые; без орнамента или с орнаментацией, отмеченной для всех рассмотренных выше экземпляров. Рисунок 5 наглядно демонстрирует наличие зеркал со сходной орнаментацией дисков в различных типах предлагаемой классификации. Зеркала этой группы обнаружены в комплексах, датируемых от VI до рубежа IV—III вв. до н. э.

Предлагаемая классификация может быть расширена с появлением новых материалов, так как построение ее предполагает увеличение типов, видов и вариантов.

Хронологическое и количественное распределение зеркал в соответствии с предлагаемой классификацией представлено в табл. 1. Зеркала группируются по пяти периодам, что обусловлено датами археологических комплексов, в которых они присутствовали: 1) VI в. до н. э.; 2) VI—V вв. до н. э.; 3) V в. до н. э.; 4) V—IV вв. до н. э.; 5) IV — начало III в. до н. э.

Наиболее ранними, обнаруженными в скифских памятниках VI в. до н. э., являются односоставные зеркала, имеющие центральную ручку (I класс I отдел). Зеркала с бортиком и ручкой-петелькой типологически восходят к зеркалам восточных районов Евразии, что уже неоднократно отмечалось исследователями [9, с. 84, с. 85; 40, с. 155]. В памятниках V в. до н. э. подобные экземпляры пока не встречены на скифской территории, но для этого времени отмечаются находки таких зеркал, употреблявшихся после поломки ручки (Журовка, кург. 400 [3, с. 35]).

Зеркала, имеющие бортик и ручку, состоящую из двух столбиков, перекрытых бляшкой, встречаются единицами в памятниках, расположенных на территории различных культур довольно обширного региона [40, с. 155, 156; 41, с. 152; 42, с. 136].

В могилах скифов с VI в. до н. э. появляются односоставные зеркала с боковыми «плоскими ручками» (I класс, II отдел, II—V типы). Эти зеркала типологически восходят к зеркалам «смешанной» группы (результат слияния коринфских и аргивских форм и декорировок) и к зеркалам, получившим в специальной литературе название «пелопоннесских» (так как впервые были обнаружены на Пелопоннесе), но распространенных, как показали дальнейшие исследования, по всей Греции, на ее островах и в Северном Причерноморье [43, с. 39, 41]. Хронологические рамки их производства определяются исследователями VI—V вв. до н. э. [43, с. 42]. В скифских памятниках подобные формы встречаются и в IV—III вв. до н. э. [3, с. 35; 6, с. 51].

Второй половиной VI в. до н. э. датируются памятники, в которых обнаружены зеркала с бронзовыми ручками, верх которых имеет вид овала, трапеции или фигурки оленя, а конец — фигурки кошачьего хищника или головки барана (II класс, II отдел, I группа, I—III типы). В археологической литературе подобные зеркала получили название «ольвийских», так как большое количество их было обнаружено в некрополе Ольвии [44, с. 26—27; 45, с. 28]. Исследование В. М. Скудновой показало, что такие зеркала были распространены на значительной территории от Венгрии на западе до Урала на востоке, что подтверждается и находками последнего времени [2, с. 24; 46, с. 51, 52; 47, с. 291—294].

К VI в. до н. э. относятся также памятники с зеркалами, имеющими комбинированную ручку, ствол которой изготовлен из железа, а украшения — из бронзы (II класс, II отдел, 5-я группа, III, V и VI типы). Одно из зеркал этой группы, которое определяется как аттическое [48, с. 44], обнаружено в комплексе, датирующемся V в. до н. э. (IV тип).

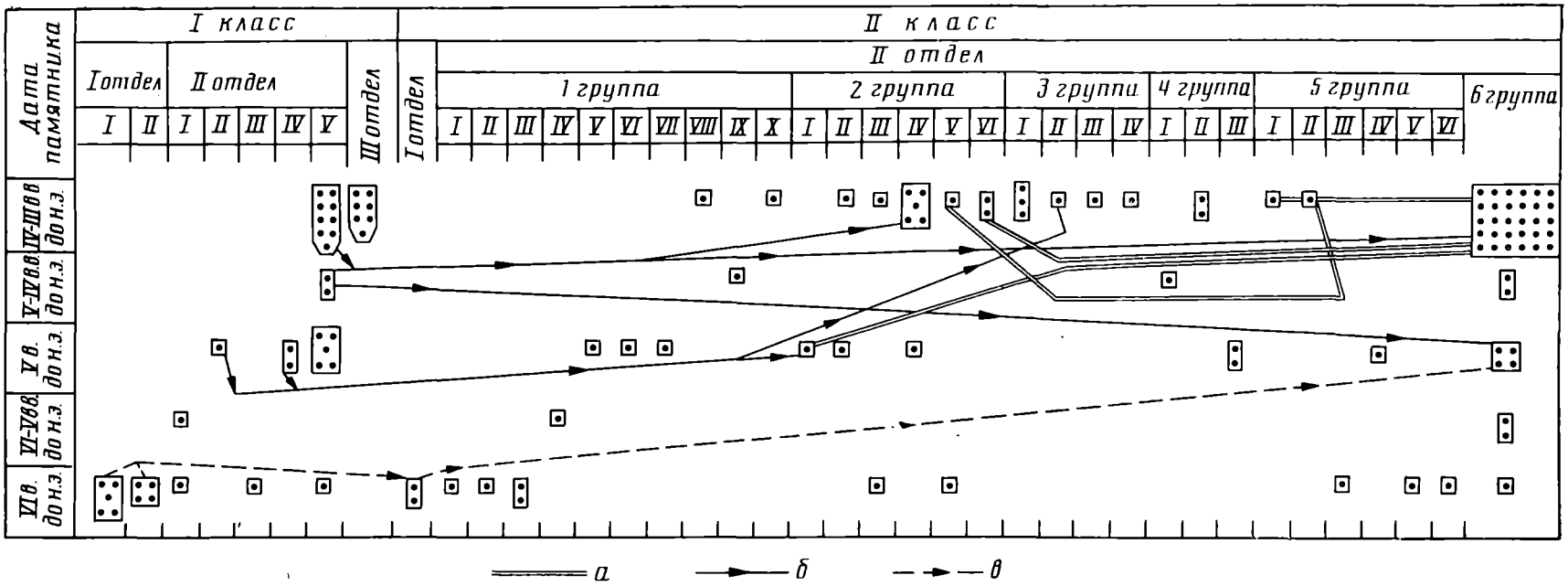


Рис. 5. Наличие вторичного использования и сходства в орнаментации дисков. *а* — зеркала, сходные по орнаментации дисков (во вторичном использовании); б — зеркала, сходные по орнаментации дисков (от целых форм к вторичному использованию дисков); *в* — зеркала, сходные по конструкции (от целых форм к вторичному использованию дисков)

Таблица 1

Хронологическое и количественное распределение зеркал из скифских памятников

Дата	I класс															II класс																																	Всего
	I отдел				II отдел										III отдел	I отдел	II отдел																																
	типы				типы												1-я группа типы										2-я группа типы							3-я группа типы					4-я группа типы			5-я группа типы						6-я группа	
	I	II варианты			I	II	III	IV варианты		V виды I варианты		V виды II варианты					I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	I	II виды		III	IV	V	VI	I виды		II	III	IV	I	II	III	I	II	III	IV	V	VI		
		1	2	3				1	2	1	2	1	2	3														I	II					I	II														
IV—III вв. до н.э.											1			8	7									1		1			1	1	5	1	2	1	2	1	1	1		2		1	1					30	68
V—IV вв.* до н.э.											1		1												1														1									2	6
V в. до н.э.						1		1	1		1	1		3							1	1	1				1	1			1										2				1			4	21
VI—V вв. до н.э.					1															1																												2	4
VI в. до н.э.	5	1	1	2	1		1			1						2	1	1	2											1		1												1		1	1	1	24
Всего	5	1	1	2	2	1	1	1	1	1	3	1	1	11	7	2	1	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	2	6	2	2	1	2	1	1	1	1	2	2	1	1	1	1	1	1	39	123

Зеркала, ручки которых были изготовлены из различных материалов, появившись на скифской территории уже в VI в. до н. э., получают распространение и в дальнейшем. Основная их масса происходит из памятников IV—III вв. до н. э.

Для IV—III вв. до н. э. отмечается также появление зеркал без ручки (I класс, III отдел), которые бытуют в основном в более позднее время.

На протяжении рассматриваемого времени прослеживается тенденция увеличения срока служения зеркала. Так, зеркала, имевшие ручку-петельку (I класс, I отдел), после ее поломки получают новую ручку — боковую, исходящую от края диска, т. е. диск зеркала используется вторично. Для IV—III вв. до н. э. также отмечается увеличение количества зеркал с вторичным использованием диска [39, с. 18], среди которых определяются диски зеркал греческих типов.

В данной работе не ставилось задачи подробного рассмотрения вопросов происхождения или распространения того или иного типа зеркал. Предлагаемая классификация показывает разнообразие зеркал, обнаруженных в скифских памятниках. Зеркала не являются массовым материалом, что обусловливает значительные трудности в подходе к изучению этой категории предметов, относящихся к одному из наиболее сложных памятников древности.

Для рассматриваемого периода, охватывающего более 300 лет скифской истории, прослеживается как синхронность бытования значительного числа типов, так и прекращение существования в отдельные периоды некоторых из них. Сменяемость одних и сосуществование других типов зеркал требуют более внимательного подхода для объяснения причин этих явлений, что и определяет дальнейший этап исследования, который предполагает рассмотрение вопросов появления и распространения каждого типа или группы зеркал на скифской территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рабинович Б.* О датировке некоторых скифских курганов Среднего Поднепровья.— СА, 1936, № 1.
2. *Скуднова В. М.* Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии.— Тр. ГЭ, 1962, т. VII.
3. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья.— САИ, 1967, вып. Д1-4.
4. *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев: Наук. думка, 1968.
5. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V веках до н. э.— САИ, 1966, вып. Д1-27.
6. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.— САИ, 1970, вып. Д1-27.
7. *Бобринский А. А.* Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. СПб., 1894, т. II.
8. *Бобринский А. А.* Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. СПб., 1901, т. III.
9. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы в бассейне р. Тясьмин. Киев: Наук. думка, 1975.
10. *Брашинский И. Б.* Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону.— КСИА, 1973, вып. 133.
11. *Бокій Н. М.* Розкопки курганів у верхів'ях бассейну Тясмина.— Археологія, 1977, № 22.
12. *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
13. *Бобринский А. А.* Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии.— ИАК, 1905, вып. 14.
14. *Чеботаренко Г. Ф.* Скифские курганы у с. Балабаны.— АИМ — 1970, 1971. Кишинев, 1973.
15. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону.— САИ, 1965, вып. Д1-311.
16. *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья.— САИ, 1977, вып. Д1-33.
17. *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М.: Наука, 1975.
18. *Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
19. *Покровська Є. Ф.* Кургани IV ст. до н. е. біля Холодного Яру поблизу м. Сміли.— Археологія, 1957, т. X.
20. *Ebert M.* Ausgrabungen auf dem Gute Maritzin.— In: Prähistorische Z., 1913, B. V, H. 1/2.

21. *Бунятян В. П., Чередниченко Н. Н., Мурзин В. Ю.* Скифский могильник у с. Верхнетарасовка.— В кн.: Курганы юга Днепропетровщины. Киев: Наук. думка, 1977.
22. *Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н.* Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев: Наук. думка, 1970.
23. *Мелюкова А. И.* Раскопки курганов у с. Буторы Григориопольского района.— АИМ — 1972. Кишинев, 1974.
24 *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени на среднем Днестре. КСИИМК, 1953, вып. 51.
25. *Reichl I.* Zwierciadla scytyjskie.— In: *Sulimirski T.* Scytowie na Zachodniem Podolu. Lwów, 1936.
26. *Петренко В. Г.* Культура племен правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э.— МИА, 1965, № 96.
27. *Чередниченко Н. П., Болдин Я. Н.* Скифские курганы у с. Владимировка.— В кн.: Курганы юга Днепропетровщины. Киев: Наук. думка, 1977.
28. *Смирнова Г. И.* Северниновское городище (по материалам Юго-Подольской экспедиции 1947—1948, 1953 гг.).— АСГЭ, 1961. вып. 2.
29. *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы Никопольщины.— В кн.: Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
30. *Яковенко Э. В.* Некрополь скифского времени возле г. Борисполь.— Археология, 1965, т. XVIII.
31. *Ильинская В. А.* Скифские курганы около г. Борисполя.— СА, 1966, № 3.
32. *Мозолевский Б.* Товста Могила. Киев: Наук. думка, 1979.
33. *Мозолевский Б. Н.* Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине.— В кн.: Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
34. *Граков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле.— МИА, 1962, № 115.
35. МАР, 1872, № 2.
36. *Березовець Д. Т.* Разкопки курганного могильника епохи бронзи та скифського часу в с. Кут.— АП, 1960, т. IX.
37. *Вязьмітіна М. І., Ільинська В. А., Покровська Є. Ф., Тереножкин О. І., Ковпаненко Г. Т.* Кургани біля с. Новопилипівки, родгоспу «Аккермень».— АП, 1960, т. VIII.
38. *Мурзин В. Ю.* Два раннескифских комплекса из Запорожской области.— В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наук. думка, 1977.
39. *Кузнецова Т. М.* Зеркала с боковыми ручками из скифских памятников.— КСИА, 1982, вып. 170.
40. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
41. *Вишневская О. А.,* Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII—V вв. до н. э. М.: Наука, 1973.
42. *Виноградов В. В.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1972.
43. *Билимович З. А.* Греческие бронзовые зеркала Эрмитажного собрания.— Тр. ГЭ, 1976, т. XVII.
44. *Фармаковский Б. В.* Архаический период на юге России.— МАР, 1914, № 34.
45. *Граков Б.* Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приуралля в архаїчну і класичну епохи? — Археологія, 1947, № 1.
46. *Членова Н. Л.* Предыстория «Торгового пути Геродота» (от Северного Причерноморья на Южный Урал).— СА, 1983, № 1.
47. *Фахрутдинов Р. Г.* Скифские зеркала бассейна Казанки.— СА, 1983, № 1.
48. *Билимович З. А.* Аттические зеркала в Северном Причерноморье.— В кн.: Памятники античного прикладного искусства. Л.: Аврора, 1973.

T. M. Kuznetsova

MIRRORS FROM SCYTHIAN SITES DATED BETWEEN THE 6th AND THE 3rd CENTURIES B. C.

(Classification and Chronological Distribution)

Summary

The author bases her classification on the mirrors' designs, different types of which form classes: the first class includes mirrors forming an inseparable whole with their handles or mirrors having no handles; the second class comprises six groups identified according to the material used to make handles (bronze, iron, bone, wood or their combinations). The six group is made of mirrors with missing handles. The way mirrors and handles were joined together and their mutual position divide the mirrors of the first and second classes into departments; the shapes of handles divide the mirrors into types; the presence or absence of a low rim divide the mirrors into kinds; and various ornaments on handles divide the mirrors into variants. The classification testifies to an abundance of different types, classes and variants and shows that they should be more carefully studied and the history of their appearance in the region under review, especially in the earliest period, and their gradual dissemination should be carefully traced. The proposed scheme is open to new additions.

С. Ю. САПРЫКИН

АСАНДР И ХЕРСОНЕС
(к достоверности легенды о Гикии)

В истории Херсонеса Таврического крайне слабо освещен период после падения Митридата VI Евпатора в 63/62 г. до н. э. и принятием городом собственной эры в 24 г. до н. э., когда император Август подтвердил его элевтерию [1, с. 19; 2, с. 14—16]. Исследователи располагают об этом времени только неопределенными показаниями монет и несколькими скудными фрагментами надписей. Но отдельные сведения в нарративных источниках, главным образом у Страбона, Аппиана и Диона Кассия, дают возможность собрать воедино разрозненные данные эпиграфики, нумизматики и вскрыть взаимоотношения херсонесцев с боспорским властителем Асандром (45—16 гг. до н. э.). Одним из таких интересных литературных свидетельств является херсонесская легенда о Гикии, приведенная в X в. византийским императором Константином Багрянородным в сочинении «Об управлении империей». Она помещена в 53-й главе, где речь идет о войнах города Херсона (Херсонеса Таврического) с боспорскими царями III—IV вв. н. э., и завершает цикл рассказов об этих войнах (Const. Porphyr. De adm. imp., LIII). Сюжет ее следующий.

Во время царствования на Боспоре Асандра, когда в Херсонесе венценосцем и первенствующим был Ламах (Λαμάχου στεφανηφοροῦντος καὶ πρωτεύοντος τῆς τῶν Χερσωνιτῶν, Ἀσάνδρου δὲ τῆς Βοσποριανῶν βασιλεύοντος), боспорцы задумали отомстить херсонесцам за предшествующие обиды и поражения. Замышляя далекие планы, они решили устроить брак единственной дочери Ламаха — Гикии с одним из сыновей Асандра и прислали в Херсонес посольство. Херсонесцы ответили согласием при условии, если Гикия останется с ними. Вскоре состоялась свадьба. Через два года умер Ламах, и по прошествии еще года Гикия решила отпраздновать годовщину его смерти. Она попросила знатнейших горожан и народ принять от нее вино, хлеб, мясо и другие продукты для организации пиршества и участвовать всем гражданам во всеобщих торжествах, обещая устраивать их ежегодно. Муж Гикии, сын Асандра, решил воспользоваться случаем. Через своего доверенного он попросил подданных отца прислать ему надежных людей под предлогом сопровождать дары, будто бы посылаемые ему от отца, с тем, чтобы переправлять боспорцев в город и укрывать в своем доме до нужного момента. В течение двух лет в доме Гикии скопилось тайно до 200 вооруженных воинов, готовых после пиршества захватить Херсонес врасплох.

Однако накануне дня поминовения одна из служанок Гикии случайно увидела в подполье вооруженных людей. Гикия поняла, что дом ее стал центром возглавляемого мужем заговора против родного города, собрала первенствующих (πρωτεύοντες) и благородных граждан, чтобы выбрать трех верных мужей, могущих сохранить эту тайну и выполнить все в точности, что она скажет. Когда эти трое явились, Гикия взяла с них клятву, затем попросила похоронить ее после смерти в черте города и, получив согласие, рассказала о готовящемся заговоре. Тут же было решено, что после пира надо незаметно подойти к ее дому, обложить его хворостом и поджечь.

На следующий день план был осуществлен. Муж Гикии и боспорцы сгорели заживо, Херсонес был избавлен от захвата. В благодарность за это граждане воздвигли в честь Гикии на городской площади две медные статуи, причем на одной она была представлена в виде молодой девы,

защищающейся от врагов. Через несколько лет Гикия, желая проверить, как херсонесцы держат свое слово, притворилась умершей. Когда тело ее вынесли для захоронения вне городских стен, Гикия встала и пристыдила сограждан за невыполненные обещания похоронить ее в черте города. Херсонесцы добились от нее прощения, а после ее смерти воздвигли Гикии гробницу и статую там, где она сама указала.

В литературе с легкой руки Т. Моммзена [3, с. 291], охарактеризовавшего рассказы Константина Багрянородного как «херсонесские сказки» (Chersonesitischen Märchen), принято скептически относиться к исторической достоверности этих событий. Э. Миннз указывал, что легенда о Гикии «не внушает доверия в своей правдоподобности» [4, с. 528—530], а С. П. Шестаков не менее категорично утверждал, что «местное херсонесское предание о боевых столкновениях херсонесцев с варварами и Боспором весьма мало достоверное в подробностях» [5, с. 5, прим. 5]. Подобная оценка была принята также А. Л. Бертье-Делагардом [6, с. 75], А. А. Васильевым [7, с. 288], М. И. Ростовцевым [1] [8, с. 217], Ю. В. Готье [11, с. 174] и другими историками, отмечавшими полулегендарность характера свидетельств Константина о Херсонесе и Боспоре. В. В. Григорьев [12, с. 407] и К. Брандис [13, с. 2269] также сомневались в историчности показаний Константина Багрянородного. Правда, в конце XIX в. Р. Гарнетт попытался доказать, что рассказы из 53-й главы в основе более ранние, чем X в. История о Гикии, по его мнению, восходит ко второй половине I в. до н. э., т. е. ко времени царствования на Боспоре Асандра. События легенды он датировал 36—16 гг. до н. э., когда херсонесцы приняли новую эру в ознаменование освобождения от власти боспорских владык. Р. Гарнетт считал, что история о Гикии заимствована из трудов местного херсонесского историка или записи деяний героинь [14, с. 100—105]. Эта точка зрения была поддержана Дж. Бари [15, с. 538], а в России к ней с пониманием отнесся только Е. А. Иванов [16, с. 59]. В комментарии к английскому изданию трактата Константина Р. Дженкинс указывает, что повествование о Гикии самое древнее из рассказов в главе 53 [17, с. 205—209]. В. Ф. Гайдукевич [18, с. 461; 19, с. 478], Б. И. Надэль [20, с. 231 сл.; 21, с. 88—105] и Я. Харматта [22, с. 204—208] попытались выделить историческую основу в рассказах Константина о войнах Херсонеса и Боспора в конце III—IV в. н. э., не затрагивая вопроса о достоверности легенды о Гикии. Поскольку эти попытки увенчались успехом, есть основание отказаться от чрезмерно недоверчивого отношения к рассказу о Гикии. Вот почему В. А. Анохин полностью принял точку зрения Р. Гарнетта и Дж. Бари, будучи убежденным, что события в легенде следует датировать концом третьей — началом четвертой четверти I в. до н. э. По его мнению, принятие новой эры в Херсонесе в 24 г. до н. э. было следствием спасения города от захвата Боспором [23, с. 75—77]. Несколько ранее Г. Д. Белов и Д. П. Каллистов датировали события в рассказе I в. н. э. [24, с. 99; 25, с. 19].

Сразу отметим, что связывать события в легенде с принятием эры в Херсонесе в 24 г. до н. э. неправомерно. В настоящее время установлено, что введение в Херсонесе нового летоисчисления не имеет никакого отношения к освобождению города от власти боспорских царей и тем более к реформе государственного строя. Наоборот, это результат подтверждения Августом после битвы при Акции объявленной еще Цезарем в 45 г. до н. э. элевтерии Херсонеса, которая была чисто номинальной. Ведь не без участия Августа и Агриппы «свободный» город вновь попал в союз-симмахию с Боспором, что на деле означало фактическое господство Боспора над более слабым Херсонесом. В честь этого события горожане и приняли новую эру [2, с. 16—18; 24, с. 97, 98].

---

[1] В другом месте М. И. Ростовцев отметил совпадение данных Константина Багрянородного с тем, что известно из надписей о Херсонесе времени войн Константина Великого на Дунае [9, с. 9—11]. Он же не исключал возможности отнести легенду о Гикии в своей основе к эллинистической новелле [10, с. 138, прим. 1].

Таким образом, вопрос о датировке легенды о Гикии до сих пор остается открытым. Можно только утверждать, что события, о которых говорится в легенде, датируются временем Асандра. В нашу задачу входит установить, насколько реальны эти события, когда они происходили, и определить возможное время возникновения легенды.

В научной литературе уже отмечалось, что детали рассказа о Гикии свидетельствуют о хорошем знании города и прилегающей к нему местности автором легенды. Это подробное описание дома Ламаха и квартала города, где он находился, приурочение событий ко времени замещения верховной магистратской должности («венценосец и первенствующий») одним из знатных граждан, например, Зетом, сыном Зетона (Ζήθου, τοῦ Ζήθωνος). Стратофилом, сыном Филомуса, и тем же Ламахом. Имя Ζήθος встречается в херсонесских надписях на рубеже и в первые века нашей эры (IPE, IV, 86, 96). Упоминается бухта Символов (совр. Балаклава), гавань Лимна, очевидно одна из бухт, которые вдаются в берег Гераклейского п-ова, «дозор Ламаха» (Λαμάχου σκοπή) на месте сгоревшего дома, а также квартал Сусы, который, согласно тексту легенды, должен находиться в нижнем городе близ порта (очевидно, юго-восточный квартал Херсонеса). Правда, когда читаешь легенду, невольно создается впечатление, что место действия отдельных ее эпизодов перенесено из его сельскохозяйственной округи в город. Описание дома Ламаха живо напоминает загородную херсонесскую усадьбу, ибо городские херсонесские постройки на рубеже нашей эры не подходили для содержания больших стад, как о том повествуется в легенде. Описание же того, как сын Асандра принимал боспорцев в своем доме, заставляя их отправляться затем за город, откуда они прибывали в Лимн, а из Лимна обратно в Сусы, создает впечатление о местонахождении резиденции дочери Ламаха за пределами городских стен. Об этом косвенно говорит указание на Λαμάχου σκοπή, оставшуюся на месте сгоревшего дома Гикии как напоминание о том, что он некогда был, очевидно, укреплен башней, являвшейся непременным компонентом большинства загородных херсонесских усадеб [26, с. 475].

Описание статуй Гикии в образе девы также говорит о хорошем знании быта и обычаев херсонесцев. Наконец, просьба Гикии похоронить ее в пределах города находит подтверждение в археологических источниках. В юго-восточном районе города (квартал Сусы?) у южных оборонительных стен открыты склепы, где во второй половине IV в. до н. э. совершали захоронения представители зажиточной верхушки полиса. В III в. до н. э. ряд склепов этого некрополя был перекрыт оборонительными стенами и оказался в пределах города [27, с. 36; 28, с. 5]. Очевидно, в более позднее время для придания логической стройности повествованию о Гикии произошло объединение различных рассказов, повествующих о событиях за городом и в самом городе.

Любопытно, что сюжет рассказа о Гикии — стремление Асандра захватить Херсонес во время всеобщего пиршества и гуляния посредством предательства — в основе перекликается с историей захвата Гераклеи Понтийской (метрополии херсонесцев) Митридатом VI Евпатором во время III Митридатовой войны (72 г. до н. э.), как это изложено у Мемнона (II в. н. э.) (Memn., XLII, 4). Там магистрат по имени Ламах, стоявший во главе полисного управления, как и отец Гикии в херсонесской легенде, организовал за городом пиршество, умышленно не заперев городские ворота, чем воспользовался по предварительному с ним соглашению понтийский царь. Гераклейский хронист Мемнон использовал при написании своего труда местные городские и храмовые архивы, сочинения гераклейских историков эпохи эллинизма [29, с. 286]. Как известно, херсонесцы в I в. до н. э.— первых веках нашей эры имели тесные связи со своей метрополией. Поэтому история о взятии Гераклеи Митридатом могла быть известна херсонесской исторической традиции, находившейся, несомненно, под влиянием гераклейских историков [30, с. 109]. Какой-нибудь анонимный херсонесский автор позднеэллинистической эпохи мог записать эту историю как выдающееся событие во взаимоотношениях

греков с великим понтийским царем. В римскую эпоху действительные события могли переосмыслить и включить в какое-нибудь литературное произведение совсем под другим видом. Вот почему основу легенды о Ламахе и Гикии в Херсонесе с определенной долей вероятности следует отнести к I в. до н. э., взяв в качестве terminus post quem вторую его половину.

Когда вчитываешься в повествование о Гикии, невольно наталкиваешься на мысль, что в ее образе воплотились черты верховной богини херсонесцев Девы, которая согласно верованиям херсонесцев всегда приходила на помощь городу в трудную минуту. Так было в IV в. до н. э., когда Херсонес вел борьбу за северо-западный Крым, во второй половине III в. до н. э., когда город сражался со скифами, совершавшими набеги на его владения и во время Диофантовых войн в конце II в. до н. э. (IPE I², 352). Не случайно поэтому Деву изображали в образе защитницы и заступницы граждан на монетах и в монументальной скульптуре [31, с. 359, 360]. Отсюда, думается, упоминание в тексте легенды о Гикии медных статуй, запечатлевших ее в образе молодой девы, защищающей горожан. В образе молодой Гикии мы, несомненно, видим иносказательное воплощение херсонесской мифологической традиции о чудесных явлениях верховной богини города в наиболее ответственные моменты херсонесской истории. В тексте легенды имеется ряд данных, указывающих на правильность сопоставления Гикии с Девой (Παρθένος).

Через всё повествование проходит постоянное упоминание о благодеяниях, совершаемых Гикией для граждан, в частности предоставление народу вина, хлеба, мяса и т. д. Это можно с уверенностью поставить в связь с надписями эллинистической эпохи о пожертвованиях и бескорыстной помощи некоторых зажиточных граждан греческих полисов широким слоям демоса. Подобные надписи повсеместно встречаются в эллинских городах эллинистической эпохи. Несомненно, благодеяния такого рода совершались и в Херсонесе. Для нас важно подчеркнуть, что Гикия действует во благо всех граждан полиса, что было свойственно и Деве, городской Тихе.

Гикия совершила подвиг в то время, когда херсонесцы участвовали в пиршествах и хороводах, на которые сошелся почти весь город. Именно этот момент враги выбрали для захвата Херсонеса. Данный сюжет легенды перекликается с херсонесской надписью конца III в. до н. э. о чудесном явлении богини Девы, которая якобы избавила граждан во время внезапного нападения варваров-скифов в момент выноса статуи бога Диониса, т. е. так же, как и в легенде, во время хороводов, плясок, торжественных шествий и празднеств (IPE I², 343).

Привлекают внимание слова Гикии, сказанные родственникам после того, как она узнала о заговоре: «Придите и соберите к себе *тайно первенствующих и благородных граждан* и пусть они выберут *трех верных мужей, могущих сохранить тайну и сделать дело*, и пусть их *тайно* пошлют ко мне; я открою им нечто, *нужное и полезное для города*». Когда родственники ушли и сообщили обо всем первенствующим, те выбрали трех мужей, обязав их клятвой исполнить все, что скажет Гикия. Когда они *тайно* пришли к ней, она сказала: «Так как вы *поклялись* мне, то *я открою вам свою тайну. Я хочу, чтобы вы знали*, что мой муж содержит в доме вооруженных боспорцев, хранит враждебную злобу на город» и т. п. (курсив мой.— *С. С.*).

Сопоставление приведенного текста с текстом херсонесской присяги (IPE I². 401) выявляет их логическую взаимосвязь. Слова Гикии являются концентрированным выражением большинства требований присяги: «Я буду единомышлен о спасении и свободе государства и граждан и не предам Херсонеса... ни эллину, ни варвару ...» (§ 2); «Я буду врагом замышляющему и предающему или отторгающему Херсонес ...» (§ 4); «... не буду разглашать ничего из сокровенного ни эллину, ни варвару ...» (§ 6); «Я не будут составлять заговора ни против херсонесской общины, ни против кого-либо из граждан ... ; если я вступил с кем-либо в заговор или связан какой-либо клятвою или заклятием, то мне, нарушившему

это ... да будет лучшее, а соблюдающему— противоположное» (§ 9). Особенно близок рассказу о Гикии § 10 присяги: «Если я узнаю о каком-либо заговоре, существующем или зарождающемся, я доведу об этом до сведения должностных лиц» [2].

Знаменательно упоминание Гикией «трех верных мужей, могущих сохранить таїну и сделать дело» (τρεῖς ἄνδρας πιστικούς). В херсонесских надписях эллинистической эпохи полисные декреты, как правило, вносятся для утверждения от коллегии номофилаков, состоящей из *трех* человек и стоящего во главе управления (ὁ ἐπὶ τᾶς διοικήσεος). Таковы надписи IPE I², 343, 344 об эпифаниях Девы, а также, что особенно важно, декреты второй половины I в. до н. э., времени, которым датируются события легенды. Это надписи IPE I² 347, 691 и новый недавно найденный фрагмент [32, с. 81 сл.] [3]. Возможно, что «первенствующий», упоминаемый неоднократно в рассказе о Гикии, может быть поздней контаминацией одной из главных херсонесских магистратских должностей вроде ὁ ἐπὶ τᾶς διοικήσεος, демиурга, первого архонта, царя, стратега и т. п. Демиургия и диойкесия являлись в Херсонесе одними из важнейших магистратур, что не противоречит тому, что о них известно. В. Хриссула в монографии, посвященной эволюции должности демиурга в греческих полисах, показала, что в Мегарах и их колониях демиурги были ведущей магистратской коллегией, а в Херсонесе на них была возложена функция следить за сохранением демократических порядков [33, с. 5, 87—89]. В римскую эпоху демиурги входили в состав Совета [34, с. 179—181]. Это указывает на важность государственной должности с политической точки зрения. То же можно сказать и о диойкете, который, являясь в общем финансовым магистратом в классическом греческом полисе, в эллинистическое и римское время нередко выступал и как просто государственный управляющий, «наместник», оставаясь во всех случаях ведущим должностным лицом [35, с. 786—791] [4]. Титул στεφανηφορῶν καὶ πρωτεύων адекватен ἄρχων τὴν πρώτην ἀρχήν, соединяя в одном лице функции царя — эпонима и стратега [11, с. 181; 36, с. 61]. Поскольку должность архонта встречается в римскую эпоху, то в позднем рассказе о Гикии наименование πρωτεύων (πρῶτος ἄρχων) могло быть отнесено к одной из главных магистратур эллинистического Херсонеса, близкой по характеру должности первого архонта.

Сопоставление рассказа о Гикии и херсонесских надписей III—I вв. до н. э. показывает, что источник этого литературного предания восходит к местной херсонесской исторической традиции позднеэллинистической эпохи. Мы знаем, что в III в. до н. э. в Херсонесе жил и работал историк Сириск, описавший чудесные явления богини Девы, случившиеся до него [37, с. 151 сл; 38, с. 192]. М. И. Ростовцев указывал, что херсонесский историк при этом использовал храмовые и жреческие записи Херсонеса о чудесах Девы, привлекал государственные акты, декреты, почетные надписи, которые выставлялись в храмах и других общественных местах города [37, с. 157]. Разумеется, записи о деяниях верховной хер-

---

[2] Все параграфы в переводе С. А. Жебелева.

[3] В Херсонесе найден еще один фрагмент декрета, который, согласно любезному сообщению Ю. Г. Виноградова, датируется 45 г. до н. э. по именам номофилаков, идентичным декрету в честь Г. Юлия Сатира (см. ниже). Эта новонайденная надпись подтверждает существование связей Херсонеса с Боспором около середины I в. до н. э. Надпись найдена при исследовании северо-восточного района М. И. Золотаревым.

[4] Пользуясь возможностью, отметим два случая упоминания диойкетов и диойкесии, оставшиеся неизвестными Брандису. Во-первых, это рассказ Мемнона (XI, 1) об Афродисии, наместнике Селевка I в северо-западных районах Малой Азии в 281 г. до н. э., во-вторых, наместничество одного из приближенных царя Митридата VI в Колхиде после присоединения к Понтийскому царству (Strabo, XI, 2, 18). В обоих случаях нет прямого указания на финансовый характер диойкесии, но есть государственно-правовое значение должности. Эти диойкеты занимали ведущее место в системе государственного устройства эллинистических монархий. Не исключено, что и в эллинистическом Херсонесе диойкет мог быть одним из главных магистратов, вносивших предложения в Совет и Народное собрание как находившийся во главе управления (IPE I², 343, 344).

сонесской богини велись жрецами и после Сириска, поэтому кто-либо из его учеников или потомков на рубеже нашей эры мог воспользоваться его данными и новыми документами для продолжения записей чудесных эпифаний Девы. Следовательно, источник, который был под рукой у Константина Багрянородного, в свою очередь должен восходить к местной херсонесской историко-религиозной традиции, заложенной еще в конце III в. до н. э. Сириском.

М. И. Ростовцев и В. В. Струве справедливо отмечали, что Сириск создал в Херсонесе подлинную школу историков. К ней В. В. Струве относил и автора декрета в честь Диофанта (рубеж II—I в. до н. э.), а самого Сириска считал последователем безымянного херсонесского историка, оставившего описание взаимоотношений Херсонеса и Боспора в конце IV—III в. до н. э. [37, с. 159—162; 39, с. 147—149].

Как известно, особенностью исторической херсонесской письменной традиции было записывать чудесные явления Девы и подчеркивать значимость херсонесско-боспорских отношений (IPE I², 344). Поскольку легенда о Гикии связана с этими особенностями, то совершенно справедливо относить ее к древним сказаниям Северного Причерноморья, которые говорят о деяниях героинь [4, с. 530; 10, с. 205]. Одним из таких сказаний, донесенных до нас херсонесской традицией, является рассказ о сарматской царице Амаге, которая пришла на помощь херсонесцам во время их борьбы со скифами в конце III — начале II в. до н. э. и избавила город от скифской угрозы (Polyaen VIII, 56). Рассказ входит в серию сообщений о чудесных избавлениях Херсонеса от опасности [10, с. 137; 40, с. 3—8], поэтому в нем, как и в легенде о Гикии, можно усматривать *намеренное* увязывание реальных событий с мифолого-легендарным сюжетом. Из херсонесского же источника этот рассказ через Филарха или Тимагена (скорее последнего) попал к Полиену (II в. н. э.), обретя полулегендарные и поэтические черты [40, с. 3—8]. Поскольку рассказам об Амаге и Гикии свойственна одинаковая доля поэтизации и героизации женщин, можно считать, что основы обеих историй почерпнуты из близких друг к другу источников, а возможно, и передаточного звена в лице эллинистическо-римской историко-новеллистической традиции. Вот почему в качестве terminus ante quem легенды о Гикии можно рассматривать II в. н. э., когда близкий по духу рассказ об Амаге попал в руки Полиена.

Таким образом, легенда о Гикии в основе должна отражать реальные события херсонесской истории, ибо восходит к надежному источнику херсонесского происхождения рубежа нашей эры. Ведь рассказы о войнах Херсонеса и Рима с Боспором в конце III — первой половине IV в. н. э. заимствованы Константином из херсонесской хроники V—VI вв. н. э. [14 с. 100 сл.; 17, с. 205 сл.; 21, с. 92; 22, с. 205; 41, с. 48]. Можно было бы предположить, что и легенда о Гикии взята непосредственно оттуда, но против этого имеется ряд возражений. Во-первых, эпизод с Гикией самый древний в 53-й главе и стоит особняком, ибо не связан с другими рассказами ни хронологически, ни логически, ни по сюжету. Попытка вписать его в контекст сообщений о столкновениях херсонесцев с Боспором предпринята самим Константином в X в. Во-вторых, всё повествование пронизано характерными для эллинистической эпохи представлениями о Херсонесе и его верховной богине Деве. В-третьих, связь рассказа с распространенными в эпоху ранней Империи сообщениями античных авторов о деяниях героических женщин. Вот почему легенда о Гикии вряд ли была непосредственно заимствована из херсонесской хроники, а попала к Константину в передаче какого-то автора эпохи ранней Римской империи. В противном случае рассказ вписывался бы в канву сообщений о Боспоре и Херсонесе при Диоклетиане и Константине Великом, изобиловал бы более достоверными подробностями, нежели те, которые приходится не без труда выявлять в массе данных полулегендарного характера. Легенду о Гикии, думается, можно использовать как свидетельство о боспоро-херсонесских отношениях при царе Асандре.

Каким временем тогда следует датировать события рассказа? Со времени Митридата VI Херсонес находился в подчинении у властителей Боспора (Strabo, VII, 4, 3). Однако исследователи склонны считать, что зависимость города от его сына Фарнака была номинальной [2, с. 13]. Между тем подчинение Херсонеса Фарнаку подтверждается данными нумизматики, в частности монетами типа: а) бюст Девы вправо с луком и колчаном за спиной — орел на молнии, монограмма «ПАР», которые выпускались при Митридате VI, Фарнаке и Асандре [23, с. 58, 59; 42, с. 49—51, 54; 43, с. 152]; б) голова царя (Фарнака?) вправо — статуарное изображение Девы в полный рост с луком в левой и дротиком в правой руке, монограммой «ПАР» [23, с. 60]. Выпуск этих монет в середине — второй половине I в. до н. э. показывает, что Херсонес испытывал влияние боспорского монетного двора как результат подчинения боспорским властителям этого времени. Однако его включение в боспорскую державу должно было оговариваться сохранением у него некоторой автономии, как у Пантикапея и Фанагории. В конце 50-х — начале 40-х годов до н. э. Фарнак покончил с самоуправлением ряда подвластных городов (App. Mithr., 120) [44, с. 91; 45, с. 234, 235], в том числе, вероятно, и Херсонеса.

Воспользовавшись междоусобной борьбой на Боспоре Фарнака и Асандра, херсонесцы в 46 г. до н. э. при посредничестве Гая Юлия Сатира, оказавшего в свое время услуги Цезарю и получившего за это римское гражданство (IPE I², 691), добились свободы от власти правителей Боспора. Естественно, что отношения города с Цезарем, ставшим диктатором, улучшились. В то же время отношения с Цезарем Асандра, сменившего на боспорском престоле Фарнака в 46 г. до н. э., были совсем неудовлетворительными. Вплоть до конца своих дней (март 44 г. до н. э.) Цезарь не признавал Асандра царем Боспора [46, с. 1516; 47, с. 777]. В этих условиях Херсонес в 45 г. до н. э. выпустил две разновидности оболов с легендой, подтвердившей получение им элевтерии, а также полным именем магистрата, что было невозможно в период боспорской зависимости [23, с. 60, 61]. Асандр, захвативший власть на Боспоре тотчас после битвы Цезаря с Фарнаком при Зеле (2 августа 47 г. до н. э.), не сразу оказался полновластным хозяином в Пантикапее. Бежавшему от римлян Фарнаку удалось с помощью скифов и сарматов завладеть европейским Боспором (App. Mithr., 120; Cass. Dio. XLII, 9, 46; [47]; КБН, 29). Лишь через некоторое время Асандр, удерживавший за собой азиатскую половину царства, в решающем сражении победил Фарнака. Мы склонны полагать, что Асандр вошел в столицу Боспора лишь в начале 46 г. до н. э. после победного сражения с Фарнаком. В 46 или начале 45 г. до н. э. Асандру пришлось столкнуться с Митридатом Пергамским, посланным против него Цезарем, так что окончательно закрепиться на престоле он смог только не ранее конца 45 — начала 44 г. до н. э. Асандр начал править как архонт, выпустив в обращение в 44—42 гг. до н. э. золотую и медную монеты с этим титулом. Начиная с 41 г. до н. э., он помещал на золотых статерах свой портрет и царский титул [48, с. 6; 49, с. 63—66]. Принятие Асандром царского титула стало возможным после разгрома республиканцев при Филиппах в 42 г. до н. э.[5], когда в 41 г. Марк Антоний приблизил к себе ряд восточных царей и отменил мероприятия Цезаря, предоставившего свободу некоторым греческим городам, в числе которых был и Херсонес Таврический. Принятие Асандром царского титула стало возможным также в результате брака с Динамией, дочерью Фарнака и внучкой Митридата VI, легитимной наследницей престола (Cass. Dio., LIV, 24). После 42/41 гг. до н. э. монетный чекан вновь указывает на подчинение Херсонеса царям Боспора. На херсонесских монетах этого времени встречаются надчеканки в виде

[5] Существует и другая хронологическая схема правления Асандра, сводящаяся к тому, что он получил царский титул уже в 44 г. до н. э., а править начал в 47 г. до н. э. [46, с. 1516, 1517]. Эта периодизация не учитывает, однако, борьбы Асандра с Фарнаком и Митридатом VII Пергамским в 47—45 гг. до н. э. после битвы при Зеле и захвата Фарнаком вновь Пантикапея и Феодосии.

пятилучевой звезды и полумесяца, характерные для боспорских монет, выпущенных после принятия Асандром титула царя [23, с. 61; 42, с. 53]. На некоторых херсонесских монетах, пущенных в обращение еще при Фарнаке, также имеется надчеканка звездочками. Это, по убедительному мнению К. В. Голенко, характерно для монет, обращавшихся в годы, ближайшие к принятию царского титула Асандром [42, с. 52, 53]. Перечеканка Асандром некоторых херсонесских монет с типом орла и молнии [23, с. 59; 42, с. 51] прямо может свидетельствовать о вхождении Херсонеса в состав Боспора, очевидно, тотчас после принятия Асандром царского титула. Ведь мероприятия этого царя по строительству оборонительного вала в районе Перекопского перешейка (Strabo, VII, 4, 6) могли быть возможны только после присоединения Херсонесского государства, что произошло в результате санкции Марка Антония.

Август, победив Антония, подтвердил в 24 г. до н. э. элевтерию Херсонеса, что вызвало там появление собственной эры (см. выше). Однако вскоре город вновь был вынужден принять протекторат Боспора, формально не теряя самоуправления, но обязуясь присылать боспорским царям войска (ср. IPE I², 419, 573, 354, 704) [50, с. 59]. В 17/16 гг. до н. э. Асандр после 29 лет правления умер в возрасте 93 лет после безуспешной борьбы с неким Скрибонием, оспаривавшим у него власть (Ps.-Luc. Macrob., 17).

В истории взаимоотношений Херсонеса и Боспора при Асандре существовало два периода, когда боспорский властитель мог пытаться захватить Херсонес Таврический: 1) 45—40 гг. до н. э., когда Асандр еще не являлся царем, а Херсонес пользовался кратковременной «свободой»; 2) 24—17 гг. до н. э., когда Асандр уже в преклонном возрасте, достигнув всей полноты власти, мог попытаться вернуть город, получивший подтверждение у Августа обещанной ранее Цезарем свободы.

Имеется, однако, ряд моментов, не позволяющих принять последнее предположение. В тексте повествования о Гикии с хронологической точностью, свойственной автору местной херсонесской хроники, указано, сколько лет проходило с момента того или иного события. В общей сложности события рассказа, касающиеся взаимоотношений с Боспором при Асандре, охватывают около пяти-шести лет (от первого приезда послов с предложением о браке сына Асандра и Гикии до гибели боспорцев в ее доме). Если допустить, что означенные события имели место в 23—17 гг. до н. э., то это будет противоречить римской и боспорской политике в указанный период. Асандр был признан царем с ведома Октавиана (Ps.-Luc. Macrob., 17), поэтому вряд ли он пошел бы на нарушение статус-кво Херсонеса, установленного в 25/24 гг. до н. э. императором, принявшим в 27 г. до н. э. почетное имя Август. В дополнение ко всему Асандр носил титулы «друг Цезаря и друг римлян» (КБН, 30, 40), и нет оснований полагать, что по получении титула царя Боспора он стал бы действовать вопреки воле Рима. К тому же в конце его правления можно думать о существовании некоторой оппозиции его власти, что вылилось в открытое выступление Скрибония, несомненно отвлекавшее Асандра от борьбы за Херсонес.

Кроме того, упоминание «первенствующего» Ламаха, отождествляемого со «стоящим во главе управления», как представляется, не могло иметь место после 25 г. до н. э., так как с этого времени херсонесские декреты вносятся по предложению проэдров, а не коллегии номофилаков и «стоящего во главе управления» (ср. IPE I², 354, 357), как до того. Упоминание в легенде о сыновьях Асандра, один из которых женился на Гикии, больше подходит для 40-х годов до н. э., чем для конца 20-х годов, когда Асандру было под девяносто. Асандр родился приблизительно в 110 г. до н. э., а на Динамии женился ок. 42/41 гг. до н. э. в возрасте 68 лет. От этого брака у него был сын Аспург (КБН, 40) и вряд ли кто-либо еще. Если справедлива точка зрения В. В. Шкорпила и М. И. Ростовцева, высказанная на основании надписи КБН, 913 ([Ἀσ]ανδρου, Γλυκάρεια δά̣μα[ρ]), то Асандр до брака с дочерью Фарнака, закрепившего его права на престол, был женат на некоей Гликa-

рии [51, с. 21]. Указания легенды о сыновьях Асандра получают таким образом, под собой реальную почву, поэтому события легенды происходили скорее всего в те годы, когда Асандр был архонтом Боспора (44—41 гг. до н. э.) [6].

Данный вывод подкрепляется тем, что после отмены Антонием в 42—40 гг. до н. э. некоторых мероприятий Цезаря на Востоке, попытки царя Боспора завладеть Херсонесом теряли всякий смысл, поскольку город вновь перешел под протекторат Боспорского государства. После битвы при Зеле (47 г. до н. э.) и до смерти Цезаря (март 44 г. до н. э.) отношения Асандра с диктатором были по большей части плохими, и ничто не мешало Асандру вопреки воле и интересам Рима попытаться завладеть Херсонесом, получившим свободу от власти боспорского правителя. Борьба Цезаря с сенатской оппозицией, возвышение и падение Буребисты в Северо-Западном Причерноморье (44 г. до н. э.) лишь развязывали руки Асандру для беспрепятственной борьбы за Херсонес. Прибытие на Восток Марка Антония еще больше укрепило позиции Асандра, ставшего боспорским царем и получившего наконец Херсонес в свои руки.

Указанная датировка событий легенды подтверждается тем, что в херсонесских надписях 45 г. до н. э. (IPE I², 347, 691) восстанавливается имя одного из членов коллегии номофилаков — Λάμαχος Δαματρίου т. е. Ламах, сын Деметрия. Оно соответствует имени «венценосца и первенствующего» Ламаха, отца Гикии в названной легенде. Не исключено, что это одно и то же лицо. Кстати, патронимик другого члена той же коллегии Аполлония, сына Зета, в данных надписях соответствует имени знатного гражданина Зета, сына Зетона, упомянутого в легенде о Гикии. Возможно, что между 45—40 гг. до н. э. Ламах, сын Деметрия, замещал должность «стоящего во главе управления» и потому мог попасть в херсонесскую хронику, послужившую источником для рассказа о подвиге Гикии. Перечисленные факты свидетельствуют в пользу предположения, что безымянный херсонесский хронист пользовался городским эпиграфическим архивом Херсонеса.

Таким образом, легенда о подвиге дочери Ламаха отражает в своей основе реальные события, связанные с неудачной вооруженной попыткой Асандра — архонта, а затем царя Боспора между 45—40 гг. до н. э. завладеть Херсонесом, получившим элевтерию в 46 г. до н. э. при Цезаре. Она восходит к местной херсонесской традиции, связанной со школой Сириска (херсонесского историка III в. до н. э.), особенностью которой было сообщать чудесные явления верховной богини херсонесцев Девы в трудные для города моменты и взаимоотношения с соседними боспорскими царями. Время жизни автора означенной херсонесской хроники датируется, вероятно, рубежом нашей эры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ростовцев М. И.* Цезарь и Херсонес.— ИАК, 1917, вып. 63.
2. *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков: Вища школа, 1981.
3. *Mommsen Th.* Römische Geschichte. B. V. Berlin, 1885.
4. *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
5. *Шестаков С. П.* Памятники христианского Херсонеса. Вып. III. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. по Р. Х. М., 1908.
6. *Бертье-Делагард А. Л.* Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса.— ЗООИД, 1893, т. XVI.
7. *Васильев А. А.* Готы в Крыму.— Изв. РАИМК, 1921, вып. 1.
8. *Rostovtzeff M. I.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
9. *Ростовцев М. И.* Новые латинские надписи из Херсонеса.— ИАК, 1907, вып. 23.
10. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
11. *Готье Ю. В.* Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. Т. I. Л., 1925.

[6] Нас не смущает, что в тексте легенды о Гикии Асандр носит царский титул. В византийское время и в трактате Константина Багрянородного, в частности, термином «царь» принято было обозначать любого носителя верховной власти предшествующей эпохи, будь то архонт, династ, тиран или кто-либо еще [52, приложение].

12. *Григорьев В. В.* Россия и Азия. СПб., 1876.
13. *Brandis C.* Chersonesos.— RE, 1897, B. III.
14. *Garnett R.* The Story of Gycia.— English Histor. Rev., v. XII. New York and Bombay, 1897.
15. *Bury J.* The Treatise De administrando Imperio.— Byzantinische Z., 1960, B. XV.
16. *Иванов Е. А.* Херсонес Таврический. Симферополь, 1912.
17. *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando Imperio. V. II. Commentary. L., 1962.
18. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
19. *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. B., 1971.
20. *Надэль Б. И.* Из политической истории Боспорского царства в Крыму в начале IV в. н. э.— ААН, 1961, t. IX, fasc. 1—2.
21. *Nadel B.* Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus information on the Bosporan Kingdom in the time of Emperor Diocletian reconsidered.— Dialogues d'histoire ancienne III. 1977. Annales Lettéraires de l'Université de Besançon. P., 1977.
22. *Харматта Я.* К истории Херсонеса Таврического и Боспора.— В кн.: Античное общество. М.: Наука, 1967.
23. *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1977.
24. *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948.
25. *Каллистов Д. П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М.: Учпедгиз, 1952.
26. *Pečirka J.* Country Estates of the Polis of Chersonesos in the Crimea.— In: Ricerche Storiche ed Economiche in memoria di Corrado Barbagallo. v. I. Napoli, 1970.
27. *Жеребцов Е. Н.* Новое о херсонесском склепе 1012.— КСИА, 1979, вып. 159.
28. *Зедгенидзе А. А., Савеля О. Я.* Некрополь Херсонеса V—IV вв. до н. э.— КСИА, 1981, вып. 168.
29. *Дзагурова В. П.* Введение к переводу Мемнона.— ВДИ, 1951, № 1.
30. *Laqueur R.* Lokalchronik.— RE, 1926, B. XIII, Hbbd. 25.
31. *Зограф А. Н.* Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики.— Изв. РАИМК, 1922, вып. 2.
32 *Шелов-Коведяев Ф. В.* Новый декрет из Херсонеса.— ВДИ, 1982, № 2.
33. *Chrissoula V.-T.* Damiurgen: Zur Entwicklung einer Magistratur. Heidelberg, 1977.
34. *Пальцева Л. А.* О должностных лицах херсонесского Совета в первые века н. э.— ВДИ, 1977, № 3.
35. *Brandis C.* Διοίκησις — Διοικητής.— RE, 1899, B. V, h. I, Hbbd. 9.
36. *Латышев В. В.* Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического.— ЖМНП, 1884, июнь.
37. *Ростовцев М. И.* Сириск — историк Херсонеса Таврического.— ЖМНП, 1915, апрель.
38. *Коцевалов А.* Деякі дані про науку й літературу в грецьких колоніях Північного побережжя Чорного моря.— Східній світ, Харьків, 1928, № 5.
39. *Струве В. В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л.: Наука, 1968.
40. *Ростовцев М. И.* Амага и Тиргатао. Одесса, 1914 (отд. оттиск).
41. *Фролова Н. А.* Монетное дело Фофорса.— СА, 1984, № 2.
42. *Голенко К. В.* К датировке некоторых монет Херсонеса.— НЭ, 1962, т. III.
43. *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, № 16.
44. *Сапрыкин С. Ю.* Митридатовские традиции в политике Боспора на рубеже н. э.— In: Concilium Eirene XVI. V. I. Prague, 1983.
45. *Цветаева Г. А.* Поход Фарнака на Фанагорию в свете последних археологических открытий.— В кн.: Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965.
46. *Wilcken U.* Asandros.— RE, 1896, B. II, h. 2, Hbbd. 4.
47. *Brandis C.* Bosporos.— RE, 1897, B. III, h. 1. Hbbd. 5.
48. *Oreschnikow A.* Nouvel essai de chronologie des monnaies d'Asandre.— Annuaire de la Société de numismatique. Macon, 1888.
49. *Орешников А. В.* Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова. М., 1887.
50. *Кадеев В. И.* Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э.— III в. н. э.— ВДИ, 1979, № 2.
51. *Шкорпил В. В., Ростовцев М. И.* Эпиграмма из Эль-Тегеня.— ИАК, 1910, вып. 37.
52. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982.

S. Y. Saprykin

ASANDER AND CHERSONESUS
(On the Authenticity of the Legend About Gykia)

Summary

A story about Gykia, as told by Constantine Porphyrogenitus in his *De administrando imperio*, originated from a local Chersonese chronicle of the turn of our era. It is an important source telling about relations between Chersonesus and the Bosporan Kingdom under Asander. All the details of this story indicate that a Chersonese chronicler used the city's collection of epigraphic material and government acts. The legend is based on myths about the Maiden who protected Chersonesus in moments of danger. According to the story about Gykia, Chersonesus lived through dangerous times when the Bosporan Kingdom made an attempt to conquer it. Since the legend was obviously based on real facts, one can assume that Asander suffered a major set-back when trying to seize the city in 45-41 B. C.

Е. А. САВОСТИНА

АНТИЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЮБИЛЕЙНОЕ I НА ТАМАНИ
(предварительные итоги изучения)

Памятник, об исследовании которого пойдет речь в статье, ничем не примечателен с виду. Его нет на современных картах, не упоминается он и древними авторами.

Это безымянное поселение расположено в 2 км к северо-востоку от Таманского залива на землях совхоза «Юбилейный» Темрюкского р-на Краснодарского края.

По древним, «археологическим» координатам его местоположение таково: он находился в 6—7 км к С—СВ от Кеп, от Таманского толоса — в 10—11 км к юго-востоку и от так называемого Киммерийского вала — в нескольких сотнях метров к северу (рис. 1).

Поселение не отмечено никаким искусственным повышением рельефа и при визуальном обследовании выглядело как небольшое (диаметром до 100—150 м) пятно более светлого грунта, на котором с разбросом до 300 м встречалась керамика, имеющая значительный хронологический диапазон— от IV в. до н. э. по I в. н. э.

Заметим, что в районе между Киммерийским валом и толосом такое пятно не единственное. Пятна расположены с интервалом от 0,5 до 2 км. Эти памятники могли быть известны уже таким исследователям Тамани, как А. С. Башкиров, А. А. Миллер, начавшим планомерное изучение полуострова в 1920—1930-е годы. По всей вероятности, об их существовании знал и Н. И. Сокольский, приступивший в 1960-е годы к составлению подробной карты Тамани. Есть эти памятники и на создающейся в последнее время новой карте [1—5]. Однако практически они не раскапывались, возможно, именно вследствие их обычного, рядового характера.

Тем неожиданнее оказалась находка на одном из таких пятен античного мраморного рельефа (рис. 2) [1]. Он был обнаружен осенью 1982 г. во время глубокой (до 1 м) вспашки поля под виноградник. Благодаря этой находке было решено начать раскопки данного памятника, получившего название Юбилейное I по ближайшему населенному пункту. В настоящей статье мы приводим предварительные итоги работ за 1983—1985 гг.[2]

Для исследования памятника был выбран метод послойного изучения: раскопки велись на уровне одного строительного периода на широких площадях. В результате на глубине до 130 см от условного репера было раскрыто сооружение античного времени (рис. 3). Судя по его планировке и находкам (простая керамика, кухонная, встречена и лепная), оно представляло собой усадьбу или дом сельского типа. По немногочисленному материалу — фрагментам широкогорлых светлоглиняных амфор с двуствольными ручками [6, с. 45], многорожковым пантикапейским светильникам [7, табл. CXXXII, *17*, *18*] и самой поздней из найденных на Юбилейном I монете [8, табл. XLV, *12*] — время существования усадьбы может быть предварительно определено как I в. до н. э.— I в. н. э.

[1] Фотографии А. М. Бочкарева.

[2] Раскопки проводит Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина силами небольшого отряда Гермонасской экспедиции (начальник экспедиции А. К. Коровина).

Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю благодарность коллегам (особенно Анапской, Фанагорийской и Таманской экспедиций) и руководству совхоза «Юбилейный» за помощь и поддержку.

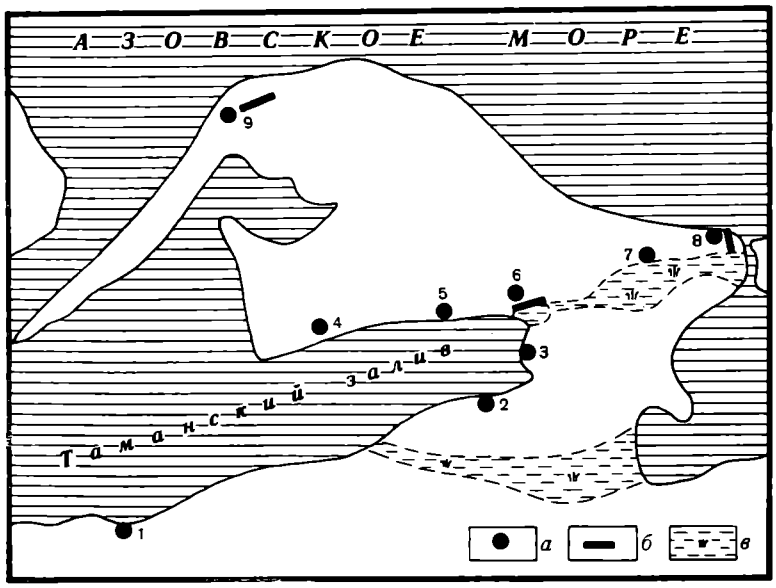


Рис. 1. Карта северо-западной части Таманского полуострова. *1* — Гермонасса; *2* — Фанагория; *3* — Кепы; *4* — Патрей; *5* — Татарский; *6* — Юбилейное I; *7* — Толос; *8* — Пересыпь; *9* — Ильичевка; *а* — поселения, крепости; *б* — валы; *в* — высохшие заливы

Основная часть сооружения сохранилась на уровне фундаментов, тщательно, словно по шнуру, выложенных из необработанного известняка. Немногочисленные фрагменты кладок, поставленные на нем, относятся к каменному цоколю. На основании материалов, полученных при раскопках, можно говорить, что эти фундаменты положены единовременно, на заранее выровненной и снивелированной под один уровень площадке (средний, основной уровень кладки — 115 см). Для выравнивания использовался грунт, содержащий фрагменты керамики IV в. до н. э., иногда (кв. 155) почти целые амфоры (Фасос). На данном этапе исследования памятника пока не удалось установить, был ли этот грунт привозным или являлся культурным слоем поселения, существовавшего до строительства усадьбы.

На уровне фундаментов прочитывается основная структура постройки. Ее общие размеры по внешним сторонам 19,9×16,8 м. Наибольшая ширина наружных стен превышает 2 м, внутренних — 1,5 м. В плане усадьба состояла из трех частей, первая из них (14,90×5,15—5,40 м), по всей видимости, служила двором. Об этом свидетельствуют крупные плиты ее вымостки и практически полное отсутствие керамики. Два помещения, вероятно, предназначались для жилья; их размеры 5,40—5,60×5,40—5,50 и 8,20—8,77×5,40—5,70 м. Полов не обнаружено, но, поскольку котлован помещений хорошо виден на бровке раскопа, можно утверждать, что полы их не были ниже уровня фундамента (т. е. помещения не заглублялись, как это иногда делалось на азиатском Боспоре). Жилые части дома и двор сообщались через проемы в стенах над кладками 8 (отмечено плоскими плитами) и 10 (судя по кладке 10^{A}, фланкирующей проход).

Хотелось бы отметить некоторые особенности кладок усадьбы. Во-первых, в западном фасе кладки 11 выявлены три зубца, выступающих в северной части стены. Можно думать, что это специальный прием кладки — так называемая «пила», применявшаяся для придания большей прочности фундаменту. На такой фундамент предполагалось класть цоколь также «лесенкой», с тем чтобы края камней выступали, как бы разгружая вес остальной стены и в то же время усиливая ее прочность. Насколько известно, на азиатском Боспоре такой прием встречается впервые [3]. Во-вторых, нужно упомянуть характер кладки угла стен 11 и

[3] На нашем раскопе их «разглядел» В. П. Толстиков.

Рис. 2. Надгробный рельеф с изображением сражающегося воина. Мрамор, IV в. до н. э. Найден в 1982 г.

12: он сложен из мелких, очень плотно уложенных камней, уровень которых ниже основного слоя кладки. По всей вероятности, они использовались как дополнительная каменная подсыпка (субструкция) под угол дома, которая для большей прочности дублировалась более крупными камнями.

Особо следует обратить внимание на характер кладки угла стен 12 и 2. Поверх обычной кладки этот угол имеет довольно мощную подсыпку, сохранившуюся до 25 см высотой, состоящую из бута. По четырем сторонам угла лежат обработанные квадратные камни, предназначенные как бы для дополнительной опоры. Возможно, они играли роль дополнительного разгружающего четырехугольника, увеличивавшего прочность всего угла.

Приведенные факты свидетельствуют, что в конструкции постройки даже при мощных несущих и достаточно широких внутренних стенах[4] был предусмотрен дополнительный запас прочности. И это при том, что, по всей вероятности, сами стены не были целиком из камня, а верх их возводился из полуобожженного кирпича, в который примешивалась солома. Такой материал широко известен в Горгиппии и, правда без при-

[4] В усадьбах азиатского Боспора, которые исследователи считают укрепленными, ширина несущих стен до 1,5 м [9, с. 213—219; 10, с. 18—50].

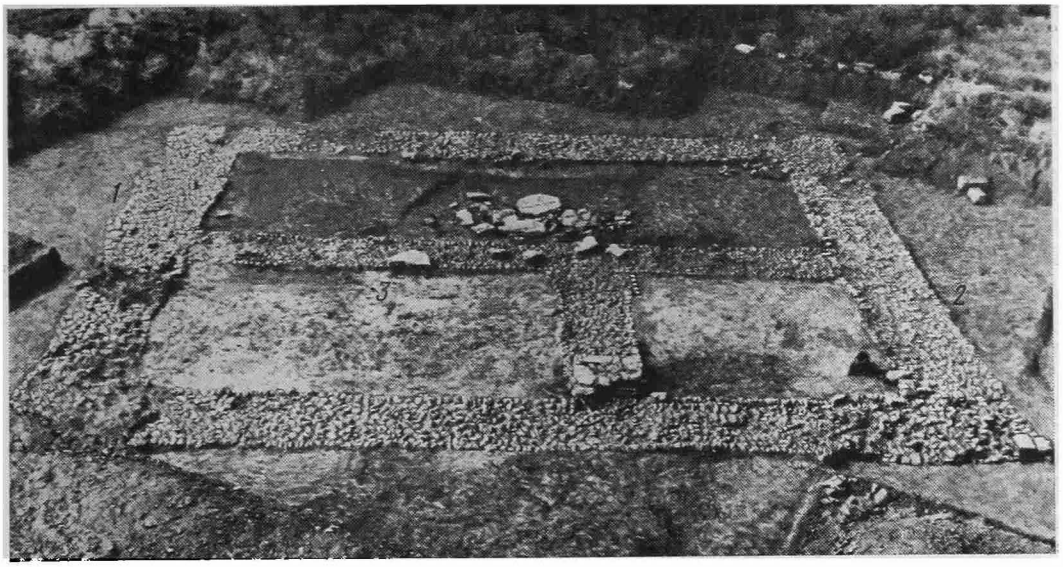


Рис. 3. Общий вид усадьбы I в. до н. э.— I в. н. э. с юга. Места находок рельефов. *1* — 1982 г.; *2* — 1983 г.; *3* — 1985 г. Снимок 1985 г.

месей соломы, использовался в сооружении Толоса [11, с. 82; 12, с. 19]. При раскопках усадьбы найдены фрагменты, по которым установлена толщина кирпича — 7 см. Вероятно, специально под кирпич выравнивалась поверхность цоколя, фрагменты кладок которого дошли до нас на одном уровне.

Однако для каменно-кирпичной кладки потребовалась бы еще меньшая прочность фундамента, чем для целиком каменных стен. В связи с этим можно предположить, что особая мощность фундамента и запас прочности в конструкции стен вызваны многоэтажностью выявленной нами постройки: такой фундамент мог выдержать высоту стен в два и даже три этажа. Этими дополнительными этажами была бы компенсирована и малая жилая площадь (всего два помещения) усадьбы.

Роль этого дома в какой-то системе (хозяйственной, архитектурной) пока не ясна. О том, что этот памятник, возможно, и не был замкнут, говорит вымостка, подходившая с востока к внешней стене дома.

Одной из особенностей постройки является большое количество использованных в ее кладке архитектурных и скульптурных деталей и фрагментов. Едва ли не все крупные известняковые камни, из которых сложен цоколь этого дома, вторичного использования. В северной стене усадьбы (кладка 6) более 20 камней, дошедших до нас (т. е. практически все), обработаны. Некоторые из них представляют собой необычной формы блоки со скошенной под углом торцовой гранью (углы наклона примерно 40°). Встречаются блоки с боковыми пазами, специально сделанными для захвата при подъеме и переносе их с помощью механизма. Размеры блоков непостоянны: 44×32,5×23; 51,5×28×30,5 см, форма не совсем правильная.

Специфический характер блоков может, как представляется, свидетельствовать о том, что они некогда относились к одному сооружению, а нахождение их рядом, в одной стене — что они были доставлены на строительство усадьбы одновременно и из одного места.

В разных концах усадьбы найдены крупные фрагменты профилированных архитектурных частей, в их числе — два фрагмента разных архитравов ионийского ордера. Многие детали вторичного использования, в том числе и неархитектурные, встречены в мелких фрагментах. Как оказалось, измельчены они были специально, по всей видимости, для более плотной укладки фундамента. Бóльшая часть их соединилась при реставрации. Так, склеились части карниза, найденные на разной глубине и в разных отрезках кладки 2, совпали части мраморного лутерия (диаметр 80 см), в разные годы найденные в кладках 7, 11, в завале

Рис. 4. Фрагмент фриза (?) с изображением битвы. Известняк, IV—III вв. н. э. Найден в 1983 г.

над кладкой 8 и южной части кв. 142. Практически без зазора соединились 9 совсем мелких фрагментов известнякового фронтона (нижняя часть его левого угла), от которого сохранилась полочка (высота 7,7 см) с фрагментом карниза и остатками красной краски на нем. Они найдены на расстоянии до 8 м друг от друга в кладках 10 и 11. В той же кладке 11 найден фрагмент с верхней полочкой фронтона (высота ее 7,7 см) — также от угла, только уже правого. На нем тоже сохранилась красная краска. Рядом обнаружен фрагмент сложнопрофилированной симы. Скульптурное оформление водослива симы в виде головы льва найдено в кладке 2.

Материал (плотный керченский известняк), способ обработки поверхности, одинаковая высота полочек обоих фрагментов фронтона и даже сохранившаяся на них краска, как представляется, указывают на принадлежность обоих фрагментов к одному фронтону. Более того, в одной системе с их размерами хорошо увязываются и другие, найденные в разные годы детали, причем некоторые из них (например, валик карниза) имеют уплощенную поверхность. В числе деталей, имеющих соразмерные пропорции частей,— блок ионийского архитрава (из кладки 4), а также найденный в 1983 г. при обследовании места будущего раскопа барабан гладкоствольной колонны (диаметр 41 см). К ним можно добавить часто встречающиеся в подъемном материале и в слое фрагменты каменной черепицы. .

Сейчас мы начали работу, в которой пытаемся связать все эти элементы в одно целое, и если не реконструировать все сооружение (для этого, по всей видимости, недостаточно данных), то хотя бы восстановить его тип. Пока можно представить его только по части фасада — как небольшое сооружение ионийского ордера конца IV в. до н. э. Однако дата приблизительна. Возможны и середина IV в. до н. э. и рубеж IV—III вв. до н. э.

Среди материалов вторичного использования особо выделяются три античных рельефа: два мраморных, найденных в 1982 и 1985 гг., и один известняковый — находка 1983 г. Известняковый рельеф был найден в трех фрагментах, лежащих вниз изображением, среди камней вымостки 1 на глубине 80—90 см. Эти фрагменты соединились практически без зазоров и составили живописную сцену битвы (рис. 4), в свою очередь также являющуюся фрагментом чего-то целого. Высота сохранившегося фрагмента 120, толщина плиты 21, высота рельефа 5 см [5].

В целости сохранился только один (левый) край плиты. Как видно на рисунке, он обработан хуже, чем лицевая поверхность рельефа, следовательно, или с этой стороны присоединялись плиты с продолжением композиции, или же плита приставлялась к какой-то кладке. Во всяком случае, этот край был закрыт.

Остальные стороны рельефа имеют острые, неровные края. Для хода дальнейшего рассуждения важно отметить следующее. Во-первых, фрагменты рельефа (также с острыми краями), как говорилось, соединились без зазоров. Во-вторых, также идеально нашел свое место в скульптуре фрагмент акинака (на рис. 4 — в центре), найденный на другой глубине (—100 см) и в другом квадрате (кв. 125, примерно в 5 м к северу от вымостки 1). В-третьих, при составлении фрагментов рельефа соединились и темные пятна на его поверхности от глубоко прошедших почвенных солей, оставшиеся даже после реставрации; по мнению реставраторов [6], они образовались от долгого лежания лицевой поверхностью вниз. Наконец, и это кажется особенно важным, фрагменты рельефа найдены на уровне до —120 см в кладках фундамента: в кладке 11 — фрагмент ноги в мягком сапожке, в кладке 12 — фрагмент руки.

Приведенные наблюдения позволяют сделать следующие выводы. 1. Плита была расколота специально и на месте, иначе от нее не отскочил бы фрагмент с акинаком. 2. До того как ее использовали для строительства усадьбы, она довольно долго пролежала вниз лицевой поверхностью, следовательно, памятник, к которому она относилась, погиб задолго до сооружения нашей усадьбы. 3. То, что находятся и другие фрагменты, не нашедшие пока своего места в большом фрагменте, может свидетельствовать о существовании продолжения композиции (возможно — вправо, а, может быть, и на другой плите). 4. Факт находки фрагментов одного рельефа и в фундаменте, и в вымостке еще раз подтверждает предположение о единовременности как постройки, так и доставки для нее строительного материала. А это может указывать на связь фрагмента рельефа с архитектурными ордерными деталями.

Действительно, материал их однороден, поверхность уплощена. Характер композиции дает основание утверждать, что эта плита относилась к фризу. Вместе с тем высота рельефа — даже если продолжить его вниз хотя бы на 20—30 см [7], а вверх — на высоту всей сохранившейся фрагментарно крайней правой фигуры — составляла около 2 м, что, конечно, было бы слишком велико для верхнего фриза (тогда бы размеры самого здания превысили размеры Парфенона). Кроме того, та подробность, детальность, с которой выполнены фигуры, была ориентирована скорее на их близкий обзор — где-то на уровне глаз человека. Отсюда возникло предположение, что этот рельеф мог быть частью фриза, идущего по

[5] Памятник хранится в ГМИИ им. А. С. Пушкина (инв. № Ф-1570).

[6] Реставрацию рельефов ведет реставратор музея Т. А. Кох.

[7] Более подробное обоснование расчетов структуры композиции приводится ниже.

стене здания, а сама постройка могла быть небольшой и относиться к типу героона, построенного в ионийском ордере. На героонах, как известно, фризы такого рода получили довольно широкое распространение.

Но обратимся к содержанию самого рельефа. На нем в очень сложной композиции представлены пять сражающихся персонажей и три лошади. Главной на фрагменте можно считать пару на переднем плане, показанную в кульминационный момент поединка: всадник (?) — он дан со спины — схватил за волосы пешего противника и занес меч. На втором плане изображение другой пары сражающихся: от удара меча пешего воина с лошади (вправо) падает всадник. Выше этой уцелела часть еще одной фигуры, также сидящей на лошади (влево). За переплетением рук и тел трудно различить детали, особенно последующих планов. Иногда они угадываются только по курватуре рельефа, чего не видно на фотографии: от изображения лошади второго всадника прослеживаются линии живота (под левой рукой первого всадника) и крупа (под рукой пешего с мечом), от лошади третьего всадника — часть груди (на ее фоне показан акинак пешего воина) и передней ноги.

Композиция рельефа чрезвычайно насыщена и сложна. Фигуры показаны не только в нескольких планах (вероятное число которых около пяти), но и в нескольких — в данном фрагменте по крайней мере в трех — ярусах: одна пара сражающихся над другой. Естественно, возникает вопрос, как они связаны между собой, держат ли эти фигуры каким-то образом один уровень или он нарушен, так же как и, в общем, весь традиционный прием греческой композиции.

Окончательный ответ на данный вопрос сейчас, конечно, дать невозможно. Однако хотелось бы поделиться некоторыми соображениями на этот счет.

При детальном рассмотрении рельефа оказывается, что у левой фигуры переднего плана так показаны складки одежды, что создается впечатление, будто одежда собралась выше колен и оттуда спадает вниз. Именно так показаны складки у коленопреклоненной фигуры на Памятнике Нереид [13, рис. 44]. Поэтому можно предположить, что и наш персонаж стоит на коленях, хотя в таком случае возникают затруднения с трактовкой положения лошади — но возможно, она изображена также с подогнутыми ногами.

Меньше сложностей со второй парой сражающихся: левый персонаж изображен стоящим в полный рост, и положение его стоп и коленей воина из первой пары, по всей вероятности, придется на один горизонт На том же уровне, можно думать, стоит лошадь под всадником из этой пары.

Труднее определить тот уровень, на котором расположен пятый, самый верхний персонаж. Можно допустить, что он показан в каком-то ином горизонте. Но если продолжить рассуждения в выбранном русле, то может показаться важным тот факт, что конь этого всадника, от которого сохранилась часть груди и передняя нога, не стоит. Он или скачет, или поднят на дыбы (как на известном бронзовом фаларе из кургана Большая Близница [14, № 298]). В последнем случае задние ноги лошади будут находиться как раз на том уровне, где расположен общий нижний горизонт рельефа.

Таким образом, возможно, что вся композиция рельефа (вернее, его известного фрагмента) строится относительно уровня второй пары (хотя, как уже говорилось, в сюжете главной, безусловно, надо считать первую пару). Если следовать логике такой композиции, то третий ярус должен быть в вертикальном ее построении последним, завершающим, поскольку здесь идет как бы связка всех трех ярусов через один горизонтальный уровень. Кроме того, именно в среднем ярусе, в переплетении рук нескольких фигур, прослеживается как бы структурный центр, ось композиции всего этого сложного, запутанного, но в то же время гармоничного клубка.

Для более полного понимания подобной, впервые встреченной композиции чрезвычайно важным будет решение вопроса о перспективе:

отличаются ли пропорции и размеры фигур первого, второго и третьего ярусов. Но пока эти обмеры не проводились.

Дальнейшая разработка трактовки композиции, ее уточнение и поиски аналогий зависят от решения одного из главных вопросов; кто здесь изображен? Эта проблема, одна из наиболее сложных, уже сейчас вызвала немало прений. Кто это: мужчины или женщины?

На мой взгляд, в главной паре — единственной, где сохранились лица, справа изображен мужчина (тяжелый массивный подбородок, волевые очертания рта), слева — женщина (более утонченное, мягких очертаний лицо и очень длинные — особенно на втором плане — волосы). Основные аргументы против этой точки зрения следующие: волосы длинные у обеих фигур, а никаких других признаков того, что это женщина, нет. Одежда же и вооружение у всех сражающихся одинаковые, негреческие. У правого воина длинные волосы, подвязанные ремешком так, что спереди получался кок; такую прическу, судя по изображениям, носили скифы [15, с. 110]. На этом основании высказывалось мнение, что на рельефе представлена борьба молодых и старых скифов, известная по Геродоту (Her., IV, 3). Однако в иконографии этого сюжета, изображенного на горите из кургана Солоха [16, с. 129], дано противопоставление возрастов (старые скифы бородаты), чего нет на нашем рельефе. Кстати, на горите может быть наиболее близкая аналогия верхней части фигуры персонажа с первого плана: трехчетвертной разворот головы, торс — впрямь, тянущаяся к противнику левая рука, в правой — оружие.

Обратимся снова к одежде, вооружению и Геродоту. Все персонажи одеты в одинаковое платье местного типа: штаны (левая стоящая фигура) и верхнюю одежду с рукавами с той лишь разницей, что у коленопреклоненной фигуры первого плана и конной второго она длиннее, чем у стоящей фигуры. Судя по фрагменту ноги, найденному отдельно в кладке, обуты воины в мягкие полусапожки, которые, как у скифов и саков, перевязывались одним и тем же ремнем у лодыжки и под сводом стопы [15, с. 110].

Такую одежду с рукавами в литературе по Северному Причерноморью чаще всего называют скифским кафтаном. Считается, что она является принадлежностью скифской знати и происходит от древнего кандиса — одежды персидской знати [17, с. 95]. Для нее характерно отсутствие ворота, застежек (она запахивается и стягивается поясом) и очень узкие и длинные рукава. Именно такого типа кафтан мы видим на персонажах нашего рельефа. Рукава его действительно и очень узкие (иначе при движении вверх обнажились бы руки), и очень длинные (при таком натяжении на них еще есть складки). Край рукава, судя по правой руке коленопреклоненной фигуры, по всей видимости, имеет косой срез, как и в найденном во II Пазырыкском кургане настоящем «скифском кафтане» [15, с. 105, рис. 56].

Для нас важным представляется то, что эта одежда была практически одинакова у всех племен скифской культурной общности, несмотря на огромные разделяющие их пространства. Об этом говорит и Геродот (Her., IV, 23), и упомянутые здесь находки.

Свои отличия у них имели некоторые типы оружия, хотя ланцетовидное копье, которое держит в руке персонаж на первом плане рельефа, не имеет ни четкой локализации, ни хронологии. Не менее широко распространены и гориты, изображенные здесь дважды. Судя по всему, гориты нашего рельефа предназначались для небольшого лука скифского типа. Они имеют два отделения (для лука и стрел), одно из них, по всей видимости, с крышкой, предохраняющей оперение стрел [18, с. 32]. Предварительно гориты можно датировать IV в. до н. э. [18, с. 84, 85, рис. 61, 63].

Более четкую этнографическую характеристику имеют изображенные на рельефе мечи. Они явно нескифского типа — без обычного для них перекрестия [19; 20, с. 29, 31, рис. 3, 4, 5]. Это оружие использовалось как для рубящего, так и для колющего удара, что на рельефе очень наглядно демонстрируется. Такой короткий меч (у нападающего персонажа

первого плана) — с ребром на лезвии, без перекрестия и с брусковидным навершием — может быть определен как меч савроматского типа (IV в. до н. э.) [21, с. 30; 22, с. 59, рис. 22, *3*].

Итак, вооружение приводит нас к савроматам, внешний облик которых во многом схож с племенами скифской общности. Но что для нас особенно важно, в одежде их женщин и мужчин нет особой разницы. В связи с этим вспомним рассказ Геродота о том, как скифы, вступив в битву с неизвестными, появившимися в их краях (как им казалось — молодыми мужчинами), только по трупам определили, что это женщины. Ими были амазонки, захваченные греками в плен и бежавшие с их кораблей (Her., IV, 110, 111). Может быть именно с этим моментом, когда, наконец, обнаружилась истина, можно связать изображенный в кульминационной сцене эпизод: как бы случайно рассыпавшиеся длинные женские волосы, до этого спрятанные (спереди они показаны как бы заткнутыми) за полу кафтана. Надо полагать, что на рельефе представлена Амазономахия. Но, по всей вероятности, не классический, а местный вариант: амазонки и скифы (от которых, по геродотовой легенде, пошли савроматы) (Her., IV, 116).

Конечно, может быть не нужно так буквально следовать Геродоту в трактовке сюжета, превращая его тем самым в иллюстрацию. Но главное направление в толковании сюжета и определении дальнейших путей его исследования, кажется, должно идти именно в этом русле. В этой связи важным и неслучайным является изображение гривны на амазонке: скорее всего это отличительный признак ее власти (может быть, царского достоинства) [8]. В таком случае к общему сюжету добавляется мотив поединка царицы амазонок с героем, широко распространенный и в мифах, и в искусстве.

И наконец, нужно остановиться на одной очень важной, но пока оставленной нами в стороне детали рельефа — отрубленных головах, изображенных на фоне шеи лошади (вероятно, способ их прикрепления был показан краской: на узде или на шейном ремне, если он был).

Геродотовский рассказ об отрубленных головах, посаженных на кол, скальпах и прочих проявлениях кровожадности, известных в обычаях скифов и тавров (Her., IV, 64, 103), оказался настолько впечатляющим, что именно сцены с отрубленной головой привлекли внимание изготовителей подделок [24, с. 42] [9]. В подлинных же работах этот мотив практически не встречается, за исключением раннего периода [26, с. 173, рис. 9]. Хотя в Пазырыкских курганах есть случаи украшения конской сбруи деревянными и кожаными масками, в которых можно видеть имитацию отрубленных человеческих голов — как пережиток реальной традиции [15, с. 320, табл. XLIII; 27, с. 46, табл. XI, *2*]. О том, что этот обычай существовал еще во времена Троянской войны, свидетельствует «Илиада». В битве за тело Патрокла Гектор влек его, чтобы отрубить голову «изощренною медью, труп же его изувеченный псам на съедение бросить» [Hom., II, XVII, 125]. Дальше в рассказе эта тема повторяется: «... и патроклову голову он замышляет

С белой выи срубить и на кол вонзить в поругание» (Hom., II, XVIII, 175 сл.).

Итак, обычай отрубать голову врага был свойствен не только кровожадным скифам, но и в раннее время грекам. По-видимому, в таком способе поругания врага заключался особый смысл. Именно лицо — глаза, рот — покрывалось маской при погребении. Возможно, лишая тело умершего врага головы, воин лишал его и дальнейшего, проходившего по ту сторону бытия существования. А общество, к которому тот принадлежал,— той силы, которой питали его герои (особенно герои-умершие): не случайны жестокие битвы за тело героя, описанные в «Илиаде». Их

[8] Известны изображения амазонок с гривной, например, из Эпидавра (Афинский национальный музей, 136. Около 380—370 гг. до н. э.) [23, с. 128].

[9] Одну из таких работ попыталась «реабилитировать» В. А. Ильинская [25]. Но пока высказанные ею аргументы оказались убедительными не для всех исследователей [18, с. 121].

кровавость и ярость сражающихся, можно думать, вызвана мыслями не только о частной судьбе погибшего, но и о коллективном, их собственном общественном благополучии. В связи с этим подвиг того, кто этого врага убил, приобретает особое значение.

Особый смысл имеет изображение человеческих голов и на рельефе из Юбилейного I. Оно является здесь как бы дополнительным штрихом к героической характеристике персонажа. К какому из двух он относится? Судя по иконографии, лошадь может принадлежать и поверженной амазонке (тогда ее противник пеший, как и левый персонаж), что характерно для иконографии боя амазонок с греками. Однако, исходя из той идеи, которую мы предполагаем в изображении этой пары — поединок предводителей амазонок и воинов скифского (местного) типа (т. е. конников), лошадь с такой эмблемой должна относиться к мужскому персонажу: статус амазонки уже подчеркнут изображением на ней гривны, трофей же выделяет предводителя ее противников.

Выбранный для фриза мотив амазономахии не случаен; он как нельзя лучше подходит для идеи героона: в конкретном значении — как прославление подвигов героя и в более общем — как символическое олицетворение борьбы жизни и смерти.

В художественном решении этой темы в рельефе использованы многие элементы различных греческих вариантов иконографии битвы с амазонками [10]. Тем не менее мастеру (а им был, безусловно, боспорский мастер) [11] удалось избежать слепого, механического их повторения. В результате перед нами настоящее, оригинальное произведение искусства, один из самых ранних известных сейчас примеров школы боспорских мастеров.

Именно поэтому — поскольку практически нет сравнительного материала и, следовательно, еще не выявлены какие-либо закономерности в развитии искусства этого направления — трудно определить дату нашего памятника. Предварительно он был отнесен к концу IV — началу III в. до н. э.[12], но, возможно, что он и более раннего времени [13].

Более отвлеченным материалом среди всего того, что найдено на Юбилейном I, кажутся мраморные рельефы.

Вернемся к находке 1982 г. (рис. 2) [14]. Высота плиты 1,48 м. Ширина 0,91 (сохранилась); толщина 0,17 м. На плите в технике горельефа (высота рельефа 11 см) изображен юный воин в боевой позе, вправо. За спиной обнаженного юноши развевается плащ, концы которого скреплены на груди. Плуг повредил поверхность рельефа, особенно левую руку воина. Возможно, тогда же откололся фрагмент со щитом, найденный рядом. На правой руке, на том месте, где должен был бы быть меч, остались скол (утрачена часть пальцев) и глубокий паз, предполагающий какое-то крепление. Пока (до более тщательного обследования памятника после его реставрации) нельзя с уверенностью сказать, предназначалось ли это отверстие для штыря, соединяющего мраморные ча-

---

[10] Во фрагменте соединены основные мотивы амазономахии: 1) поединок с царицей; 2) грек стаскивает амазонку за волосы с коня; 3) амазонка на вздыбленном коне нападает или отражает удар [28, I/1, с. 586—662, I/2, табл. 440—532].

[11] Хотя в работе чувствуется и хорошая классическая школа (однородная высота рельефа, логичность композиции), не только этнографические детали, но и уплощенность рельефа, многорусный характер композиции, резкость (и подчас неумелость) в изображении таких пластических элементов, как, например, складки одежды, говорят о местном производстве.

[12] Датировка «от противного»: в более позднее время стиль боспорских мастеров сухой, фигуры представлены в иератических позах. И в композиционном замысле, и в пластическом его решении заметны угловатость, плоскостность, нарушение пропорций фигур.

[13] Во-первых, более ранний тип изображенного на нем оружия (IV в. до н. э.); во-вторых, он кажется ранним по сравнению с наиболее близким ему по хронологии и технике изготовления рельефом из Трехбратнего кургана, датируемого III в. до н. э. [29, с. 131, рис. 3].

[14] Рельеф находится в Таманском историко-археологическом музее, что затрудняет его подробное исследование. В связи с этим неоценимой оказалась помощь таманских коллег, особенно О. В. Богословского, в свое время перевезшего этот памятник с поля и теперь любезно предоставившего его для публикации.

сти рельефа, или вся предполагавшаяся вставка — меч — была из другого материала (например, бронзы). Такое предположение вполне допустимо, если учесть размеры отверстия и уже известные (хотя и редкие) случаи такого сочетания материалов [30, с. 28, 29, табл. 36, *26*].

Любопытны и другие детали рельефа: голова юноши показана «под обрез» верхней части плиты и даже несколько уплощена. Также показан щит, сохранившийся на фрагменте. Это позволяет предполагать существование архитектурного обрамления, в которое был «вписан» рельеф. Датировка найденного рельефа, можно думать, не составит особой сложности. Достаточно приземистые пропорции всей плиты, особенности передачи тела, контрастирующие планы фона и изображения (оно, как упоминалось, выполнено в горельефной технике) [31, с. 57] и его иконография [32, табл. 260, *630*, табл. 259, *633*], довольно распространенная среди классических надгробных рельефов,— все это позволяет отнести памятник к IV в. до н. э., точнее к его третьей четверти.

Более сложно, как представляется, определение центра изготовления рельефа. Несмотря на то, что, на первый взгляд, и материал — паросский мрамор, и иконография, судя по известным памятникам, непопулярная в восточногреческом искусстве[15], указывают на то, что им скорее всего могла быть Аттика, все же в этом пока нельзя быть окончательно уверенным. Сомнения вызывают некоторая «сухость» трактовки тела воина, складок его плаща, несколько скованная его поза. Однако в любом случае бесспорна греческая (не боспорская) мастерская.

В 1985 г. в помещении 3 на уровне пола (отметка — 111 см) была обнаружена большая, хорошо обработанная плита (рис. 3, *3*). По всей видимости, она была связана с мергелевой плитой, перекрывающей кладку 8 в месте прохода в помещение 1, то есть она служила или продолжением этой вымостки, или продолжением порога. На лицевой стороне плиты оказалось изображение двух воинов в коринфских шлемах, выполненное в технике горельефа (рис. 5) [16]. Высота плиты 1,88 м; ширина: внизу — 94, вверху — 85 см. Толщина плиты 25 см, высота рельефа 12 см. На верхнем торце плиты два круглых пиррона (следы железных штырей в свинцовой обкладке). Изображение на этом рельефе выполнено также вкрай с плитой, причем боковые стороны фигур даже выступают из ее границ. Особенно это касается фигуры бородатого воина, у которого из рамок плиты выступает рука, держащая щит. Она не продолжается вглубь, а срезана наполовину, что, как и сохранившиеся крепления, неопровержимо свидетельствуют: этот памятник, как и находка 1982 г., имел архитектурное обрамление, вероятно, он вставлялся в эдикулу.

Композиция рельефа проста: две фигуры воинов, молодого и более зрелого, представлены в полный рост, позы их свободны, лица обращены друг к другу. Сложнее определить сюжет изображения.

Весь характер памятника говорит о том, что это надгробие. Прежде всего в этом изображении нет той повествовательности, характерной, например, для фризового рельефа как и на рельефе с Амазономахией), где события развиваются в действии, а через показ событий, сменяющих одно другое, передается смысл изображаемого. Здесь же все смысловое содержание, по всей видимости, несут более отвлеченные моменты: и поза, и манера изображения, и даже передача деталей служат определенными символами, расшифровывающими содержание.

Правый и левый персонажи, несмотря на их воинскую принадлежность, изображены неодинаково. Если левый, более пожилой, изображен в полном снаряжении гоплита (поножи, щит, копье, опущенное втоком вниз, щит, шлем), то в изображении правого воина эти детали, кроме копья, не повторены. Конечно, для классики такая «этнографическая»

[15] В обширнейшем своде Пфуля и Мёбиуса такие примеры (и тоже редкие) встречаются исключительно для более поздних памятников [33, I, табл. 25, *107*; II, табл. 189, *1274, 1275*].

[16] Памятник хранится в ГМИИ им. А. С. Пушкина (инв. № Ф-1601).

Рис. 5. Надгробный рельеф с изображением двух воинов в коринфских шлемах. Мрамор, IV в. до н. э. Найден в 1985 г.

точность перестала быть обязательной, и можно думать, это сделано намеренно, для придания большей живости изображению. Но в данном случае здесь можно видеть и какое-то противопоставленное изображение персонажей — начиная с их возраста.

Смысл (в том числе символический) этого рельефа, как и большинства классических надгробий, пока не разгадан. Здесь даже на основании иконографии нельзя пока точно сказать, кто умерший: кто-то один или оба. Два воина вообще довольно редко встречаются на надгробиях, если конечно, они не изображены в сцене битвы. При этом, как правило, они показаны одного возраста: или оба юны и безбороды [34, табл. CCXVIII, *1073*] (где, кстати, они в коринфских шлемах) [35, с. 21, табл. 16],

или уже оба бородаты [30, с. 30, табл. 38, *29*; 36, с. 210, рис. А]. Лишь в одном случае, на рельефе каменного лутрофора, бородат только левый воин [34, табл. CCXVII, *1072*].

Последние два рельефа (на лутрофоре и из Лувра) иконографически ближе всего к нашему. Особенно это проявляется в развороте фигур на луврском рельефе и деталях: также трактована правая рука правой фигуры, схожий прием в передаче складок хитона на плече. Правый (кстати, и расположение старых и молодых персонажей здесь то же) воин на лутрофоре точно таким же способом, вниз рукоятью, держит меч; на нашем рельефе это ксифос.

Однако практически на всех перечисленных рельефах, где изображена пара воинов, они обмениваются рукопожатием, за исключением стелы из Саламина (*35*, с. 21, табл. 16), где они идут в одном направлении, держа щиты и копья в левой руке.

На нашем рельефе воины и не идут, и не пожимают друг другу руки. Однако нельзя сказать, что они недвижимы. В левой фигуре как бы начинается движение: такое впечатление, что она слегка разворачивается влево. Импульс будто передается правому воину, и он, еще робко, но тоже начинает двигаться (ноги). Таким образом, зрелый воин как бы увлекает молодого, беззаветно внемлющего ему.

Пока, конечно, это только предположения. Для того, чтобы они стали более весомыми, потребуется рассмотреть наш памятник в системе аттических позднеклассических надгробий и выяснить, какие традиции в них он развивает. Необъяснимыми остаются и детали рельефа — явная уплощенность правой фигуры, равномерные, жесткие складки ее плаща. Но в целом этот памятник можно отнести безусловно к аттическим мастерским, а его время по тем же признакам, что и дату рельефа с воином, определить как третья четверть IV в. до н. э.

Работа по изучению рельефов, найденных на Юбилейном I, только начинается. Это особая тема, не связанная непосредственно с раскопками поселения. Что касается последнего, то пока совершенно неясными оказываются причины, по которым редкие для Северного Причерноморья (а на Тамани до сих пор не встречающиеся) памятники оказались вместе в одной кладке. Можно только предполагать, что они находились поблизости от этого района и до начала строительства усадьбы. Где был и к какому полису относился тот некрополь, на котором могли стоять эти надгробия, где сооружено здание героонного типа — на эти вопросы сейчас нельзя ответить даже предположительно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Башкиров А. С.* Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 г.— ТСА РАНИОН, 1928, т. III.
2. *Миллер А. А.* Таманская экспедиция ГАИМК.— СГАИМК, 1932, вып. 1.
3. *Миллер А. А.* Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г.— СГАИМК, 1932, вып. 3, 4, 7. 8.
4. *Сокольский Н. И.* К истории северо-западной части Таманского п-ова в античную эпоху.— Acta antiqua Philopoitaene. Studia archeologia. Sofia, 1963.
5. *Паромов Я. М., Воронов А. А., Николаенко Т. Д., Усачева О. Н.* Отчет о работе по теме «Разработка проектов охранных зон памятников археологии Таманского полуострова». Краснодарский край, 1982.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 8603.
6. *Внуков С. В.* Светлоглиняные амфоры городища Чайка близ Евпатории.— Вестн. МГУ, 1984, № 6, с. 46—50.
7. *Цветаева Г. А.* Табл. «Светильники». Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М.: Наука, 1984.
8. *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, № 16.
9. *Крушкол Ю. С.* Античное здание в районе Горгиппии.— Античная история Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1968.
10. *Алексеева Е. М.* К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии.— В кн.: Горгиппия. 1, Краснодар, 1980.
11. *Алексеева Е. М.* Горгиппия.— Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М.: Наука, 1984.
12. *Сокольский Н. И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука, 1976.
13. *Panofsky E.* Tomb Sculpture. N. Y., 1964.
14. *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в Собрании Государственного Эрмитажа. Прага — Ленинград: Артия — Сов. художник, 1966.

15. *Руденко С. И.* Культура населения горного Алтая в скифское время. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
16. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
17. *Руденко С. И.* Горноалтайские находки и скифы. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
18. *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев: Наук. думка, 1981.
19. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, 1964, вып. Д1-4,
20. *Шрамко Б. А.* Из истории скифского вооружения.— В кн.: Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наук. думка, 1984.
21. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— МИА, 1961, № 101.
22. *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984.
23. Athena. Arheološki Muzej (Predgovor Philippaki P.). Ljubljana, 1980.
24. *Передольская А. А.* Оригинал или подделка? — СА, 1966, № 1.
25. *Ильинская В. А.* Золотая пластина с изображением скифов из коллекции Романовича.— СА, 1978, № 3.
26. *Техов В. В.* Раскопки Тлийского могильника в 1980 г.— СА, 1963, № 1.
27. *Руденко С. И.* Искусство скифов Алтая. М.: ГМИИ. 1949.
28. Lexicon iconographicum Mythologiae Classicae. Zürih — München, 1981.
29. *Бессонова С. С., Кириллин Д. С.* Надгробный рельеф из Трехбратнего кургана.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев; Наук. думка, 1977.
30. *Blümel C.* Katalog der Griechischen Sculpturen des Fünften und Vierten Jahrhunderts V. Chr.— Staatliche Museen zu Berlin, 1928, B. III.
31. *Richter G. M. A.* A Greek Gravestone Commemorading the Death of a Soldier.— Art in America, 1941, № 2.
32. *Conze A.* Die attischen Grabreliefs. B. II. B., 1900.
33. *Pfuhl E., Möbius H.* Die Ostgriechischen Grabreliefs. Mainz am Rhein, 1977.
34. *Pfuhl E.* Malerei und Zeichnung der Griechen. B. III. München, 1923.
35. *Diepolder H.* Attischen Grabreliefs. Des 5 und 4 Jahrhunderts V. Chr. B., 1931.
36. Encyclopedie de l'Art. Paris, 1938.

E. A. Savostina

THE YUBILEINOE I SETTLEMENT IN TAMAN
(Preliminary Results)

Summary

A newly discovered site of the Classical Antiquity was studied between 1983 and 1985 in Taman (Krasnodar Area, Temryuk Region, Yubileiny State Farm). The research was promoted by a rare find of a marble relief discovered during ploughing. It turned out to be a tobmstone made in the Greek tradition in the 4th century B. C. Further investigations showed that in the 1st century B. C. through the 1st century A. D. the place was occupied by a rural estate. This is one of the first finds of this kind in Taman. Its foundations and walls were built out of fragments of earlier buildings and tombstones. The most interesting finds include a part of a limestone frieze showing a battle (dated between the late 4th and 3rd centuries B. C.), found in 1983, and an Attic marble tombstone of the 4th century B. C. depicting two warriors in Corinthian helmets. The new finds pose new questions related to the history of the region of Taman and to the culture and history of the entire Bosporan state of which Taman was a part.

В. И. САРИАНИДИ

БАКТРИЙСКИЙ ЦЕНТР ЗЛАТОДЕЛИЯ

Изучение великолепного собрания ювелирных изделий некрополя Тилля-тепе в Северном Афганистане показало, что преобладающее большинство их было изготовлено местными бактрийскими мастерами, а это в свою очередь указывает на существование в Бактрии особого художественного центра.

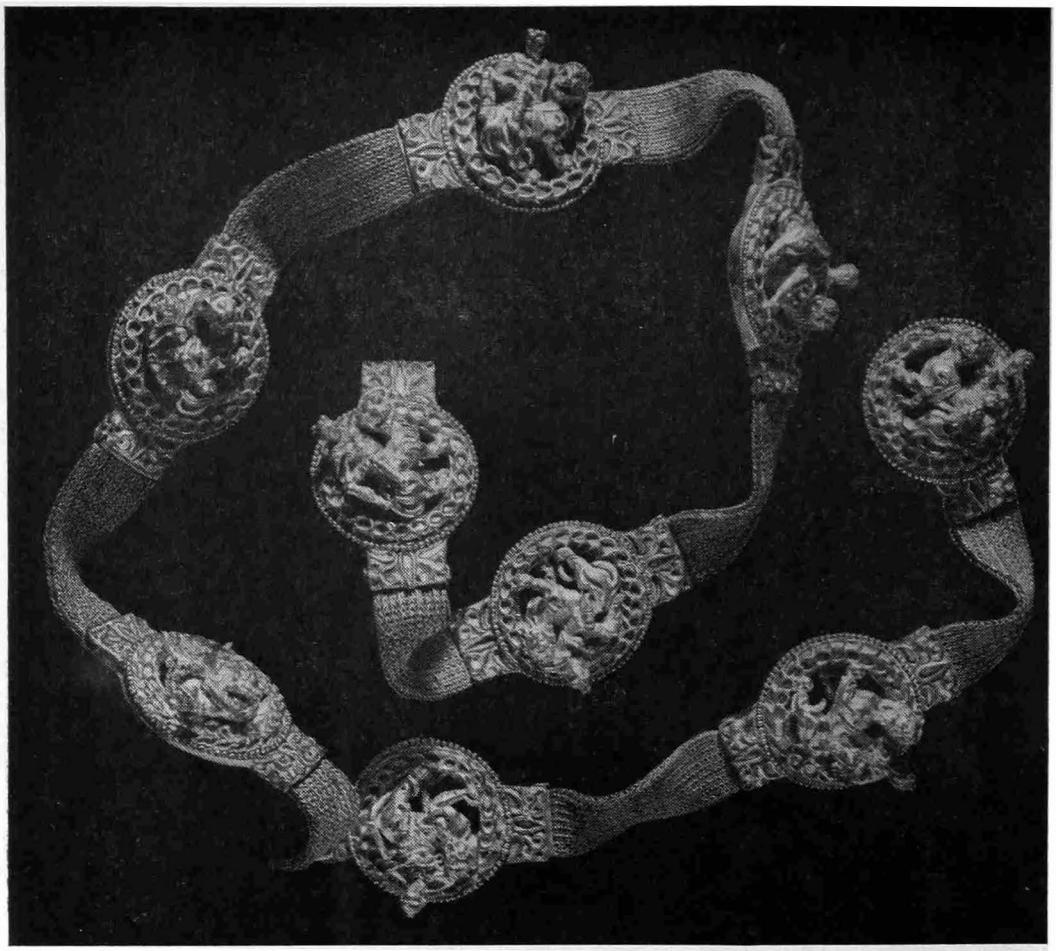
Совершенно по-новому заставляют оценить культуру местного бактрийского населения конца II — начала I тыс. до н. э. и металлические печати, каменные амулеты, происходящие в основном из хищнических раскопок могильников эпохи поздней бронзы и раннего железа Северного Афганистана. В результате этого беспрецедентного по масштабам кладоискательства антикварный рынок Кабула оказался наводнен огромным количеством древних погребальных приношений, в том числе совершенно уникальных. Достаточно представительные коллекции попали в Музей Метрополитен (Нью-Йорк) и Лувр. Еще до того, как большая часть их разошлась по музеям и частным коллекциям мира, автору удалось на месте сделать с них фотографии и дать первичное описание. Стилистический анализ депаспортизованных сфрагистических материалов бесспорно указывает на принадлежность их к интересующему нас времени [1, 2]. Впервые появляется возможность сопоставить некоторые образы и мотивы прикладного искусства Бактрии от эпохи поздней бронзы (амударьинский клад) вплоть до античности (Тилля-тепе).

Наш обзор начнем с двух золотых статуэток из Тилля-тепе, судя по всему, изображающих Афродиту, так как у плеча одной из них помещена фигура амура. По иконографическому типу, это изображение Афродиты Анадиомены, но с одной существенной отличительной деталью: из-за спины вверх у богини поднимаются крылья (рис. 1). Эта черта, абсолютно чуждая греко-римскому искусству, находит прототипы в сфрагистике Бактрии эпохи бронзы, где крылатые антропоморфные персонажи, скорее всего изображающие женские божества, являлись едва ли не самыми популярными в местной мифологии [1, № 3; 2, рис. 47]. Имеются изображения крылатых женских божеств и на отдельных бактрийских печатях из Музея Метрополитен, к сожалению, до сих пор не опубликованных[1]. Однако нет оснований предполагать, что крылатые женские божества являются продуктом чисто бактрийского мифотворчества: они известны в глиптике сиро-хеттского мира [3, табл. XIX, 142] и Месопотамии [4, табл. XXXVII]. Для нас особенно важны находки подобных изображений с промежуточной территории Ирана, и в первую очередь из Тепе-Яхья [5, рис. 33] и Шахдада [6, рис. 10], что не оставляет сомнений в их если не переднеазиатском, то восточно-иранском происхождении.

Думается, образ крылатой Афродиты сложился в результате соединения как глубоко местных бактрийских, так и привносных греческих статуарных изображений. В этом плане показателен один греко-бактрийский медальон с изображением крылатой богини [7, табл. 13]; возможно, он отражает предшествующую (сравнительно с Тилля-тепе) стадию слияния местных и античных элементов, в результате которых здесь, в Бактрии, складываются новые синкретичные образы божеств местного пантеона.

[1] Благодарю П. Харпер, любезно приславшую мне фотографии этих печатей для ознакомления.

Рис. 1. Золотая нагрудная брошь «Афродита Бактрийская». Высота 5 см, ширина 2,6 см



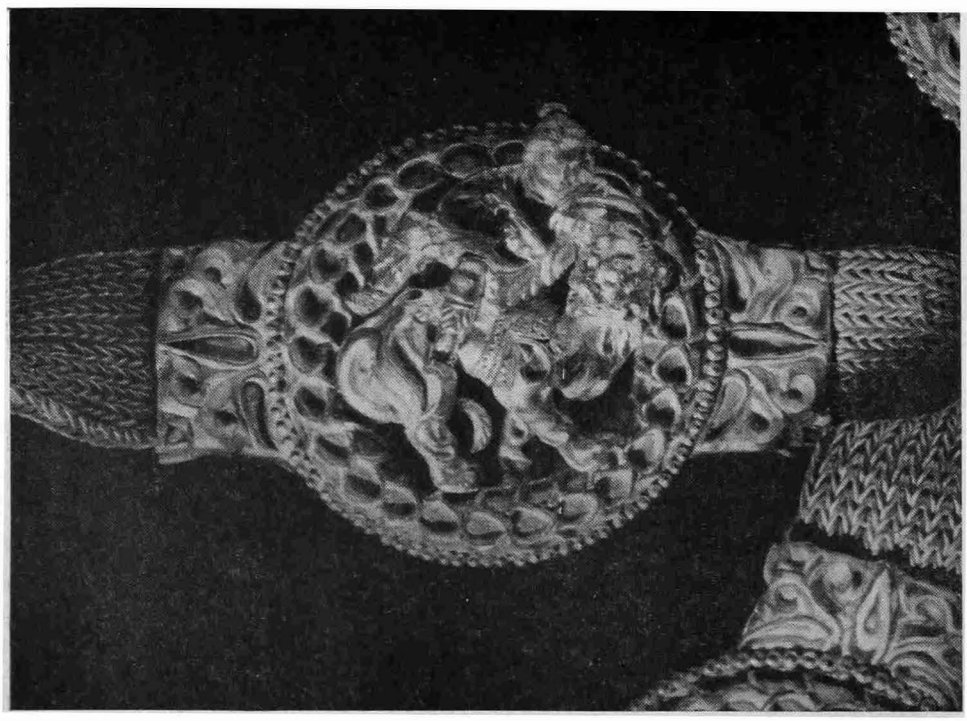


Рис. 2. Золотой пояс. Общий вид, деталь. Длина в развернутом виде 27,5 см, ширина 2 см; диаметр бляшек 4 см

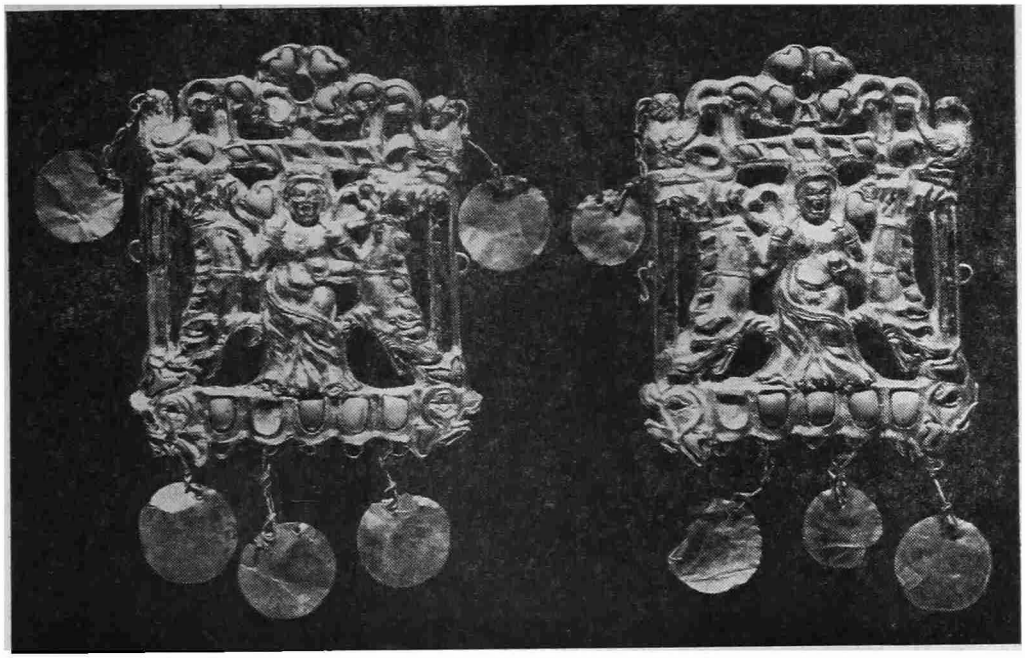


Рис. 3. Золотые головные подвески с изображением Анахиты. Высота 5,8 см, ширина 4,6 см

Более сложная композиция имеется на бляхах золотого пояса из четвертого погребения некрополя Тилля-тепе, где изображена женщина, сидящая верхом на льве (рис. 2). Одна ее рука властно, по-хозяйски опирается на голову льва, вторая держит сосуд. На женщине чисто греческое одеяние, на ее ногах сандалии. Перед нами скорее всего владычица животных типа богини Кибелы, культ которой, как считают, возник в Малой Азии.

Бактрийские печати из Музея Метрополитен сохранили семантически близкие изображения в виде стоящих или сидящих антропоморфных божеств в сопровождении хищных животных, в том числе кошачьих типа пантер или львов. Однако наибольшее сходство прослеживается на серебряной бактрийской печати с изображением полуобнаженной богини верхом на льве [8, табл. 1]. Правда, на печати морда льва имеет рог на носу и небольшую бородку, но М. Потье убедительно доказала, что эти детали отражают стилистические влияния, идущие из Ирана (и в первую очередь из Сузианы) вплоть до Бактрии [8, с. 170]. В месопотамской глиптике воинственная богиня Иштар иногда изображалась со львом у ее ног, в сузианской имеются женские персонажи, сидящие на кошачьих животных [6, табл. 13]. Среди бактрийских печатей имеется еще одна, где богиня восседает верхом на фантастическом чудище, определяемом П. Амье как кошачье животное; оскаленная морда хищника подобно льву на поясе из Тилля-тепе повернута назад [1, рис. 34]. Это уже не только иконографическая, но и стилистическая перекличка глубоко местных бактрийских образов и мотивов, хотя и разделенных огромным промежутком времени — почти в тысячу лет.

Рассмотренные бактрийские композиции на печатях в совокупности не оставляют сомнений в общем значении подобных сюжетов, отражающих в конечном счете идею «хозяйки животного мира».

Возможно, тот же смысл заключен в изображениях, представленных на золотых головных подвесках из шестого погребения. В их центре — стоящая полуобнаженная женская фигура (предположительно крылатая) с плодом граната в руке; по сторонам расположены вниз головой два волка с рыбьими хвостами. Сверху по углам подвесок помещена пара птичек; нижние углы оформлены головами рыб (рис. 3). Не исключено, что на подвесках изображена иранская богиня Анахита, владычица водной стихии (рыбы), пернатого (птицы), животного (волки) и

Рис. 4. Золотая головная подвеска «государь-драконоборец». Высота 12,5 см, ширина 6,5 см

растительного (гранат) мира. В этом плане показательна Анахита, изображенная на каменном оссуарии из Бишапура [9].

Среди неопубликованных бактрийских печатей эпохи бронзы имеются изображения женщины, стоящей в окружении птиц, возможно орлов, в геральдической позе — с распростертыми крыльями, и кошачьих хищников, предположительно пантер. Одна такая печать сохранила в центре изображение женского божества, по обе стороны от которого стоят львы с косматыми гривами и поднятыми вверх хвостами. Налицо основная идея «хозяйки», причем не только животного, но и пернатого мира.

Хронологически промежуточное место между ними занимают сходные и хорошо известные мотивы в ахеменидском искусстве [10, с. 151] с одной лишь оговоркой, что здесь подобные персонажи показаны в явном противоборстве. Особенно показательна ахеменидская печать с изображением крылатой женщины и двух поверженных львов по бокам; семантически да и композиционно она перекликается с головными подвесками из Тилля-тепе. Таким образом, имеются все основания выделить местную

Рис. 5. Золотая корона. Длина в развернутом виде 45 см, наибольшая высота 13 см

бактрийскую линию развития восточно-иранской богини типа Анахиты, связь которой с Наной и Иштар соседней Месопотамии отмечалась многими исследователями.

Анахита помимо ее значения как хозяйки всего сущего на земле и всей вселенной в целом еще выступает как воительница. И, возможно, недаром на подвесках она показана не в противоборствующей позиции с сопровождающими ее персонажами, а гордой и уверенной в себе богиней с победной улыбкой на лице. Осталось отметить, что, хотя точное определение фантастических существ с волчьими головами остается не совсем ясным, не исключено, что они передают образ Сэнмурва; последнее, однако, потребует добавочных доказательств. Тот факт, что на подвесках сверху изображены птицы (как правило, символизирующие собой небо), в центре — животные и женский персонаж (олицетворяющие землю) и, наконец, снизу — рыбы (передающие водную стихию), возможно, указывает, что на рубеже нашей эры Анахита выступает уже как универсальное божество, которому подвластна не только вся живая природа, но и вся вселенная.

Из второго погребения некрополя Тилля-тепе происходит еще одна пара головных подвесок — с изображением государя в короне, борющегося с лошадиноподобными чудищами (рис. 4). Мотив государя-драконоборца был весьма популярен на Древнем Востоке. Достаточно вспомнить многочисленные изображения на тему «Гильгамеш и звери» месопотамской глиптики, где, как правило, показан герой, борющийся со львами или быками. В Сузиане этот мотив засвидетельствован в протоурбанистический период [11, с. 58] и доживает вплоть до ахеменидского времени. Известны подобные композиции драконоборцев и в греко-римском искусстве, но там они скорее всего отражают влияние ахеменидского Ирана.

Для нашей темы особенно интересно присутствие подобных мотивов в бактрийско-маргианском центре, как, например, на стеатитовом амулете, на котором изображен герой, а по бокам от него — два козла, поверженных вниз головой [12, рис. 1]. Налицо прямая тематическая связь; разница лишь в том, что в эпоху бронзы это еще герой, а тысячу лет позднее — государь с короной на голове, как он изображен на подвесках.

Ахеменидская глиптика буквально пронизана темой борьбы царя с реальными и фантастическими животными, что должно было возвеличить славу и мощь представителей этой царской династии. Показательны ахе-

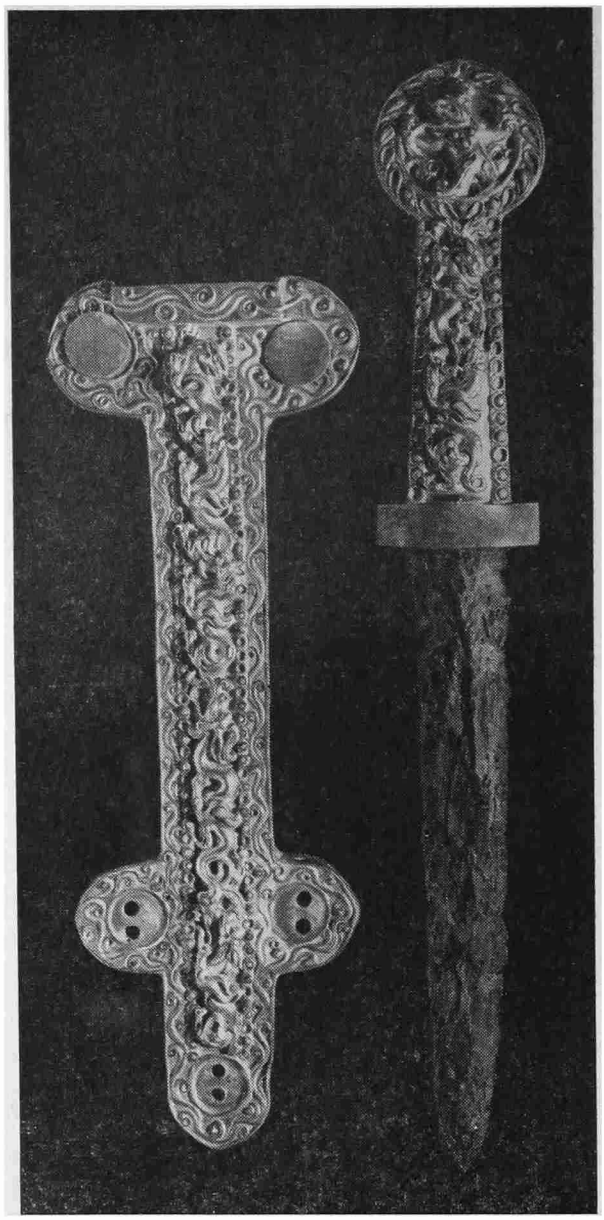


Рис. 6, I часть. Кинжал и золотые ножны. Общий вид, деталь. Длина вместе с ножнами 37.5 см, ширина 3.5 см, наибольшая ширина с лопастями 9 см

менидские печати, где государь борется с крылатыми лошадьми [13, табл. 5, № 113]. Прослеживается близкая смысловая связь с изображениями на тиллятепинских подвесках, за исключением одного существенного различия: на подвесках лошадиноподобные драконы в полном согласии с традициями скифо-сарматского звериного стиля показаны с вывернутыми назад ногами. Это — свидетельство замены близких по смыслу, но разных по графическому исполнению изображений, переосмысление былых переднеазиатских, а точнее — ахеменидских персонажей в угоду вековым кочевническим традициям.

Столь же показательны глубокие переднеазиатские истоки в трактовке золотой короны шестого погребения (рис. 5). Составляющие ее ажурные пальметки вырезаны в форме стилизованных деревьев с сидящими на их ветвях птицами. Сам по себе мотив дерева с птицами издревле был популярен в искусстве Передней Азии, но для нас особый интерес представляют бактрийские амулеты с изображением дерева и птиц [13, рис. 17]. И если правильно предположение, что деревья на них более всего напоминают пальмы, то тогда переднеазиатское происхождение

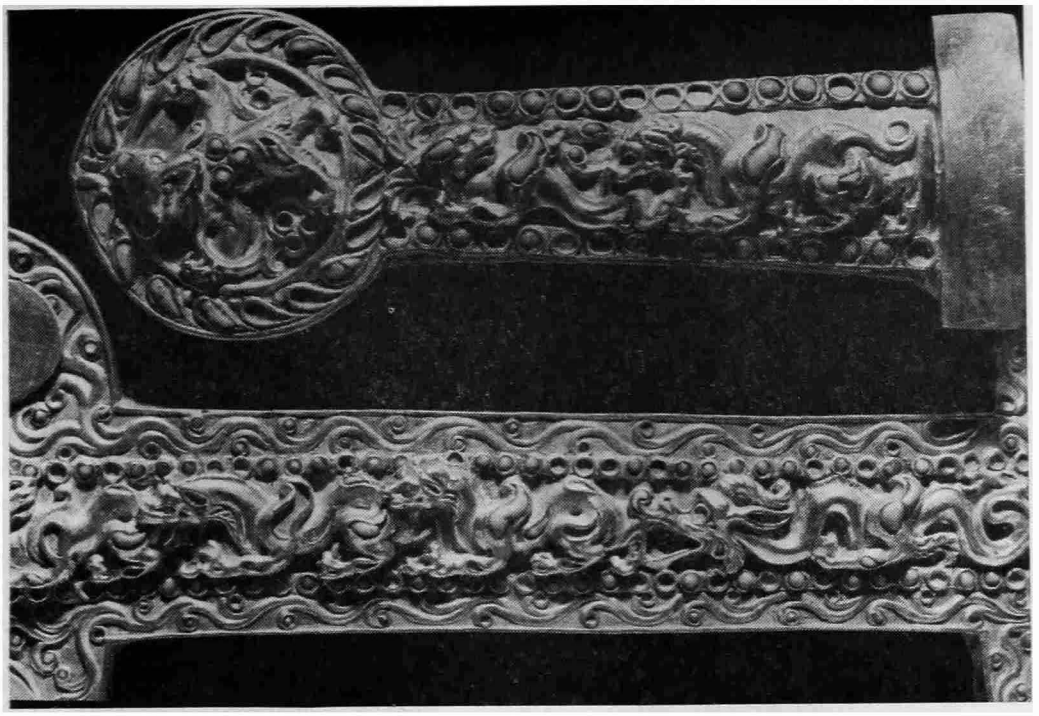


Рис. 6. (II часть)

бактрийских сюжетов представляется наиболее вероятным. В искусстве Передней Азии дерево с птицами ассоциировалось с идеей плодородия, причем считается, что оно отражает основной индоиранский миф, согласно которому, в центре мира на вершине располагается «мировое» дерево, объединяющее четыре стороны света. Иногда четыре стороны света передаются четырьмя деревьями, растущими по бокам от «мирового», возвышающегося над остальными. В таком случае, видимо, не случайно центральная пальметка на короне больше остальных четырех, попарно расположенных по бокам от нее [14]. Судя по всему, рассматриваемая корона отражает именно идею космического символа плодородия и возрождения.

Исключительный интерес для нашей темы представляют двое золотых ножен из четвертого погребения. На одних ножнах изображена длинная процессия терзающих друг друга фантастических существ. Кроме медвежонка на навершии рукояти кинжала, остальные персонажи представлены крылатыми кошкообразными хищниками, орлиными и львиными грифонами, змееподобным драконом (рис. 6). Казалось бы, наиболее показательные прототипы для большинства изображений дают переднеазиатские материалы, однако все та же бактрийская глиптика эпохи поздней бронзы позволяет указать на их местные истоки. Так, среди каменных амулетов Бактрии имеются изображения крылатых львов [*1*, рис. 25, 27, 30: 2, рис. 28]. Еще более широко представлены они в ахеменидском искусстве, а также в амударьинском кладе [15, рис. 28—30]. Тем самым протягивается вполне ощутимая линия генезиса этого конкретного фантастического образа из глубины веков вплоть до раннекушанского времени. Имеются на каменных амулетах Бактрии изображения орлиных грифонов, а знаменитые браслеты амударьинского клада с рогатыми орлиноголовыми грифонами не оставляют сомнений в генетической линии развития их в самой Бактрии, истоки чего могут уходить в еще более раннее искусство Передней Азии.

Среди фантастических персонажей рассматриваемых ножен выделяется змееподобный дракон с головой и ногами животного. Морда его со сморщенным носом украшена рогом, из широко разинутой пасти высовывается длинный язык, снизу под подбородком топорщится закрученная вперед борода. Фантастические существа типа змееподобных драконов —

Рис. 7. Золотые ножны. Общий вид. Длина 26 см, наибольшая ширина 6 см

едва ли не наиболее популярные персонажи бактрийской мифологии эпохи поздней бронзы. В настоящее время в бактрийской глиптике выделяется несколько иконографических типов, в том числе змееподобные существа с гребнем на голове. Имеются изображения змееподобных драконов, выгравированные на стеатитовой коробочке и на стеатитовом сосуде. Всех их объединяют характерные детали: широко разинутые пасти с высовывающимся раздвоенным языком, рог на голове и бородка снизу, т. е. те же специфические черты, которые присущи дракону на ножнах. Выше мы уже отмечали наличие таких же характерных деталей у льва на серебряной бактрийской печати [8, табл. 1], что в совокупности полностью исключает элемент случайного совпадения. Вместе с тем вполне очевидные параллели отмечаются на месопотамских стелах и цилиндрических печатях Агада и Ура III, где имеются изображения фантастических чудищ со змеиной головкой, украшенной рогами и бородкой. Особенно показательна позднеаккадская печать из Тель-Асмара с изображением змеиного дракона, голова которого украшена рогами и бородкой [16, табл. 62], а также топор из Суз с изображением рогатого и бородатого чудища [17, табл. VII, *8*]. В настоящее время имеются близкие изображения и на промежуточной между Месопотамией и Бактрией территории в Иране, предположительно в Шахдаде, откуда происходит медная печать с изображением чудища с раскрытой пастью и высунутым языком, рогом и бородкой, близко напоминающая аналогичные детали бронз Луристана и Элама [6, рис. 5]. Налицо цепочка связей, уходящая из Бактрии через Керманский оазис в Элам и заканчивающаяся в Месопотамии, где и следует искать общие для них всех прототипы.

О большой популярности змееподобного дракона в античном искусстве Бактрии свидетельствует золотая пластина из того же четвертого захоронения с аналогичным изображением. Показательна в этом плане известная золотая каргалинская диадема, на которой в ряду других персонажей имеется изображение змееподобного дракона, почти до деталей повторяющее дракона с золотых ножен и пластин из Тилля-тепе [18, рис. 2]. Не исключено, что и эта диадема, найденная в Казахстане, попала сюда, на кочевую периферию, в порядке обмена, с берегов Амударьи.

Вторые золотые ножны, где изображен змеиный дракон, мертвой хваткой держащий в пасти ногу другого дракона, также имеют местные прототипы (рис. 7). В самом деле, если один из них, с волчьей головой, увенчанной оленьими рогами, связан с искусством евразийских степей, то второй — с львиным телом и змеиной головой — находит аналоги в искусстве Передней Азии. В глиптике Бактрии змеи занимают едва ли не первое место в местной мифологии, а сама композиция, когда дракон терзает не мирное животное, а себе подобное чудище, находит точное

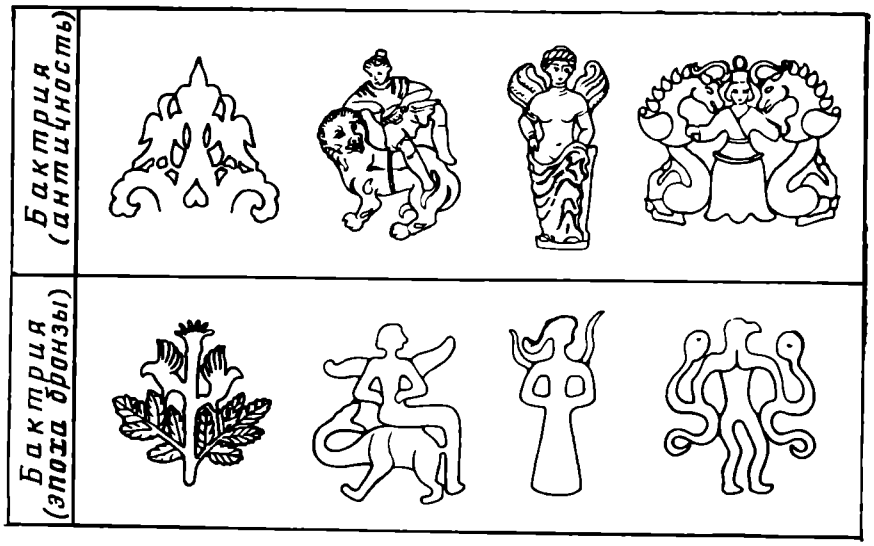


Рис. 8. Сравнительная таблица сходных мотивов в искусстве Бактрии эпохи бронзы и античности (Тилля-тепе)

семантическое соответствие в той же глиптике Бактрии и Маргианы, где известны взаимопожирающие друг друга рогатые драконы [19, рис. 59, *17*].

Уже давно была высказана теория о большой роли, которую сыграла Бактрия в формировании скифо-сарматского искусства. Особое место в формировании такой точки зрения занял амударьинский клад, позволивший говорить о наличии особой «бактрийской фазы» [20] или «бактрийской художественной школы» [21, 22]. Некрополь Тилля-тепе, так же как и великолепное собрание художественных изделий Тахти Санги, дает право допустить существование особого бактрийского центра златоделия, зарождение которого относится ко II тыс. до н. э., а культурно-исторические истоки уходят в соседний Иран вплоть до Месопотамии. Ярким доказательством тому служит клад Фуллол, а также единичные находки золотых и серебряных художественных изделий в погребальных памятниках Бактрии. При всей проблематичности происхождения и датировки амударьинского клада нет никаких оснований сомневаться, что основу его составляют изделия бактрийских ювелиров. Но нет и веских оснований видеть в нем продукцию какого-то обособленного центра. Напротив, в свете находок клада из «Садового павильона» в Пасаргадах, относящегося к рубежу V—IV вв. до н. э. [23, с. 40] и находящего параллели в коллекциях амударьинского клада и некрополя Тилля-тепе, есть основания допускать существование в ахеменидское время общего «имперского» искусства, состоявшего из «столичного» и отдельных «провинциальных» центров. Один из таких «провинциальных» центров располагался в Бактрии, являвшейся тогда одной из сатрапий Ахеменидской империи. Местное происхождение ювелирного искусства Бактрии раннекушанского времени проявляется в стилистическом единстве, общей технике и манере исполнения изделий. О глубоко местных мифологических представлениях, имевших в Бактрии тысячелетние традиции, говорилось выше (рис. 8). Все вместе с большой долей вероятности указывает на существование бактрийского центра златоделия, частным (но далеко не единственным) проявлением чего является художественное собрание ювелирных изделий Тилля-тепе.

В литературе уже было высказано мнение о том, что через Греко-Бактрию золотые изделия или художественные влияния доходили вплоть до степей Евразии. Первые исследователи великолепной сибирской коллекции Эрмитажа отмечали ее связь с переднеазиатским искусством. В свете изучения коллекции Тилля-тепе можно считать наиболее вероятным предположение М. Ростовцева об иранском (а в ряде случаев — бактрийском) происхождении вещей из сибирской коллекции Эрмитажа,

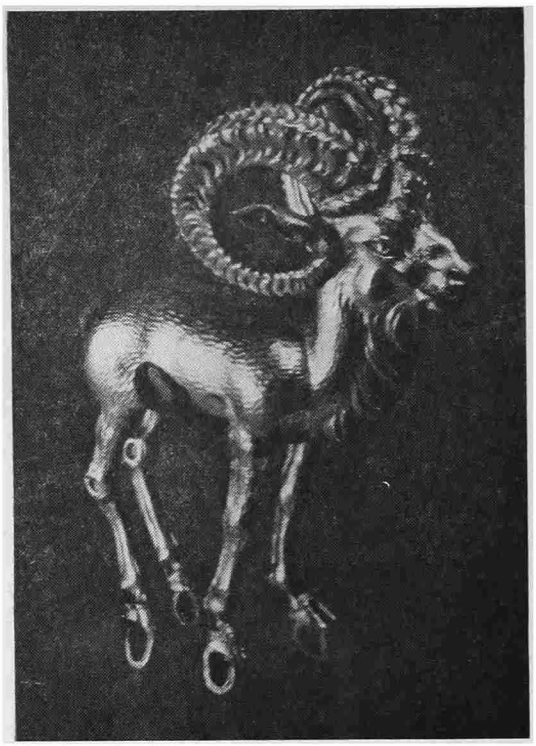


Рис. 9. Золотая статуэтка архара (длина 4 см, высота 5,2 см)

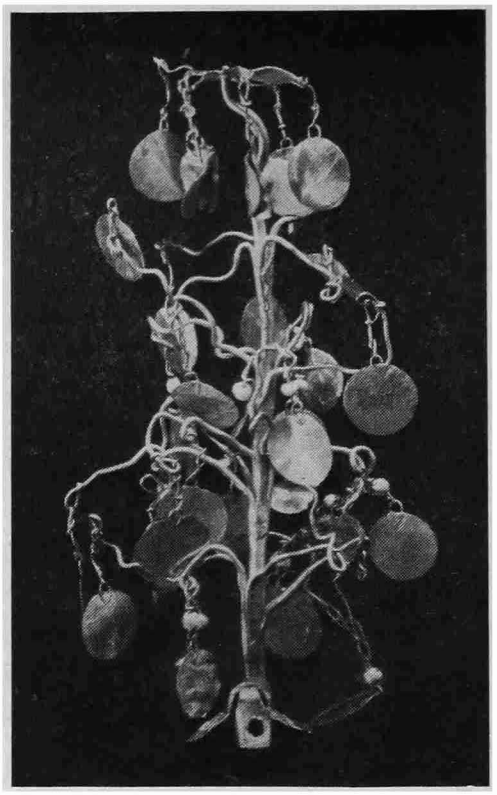


Рис. 10. Модель дерева (высота 9 см)

имея в виду восточно-иранское, или, точнее, бактрийское происхождение. По его мнению, новое направление так называемого полихромного стиля сарматы заимствовали у своих южных соседей, хотя сам звериный стиль восходит к скифскому искусству. Думается, материалы некрополя Тилля-тепе и их анализ дают право конкретизировать такое допущение, выделив бактрийский центр златоделия как наиболее вероятный источник, откуда ювелирные изделия широко распространялись по огромной территории от Урала до Днепра.

Доказательством тому служат каргалинская диадема, а также золотая бляха сибирской коллекции, где фантастическое извивающееся существо с головой, украшенной рогом и предположительно [24] бородкой, как бы продолжает бактрийскую линию традиции в трактовке образа змееподобных существ.

Наконец, из четвертого погребения Тилля-тепе происходит золотая модель деревца, находившаяся в момент раскопок прикрепленной к золотому сосуду, нависая над черепом покойного, а также откатившаяся в сторону статуэтка горного тура (рис. 9). Судя по тому, что копытца тура опираются на колечки, а ствол деревца заканчивается основанием с пробитыми в нем отверстиями (рис. 10), думается, оба эти изделия первоначально составляли часть большой композиции и имеют в могиле вторичное назначение. Более того, статуэтка тура, судя по стилю и технике исполнения, была изготовлена в предшествующее греко-бактрийское время и составляла вместе с деревцем и, возможно, другими изображениями сложную композицию — украшение типа диадемы. Попав в качестве трофеев в руки кочевой-завоевателей, диадема могла быть разделена между удачливыми военачальниками так, что модель деревца и статуэтка тура после смерти их владельца были помещены вместе с ним в могилу. Тот факт, что деревце, а возможно, и статуэтка тура украшали голову погребенного, может свидетельствовать о высоком социальном положении умершего. Трудно удержаться, чтобы не сравнить эти находки с хорошо известной сарматской диадемой новочеркасского клада, основу композиции которой составляют деревья, козлы, олени и птицы [24,

с. 152, 153]. Золотые модели деревцев имеются в сибирской коллекции; М. И. Артамоновым уже было высказано предположение, что вместе с другими фигурками они могли принадлежать единым композициям типа новочеркасской диадемы. Думается, если не все, то многие подобные сарматские ювелирные изделия имеют южное происхождение и скорее всего происходят из бактрийского центра златоделия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Amiet P.* Antiquites de Bactriane.— Revue du Louvre et des Musées de France, t. XXVIII. P., 1974.
2. *Сариниди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.
3. *Contenau G.* La Glyptique Syro-Hittite. P., 1972.
4. *Porada E.* The Collection of the Pierpont Morgan Library. Wash., 1948.
5. *Lamberg-Karlovsky C. C.* Ecxavations of Tepe Yahya, Iran, Cambridge, 1970.
6. *Amiet P.* Antiquites du desert de Lut.— Revue de Assyriologie, t. LXVIII, № 2, P., 1974.
7. *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
8. Pottier M.-H. Un Cachet en Argent de Bactriane.— Iranica Antiqua. T. XV. P., 1980.
9. *Ghirshman R.* Arte Persiana. Partie Sassanidi. Milano, 1962.
10. *Moorey P.* The Iconography of an Ahaemenid Stamp-Seal. acquired in the Lebanon. Iran, 1978, v. XV.
11. *Amiet P.* Elam. P., 1966.
12. *Сариниди В. И.* Печати-амулеты мургабского стиля.— СА, 1976, № 1.
13. *Boardman G.* Pyramidal Stamp Seals in the Persian Empire.— Iran, 1970.
14. *Кузьмина Е. Е., Сариниди В. И.* Два головных убора из погребений Тилля-тепе и их семантика.— КСИА, 1982, вып. 170.
15. *Зеймаль Е. В.* Амударьинский клад. Л.: Искусство, 1979.
16. *Frankfort H.* Stratified Cylinder Seals from the Diala Region. Chicago, 1955.
17. *Mequenem R.* Offrandes de Fondation du Temple de Chokchinak.— Mem. Delegat. Archeol. Perse, t. VII. P., 1905.
18. *Бернштам А. Н.* Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке.— КСИА, 1940, вып. 5.
19. *Sarianidi V.* Bactrian Centre of Ancient Art.— Mesopotamia. V. XII. Torino, 1977.
20. *Barnett R. D.* The Art of Bactria and the Treasure of the Oxus.— Iranica Antiqua, 1968, v. 8.
21. *Кузьмина Е. Е.* Бактрия и эллинистический мир в эпоху до Александра.— В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве советского Востока. М.: Наука, 1978.
22. Ai-Khanum III. Le Sanctuaire du Temple a nichesindentees. 2. Les trovailles. P., 1984.
23. *Stronach D.* Excavations at Pasargade: Third Preliminary Report.— Iran, 1965, v. III.
24. *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3, СПб., 1880.

V. I. Sarianidi

A CENTRE OF GOLDWORKING IN BACTRIA

Summary

A collection of jewellery, obtained from Tillya Tepe (a royal burial ground in Northern Afghanistan) is dated to the 1st century A. D. The objects were mainly locally made and bore evidence of the local traditions rooted in the Bronze Age. Some subjects and images on gold artifacts from Tillya Tepe have close analogies among seals, signets and glyptic of the Bactrian Bronze Age (the second millennium B. C.). The iconographic and stylistic continuity between the Bactrian relics of applied art of the Bronze Age (the so-called Amu Darya Hoard) and the Tillya Tepe objects shows that there existed a Bactrian centre of goldworking which emerged in the second millennium B. C. During the Scythian and, especially, the Sarmatian eras Bactrian jewellery was widely used in the marginal regions of the Eurasian nomadic world.

Н. Г. АРТЕМЬЕВА

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЖИЛИЩА ПРИМОРЬЯ

Археологические раскопки в Приморье позволили получить довольно интересный материал по раннесредневековым жилищам бохайского времени (VIII—X вв.) [1]. Это открывает возможность не только ввести в научный оборот один из элементов материальной культуры бохайцев, но и определить вклад тунгусоязычных племен в развитие домостроения народов Дальнего Востока.

По конструктивным особенностям бохайские жилища делятся на два типа: полуземлянки и наземные дома (рис. 1).

Тип I. Полуземлянки обнаружены на Николаевском I, Николаевском II, Марьяновском городищах и рядом с Копытинским храмом.

На городище Николаевское I раскопано два жилища [1], остатки которых представлены прямоугольными котлованами, по внешней стенке которых зафиксированы ямки от столбов каркаса и обуглившиеся плахи от стен жилища. Почти в центре одного из жилищ прослежен овальный очаг (рис. 2, *1*).

На городище Николаевское II прослежено два строительных горизонта. В нижнем горизонте выявлено 32 полуземлянки, бóльшая часть которых разрушена, поэтому реконструировать удалось всего 8 из них [1—3]. Характерная особенность этих жилищ — оформление входа в виде тамбура (рис. 2, *4*). Входы-тамбуры были разных размеров. В том месте, где они соединялись с жилищами, прослеживаются земляная ступенька — понижение (жилища 1, 5) или небольшая кладка камней (жилище 3), которая, очевидно, была сооружена для предупреждения осыпания земли в жилище. Очаги располагались ближе к выходу, причем некоторые из них были обложены камнями.

Конструктивная особенность выявлена в жилище 8 (рис. 2, *2*): от юго-восточной стенки жилища отходит невысокий земляной валик длиной 1,5 м, который делит помещение на две части. Вполне возможно, что это остатки перегородки [1, с. 34].

Жилища верхнего строительного горизонта по форме почти полностью напоминают жилища нижнего строительного горизонта (рис. 1, *3*). Все они прямоугольные в плане, но входов-тамбуров в них не прослежено.

На Марьяновском городище стратиграфически выделено два строительных горизонта бохайского времени: нижний представлен жилищами-полуземлянками, верхний — сооружениями производственного назначения [4, с. 45—47; 5, с. 47—53; 6, с. 60—68]. По форме жилища прямоугольные с сильно скругленными углами, углублены в материк на 0,3—0,4 м, ориентированы продольными стенками по сторонам света.

При раскопках Копытинского храма с внешней стороны оградки выявлена небольшая полуземлянка с очагом в северо-восточном углу. Пол в жилище выложен базальтовыми плитами, а наземная часть, по мнению Э. В. Шавкунова, была сооружена из тростниковых фашин, обмазанных снаружи глиной [7, 8].

Выявленные на бохайских памятниках полуземлянки имеют общие черты. Они прямоугольные в плане, со скругленными углами, площадь их в среднем около 10 м². Пол в материк углублен в среднем до 1 м (встречаются жилища с минимальной глубиной пола 0,4 м, максималь-

[1] Автор выражает свою благодарность Л. Е. Семениченко и В. И. Болдину за предоставленную возможность опубликовать этот археологический материал.

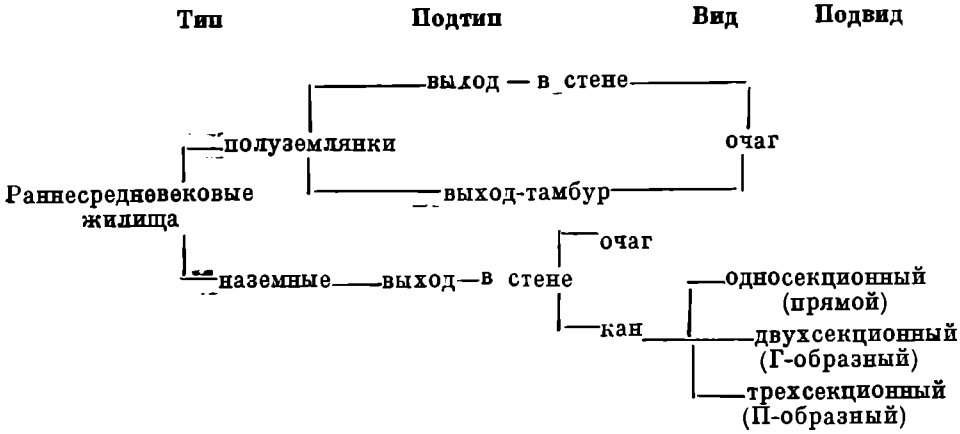


Рис. 1. Классификация раннесредневековых жилищ Приморья

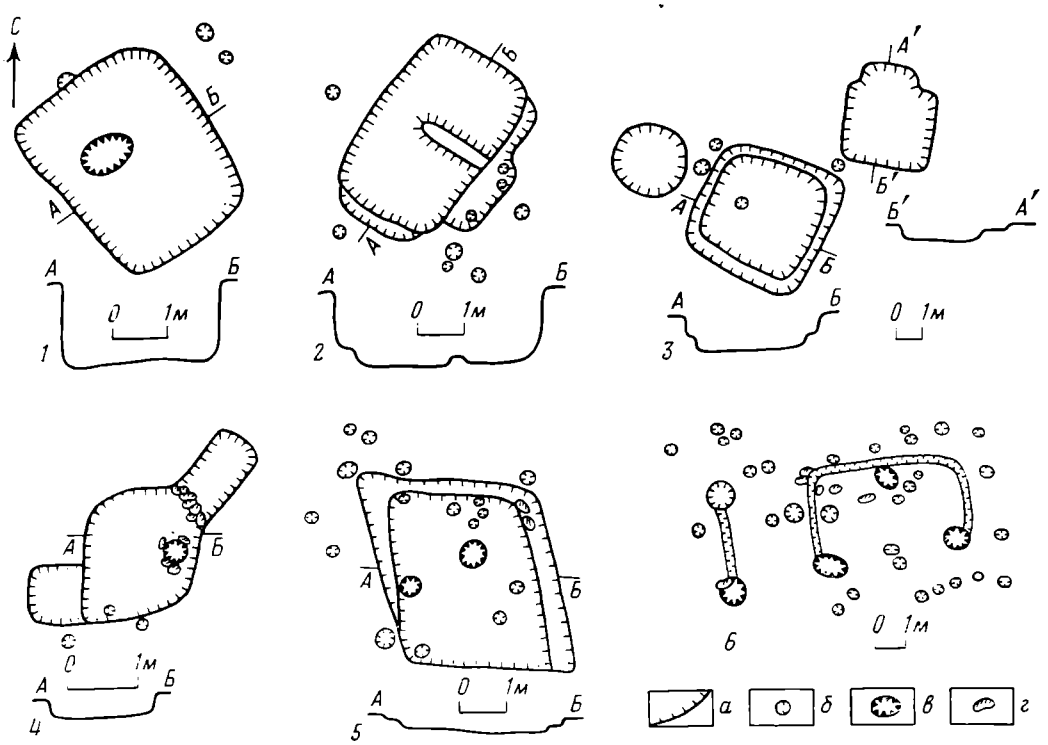


Рис. 2. Планы жилищ. *1* — Николаевское I городище, жилище 1; *2—4* Николаевское II городище, жилища 8, 5, 3; *5, 6* — Новогордеевское селище, жилища 1, 3; *а* — граница жилища; *б* — ямка; *в* — очаг; *г* — камень

ной — 1,35 м). Очаги, обложенные камнями, располагались ближе к выходу. С внешней стороны котлованов жилищ часто прослеживаются ямки от крепежных столбов стен (таблица).

По конструктивным особенностям входа полуземлянки бохайского времени можно разделить на два подтипа: А — полуземлянки с выходом в стене жилища; Б — полуземлянки с выходом-тамбуром. То, что бохайские дома имели выход в стене, отмечали китайские авторы [9, с. 321]. Следует отметить, что полуземлянки с выходом-тамбуром пока встречены только на Николаевском II городище. Входом они ориентированы в сторону реки. Судя по раскопанным участкам на городищах, жилища располагались рядами. Подобный подтип жилищ впервые был обнаружен в янковской культуре (поселение Олений I) [10, с. 73].

Тип II. Наземные дома зафиксированы на городищах Круглая Сопка, Староречeнском и Новогордеевском, а также на Борисовском, Корсаковском селищах.

Памятник	Жилище, №	Площадь, м²	Глубина котлована, м	Ориентировка стен	Система отопления		Оформление входа	
					очаг	кан	тамбур	в стене
Николаевское I городище	1	9	1,35	СЗ–ЮВ	+			+
	2	10	0,7	З–В				+
Николаевское II городище	1		0,54	С–Ю	+		+	
	2	11	0,4	С–Ю			+	
	3	12	0,9	СВ–ЮЗ	+		+	
	4 *	5	0,6	С–Ю				+
	5	7	0,2	С–Ю			+	
	6 *	16	1,18	СВ–ЮЗ				+
	7	8	0,4–0,5	СВ–ЮЗ			+	
	8	11	0,7	СВ–ЮЗ			+	
	1а	10	0,9	С–Ю				+
	2а	12	0,4	С–Ю				+
	3а	5	0,35	СЗ–ЮВ				+
Марьяновское городище	1 *	10	0,4	С–Ю	+			+
	2	11	0,3	С–Ю				+
	3	8	0,4	С–Ю	+			+
Копытинский храм	1	4	0,2–0,5	С–Ю	+			+
Круглая Сопка городище	1 *	28	0,05–0,1	СВ–ЮЗ				+
	2 *	27	0,07	СВ–ЮЗ	+			+
	3 *		0,05	С–Ю	+			+
	4 *		0,1	С–Ю	+			+
	5 *	18	0,05	С–Ю	+			+
	6	24	0,08	С–Ю				+
	1а *	49		СВ–ЮЗ		+		+
	2а *	34	0,05	СВ–ЮЗ	+			+
	3а	12,5		С–Ю		+		+
	4а	12		С–Ю		+		+
	5а	15		С–Ю		+		+
	6а	35		С–Ю		+		+
	7а	16		С–Ю		+		+
Поселение у городища Круглая Сопка	1	12		С–Ю		+		+
Новгородское селище	1	9	0,15	С–Ю	+			+
	2	20	0,07–0,1	С–Ю				
	3	30		С–Ю		+		+
	4			С–Ю		+		+
	5			С–Ю		+		+
Староречинское селище	1			С–Ю		+		+
Корсаковское селище	1 *	9	0,3	СВ–ЮЗ		+		+

Примечание. * — разрушенное жилище, а — жилище верхнего строительного горизонта.

На городище Круглая Сопка прослежено два строительных горизонта бохайского времени [11—13]. Жилища обоих горизонтов возводились на небольших террасовидных площадках, сооруженных на склоне сопки, поэтому ориентировка входа полностью зависела от рельефа местности. При раскопках нижнего строительного горизонта удалось проследить остатки шести жилищ. Все они плохой сохранности, так как были разрушены котлованами более позднего происхождения. В верхнем строительном горизонте зафиксировано семь построек.

На этом памятнике все дома наземные, четырехугольные в плане, каркасно-столбовой конструкции, стенами ориентированы по сторонам света и расположены рядами по направлению с запада на восток. Главное различие жилищ нижнего и верхнего строительных горизонтов состоит в том, что в нижнем строительном горизонте жилища слегка заглублены в материк (5—10 см), их площадь 12—30 м², очаг вблизи входа; дома верхнего строительного горизонта сооружались на ровной площадке, их площадь более 30 м², внутри жилищ находилась отопительная система типа «кан». Кан представлен разными формами: П-образной (жили-

ща 1а, 7а), Г-образной (жилище 3а), прямой (жилище 4а) — все с тремя дымоходными каналами. Рядом с домами верхнего строительного горизонта обнаружены хозяйственные ямы.

Разведочный раскоп на поселении к северу от городища Круглая Сопка позволил выявить жилище верхнего строительного горизонта, от которого сохранился двухканальный, Г-образный по форме кан [12]. Это жилище, подобно домам верхнего строительного горизонта городища Круглая Сопка, было наземным, его стены ориентированы по сторонам света.

На Новогордеевском селище, расположенном рядом с городищем Круглая Сопка, прослежено три строительных горизонта. В среднем зафиксированы остатки жилищ [13]. Вскрыты пять жилищ каркасно-столбовой конструкции; в плане они прямоугольные. Одни незначительно (7—15 см) заглублены в материк и имеют внутри помещения очаг (жилище 1; рис. 2, *5*), другие — наземные, с каном внутри (жилища 3—5; рис. 2, *6*).

Староречепское городище имеет два строительных горизонта бохайского времени [14]. В верхнем найдено жилище. Оно наземное, форму его установить не удалось, так как не были прослежены ямки от опорных столбов, но скорее всего в плане оно прямоугольное. Внутри жилища был обнаружен односекционный, двухканальный кан, вытянутый по линии восток-запад.

На Корсаковском селище также обнаружены остатки одного жилища [15, с. 16], разрушенного берегом реки. По сохранившимся остаткам можно судить, что жилище в плане было прямоугольным. Внутри него у северо-западной стенки удалось проследить одну двухканальную секцию кана.

Селище у с. Борисовка. Здесь были вскрыты остатки двух домов [16, с. 13], в одном из которых найден П-образный трехканальный кан [17, с. 199].

Все наземные жилища бохайского времени имели каркасно-столбовую конструкцию, были четырехугольными в плане, ориентированы по сторонам света продольными и поперечными стенами. По различиям в отопительной системе жилища этого типа можно разделить на два вида: I — жилища с очагом; II — жилища с каном.

Следует отметить, что жилища вида I слегка (на 5—10 см) заглублены в материк. Каны по количеству секций делятся на: а) односекционные (прямые) с одним, двумя или тремя дымоходными каналами; б) двухсекционные (Г-образные) с двумя или тремя дымоходными каналами; в) трехсекционные (П-образные) с одним дымоходным каналом (рис. 1).

Таким образом, при классификации раннесредневековых жилищ Приморья выделены два типа домов, существовавших одновременно: полуземлянки и наземные дома. Определенный тип жилищ прослеживается на разных археологических памятниках. Это различие и приводит к локальному делению в памятниках бохайской культуры, что впервые было отмечено Л. Е. Семениченко [18, с. 20]. Причем выделяется две группы памятников, отличающихся друг от друга такими консервативными элементами материальной культуры, как домостроение и лепная посуда.

В первую группу памятников вошли городища Николаевское I, Николаевское II, Марьяновское, т. е. те городища, на которых прослежены прямоугольные в плане землянки, с очагом ближе к выходу. Жилищам, углубленным в материк, для обогрева вполне хватало очага, так как стены полуземлянок задерживали тепло.

Подобный тип жилищ обнаруживает сходство с жилищами более ранних памятников Приморья [10, с. 65, 79; 19, с. 39—46; 20, с. 7—9, 20, 21, 157, 158]. Например, в памятниках янковской культуры (VII—V вв. до н. э.) отмечены каркасные полуземлянки, прямоугольной формы в плане, с очагом внутри. Ориентация жилищ определялась условиями местности. Интересная особенность: в некоторых домах так же, как и на городище Николаевское II, имелись входы-тамбуры. Много общих черт выявляется в конструкциях домов бохайцев с жилищами кроуновской

культуры (I в. до н. э.— III в. н. э.) — полуземлянками, углубленными в материк на 0,6—1 м, площадью от 7 до 32 м², прямоугольными в плане с входом, обращенным всегда к реке. В этих жилищах также встречается вход-тамбур. Что касается сопредельных территорий, то эта группа памятников имеет аналогии в археологическом материале мохэских памятников Среднего Амура [21, с. 42—87].

Полуземлянки существовали в Приамурье с раннего неолита до позднего средневековья [22, с. 75, 93]. Начиная с польцевской культуры (I тыс. до н. э.) памятники Среднего и Нижнего Амура дают два типа жилищ: с выходом через дымовое отверстие и с выходом в виде узкой и длинной траншеи [23, с. 130]. Польцевская культура сменяется мохэской. Тип жилищ остается прежним: четырехугольная полуземлянка площадью 12 м², пол углублен в материк на 0,6—0,7 м. Очаг в жилищах находился в основном в центре. Е. И. Деревянко делит мохэские жилища на два типа: 1) с выходом через дымовое отверстие, 2) с выходом-нишей или тамбуром.

Таким образом, в бохайское время прослеживаются жилища, конструктивно схожие с мохэскими. Сходство в домостроении еще раз подчеркивает этнические связи мохэ и бохайцев, что не раз отмечалось исследователями [24, с. 88—97].

Вторую группу памятников образуют городища Круглая Сопка, Стародеченское и Новогордеевское, селища Кроуновское, Борисовское. Характерная особенность данной группы — наземные жилища, для раннего этапа с очагом, для позднего — с канами; параллели встречены в ранних памятниках Приморья [19, с. 151, 152]. Главная общая черта этих жилищ — наличие отопительной системы типа «кан».

Каны на территории Приморья выявлены в кроуновской культуре (I в. до н. э.— III н. э.). Д. Л. Бродянский убедительно показал, каким образом из очага, обложенного камнями, появляется кан [10, с. 75—77; 25, с. 98—104], т. е. именно ящик-очаг явился прообразом обогреваемой лежанки — кана. В жилищах кроуновской культуры открыты древнейшие каны и прослежены все стадии возникновения этой конструкции. Интересно, что в жилищах кроуновской культуры они найдены в основном в полуземлянках, хотя уже в это время зафиксированы и наземные сооружения [26, с. 113—119]. Бохайские жилища с канами, как отмечалось выше, всегда наземные или слегка заглублены в материк. Существует мнение о том, что каны появились у киданей именно от бохайцев [27, с. 259, 260], что вполне вероятно. Корейские же исследователи, пытаясь доказать преемственность бохайской культуры от когурёской, приводят в качестве примера сходство когурёских жилищ с бохайскими, утверждая, что длинные теплые полы являются собственным когурёским изобретением [28, с. 15—24]. Скорее всего кан является изобретением народов, проживавших на Дальнем Востоке в раннем железном веке.

Более усовершенствованная система отопления повлекла за собой новый конструктивный прием в домостроительстве. Жилища стали каркасно-столбовой конструкции. Стены жилищ делали из жердей, обмазанных глиной, что было вполне достаточно для сохранения в помещении тепла. В Приморье, на Майском городище [29, с. 12, 13], обнаружено жилище, которое является как бы промежуточным звеном в классификации раннесредневековых жилищ. Оно углублено в материк на 0,5—0,7 м, т. е. это полуземлянка каркасно-столбовой конструкции, внутри которой зафиксирован кан. А. Л. Ивлиев, исследовавший это городище, датирует его послебохайским, но дочжурчжэньским периодом.

Средневековые жилища с канами были раскопаны на Амуре на городище Сакачи-Алян[2] [30, с. 2—8; 31, с. 159—162], на поселении Боль-

[2] Исследователи датируют это городище позднемохэским временем, называя обнаруженные там жилища с канами полуземлянками. Пользуясь случаем, отметим, что эти жилища не являются полуземлянками. Ошибка в выводах получилась из-за того, что авторы приняли углубленность террасовидной площадки с одной стороны в склон сопки за стенку жилища. Действительно, террасовидная площадка, приготовленная для сооружения на ней жилища, с одной стороны углублялась в склон

шой Дурал [32, с. 299–301, на городище Шапка [33, с. 152–161]. В Приморье жилища с канами получили широкий расцвет в чжурчжэньское время [34, с. 72–89]. Усложняется сама конструкция канов, намечается стандартизация в домостроительстве. Все жилища становятся наземными, каркасно-столбовой конструкции, с канами внутри. Иначе говоря, отмеченные архитектурные приемы, зародившиеся в бохайское время, полностью сохраняются в чжурчжэньский период и доживают вплоть до XX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болдин В. И.* Отчет об археологических исследованиях на городищах Николаевское-I и Николаевское-II в Михайловском районе Приморского края в 1977 году.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 6748.
2. *Болдин В. И., Семениченко Л. Е.* Отчет об археологических исследованиях на Николаевском-II городище в Приморском крае в 1975 году.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 6316.
3. *Болдин В. И.* Отчет об археологических исследованиях на городище Николаевское-II в Приморском крае в 1976 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 6316.
4. *Шавкунов Э. В., Леньков В. Д.* Отчет об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1968 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 3652.
5. *Шавкунов Э. В., Леньков В. Д., Галактионов О. С.* Отчет об археологических исследованиях на территории Приморского и Хабаровского краев в 1969 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 3950.
6. *Галактионов О. С., Шавкунов Э. В.* Отчет об археологической разведке на территории Приморского края в 1971 г.– Архив ИА СССР, р-1, № 4537.
7. *Шавкунов Э. В.* Отчет об археологических исследованиях Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР в 1958 году.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 1719.
8. *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, 1968.
9. *Лун-ли Е.* История государства киданей (Цидань го чжи). М.: Наука, 1979.
10. *Бродянский Д. Л.* Археологические источники по истории жилищ народов Приамурья и Приморья.– В кн.: Вопросы источниковедения и историографии. Вып. 4. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1975.
11. *Семениченко Л. Е.* Отчет об археологических исследованиях на Круглой Сопке и Новогордеевском поселении в Анучинском районе Приморского края в 1973.– Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 13, оп. 1, № 26.
12. *Семениченко Л. Е.* Отчет об археологических исследованиях в Анучинском районе Приморского края в 1974–1975 гг.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 5762.
13. *Семениченко Л. Е.* Отчет об археологической разведке в 1972 году в Анучинском районе Приморского края.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 4843.
14. *Семениченко Л. Е.* Отчет об археологических исследованиях на Староречeнском городище в Приморском крае в 1981 году.– Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 13, оп. 1, № 34.
15. *Болдин В. И.* Отчет об археологических исследованиях на Корсаковском поселении в Уссурийском районе Приморского края в 1981 году.– Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 1, оп. 2, № 171.
16. *Буссе Ф. Ф., Кропоткин Л. А.* Древности Амурского края.– Зап. О-ва изучения Амурского края. Т. 12. Владивосток, 1908.
17. *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья (Очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток: Приморск. кн. изд-во, 1959.
18. *Семениченко Л. Е.* Материальная культура населения Приморья в период государства Бохай (VIII–X вв.). Автореф. канд. дис. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1981.
19. *Андреева Ж. В.* Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век. М.: Наука, 1977.
20. *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока.– МИА, 1963, № 112.
21. *Деревянко Е. И.* Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1975.
22. *Деревянко Е. И.* Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры. Очерки этнической истории и культуры. Новосибирск.: Наука. 1981.
23. *Деревянко А. П.* Приамурье (I тыс. до н. э.). Новосибирск: Наука, 1976.
24. *Семениченко Л. Е.* К вопросу об этнических связях мохэ – бохайцев (по материалам археологических исследований).– В кн.: Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1976.
25. *Бродянский Д. Л.* Новые материалы по раннему железному веку Приморья в све-

сопки (такой прием использовался повсеместно там, где жилища строились на склонах сопки), само же жилище было наземным. Что касается датировки городища, то мы склонны считать, основываясь на анализе археологического материала, что оно относится к раннесредневековому времени. Н. И. Деревянко пишет, что мохэские жилища даже в позднюю эпоху не имели канов [22, с. 93].

те проблем этногенеза юных тунгусоязычных народов.— В кн.: Вопросы источниковедения и историографии. Вып. 3. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1974.
26. *Бродянский Д. Л.* О соотношении двух культур раннего железного века в Приморье.— В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974.
27. Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М.: Наука, 1979.
28. *Ден Чан Ён.* Происхождение и эволюция утепленных полов в нашей стране.— Кого минсок, 1966, № 4.
29. *Ивлиев А. Л.* Отчет об археологических исследованиях в Ханкайском районе Приморского края в 1978 году.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7478.
30. *Шавкунов Э. В.* Отчет об археологических исследованиях в Хабаровском крае в 1971 году.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4537.
31. *Дьякова О. В., Шавкунов Э. В.* Новый памятник железного века на Нижнем Амуре.— СА, 1975, № 3.
32. *Окладников А. П.* Древнее поселение в пади Большой Дурал на Амуре.— СА, 1951, т. XV.
33. *Деревянко Н. И.* К истории жилища с канами.— В кн.: Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1984.
34. *Шавкунов Э. В.* К характеристике жилищ чжурчжэней по материалам археологических исследований 1963—1966 гг.— В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973.

N. G. Artemyeva

EARLY MEDIEVAL DWELLINGS IN THE MARITIME AREA

Summary

The early medieval dwellings in the Maritime Area are dated to the Po Hai period (the 8th-10th centuries). Their structures divide them into two types: semi-underground dwellings and overland houses. The semi-underground dwellings had two types of entrances: a simple entrance in a wall and an entrance with a small vestibule (Fig. 2, *1—5*). Structures of all the overland houses were formed by poles (Fig. 2, *6*). The houses had heating systems of two types: they were heated either by hearths or by *kans*. Both types of dwellings existed synchronously though they belonged to different archaeological sites indicating local variants of the Po Hai culture. The designs, described above, appeared in the Po Hai times, were used by the Chehurchzhenies between the 11th and early 13th centuries, and survived till the 20th century.

В. А. БУРОВ

О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ КНЯЖЕЙ СОТНИ В ДРЕВНЕМ НОВГОРОДЕ

Единственное свидетельство существования княжей сотни в средневековом Новгороде имеется в «Уставе Ярослава князя о мостех». В интерполяции, которая впервые была выявлена М. Н. Тихомировым [1, с. 145, 146] и убедительно датирована Б. Л. Яниным промежутком времени между 1265 и 1267 гг. [2, с. 110—116], дается перечень городских и волостных сотен Новгорода: «1-я Давыжа ста, 2-я Слепчева ста, 3-я Бывыкова ста, 4-я Олексина ста, 5-я Ратиборова ста, 6 Кондратова ста, 7 Романова ста, 8 Спдорова ста, 9 Гаврилова ста, 10 Княжа ста, 11 Княжа, 12 Ржевьскаа, 13 Бежичкаа, 14 Вочьскаа, 15 Обонискаа, 16 Лускаа, 17 Лопьскаа, 18 Поволховьскаа..., 19 Яжелвичьскаа...» [2, с. 120].

Б. А. Рыбаков одним из первых попытался локализовать княжие сотни, отметив существование среди них одной городской (десятой) и одной провинциальной, волостной (одиннадцатой). Провинциальная, по его мнению, находилась в Южном Приильменье, между Ловатью и Шелонью [3, с. 144—152]. Выяснить, где располагалась городская княжая сотня,— такую задачу исследователь не ставил из-за отсутствия исторических данных.

Свое решение проблемы предложил М. Х. Алешковский. Им была подмечена закономерность наличия в самом Новгороде 10 сотен. По подсчетам историка, в момент действия «Устава» на каждый из четырех концов (Людин, Неревский, Славенский, Плотницкий) приходилось по две сотни, с первой по восьмую. Оставшиеся две, девятая (городская, уже независимая от князя) и десятая (княжая), должны соответственно приходиться на территорию Загородья, еще не оформившегося в Загородский конец [4, с. 103].

С момента публикации статьи М. Х. Алешковского прошло более 10 лет. За это время в Новгороде сделано немало важных археологических открытий, существенно пополнивших наши представления об административно-территориальном делении и социальной топографии столицы Новгородской феодальной республики. Появились и новые работы, посвященные «Уставу о мостех». Все это создало предпосылки для более фундаментальной постановки вопроса о княжей сотне Новгорода. При этом первостепенное значение приобретают прочтение и трактовка «Устава Ярослава князя о мостех».

«Устав» был введен в научный оборот в первой половине XIX в. С тех пор к нему часто обращались исследователи, а его списки неоднократно переиздавались [5, с. 149—152]. Однако всестороннее изучение документа началось лишь в советский период. Среди ученых, внесших вклад в изучение данного памятника, следует отметить Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, Я. Н. Щапова, В. Л. Янина [1—3; 5; 6, с. 254; 7, с. 213—217]. Были и неудачные попытки, в частности В. В. Мавродина и С. Н. Орлова [8, с. 89—99], встретившие решительную критику [9, с. 157—162]. К настоящему времени после многолетней дискуссии отчетливее стало вырисовываться содержание этого крайне сложного исторического документа, его значение для реконструкции топографии средневекового Новгорода. Среди работ, посвященных «Уставу», особое место занимает статья В. Л. Янина, вышедшая в 1977 г. [2, с. 91—122], на которой следует остановиться подробнее.

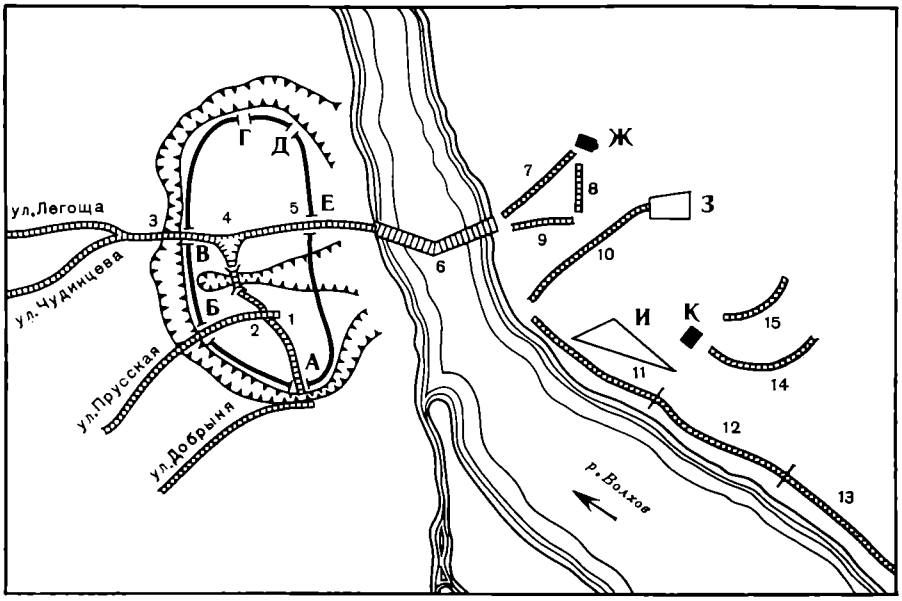


Рис. 1. Расположение участков мощения, перечисленных в «Уставе о мостех», по В. Л. Янину. *1* — Добрыни ул.; *2* — Прусской ул.; *3* — Чудинцевой ул.; *4* — владыки; *5* — софьян; *6* — тысяцкого; *7* — вощников; *8* — посадника; *9* — князя; *10* — немцев; *11* — готов; *12* — огнищан; *13* — ильинцев; *14* — михайловцев; *15* — витковцев; *А* — Спасские ворота; *Б* — Покровские ворота; *В* — Воскресенские ворота; *Г* — Федоровские ворота; *Д* — Владимирские ворота; *Е* — Пречистенские ворота; *Ж* — церковь Ивана на Опоках; *З* — Немецкий двор; *И* — Готский двор; *К* — церковь архангела Михаила

В. Л. Янин впервые провел сопоставление списков «Устава о мостех» и выявил наиболее достоверные, передающие новгородскую традицию. Таковыми им признаны списки Археографического вида, сохранившие безупречно новгородскую топонимию, а среди них список в составе Новгородской Первой летописи по Комиссионной рукописи. Несомненной удачей явилось также выявление второй интерполяции, которая перечисляет тигожан, коломлян, вережан, пидьблян. Все это позволило реконструировать первоначальный текст документа:

«А се устав Ярослава князя о мостех. Осмеником поплата. В Людин конець черес греблю к Добрыни улици в городная ворота до Пискупли улици, с прусы до Бориса и Глеба мостити, а Чюдинчеве улице с загородци до городьних ворот. А владыце сквозе городнаа ворота с изгои и с другыми изгои до Острои городне, до софьян, софьяном до тысячьского, тысячьскому до вощник, от вощник посаднику до великого ряду, от великого ряду князю до Немецкого вымола, немцем до Иваня вымола, гтом до Алфердова вымола до от заднего, а от Алфердова вымола огнищаном до Будятина вымола, ильинцам до Матфеева вымола, михапловцам до Бардовы улице, а витковцам до Климятиных сеней» [2, с. 95, 96].

Особый интерес представляет картографирование В. Л. Яниным участков мощения с указанием конкретных участников мостовой повинности (рис. 1). В основу данного плана положено прочтение одной из начальных фраз документа: «В Людин конець черес греблю к Добрыни улици в городная ворота до Пискупли улици». Исследователь отмечает, что эта фраза «нелогично пользуется предлогами»: сначала указывается направление из Детинца («В Людин конець ... к Добрыни улици»), а потом — внутрь Детинца («в городная ворота до Пискупли улици»). По мнению историка, эта нелогичность снимается наблюдением над разночтениями списков «Устава». В списке Летописи Авраамки, относящемся к Археографическому, следовательно, древнейшему виду, предлог в начале фразы отсутствует: «Людин конець черес греблю к Добрыни улици...». С оговоркой («... если эта особенность списка восходит к авторскому тексту») В. Л. Янин всю фразу переводит: «Людин конец через греблю (которая примыкает) к Добрыне улице (мостит) в городские ворота до

Пискупли улицы». Обязанностью Людина конца, делает вывод исследователь, было мостить въезд в Детинец через ворота, позднее названные Спасскими, до стыка внутри Детинца с Пискуплей улицей. Фраза «с прусы до Бориса и Глеба мостити» осмыслена следующим образом: основным адресатом этой фразы был тот же Людин конец, который должен был мостить с жителями Прусской улицы. Прусская улица («прусы»), отмечает В. Л. Янин, до выделения в конце XIII в. особого Загородского конца входила в Людин конец, который должен был мостить на этот раз с жителями Прусской улицы.

Далее В. Л. Янин рассматривает участки, которые мостились владыкой, софьянами, тысяцким, купцами-вощниками, посадником, князем, немецкими купцами («немцами»), купцами с Готского двора («готы»), боярами («огнищанами»), прихожанами церкви Ильи на Славне («ильинцами»), жителями Михайловой и Витковой улиц («михайловцами», «витковцами»). Основной вывод относительно назначения документа сводится к следующему: «Устав о мостех» содержит разверстку мостовой повинности, касающейся лишь общественных центров: Детинца и непосредственных подходов к нему, главных магистралей Торга, дорог, соединяющих Торг, иноземные фактории и город как таковой с пристанями. Главная цель «Устава» — организовать те магистрали, которые обслуживали Торг. Такое назначение документа, отмечает В. Л. Янин, подтверждает фраза, стоящая в самом начале: «Осмеником поплата», т. е. «платить осменикам» — сборщикам торговой пошлины.

Сопоставив имена сотских, упомянутых в «Уставе», с именами тысяцких, В. Л. Янин датирует интерполяцию о сотских 1265—1267 гг., а сам документ — близким к этой дате временем.

Рецензируя статью В. Л. Янина, А. В. Куза справедливо дает ей высокую оценку, отмечая, что реконструкция текста «Устава», его датировка и смысловая интерпретация выглядят в целом убедительно [10, с. 303, 304]. Вместе с тем у рецензента вполне обоснованно возникают сомнения относительно состава участников мостовой повинности. Ими оказываются как высшие должностные лица Новгорода (князь, епископ, посадник, тысяцкий), так и жители Людина и Славенского концов, Прусской, Чудинцевой, Михайловой и Витковой улиц, прихожане Ильинской церкви на Славне, иноземные гости. Принцип разверстки неясен (замечает А. В. Куза): то ли по принадлежности к административному управлению, то ли по близости местожительства к объектам мощения. Странным кажется отсутствие «уроков» жителям Неревского и Плотницкого концов при активном участии в мостовых работах населения Людина и Славенского концов. Такая «избирательность» «Устава» заставила А. В. Кузу снова обратиться к тексту документа и высказать сомнение в переводе фразы «осмеником поплата» как «плата осменикам». Он пишет: «Но в таком случае предложение теряет смысл: не указано, за что и какая плата следует данной группе лиц. Все зависит от понимания слова „поплата“. Более логичным кажется его перевод в обратном значении: не „плата“, а „расплата“, „расплатиться“, „поплатиться“. Осменики из получателей какой-то неопределенной „платы“ превращаются в одних из исполнителей мостовых работ. Тогда отпадает необходимость снимать вслед за списком Летописи Авраамки предлог „в“, указывающий направление мощения из Детинца „в Людин конець черес греблю“ и имеющийся во всех прочих списках „Устава“. Мостовая повинность при этом распределяется между осменики и прусами, а упоминание Людина конца сохраняет лишь значение топографического указания».

Здесь стоит согласиться с А. В. Кузой, правда, с некоторыми оговорками. Имеются и другие основания для этого.

Во-первых, к Летописи Авраамки следует относиться осторожно, поскольку сам В. Л. Янин отмечает, что она содержит «существенные отклонения», в ней есть пропуски: отсутствует фраза «до от заднего, а от Алфердова вымола», пропущено «17 Лопьская» сто. На фоне подобных пропусков отсутствие предлога «в» («Людин конец ...») вполне можно рассматривать как следствие работы переписчика. Примечательно, что в

сáмом исправном из списков Археографического вида, помещенном в Новгородской Первой летописи по Комиссионной рукописи, данный предлог имеется.

Во-вторых, смысл фразы «осмеником поплата» А. В. Куза понял совершенно правильно: осменики сами платят за исполнение работ. Но для этого не столь важно менять перевод («плата осменикам»), а достаточно признать данные слова подзаголовком к последующей фразе и поставить после них двоеточие («Осмеником поплата: в Людин конець черес греблю к Добрыни улици, в городная ворота до Пискупли улици»). Выясняется, что осменики обязаны платить за мост, который проходил через ров Детинца (греблю) «в Людин конець», и за укладку «в городная ворота до Пискупли улици» мостовой на территории южной части Детинца. Не могу согласиться с А. В. Кузой, что осменики должны были «с прусы до Бориса и Глеба мостити». Как будет показано ниже, эта часть документа нуждается в ином прочтении. Отмечу только, что «прусы» действительно составляли особую внеконченскую территориальную группировку, как и «загородцы».

Что касается участников мощения на Торговой стороне, то А. В. Кузе недостаточно обоснованным представляется отождествление огнищан с боярами-усадьбовладельцами Славенского конца, поскольку летопись трижды упоминает огнищан в связи с событиями XII—XIII вв. всегда вместе с гридьбой (профессиональными воинами) и купцами (свободным торгово-ремесленным населением Новгорода). Из указанных сообщений, отмечает А. В. Куза, можно заключить, что данные лица подчинялись князю и из них формировались постоянные военные силы Новгорода. Видимо, это особая группа должностных лиц, обслуживавших княжеский двор — Ярославово дворище.

Мы лишь добавим, что принадлежность огнищан к окружению князя доказана еще С. М. Соловьевым и Н. И. Костомаровым. Сославшись на «Русскую Правду», историки отметили взаимозаменяемость названий «огнищанин» и «княж муж» [11, с. 219, 220; 12, с. 20]. Действительно, в Краткой редакции «Правды» сразу после сообщения о новом «уставлении» «Правды» сыновьями Ярослава Мудрого идут статьи: «Аще оубьють огнищанина въ обидоу, то платити за нь 80 гривенъ оубиици, а людемъ не надобе; а въ подъездномъ княжи 80 гривенъ. *А иж*[*е*] *оубьють огнищанина в разбои, или оубиица не ищоуть,* то вирное платити, в нея же вири (здесь стерты буквы; издатели читают «вернеи».— *В. Б.*) голова начнеть лежати» [13, с. 71, 80]. В Пространной редакции «Правды» после фразы о пересмотре законодательства сыновьями Ярослава следует знакомая статья, но вместо «огнищанина» в ней назван «княж муж»: «О оубинстве. *Аже кто оубиеть княжа мужа в разбои, а головника не ищють,* то виревную платити, въ чьеи же верви голова лежить, то 80 гри[венъ]; паки л[и] людинъ, то 40 гри[венъ]» [13, с. 104, 123, 168].

Исходя из всего вышеизложенного, общий вывод А. В. Кузы о характере мостовой повинности, нашедшей отражение в «Уставе», нам представляется принципиально верным: «... мостовая повинность определяется *только между высшими представителями государственной власти и населением, находящимся под непосредственной юрисдикцией князя* (курсив наш.— *В. Б.*). Жившая в концах основная масса новгородского боярства с зависимыми от них людьми мостила свои улицы под надзором кончанской администрации» [10, с. 304]. Это вывод позволяет взглянуть на «Устав Ярослава князя о мостех» как на важный исторический источник по социальной топографии Новгорода XIII в. Вывод имеет решающее значение для локализации княжей сотни Новгорода.

Прежде всего обратимся к упоминающимся в «Уставе» участникам мостовой повинности: «ильинцам», «михайловцам», «витковцам», которых обычно отождествляют с жителями Ильиной, Михайловой и Витковой улиц [7, с. 216]. Правда, В. Л. Яниным высказано мнение, что «ильинцы» не имеют отношения к Ильиной улице: в «Уставе» так названы прихожане церкви Ильи на Славне. Подобная трактовка обосновывается

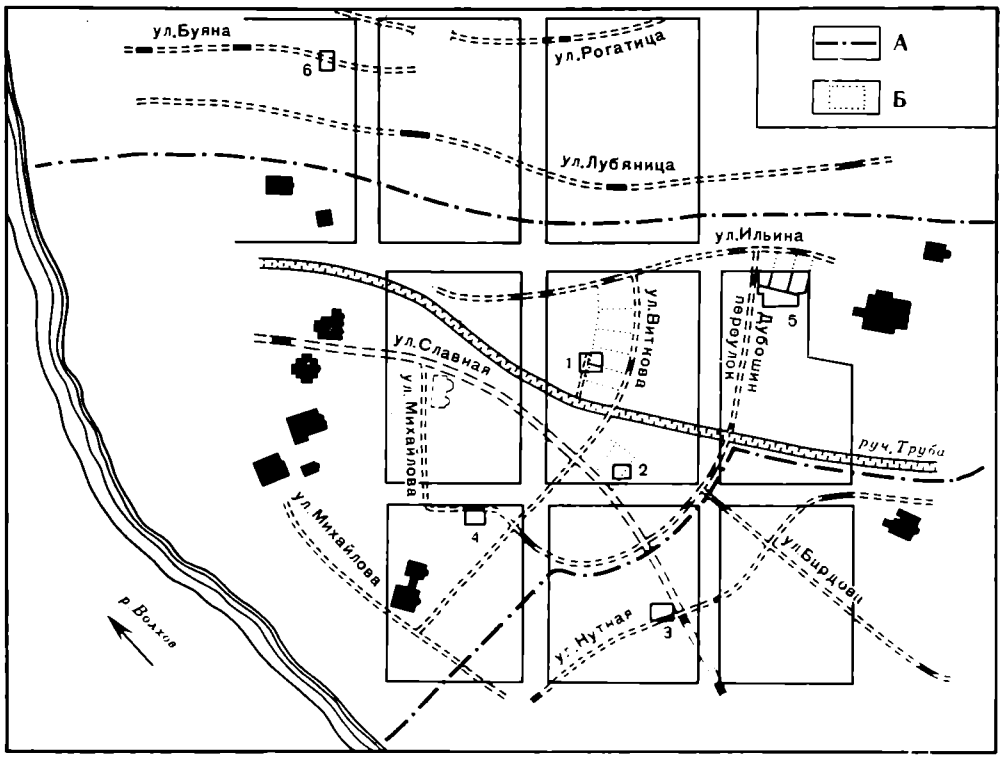


Рис. 2. Фрагмент плана Торговой стороны (основа взята из статьи Б. А. Колчина, Е. А. Рыбиной [15, с. 179, рис. 1]). *А* — примерные границы княжей сотни; *Б* — границы усадеб. Раскопы: *1* — Кировский; *2* — Дубошин; *3* — Нутный; *4* — Михайловский; *5* — Ильинский; *6* — Буяный

близостью участка мощения «ильинцев» к церкви Ильи. Однако вряд ли это рассуждение верно. Достаточно привести пример с таким названием, как «Кузмодемьяне». В книге «Пролог» 1400 г. имеется запись, сообщающая, что книга заказана «повелением боголюбивых бояр Юрия Онисифоровича, Дмитрия Микитинича, Василья Кузминича, Ивана Данилловича и всех бояр и всей улице Кузмодемьяне» [14, с. 80]. Под «Кузмодемьянами» здесь подразумевается «вся улица», т. е. уличане Козмодемьянской улицы, хотя название и происходит от церкви Козмы и Дамиана. Это свидетельство того, что подобные наименования относятся прежде всего ко всем жителям улицы. «Ильинцы» — жители Ильиной улицы. Да и как их можно иначе назвать? Если общая трактовка «Устава» А. В. Кузой верна, то «ильинцы», «михайловцы», «витковцы» в период действия «Устава» должны находиться в подчинении князя.

На плане Торговой стороны Новгорода, реконструированном по данным археологии [15, с. 179, рис. 1], улицы Ильина, Михайлова и Виткова (последняя названа переулком) образуют массив к востоку от Торга (рис. 2). Особенно важно, что этот массив примыкает к Торгу и Ярославову Дворищу. Археологические раскопки, проведенные в последние годы на этой территории, дают «ильинцам», «витковцам», «михайловцам» вполне определенную социальную характеристику.

Ильинский раскоп 1962—1967 гг. вскрыл дворы, выходившие на Ильину улицу и Дубошин переулок. С середины XI в. до 20-х годов XIV в. здесь располагалось восемь усадеб четкой прямоугольной формы, площадью в 420—465 м² каждая [16, с. 57—116]. В. Л. Янин и Б. А. Колчин отмечают, что эти усадьбы «могут быть квалифицированы в качестве усадеб свободных горожан, не принадлежавших к привилегированному слою новгородского общества, т. е. как дворы сотенного населения» [17, с. 41]. Остается только добавить, что, согласно современной концепции административно-территориального членения Новгорода, город делился на две системы: кончанскую и сотенную. Первая — древнейшая, ее основу составляли боярские концы, включавшие огромные усадьбы бояр.

Сотенная часть, вторичная по отношению к кончанской, организовывала непривилегированное население: ремесленников, торговцев, поначалу подчиненных князю. Сотни занимали территории вне пределов первоначальных родовых поселений бояр — пустопорожние пространства, которые существовали между отдельными боярскими «гнездами» (патронимиями). В первой половине XIV в. боярские концы «поглощают» сотни [4, с. 100—111; 18, с. 65—75; 19, с. 178—180; 20, с. 117—125]. Регулярность планировки застройки Ильиной улицы объяснена тем, что «в середине XI в. по мере роста территории города новгородская администрация выделяет для дворов свободных граждан регулярные наделы земли площадью около 200 кв. саженей» [16, с. 112].

Аналогичная система планировки прослежена и на Кировском раскопе 1971—1974 гг., исследованные дворы которого располагались рядом с Витковой улицей [15, с. 178—238]. Обращает на себя внимание тот факт, что усадьбы Кировского раскопа занимали самую неудобную территорию, примыкавшую к ручью с топкими берегами. Этот ручей назывался Трубой [21, с. 92—103]. Здесь прослежены многочисленные засыпки из глины, гати из бревен, жердей, веток, с помощью которых жители этого района боролись с болотистой местностью [15, с. 178]. Комплекс находок второй половины XII — начала XV в., включая берестяные грамоты, позволил сделать вывод о том, что исследованный участок не входил в круг земельных владений древних боярских патронимий Славенского конца, которые занимали более удобные возвышенные и сухие места южнее, на холме. «Район же, примыкавший к ручью, заселялся по мере развития города и расширения его границ. Следовательно, владельцы расположенных здесь усадеб не принадлежали к числу древнейших боярских родов Новгорода, их следует искать среди сотенного населения города, а именно, среди житьих людей (феодалов небоярского происхождения.— *В. Б.*) или купцов» [15, с. 234—236].

По соседству с Витковой улицей был заложен Дубошин раскоп, где в слоях XI—XIV вв. «располагались комплексы ремесленных мастерских и жилищ ремесленников» [22, с. 47]. Ко второй половине XIV—XV вв. относятся берестяные грамоты № 540 и 543, свидетельствующие о принадлежности усадеб в это время боярской семье, потомкам посадника Федора Тимофеевича [23, с. 13—16]. Данные о боярской принадлежности раскопанных дворов в XI—XIII вв. отсутствуют.

Михайлова улица представляла собой своеобразную артерию, связывавшую Готский и Немецкий дворы. Раскопки в 1970 г. позволили установить социальный облик местных дворовладельцев, которые отнесены к малоземельным представителям житьих [24, с. 135—173]. Житьи также входили в состав сотенного населения и первоначально подчинялись князю. Интересно, что с середины XIV по начало XV в. здесь жил судья. Это удостоверяет комплекс грамот на судебную тему (№ 467—480). Одно из посланий (№ 465) адресовано «господарю великому Константину», т. е. великому князю Константину [14, с. 206—211; 25, с. 62, 63]. Князь, как известно, участвовал в смесном суде вместе с представителем бояр — посадником. Скорее всего на усадьбе, открытой на Михайловском раскопе, жил не боярский, а княжеский судья, чему не противоречит расположение двора судьи в непосредственной близости от Ярославова Дворища.

На противоположной Софийской стороне в подчинении князя должны были находиться другие участники мостовой повинности — «загородцы» и «прусы». Подобно «ильинцам», «витковцам», «михайловцам» они также занимали самые неудобные территории по соседству с ручьем, выявленным С. Н. Орловым [21, с. 102]. Ручей носил название «Пропасть»: известна церковь Двенадцати апостолов на «пропастех», стоящая на этом ручье.

«Загородцы» располагались к северу от «Пропасти», напротив древнейшей части Детинца-града (отсюда и их название — за городом). Первоначально они не входили в систему боярских концов, на что в литературе указывалось неоднократно. Вполне объяснима их зависимость

от князя, прослеживаемая по «Уставу о мостех». К сожалению, археологические раскопки, проводившиеся в Загородье в 1947 и 1972 гг. [26, с. 18; 27, с. 239–245], были крайне незначительными. Здесь были вскрыты участки площадью всего в 240 и 160 м² (против 1430 м² Ильинского раскопа и 320 м² Кировского раскопа); социальную характеристику усадьбам, здесь открытым, исследователи не дали.

«Прусы», т. е. жители Прусской улицы, располагались к югу от ручья. Территориально «прусы» и «загородцы» не соприкасались, будучи разделенными естественным препятствием. Между ними пролегла «Пропасть». Поэтому в летописных сообщениях начала XIII в. жители Прусской улицы и загородцы выступают как самостоятельные территориальные единицы.

Самостоятельность прушан отметил А. В. Куза со ссылкой на Новгородскую Первую летопись. О том же писали ранее и другие исследователи. Мы лишь повторим известные факты. В 1218 г. в ходе борьбы князя с посадником Твердиславом против Твердислава встали вся Торговая сторона и Неревский конец. За Твердислава пошли Людин конец и «прусы», «а загородьци не въсташа ни по сихъ, ни по сихъ, нъ зряху перезора». В 1220 г. «прусы» выступают заодно с Людиным концом и «загородцами» опять-таки как самостоятельная единица: «... и скопишася о немь пруси и Людинь коньць и загородци...» [28, с. 58, 60, 259, 262].

Не входя в XIII в. в систему городских концов, Прусская улица тем не менее имела свое боярство, ярким представителем которого являлась посадничья семья Михалковичей. Как объяснить явную зависимость прушан от князя, прослеживаемую по «Уставу о мостех», и наличие в то же время среди жителей Прусской улицы бояр, живших вне кончанской территории?

Решение данного вопроса, видимо, связано с происхождением Михалковичей. Родословная роспись 1686 г. Кузминых — Караваевых и Фефилатьевых сообщает, что их предки — выходцы из земли пруссов, из Прибалтики: «Род Кузминых и Фефилатьевых новгор[о]дцких, до новгородцкого взяться владельцов больших степенных посадников. Пришел ис Пруские земли *князь* Михайла Степанович Пруской до взятья новогородцкого в Великий Новгород и в Новегороде крестился...» [29, с. 148]. Вместе с тем поздняя дата документа заставляет историков сомневаться в подлинности сведений о корнях данного рода и считать сведения родословца легендарными и недостоверными [29, с. 136]. Указывается также, что выезжее «из Прусской земли» происхождение боярских фамилий — синоним их изначальной связи с Прусской улицей Новгорода [2, с. 211].

Проблема так называемых выходов отдельных боярских родов является одной из сложнейших и пока неразрешимых из-за отсутствия надежных источников. Тем не менее мы допускаем возможность выхода Михалковичей из Пруссии. Нет ничего противоречивого в посадничестве первого известного представителя этого рода — Михаила Степановича. Я вполне согласен с В. Л. Яниным, что посадником в Новгородской феодальной республике мог стать только боярин и что принадлежность к боярству определялась не экономическим положением, а происхождением от родоплеменной старейшины древнейшего периода новгородской истории — той сословной верхушки, которая консолидировалась в замкнутую касту еще на протогосударственной стадии [29, с. 213]. Но кто такие родоплеменные старейшины словен, кривичей, входивших в состав новгородской федерации? Это князья (слово «князь» первоначально означало «старейшина рода» [30, с. 266; 31, с. 324]). В одной из работ мною уже указывалось, что термин «князь» на Руси с конца X в. (или с XI в.) закрепился только за династией Рюриковичей, князья местных племен стали называться боярами [32, с. 42]. В земле пруссов были свои князья. Родословец 1686 г. и называет Михаила Степановича прусским князем. По своему происхождению он был равным с новгородским боярством. В свете изложенного необходимо ставить вопрос о вхождении

в состав новгородского боярства «боярства» прусского. Когда появились в Новгороде прусские князья?

В. Л. Янин установил, что было два Михаила Степановича. Один из них в 1176 г. поставил на Прусской улице церковь архангела Михаила; в 1180, 1186—1189, 1203—1205 гг. он занимал пост новгородского посадника. Умер Михаил Степанович в 1206 г. [29, с. 136—144]. Следовательно, приход предка Кузминых и Фефилатьевых в Новгород должен относиться к периоду до 1176 г.— к третьей четверти XII в. Появление в Новгороде выходцев из земли пруссов в это время исторически вполне возможно. В. И. Кулаков на основе изучения погребальных памятников Самбии пришел к выводу, что к середине XII в. дружина пруссов исчезает, это сопоставляется с появлением в Новгороде Прусской улицы [33, с. 130].

Надо полагать, основной приток пруссов в Новгород был на рубеже XII—XIII вв., в это время земли литовского племени пруссов завоевываются немцами, поголовно истреблявшими местное население. Беженцы могли осесть и образовать свою колонию в городе на Волхове. Не отсюда ли в Новгороде установилась традиция выводить прушан из Прусской земли? В этом отношении интересно сообщение синодика Вознесенской церкви на Прусской улице, сохранившегося в рукописи конца XVII — первой четверти XVIII в. В данном документе, соединившем в себе черты достоверности и вымысла, изобилующем анахронизмами, опять находим версию западного происхождения прушан, в частности Морозовых: «Пришествие же их в Великий Новъград быше от Пруския земли во время княжения великаго Александра Ярославича, нарицаемого Невскаго» [2, с. 208].

Если легенды о происхождении прушан имеют под собой реальную основу, то понятно, почему иноземцы образовали особый квартал, расположившийся вне боярских концов. Затем последовало включение княжеского рода Михалковичей в клан новгородского боярства, в то время как прочие пруссы, не принадлежавшие к родоплеменной знати (а таких было большинство), остались в подчинении новгородскому князю. Так можно объяснить противоречие, о котором говорилось выше: с одной стороны, явная зависимость прушан от князя, прослеживаемая по «Уставу о мостех», а с другой — наличие своего боярства.

Но если пруссы появились в Новгороде в середине XII в., сообщив одной из улиц свое название, то как называлась эта улица раньше? Такая постановка вопроса неожиданно позволяет объяснить одно неясное показание Комиссионного списка Новгородской Первой летописи под 1049 г.: «Месяца марта в 4, в день суботный, сгоре святая Софея; беаше же честно устроена и украшена, 13 верхы имущи, а ту стояла святая Софея конець Пискупле улице, идеже ныне поставил Сотьке церковь камену святого Бориса и Глеба над Волховом» [28, с. 181].

В соответствии с данной топографической привязкой деревянная София и Борисоглебский храм стояли в конце улицы, носившей название Пискупля. Последнюю можно отождествить с мостовой, начинавшейся у Федоровских ворот Детинца (рис. 1, *Г*), проходившей мимо владычного двора и каменного Софийского собора и кончавшейся у Борисоглебской церкви. Так считает В. Л. Янин [2, с. 101, 102]. Однако возможна иная локализация Пискуплей улицы. Коль скоро известно, что в конце ее стояла деревянная София, а затем на том же месте, но уже в конце Прусской улицы располагался Борисоглебский храм, то при сопоставлении этих двух фактов название Пискупля улица можно принять за изначальное, а наименование Прусская — за вторичное. В таком случае обе улицы окажутся одной и той же магистралью. Тогда появление в летописи под 1049 г. приписки о церкви Бориса и Глеба XII в. найдет простое объяснение: в связи с изменившейся топонимической ситуацией потребовалось внести в летописный текст уточнение [1]. «Переименование»

[1] Иную гипотезу высказывает В. Л. Янин [2, с. 123—135].

Пискуплей улицы в Прусскую, видимо, произошло между 1176, 1177 и 1185 гг.: Прусская улица впервые упоминается под 1185 г. [34, с. 126], а сам «Устав о мостех» относится к 1176—1177 гг.[2]

Гипотеза о поселении на Пискуплей улице в середине — третьей четверти XII в. выходцев из Прусской земли находит подтверждение в тексте «Устава о мостех». В той части текста, где говорится об участке мощения до церкви Бориса и Глеба, имеются разночтения. В одних списках «Устава» читаем: «...до Пискупли оулици, с прусы до Бориса и Глеба мостити». Однако в других списках, в том числе и Археографического вида, дан более полный текст: «...до Пискупли оулици, а Пискоупле оулице с проусы до Бориса и Глеба...» [5, с. 147—152]. На это до сих пор никто не обратил внимание, а между тем именно такое прочтение все ставит на свои места: жители Пискуплей улицы мостили вместе с «прусы», под которыми следует понимать новопоселенцев (отсюда противопоставление последних коренным жителям Пискуплей улицы).

История строительства храма Бориса и Глеба позволяет наметить путь решения другого вопроса: кто жил на Пискуплей улице до прусов? Первоначально церковь была деревянная (1146 г.). В 1167 г. ей на смену пришла каменная, она была окончена и освящена в 1173 г. Строителем ее назван Сотко Сытинич [28, с. 32, 34, 219, 223], в котором предполагается прообраз былинного Садко. Но, согласно былине, Садко был «богатым купцом, гостем заморским» [36], а отнюдь не боярином. Если бы эта версия, которую проверить невозможно, оказалась верной, то мы смогли бы видеть среди жителей Пискуплей улицы купцов, гостей, т. е. представителей сотенного населения.

Примечательно также, что само название церкви имеет прямое отношение к великокняжескому культу заступников земли Русской [37, с. 117]. Новгородская постройка — пятая по счету на Руси [38]. Первая была заложена в 1070-х годах в Вышгороде, на месте погребения братьев Бориса и Глеба, и возводилась почти 40 лет князьями Святославом Ярославичем, Всеволодом Ярославичем и Олегом Святославичем. Вторую церковь Бориса и Глеба построил Владимир Мономах в 1117 г. на месте убийства Бориса. Где-то между 1097 и 1123 гг. соорудил Борисоглебский собор в княжеском детинце Чернигова Давид Святославич. В 1145—1147 гг. строится четвертый храм в честь Бориса и Глеба, на Смядыни под Смоленском, в княжеском монастыре на месте убийства Глеба. Наконец, в 1146 г. была срублена одноименная церковь в Новго-

---

[2] В. Л. Янин убедительно относит интерполяцию о сотнях к первой половине княжения Ярослава Ярославича (1265—1267 гг.) на основании сочетания имен Кондрата и Ратибора [2, с. 110—116]. Однако вряд ли справедливо переносить дату этой вставки непосредственно на сам документ. Не считаю правомерным и утверждение, что «Устав о мостех» не может датироваться ранее 80-х годов XII в., поскольку «должность республиканского тысяцкого, упомянутого в „Уставе", возникает только в конце XII в.» [2, с. 111]. Дело в том, что в повинности мощения общественных центров Новгорода (об этом идет речь в документе [2, с. 108]) принимали участие все высшие должностные лица республики, включая князя, епископа, посадника и тысяцкого. Тысяцкий, будь он княжий или республиканский, обязан был участвовать в этом общем деле.

«Устав» датируется мною на основании сообщения о том, что Пискупля улица мостила с «прусами» до Борисоглебской церкви. Это сообщение могло быть написано до того, как в Новгороде за Пискуплей улицей закрепилось иное название — Прусская. Отсюда «Устав о мостех» должен относиться ко времени до 1185 г., когда в летописи упомянута впервые Прусская улица. В то же время документ не может быть древнее 1146 г., когда в Детинце возвели Борисоглебскую церковь. Между 1146 и 1185 гг. в Новгороде княжили два Ярослава: Ярослав Изяславич (1148—1154 гг.) и Ярослав Мстиславич (1176—1177 г.). Логично предположить, что появление «Устава» явилось прямым результатом выделения Плотницкого конца в 60-х годах XII в., когда часть территории, ранее подчинявшейся князю (севернее Ильиной улицы подробнее см. в сноске 3), оказалась в составе этого конца и потребовалась официальная фиксация нового распределения мостовой повинности. Потребность в смене мостовых могла возникнуть не сразу после образования Плотницкого конца, а спустя несколько лет. Она была реализована в 1176—1177 гг. при Ярославе Мстиславиче, когда мостился практически весь город. Судя по дендрохронологическим датам, в 1176 г. мостилась Михайлова улица [24, с. 139], в 1177 г.— Великая улица Неревского конца [25, с. 5]. В 70-е годы XII в. была уложена Буяная улица [35, с. 177]. Этим же временем я и датирую сам «Устав».

родском детинце. Строитель ее не указан. Но ясно одно (и в этом убеждает изложенная выше история всех предшествующих храмов), что построить церковь в честь княжеского культа Бориса и Глеба в Новгороде в XII в. мог или сам князь, или кто-то из его окружения.

Предложенный вариант сложения социальной топографии Прусской улицы носит предварительный характер. Прояснить вопрос смогут лишь археологические раскопки.

Итак, согласно «Уставу Ярослава князя о мостех», в XIII в. в Новгороде существовало три «княжеских» района, население которых находилось под управлением князя: 1) территория к востоку от Торга[3], включая Ильину, Виткову и Михайлову улицы; 2) Загородье; 3) Прусская улица. Именно в них и следует видеть городскую княжую сотню, поскольку население указанных районов в XIII в. подчинялось князю. Следовательно, «княжая ста» не составляла единое территориальное целое.

Обращает на себя внимание, что указанные три района образуют своеобразные посады при концах: «ильинцы», «витковцы», «михайловцы» при Славенском, «загородцы» — при Неревском, «прусы» — при Людином. Княжая сотня занимала самые неудобные территории при ручьях, оврагах, болотистую местность, в то время как боярские концы располагались на сухих возвышенных местах.

Археологические раскопки на Торговой стороне дают основание выделить археологические признаки княжей сотни. Это — регулярные дворы по 200 кв. саженей (ок. 450 м^2). Аналогичные дворы до 600 м^2 с устойчивой регулярной планировкой обнаружены и в других древнерусских городах: Киеве, Рязани, Смоленске [40, с. 16]. Следовательно, данные признаки княжей сотни универсальны. Высказываю уверенность в том, что подобные дворы будут найдены в Загородье и на Прусской улице.

В чем специфика княжей сотни и отличие ее от сотен в концах? Полагаю, что коренное отличие кроется в происхождении составляющего ее сотенного населения. Это были не новгородцы. Отсюда и их непосредственная подчиненность князю, а не городу. Отсюда объяснение, почему «княжая ста» занимала самые неудобные участки в Новгороде.

Находка на одном из регулярных дворов княжей сотни берестяной грамоты № 424 начала XII в. позволяет в полной мере оценить, как осуществлялось включение людей в состав городской общины: «[Поклонъ] отъ Гюргея къ отьчеви и къ матери. Продавъше дворъ, идите же семо, Смольньску ли, Кыевоу ли. Дешеве ти хлебе. Али не идете, а присете ми граматичу, сторови ли есте» [25, с. 32, 33]. Из грамоты очевидно, что дворы княжей сотни продавались и покупались. Так, видимо, было изначала, т. е. две сотни квадратных саженей городской земли и обеспечивали статус гражданства. Стать новгородцем для пришлого человека значило приобрести землю, войти в состав «княжего ста». Горожанин — это прежде всего владелец городской усадьбы.

---

[3] Границы «княжей ста» на Торговой стороне (рис. 2) указаны на время появления «Устава» — 1176—1177 гг. До образования Плотницкого конца в 60-х годах XII в. территория княжей сотни, вероятно, простиралась значительно к северу до Федоровского ручья, охватывая Лубяницу, Буяную, Рогатицу и другие улицы. Как подметил С. Н. Орлов, привлекший материалы Писцовой книги конца XVI в., южный рубеж Плотницкого конца проходил между улицами Лубяницей и Ильиной [39, с. 94]. В ходе раскопок усадьбы второй половины XII — начала XIII в. на Буяной улице выявлен комплекс двора новгородского купца [35, с. 183, 184].

Южная граница «княжей ста» проходила к северу от Нутной улицы Славенского конца. С. Н. Орлов пишет, что в летописи «не найдем ни одного случая, где бы северная граница урочища «Славно» распространялась далее древней Нутной улицы» [39, с. 94]. При определении южной границы сотни было принято во внимание, что «михайловцы» мостили до Бардовой улицы, а «витковцы» — до «климятных сеней». Участок мощения «михайловцев» находился на продолжении их улицы. От Бардовой улицы мостили уже «витковцы» до «климятных сеней». Поскольку «Труба» в данном месте являлась границей между сотней и Славно, то «витковцы» мостили только до этого ручья. Где-то перед «Трубой» и стояли «климятны сени».

Неновгородское происхождение объясняет мобильность населения княжей сотни. В Киев или Смоленск, возможно, уехали родители автора берестяной грамоты № 424. Из Прибалтики в Новгород в XII в. пришло прусское население, составившее даже отдельный квартал.

«Княжая ста», будучи территориальной общиной (и конец, и «княжая ста» — это совокупность территориальных общин — улиц [41]), подчинялась не городу, а князю, местом пребывания которого был «княж двор». Время появления этого двора и должно указать, когда оформилась княжая сотня.

Как установил Е. Н. Носов, в начале XI в. жизнь на Рюриковом городище замерла. Исследователь связал данный факт с переносом княжеской резиденции непосредственно в город, к Торгу, на территорию Ярославова Дворища. Этот перенос, по его мнению, явился внешним проявлением серьезных изменений в политической организации новгородского общества и его городской структуры [42, с. 64]. Считаю, что переселение князя с Городища в Новгород и послужило исходным моментом для образования на территории города княжей сотни. Прекратила свое существование эта сотня, вероятно, с образованием Загородского конца.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
2. *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.: Высш. шк., 1977.
3. *Рыбаков Б. А.* Деление Новгородской земли на сотни в XIII в.— Ист. записки, 1938, т. 2.
4. *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV веков.— СА, 1974, № 3.
5. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв./Изд. подгот. Щапов Я. Н. М.: Наука, 1976.
6. *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. I, М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
7. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X—XII в./Сост. Зимин А. А. М.: Госюриздат, 1952.
8. *Мавродин В. В., Орлов С. Н.* К вопросу об «Уставе князя Ярослава о мостех».— СА, 1975, № 2.
9. *Янин В. Л.* Еще раз об «Уставе князя Ярослава о мостех».— СА, 1976, № 3.
10. *Куза А. В.* Рец. на кн.: *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.: Высш. шк., 1977.— СА, 1979, № 4.
11. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. I. М., 1851.
12. *Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Ч. 2. СПб., 1863.
13. Правда Русская. Т. I. Тексты. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
14. *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... Изд. 2-е. М.: Изд-во МГУ, 1975.
15. *Колчин Б. А., Рыбина Е. А.* Раскоп на улице Кирова.— В кн.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
16. *Колчин Б. А., Черных Н. Б.* Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология).— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
17. *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
18. *Янин В. Л.* Возможности археологии в изучении древнего Новгорода.— Вестн. АН СССР, 1973, № 8.
19. *Янин В. Л.* К проблеме новгородских сотен.— В кн.: Археографический ежегодник за 1973 год. М.: Наука, 1974.
20. *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Пскова X—XVI вв. (в связи с проблемой археологического исследования древнерусского города).— СА, 1978, № 2.
21. *Орлов С. Н.* К топографии новгородских городских концов.— СА, 1965, № 2.
22. *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет.— В кн.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
23. *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1977—1983 гг.). М.: Наука, 1986.
24. *Колчин Б. А., Хорошев А. С.* Михайловский раскоп.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
25. *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1962—1976 гг.). М.: Наука, 1978.
26. *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы).— История СССР, 1971, № 2.

27. *Хорошев А. С.* Новые материалы по археологии Неревского конца.— В кн.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
28. Новгородская Первая летопись. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
29. *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М.: Наука, 1981.
30. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т. 2. М., 1967.
31. *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. В 2-х т. Т. 1. М., 1959.
32. *Буров В. А.* Уличанская община Новгорода по археологическим данным и проблема происхождения города из племенного центра.— В кн.: Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч.-практ. конф. Псков, 1984.
33. *Кулаков В. И.* Пруссы и восточные славяне.— В кн.: Тез. докл. сов. делегации на V Междунар. конгр. славянской археологии (Киев, сент. 1985 г.). М.: Наука, 1985.
34. Новгородская Вторая летопись.— ПСРЛ, 1841, т. III.
35. *Хорошев А. С.* Раскопы южной части Плотницкого конца.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
36. Новгородские былины. М.: Наука, 1978.
37. *Алешковский М. Х.* Русские глебоборисовские энколпионы 1072—1150 годов.— В кн.: Древнерусское искусство. М.: Наука, 1972.
38. *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников.— САИ, 1982, вып. Е1-47.
39. *Орлов С. Н.* К топографии новгородских городских концов.— СА, 1965, № 2.
40. *Куза А. В.* Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв.— В кн.: Русский город. Вып. 6. М.: Изд-во МГУ, 1983.
41. *Буров В. А.* Уличанская община древнего Новгорода по археологическим данным.— СА, 1985, № 4.
42. *Носов Е. Н.* Новгород и Рюриково городище в IX—X вв. (К вопросу о происхождении Новгорода).— В кн.: Тез. докл. сов. делегации на V Междунар. конгр. славянской археологии (Киев, сент. 1985 г.). М.: Наука, 1985.

V. A. Burov

WHERE THE "KNYAZHAYA SOTNYA" WAS LOCATED IN OLD NOVGOROD

Summary

A careful study of a 13th-century source "Ustav o mostekh" (Rules About Using Bridges) and recent archaeological materials point to the place where the "knyazhaya sotnya" (the territory under the prince's jurisdiction) was located in Old Novgorod and lead to the following conclusions: (1) this territory consisted of three disunited parts (the Zagorodny quarter, the Prusskay Street, and the Ilyina, Vitkova and Mikhailova streets); (2) these regions formed three quarters adjacent to the three oldest boyar quarters (the Nerev, Lyudin and Slavensky); (3) all the households withing the prince's territory were uniform as to their sizes (about 450 sq m each) and layouts; (4) the households could be sold and purchased. To become a Novgorodian an alien had to buy a household, i. e., to join the "knyazhaya sotnya". Those who owned such households were considered to be urban dwellers.

Публикации

Ю. А. САВВАТЕЕВ

НОВЫЕ ПЕТРОГЛИФЫ НА о. ЕРПИН ПУДАС

Предварительные сообщения об открытых на о. Ерпин Пудас петроглифах имели информационный характер [1, с. 13—15; 2, с. 11—13; 3, с. 394—395, 427—428; 4, с. 25, 26]. Цель настоящей статьи — ввести в научный оборот весь изобразительный материал.

Самые первые из петроглифов найдены нами поздней осенью 1968 г. при осмотре прибрежных скал юго-западной оконечности о. Ерпин Пудас (рис. 1*а*, *б*), который расположен в 400 м ниже по течению от о. Шойрукшин с известными петроглифами Бесовы Следки, открытыми в 1926 г. А. М. Линевским. Спустя 3 года А. Я. Брюсов нашел на о. Ерпин Пудас неолитическую стоянку, принятую за место многократных кратковременных остановок людей [5, с. 276, 277, 282]. В 1936 г. остров обследовала экспедиция В. И. Равдоникаса, собравшая на месте размыва песчаного наноса дополнительный материал — местонахождение VII [6, с. 53, 99] и, кроме того, открывшая на небольшом скалистом островке у северо-западной оконечности, слегка вдающейся в главное русло, скопление петроглифов из 28 фигур [6, с. 12—15, 53—57]. Еще три едва заметных изображения были обнаружены во внутренней части острова, в 120 м юго-восточнее, на берегу старого высохшего русла [6, с. 57, 58].

В 1958—1959 гг. Г. А. Панкрушев, уточняя прежние данные о характере известной уже стоянки, выяснил, что она представляет собой довольно большое поселение с мощным и богатым культурным слоем, заходящее далеко в глубь острова, на его плоскую вершину [7, с. 65—68, 123—127, 131]. К сожалению, позднее оно подверглось сильному разрушению. В 1963, 1970—1971 гг. автор настоящей статьи произвел раскопки уцелевших разрозненных участков культурного слоя общей площадью около 1000 м². Под стоянкой, на подстилающей ее скале, велись и поиски петроглифов, которые стимулировало недавнее открытие наскальных полотен Новой Залавруги, расположенных в необычных условиях — поодаль от уреза воды, под культурным слоем стоянки Залавруга I. Но здесь, как выяснилось, изображения занимали преимущественно верхнюю часть берегового склона, обрамляющего современное русло, и были прикрыты тонким (10—18 см) слоем более молодых пойменных отложений, и по структуре, и по окраске резко отличавшихся от культурного слоя. Сам он, если когда-то и заходил на прибрежную скалу, то позднее был размыт и переотложен. Пойменные осадки состоят из однородного по составу пылеватого песка, судя по цвету, со следами вымывания и вмывания. В них изредка попадались осколки кварца и кремня, указывающие на контакт с культурным слоем, появлявшимся чуть выше, за невысоким отвесным уступом куэстового типа с неровной кромкой. И здесь, перед самым уступом, по чередованию разноцветных песчаных прослоек палеогеографом Э. И. Девятовой выявлены явные следы перемывания окраины стоянки.

Все полотно вытянуто вдоль берегового склона с северо-запада на юго-восток почти на 21 м и опускается по нему на ширину от 2,8 м в центре и до 6 м на северном краю, так что общая его площадь составляет 60 м² (рис. 1*б*; 2). Самая верхняя фигура находится на отметке 21,05 м, а самая низкая — 19,05 м над уровнем моря, уже на от-

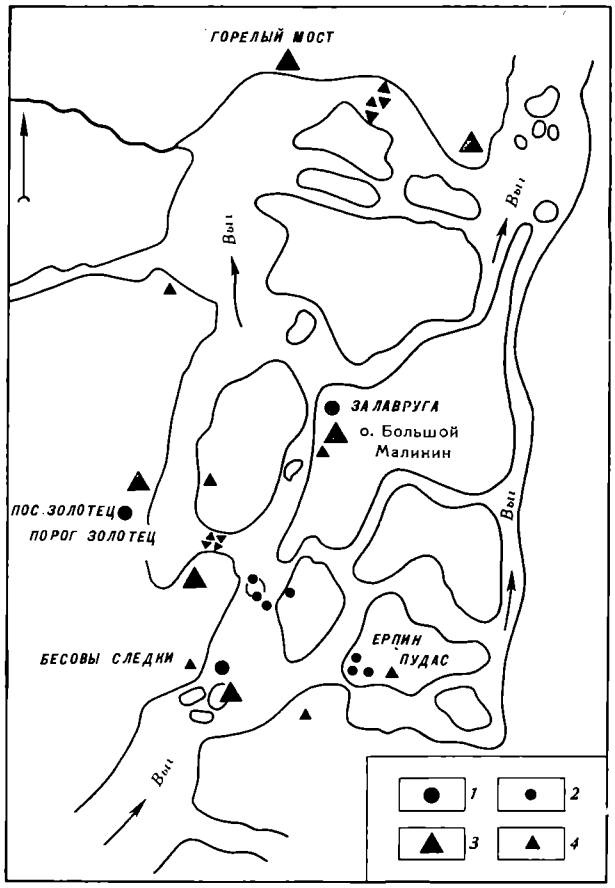


Рис. 1*а*. Местоположение о. Ерпин Пудас. *1* — крупные скопления петроглифов; *2* — мелкие группы; *3* — скопления стоянок; *4* — единичные стоянки

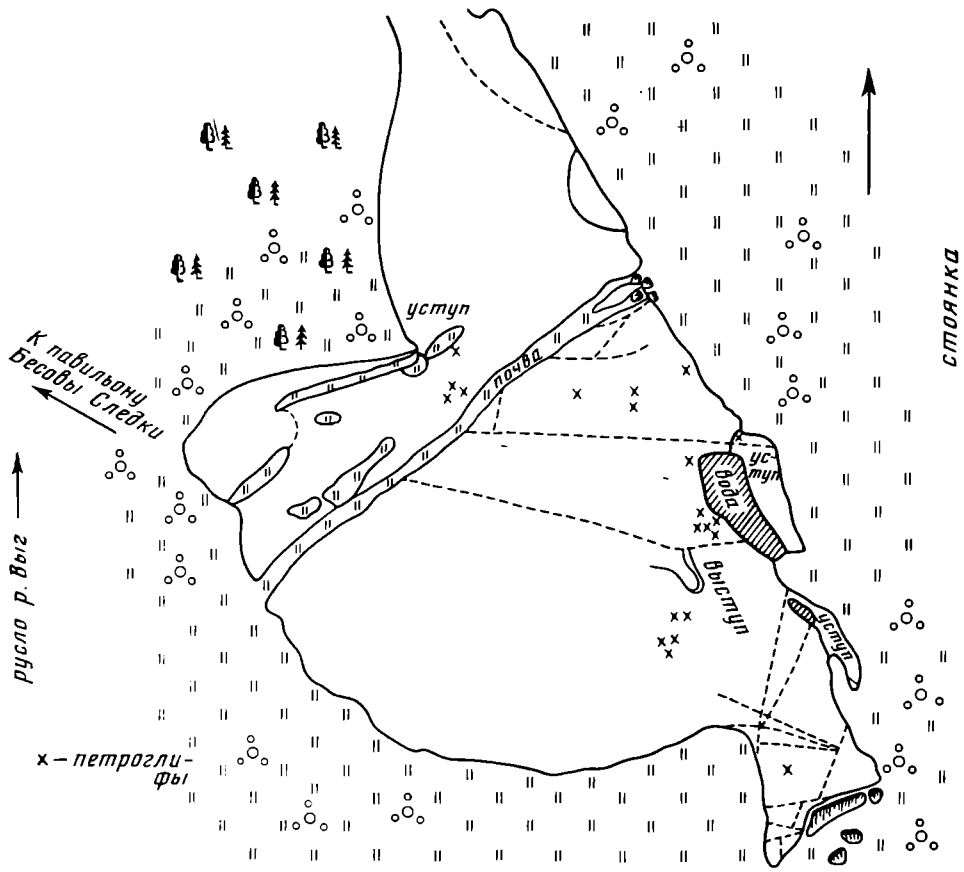


Рис. 1*б*. Скала с петроглифами на о. Ерпин Пудас

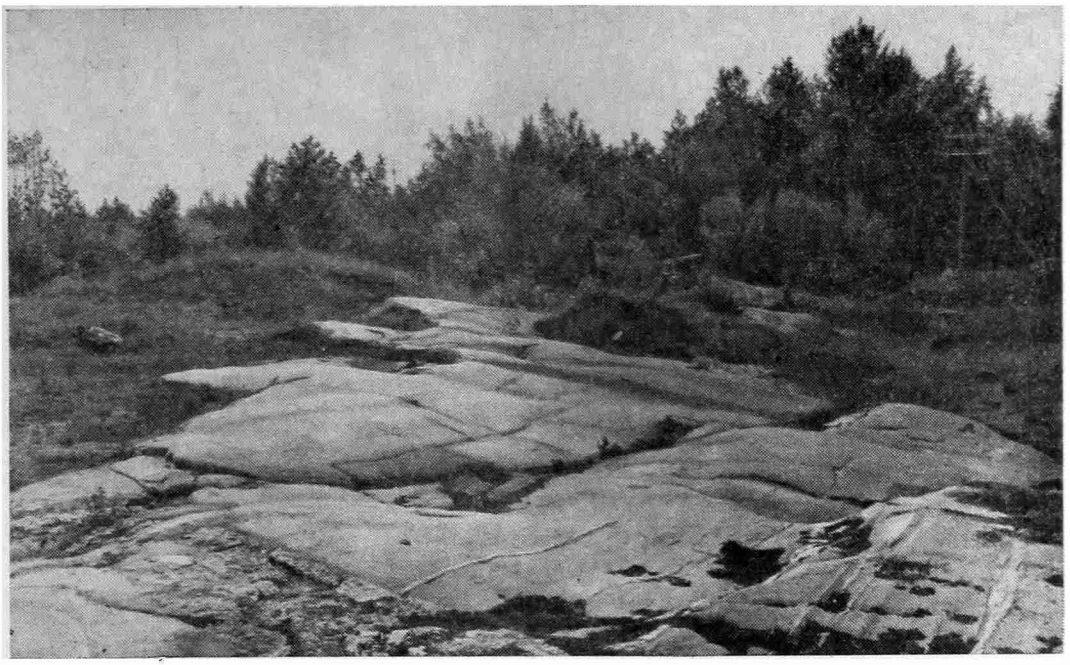


Рис. 2. Новое наскальное полотно о. Ерпин Пудас

крытой, более темной части склона, спускающегося к воде. Расчистка полотна длилась несколько лет: вначале, в 1968—1969 гг., раскапывалась левая его часть, по которой поднималась дорога, ведущая на остров, в песчаный карьер. А более труднодоступная правая часть, оказавшаяся под толстым набросом, вскрыта в 1970 г. (рис. 3, *1, 2*). Но и после этого силуэты многих рисунков, особенно на шероховатых участках, забитых мельчайшими частичками почвы, еще сливались с фоном и оставались незаметными. Лишь постепенно осадки очищали скалу, и силуэты фигур становились все отчетливее, контрастнее, а отдельные к 1976 г. приобрели вид свежевыбитых. Даже на участках, казавшихся совсем бесперспективными, удалось разглядеть еще несколько изображений.

Почвенный покров над изображениями был сильно потревожен, главным образом при прокладке дороги — въезда на остров. Но чуть левее, почти вдоль него, по склону крутизной около 35° в 1970 г. зачищен профиль длиной более 6 м. Он поднимался до самой вершины склона в северо-северо-западном направлении и, как выяснилось позднее, проходил почти по самому левому краю полотна. На последних 2,5 м возвышенной части разрез выглядел так: тонкий дерн; черно-серый пылеватый песок с примазками угля — от 0,5 до 2,5 см; оподзоленный белесо-серый пылеватый песок — от 1,5 до 4 см, с неровной и размытой линией контакта сверху и снизу; бледно-розовый мелкозернистый песок с примесью пылеватого и зерен средне- и крупнозернистого песка, а также очень мелкого гравия — от 2 до 6 см; пылеватый песок темно-желтого цвета с зернами средне- и крупнозернистого песка; скала. Общая толщина слоя профиля, начиная от вершины и через интервалы в 1 м, достигала 26, 23, 27, 39, 40, 44, 29 и 18 см. Ниже по склону наблюдалось постепенное замещение этих осадков серым и белесовато-серым пылеватым песком с включениями растительного детрита и небольшими пятнами ожелезненного песка.

На правом фланге полотна, под набросом оказался нетронутый почвенный слой мощностью 10—17 см, уменьшавшийся по мере подъема прибрежного склона до 8—10 см. Он включал прослойку слежавшегося дерна, белесо-серый подзол и пылеватый, слабоокрашенный песок, который местами становился более ярким, коричневато-кирпичного цвета. Обнаружено несколько осколков кварца и кремня, вероятно переотложенных из культурного слоя стоянки. Перед обрывистым верхним краем

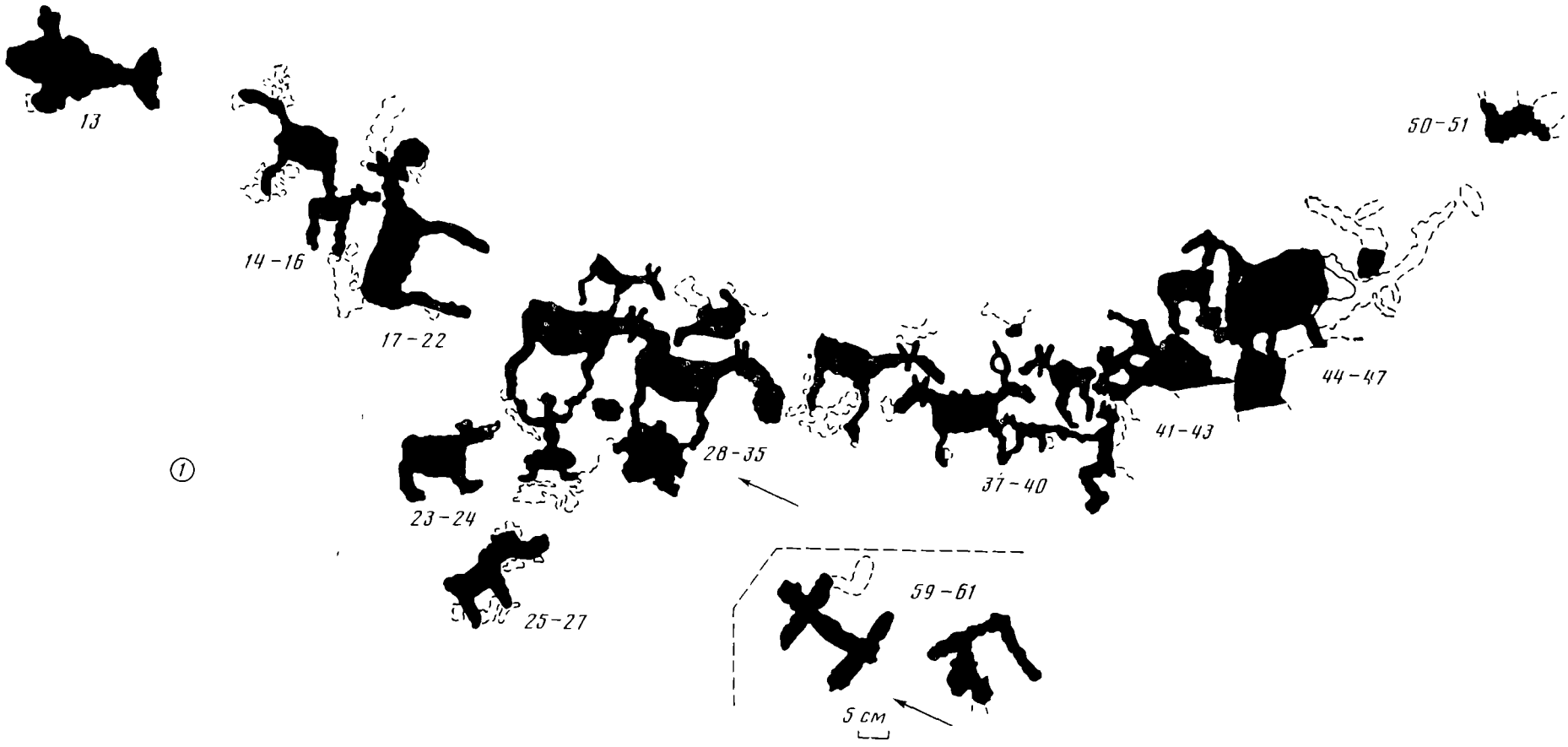


Рис. 3. Копия петроглифов о. Ерпин Пудас. *1* — левая часть полотна; *2* — правая часть полотна

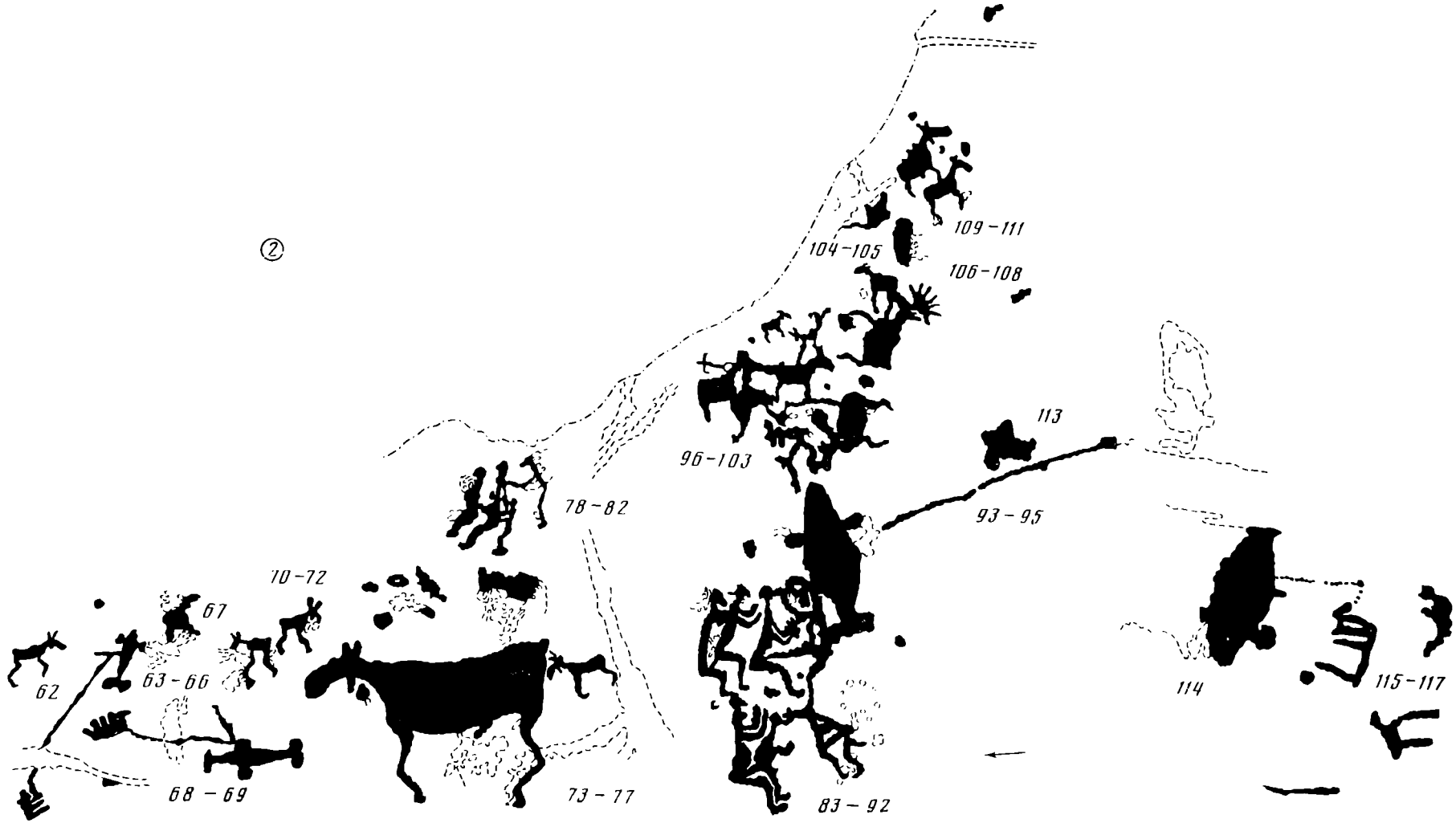


Рис. 3 (II часть)

склона, уже непосредственно на территории стоянки, Э. И. Девятовой изучена еще пара разрезов, фиксирующих и культурный слой, и находки. Различия в окраске и структуре слагающих их горизонтов, степени насыщенности угольками и пеплом, наличие стерильных прослоек чистого желтого песка — все говорит о постоянно меняющихся гидрологических условиях данной местности [8, с. 27—41]. К сожалению, и здесь верхняя часть почвенного слоя отсутствовала. Только левее, к северу от наскального полотна, на значительной площади вскрыт нетронутый, прикрытый дерном мощный и яркий, богатый находками культурный слой, сохранившийся по самому краю неглубокого из-за подстилающей скалы песчаного карьера.

Новое наскальное полотно обращено к западу и юго-западу, в сторону как бы набегающего широкого и порожистого русла р. Выг, усеянного островами; отсюда хорошо виден о. Шойрукшин с Бесовыми Следками. Здесь русло Выга ветвится на два, точнее, от него отходит правобережная протока, которая и отделяет сам остров от коренного правого берега. Естественно, что после раскопок прибрежный склон изменил свой вид — стал более широким и двухцветным: нижняя, открытая его часть — темно-серая или же коричневатая, а расчищенная от земли верхняя — более светлая. В целом же поверхность склона с петроглифами неровная, слегка бугристая, почти вся шероховатая, со множеством выщербин, выбоин, а местами и сколов, выступов и западин, пересечена многочисленными разломами и трещинами. Примерно посредине его — слабо выраженная ложбина, по которой и проходила дорога.

Учитывая размещение фигур, следуя естественным границам в виде разломов, трещин, жил, уступов, все полотно можно условно подразделить на девять относительно небольших обособленных участков, видимо изначальных и как-то повлиявших на формирование полотна, его структуру. Обзор петроглифов и при знакомстве с ними в натуре, и при описании удобнее вести по этим участкам в направлении слева направо и снизу вверх с сохранением сплошной нумерации (рис. 3, *1, 2*).

Левый край полотна ограничивает отвесный «поперечный» уступ высотой 40 см. Петроглифы появляются в 80 см от него, на склоне слабого бугра шириной 80 см, где выбито плохо заметное теперь изображение лося. В 15 см от его морды почти по линии север — юг проходит жила кварцита шириной от 3 до 20 см, которая и обрамляет полотно с запада. Эта жила, с одной стороны, и глубокая трещина-разлом с неровными краями, заполненная почвой,— с другой, выделяют всю левую часть, которая протянулась с севера на юг и занимает три «склона», плавно переходящих один в другой. Основная часть фигур расположена на среднем, с коричневатой поверхностью.

На участке I — шесть изображений, из них четыре входят в композиции. Одна представляет собой изображение белухи с детенышем, плывущим под углом к его туловищу. Белуха сильно удлиненных пропорций, окружена пятнами разных форм и размеров, среди которых, быть может, имеются и выбитые. Следующую композицию из двух соприкасающихся фигур можно принять за человека, стоящего на птице. Выше на 14—16 см — лось, выбитый глубоко и грубо; другое грубое, схематичное изображение лося находится в 1,5 м от человека. Цвет фигур — от темно-серого до светло-серого, заметны они не очень хорошо.

Участок II — треугольник скалы между трещиной-разломом, другой трещиной справа, пересекающей скалу с запада на восток, и кромкой уступа сверху, граничащей со стоянкой. Поверхность его неровная, слегка бугристая, белесовато-серая, местами светло-серая с коричневатыми включениями. Максимальной крутизны достигает на южном краю. Изображения сохранились лишь местами: лось с непропорционально длинными ногами; в 1,3 м восточнее, на узкой (11—14 см) полосе уцелевшей коричневатой глянцевой поверхности, на площадке 12×48 см, хорошо заметны голова лося с двумя длинными ушами и серьгой под горлом, округлое пятно диаметром 3 см, кормовая часть лодки и белуха, хвостовым плавником, по-видимому соприкасающаяся с кормовым выступом

лодки. На той же полосе, но выше, на протяжении 4 м прослеживаются еще несколько петроглифов, исчезающих из-за эрозии скалы и неподдающихся копировке. В 0,5 м ниже и параллельно первой проходит вторая полоса, шириной 30 см, с пятнами гладкой желтоватой поверхности. Средняя часть ее на протяжении 2 м заполнена фрагментами не менее 10 фигур, прочесть которые не удалось из-за плохого состояния. Наконец, поодаль имеется изображение белухи, выбитой неглубоко и плохо заметной.

Создается впечатление, что прежде весь участок II был сильно насыщен изображениями. Здесь они поднимаются вверх по склону особенно высоко, как бы указывая направление дальнейших поисков. Те, что уцелели, довольно отчетливы благодаря более сильному контрасту силуэта и скалы. Южнее тянется наиболее ровный и спокойный склон берега. Верхний край его отвесным уступом опускается на основание еще одной скалистой складки, в которой постоянно скапливается вода. Эта вторая площадка перед отвесной кромкой берегового склона заметно обособлена и выделяется как участок III. На нем в 2 м от кромки всего две непонятные, кажется, взаимосвязанные фигуры, выбитые глубоко и хорошо заметные, общей длиной 16 см.

Всего на участках I—III, как минимум, 12 фигур, выбитых в одной технике, довольно грубыми точечными ударами. В нескольких случаях отмечена последующая заглаженность силуэта.

В 3,5 м южнее предыдущей, по краю небольшого внутреннего уступчика, обращенного в сторону русла, проходит следующая, тонкая, почти «волосяная» трещина. Между ними и заключен очень узкий (менее 1 м) участок IV, вытянутый вдоль самой кромки уступа, перед которой постоянно, летом и осенью, скапливается вода. Стекая по склону, она оставила три полосы железистых осадков. В нижней части склона петроглифов нет. Они продолжаются правее, главным образом вдоль верхнего края прибрежного склона, который поворачивает вверх, расширяя весь склон. Этот выступ скалы, обрамленный слева коричневато-красной полосой железистых осадков, справа — узкой полоской свободного пространства с проходящей по ней выщербиной и снизу горизонтальной трещиной,— участок V. Он служит переходом к правой, не менее богатой и выразительной половине полотна. Конечно, деление на левую и правую части условно, отражает больше историю открытия. Но как будто оно находит некоторое основание и в топографии, и в самих изображениях. Их даже разделяет небольшое пространство с идеально гладкой поверхностью у края внутреннего уступчика-складки, где выбита только очень небольшая композиция, а неподалеку — несколько одиночных фигур. Ниже скала сильно шероховатая и неровная. В совокупности же на участке IV и V сосредоточено более половины всех фигур и ряд выразительных сцен.

В левом верхнем углу участка IV, у кромки уступа — отчетливое изображение белухи, а позади нее — три странно соприкасающихся или почти соприкасающихся между собой зверя, неодинаковой величины, головами обращенные в разные стороны. Возможно, они представляют семью лосей. Под передней ногой самого маленького зверя (лосенка?), в 15 см, выбита небольшая белуха. Чуть южнее — еще более явная и необычная сцена, ядро которой составляют две идущие друг другу навстречу группы лосей. В левом ряду их три, а в правом — два (фиг. 28—40). Но они тесно связаны с целым рядом других фигур, сильно усложняющих содержание композиции, частью которой, быть может, являются и фиг. 14—16.

Над крайним слева, самым крупным лосем из левого ряда выбит еще один небольшой лось, касающийся его холки копытом передней ноги (возможно, он идет сбоку, и мы имеем дело с попыткой передать перспективу?), а снизу копыта обеих ног крупного сохатого смыкаются с поднятыми кверху руками человека, показанного в позе присевшего. Ноги широко расставлены и ниже колена прикрыты одеждой типа широкой «юбки»; по бокам сравнительно узкого туловища — небольшие выпук-

лости. Слева от человека и немного ниже — два схематичных зверя. По крайней мере одного из них можно принять за медведя.

Морда рассмотренного лося лежит на крупе следующего, похожего по очертаниям, тоже с двумя ушами, но, кажется, без серьги. Мордой и ногами он соприкасается с довольно крупными аморфными пятнами, вероятно выбитыми. Следующий лось, идущий впереди, отличается очертаниями туловища, но особенно — вытянутой шеей и узкой длинной мордой. Отчетливо читается серьга и два уха. Копыто задней ноги теряется в выбоинах.

Правый ряд образуют два идущих навстречу необычных лося. Первый — двухголовый: одна голова нормальная, с двумя ушами и серьгой, другая же без серьги, со странным высоким рогом, имеющим кольцеобразное расширение посредине. Сказочные звери «о двух головах» изредка встречаются в наскальных изображениях Фенноскандии, в частности в Немфорсене (Северная Швеция). Но здесь он к тому же как будто является и составной частью композиции. Справа ноги странного лося в двух местах касается небольшой зверек (собака?), «хвост» которого находится в руках высокого человека, изображенного в позе присевшего — с массивной, согнутой в колене ногой.

Чуть выше, перед самой мордой с необычным рогом, буквально втиснут второй лось, с непропорционально коротким, сильно сужающимся к крупу туловищем, длинными, изогнутыми ногами, причем передняя длиннее задней. Показаны два уха, серьга, хвостик и холка. Наличие нескольких мелких сцен в этой весьма насыщенной части полотна очевидно: намеренное соприкосновение фигур, обозначающее какой-то акт или действие, доказывает их композиционную связь. Не исключено, что они лишь часть более развернутого повествования. Связано ли оно с промыслом лосей в определенное время года или же имеет более отвлеченный мифологический смысл, где героями наряду с антропоморфными фигурами выступают и звери, преимущественно лоси,— неизвестно. Нам не удалось еще достоверно выявить последовательность появления рассмотренных фигур. Мало вероятно, что они созданы в один прием, по единому замыслу. Должно быть, вначале появилось несколько небольших гнезд, которые путем последующих дополнений слились в более или менее единое целое.

Справа, почти вплотную, расположено еще несколько соприкасающихся и плохо распознаваемых изображений (фиг. 41—51). Силуэты их тщательно зашлифованы, что совершенно необычно. Самое крупное можно принять за лодку необычной формы — укороченных пропорций, с очень высокими бортами. Трудно сказать, имеем ли мы дело с новым техническим приемом нанесения рисунков путем зашлифовки предварительно оконтуренного или даже неглубоко выбитого силуэта или таким образом старались уничтожить ранее созданные петроглифы. В трех местах на заглаженной поверхности прослеживаются фрагменты новых, выбитых точечными ударами фигур. Зашлифовка фигур — новое явление в развитии наскального творчества Беломорья, видимо появившееся на заключительной стадии и важное для определения места новых петроглифов внутри данного очага наскального искусства.

Немного ниже по склону, на открытой скале расположены два крайне схематичных изображения (фиг. 61—62), замеченных первыми. А правее и выше, на упоминавшейся уже «промежуточной» площадке, имеющей вид угла,— несколько обособленных, почти миниатюрных фигур идеальной сохранности (фиг. 53—57). Крайнюю слева можно принять за собаку, морда которой соприкасается с весьма странной фигурой, напоминающей человека, узким перехватом как бы разделенную на две части — верхнюю и нижнюю. Слева — лодка без кормовой части, быть может незаконченная. Рядом же — пара округлых пятен.

Далее, за неширокой полосой пригодной, но не использованной поверхности, начинается правая часть полотна (рис. 3, *2*) — участок V, размером 2×3 м, ограниченный кромкой уступа и трещинами и заполненный петроглифами, преимущественно в верхней части. Ниже, на раз-

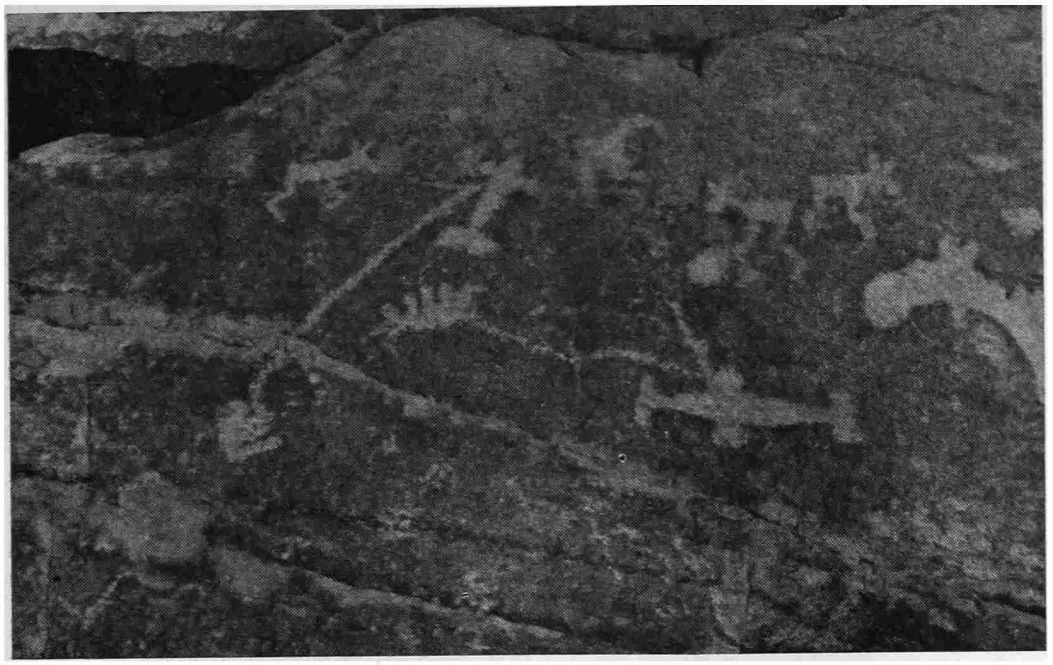


Рис. 4. Петроглифы на участке V

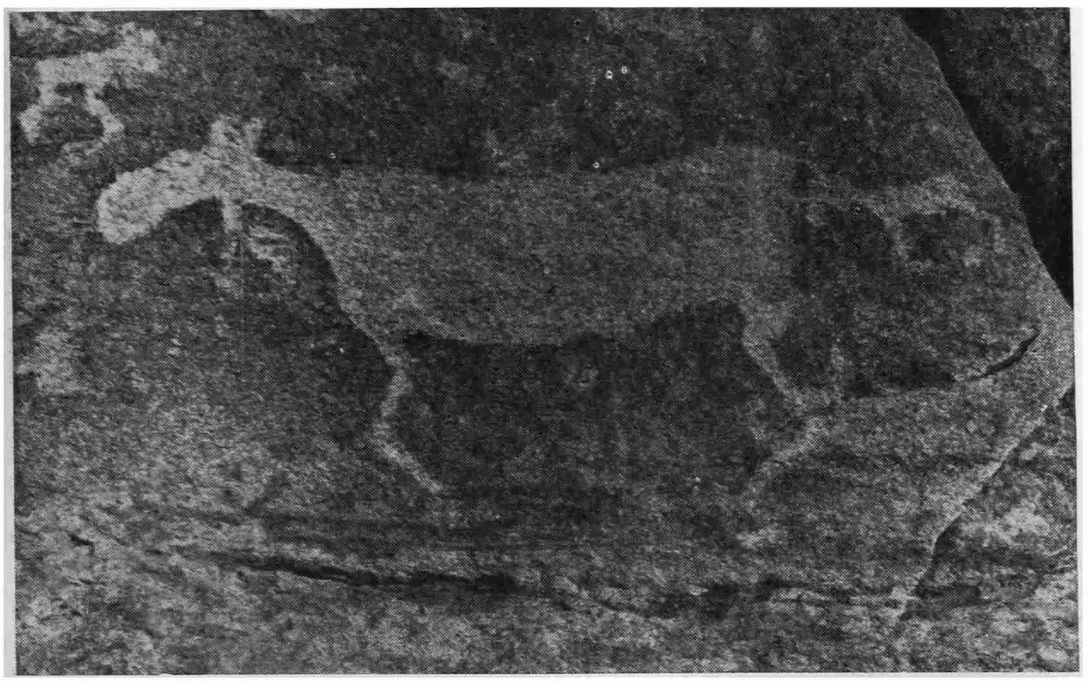


Рис. 5. Петроглифы на участке V

рушенной многочисленными сколами и выщербинами поверхности удалось рассмотреть схематичных белуху и человека. Еще ниже их по склону только фиг. 60—61. В целом же петроглифы данного участка разнообразны по размерам и составу, размещены несколько свободнее и, как правило, образуют небольшие композиции из двух—пяти фигур (рис. 4). В их числе две явные сцены морского промысла — морской зверь загарпунен из небольшой лодки; видны не только гарпунные ремни, но и сами попавшие в цель гарпуны. Выделяется большими размерами лосиха с теленком, показанным за нею почти вплотную на уровне крупа (рис. 5).

Над полосой композиций — небольшого размера лось с сильным изгибом ног, схематичная фигура зверя; пара лосят с непропорционально

Рис. 6. Петроглифы на участке VI

длинными и сильно изогнутыми ногами, обращенных в разные стороны; несколько аморфных пятен. А выше их, у кромки уступа,— четыре поставленных в ряд и соприкасающихся друг с другом человека. Очертания их из-за сильно выщербленной поверхности прослеживаются недостаточно четко (фиг. 78—82).

За небольшой (20—40 см) полоской «пустоi» поверхности скалы — участок VI. Край прибрежного склона здесь поворачивает вверх особенно круто, почти на восток. Здесь еще одно крупное гнездо петроглифов, вытянутое не вдоль, а поперек склона, по вертикали. В основании находятся два плотных ряда людей, выбитых друг над другом и настолько близко, что ноги и головы крайних фигур смыкаются (фиг. 83—92). В каждом ряду по две пары — сцены соития. Сильно схематизированная крайняя сверху справа фигура в двух точках соприкасается с крупной загарпуненной белухой (рис. 6). Правда, лодка, из которой брошен гарпун, не сохранилась, но прослеживается гарпунный ремень, а рядом с ним — непонятный фрагмент, возможно, еще одной белухи (фиг. 93—95, 113).

Выше, в сером пятне гладкой скалы,— хаотичное нагромождение соприкасающихся фигур, преимущественно лосей. Их не менее шести: возможно, и взрослые особи, и телята (рис. 7). По меньшей мере, два зверя поражены копьями. Особенно выразительны два крайних справа лося, и головами, и ногами обращенные в противоположные стороны, особенно тот, у которого кроме пары ушей обозначен и рог с семью ло-

Рис. 7. Петроглифы на участке VI

пастями — редкий случай в петроглифах Карелии. Мордой и грудью он касается задней ноги лосенка. Неподалеку — совсем крошечный лосенок.

Одну фигуру бесспорно и две с сомнением можно принять за изображения людей, крайне схематичных. Имеются пятна разных очертаний и размеров. По скученности зверей, следам ранений некоторых из них, размещению предполагаемых охотников все скопление можно принять за сцену поколки загнанных лосей (фиг. 96—111). Еще выше можно разглядеть птицу и удлиненный овал над нею, а далее — пару лосей, показанных один над другим. Верхний несколько массивнее и касается передней ногой спины нижнего. У их голов три пятна, видимо тоже выбитых.

Правее данного почти до предела насыщенного «столбика» несколько обособленных фигур: относительно крупная белуха, загарпуненная из необычной по форме лодки с очень узким корпусом, высоким носовым украшением и тремя гребцами, обозначенными длинными черточками. Лодка движется параллельно белухе, но в противоположную сторону (фиг. 114—115). Гарпунный ремень показан необычно — пунктирной линией, состоящей из точек. Под лодкой полукругом тянутся три одиночные фигуры: полоска, стилизованный олень с чрезмерно длинными ногами, упирающимися в естественную трещину, и стилизованная же непонятная фигурка — не то лодка, не то человек (фиг. 116, 117). Немного в стороне, на участке VII, последняя фигура — крупный лось, «идущий»

вниз по склону, четких очертаний, с двумя ушами и серьгой, толстым туловищем и торчащим хвостиком.

Крайняя справа угловатая часть прибрежного склона (участки VIII—IX) с сильно выветрившейся белесой поверхностью петроглифов не имеет. Условной границей ее служит отколовшийся блок скалы длиной 2,2 м. Так выглядит новое наскальное полотно на о. Ерпин Пудас, в какой-то мере уже утратившее свой первоначальный вид, особенно на левом крыле. Здесь часть выбивок исчезла, а уцелевшие (например, на участке IV) стали сероватые и почти сливаются с фоном скалы, особенно при пасмурной погоде. Их трудно копировать. Гораздо лучше сохранились и читаются рисунки правой половины, где, несмотря на шероховатую поверхность, они видны при любой погоде, но особенно отчетливо при солнечном освещении.

Всего зафиксировано 155 фигур и знаков. 43 из них — пятна аморфных очертаний, а 38 — непонятные следы или фрагменты изображений. Среди 79 оставшихся преобладают лоси — 32 (правда, в трех случаях при интерпретации возникают сомнения). Лоси, рассредоточенные по всему полотну, весьма разнообразны по размерам, отдельным деталям и общим пропорциям, но все «силуэтные», строго профильные, двуногие. Обычно ноги изогнуты, показано от одного до трех изгибов. Почти у всех по два уха. Рога же изображены только в двух случаях, и в обоих по-разному. Примерно у третьей части сохатых отсутствует такой надежный видовой признак, как серьга под горлом. Холка выделяется не всегда, круп то округлый, то угловатый, как у оленей. У пяти очень маленьких, почти миниатюрных особей непропорционально длинные ноги. Возможно, это телята. Любопытной особенностью Ерпина Пудаса является почти полное отсутствие оленей, представленных и на Бесовых Следках, и на Залавруге. Два очень схематичных изображения мы приняли за медведей и еще два — за собак (?).

На втором месте — фигуры людей, всего их 19, но минимум четыре вызывают сомнения. В основном они сосредоточены двумя скоплениями. Почти все антропоморфные изображения сильно схематизированы, хотя не лишены натуралистических черт. Большинство их роднит профильность и своеобразная поза присевших или сидящих; лишь два человека показаны в фас. По меньшей мере у пяти профильных фигур обозначены не одна, а обе руки, что встречается очень редко. По размеру (высоте) люди, как правило, крупнее фигур животных. Судя по характеру сцен, представлены и мужчины, и женщины. Что это не рядовые охотники в будничных обстоятельствах, видно по странной композиционной связи с другими изображениями.

Морских зверей значительно меньше, чем лесных,— 13; в основном белухи, включая одну сомнительную фигуру. Три привлекают внимание крупными размерами. Два зверя, включенные в сцены, очень сходны по очертаниям, но у одного на кончике морды поперечная полоска, быть может символизирующая клыки. В таком случае его можно принять за моржа.

Лодок еще меньше — восемь, но в трех случаях наши определения требуют уточнений. Если не учитывать фрагмент слева от начала полотна и зашлифованные фигуры, то их останется всего лишь три. Все они небольшие и меньше загарпуненных с них зверей; у двух, типично беломорских, относительно высокие борта, форштевень украшен головой лося. Третья же, с корпусом в виде довольно узкой линии, ближайшие параллели находит в Онежском озере. Наконец, среди сюжетов имеются следующие изображения: птица, гарпуны — три, чашевидные углубления — три, незаконченные фигуры — две.

Подавляющее большинство изображений входит в композиции. Их не менее 12. Одни простые, из двух-трех фигур, другие более сложные, включающие с десяток изображений, скомпанованных весьма разнообразно: то горизонтальной полоской, то друг над другом; встречается и какое-то неупорядоченное на первый взгляд размещение. Выбивая однотипные фигуры (например, лосей) друг на другом, первобытные мастера, воз-

можно, пытались показать второй план. Основными темами данных сцен являются охота на лосей, морской промысел и продолжение человеческого рода. Вероятно, сцены имеют определенную религиозно-мифологическую окраску, раскрывают и закрепляют жизненно важные связи природы и человека.

Несмотря на то, что новое наскальное полотно находится в самой гуще петроглифов Беломорья, и в окружении множества стоянок, мы еще не в состоянии надежно увязать его с поселениями и точно датировать. В низовье р. Выг проведены специальные археологические и геолого-палинологические исследования с целью выявления древних береговых линий с расположенными на них стоянками и наскальными изображениями и увязки их с определенными стадиями в развитии бассейна Белого моря и долины р. Выг; использовались десятки датировок по ^{14}C. Выяснилось, что освоение о. Ерпин Пудас стало возможным еще в атлантическом периоде, где-то 5700—2700 лет до н. э. Тогда в Прибеломорье происходят кардинальные изменения всего комплекса природных условий. В частности, началась трансгрессия Белого моря — море тапес, синхронное литориновой стадии Балтики. Именно тогда формируется вторая надпойменная терраса р. Выг с абсолютными отметками 19,5—26,5 м. Возраст ее определялся спорово-пыльцевыми анализами и радиоуглеродными датировками из торфяников, развитых на различных уровнях этой террасы: 6350±80 (ТА-413); 5840±70 (ТА-644); 4910±120 (ТА-647). Серия датировок получена по образцам угля со стоянок, расположенных на уровне данной террасы; это Ерпин Пудас I — 6510±120 (ТА-344), 5990±100 (ТА-799), 5860±100 (ТА-472), 5825±80 (ТА-413), 5460±80 (ТА-800), 5240±50 (ТА-795) и местонахождение в русле реки у петроглифов Бесовы Следки — 5430±30 (ГИН-129), 5180±60 (ТА-522), 5000±60 (ТА-431). В связи с колебаниями уровня Белого моря, амплитуда которого составляла предположительно 5—7 м, береговая линия периодически изменялась, то способствуя заселению острова, то препятствуя ему. Ясные следы замывов выявлены на вершине о. Ерпин Пудас в виде углистых линз и прослоек угля, очажных кладок. Первые признаки субаэральных условий возникают, по Э. И. Девятовой, в период длительной раннеатлантической регрессии, приведшей к значительному понижению уровня моря. Тогда осадки предшествующей трансгрессии подверглись глубокому размыву и сохранились лишь в углублениях скальных пород в виде небольших останцов мощностью 0,1—0,5 м. Кровля этих осадков залегает на тех же абсолютных отметках, что и петроглифы,— 21,5—19 м. Но явных следов постоянного поселения не выявлено, да и навряд ли оно существовало.

В следующую трансгрессивную фазу моря, тапес (а уровень его был на 25—26 м выше современного), остров вновь оказался под водой и на нем опять накоплись песчаные осадки. Верхняя граница трансгрессии зафиксирована пока одной датой — 6510±120 (ТА-344). Понижение уровня моря тапес во время позднеатлантической регресии до отметок 19—19,5 м отмечает «многослойное кострище» перед отвесным уступом берегового склона с петроглифами. Угли из него оказались непригодны для анализа по ^{14}C из-за сильного загрязнения, но спорово-пыльцевые спектры по совокупности признаков (например, содержанию пыльцы термофильных пород и нарастанию спектра ели) позволили Э. И. Девятовой приурочить их к самому концу атлантического периода. Многослойность кострища, переслаивание линз спрессованного угля и пепла чистым мелкозернистым песком исследовательница объясняет местоположением данного участка вблизи береговой линии. Весьма раннее освоение острова фиксирует еще одна дата — 5825∓80 (ТА-413), полученная по углю из очага, расчищенного в культурном слое стоянки Ерпин Пудас I и, скорее всего связанного с ним, но, кажется, слишком удревняющая его возраст. Эта дата больше соответствовала бы мезолитическому поселению, бесспорных следов которого на территории острова пока не обнаружено.

В последние столетия атлантического — 2800—2700 лет до н. э.— и особенно в первые века суббореального периода — 2600—2300 лет до

н. э.— гидрологическая обстановка становится особенно благоприятной. Тогда, скорее всего, и появляется ранний пласт петроглифов Бесовы Следки на о. Шойрукшин. Теоретически их могли выбивать и на о. Ерпин Пудас и даже на Залавруге. Дело в том, что в начале III тыс. до н. э. формирование второй надпойменной террасы близится к завершению, ее поверхность все чаще оказывается вне зоны затопления. Острова и берега, гипсометрически соответствующие ее уровню, активно осваиваются человеком. Одно из наиболее крупных поселений возникает 2900—2300 лет до н. э. на юго-западной оконечности о. Ерпин Пудас. Точнее, за это время там сменилось два поселения, частично наслоившихся друг на друга. Видимо, не раз возникали и временные стоянки. Но в собранном при раскопках вещевом материале с трудом выделяются «чистые» одновременные комплексы. Да и культурный слой захватывал сплошь почти всю юго-западную окраину острова, включая часть плоской вершины. В нем найдены каменные орудия из кварца, сланца, кремня. Преобладает же разнообразная по орнаментации ямочно-гребенчатая керамика. Значительно меньше керамики сперрингс и гребенчатой. Единичные фрагменты асбестовой, штрихованной, гладкостенной и средневековой лепной посуды — следы эпизодических посещений острова в более позднее время. Постоянные же поселения здесь существовали, видимо, только в эпоху неолита. Самое раннее из них — с керамикой сперрингс (и гребенчатой) — занимало ровную вершину острова с отметками 24,5—25 м над уровнем моря, а более позднее — с ямочно-гребенчатой — его склон, полого спускающийся в сторону петроглифов.

В суббореальный период базис эрозии вновь несколько понизился, считает Э. И. Девятова, и в низовье р. Выг началось формирование первой надпойменной террасы, имеющей отметки 19 (18,5) — 13,5 м над современным уровнем моря. Возраст ее тоже установлен по данным спорово-пыльцевого анализа и датировкам образцов из подошвы торфяника на поверхности данной террасы — 3670±80 (ТА-792); 3415±70 (ТА-894), а также целой серией датировок образцов угля со стоянок, приуроченных к различным ее уровням, таких, как Золотец VI — 4620±60 (ТА-391); 4150±80 (ТА-793); 3780±150 (ТА-801); Залавруга IV — 4430±80 (ТА-392); 3810±50 (ТА-994); 3700±100 (ТА-797); Золотец XI — 3990± ±60 (ТА-798). Кроме того, у пос. Золотец, в обрывистом берегу р. Выг, вскрыты старичные отложения, подтверждающие суббореальный возраст первой надпойменной террасы — 4260±80 (ТА-635), 4050±80 (ТА-637), 3510±120 (ТА-636), 3400±150 (ТА-638).

Видимо, в течение первых трех-четырех столетий суббореала уровень воды в р. Выг оставался высоким, достигая временами 17—18,5 м, но чаще не превышал 16—16,5 м. Сама же тенденция к снижению базиса эрозии, связанная с наступлением засушливого периода, обозначилась уже довольно рано — 2700—2400 лет до н. э. Изменение климатических условий и регрессия Белого моря привели к сильному обмелению, а затем (2200—2000 лет до н. э.) — к почти полному иссушению русла. На его месте образовались изолированные лагуны. Тогда-то, при урезе воды не выше 14,5—15 м, видимо, и появляются петроглифы Новой Залавруги. В те годы, когда русло р. Выг становилось почти безводным, по мнению Э. И. Девятовой, могли возникать мелкие скопления на небольших островках.

В течение ксеротермического периода и регрессии Белого моря жизнь на верхней ступени первой надпойменной террасы замирает, люди могли появляться на о. Ерпин Пудас лишь эпизодически. В период 1900—1600 лет до н. э. р. Выг снова становится полноводной; у места новых петроглифов Ерпина Пудаса уровень воды мог достигать 18—18,5 м, а петроглифы Новой Залавруги оказались затопленными.

В субатлантическое время р. Выг приобретает уже современные очертания.

Таковы основные вехи развития природной обстановки низовья р. Выг. Они не позволяют пока надежно датировать каждый конкретный памятник, и дают лишь интервал времени, в рамках которого тот мог су-

ществовать. В полной мере это относится и к петроглифам о. Ерпин Пудас, выбитых на границе второй и первой надпойменных террас. Ясно, что они могли появиться лишь при уровне воды не выше 19 м, а скорее, и того меньше — 18,5—18 м. Но эта основная предпосылка в виде наиболее благоприятного уреза воды возникала неоднократно. До таких отметок береговая линия впервые опустилась еще в атлантическое время. Но вряд ли тогда же начали выбивать и петроглифы. Русло р. Выг, несмотря на значительную амплитуду колебаний его уровня, в данном месте оставалось достаточно полноводным. Не случайно все самые ранние следы деятельности человека на острове тяготеют к возвышенной его части. Вероятнее всего, рассматриваемое наскальное полотно появилось тогда, когда началось окончательное высвобождение современного берегового склона, а Бесовы Следки утратили прежнее значение. Изобразительный анализ показывает, что новые петроглифы Ерпина Пудаса моложе основной части Бесовых Следков, хотя и имеют почти такие же высокие отметки.

Весь ксеротермический период — 2700—2000 лет до н. э.— также малоподходящее время для появления изображений. Если их и выбивали, то только на другом, северо-западном конце острова. Вряд ли они синхронны и упоминавшейся стоянке Ерпин Пудас I, существовавшей при относительно полноводном русле. Появлению петроглифов способствовало последовательное обмеление русла, делавшее остров неудобным для постоянного обитания. Особенно благоприятным для создания рисунков может показаться время быстрого обводнения русла после ксеротермического периода, когда Новая Залавруга погрузилась под воду и стала покрываться слоем аллювия. Не желая мириться с исчезновением священных наскальных полотен, люди продолжали традицию наскального творчества. Но если прежде они искали новые пригодные для нанесения рисунка пункты ниже по течению, на освобождавшихся по мере врезания русла и спада воды скалистых островах, то теперь вынуждены были вернуться обратно, к более высоким участкам. Значит, рассматриваемые изображения ближе стоят к петроглифам Залавруги. Если это так, то Ерпин Пудас позволит по-новому осветить заключительную фазу наскального творчества в Беломорье, которая не прерывается гибелью Залавруги. Есть и другие данные о том, что изображения не были сразу забыты. На небольшом валуне со стоянки Залавруга I, лежащем над VIII группой петроглифов Новой Залавруги, не совсем обычно, мелкой точечной техникой выполнена странной формы лодка и еще одна непонятная фигура, свидетельствующие о продолжении традиции. Поверхность валуна была предварительно пришлифована. Здесь уместно вспомнить и появление техники зашлифовки на о. Ерпин Пудас. Все это, казалось бы, позволяет относить новые петроглифы Ерпина Пудаса к заключительной фазе, завершавшей традицию Залавруги. Но одно обстоятельство не позволяет все же настаивать на таком заключении. Напомним, что новые петроглифы о. Ерпин Пудас перекрыты пойменными отложениями. Когда это случилось, выяснить трудно, но вряд ли они — следствие весенних и осенних паводков, пусть даже самых сильных. Скорее они связаны с последней трансгрессией, последовавшей за ксеротермическим периодом; следовательно, разрыв с петроглифами Залавруги должен быть небольшим.

Отсутствие достаточно надежных критериев для абсолютной датировки новых петроглифов заставляет особенно внимательно отнестись к сопоставлению их с близлежащими скоплениями, чтобы лучше определить их место в общей линии развития наскального искусства Беломорья. В целом в них обнаруживается немало общего: та же техника точечного выбивания по всей площади силуэта, заметное стилистическое сходство, ярко выраженная сценичность, знакомый уже круг сюжетов. Но привлекает внимание и ряд особенностей: господство лосей среди звериных сюжетов, двурукость профильных человеческих фигур, обилие миниатюрных изображений, появление техники зашлифовки. Все это — итог относительно длительного развития монументального искусства.

По тематике и общему облику новые петроглифы Ерпина Пудаса напоминают Бесовы Следки средней и поздней стадии развития. Их роднит преобладание лесных зверей, появление сцен морского промысла и антропоморфных образов, близость некоторых стилистических деталей, наличие композиций с «этажным» расположением фигур. Однако на о. Ерпин Пудас более развито композиционное начало. В известной степени этому способствовало, быть может, и то, что на Бесовых Следках первобытный художник был стеснен ранее выбитыми фигурами и отсутствием свободного пространства, а на о. Ерпин Пудас гравировал на чистых еще скалах, к тому же обладая определенным опытом. Использование прибрежного склона о. Ерпина Пудас, возможно, и есть одна из попыток выйти за пределы в значительной мере исчерпавших себя Бесовых Следков. Здесь хорошо улавливается стремление к повествовательности, возросшая роль темы человека. Интересно, что экипажи лодок показаны еще условно, необычно длинными столбиками. Состав и разнообразие сюжетов, сценичность, обилие человеческих образов — все это сближает Ерпин Пудас и с петроглифами Залавруги. Но данное полотно оформилось значительно быстрее, чем Бесовы Следки или Залавруга, и функционировало не столь длительное время.

Петроглифы на противоположной, северной оконечности острова и безымянных островах чуть ниже по течению, на наш взгляд, относятся к предшествующему Залавруге хронологическому пласту. Обилие в них лодок выработанной беломорской формы, иногда с гребцами, показанными во весь рост, позволяет считать их стоящими ближе к Залавруге, чем Бесовым Следкам. Но в них еще преобладают одиночные фигуры, в то время как в новых петроглифах Ерпина Пудаса — обилие композиций, подчас довольно сложных. Тщательное исследование новых петроглифов о. Ерпин Пудас — дело будущего.

Мы ограничили свою задачу предварительной общей характеристикой данного полотна, еще полнее документирующего общую эволюцию монументального наскального охотничьего искусства Беломорья. Существенное значение оно имеет и для прогнозирования дальнейших поисков петроглифов в низовье р. Выг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Савватеев Ю. А., Песонен П. Э., Яшков В. И.* Работы в низовье Выга.— АО — 1968. М., 1969.
2. *Савватеев Ю. А.* Археологические работы в Беломорье.— АО — 1970. М., 1971.
3. *Савватеев Ю. А.* Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. Ч. I. Петроглифы. Л.: Наука, 1970.
4. *Савватеев Ю. А.* Петроглифы Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1976.
5. *Брюсов А. Я.* История древней Карелии. М., 1940.
6. *Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. II. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1938.
7. *Панкрушев Г. А.* Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1964.
8. *Девятова Э. И.* Геология и палинология голоцена и хронология памятников первобытной эпохи в юго-западном Беломорье. Л.: Наука, 1976.

Y. A. Savvateyev

NEW PETROGLYPHS ON THE ISLAND OF ERPIN PUDAS

Summary

The author publishes the petroglyphs be discovered in 1968-1971 on the island of Erpin Pudas under a thin alluvial layer. The images were hewn in stone, 19.05-21.05 m above sea level, and occupied 60 sq m. There are 155 of them, including 32 elks, 19 anthropomorphic figures, 13 sea animals, 8 boats, 3 harpoons, 3 cup-like cavities, 2 bears, 2 dogs (?), 1 bird, 43 irregularly shaped spots and 38 undesiphered details. Many of them clearly were arranged to form compositions. The newly discovered petroglyphs were located among the already studied compositions, between the Besovye Sledki and Zalavruga sites. On the whole, they supply yet another link to the evolution of the White Sea coast petroglyphs. In all probability, the Erpin Pudas petroglyphs represented the final stage. While they have much in common with the neighbouring sites, the petroglyphs from the island of Erpin Pudas are quite distinctive in their range of themes, style and technique.

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

ПОСЕЛЕНИЕ ИМЕРКА 5 — ПАМЯТНИК ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА В ПРИМОКШАНЬЕ

Поселение Имерка 5 расположено в Зубовополянском р-не Мордовской АССР в бассейне р. Вад, притока Мокши на берегу Имерского озера на дюнном всхолмлении, вытянутом с севера на юг, имеющем длину 100 м, наибольшую ширину 25 м. Высота дюны 6,3 м [1, 2].

Первоначально (в 1981 г.) здесь был заложен раскоп площадью 112 м² (28×4), вытянувшийся вдоль продольной оси дюны по ее восточному краю. Культурный слой (серый гумусированный песок мощностью 15—20 см) залегал сразу же под дерном. Он содержал фрагменты сосудов, льячек, орудия труда и отщепы кремня. Ниже лежал коричневый песок с единичными находками, подстилавшийся светлым, почти белым стерильным песком. После снятия культурного слоя по поверхности коричневого песка была проведена зачистка, позволившая выявить пять пятен гумусированного песка, выборка которого дала возможность увидеть ямы глубиной от края 30, 50, 30, 60 и 20 см. Диаметры ям колебались от 80 до 160 см, за исключением последней, имеющей размеры в длину 2,4, в поперечнике 1,2 м. В заполнении ям встречались отдельные фрагменты керамики и кремневые изделия.

Раскоп 1982 г. площадью 220 м² был расположен в непосредственной близости от раскопа прошлого года. В его контурах зафиксированы две впадины диаметром до 8 м и глубиной от краев 40—50 см. На этом участке, несмотря на близость к раскопу прошлого года, наблюдалась иная стратиграфия: ниже горизонта коричневого песка почти повсеместно залегал слой темного, сильно гумусированного песка с находками керамики и изделий из кремня. Ниже залегал белый материковый песок.

Таким образом, в целом стратиграфия на поселении Имерка 5 выглядит следующим образом: дерн — 0,05—0,20 м; серый слабогумусированный песок — 0,15—0,40 м; светло-коричневый песок — 0,15—0,20 м; темный гумусированный песок — 0,40—0,80 м; белый материковый песок.

Наибольшая общая мощность наслоений на Имерке 5 достигает 1,5 м. Находки эпохи неолита концентрировались в светлом слабогумусированном (верхний культурный слой) и темном гумусированном (нижний культурный слой) песке. В горизонте светло-коричневого песка найдены лишь отдельные вещи (скорее всего затоптанные, опустившиеся сверху).

После снятия дерна и серого слабогумусированного песка, фиксации и изъятия находок была произведена общая зачистка по поверхности горизонта светло-коричневого песка. Зачистка дала возможность выявить на его фоне три пятна, близких по цвету снятому слою (рис. 1, *а*).

Первое пятно имело округлые очертания, диаметр его 55 см. Выборка показала, что перед нами древняя яма (гл. 20 см), заполненная культурным слоем, но без каких бы то ни было находок [1].

Второе и третье пятна находились на месте отмеченных выше видных на поверхности впадин.

Второе пятно (рис. 1, *а*) имело подчетырехугольные очертания со сторонами 7, 7,4, 5,4, 6,8 м (43 м²). Его периметр фиксировался золистой полосой с включениями мелких угольков. Ширина этой полосы

[1] Нумерация хозяйственных ям на стоянке Имерка 5 дана в соответствии с таковой в полевом отчете за 1982 г. Данная хозяйственная яма имеет № 1, остальные (№ 2—80) относятся к нижележащему слою.

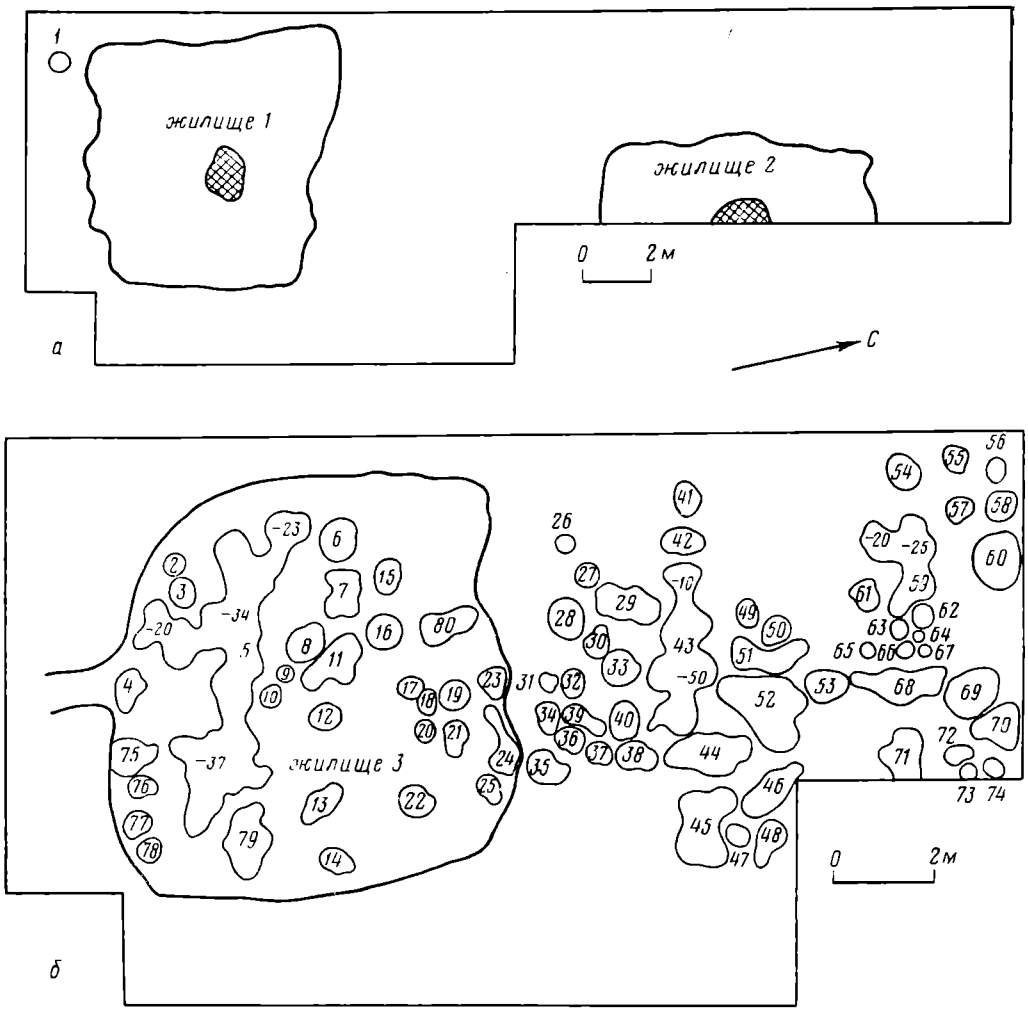


Рис. 1. Поселение Имерка 5. Раскопы 1982 г. Верхний (*а*) и нижний (*б*) культурные слои

не превышала 12—15 см. Мощность заполнения этого углубления не превышала 20 см (от нижнего горизонта серого слабогумусированного песка). Заполнение было слегка золистым. В центре этого углубления находились остатки кострища неправильной формы. Его длина 1,35, ширина 1,2 м, мощность 15 см. В заполнении этого углубления найдены фрагменты керамики, отщепы, орудия труда и обломки льячек, аналогичные найденным в остальной части верхнего культурного слоя.

Третье пятно, расположенное в 6 м к северу от второго, также имело подчетырехугольные очертания (рис. 1, *а*). Вскрыта лишь часть его, так как вторая половина лежит в непосредственной близости от проезжей дороги. Длина пятна 7,9 м. Заполнение этого пятна было слегка золистым. В центре его найдено кострище диаметром 1,2 и мощностью 16 см. Мощность заполнения (от нижнего горизонта серого слабогумусированного песка) не превышала 20 см. При выборке заполнения этого углубления найдены фрагменты керамики, обломок льячки, отщепы кремня, аналогичные найденным в остальной части верхнего культурного слоя. Представляется, что перед нами остатки сооружения, подобного описанному выше. Скорее всего это остатки двух слегка углубленных в землю жилых построек.

При исследовании верхнего культурного слоя в 1981—1982 гг. получена большая серия фрагментов керамики, орудий труда и отходов от их производства, обломки льячек и головка медведя, изготовленная из меди. Последняя являлась, по-видимому, частью ручки какого-то предмета. Ее длина 5,7 см. Отчетливо видны уши и полураскрытая пасть. С обе-

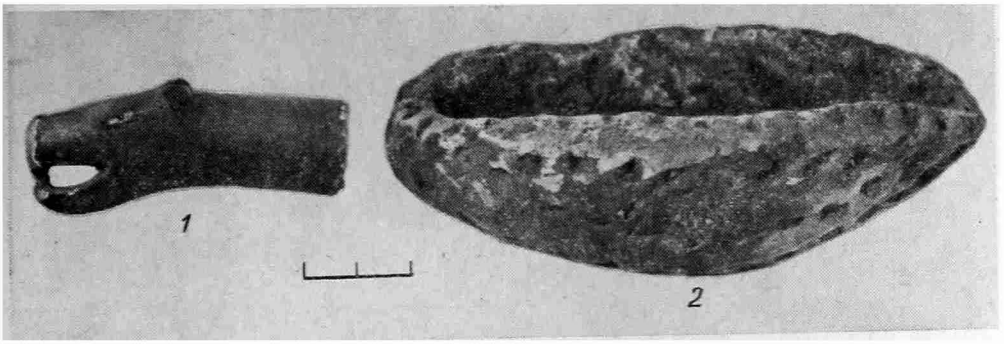


Рис. 2. Головка медведя и лячка

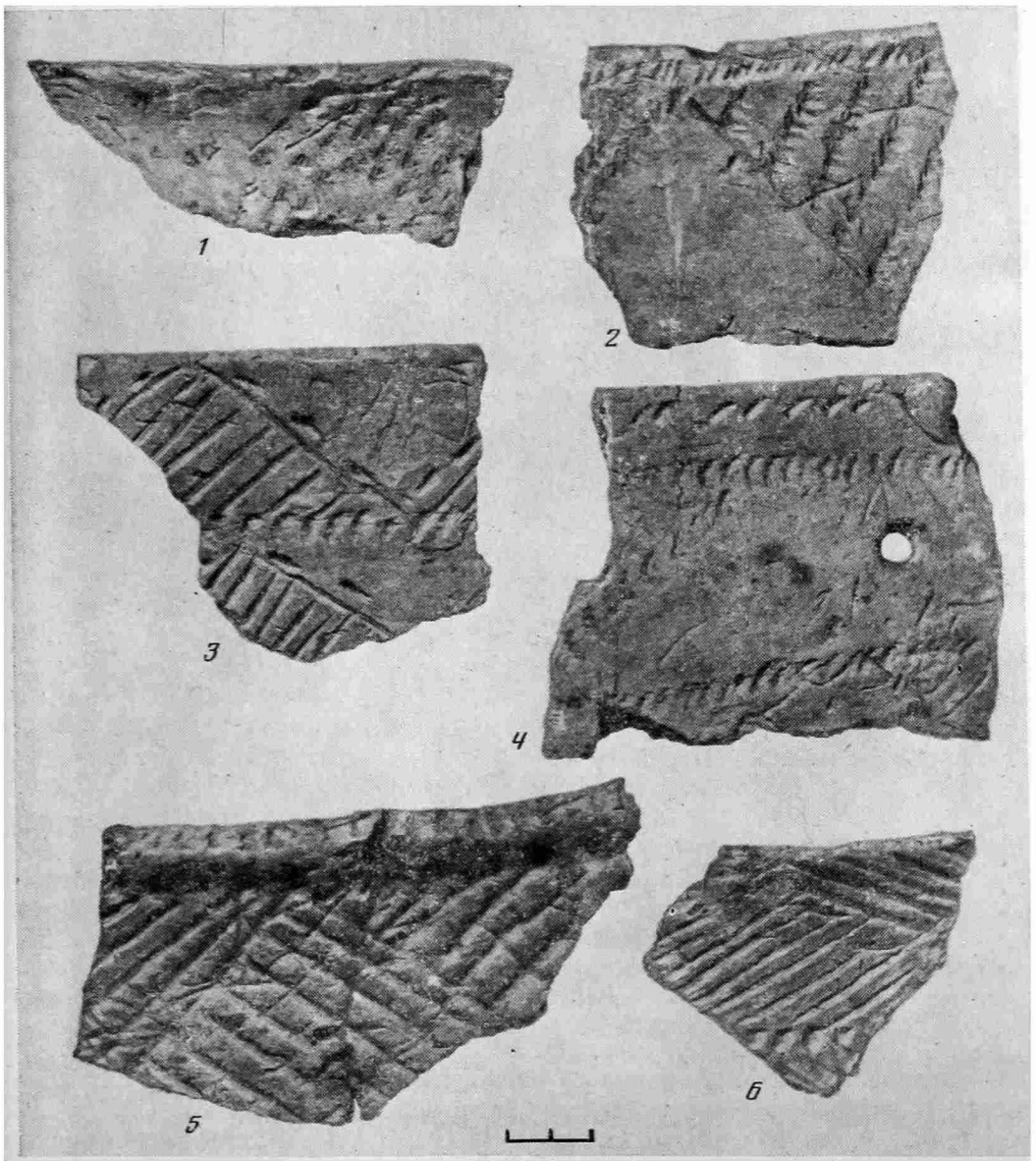


Рис. 3. Керамика верхнего слоя

их сторон головка украшена рядами насечек — пять с одной стороны и четыре с другой (рис. 2, *1*).

Находка медной головки медведя на стоянке Имерка 5 не случайна. И в 1981, и в 1982 гг. здесь были найдены обломки лячек (всего найдено 15 экз.) (рис. 2, *2*). На некоторых из них видны приставшие капельки меди. Нам неизвестны подобные медные изображения головы медве-

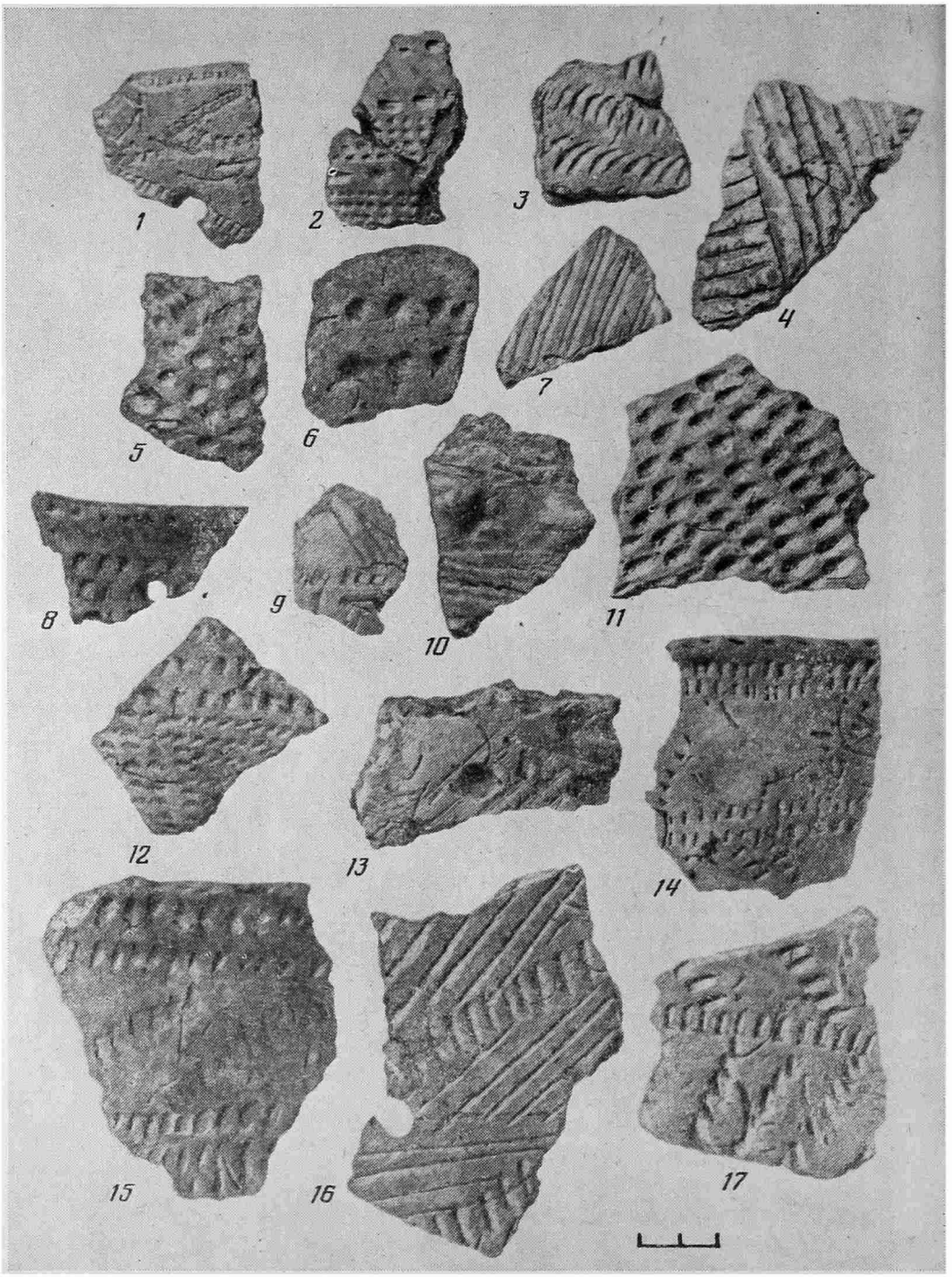


Рис. 4. Керамика верхнего слоя

дя в лесной и лесостепной полосе европейской части СССР в эпоху энеолита. В данный период лишь на волосовских памятниках (Рутки [3, с. 51—55; 4, с. 64—82], Ахмылово II [5, с. 41—87], Уржумкинская [6, с. 5—40] и др.) находили медные предметы, но это были вещи хозяйственного назначения: обломки проволоки, тесла, скобки, шилья, обломок ножа, наконечник стрелы. Украшения (бляшки, розетки), были найдены в Панфилове [7], Владычине [8, с. 53—72] и на стоянке Подборица-Щербининская [9, с. 184]. Но их принадлежность к волосовским комплексам сомнительна, так как по своему облику они принадлежат к абашевским, унетицким и фатьяновским типам изделий.

Интересны находки двух кремневых фигурок медведя на стоянке Зимняя Золотица на побережье Белого моря, найденные совместно с облом-

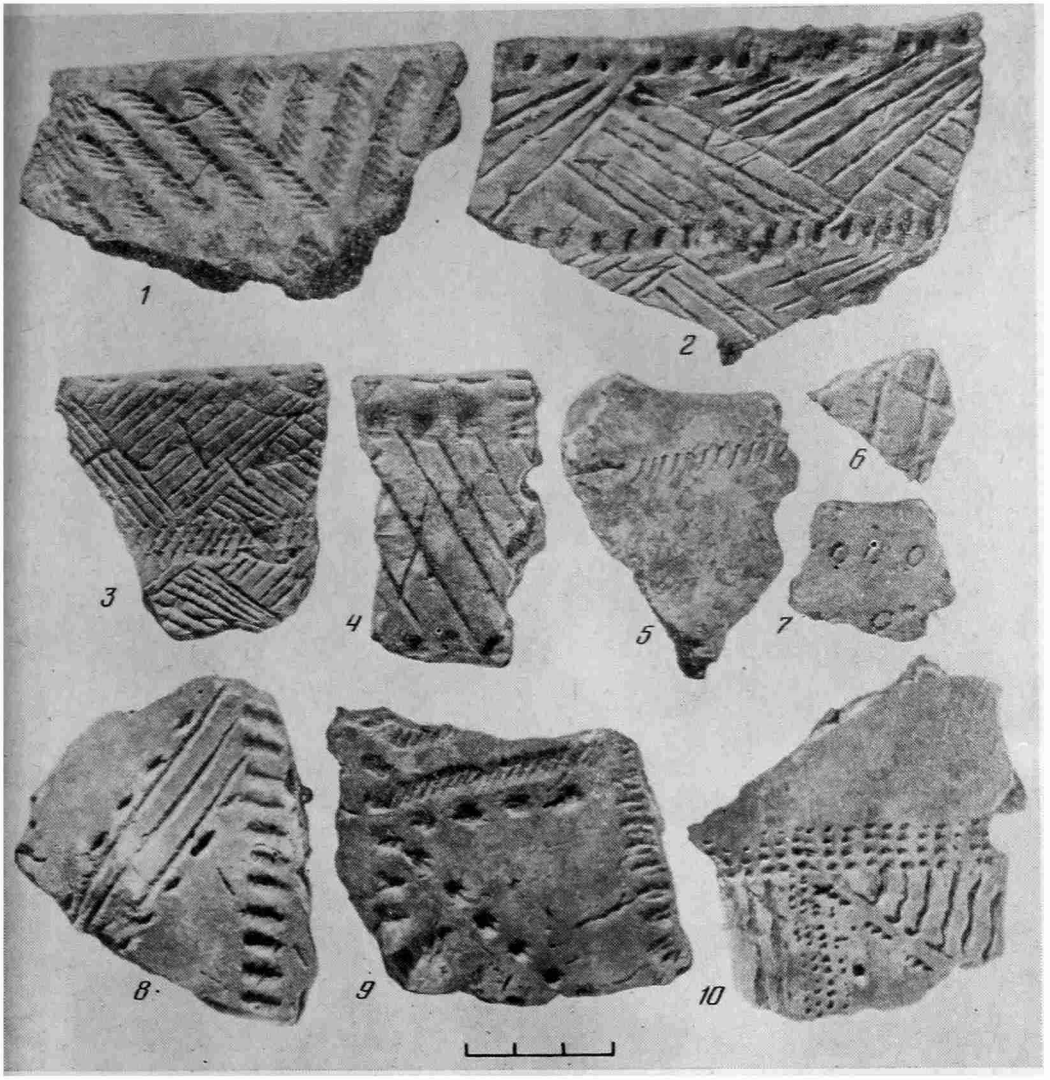


Рис. 5. Керамика верхнего (*2—4, 6, 7*) и нижнего (*1, 5, 8—10*) слоя

ком медного (?) предмета и куском медистого шлака [10, с. 106; 11, с. 246, 247; 12]. Находка на стоянке Имерка 5 головки медведя, изготовленной из меди, представляется древнейшей в европейской части СССР.

В верхнем культурном слое поселения Имерка 5 найдено 5240 фрагментов керамики (рис. 3—9). Они располагались по всей площади раскопа. Часть керамики залегала скоплениями. Всего зафиксировано 10 небольших скоплений (по несколько десятков фрагментов) и 13 малых (по 5—6 фрагментов).

Сосуды лепились от руки ленточным способом. В качестве примесей использовался песок, размельченная раковина и растительная труха. Толщина стенок колеблется от 0,6 до 1,3 см. Венчики отогнуты наружу. Как правило, они имеют характерное утолщение в месте изгиба. Стенки выпуклые или прямые. Донышки округлые, уплощенные или плоские (рис. 8, *15—26*; 9, *13—19*).

Почти все сосуды орнаментированы, лишь 840 (17%) небольших фрагментов имеют гладкие стенки. Встречается орнамент в виде параллельных друг другу прочерченных линий (21% фрагментов), расположенных под углом друг к другу зон из прочерченных линий (6,6%), горизонтальных рядов оттисков редко поставленной отступающей лопаточки (15%), рядов из оттисков отступающей лопаточки, расположенных под углом друг к другу (3%) сочетаний прочерченных линий и отступающей лопаточки (12,6%).

Некоторые фрагменты украшены рядами крупных четырехугольных ямок (10%), рядами расположенных наклонно оттисков гладкого штам-

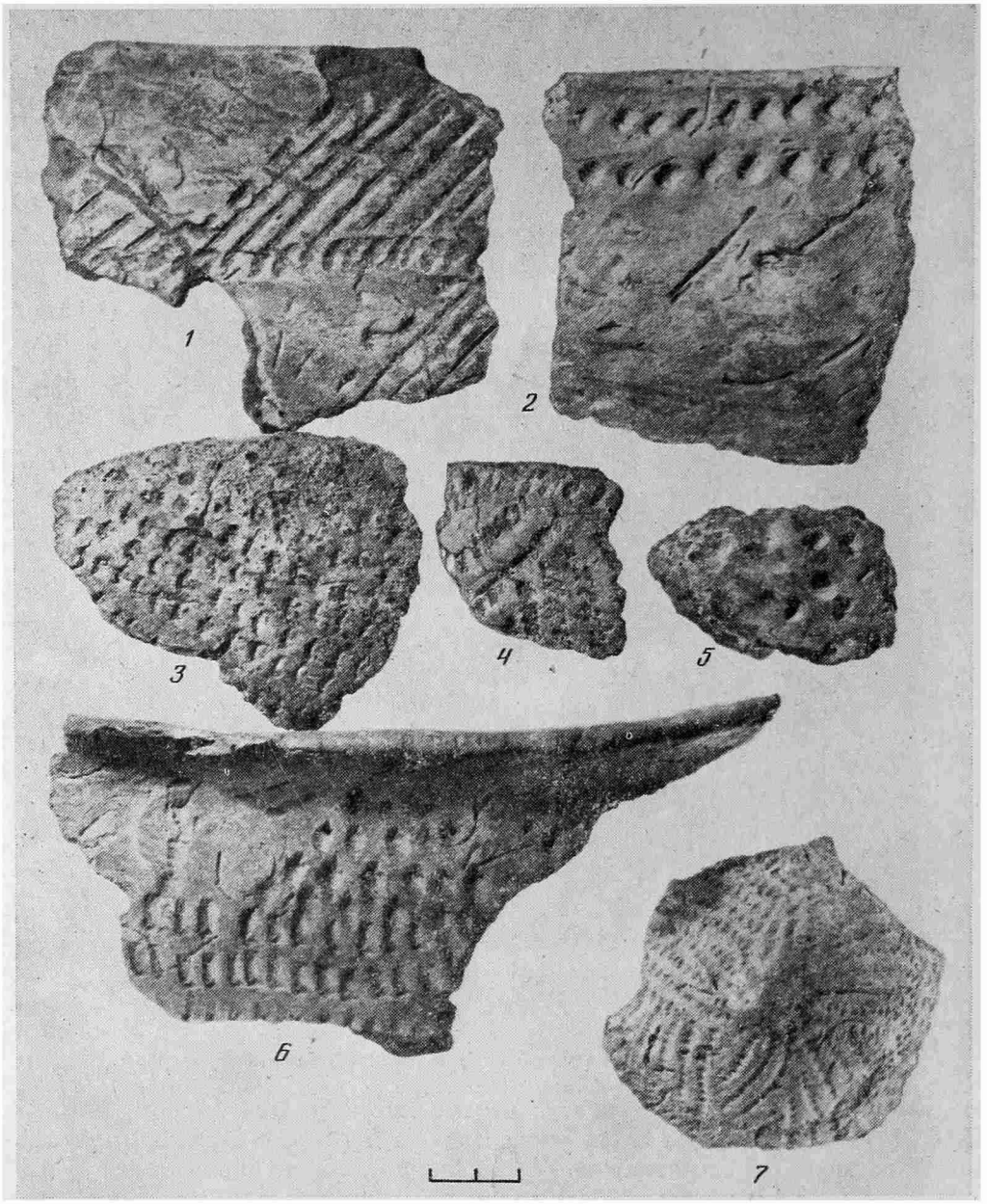


Рис. 6. Керампка верхнего (*6, 7*) и нижнего (*1, 2*) слоя. Обломки льячек из верхнего (*4, 5*) и нижнего (*3*) слоя

па (2%), ямочными вдавлениями неправильной формы (4%), овальными ямками (0,3%), рядами нарезок (4,3%). В ряде случаев отмечено сочетание оттисков гладкого штампа и наклонных прочерченных линий (0,4%), сочетание оттисков гладкого штампа и горизонтальных прочерченных линий (0,6%).

Интересны венчики сосудов, украшенных рядами треугольников (либо взаимопроникающих — 0,4%, либо не взаимопроникающих — 0,8%); прочерченными линиями, а также рядами отступающей лопаточки (менее 0,1%), овальными гладкими вдавлениями (0,1%), овальными вдавлениями гребенчатого штампа (0,2%).

Часть фрагментов (1%) украшена оттисками гребенчатого штампа, нанесенного в «отступающей» манере, 0,3% — гребенчатым штампом овальных очертаний, менее 0,1% — кружками и зигзагообразными прочерченными линиями. В заключении упомянем фрагменты (0,2%), украшенные глубокими вдавлениями овального, длиной до 3,5 см, гребенчатого штампа. Кроме того, найдены обломки сосудов (менее 0,1%) с

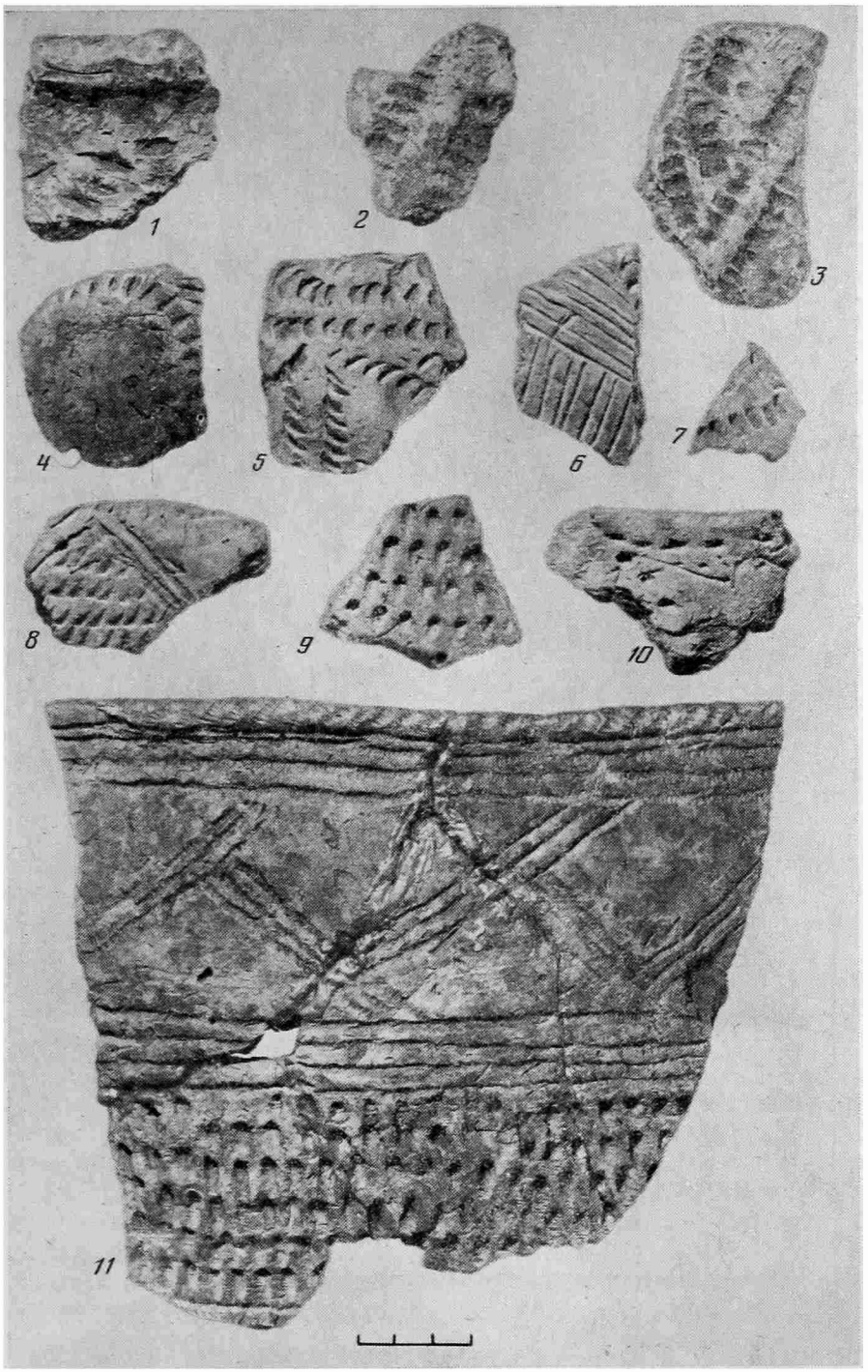


Рис. 7. Керамика верхнего (*6, 8, 9, 11*) и нижнего (*1—5, 7, 10*) слоя

псевдошнуровым орнаментом и фрагменты с перекрещивающимися оттисками гребенчатого штампа (0,1%).

В верхнем культурном слое обнаружено 446 отщепов и 121 орудие труда из кремня (рис. 8, 9). Кремень валунный, серого или коричневого цвета. Часть изделий имеет аморфные очертания или же представлена обломками, не дающими возможности восстановить форму предмета. Это 36 отщепов с ретушью, служивших, по-видимому, скребками и ножами, а также обломок частично заполированного долота, 18 скребков случайных очертаний, а также их обломки, 5 фрагментов стрел.

Остальные изделия поддаются типологическому членению. Это 5 скобелей из отщепов, выпрямитель стрел с продольным желобком, 3 резчика из плоских отщепов с тщательно отретушированным скошен-

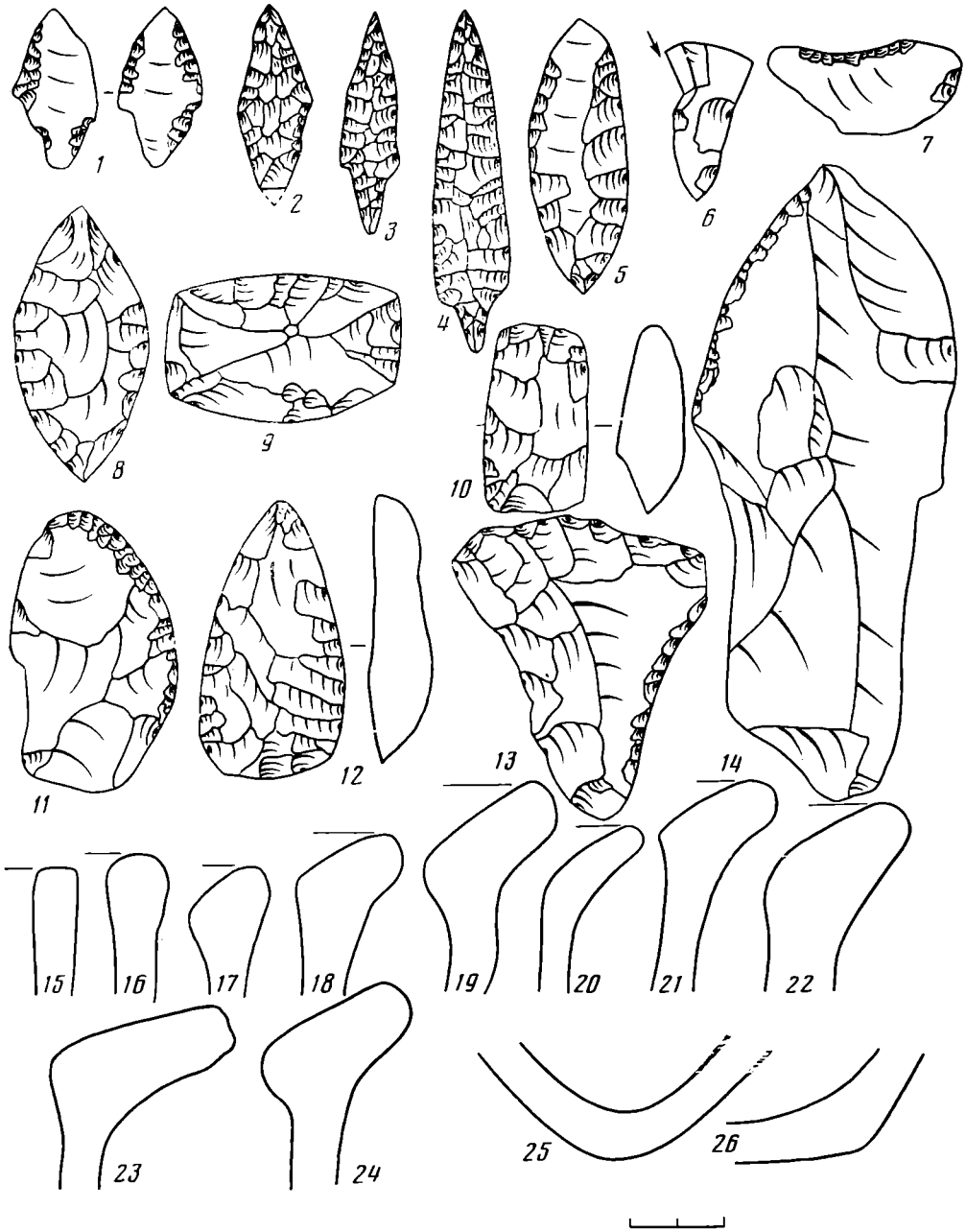


Рис. 8. Орудия труда и профили сосудов из верхнего слоя

ным рабочим краем, 9 ножей из удлиненных плоских отщепов с боковой ретушью, проколка с четко выраженным острием, 23 наконечника стрел, из которых 5 имеют треугольно-черешковую форму, 14 — листовидную 2 — подтреугольную, 2 — ромбическую.

Скребки подчетырехугольной формы, с гранью на спинке (2 экз.), округлые (1 экз.), овальные (2 экз.) с ретушью по одной из длинных сторон, напоминающие скребла, но небольшие по своим размерам, треугольные (1 экз.). В заключение отметим сланцевую плоскую подвеску трапециевидной формы с четырьмя нарезками в верхней части. Кроме того, здесь найдены нуклевидный резец и шлифовальная плита.

Зачистка по поверхности коричневого песка (после снятия верхнего культурного слоя) дала возможность выявить два пятна темного гумусированного песка. Первоначально предполагалось, что это ямы, относящиеся к верхнему культурному слою, хотя и отличающиеся по цвету. Однако в процессе раскопок выяснилось, что на данных квадратах коричневый песок лишь выклинивается, обнажая нижележащий горизонт —

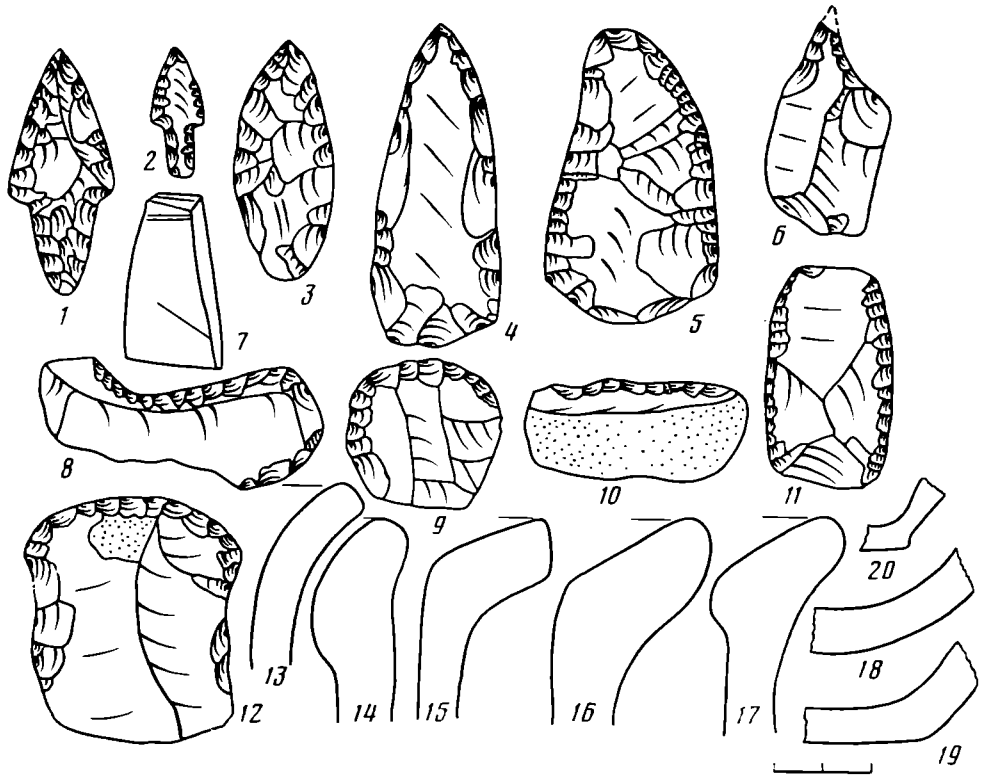


Рис. 9. Орудия труда и профили сосудов из верхнего слоя

нижний культурный слой. Другими словами, после отложения нижнего культурного слоя — темного гумусированного песка — он с течением времени был занесен коричневым песком, но не равномерно в двух местах остался открытым вплоть до отложения верхнего культурного слоя.

Произведена зачистка по поверхности темного гумусированного слоя. Нижний культурный слой вскрывался «горизонтами взятия» по 15 см с последующими зачистками. Как уже отмечалось, его мощность неодинакова — колеблется от 40 см в южной части раскопа до 80 см в северной. Нижний культурный слой выклинивался по краям раскопа.

После разборки нижнего культурного слоя, фиксации и снятия находок и общей зачистки по всей площади раскопа на фоне материкового песка стали отчетливо заметны пятна культурного слоя, выборка которых дала возможность обнаружить подчетырехугольный котлован площадью около 40 м^2 (рис. 1, *б*), а также 49 (№ 26—74) небольших округлых и овальных ям, по-видимому хозяйственного назначения. Зачистка по дну котлована, глубина которого равнялась 50 см от краев, позволила выявить еще 30 (№ 2—25, 75—80) подобных ям. Представляется, что перед нами углубленное в землю жилище с хозяйственными ямами внутри него и снаружи. Следов кострищ не найдено. Добавим, что жилище нижнего культурного слоя находилось на том же месте, что и постройка верхнего слоя. Оно отделялось от последнего прослойкой коричневого песка, практически повсеместно разделяющей упомянутые слои. Другими словами, обитатели верхнего культурного слоя при сооружении одного из своих жилищ (первого) использовали западину в земле, оставшуюся от более древней полуземлянки. При исследовании второго жилища верхнего культурного слоя подобная картина не зафиксирована. На его месте более древней постройки не было. В табл. 1 приведены параметры обнаруженных ям.

Углубления № 5, 43, 59, 68 представляют собой скопления отдельных ям со сливающимися краями.

Думается, что все перечисленные 79 ям не одновременны, но синхронны времени существования нижнего культурного слоя: когда затаптывались, разрушались одни хозяйственные ямы, поблизости от них

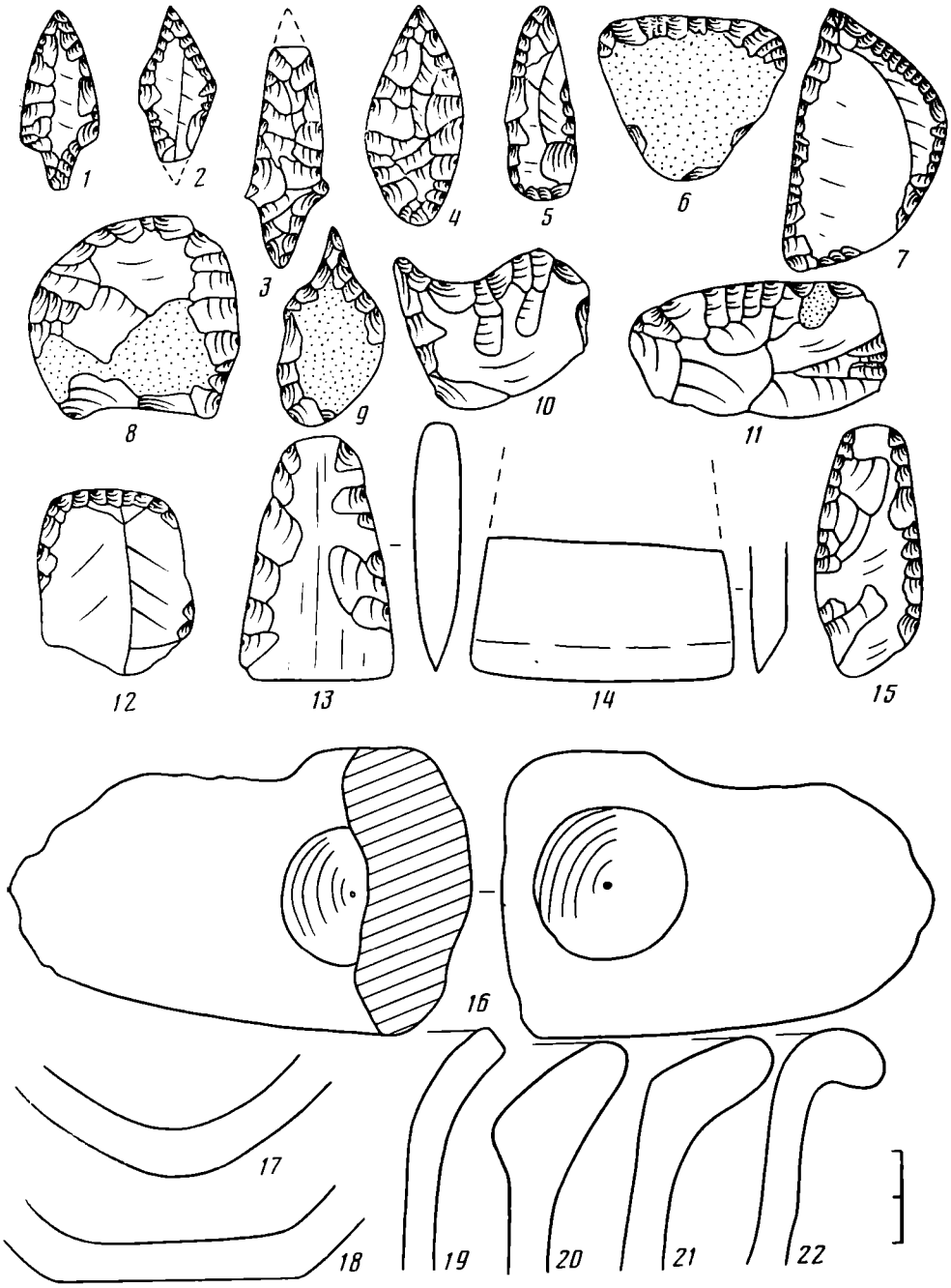


Рис. 10. Орудия труда и профили сосудов из нижнего слоя

выкапывались новые. По-видимому, этим объясняется и то обстоятельство, что в этих ямах встречены лишь единичные находки.

При исследовании нижнего слоя на стоянке Имерка 5 было найдено 1200 фрагментов керамики, 486 отщепов, 124 орудия труда из кремня, 5 обломков льячек и один целый экземпляр (рис. 2, *2*). Льячки украшены орнаментами, характерными для керамики данной стоянки (рис. 6, *3*).

Керамика нижнего слоя (рис. 5, *7*, *10*) стоянки Имерка 5, как и в верхнем слое, располагалась по всей площади раскопа. Но в пяти случаях отмечены крупные скопления по нескольку десятков фрагментов и в двух — мелкие, по пять-шесть. Кроме основного керамического комплекса в нижнем слое поселения Имерка 5 найдено 33 фрагмента волосовской посуды (рис. 7, *1—3*).

Как и в верхнем слое, сосуды здесь лепили от руки ленточным способом. К глиняному тесту добавляли песок, размельченные раковины и

растительную труху. Сосуды имели отогнутые наружу венчики, как правило, с утолщением в месте изгиба; стенки сосудов прямые или выпуклые; донышки округлые, уплощенные или плоские (рис. 10, *17—22*).

Сосуды полностью орнаментировались (рис. 5—7). Всего в нижнем слое найдено 1200 черепков. Из них 140 небольших экземпляров (12%) не украшены, 17% фрагментов орнаментированы параллельными прочерченными линиями, 8,3% — зонами из прочерченных линий, расположенными под углом друг к другу, 16% черепков украшены рядами оттисков редко поставленной отступающей лопаточки, на 4% обломков сосудов они расположены под углом. На 16% фрагментов прочерченные линии сочетаются с рядами отступающей лопаточки. 11% черепков украшены четырехугольными ямками, 3,5% — ямочными вдавлениями неправильной формы, 1,5% — оттисками гладкого штампа. Иногда эти оттиски сочетаются с горизонтальными прочерченными линиями (1,6%). 1,8% всех фрагментов нижнего слоя имеют ряды нарезок; 2,2% украшены взаимопроникающими треугольниками из прочерченных линий, 1,5% — треугольниками, расположенными горизонтальными рядами вершинами вниз: 0,5% фрагментов имеют орнамент в виде глубоких овальных, длиной до 3,5—4 см оттисков гребенчатого штампа; 2,4% обломков посуды орнаментированы гребенчатым штампом в отступающей манере. Встречается орнамент в виде оттисков овального гребенчатого штампа, пересекающихся прочерченных линий, «елочки со стеблем», треугольников из овальных ямок, оттисков псевдошнура.

Как отмечалось, на стоянке Имерка 5 в нижнем слое найдено 124 орудия труда (рис. 10, *1—16*). Лишь одно из них (обломок овального топора (?) с недосверленным отверстием в средней части) изготовлено из сланца. Остальные изделия из кремня. Среди них 24 отщепа с ретушью, выполнявших скорее всего функцию ножей или скребков, 17 скребков случайной формы, 12 обломков подшлифованных долот, 3 обломка наконечников стрел. Эти орудия в силу аморфности очертаний или же фрагментарности не поддаются типологическому членению.

Кроме того, здесь найдено 12 скобелей с вогнутым рабочим краем, 12 проколок с тщательно отретушированным острием, 5 резчиков из плоских отщепов со скошенным рабочим краем, 8 ножей из удлиненных отщепов с боковой ретушью, клиновидный топорик с пришлифовкой. В коллекции присутствуют также 17 наконечников стрел. Из них 9 имеют листовидную форму, 4 — треугольно-черешковую, 1 — близкую треугольной, 2 — ромбическую. Последний наконечник по своим очертаниям близок сейминскому типу. В нижнем слое найдено 12 скребков. Один экземпляр подчетырехугольный с гранью по спинке, два округлых, один овальный, четыре треугольной формы, два скребка по очертаниям напоминают овальные скребла с ретушью по одной из больших сторон.

Сопоставляя материалы верхнего и нижнего слоев поселения Имерка 5, мы приходим к выводу об их чрезвычайной близости. Перед нами коллекции обломков одинаковых сосудов, орудий труда, льячек. Сосуды сходны по технологии изготовления: ручной способ изготовления посредством налепа лент, примеси песка, толченой ракушки, растительной трухи. Много параллелей и в формах сосудов — это горшки с округлым или уплощенным дном, отогнутым наружу венчиком, как правило, с характерным утолщением в месте изгиба, с прямыми или выпуклыми стенками. В орнаментации основную роль играют композиции из прочерченных линий, оттисков редко поставленной отступающей лопаточки. Часто эти композиции сочетаются в одном рисунке. Одинаковы узоры из треугольников, в частности взаимопроникающих, рядов нарезок, ямок различной формы, оттисков гребенчатого штампа в отступающей манере, отпечатков гладкого штампа, пересекающихся линий, округлых вдавлений гребенчатого штампа.

Различия единичны: 1 фрагмент с рядами кружков, 2 фрагмента с горизонтальными зигзагообразными линиями, 6 фрагментов с треугольниками, выполненными отступающей лопаточкой и оттисками овального гребенчатого штампа, 20 фрагментов украшены отпечатками гладкого

Таблица 1

Яма	Диаметр *, см	Глубина от краев, см	Яма	Диаметр *, см	Глубина от краев, см	Яма	Диаметр *, см	Глубина от краев, см
2	40	10	28	65	20	54	50	15
3	45	15	29	120	25	55	45	20
4	80	17	30	65	30	56	38	10
6	70	15	31	35	15	57	50	10
7	82	20	32	50	65	58	50	15
8	73	40	33	70	35	60	100	20
9	25	5	34	60	20	61	40	30
10	50	20	35	60	35	62	48	15
11	140	31	36	60	20	63	35	10
12	60	13	37	60	25	64	20	5
13	90	37	38	80	20	65	25	45
14	55	45	39	87	29	66	40	25
15	65	15	40	70	25	67	20	5
16	65	20	41	65	10	69	100	30
17	40	10	42	80	16	70	100	20
18	45	45	44	170	10	71	90	10
19	50	35	45	150	35	72	40	10
20	40	20	46	110	20	73	30	10
21	70	15	47	40	15	74	30	10
22	62	25	48	85	20	75	80	35
23	65	15	49	45	10	76	50	13
24	125	30	50	50	15	77	50	30
25	40	15	51	140	20	78	45	25
26	30	40	52	188	15	79	66	18
27	40	20	53	90	10	80	110	20

* Часть ям имеет овальную форму (ямы № 4, 7, 10, 11, 13—15, 20, 21, 24, 29—30, 32, 34, 36—46, 48, 49, 51—53, 70, 71, 75—80). В этих случаях величина, указанная в первой графе, соответствует их длине.

штампа и прочерченными линиями, 2 фрагмента с овальными ямками — лишь в верхнем слое. Черепок с орнаментом в виде елочки со стеблем из прочерченных линий — только в нижнем слое. Напомним, что всего на Имерке 5 собрано 6440 фрагментов керамики (рис. 3—10).

Множество параллелей мы находим, сравнивая и наборы орудий труда. Все они сделаны из валунного кремня. Это листовидные, ромбические, подтреугольные, треугольно-черешковые наконечники стрел, округлые, овальные, треугольные, подчетырехугольные с гранью на спинке скребки, скобели, подшлифованные долота, проколки с тщательно выделанным острием, ножи и резчики из плоских отщепов.

Различия также единичны: топор со сверлиной, клиновидный топорик, наконечник стрелы, напоминающий сейминские,— лишь в нижнем культурном слое. Выпрямитель стрел, сланцевая подвеска — только в верхнем (табл. 2, 3, рис. 11).

Наконец, обитатели и нижнего, и верхнего слоев были знакомы с обработкой меди. Судя по наборам орудий труда, основу хозяйства обоих коллективов составляла охота, расположение же поселения на берегу озера не противоречит предположению относительно наличия у них рыболовства, что было характерно для эпохи энеолита.

Все это позволяет предполагать близость по времени существования обоих культурных слоев, может быть, в пределах одного-двух столетий. Кроме того, следует отметить, что площадь нижнего культурного слоя меньше, чем у верхнего: в раскопе 1981 г. нижний слой не зафиксирован, несмотря на контрольное вскапывание; выше мы отмечали, что и в раскопе 1982 г. нижний культурный слой ближе к краям исследованной площади, местами выклинивается.

Прослеживая область распространения памятников, подобных Имерке 5, в первую очередь вспомним дюнную стоянку Волгапино на правом берегу р. Мокши близ деревни того же названия в Ковылковском райо-

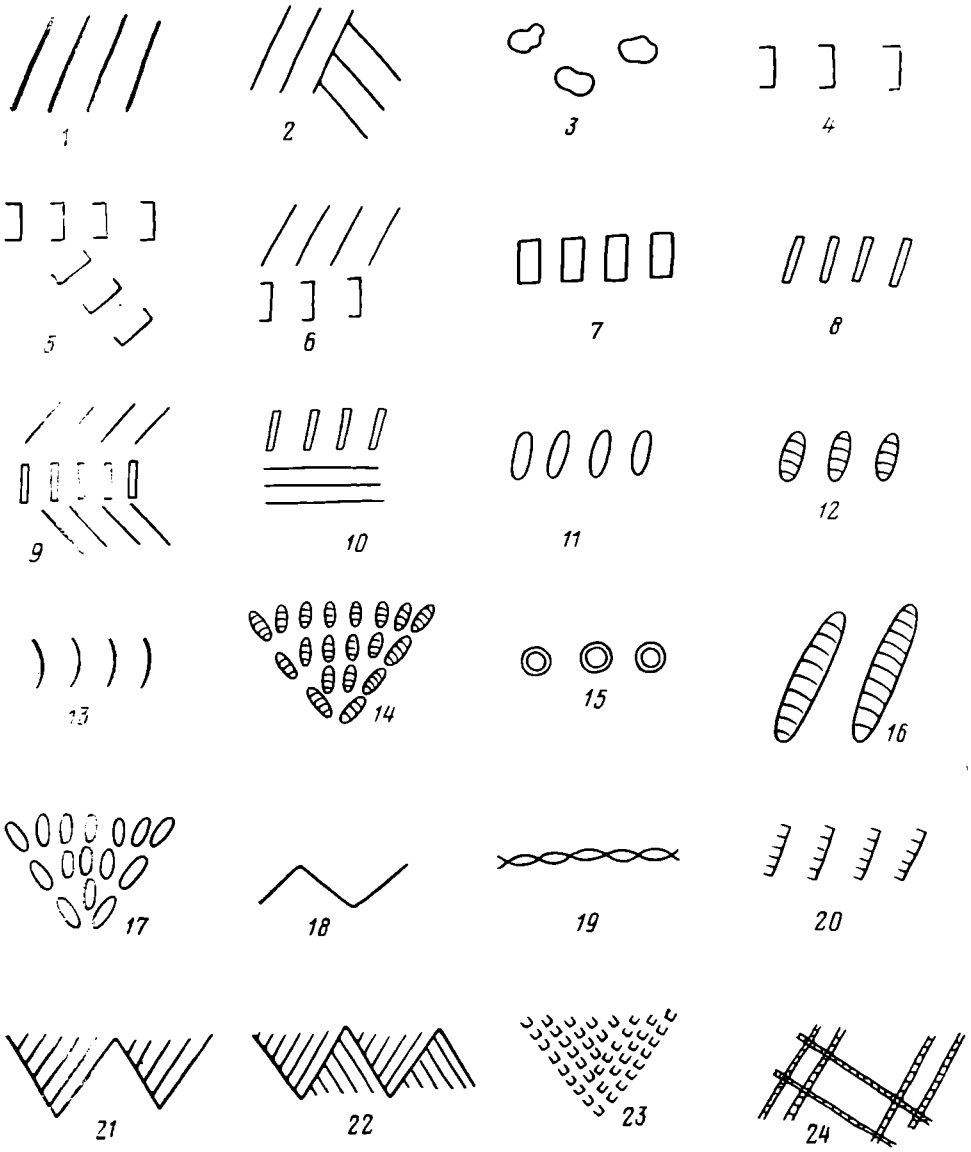


Рис. 11. Схемы основных орнаментальных мотивов на керамике

не Мордовской АССР. Она была найдена сотрудником Мордовского НИИЯЛИЭ А. В. Циркиным в 1969 г., позднее, в 1973 г., обследовалась В. Н. Шитовым [13, с. 52, 53]. Здесь было собрано несколько десятков фрагментов керамики, изготовленной из глины с примесью песка, толченой ракушки и растительной трухи. Сосуды имели отогнутые наружу венчики с характерным утолщением в месте изгиба и прямые или слегка выпуклые стенки. Основными элементами орнамента служили прочерченные линии и оттиски редко поставленной отступающей лопаточки. Среди узоров ряды треугольников, в частности взаимопроникающих, елочка со стеблем, зоны из параллельных друг другу линий, горизонтальные ряды оттисков отступающей лопаточки. Кроме того, здесь есть фрагменты, украшенные ямками неправильной формы, подчетырехугольными вдавлениями и т. п., т. е. теми узорами, которые были характерны для керамики стоянки Имерка 5.

Вторым памятником, содержавшим материалы, аналогичные таковым с Имерки 5, является поселение Новый Усад 4, расположенное на дюне в пойме левого берега р. Мокши, в 2 км от деревни с тем же названием в Краснослободском р-не Мордовской АССР. Этот памятник найден в 1978 г. сотрудником исторического факультета Мордовского гос. университета В. И. Вихляевым. С 1981 г. памятник исследуется Сурским неолитическим отрядом ЛОИА АН СССР [1]. Вскрыто четырехугольное жи-

Количественное соотношение изделий

Слой	Отщепы	Отщепы с ретушью	Обломки орудий	Топоры	Скобели	Выпрямители стрел	Скребки					
							случайной формы	с гранью на спинке	округлые	скребловидные	овальные	треугольные
Верхний	446	36	14	0	6	1	18	2	1	2	0	1
Нижний	486	24	15	1	12	0	17	1	2	4	1	4

Процентное соотношение орнаментальных

Слой	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Верхний	21	6,6	4	15	3	12,6	10	2	0,4	0,6	0,3
Нижний	17	8,3	3,5	16	4	16	11	1,5	0	1,6	0

* Порядковые номера соответствуют цифровым обозначениям на рис. 11.

лище с выходом и собрана большая серия фрагментов посуды, аналогичной по технологии изготовления, форме и орнаментации керамике со стоянок Имерка 5 и Волгапино. Здесь встречены обломки льячек и орудия труда из кремня, среди которых отметим округлые, треугольные, овальные и подчетырехугольные скребки, проколки с тщательно выделенным острием, резчики, выпрямитель стрел, треугольно-черешковые наконечники стрел и другие изделия, упоминавшиеся при описании материалов стоянки Имерка 5.

По сообщению В. Н. Шитова и В. И. Вихляева, в 1980—1981 гг. небольшие коллекции, напоминающие материалы Имерки 5, были найдены при обследовании дюнных стоянок Машкино VI и X в Краснослободском р-не Мордовской АССР [14, с. 128, 129] и недалеко от д. Скачки Мокшанского р-на Пензенской обл.[2] На этих поселениях также была обнаружена керамика с примесью песка, толченой раковины и растительной трухи. Сосуды имели отогнутые наружу венчики с утолщением в месте изгиба, прямые или выпуклые стенки, округлые или уплощенные днища. Орнаментом служили узоры из прочерченных линий и оттисков редко поставленной отступающей лопаточки.

Таким образом, в настоящее время намечается территория с памятниками типа Имерка 5. Она охватывает бассейн р. Мокши в пределах Мордовской АССР и на севере Пензенской обл.

Оценивая этнокультурный облик материалов со стоянки Имерка 5, Новый Усад 4, а также поселений Волгапино, Скачки, Машкино VI и X, хочется отметить их своеобразие. Это касается и керамических коллекций, и наборов орудий труда. В литературе было высказано суждение об их волосовской принадлежности. Представляется, что это не совсем так.

В настоящее время в Примокшанье и на берегах Суры известен целый ряд волосовских стоянок: I, II, III Каргашинские, Ширингушская, 1-А, 1-Б, 2, 3 Имерские, Подлесное V. Особый интерес представляет собой поселение Имерка 1-Б, где нашим отрядом вскрыто более 200 м², изучено углубленное в землю жилище и получена коллекция керамики, насчитывающая 2500 черепков и более 200 изделий из кремня.

Сосуды изготовлялись из глины с примесью толченой раковины и растительной трухи. 43% фрагментов, в частности крупных обломков днищ и венчиков, не орнаментированы; 28% украшено гребенчатым штампом; 5% — ямочными вдавлениями овальной формы. Упомянутая керамика

[2] Материалы хранятся в Саранске, в фондах Мордовского НИИЯЛИЭ.

Таблица 2

из камня со стоянки Имерка 5

Топор со сверлиной	Ножи	Резчики	Проколки	Подвески	Наконечники стрел и копий					Шлифовальная плита	Резец	Всего изделий из камня
					листовидные	треугольно-черешковые	подтреугольные	ромбические	сейминские			
0	9	3	1	1	14	5	2	2	0	1	1	121
1	8	5	12	0	9	4	1	2	1	0	0	124

Таблица 3

мотивов на керамике со стоянки Имерка 5 *

12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
0,3	4,3	0,2	+	0,2	0,1	+	+	1	0,8	0,4	+	0,1
+	1,8	0,3	0	0,5	+	0	+	2,4	1,5	2,6	0	0

составляет 76% от общего количества волосовских фрагментов сосудов. По своей орнаментации, обилию крупных неукрашенных черепков она отличается от посуды Имерки 5. На последнюю похожи лишь те фрагменты с Имерки 1-Б, которые украшены ямками неправильной формы (18%), нарезками (2,5%), прочерченными линиями (2,5%) и оттисками редко поставленной отступающей лопаточки (1%). Но подчеркнем, что орнаментальные композиции на волосовской керамике [15, с. 5—21] и посуде стоянок типа Имерки 5 не имеют достаточного числа общих черт. Кроме того, волосовская керамика по своей фактуре более рыхлая, так как не содержит примеси песка. Точно так же отличается керамика и остальных волосовских стоянок Примокшанья и окружающих его регионов от посуды поселений Имерка 5, Новый Усад 4, Волгапино, Машкино VI и X, Скачки.

Много различий мы находим и при сравнении орудий труда. Если для волосовских памятников характерны находки комбинированных орудий, проколок с треугольной рабочей частью, дисковидных нуклеусов, желобчатых долот, изделий с выемками в тыльной части для привязывания, фигурных кремней и кремневых фигурок, то, как мы видели, подобных орудий на стоянках типа Имерка 5 нет. Своеобразны и волосовские украшения: сланцевые кольца и подвески с просверленным отверстием. Зато на памятниках типа Имерка 5 представлены выпрямители стрел, скребки, по форме близкие овальным скреблам, и некоторые другие изделия, незнакомые волосовцам.

Общими типами орудий, которыми пользовались волосовцы и обитатели стоянок типа Имерка 5 являются широко распространенные в европейской части СССР округлые и с гранями на спинке скребки, листовидные, ромбические и треугольно-черешковые наконечники стрел и копий, клиновидные топорики, резчики, ножи из плоских отщепов и т. п. Сходство лишь этих изделий вряд ли может служить доказательством этнической близости волосовских древностей и материалов памятников, подобных Имерке 5 [16, с. 14—29].

Таким образом, анализ и керамики, и изделий из камня свидетельствует о разнокультурности волосовских материалов и находок на памятниках типа Имерка 5.

Еще меньше общего мы находим, сравнивая памятники, подобные поселению Имерка 5, с близкими по времени поселениями срубного, балановского, чирковско-сейминского, поздняковского и приказанского типов и также со стоянками культуры ямочно-гребенчатой керамики и т. д.

Встает вопрос о выделении в европейской части СССР новой археологической культуры, памятники которой известны в настоящее время в бассейне р. Мокши.

Время существования памятников типа Имерка 5 определяется как эпохи энеолита. В пользу этого свидетельствуют следы плавки меди: капли, головка медведя, льячки, обнаруженные на стоянках Имерка 5, Новый Усад 4, Машкино X. Знакомство с медью — это первые шаги населения Поволжья и окружающих его регионов в освоении металлургии [17, с. 65—68; 18, с. 20—34; 19, с. 88—95]. Этот вывод был сделан исследователями на основании изучения волосовских древностей, которые датируются второй половиной III — первой половиной II тыс. до н. э. В пользу того, что памятники типа Имерка 5 бытовали в волосовское время, свидетельствует находка 33 черепков волосовских сосудов в нижнем культурном слое стоянки Имерка 5. В верхнем слое Имерки 5 волосовской керамики нет, следовательно, ее присутствие в нижнем слое не случайно, она попала сюда в период существования нижнего слоя, что говорит о синхронности волосовских и имеркских древностей. Наконец, на стоянке Новый Усад 4, которая, как упоминалось, характеризуется наличием керамики типа Имерка 5, на полу жилища у выхода были найдены два сосуда. Один из них был орнаментирован типично имеркскими узорами из расположенных под углом друг к другу зон из прочерченных линий в сочетании с горизонтальными рядами оттисков редко поставленной отступающей лопаточки. Второй сосуд орнаментирован узорами в виде елочки со стеблем, выполненным отпечатками гребенчатого штампа, т. е. перед нами волосовский сосуд, который по неизвестным нам причинам оказался в употреблении у имеркских обитателей стоянки, что возможно лишь в случае признания синхронности волосовских и имеркских древностей.

Исследование памятников типа поселения Имерка 5 только началось. Еще предстоит уточнить такие вопросы, как время их бытования, отношение к соседним, в частности волосовской, культурам и многие другие (истоки, финал и т. д.). Тем не менее уже сейчас, как представляется, можно говорить о новом археологическом явлении (археологической культуре?) в лесостепной зоне европейской части СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Третьяков В. П.* Исследование энеолитических памятников в Мордовии.— АО — 1981. М., 1982.
2. *Третьяков В. П.* Поселение Имерка 5 в Мордовии.— АО — 1982. М., 1983.
3. *Халиков А. Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы.— Тр. Марийск. археол. экспед. Т. I. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960.
4. *Архипов Г. А., Никитин В. В.* Руткинское поселение.— В кн.: Лесная полоса восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979.
5. *Никитин В. В.* Ахмыловское II поселение.— В кн.: Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1977.
6. *Архипов Г. А., Никитин В. В.* Уржумкинское поселение.— В кн.: Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1977.
7. *Городцов В. А.* Панфиловская палеолитическая стоянка.— Тр. Владимирского музея, вып. 2. Владимир, 1926.
8. *Бадер О. Н.* Погребение на Владынинской стоянке и вопрос о фатьяновской бронзе.— СА, 1971, № 1.
9. *Цветкова И. К.* Стоянка Подборица-Щербининская.— СА, 1961, № 2.
10. *Замятнин С. Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы.— СА, 1948, т. X.
11. *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера европейской части СССР.— МИА, 1952, № 29.
12. *Смирнов В. И.* Архангельская область. Побережье Белого моря.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.— Л., 1941.
13. *Шитов В. Н.* Эпохи камня и раннего металла в Примокшанье.— В кн.: Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976.
14. *Вихляев В. Н.* Древние поселения Примокшанья.— АО — 1980. М., 1981.
15. *Третьяков В. П.* Варианты волосовских древностей.— СА, 1979, № 1.
16. *Третьяков В. П.* К вопросу об археологической непрерывности (по материалам орудий труда эпохи мезолита и неолита).— СА, 1982, № 2.

17. *Кузьминых С. В.* К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии.— Тез. докл. III. Научн. конф. молодых ученых. Казань, 1974.
18. *Кузьминых С. В.* К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии.— СА, 1977, № 2.
19. *Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* О химическом составе металла с волосовских поселений верхнего и среднего Поволжья.— В кн.: Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1977.

V. P. Tretyakov

THE IMERKA 5 SETTLEMENT, AN ENEOLITHIC SITE IN THE MOKSHA BASIN

Summary

It is a two-layer site, with two nearly rectangular dwellings in the upper layer and one dwelling in the lower layer investigated. Both layers yielded similar materials distinguished by vessel shapes and ornamentations, and sets of labour implements. This fact presupposses a possibility of a new archaeological culture being identified in the Moksha basin. It is considered to be Eneolithic on the strength of spoons used to cast metal, copper drops and a head of a copper bear figurine found there.

А. В. АНПИЛОГОВ

ПОСЕЛЕНИЕ ЛОВОЗЕРО I

Поселение Ловозеро I, открытое Г. А. Панкрушевым в 1969 г., расположено в центральной части Кольского полуострова, на правом берегу р. Воронья, в 1.5 км от ее истока из оз. Ловозера, напротив устья р. Нивки. Занимает ровный участок берега, вытянутый вдоль реки, на высоте 1,2 м над ее современным уровнем. Площадь памятника около 800 м², раскопано 208 м². Он содержит смешанный инвентарь разновременных комплексов — эпохи неолита и раннего железа, которые залегают в культурном слое с такой стратиграфией: дерн 5—10 см; розоватый песок 10—20 см; темно-коричневый слой 10—25 см; подстилающий желтый песок с железистыми пятнами. Разновременный материал не расчленяется стратиграфически и планиграфически. Поэтому выделение комплексов возможно только на основании сравнительно-типологического метода. Следует добавить, что если керамику легко разделить, то каменный инвентарь (за исключением некоторых типов) дифференциации не поддается.

В раскопе обнаружено несколько ям различного размера, конфигурации и глубины. В расположении их не видно какой-либо системы. Заполнение ям немного отличалось от окружающего культурного слоя более интенсивной окраской. В большинстве случаев углубления представляют собой следы сгнивших деревьев и корней. Следует также отметить, что в культурном слое и ямах встречено большое количество кальцинированных косточек животных и осколков кварца. В некоторых углублениях, явно естественного характера, обнаружены обломки поздней асбестовой керамики, попавшие сюда, вероятно, при заполнении корневых пустот культурным слоем в позднее время. Интерес представляет одна из ям округлой формы размерами 0,7×0,4 м и глубиной до 40 см от поверхности материкового грунта. На ее дне найдены обломки ямочно-гребенчатой керамики волго-окского облика, кальцинированные косточки животных и осколки кварца. Судя по расположению и находкам, эта яма относится к раннему комплексу.

В раскопе выявлены очаги. Первый очаг округлой формы (размерами 2×2,5 м) сложен из 87 камней различной величины на материке с зольно-углистой прослойкой мощностью 15 см. В ней обнаружен фрагмент ямочно-гребенчатой керамики местного облика, обломок сланцевого орудия, косточки животных и осколки кварца. Второй очаг округлой формы (размерами 1,4×1,5 м) сложен из 23 камней на уровне чуть глубже материкового грунта. В углистом слое толщиной 10 см найдены два обломка керамики типа Сяряйсшеми I, фрагмент асбестовой керамики и кальцинированные косточки животных. Оба очага принадлежали, вероятно, раннему комплексу. Керамика с примесью асбеста попала во второй очаг, по-видимому, из позднего комплекса. Небольшие кострищные пятна с углистыми линзами толщиной 5—8 см залегали на материке в разных частях раскопа. В них найдены обожженные косточки животных и осколки кварца.

На поселении найден сравнительно большой и разнообразный материал, состоящий из обломков керамики и каменных изделий. Неолитический комплекс представлен, прежде всего, найденной в одной яме ранней ямочно-гребенчатой керамикой волго-окского облика в количестве 23 фрагментов от четырех остродонных сосудов с диаметром устья горла до 20 см. Посуда эта довольно совершенна. Черепки прочные,

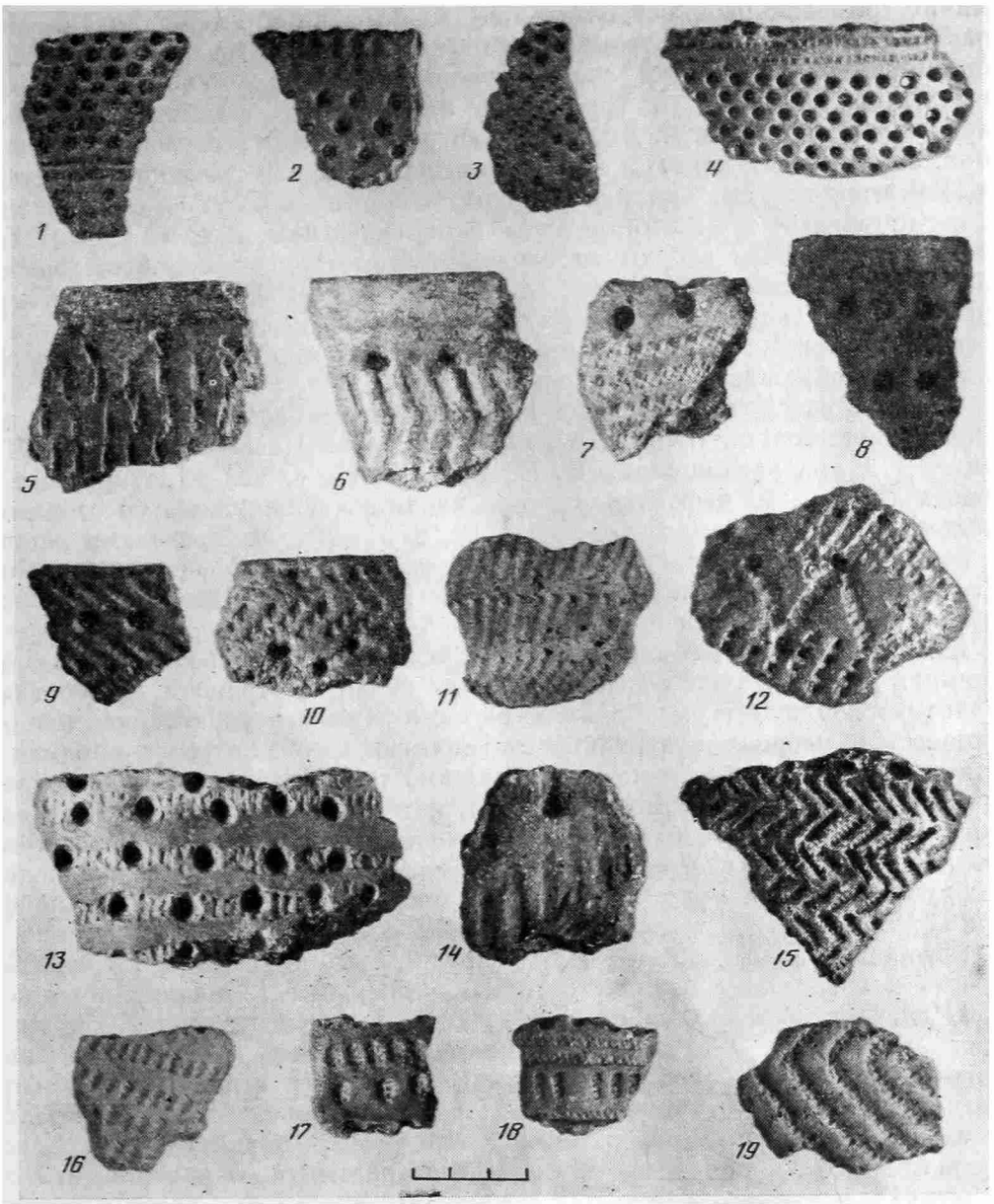


Рис. 1. Поселение Ловозеро I. Неолитическая керамика

плотные, с умеренной примесью песка в глине, обжиг хороший, цвет серый. Толщина стенок от 0,6 до 0,8 см. Верхняя поверхность сосудов орнаментирована горизонтальными рядами круглоконических ямок, расставленных в шахматном порядке и разделенных горизонтально или вертикально поставленными оттисками зубчатого штампа (рис. 1, *1—4*).

Считается, что данная керамика в Карелии существовала в III тыс. до н. э. [1, с. 97; 2, с. 296; 3, с. 154]. Основная часть неолитической ямочно-гребенчатой керамики — 97 крупных и 81 мелких фрагментов от 43 круглодонных сосудов, относящихся к типу Сяряйсниеми I (рис. 1, *5—19*). Сосуды, как правило, довольно крупные (25—30 см в диаметре), разнообразны по цвету, обжигу и орнаментации. Цвет коричневый и серый. Обжиг средний и слабый. В большинстве случаев примесью к глине служит дресва, песок, изредка шамот. Отдельные черепки непрочные, с расслоившейся поверхностью. Форма сосудов круглодонная, но встречаются и с плоским днищем [4, рис. 2, *10*, *11*].

Края венчиков чаще всего прямые, слегка утолщены и в большинстве своем неорнаментированы. Толщина стенок колеблется от 0,8 до 1,2 см. Особенность орнаментации — разнообразие элементов. Ямки крупные,

мелкие, ромбовидные, остроовальные, как правило, имеют подчиненное значение. Главное место занимают оттиски гребенчатого, реже веревочного штампа. Некоторые сосуды орнаментированы только зубчатыми оттисками — длинными и короткими, широкими и узкими. Небольшая часть черепков украшена рядами редко расставленных глубоких круглых ямок, соединенных поясами горизонтальных оттисков гребенчатого штампа. Имеются сосуды, орнаментированные вертикальными и горизонтальными оттисками зубчатого штампа с перекрестием и т. п. Среди этой керамики отмечены сосуды со сложным геометрическим узором разной степени сложности. Но во всех случаях в орнаментальных композициях присутствуют геометрические фигуры — треугольники, ломаные линии с ямками на концах и др. У пяти черепков внешняя поверхность слегка залощена и окрашена красной охрой.

В целом рассмотренная нами керамика имеет большое сходство с посудой таких стоянок Кольского полуострова, как Цага I, Дроздовка, Чаваньга I и др., раскопанных Н. Н. Гуриной [5, с. 12] и датируемых в рамках III тыс. до н. э. Аналогичная керамика обнаружена на стоянках Кандалакшского берега Белого моря [6, с. 37—79]. За пределами данного региона похожая посуда обнаружена на стоянках Северной Норвегии [7, с. 89, 91, 93] и Северной Финляндии [8, с. 9—19], где она идет под названием Сяряйсниеми I.

Ямочно-гребенчатая керамика Сяряйсниеми I, распространенная на стоянках Кольского полуострова в эпоху неолита, отражает своеобразие неолитической культуры в данном регионе. Для нее характерны толстостенность и неорнаментированность венчика, преобладание в орнаменте оттисков гребенчатого штампа, окрашенность некоторых сосудов охрой и, наконец, присутствие плоских днищ, которые отсутствуют в керамике этого времени других близлежащих районов. Вероятно, эта посуда на протяжении длительного времени претерпела значительные изменения и получила особый, присущий только данному региону своеобразный облик.

Комплекс эпохи раннего железа представлен керамикой с примесью асбеста и органики в количестве 358 крупных и 1212 мелких обломков от 37 сосудов. Эта посуда резко отличается от неолитической. Сосуды в основном небольшие (10—20 см в диаметре), есть и совсем маленькие. Венчики прямые, в большинстве случаев утолщены, а некоторые отогнуты наружу. Сосуды тонкостенные (толщина стенок 0,3—0,6, изредка 0,7 см), обжиг средний, цвет серый и коричневый, орнамент бедный, поверхностный. Большая часть черепков без орнамента. В качестве примеси преобладает асбест, в меньшей степени растительность, песок и слюды.

Среди этой керамики по примеси можно выделить следующие разновидности:

1. Керамика с примесью органики, представлена 6 фрагментами от 3 сосудов (рис. 2, *13—17*). Фрагменты небольшие, и по ним трудно определить форму сосудов. Для черепков характерна пористая структура и легкость, серый цвет. Венчики прямые, толщина стенок от 0,3 до 0,5 см. Верхняя часть черепка в одном случае орнаментирована перекрещивающимися тонкими прочерченными линиями. На других фрагментах встречается беспорядочная штриховка, круглые мелкие ямки, есть и гладкостенные.

2. Основную массу поздней керамики составляют обломки посуды с примесью мелкотолченого асбеста (рис. 2, *1—11*), толщина стенок 0,3—0,7 см, цвет серый и коричневый. Венчики сосудов утолщены или отогнуты наружу, днища не сохранились, но, судя по профилировке в сравнении с аналогичной посудой с поселения Хариусная I (раскопки автора), можно утверждать, что днища были плоскими.

Большинство фрагментов не имеет орнамента, но есть экземпляры с узором в виде беспорядочно расставленных мелких ямок, оттисков тонкого зубчатого штампа, перекрещивающихся линий в верхней части сосудов. Аналогичная керамика найдена на стоянках Ловозеро V, III [9, с. 80—94; 10, с. 119—134]. За пределами данного региона сходная

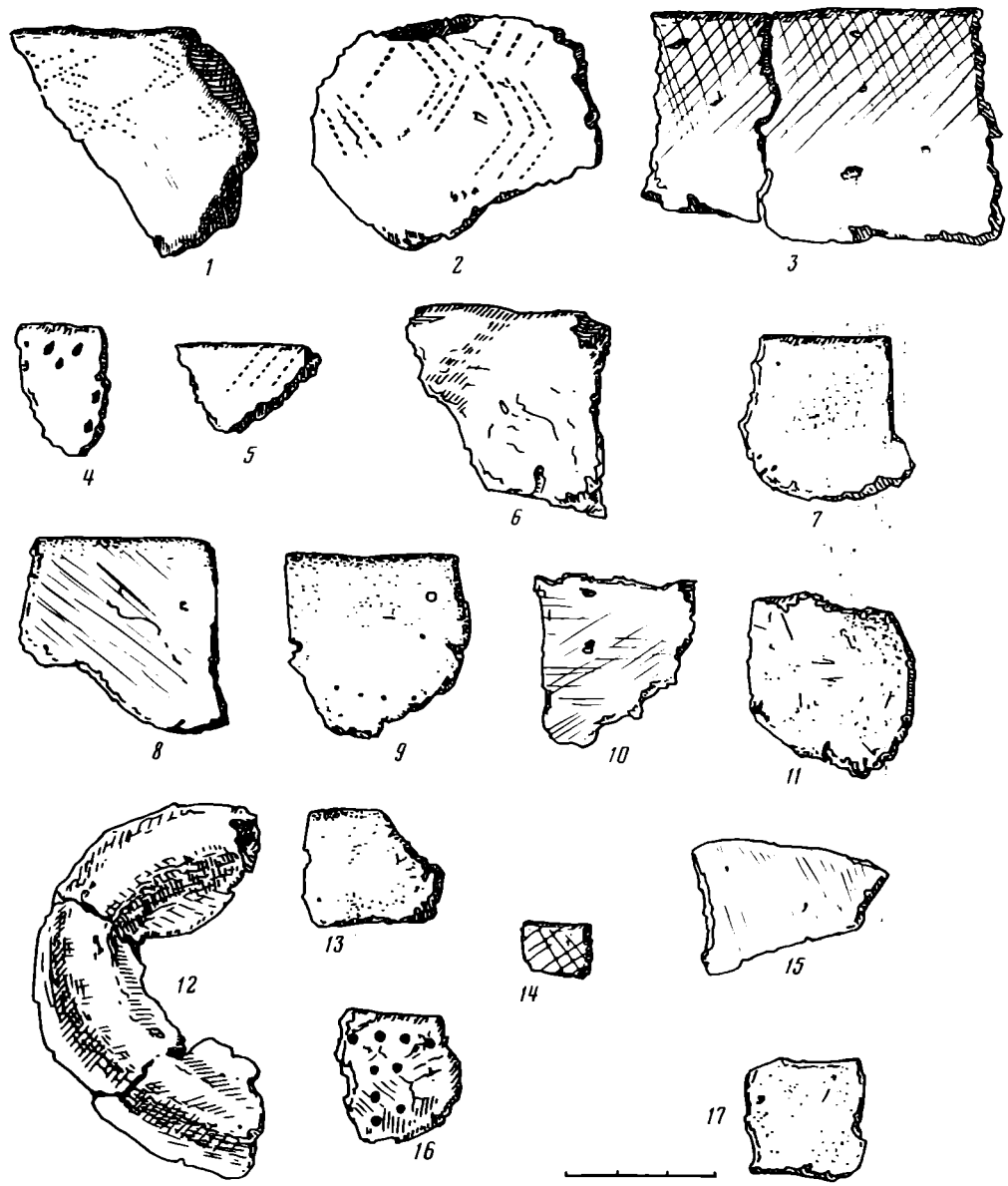


Рис. 2. Поселение Ловозеро I. *1—11* — асбестовая керамика эпохи металла; *12* — обломок тигля; *13—17* — керамика с примесью органики эпохи металла.

посуда обнаружена на стоянках Северной Норвегии, которую П. Симонсен относит к эпохе раннего железа и датирует I тыс. до н. э. [7, с. 345]. Небольшая часть фрагментов имеет грубую или тонкую штриховку по внешней поверхности. Асбестовая керамика со штрихованными стенками встречена на стоянках Нива III и в районе Кандалакши и на некоторых стоянках Карелии (Кудама X—XI, Софьянга I, Золотец X, Тумча и др.). На поселении найдены обломки сосудов, содержащие в тесте разные примеси — органические вещества, асбест и песок. Это явление еще раз подтверждает факт взаимовлияния типов керамики с различными примесями в тесте в эпоху раннего железа.

Описанные выше две разновидности поздней керамики — пористая и асбестовая — составляют единый комплекс. По характеру обжига, толщине стенок, профилировке венчиков, орнаментации между ними много общего.

Каменный инвентарь поселения весьма разнообразен (таблица). В качестве материала для его изготовления использовались большей частью такие местные породы, как кварц, сланец, песчаник, кварцит, шифер и в меньшей степени привозной кремень.

Состав каменного инвентаря стоянки Ловозеро I

№ п. п.	Каменный инвентарь	Сланец	Кварц	Кремень	Песчаник	Гранит	Шифер	Горный хрусталь,	Всего
1	Топоры	5	–	–	–	–	–	–	5
2	Тесла	4	–	–	–	–	–	–	4
3	Обломки тесел	1	–	–	–	–	–	–	1
4	Долота	2	5	–	–	–	–	–	7
5	Обломки долот	1	–	–	–	–	–	–	1
6	Заготовки рубящих орудий	12	–	–	–	–	–	–	12
7	Обломки заготовок рубящих орудий	16	–	–	–	–	–	–	16
8	Обломки шлифованых орудий	25	–	–	–	—	–	–	25
9	Точильные бруски	–	–	–	1	1	3	1	6
10	Обломки точильных брусков	5	–	–	9	1	9	–	24
11	Обломки шлифованых плит	1	–	–	15	–	–	–	16
12	Обломки пил	1	–	–	7	–	–	–	8
13	Отбойники	1	10	–	–	–	–	–	11
14	Песты	–	–	–	–	2	–	–	2
15	Наконечники копий	1	–	–	–	–	–	–	1
16	Заготовки наконечников копий	1	–	–	–	–	–	–	1
17	Обломки заготовок наконечников копий	4	–	–	–	–	–	–	4
18	Наконечники стрел	5	1	2	–	–	1	–	9
19	Обломки наконечников стрел	6	–	3	–	–	1	–	10
20	Ножи	7	2	1	–	–	–	–	10
21	Скребла	1	2	–	–	–	–	–	3
22	Скребки	4	42	6	–	–	–	–	52
23	Резцы	–	14	–	–	–	–	1	15
24	Ножевидные пластинки	9	8	3	–	–	–	–	20
25	Обломки ножевидных пластин	8	20	2	–	–	–	–	30
26	Отщепы с ретушью	–	3	5	–	–	–	–	8
27	Отщепы с обработкой	–	17	1	–	–	–	–	18
28	Отщепы со следами работы	–	12	–	–	–	–	–	12
29	Камни с надпилом	4	–	–	–	–	–	–	4
30	Ретушер	–	1	–	–	–	–	–	1
31	Клин	1	–	–	–	–	–	–	1
32	Нуклеусы	–	3	–	–	–	–	–	3
	Всего	125	140	23	32	4	14	1	340
	Обломки и осколки	1125	1598	20	–	12	–	–	

На стоянке представлены рубяще-долбящие сланцевые орудия. Среди них выделены топоры, тесла и долота. Целых орудий мало, преобладают заготовки и обломки. Почти все орудия такого рода сделаны из сланца низкого качества и поэтому плохо сохраняются. Поверхность их под воздействием температурных колебаний расслоилась. Лишь на некоторых экземплярах сохранилась шлифовка. В целом орудия грубые, обработаны путем оббивки. Выделяются два топора прямоугольной формы с зашлифованными и сбитыми лезвиями. На их поверхности заметны следы крупных сколов (рис. 3, *1*, *2*). Тесло с узким обушком имеет прямое зашлифованное лезвие без следов работы (рис. 3, *3*).

В кварцевом инвентаре имеются долотовидные орудия из отщепов длиной от 2,4 до 5,6 см, прямоугольной и подпрямоугольной формы, с прямым или слегка вогнутым лезвием, часто сбитым или затупленным (рис. 3, *4*—*7*). Подобные орудия, вероятно, использовались для рубки твердых материалов.

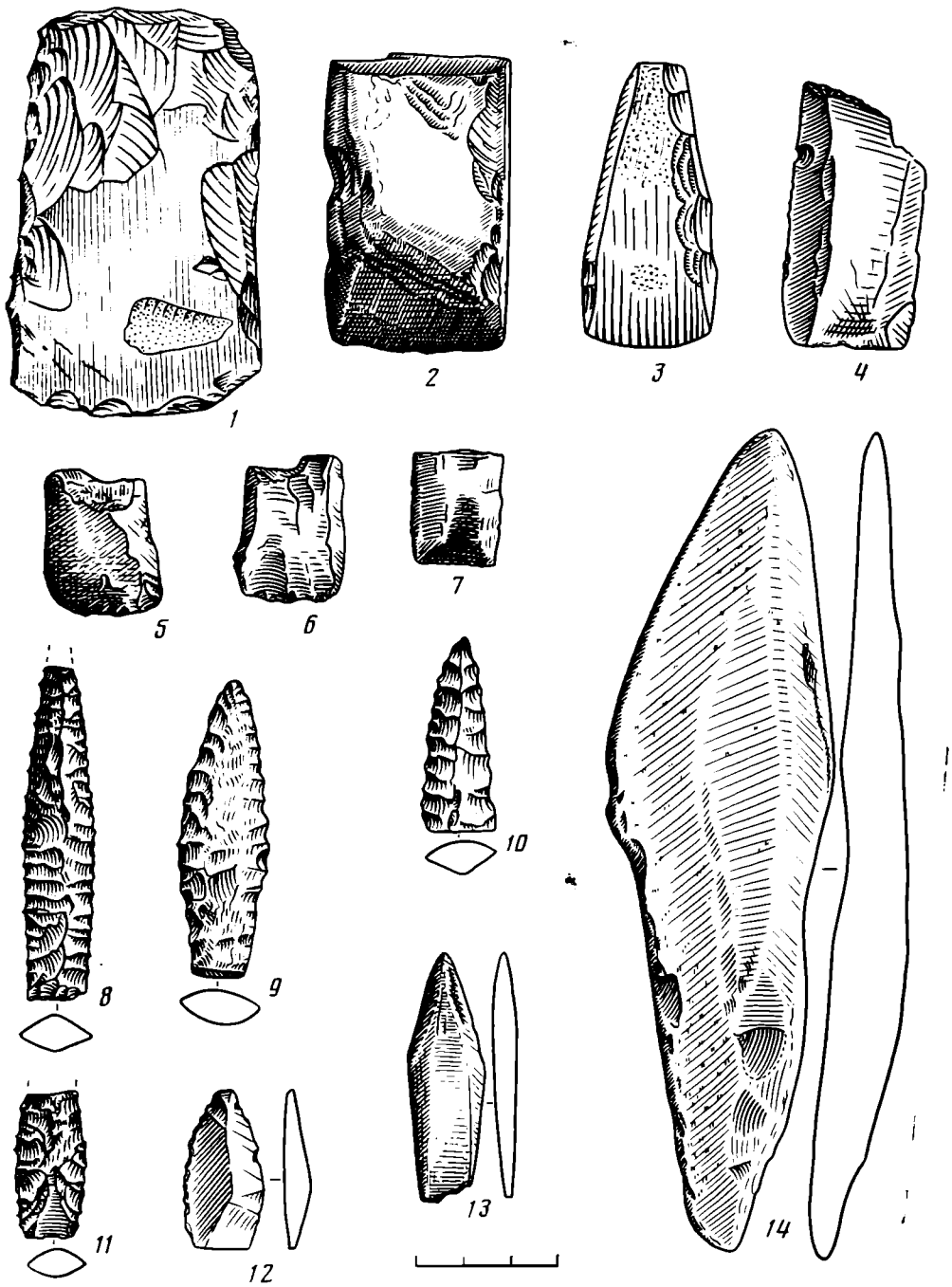


Рис. 3. Поселение Ловозеро I. *1—3* — рубящие орудия; *4—7* — долотовидные орудия; *8—13* — наконечники стрел; *14* — кинжал

Заметное место в инвентаре занимают абразивные инструменты — обломки шлифовальных плит и точильных брусков, изготовленных из сланца, кварцита, песчаника и шифера. Шлифовальные плиты представлены сильно сточенными мелкими обломками. Для шлифовки использовались противолежащие широкие плоскости. Точильные бруски вытянутой формы, прямоугольные или квадратные в сечении. Почти все имели две-три, а то и четыре рабочие плоскости. Выделяется шиферный брусок, у которого в результате длительного использования на широких плоскостях образовались канавки. На одном из брусков имеется кольцевая бороздка для привязывания, а на другом — тонкая продольная канавка, возможно, для заточки каких-то тонких и острых предметов. Для обработки камня использовались также плиты различной формы и размеров. Лезвия у всех прямые, покрытые четкими параллельными про-

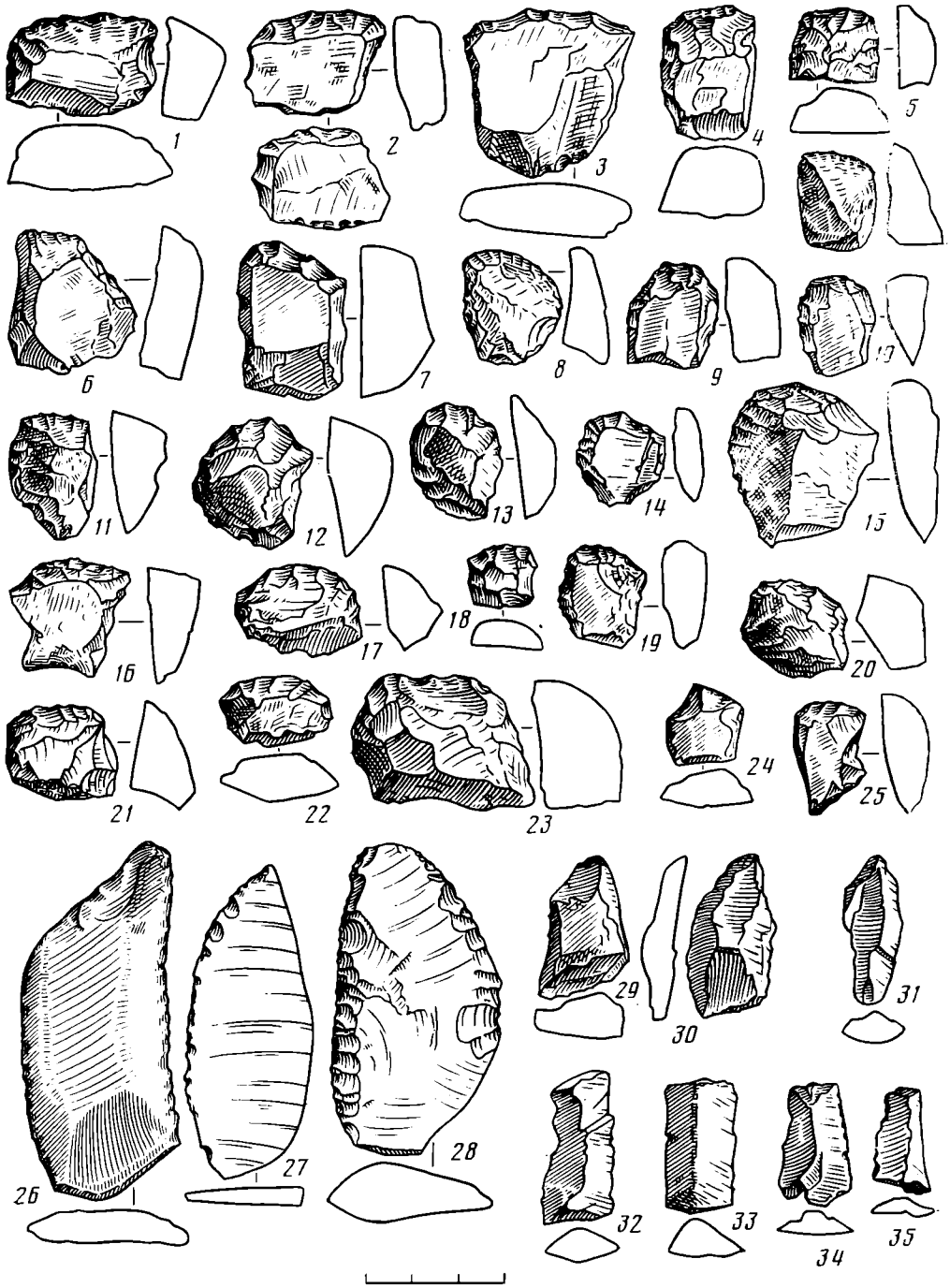


Рис. 4. Поселение Ловозеро I. *1—25* — скребки; *26—28* — ножи; *29—31* — резцы; *32—35* — ножевидные пластины

дольными штрихами. На многих обломках и целых сланцевых орудиях сохранились следы пиления такими пилами.

Найдены массивные округлые гранитные гальки, вытянуто-овальной формы. Оба конца их сбиты. Судя по характеру сработанности, их использовали в качестве отбойников или пестов для размельчения хрупких материалов (дресвы, охры, кварца и т. п.).

В материале стоянки совершенно отсутствуют орудия рыбной ловли, хотя рыболовство играло, видимо, большую роль в обеспечении пищей древнего человека. Река Воронья и в настоящее время очень богата разнообразной рыбой. Вероятнее всего, жители поселения использовали такие орудия рыбной ловли, которые не сохранились до наших дней.

Орудия охоты представлены наконечниками копий и стрел. Большую часть подобных находок составляют обломки и заготовки из сланца,

кремня, шифера и кварца. Среди орудий этой группы встречены наконечники удлиненных очертаний с пильчатыми краями и усеченными основаниями (рис. 3, *8, 9*); сохранился прекрасно обработанный наконечник стрелы из зеленоватого кварца (рис. 3, *10*); найдены наконечник стрелы из шифера подтреугольной формы, с удлиненным черешком и хорошей шлифовкой по всей поверхности (рис. 3, *13*) и два сланцевых наконечника листовидной формы. Один из сланцевых наконечников зашлифован, у второго края обработаны мелкой ретушью. Подобные орудия встречаются на стоянках Северной Норвегии в эпоху бронзы и раннего железа [7, с. 121].

Основную массу орудий составляют скребущие и режущие: скребки, резцы, ножевидные пластины и их сечения, изготовленные из кварца. Среди них преобладают скребки. Они сделаны из кварцевых отщепов разной величины и формы. Условно их можно подразделить на несколько групп. Скребки из крупных отщепов размерами от 2,5 до 3 см в диаметре (17 экз.). Форма их разная, ретушь высокая, крутая, чаще всего располагается по одному краю (рис. 4, *2, 3, 15, 23*). Следующую группу образуют скребки подчетырехугольных очертаний (21 экз.). Среди них имеются удлиненные и короткие, широкие и узкие. Ретушь высокая, крутая, крупная, большей частью нанесена по одному краю, иногда по двум-трем граням (рис. 4, *4, 5, 7*). В небольшом числе встречены широколезвийные скребки (4 экз.). Форма их подчетырехугольная и подовальная, ретушь занимает большую часть периметра орудий, как правило, располагается на одной из длинных граней (рис. 4, *1*). Микролитические скребки (10 экз.) разной формы (концевые, округлые, овальные), размерами от 1,5 до 2 см. Ретушь у них высокая, крутая, редко круговая (рис. 4, *10, 14, 18, 19*). Небольшим числом представлены различной формы скребки из сланца и кремня. Они также сделаны из отщепов.

Ножевидные пластины и их сечения сделаны большей частью из кварца, края их неровные. Бóльшая часть напоминает пластинчатые отщепы удлиненных очертаний (рис. 4, *32, 34, 35*). Условно выделены срединные резцы. Они довольно невыразительны. Это удлиненные кварцевые отщепы подтреугольной формы, тонкий конец которых оформлен сколами (рис. 4, *29–31*). В качестве скребущих и режущих инструментов могли использоваться также кварцевые осколки и отщепы с острыми гранями, заложенные и выкрошенные по краям.

Ножи сделаны из сланцевых, кварцевых и кремневых отщепов. Отметим наиболее характерные из них. Сланцевый нож имеет выпуклое лезвие, обработанное плоской ретушью с двух сторон. Плоскости его тщательно отшлифованы (рис. 4, *26*). Нож из кремнистого сланца с заостренным концом и выпуклым лезвием обработан слабовыраженной плоской ретушью по одному краю (рис. 4, *27*). У кремневого ножа лезвие обработано сколами вдоль обоих краев (рис. 4, *28*). Кварцевые ножи сделаны из крупных отщепов длиной от 4,7 до 5,6 см. Лезвия их обработаны сколами. Следует отметить сланцевый кинжал подтреугольной формы с удлиненной рукоятью. Противоположные грани его острые и зашлифованы (рис. 3, *14*). Аналогичные кинжалы имеются на стоянках Северной Норвегии и бытуют в эпоху бронзы и раннего железа [7, с. 139].

На поселении найден обломок тигелька для плавки цветного металла. По форме это низкая чашечка с плоским дном, диаметром 6, высотой 3 и толщиной стенок 2,5 см. Такой же обломок тигелька обнаружен на стоянке Ловозеро III [10, с. 125, рис. 4, *11*].

Таким образом, в инвентаре стоянки можно выделить комплексы трех разнокультурных поселений. Первое поселение (с ямочно-гребенчатой керамикой льяловского облика) возникло в начале III тыс. до н. э. Небольшая группа людей проникла сюда, вероятнее всего, с территории Карелии. Второе поселение (с ямочно-зубчатой керамикой типа Сяряйсниеми I) появилось здесь также в эпоху неолита. И наконец, третье поселение существовало в эпоху раннего железа в I тыс. до н. э. Были ли знакомы жители этого поселения с железом? Вероятно, да, хотя прямыми

доказательствами этого мы не располагаем. На памятниках Карелии с такой керамикой встречаются железные шлаки, хотя использовался и каменный инвентарь.

Изложенные материалы дополняют сведения о памятниках центральной части Кольского полуострова, оставленных населением, обитавшим здесь на протяжении длительного исторического периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч. II. Л.: Наука, 1978.
2. *Савватеев Ю. А.* Залавруга. Ч. II. Л.: Наука, 1978.
3. *Гурина Н. Н.* Древняя история северо-запада европейской части СССР.— МИА, 1961, № 87.
4. *Аннилогов А. В.* Классификация керамики поселений бассейна р. Воронья в центральной части Кольского полуострова.— СА, 1982, № 1.
5. *Гурина Н. Н.* О работах Кольской экспедиции.— АО — 1976, М., 1977.
6. *Песонен П. Э.* Неолитические памятники Кандалакшского берега Белого моря.— В кн.: Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980.
7. *Simonsen P.* Fund og uderavninger pa-fjordens sydkyst af varamgerfunnene II. Trömso, 1961.
8. *Süriäinen A.* Shoreline Dating of the Sääräisniemi I. Ceramics in Finland. Helsinki, 1971.
9. *Аннилогов А. В.* Поселение Ловозеро V.— В кн.: Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980.
10. *Аннилогов А. В.* Поселение Ловозеро III.— В кн.: Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск, 1982.

A. V. Anpilogov

THE LOVOZERO I SETTLEMENT

Summary

The Lovozero I settlement, in the mouth of the Voronya River, in the central part of the Kola Peninsula, lived through several waves of settlement. It exhibits a number of complexes dated to different periods: Lyalovo ceramics, ceramics of the Syaryaisniemi I type and later ceramics to which asbestos and organic matter were added. The site also yielded shale, quartz slate and flint implements.

Г. Д. АТАЕВ

ЧИРКЕЙСКИЕ КУРГАНЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА

В результате археологических исследований, проведенных в зоне строительства Чиркейской ГЭС, было выявлено большое количество разновременных археологических памятников, среди которых особое место занимает Чиркейский курганный могильник эпохи бронзы. Первые сведения об этом памятнике относятся ко второй половине XIX в. [1, с. 433—438; 2, л. 444—447; 3, с. 159—170]. В 1933 г. в районе Чиркея побывал А. А. Иессен, который провел рекогносцировочное обследование и составил карту осмотренного участка [4, с. 129—139]. В 1958—1959 гг. в данном районе провели разведки и небольшие раскопки К. А. Бредэ [5, с. 3—34], М. И. Пикуль [6, с. 122—123], Н. Д. Путинцева [7, с. 28—44; 8, с. 2—13]. В 1965—1966 гг. широкие стационарные исследования были проведены Чиркейской археологической экспедицией Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР под руководством М. Г. Гаджиева на территории будущего Чиркейского озера [9, с. 64—111; 10, с. 49—72]. Здесь исследовано 25 курганов и одна разрушенная подкурганная гробница. Курганы низкие и расплывчатые, насыпи их редко превышают 1 м, они перекрыты валунами или сплошь состоят из камня. Чиркейские курганы расположены густо, и местами сливаясь друг с другом, образуют сплошные курганные поля. На правом берегу р. Сулака находится курганное поле или курганный могильник 1, расположенный к югу от сел. Новый Чиркей. На левом берегу Сулака между сел. Старый Чиркей и Ахатлинским ущельем находится курганный могильник 2. Курганный могильник 3 расположен к северу от сел. Старый Чиркей за горой Тад-Шаб. Значительные археологические исследования были проведены на курганном могильнике 1, где раскопано 22 кургана. Наибольший интерес представляет курганный могильник 1, описание которого мы приводим[1], оперируя курганами четырех его групп (рис. 1—3).

Курганная группа I, курган 1. Диаметр 12—14, высота 1 м. В основании насыпи кургана обнаружено каменное кольцо — кромлех. Кромлех сложен из вертикально поставленных плит. Восточкая часть кромлеха сооружена из валунов (рис. 1, *1*). Диаметр кромлеха 6 м. Единственное погребение совершено в гробнице смешанного типа, ориентированной по линии СВ—ЮЗ. Костяк плохо сохранился, но, судя по сохранившимся костям, погребенный находился в сидячем положении. В гробнице обнаружен один сосуд — горшок темного цвета с выпуклым туловом, широким устьем и слегка отогнутым наружу венчиком. Ручка ленточная. Поверхность лощеная, с серыми и розоватыми пятнами (рис. 4,5). Высота сосуда 23, диаметр устья 15, тулова 21, дна 8 см. Гробница сооружена в материке из вертикально поставленных плит, поверх которых в несколько рядов положены плашмя плиты. Размеры гробницы: ширина 0,86, длина 1,52, глубина в материке 1,03 м.

Курган 3. Высота около 2, диаметр 12—14 м. Над плитами перекрытия встречались угольки и тлен. Погребение было совершено в гробнице, ориентированной по линии СВ—ЮЗ (рис. 2). Длина гробницы 2,50, ширина 1,45, глубина 1,8 м. В гробнице обнаружены остатки дерева —

[1] Здесь и далее мы пользуемся данными отчетов М. Г. Гаджиева, А. И. Абакарова, М. Г. Магомедова, М. М. Маммаева, Г. С. Федорова. Автор выражает глубокую благодарность за любезно предоставленные материалы из раскопок Чиркейского могильника.

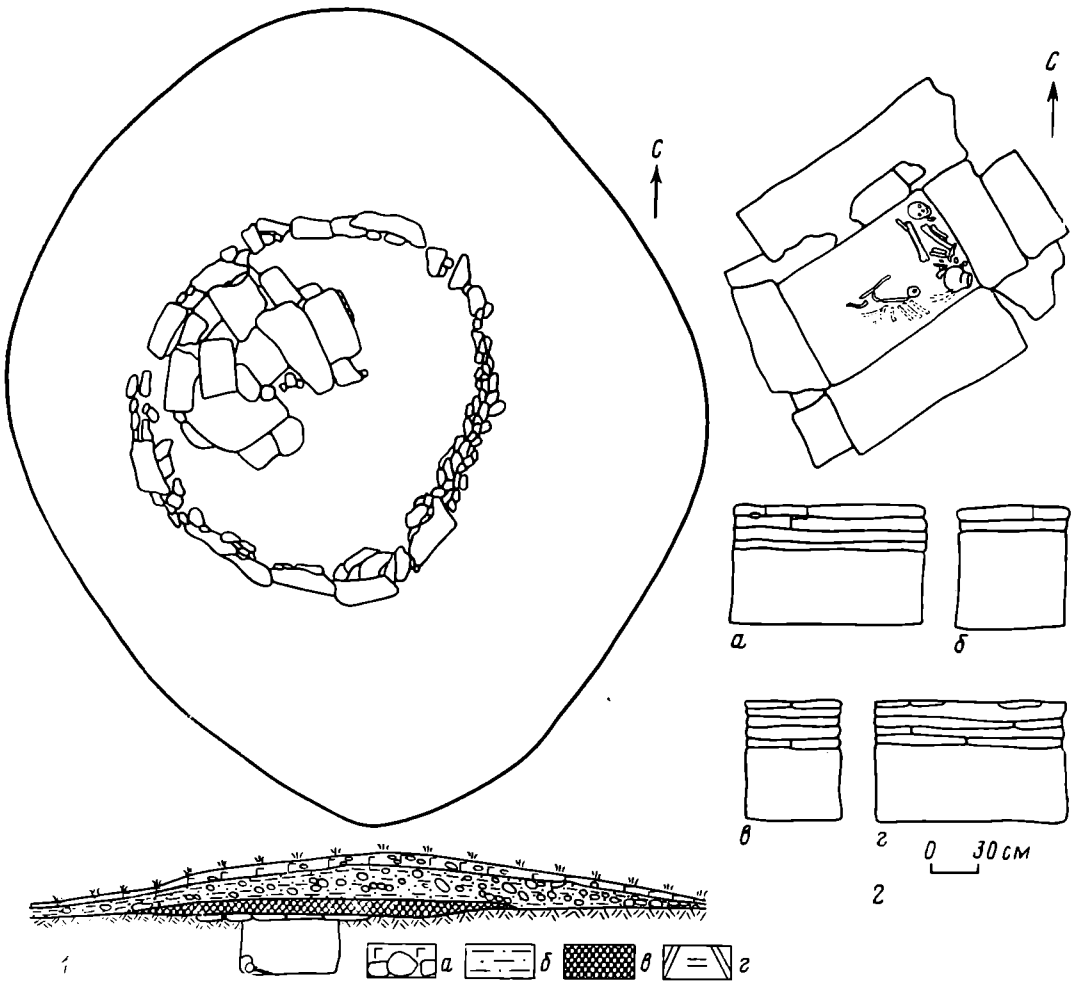


Рис. 1. Новый Чиркей. *1* – курган 1 (группа I) (*а* – гумус; *б* – суглинок; *в* – погребенная почва; *г* – материк); *2* – план погребения и профили стенок гробницы (*а* – ЮВ; *б* – ЮЗ, *в* – СВ, *г* – СЗ)

плахи. По углам гробницы были сделаны специальные пазы, куда, повидимому, были положены две деревянные балки. Погребенный лежал на спине, головой на юго-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Кости правой кисти лежали около костей предплечья, а кости левой находились на тазе. Ноги слегка согнуты в коленных суставах. У черепа находился лощеный сосуд палевого цвета, с раздутым, сильно суживающимся ко дну туловом (рис. 4, *1*). К плечикам сосуда прикреплены две ленточные ручки. На ручках имеются округлые ямки-вдавления. Небольшая горловина сужпвается кверху, венчик слегка отогнут наружу. Основание горловины украшает валик с насечками, от которого вниз идут косые или дугообразные налепы-валики с насечками. Высота сосуда 22, диаметр горловины 10, наибольший диаметр тулова 23, дна 8 см. Около черепа слева лежали три сосуда. Из них два сосуда в виде кубка (рис. 4, *10*, *12*). Первый кубок (высота 12, диаметр устья 14, дна 9 см) лощеный, черного цвета, с загнутой внутрь закраиной и плоским дном, которое слегка расширяется в основании. Другой кубок такой же формы, но чуть больших размеров (высота 14, диаметр устья 15,5, тулова 18 см) украшен снаружи двумя вертикальными налепными валиками с насечками. Третий сосуд – горшок черного цвета с шаровидным туловом, небольшим дном, с ленточными ручками, прикрепленными к плечикам сосуда (рис. 4, *2*). Короткая горловина, образуя резкий перегиб в месте соединения с туловом, суживается кверху. Сосуд украшен треугольными фестонами с точечными наколками и двумя сосцевидными налепами. Высота его 22, диаметр горловины 12, наибольший диаметр тулова 22, дна

9 см. Еще один сосуд найден справа от скелета (рис. 4, *9*). Это горшок красного цвета с округлым, суживающимся ко дну туловом. Прямой венчик слегка отогнут наружу и украшен насечками. Сосуд имеет ручку-выступ. Поверхность заглажена. Высота сосуда 13, диаметр устья 13, дна 7,5, наибольший диаметр тулова 17 см. В гробнице был найден еще сосуд — красноглиняный горшок (высота 19 см) с ленточной ручкой, округлым туловом (диаметр 18 см), небольшим дном (диаметр 7 см) и невысокой горловиной (диаметр 11 см), с отогнутым наружу венчиком (рис. 4, *6*). Сосуд украшен треугольными фестонами, заштрихованными внутри. Фестоны обрамлены точечными вдавливаниями. Кроме того, найдены каменная булава шаровидной формы (рис. 6, *3*) и бронзовый клинок ножа или кинжала с черенком (рис. 6, *1*). Возле наконечника найдены кости животных.

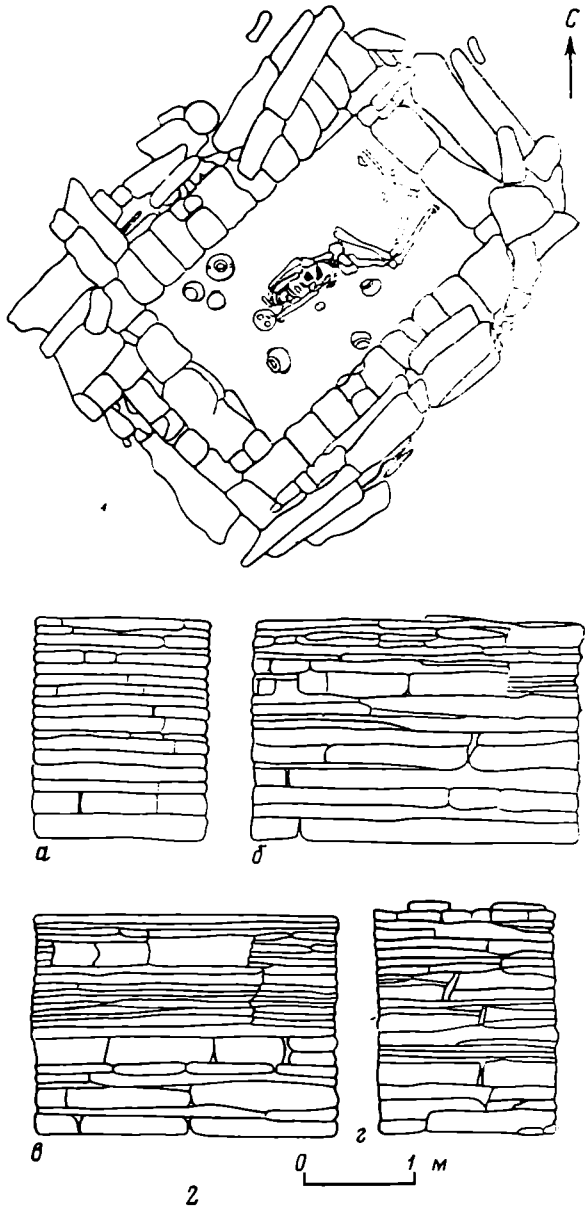


Рис. 2. Новый Чиркей. Курган 3 (группа I). *1* — план погребения; *2* — профили стенок гробницы (*а* — СВ; *б* — СЗ; *в* — ЮВ; *г* — ЮЗ)

Курганная группа II, курган 9. Под насыпью находилась гробница, ориентированная по линии СВ—ЮЗ (рис. 3, *1*). Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Кости правой руки несколько сдвинуты с первоначального положения. Череп разбит. Слева от него находились два сосуда и каменная булава шаровидной формы (рис. 6, *8*). Первый сосуд (рис. 5, *3*) — лощеный горшок (высота 20 см) серовато-черного цвета с красноватыми пятнами, широкой горловиной (диаметр 16 см) и отогнутым наружу венчиком. Выпуклое тулово (диаметр 19 см) сужается ко дну (диаметр 9 см); сосуд имеет псевдоручку. Плечики украшают треугольные фестоны, образованные оттисками шнура. Фестоны обведены вдавленными кружками. Второй сосуд — маленький лощеный горшок (высота 11 см) черного цвета, с широкой горловиной (диаметр 12 см), выпуклым туловом (диаметр 15 см) и одной ленточной ручкой (рис. 4, *8*). У черепа находилась золотая подвеска из скрученной пружины в 3 оборота.

Курганная группа III, курган 1. Курган правильной формы, диаметр 20, высота более 2 м. Здесь обнаружено шесть погребений; две каменные гробницы и четыре каменных ящика. Наиболее ранними и основными были каменные гробницы, впущенные в материк. В гробнице-погребении 1 найден скелет взрослого человека, который лежал на левом боку в скорченном положении, головой на юго-запад (рис. 3, *2*). Ноги были согнуты в коленях и, видимо, подведены к лицу. Череп раздавлен. У черепа

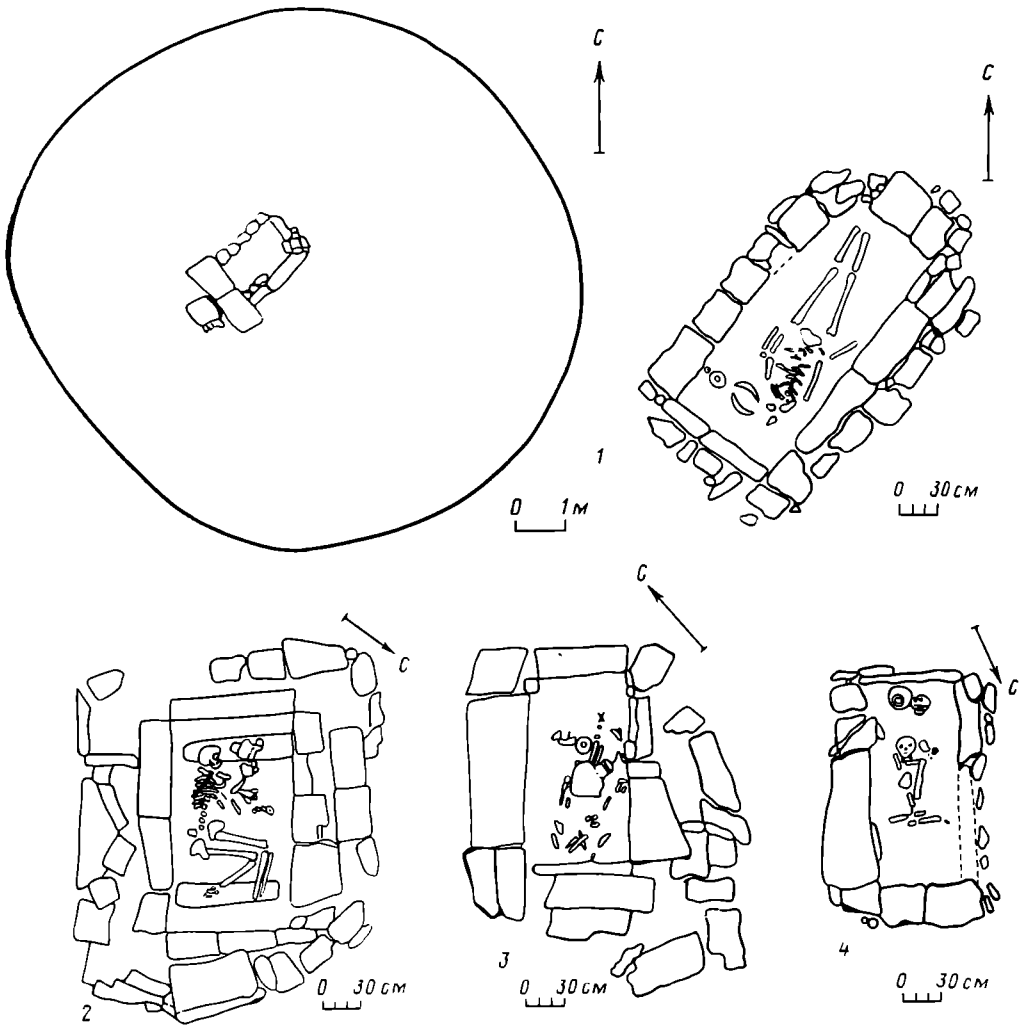


Рис. 3. Новый Чиркей. *1* — курган 9 (группа II); *2—4* — погребения (1—3) в кургане 1а (группа III)

найден сосуд с биконическим туловом, двумя широкими ленточными ручками, высокой расширяющейся кверху горловиной и небольшим дном (рис. 5, *4*). Основание горловины украшено пояском из клиновидных вдавлений, от которых отходят вниз треугольные зубцы из клиновидных вдавлений. Кроме того, обнаружены каменная булава шаровидной формы (рис. 6, *2*), бронзовый клинок ножа листовидной формы (рис. 6, *7*), две сердоликовые бусины, бисер. В гробнице найдены также кости животных.

В погребении 2 было два захоронения — детское и взрослое. Кости плохой сохранности, без анатомического порядка (рис. 3, *3*). Обнаружено два сосуда. Один черного цвета, лощеный, с раздутым, сильно суживающимся книзу туловом и двумя ленточными ручками, высокой расширяющейся раструбом горловиной, отогнутым наружу венчиком (рис. 4, *4*). Основание горловины опоясывает налепной валик, под ним поясок из клиновидных вдавлений. От валика свисают вниз четыре дугообразные рельефные короткие налепы, обрамленные тоже клиновидными вдавлениями. Другой сосуд — маленький горшок буроватого цвета с широким устьем и слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 4, *11*). Поверхность заглажена. Кроме того, было найдено пять бараньих астрагалов и остатки дерева.

Каменные ящики (всего 4, погр. 3—6) сооружены на материке или в насыпи кургана.

Погребение 3. Содержало скелет взрослого человека, кости были раздроблены, анатомический порядок не сохранился (рис. 3, *4*). На дне ящика найдено два сосуда. Первый сосуд — горшок бурого цвета, с невысо-

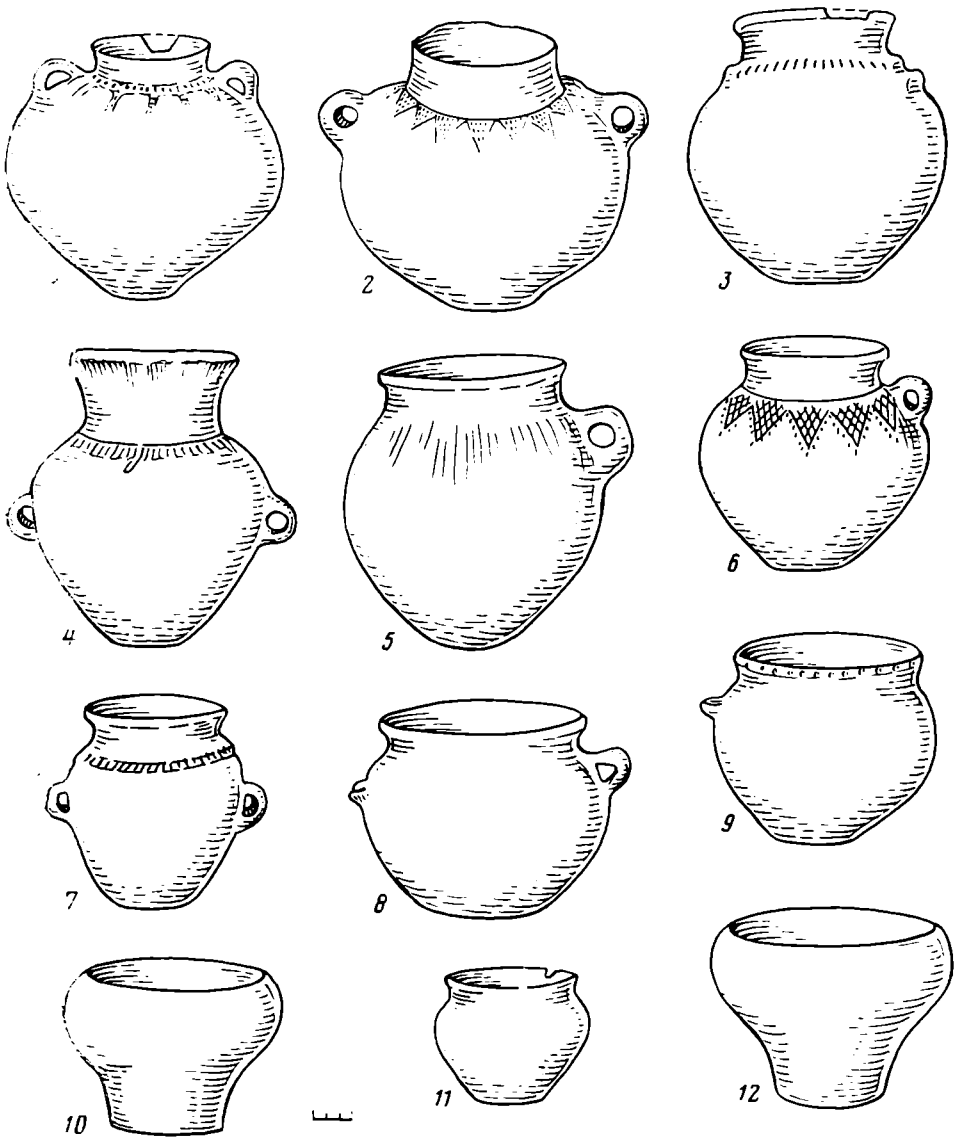


Рис. 4. Новый Чиркей. Керамика из погребений Чиркейских курганов. *1, 2, 6, 9, 10, 12* – курган 3 (группа I); *3* – погр. 3, кург. 1а (группа III); *4, 11* – погр. 2, кург. 1а (группа III); *5* – кург. 1 (группа I); *7* – погр. 5, кург. 1а (группа III); *8* – кург. 9 (группа II)

кой горловиной, шаровидным туловом и небольшим дном с двумя ручками, прикрепленными в месте перехода тулова к горловине (рис. 4, *3*). Основание горла украшено косыми вдавлениями. Второй сосуд с выпуклым туловом, конически суживающимся ко дну, широкой горловиной, расширяющейся кверху, и с двумя ленточными ручками, прикрепленными к выпуклой части тулова (рис. 7, *1*). Поверхность слегка лощеная. В ящике также найдены бронзовая пуговка, сердоликовая бусина, две бронзовые подвески в 1,5 оборота.

Погребение 4. Кости не сохранились. На дне каменного ящика обнаружены две бусины и фрагменты разбитого сосуда с заглаженной поверхностью.

Погребение 5. Кости не сохранились. В ящике обнаружено три сосуда. Первый – двуручный сосуд серого цвета с черными пятнами, выпуклым туловом, невысокой горловиной, отогнутым наружу венчиком. На плечиках сосуда налепной валик с насечками. Поверхность лощеная (рис. 4, 7). Внутри этого сосуда находился второй сосуд в форме кружки вытянутых пропорций, с одной ленточной ручкой, отходящей от венчика. Поверхность лощеная, черного цвета. Верхняя часть тулова украшена сосцевидным налепом. Третий сосуд – маленький горшок с обма-

Рис. 5. Новый Чиркей. *1, 2* — гробница 1, кург. 1а (группа III); *3* — сосуд из погр. в кург. 9 (группа II); *4* — сосуд из погр. 1, кург. 1а (группа III)

занной густой глиной внешней поверхностью, вертикальными, чуть суживающимися книзу стенками тулова, коротким венчиком и широким устьем. Цвет серый.

Погребение 6. Каменный ящик маленьких размеров, сооружен из небольших тонких сланцевых плиток. Скелет не сохранился. В ящике найдены несколько фрагментов керамики с обмазанной густой глиной внешней поверхностью.

Курган 2. Единственное погребение совершено в грунтовой яме, ориентированной по линии СВ—ЮЗ. Костяк не сохранился. Длина ямы 2,25,

ширина 1,15, глубина 1,25 м. На дне обнаружены: бронзовый наконечник копья листовидной формы (рис. 6, *6*); бронзовый стержень с одним заостренным концом, длиной 5 см (рис. 6, *5*); четыре сердоликовые бусины и две бусины из пасты белого и синеватого цвета; сероглиняный сосуд, с раздутым вверху туловом, короткой и широкой горловиной со слегка отогнутым наружу венчиком и небольшим плоским дном, одной ручкой со сквозным отверстием. Орнаментирован сосуд в верхней части елочным орнаментом в три ряда. Высота его 28, диаметр горловины 12, тулова 27, дна 9 см. Обжиг слабый, черепок имеет рыхлую структуру, в тесте примесь шамота.

Курган 4. Погребение совершено в грунтовой яме, прямоугольной формы, ориентированной по линии СВ — ЮЗ. На дне ямы найдено два

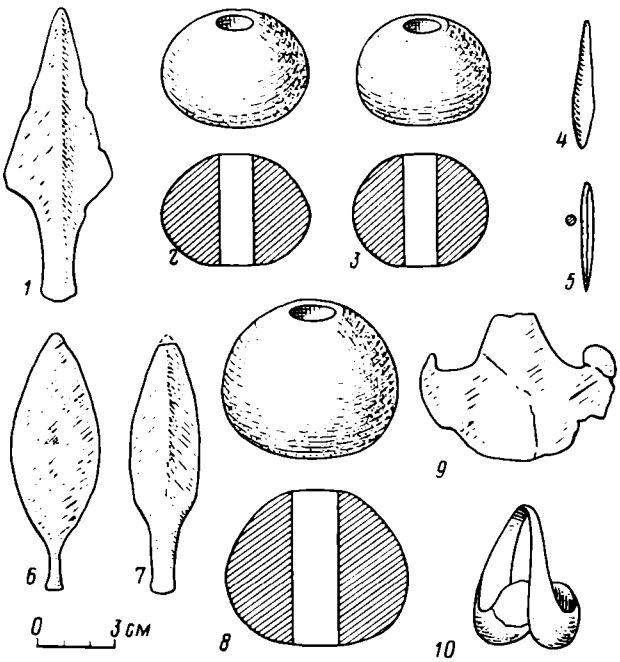


Рис. 6. Новый Чиркей. Инвентарь из погребений Чиркейских курганов. *1, 3* — кург. 3 (группа I); *2, 7* — погр. 1, кург. 1а (группа III); *4, 8* — кург. 9 (группа II); *5, 6* — кург. 2 (группа III); *9, 10* — погр. 3, кург. 1а (группа III)

сосуда. Первый сосуд распался. Судя по фрагментам, он напоминает маленький горшок с грубой, обмазанной глиной поверхностью. Второй сосуд — миниатюрная чашечка в форме опрокинутого усеченного конуса, с одной ручкой, отходящей от устья. Цвет красный. Поверхность заглажена (рис. 7, *3*). Высота сосуда 9, диаметр устья 8, дна 4 см. Найдено также 12 мелких пастовых бусин синеватого и коричневатого цвета. На дне ямы находилось значительное количество охры.

Несмотря на сходство форм и конструкций насыпи вышеописанных Чиркейских курганов, в устройстве и типе их могил наблюдается значительное разнообразие. Погребальные сооружения можно разделить на три основных типа: грунтовая яма (курганы 2, 3 гр. III); каменная гробница, стенки которой образованы каменной кладкой (кург. 3 гр. I; кург. 9 гр. II; кург. 1 гр. III, погр, 1, 2); каменный ящик (кург. 1 гр. III, погр. 3—6). Кроме отмеченных основных форм можно выделить смешанный, промежуточный тип погребального сооружения (между гробницей и каменным ящиком) (кург. 1 гр. I). Независимо от типов погребальных сооружений характерной особенностью является выдержанная ориентировка в направлении северо-восток — юго-запад. Аналогичная ориентировка преобладает в расположенном неподалеку Миатлинском курганном могильнике [11, с. 36—50]. Как правило, погребенные лежали в вытянутом (кург. 3 гр. I; кург. 9 гр. II) или скорченном положении (кург. 1а

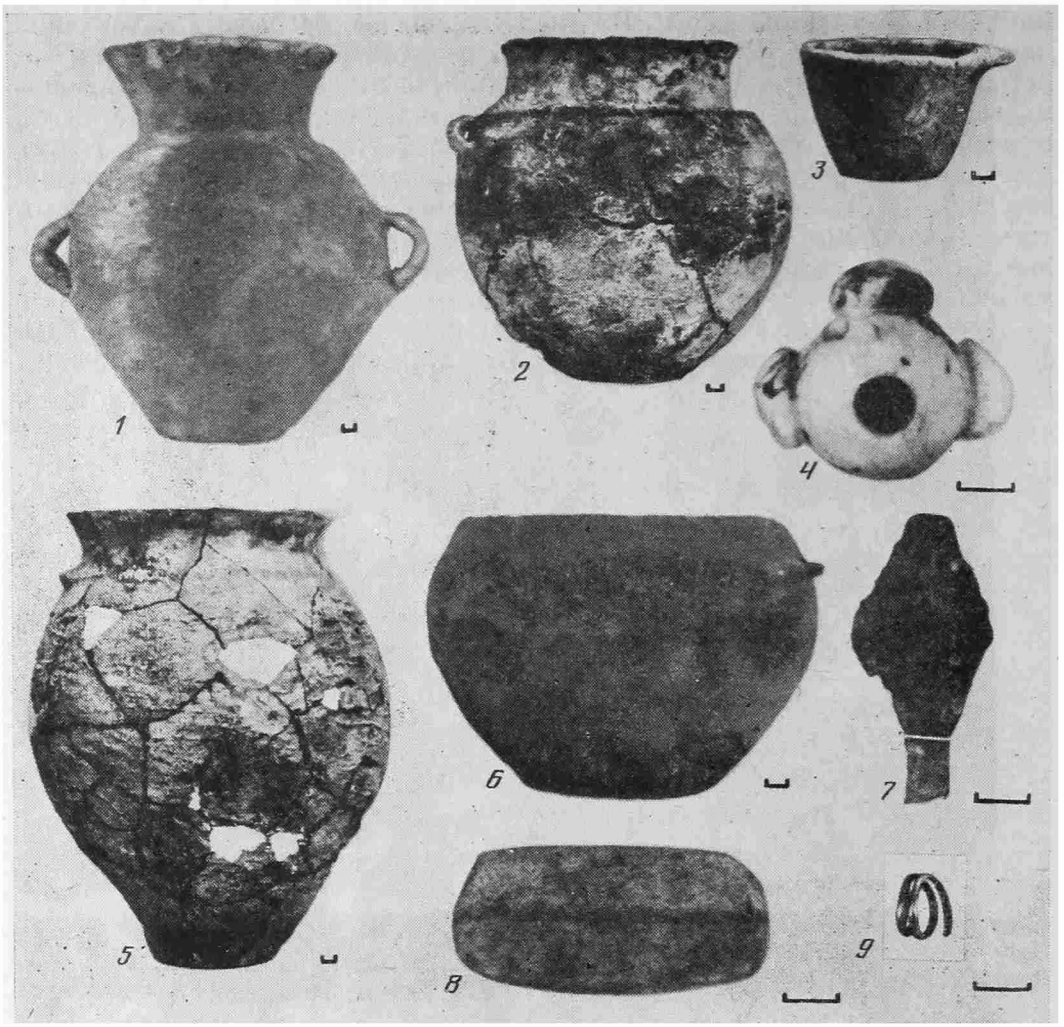


Рис. 7. Новый Чиркей. Инвентарь из погребений Чиркейских курганов. *1* — погр. 3, кург. 1а (группа III); *2* — кург. 3 (группа IV); *3* — кург. 4 (группа III); *5* — погр. 2, кург. 1 (группа IV); *6* — погр. 1, кург. 6 (группа II); *4, 7, 8* — гробница у пос. «Дружба»; 2 — кург. 9 (группа II) (*1, 3, 5, 6* — керамика; *4, 8* — камень; *7, 9* — металл)

гр. III, погр. 1), головой на юго-запад, в редких случаях костяки были в сидячем положении (кург. 1 гр. I).

Первые два типа погребений древнее погребений третьего типа (каменный ящик) и погребальных сооружений смешанного типа (гробница-ящик). Об этом свидетельствует погребальный инвентарь, а также данные стратиграфических наблюдений. В кург. 1 гр. III было исследовано шесть погребений: две гробницы и четыре каменных ящика. Наиболее ранними и основными были гробницы, впущенные в материк, а каменные ящики находились на материке или в насыпи кургана. Интересные наблюдения сделаны в 1959 г. Н. Д. Путинцевой при исследовании кург. 2 гр. II [8, с. 8—11]. В кургане основное погребение, совершенное в гробнице, было ограблено (два сосуда из этой гробницы найдены в насыпи) при сооружении последующего погребального сооружения смешанного типа (гробница-ящик). Данные стратиграфии показывают четко хронологическое положение гробниц. Они предшествовали погребальным сооружениям смешанного типа и каменным ящикам. Гробницы, стенки которых образованы в виде кладки из горизонтально положенных каменных плит, на Северо-Восточном Кавказе являлись наиболее распространенной формой погребальных сооружений в эпоху средней бронзы. Они обнаружены в Миатли [11, с. 36—39], Гентале [12, с. 14—21], Манасе [13, с. 184] и Ярти-Тюбе [13, с. 192] в предгорной и равнинной частях Дагестана, а в горных районах — в Чохе [14, с. 44—48], Гинчи [15, с. 102—114], Ирганае [16, с. 119], Галгалатли [17, с. 13, 14] и в

других местах. На территории Чечено-Ингушетии это гробницы в Гатынкале [18, с. 49—135], Бельты [19, с. 13—17] и пр. В других районах Кавказа аналогичные погребальные сооружения не были широко распространены. Определенную близость погребальным сооружениям Северо-Восточного Кавказа имеют могила 16 в Верхней Рутхе (Северная Осетия) [20, с. 54], гробницы в курганах Константиновского плато у г. Пятигорска [21, с. 35—44], у ст. Усть-Джегутинской в Прикубанье [22, с. 70—81] и др. Однако в эпоху поздней бронзы в памятниках каякентско-хорочоевской культуры основным типом погребальных сооружений становится каменный ящик с индивидуальными захоронениями [23, с. 52—59; 24, с. 54, 55]. Чиркейские курганы дают возможность проследить эволюцию погребальных сооружений от гробниц к погребальным сооружениям смешанного типа (гробница-ящик) и далее к каменным ящикам. Исследователи связывают этот процесс с изменением общественных отношений в сторону обособления отдельных семей, накопления семейной собственности, что в конечном итоге приводит к подрыву коллективных начал в родовом обществе [15, с. 110; 24, с. 55]. Несмотря на то что гробницы в Чиркее предназначались для индивидуальных захоронений, все же представляется возможным связать переход к каменным ящикам в эпоху поздней бронзы с изменением семейных отношений. В конце бронзового века на Кавказе индивидуальные захоронения в каменных ящиках становятся преобладающими, что, по-видимому, связано с распространением общих представлений о заупокойном культе [11, с. 41].

Погребальный инвентарь, представленный в Чиркейских курганах, состоит из предметов вооружения, украшения и керамики. К предметам вооружения относятся бронзовые клинки и выпрямители древок стрел, каменные булавы. Плоские клинки листовидной формы, с выраженными черенками (кург. 3 гр. I, рис. 6, *1*; погр. 1, кург. 1а гр. III, рис. 6, *7*; кург. 2 гр. III, рис. 6, *6*) имели широкое распространение на Кавказе и в Восточной Европе в эпоху бронзы [25, с. 332, 333; 26, с. 92; 27, с. 39—41; 28, с. 65—71]. В Дагестане плоские клинки найдены в памятниках эпохи ранней бронзы на поселениях Галгалатли [27, с. 33—34], Чиркей [28, с. 40], в могильниках Карабудахкент [28, с. 39—40]. Утамыш [29, с. 13]. В памятниках эпохи средней бронзы Дагестана плоские клинки известны из Миатли [11, с. 43—44], Гентала [12, с. 19], Манаса [30, табл. 1, 12], Дагестанские Огни [31, с. 70], Тарки [31, с. 70] и из других мест. Но уже к началу эпохи поздней бронзы подобные клинки в Дагестане не встречаются. Каменные булавы шаровидной формы (кург. 3 гр. I; кург. 9 гр. I, погр. 1, кург. 1а гр. III, гробница у поселка «Дружба», рис. 6, *2*, *3*, *8*, рис. 7, *4*) были довольно широко распространены в древнейших земледельческо-скотоводческих культурах Передней Азии, Кавказа, Восточной и Центральной Европы [28, с. 41—43]. В эпоху средней бронзы на Кавказе, и в частности в Дагестане, находки каменных наверший булав встречаются довольно часто [29, с. 14]. В Дагестане они известны из могильников Гентал [12, табл. II, *5—7*], Манас [13, рис. 3а, *2*, *3*], Ирганай [16, с. 116—117]. Большинство исследователей считают, что каменные навершия булав использовались и как предметы вооружения, и как символы власти. Интерес представляет тот факт, что каменные навершия булав найдены в Чиркее в наиболее значительных по размерам курганах.

К предметам вооружения, по-видимому, относятся четырехгранное бронзовое острие, обнаруженное в грунтовой яме в комплексе с листовидным наконечником копья (кург. 2 гр. III, рис. 6, *5*), а также костяное острие, найденное в комплексе с каменной булавой (кург. 9 гр. I, рис. 6, *4*). Описанные изделия рассматриваются как шилья. Представляется вполне вероятным использование их также и в качестве наконечников стрел. Четырехугольные бронзовые острия были широко распространены на Кавказе [22, с. 67, 94], в Приазовье, Поволжье [32, с. 21] и характерны для памятников эпохи ранней и средней бронзы.

Песчаниковые выпрямители древков стрел (кург. 2 гр. IV) имели широкое распространение на территории ямной и катакомбной культур

[33, с. 27, 26]. Они иногда встречаются на Северном Кавказе в памятниках северокавказской культурно-исторической общности [22, с. 99, рис. 39, 48; 26, с. 68, рис. 29, *4*]. В Дагестане выпрямители древков стрел найдены на Чиркейском и Сигитминском поселениях эпохи ранней бронзы. Их появление в Дагестане, очевидно, связано с проникновением степных племен в приморский и предгорный Дагестан на рубеже III—II тыс. до н. э.

Украшения — золотая подвеска из скрученной пружины в 3 витка (рис. 7, *9*); бронзовые подвески в 1,5 оборота (рис. 6, *10*) и бронзовая пластинчатая подвесочка в виде полукружия (рис. 6, *9*) — являются наиболее характерными для памятников эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа [15, с. 143—144] и в особенности для памятников каякентско-хорочоевской культуры [24, с. 59—61; 34, с. 65—67].

Такие украшения, как бусы из сердолика (кург. 1а, 2 гр. III), а также бусы из пасты (кург. 2 гр. III) и бронзовая пуговка (кург. 1а гр. III), были широко распространены как хронологически, так и территориально.

Керамика из Чиркейских курганов изготовлена от руки из глины, в которой встречаются примеси песка и дресвы. Поверхности сосудов в большинстве случаев обработаны лощением, в трех случаях заглаживанием и в пяти — обмазкой жидкой глиной.

Рассмотрим керамику из ранних погребений Чиркейских курганов, т. е. каменных гробниц и грунтовой ямы.

В ранних погребениях представлены следующие формы сосудов. Сосуды с цилиндрической горловиной, резко переходящей к круглому тулову, с одной-двумя петлевидными ручками. Поверхность заглаженная, орнаментированная валиками и нарезными узорами. (рис. 4, *1, 2*). Близкие аналогии данным сосудам можно найти в памятниках эпохи средней бронзы Калмыкии (Лолинский, Элистинский могильники) [32, с. 174, табл. 31, *4*, табл. 4, *2*; 35, табл. 1, *3*, 1, *2*, табл. 17, *2*]. Подобные сосуды в Дагестане не характерны для памятников эпохи средней бронзы. Форма этих сосудов, очевидно, степного происхождения. Вторую группу составляют воронковидные кубки (рис. 4, *10, 12*). Один такой кубок найден в Миатли [36, с. 24, рис. 26, *1*]. Подобные сосуды известны из катакомбных погребений Калмыкии, Нижнего Поволжья и Дона [35, с. 13—14, табл. 2, *2*, табл. 9, *1*; 37, рис. 29, *6*], откуда, по-видимому, попали в Дагестан.

В третью группу входят низкие широкогорлые горшки (рис. 5, *3*; 4, *9*). Плечики одного сосуда украшены треугольными фестонами, образованными оттисками шнура. Фестоны обведены вдавленными кружками (рис. 5, *3*). В Дагестане сосуды подобной формы найдены в кургане Ярти-Тюбе у Манаса [13, с. 183, рис. 10, *8*], в Миатлинских курганах [11, с. 46—47; 38 рис. 2а, 2; 39, рис. 5, *2*]. Сосуды данного типа характерны для памятников северокавказской культурно-исторической общности [22, рис. 5, *4—6*; рис. 18, *2*, *3*; рис. 32, *12*; 26, рис. 40, *1—13*; 33, рис. 2, *16*]. Они известны также и у степных племен Юго-Восточной Европы [32, табл. 7, *3*, *4*, табл. 18, *4*, *5*; 37, рис. 5, *2—6*].

Следующая группа — сосуды с высокой горловиной в виде раструба и яйцевидным туловом (рис. 4, *4*; 5, *4*). Ручки на сосудах обычно расположены на выпуклой части тулова. Сосуды имеют заглаженную поверхность, иногда слегка залощены. Отдельные из них орнаментированы налепными валиками или клиновидными насечками. Аналогичные сосуды найдены только в памятниках бассейна р. Сулак, в частности, в Миатлинских курганах [39, табл. 1, *2*, рис. 13, *2*]. По-видимому, эта форма сосудов является особенностью, характерной для Присулакской группы памятников эпохи средней бронзы. Следующая форма керамики — кувшиноподобные сосуды с ручкой (рис. 4, *6*), прикрепленной к шейке или плечикам. Поверхность сосудов орнаментирована врезным геометрическим узором в виде треугольных фестонов. Сосуды этого типа известны в Дагестане в памятниках эпохи ранней и средней бронзы [15, рис. 4, *8*, рис. 19, *18*; 40, табл. II, *2*, *3*; табл. III, *4*, с. 42; табл. IV, *1*; 41, с. 182, рис. 63, *38*, рис. 55, *2*]. Другую группу составляют широко-

горлые горшки с загнутым внутрь краем и псевдоручками (рис. 7, *6*). Поверхность заглаженная. На некоторых сосудах имеется орнамент в виде треугольных фестонов, сделанный пунктиром и оттисками крученого шнура. Аналогичные сосуды найдены на Чиркейском поселении эпохи ранней бронзы, что указывает на преемственность керамических традиций. Нехарактерным и новым является шнуровой орнамент, распространившийся, очевидно, из областей, расположенных к западу от Дагестана [26, с. 88—90; 42, с. 198, 199] и, возможно, из степей Юго-Восточной Европы [42, с. 198]. Из других форм сосудов следует указать на небольшие горшки и миниатюрные кружки с ручкой (рис. 4, *8*, *11*; рис. 7, *3*). В погребении смешанного типа в кургане 1 найден сосуд (рис. 4, *5*), который по форме близок к кувшиноподобным сосудам из погребений в гробницах. Необходимо отметить, что керамика из погребений смешанного типа имеет большое сходство с керамикой из погребений в гробницах. Правда, чаще встречается керамика с обмазанной глиной поверхностью (рис. 7, *2*, *5*). Изредка встречаются сосуды со шнуровым орнаментом. Некоторые сосуды с узким дном, широким горлом и обмазанным густой глиной туловом (рис. 7, *5*) из погребений смешанного типа становятся позднее ведущими формами керамики каякентско-хорочоевской культуры. Керамика поздних погребений, т. е. в каменных ящиках, имеет сходство с керамикой из ранних погребений. В каменном ящике 1 (кург. 1а гр. III, погр. 3) обнаружен сосуд с биконическим туловом, с двумя ленточными ручками, высокой, расширяющейся кверху горловиной и узким дном (рис. 7, *1*), который близок к описанным сосудам из гробниц этого кургана. Другой сосуд (рис. 4, *3*), происходящий также из каменного ящика 1, находит близкие аналогии в каякентско-хорочоевской керамике [34, рис. 12, *8*; 39, табл. III, *1*, *5*].

Сосуды из каменного ящика 3 (кург. 1 гр. III, погр. 5) имеют аналогии как в ранних, так и в поздних погребениях Миатлинского и Чиркейского курганных могильников, а также в Гинчи [15, рис. 15, *15*, 21, *5*, 34, *15*], Гатынкале [18, рис. 7, *9*, *13*; 28, *3*; 32, *3*].

Анализ материалов из Чиркейских курганов позволяет определить хронологию и выявить характерные черты культуры данного памятника. Ранние погребения (в гробницах и грунтовых ямах) датируются комплексом погребального инвентаря, находящего близкие аналогии в памятниках первой половины II тыс. до н. э. Дагестана и сопредельных областей. Датировка погребений смешанного типа определяется их близостью во времени к ранним погребениям Чиркейских курганов, а также синхронностью таким комплексам, как поздние погребения могильника Гинчи, Ирганай, датируемые концом первой половины II тыс. до н. э. Поздние погребения, генетически связанные с ранними, как было показано на примере эволюции погребальных сооружений и сходстве погребального обряда и инвентаря, датируются третьей четвертью II тыс. до н. э.

Рассмотрение погребального обряда и инвентаря из ранних и средних погребений Чиркейских курганов показывает, что культура, представленная здесь, обнаруживает яркие черты преемственности по отношению к культуре предшествующего времени. С другой стороны, анализ инвентаря ранних и средних погребений свидетельствует, что в погребальных комплексах наряду с местными формами керамики и украшений присутствуют вещи северокавказского и степного происхождения. Местные формы преобладают над пришлыми. Среди местных форм культуры следует отметить наличие каменных гробниц и таких типов посуды, как кувшиноподобные сосуды, сосуды с горлом в виде раструба, широкогорлые горшки с загнутым внутрь краем, кружки, сосуды с темным лощением и обмазанной жидкой глиной поверхностью, сосуды, орнаментированные рельефным валиком с зашипами или насечками, резным геометрическим узором. К северным, северокавказским и степным элементам следует относить: наличие в могилах охры, присутствие низких широкогорлых сосудов, кубков-воронок, наличие шнуровых мотивов в орнаментации сосудов, находки выпрямителей древков стрел, металлических украшений со шнуровым узором.

Таким образом, погребальный обряд и инвентарь погребений Чиркейских курганов свидетельствует о синкретическом характере материальной культуры. Все это указывает не просто на взаимосвязь местного населения с племенами северокавказской культурно-исторической общности и степей Юго-Восточной Европы в эпоху средней бронзы, но и на проникновение последних на территорию бассейна р. Сулак. Об этом говорит тот факт, что на рубеже III—II тыс. до н. э. в рассматриваемом регионе были заброшены такие оседлые долговременные поселения, как Сигитминское и Чиркейское [43, с. 16]. Если к тому же учесть близкий характер культуры Миатлинских курганов, то совершенно правильным представляется выделение М. Г. Гаджиевым особой Присулакской группы памятников в эпоху средней бронзы [43, с. 15—17].

После проникновения северокавказских и степных племен произошло значительное изменение облика местной культуры на рассматриваемой территории. Серьезные изменения в культуре населения бассейна Сулака характеризуются прежде всего тем, что здесь получили развитие те черты северокавказского и степного происхождения, которые раньше являлись чуждым и второстепенным элементом культуры. С этого времени значительно ослабляются связи с югом, уступая место северным связям (Северный Кавказ, степи Юго-Восточной Европы). Пришлые племена сыграли значительную роль в этнокультурных процессах, происходивших в Присулакском районе. Впоследствии, примерно около середины II тыс. до н. э., этнические различия между отдельными группами племен исчезают в результате ассимиляции пришлых племен местным населением. На это указывает тот факт, что уже поздние погребения Чиркейских и Миатлинских курганов вполне определенно свидетельствуют о культурном единстве населения бассейна Сулака.

В это время на Сулаке, как показывают материалы поздних погребений Чиркейских курганов, население продолжало хоронить в курганах, которые по существу ничем не отличаются от погребальных памятников раннего этапа. В инвентаре позднего этапа Чиркейского могильника такие формы керамики, как горшки и украшения (подвески), очень близки предшествующим. Но обряд погребения и особенности устройства могил (каменные ящики) стали уже типичными для новой каякентско-хорочоевской культуры. В этом отношении Чиркейские курганы представляют большой интерес для выяснения и понимания процесса трансформации культуры средпебронзовой эпохи в каякентско-хорочоевскую.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Комаров А. В.* Пещеры и древние могилы в Дагестане.— Тр. V АС, т. I. М., 1882.
2. *Анучин Д. Н.* Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г.— Изв. РГО, 1884, т. XX.
3. *Zakharov A. A.* Contributions to the Archaeology of Daghestan, II. Kozubski's excavations in Northern Daghestan.— ESA, 1931, t. VI.
4. *Иессен А. А.* Работы на Сулаке.— Изв. ГАИМК, 1935, вып. 110.
5. *Бредэ К. А.* Отчет об археологических разведках на берегах Сулака и доисследования Сигитминского нижнего поселения в 1958 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, 1840.
6. *Пикуль М. И.* Отчет о работе 3 Бавтугайского отряда ДАЭ в 1958 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 1838.
7. *Путинцева Н. Д.* Отчет о работе 1 Бавтугайского отряда в зонах строительства Чирюртовской и Чиркейской ГЭС.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 1842.
8. *Путинцева Н. Д.* Отчет о полевых исследованиях 1-го Чиркейского отряда ДАЭ.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 1950.
9. *Гаджиев М. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М., Федоров Г. С.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3199.
10. *Гаджиев М. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1966 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3421.
11. *Капивец В. И.* Миатли — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане.— МАД, 1959, т. I.
12. *Магомедов М. Г.* Гробницы эпохи бронзы в урочище Гентал.— В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977.
13. *Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф.* Памятники эпохи бронзы в Дагестане.— СА, 1956, т. XXVI.
14. *Мунчаев Р. М.* Археологические исследования в Нагорном Дагестане в 1954 г.— КСИИМК, 1957, вып. 71.

15. *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969.
16. *Погребова М. Н.* Ирганайский склеп эпохи бронзы.— МАД, 1959, т. II.
17. *Гаджиев М. Г.* Могильник Галгалатли — памятник гинчинской культуры Северо-Восточного Кавказа.— В кн.: Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре. (тез. докл.). М., 1976.
18. *Марковин В. И.* Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне.— В кн.: Древности Чечено-Ингушетии. М.: Наука, 1963.
19. *Ерзункаева К. З.* Новое об эволюции погребального обряда эпохи бронзы в Восточной Чечне.— В кн.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
20. *Крупнов Е. И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.— МИА, 1951, № 23.
21. *Марковин В. И.* Курганы Константиновского плато у г. Пятигорска.— КСИА, 1971, вып. 127.
22. *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев.: Наук. думка, 1978.
23. *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э.— МИА, 1958, № 68.
24. *Котович В. Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения Дагестана в древности. М.: Наука, 1982.
25. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
26. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.— МИА, 1960, № 93.
27. *Гаджиев М. Г.* Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы.— В кн.: Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.
28. *Мирзоев Р. Н.* К типологии предметов вооружения из раннебронзовых памятников Дагестана.— В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977.
29. *Мирзоев Р. Н.* Вооружение племен Северо-Восточного Кавказа III—II тыс. до н. э.: Автореф. канд. дис. Тбилиси: Тбилис. ун-т, 1978.
30. *Федоров Г. С.* Еще одна манасская катакомба.— В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977.
31. *Магомедов С. М.* К вопросу о культурных связях племен Дагестана с племенами Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы в эпоху средней бронзы.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
32. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР. Элиста, 1966.
33. *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры. М., 1955.
34. *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня в древности. М.: Наука, 1969.
35. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Элистинский могильник. Элиста, 1971.
36. *Канивец В. И., Буров Г. Г.* Отчет о работах Дагестанской археологической экспедиции в 1956 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 1626.
37. *Эрдниев У. Э.* Археологические памятники южных Ергеней. Элиста, 1982.
38. *Канивец В. И., Березанская С. С.* Курганы бронзового века на Сулаке.— МАД, 1959, т. I.
39. *Костюченко И. П.* Раскопки Миатлинского курганного поля в 1955 г.— МАД, 1959, т. I.
40. *Котович В. Г.* Новые археологические памятники Южного Дагестана.— МАД, 1959, т. I.
41. *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение. Махачкала, 1965.
42. *Марковин В. И.* Степи и Северный Кавказ: об изучении взаимосвязей древних племен.— В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976.
43. *Гаджиев М. Г.* Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

G. D. Atayev

THE CHIRKEISKIE MOUNDS OF THE BRONZE EPOCH

Summary

The Chirkeiskie mounds are the key site dated to the middle Bronze Epoch in Daghestan. The burial rite and grave goods of the early and middle groups of the mounds, dated to the first half of the second millennium B. C., speak of the syncretic nature of the material culture. This indicates that the local population not only had ties with the tribes living in the Northern Caucasus and in the steppes of the south-eastern corner of Europe in the Middle Bronze Epoch, but that the latter infiltrated the piedmont regions of the Sulak basin. With the culture of the Miatlinskie mounds being very close to that of the Chirkeiskie mounds, one can identify a Sulak group of sites dated to the Middle Bronze Epoch. The tribes which had come to the Sulak region and had greatly contributed to the ethnocultural processes there were later assimilated by the local population. The later burials in the Chirkeiskie mounds, dated to the last third of the second millennium B. C., bear witness to the cultural homogeneity of the Sulak population. The mounds thus provide interesting materials for the tracing and interpretation of the process that transformed the Middle Bronze culture into the Kayakent-Khoroi culture.

Б. Н. УДЕУМУРАДОВ

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ВЕРХНИХ СЛОЕВ АЛТЫН-ДЕПЕ

Одним из самых крупных памятников периода энеолита и бронзы, расположенных в узкой полосе плодородных земель между южной границей каракумских песков и северными предгорьями Копет-Дага, является поселение Алтын-депе. Многолетние работы, ведущиеся здесь силами ЮТАКЭ и ЛОИА АН СССР под руководством В. М. Массона, позволили значительно обогатить данные по истории древнеземледельческих оазисов Южной Туркмении. Однако вопрос о выделении поздних керамических комплексов Алтын-депе, а также об их относительной хронологии до сих пор еще не получили достаточного освещения в печати. Между тем материалы последних лет, в большинстве своем представленные керамикой, дают новую информацию для решения этих проблем. Ниже мы остановимся на характеристике и анализе керамического материала Алтын-депе, полученного в ходе работ на раскопе 9 в 1980—1982 гг. Территориально эти работы охватывали район «вышки» Алтын-депе, т. е. наиболее возвышенный участок памятника, расположенный на восточной окраине поселения[1]. Раскопками выявлено два строительных периода, фиксировавшихся в пределах одного строительного горизонта[2]. По ранее изучавшейся стратиграфии памятника [1, с. 10] комплекс культурных напластований исследованного нами участка соответствовал слоям Алтын 1 и 2.

Керамика, полученная в ходе работ, представлена главным образом посудой, сделанной на гончарном круге (96% — группа А) и изготовленной техникой ручной лепки (4% — группа Б)[3]. Гончарная керамика сделана из теста хорошего качества, в которое иногда добавляли незначительное количество примесей в виде очень мелких кусочков извести. Лепная посуда изготавливалась из теста, содержащего обильную примесь различного рода отощителей (кварц, дресва, мелкий шамот, реже песок). Как гончарная, так и лепная керамика характеризуются хорошим качеством обжига и почти полным отсутствием орнаментации. Исключение составляют подставки, на которых иногда можно встретить прочерченный орнамент в виде крестиков, волнистых линий, зигзагов и др. В одном случае встречена роспись, сделанная краской.

В основу нашей классификации керамического материала были положены следующие признаки.

1. Соотношение четырех параметров: В : МД; $Д_1$: МД; $Д_1$: $Д_2$, где В — высота сосуда, МД — максимальный диаметр тулова[4], $Д_1$ — диаметр венчика и $Д_2$ — диаметр основания. Этот показатель позволяет избежать ошибок, которые допустимы при визуальном анализе посуды[5].

[1] Раскопками в эти годы на раскопе 9 руководили Ю. Е. Березкин (1980—1981 гг.) и Б. Н. Удеумурадов (1982 г.).

[2] Под термином строительный горизонт мы подразумеваем одновременно бытовавший комплекс строений. При этом некоторые перестройки с соответствующими им уровнями полов в пределах одного строительного горизонта мы склонны считать периодами (этапами) обжития этих комплексов.

[3] При обработке коллекции было использовано около 750 фрагментов керамики, из которых более 210 — целые сосуды.

[4] В некоторых случаях, когда форма сосуда имела конические очертания, максимальным диаметром тулова считался диаметр венчика.

[5] Соотношение параметров целесообразно определять еще в стадии камеральной обработки, в связи с чем в тексте они не приводятся.

2. Некоторые совершенно различные по назначению сосуды имеют идентичные соотношения четырех вышеуказанных параметров. В таких случаях отличие этих сосудов между собой выявлялось по объему их резервуаров.

3. Фактурно-технологические признаки. Учитывая опыт описания алтыновской посуды по фактурно-цветовым данным, мы сочли целесообразным полностью заимствовать эту схему, по которой вся посуда верхних слоев Алтын-депе подразделяется на четыре группы, каждой из которых присущи свойственные только ей черты [2, с. 11]. I группа — посуда с красным, розоватым или коричневатым в изломе и светлым снаружи черепком. II группа — представлена керамикой так называемого намазгинского типа со светло-зеленоватым черепком. III группа — посуда, в изломе и снаружи имеющая красный или розоватый по цвету черепок. IV группа — сосуды, сделанные из теста с большой примесью кварца, дресвы и шамота [6]. Как правило, именно на керамике этой группы заметны следы копоти. К описанной выше схеме мы предлагаем прибавить еще V группу керамики серого цвета, иногда имеющую следы слабо выраженного лощения. В систему технологических признаков входят способы и приемы изготовления керамической посуды.

4. Наличие или отсутствие таких элементов или деталей сосудов (ручки, сливы, ножки и пр.), которые позволяют выделять их в определенный тип.

5. Функциональное определение форм посуды.

С помощью комбинирования этих признаков нам удалось выделить более 20 типов сосудов. Продолжив сравнительный анализ внутри типов, удалось получить целый ряд вариантов. Перейдем к описанию керамики по типам.

I тип. Горшковидные сосуды. По числу экземпляров занимают одно из ведущих мест. Они имеют высокую горловину, плоское или вогнутое дно, иногда в виде поддона, и эллипсовидное тулово (рис. 1, *1—4*). Объем сосудов от 0,4 до 2,1 л.

II тип. Биконические сосуды. Характеризуются наличием ярко выраженного ребра, расположенного по максимальному диаметру тулова. По сравнению с сосудами первого типа встречаются реже, но в общей массе керамики также являются доминирующими. Объем биконических сосудов от 0,2 до 2,4 л. По форме тулова, венчика и днища можно выделить четыре варианта: а) биконические сосуды с плавным ребром и призматической придонной частью (рис. 1, *11*); б) сосуды с узкой горловиной и вогнутой придонной частью (рис. 1, *10*); в отличие от всех сосудов этого типа встречаются весьма редко; в) сосуды массивные и крупные с невысокой, как правило, горловиной (рис. 1, *7*); г) сосуды вытянутых пропорций, кувшинообразной формы (рис. 1, *8, 9*).

III тип. Вазообразные конические сосуды (рис. 1, *14—19*). Как правило, все сосуды этого типа имеют желобчатый венчик, отогнутый наружу или поставленный вертикально, плоское дно и ребро в месте перехода от тулова к венчику. Объем вазообразных конических сосудов от 1,1 до 1,8 л.

IV тип. Чаши (рис. 1, *20—29*). Объем их резервуара 1—2,2 л. В отличие от сосудов III типа у них более широкий диаметр тулова и венчика. В единичных случаях встречаются чаши без перегиба у венчика (рис. 1, *28*).

V тип. Миски (рис. 1, *32—40*). Все они одинаковой конической формы с перегибом у венчика и отличаются друг от друга лишь направленностью и формой венчика, который бывает либо слегка загнут внутрь, либо отогнут, либо почти вертикален. В большинстве случаев венчик желобчатый, реже прямой без желобка. Емкость мисок 0,7—0,9 л.

VI тип. Пиалы (рис. 1, *42, 43*). Их профилировка почти одинакова с мисками, но они отличаются от мисок меньшими размерами.

---

[6] Керамика, относящаяся к I—III и IV группам, почти не имеет каких-либо примесей.

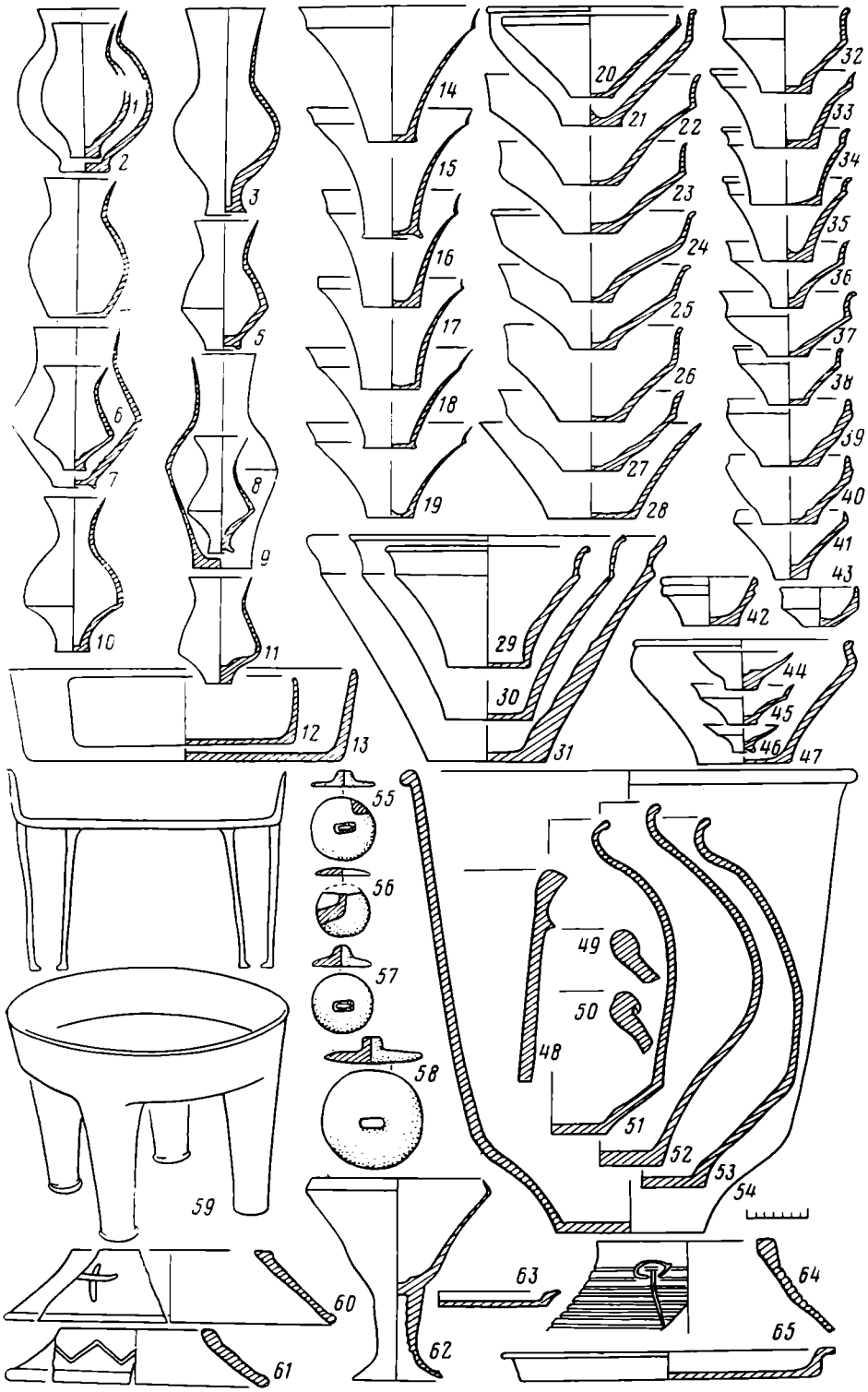


Рис. 1. Керамика из раскопа 9 на Алтын-депе

VII тип. Розетки (рис. 1, *44—46*). Имеют небольшой (около 0,1 л) конический резервуар, базирующийся на маленькой приземистой ножке.

VIII тип. Тагоры (рис. 1, *30, 31*). По форме они практически полностью соответствуют чашам, но в отличие от последних имеют значительно больший объем, достигающий почти 13 л.

IX тип. Подставки (рис. 1, *60, 61, 64*). Встречаются в большом количестве. Они предназначались для установки сосудов, имевших скошенную придонную часть.

X тип. Вазы на полой конической ножке (рис. 1, *62*). В целом виде встречаются редко. Средняя емкость ваз не более 1,5 л.

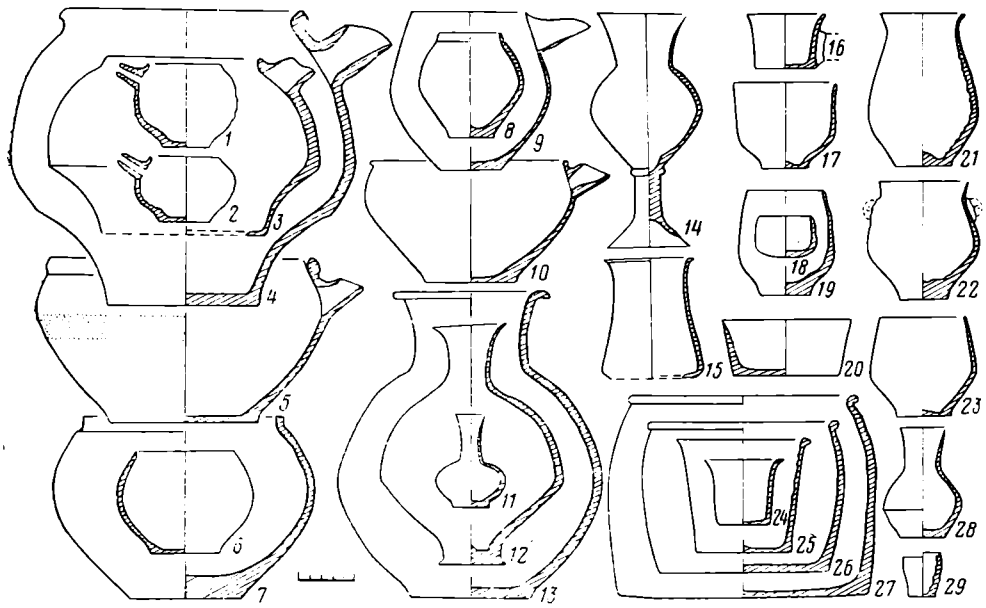


Рис. 2. Керамика из раскопа 9 на Алтын-депе

XI тип. Блюда (рис. 1, *12*, *13*). Это сосуды с невысоким вертикальным или отогнутым наружу бортиком и плоским дном, иногда имеющим следы песчаной подсыпки. Средняя емкость 3—5,3 л.

XII тип. Столики (рис. 1, *59*). Изготавливались комбинированным способом. Резервуар сосуда формовался на гончарном круге, а ножки (полые или цельные) лепили вручную. После просушки ножки присоединяли к резервуару, а затем весь сосуд подвергался обжигу. Емкость столиков полностью соответствует объему блюд, поскольку как по размерам, так и по профилировке резервуара они тождественны.

XIII тип. Чайники или молочники (рис. 2, *1*, *2*). Представляют собой небольшие, почти сферические сосуды с коротким трубчатым носиком, объемом около 0,3 л.

XIV тип. Кринки (рис. 2, 21). Имеют слегка отогнутый наружу край венчика, плоское дно и овально-вытянутую форму тулова. Изредка встречаются кринки с двумя ручками-ушками по бокам (рис. 2, *22*).

XV тип. Кувшины (рис. 2, *13*). Это объемистые сосуды с плоским дном, почти шаровидным туловом, вертикальной горловиной, иногда имеющей слабую гофрировку, и венчиком, отогнутым наружу почти под прямым углом. Средняя емкость кувшинов 5,5 л.

XVI тип. Графины (рис. 2, *12*). В отличие от кувшинов они менее массивны и, кроме того, имеют почти биконические очертания тулова, узкую горловину и поддон. Объем графинов в среднем 1,5 л.

XVII тип. Банки (рис. 2, *26*, *27*). Представляют собой сосуды с плоским, на песчаной подсыпке дном и вертикальными, слегка выпирающими наружу стенками. Объем этих сосудов 2—4 л.

XVIII тип. Стаканы (рис. 2, *15*, *24*, *25*). Найдено более 8 экз. По форме тулова выделяются два варианта — усеченно-конические и раструбообразные стаканы.

XIX тип. Флакончики (рис. 2, *11*, *28*). Имеют шарообразный или шарообразно-приплюснутый профиль, высокую и узкую горловину, слегка расширяющуюся в верхней части.

XX тип. Котлы. Изготавливались как от руки, так и на гончарном круге, однако последние преобладают. Все сосуды этого типа имеют снаружи следы копоти и сильно прокаленные стенки. По профилировке и способу изготовления выделяются два варианта котлов: а) гончарные с подкосом в нижней части и трубчатым сливом у венчика (рис. 2, *3*, *4*); б) лепные шаровидно-приплюснутой формы (рис. 2, *7*).

XXI тип. Жаровни (рис. 1, *63, 65*). Изделия плоские, с небольшим бортиком, отогнутым наружу. Изготавливались как от руки, так и на круге.

XXII тип. Хумчи (рис. 1, *51—53*). Сосуды объемом 15—20 л. Судя по форме тулова, почти все они стандартны. Исключение составляет лишь их основание, оформленное либо в виде подкоса, либо в виде плавного перехода от тулова к днищу.

XXIII тип. Хумы. Крупные сосуды, средний объем которых достигает 60 л. По форме их тулова можно выделить два варианта: а) высокие конические хумы, нижняя часть которых оформлена в виде подкоса (рис. 1, *48, 54*); б) хумы эллипсоидной формы (рис. 1, *49, 50*).

XXIV тип. Крышки (рис. 1, *55—58*). Найдено всего 8 экз. Изготавливались лепным (7 экз.) и гончарным (1 экз.) способом. Некоторые крышки с небольшими подпрямоугольными в плане ручками.

Помимо всех вышеописанных форм керамики среди сосудов верхних слоев Алтын-депе встречаются единичные экземпляры редких сосудов. Среди них двойные сосуды (рис. 2, *16*), лепные «солонки» (рис. 2, *18*), гончарный горшковидный кубок на высокой ножке (рис. 2, *14*) и банка с желобчатым сливом (рис. 2, *9*).

При распределении керамического материала по назначению выделяются три основных категории посуды.

1. Изящная и стройная столовая посуда. Сюда относятся чаши, кринки, графины, миски, стаканы, вазы на ножке, биконические, горшковидные и вазообразные сосуды. Последние предназначались скорее всего для различных жидкостей. К категории столовой посуды, вероятно, можно отнести также розетки и столики. Можно предположить, что столики могли быть своего рода прототипами средневековых сосудов-дастарханов, использовавшихся как при совершении трапезы, так и для украшения интерьера [3, с. 114].

2. Бытовая посуда. Учитывая степень и характер использования посуды этой категории, ее можно разделить на: а) объемистую и главным образом толстостенную посуду, необходимую для хранения запасов пищи, питья и пр., т. е. посуды тарного назначения, а именно: тагоры, хумчи и хумы; б) кухонную посуду: гончарные, реже лепные сосуды, использовавшиеся для приготовления пищи, среди них следует отметить котлы и жаровни[7]; в) хозяйственную посуду, игравшую как бы вспомогательную роль для столовой и тарной посуды: подставки, банки, крышки и др.

В целом, большой набор различных форм керамики позднего комплекса Алтын-депе прекрасно иллюстрирует уровень и технику гончарного производства. Высокая степень стандартизации керамической посуды наложила свой отпечаток на керамическое производство и ассортимент гончарных изделий.

Настоящая классификация керамики из слоев Алтын 1, 2 раскопа 9 представляет собою наиболее полный перечень изделий позднего керамического комплекса Алтын-депе, характеризующегося устойчивым сочетанием 24 различных типов посуды, определенные формы которой (столики, конические хумы с подкосом, банки и пр.) до сих пор еще не были выявлены ни в комплексах слоев Алтын 1, 2, ни в более раннем комплексе слоя Алтын 3, что позволяет считать его наиболее поздним. Кроме того, отличие комплекса керамики «вышки» Алтын-депе, представляющего собою материалы времени позднего Намазга V, от ранних этапов развитой бронзы (Намазга V) заключается в следующем.

1. Отсутствие ваз на гофрированных ножках, а также ваз с желобчатым сливом, присоединявшимся к резервуару.

2. Заметное уменьшение числа биконических сосудов вытянутых пропорций и наряду с этим увеличение, а затем и преобладание количества горшковидных сосудов с округленными ребрами.

[7] Интересно отметить, что многие жаровни имеют сильно прокаленные стенки и следы копоти с внутренней стороны сосуда, в то время как снаружи эти следы отсутствуют. Исходя из этого, можно предположить, что такого рода жаровни скорее всего использовали в качестве переносных очагов.

3. Наличие большого количества конусовидных керамических подставок, зачастую орнаментировавшихся снаружи прочерченным орнаментом.

4. Появление сосудов, тулово которых с внешней стороны орнаментировалось краской в виде одной или двух горизонтальных полос.

5. Появление новых форм керамики, а именно: столики, банки, блюда, крупные конические тагоры, хумы с подкосом, маленькие круглые крышечки для сосудов.

6. Сосуды со светлым снаружи черепком (I группа) по-прежнему остаются доминирующими, как в ранних комплексах Намазга V, но на второе место в отличие от последних выдвигается посуда с красноватым или розоватым черепком как в изломе, так и снаружи (III группа). При этом керамика так называемого намазгинского типа становится менее заметной.

7. По сравнению с керамикой раннего Намазга V происходит некоторое утяжеление форм.

При сравнении керамического комплекса верхних слоев «вышки» Алтын-Депе с материалами других раскопов Алтына и ряда древнеземледельческих поселений выявляется следующее (рис. 3). Наибольшая связь керамики Алтына (раскоп 9) обнаруживается с комплексами квартала гончаров (раскоп 10), наблюдаемая в 20 формах посуды (типы I—XI, XIII—XVI, XVIII—XXII), и Келлели — в 19 аналогичных формах (типы I—VII, IX—XI, XIII—XV, XVII—XXII). Достаточная близость выявляется и с так называемым вторым комплексом керамики мургабских поселений, а также с материалами Сапалли, Дашлы 3 и раскопа 12 поселения Алтын-депе, заметная в 17 различных типах. Наконец, в меньшей степени сходство керамики из раскопа 9 обнаруживается при сравнении с комплексами Джаркутана — в 15 типах, «вышки» Намазга-депе и раскопа 7 Алтын-депе — в 14 типах, и раскопа А-1 Намазга — в 12 типах. При этом, чем меньше наблюдаемая степень связей в материале, тем более вероятным становится их хронологическое и в меньшей степени территориальное различие, которое можно проследить и далее, если обратиться к более детальному рассмотрению и анализу аналогий.

Так, в комплексе керамики из раскопа А-1 Намазга-депе имеются типичные для этого поселения формы сосудов, которые на Алтын-депе либо вообще отсутствуют, либо встречаются крайне редко. Среди них кубки на высокой гофрированной ножке, фужеры и биконические сосуды со сливом у венчика [4, рис. 1, *1, 2*, 2, *1—3*]. Вместе с тем целый ряд сосудов позднего комплекса Алтын-депе не представлен на раскопе А-1 Намазга-депе. В их числе столики, крупные конические тагоры, подставки, кринки, хумы с подкосом и др. Однако практически все эти формы керамики можно встретить на раскопе «вышка» этого же поселения [5, рис. 5]. Кроме того, здесь же имеется единственная аналогия круглым керамическим крышечкам с раскопа 9. При этом следует отметить и различие в керамике «вышки» и раскопа 9 Алтын-депе. Прежде всего на «вышке» полностью отсутствуют биконические сосуды, розетки, банки и пр. В свою очередь, в алтыновской коллекции нет ни красноангобированной с лощением, ни так называемой степной керамики. Любопытно отметить, что наличие процарапанных рисунков (знаков) на подставках характерно как для комплекса раскопа 9 на Алтын-депе, так и для комплекса керамики на раскопе «вышка» Намазга-депе.

Не менее интересную близость с керамикой раскопа 9 обнаруживают материалы всех раскопов Алтын-депе, где вскрывались слои эпохи бронзы. Так, среди посуды, выявленной на «вышке» Алтын-депе еще в 50-х годах, имеются подставки с прочерченной орнаментацией, блюда, хумы эллипсоидной формы и др. [6, табл. I, *1*, III, *4, 5*]. Большое сходство обнаруживается и с керамикой квартала гончаров (раскопы 10 и 12), где имеются подставки, блюда, биконические и двойные сосуды, розетки, конические вазообразные сосуды и пр. [7, рис. 17, *31*; 8, рис. 2, *4—8, 12, 14*; 3, *11*]. Но ни на одном из названных раскопов Алтын-депе до сих пор не было найдено таких форм керамической посуды, как столики и конические хумы с подкосом. Не исключено, что это связано с особенно-

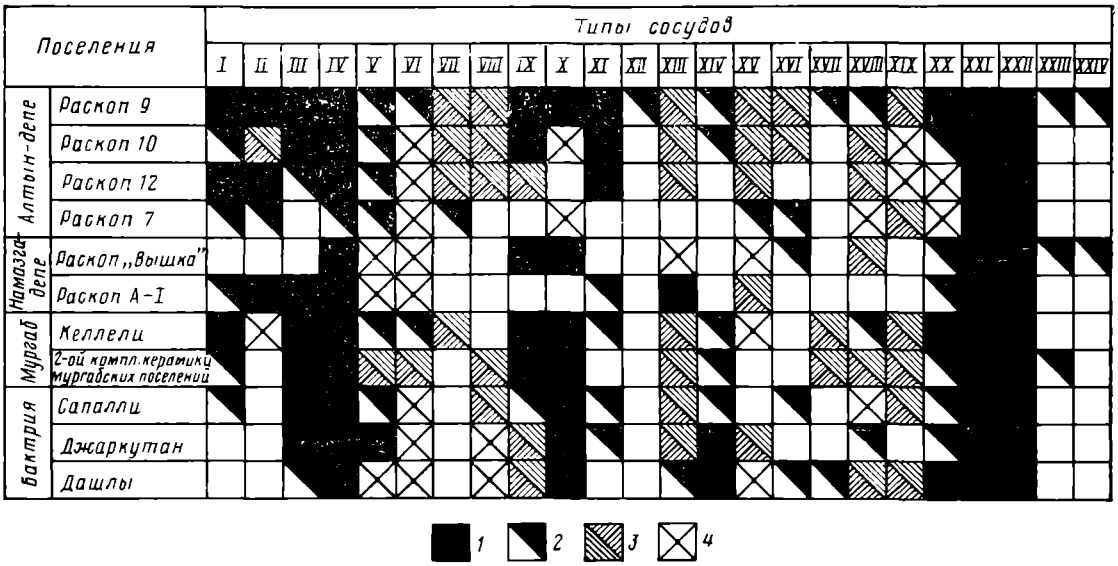


Рис. 3. Сопоставление керамики верхних слоев Алтын-депе с керамическими комплексами эпохи бронзы. *1* — более 15 экз.; *2* — от 8 до 15 экз.; *3* — от 3 до 7 экз.; *4* — от 1 до 2 экз. I — горшковидные сосуды; II — биконические; III — вазообразные, конические; IV — чаши; V — миски; VI — пиалы; VII — розетки; VIII — тагоры; IX — подставки; X — вазы на ножке; XI — блюда; XII — столики; XIII — чайники; XIV — кринки; XV — кувшины; XVI — графины; XVII — банки; XVIII — стаканы; XIX — флакончики; XX — котлы; XXI — жаровни; XXII — хумчи; XXIII — конические хумы с подкосом; XXIV — крышки

стями того участка Алтын-депе, где они были найдены. Причем сущность этих особенностей, вероятно, следует усматривать в различиях хронологического порядка.

Значительное сходство керамического комплекса Алтын-депе можно обнаружить и с находками с поселений, расположенных в районе древних низовий р. Мургаб. Археолого-топографические исследования, проводящиеся здесь с 1972 г., позволили открыть более 100 поселений эпохи бронзы, которые группировались в небольшие оазисы [9—13], керамические материалы которых делятся на два комплекса, имеющих некоторые хронологические отличия [13, с. 117]. Материалы первого комплекса представлены керамикой с шести поселений Келлелинского оазиса, сравнительный анализ которых показал близкое их сходство с формами сосудов верхних слоев Алтын-депе. Хотя сосуды биконической формы на Келлели почти полностью отсутствуют, сходство вазообразных сосудов, чаш, кринок, блюд, двойных сосудов и пр. [13, рис. 3, *18*, *26*, *28*, *35*, *38*, 4, *8*, *14*, *15*] очевидно. Помимо идентичности форм заметно наличие почти одинаковых фактурно-технологических признаков керамики Келлели и Алтына.

Второй керамический комплекс мургабских поселений, объединяющий десятки памятников, расположенных к югу от Келлелинского оазиса, также имеет аналоги с нашим материалом, хотя и не в таком большом количестве, как первый комплекс. Отметим большое количество подставок, ваз с загнутым внутрь венчиком, чаш и вазообразных конических сосудов [13, рис. 5, *9—12*, *21*, *22*, 6, *5*]. Интересно, что единственный в нашей коллекции сосуд с горизонтальной полосой, сделанной красновато-коричневой краской (рис. 2, *5*), также находит аналогии во втором комплексе керамики мургабских поселений [13, рис. 6, *1*, *2*]. Однако на Алтын-депе не имеется таких форм керамики, как кубки, биконические горшки с ребром в нижней трети тулова, а также горшки эллипсоидной формы [13, рис. 5, *26*, *27*, *33—36*, 6, *4*]. Кроме того, характерной особенностью керамики поселений второго комплекса является, как справедливо отмечал И. С. Масимов, наличие в нем сероглиняной керамики и керамики степной бронзы [13, с. 119], отсутствующих на Алтын-депе.

Определенную близость можно отметить в целом ряде керамических форм и с других мургабских памятников, в частности Тахирбай-3, где подставки, хумчи, вазы на ножке и кринки весьма типичны и многочисленны [14, табл. V, *1*, VII, *1, 2, 13*, VIII, *3, 7, 8, 10, 11*]. Значительны аналогии керамике Алтына и в Бактрии (Южный Узбекистан и Северный Афганистан). Одним из наиболее изученных памятников этого региона является поселение Сапаллитепа. Керамика этого поселения характеризуется преобладанием станковой посуды с красным и розовато-белым цветом черепка, в большинстве случаев имеющем лощение, и почти полным отсутствием какой-либо орнаментации [15, с. 71—81]. Большое место в комплексе Сапаллитепа занимают вазообразные сосуды, чаши, вазы на высокой конической ножке, блюда, кринки и сосуды со сливом [15, рис. 33, *1—5*, табл. 15, *1, 6—8*, 20, *7—11*, *15*, *16*, 19, *9*, *10*]. Менее часто встречаются конические подставки [15, табл. 23, *9*], стаканы и горшковидные сосуды. В целом же посуда Сапалли весьма близка керамике верхних слоев Алтына, что подтверждается сходством всех ее ведущих форм.

Другой, не менее интересный комплекс с богатым и выразительным керамическим материалом — могильник Джаркутан. Такие основные формы керамики верхних слоев Алтын-депе, как вазообразные конические сосуды, чаши, миски, вазы и хумчи с раздутым туловом, типичны для керамики Джаркутана [16, рис. 7]. Однако его материалы отличаются целым рядом специфических форм, наиболее показательными среди которых являются кубки и другие формы, имеющие значительную близость со вторым комплексом керамики мургабских поселений.

Определенное сходство с поздним алтыновским комплексом керамики имеют и материалы с территории Ирана, Афганистана и Ирака. Керамика с поселений Северо-Восточного Ирана в отличие от всей южно-туркменской керамики эпохи бронзы имеет лощение и черный или серый цвет черепка. Однако, несмотря на различия в отделке сосудов и цвете теста, показательны формы сосудов с поселений этой территории. Например, чаши и вазообразные конические сосуды очень характерны для слоя Гисар III [17, табл. CXVII, *H1636*; 18, табл. XXXVI, *H4136*, *H5215*], а чаши со сливом — из слоя Гисар IIIc, [17, табл. CXVI, *H1024*, *H420*; 18, табл. XXVI, *H2141*, табл. XXXVIII, *H3956*, *H4104*, табл. XLII, *H4021*]. На другом поселении — Шах-Тепе аналогией керамике верхних слоев Алтын-депе являются хумы с подкосом и сосуды со сливом [19, табл. XXII, *544*, табл. XXXI, *1708*, табл. XLII, *1461*, табл. LX, *393*]. Сосуды со сливом очень широко распространены в Месопотамии и Сузах (некрополь, слои II периода) [20, с. 45, табл. XXXII]. Некоторые линии связей имеются и в районе ирано-афганского Сейстана, где расположены два крупнейших поселения — Шахри-Сохте (Юго-Восточный Иран) и Мундигак (Юго-Западный Афганистан). Среди керамики IV периода обоих этих памятников широкое распространение имеют конические сосуды [21, рис. 48, *82, 293*; 22, рис. 19, *a*, *b*, *g*, *i*, рис. 20, *a*, *d*, рис. 23, *a*, *b*, *d—f*), поразительно близкие материалам Алтын-депе. То же можно сказать относительно горшковидных сосудов, мисок и блюд из слоя IV Шахри-Сохте [23, 24 рис. 9] и Мундигака IV, *3* [21, рис. 94, *492*, рис. 95, *436*, *437*, рис. 96, *449*, рис. 129, *735*, *737*, *738*]. Помимо вышеперечисленных памятников существенные параллели можно обнаружить и на других древнеземледельческих поселениях, в частности на Дашлы 3 в Северном Афганистане [25, рис. 25], а также в Месопотамии древневавилонского периода [26, табл. 132, *a—e*].

Остановимся теперь на проблеме определения относительной хронологии. Верхние слои Алтын-депе, относящиеся к эпохе развитой бронзы, по сопутствующему им инвентарю, прежде всего керамическому, подразделяются на два комплекса периода Намазга V: ранний (Алтын 3) и поздний (Алтын 1, 2), которые соответственно датировались 2100—1850 гг. до н. э. и 1850—1650 гг. до н. э [2, с. 19]. При этом одним из основных признаков позднего комплекса керамики Намазга V считалось наличие подставок, которые в нашем материале весьма многочисленны.

В то же время для ранних комплексов Намазга V помимо ряда характерных форм и признаков посуды (преобладание биконических сосудов, редкая встречаемость керамики III группы, отсутствие или очень малое количество подставок и пр.) свойственно было и наличие культовых сосудов, так называемых реликвариев, которые на поздних этапах Намазга V ни разу зафиксированы не были. На основании этих наблюдений керамику «вышки» Алтын-депе следует относить к поздней стадии Намазга V.

Мургабские материалы, разделенные И. С. Максимовым на два комплекса, датируются им на основании типологических сопоставлений началом — серединой II тыс. до н. э. [27, с. 74]. Керамику первого (раннего келлелинского комплекса) он относит к началу — второй четверти II тыс. до н. э., а второго (позднего) — ко второй четверти — середине II тыс. до н. э. [13, с. 130]. Между тем керамика второго комплекса наряду с параллелями существенно отличается от материалов Келлели, что прежде всего заметно в появлении во втором комплексе керамики мургабских поселений посуды так называемого тазабагьябского варианта андроновской культуры, которая, по справедливому мнению В. И. Сарианиди, появляется лишь в комплексах позднебронзового века (Намазга VI) [28, с. 26]. Исходя из сказанного, верхнюю границу комплекса Келлели, на наш взгляд, следует удревнить и, таким образом, датировать весь ранний комплекс в целом первой третью II тыс. до н. э.

Северобактрийские материалы эпохи бронзы, представленные комплексами культуры Сапалли, подразделяются на четыре последовательных этапа, укладывающихся в пределах XVII—X вв. до н. э.[8] [16, с. 33]. При этом первый этап (сапаллинский) датируется 1700—1500 гг. до н. э., второй (джаркутанский) — третьей четвертью II тыс. до н. э., третий (кузалинский) — XIII—XII вв. до н. э. и, наконец, четвертый (молалинский) — XI—X вв. до н. э. [16, с. 32—44].

Следующий, бактрийский комплекс, обнаруживающий аналогии с нашими материалами, представлен находками с Дашлинского оазиса в Афганистане, которые В. И. Сарианиди склонен датировать второй половиной II тыс. до н. э. [29, с. 83].

Хронология периода IV (3) поселения Мундигак, аналогии с которым уже упоминали, по Р. Бишони, определяется 2300/2000—1900 гг. до н. э. [24, с. 131—145], что вполне приемлемо, учитывая среднеазиатские параллели[9].

Таким образом, подводя итог анализу и выявлению относительной хронологии комплекса керамики верхних слоев Алтын-депе, следует отметить, что типологически он более всего тяготеет к керамике позднего Намазга V. При этом выявленные близость и некоторые параллели с материалами времени Намазга VI определяют лишь их генетическое родство, впрочем, так же как и с ранними комплексами Намазга V, но не хронологическое соответствие, что, кстати, подтверждается и самими материалами. На некоторые отличия ранних и поздних комплексов Намазга V мы уже указывали. Различие же между материалами типа позднего Намазга V и Намазга VI, заключается прежде всего в том, что в комплексах позднебронзового века (Намазга VI) наиболее характерной чертой является наличие красноангобированной лощеной посуды, а также керамики степного круга, совершенно отсутствующих в керамике «вышки» Алтын-депе.

Сравнительный анализ позднего керамического комплекса Алтын-депе и различных памятников Средней Азии и Северного Афганистана позволяет высказать некоторые соображения относительно культурогенеза бактрийско-маргианских комплексов эпохи бронзы. Наибольшее число параллелей между керамикой Алтын-депе, Бактрии и Маргианы, наблюдаемых не только в формах посуды, но и в традициях гончарного ремесла, свидетельствует о тесной связи этих трех регионов. Эта связь, надо полагать, объясняется не только простым влиянием друг на друга, сколь-

---

[8] Относительно датировки культуры Сапалли см. также [30, с. 50].

[9] Более подробно см. также [31; 32, с. 280].

ко культурно-историческим единством рассматриваемых регионов. Последнее обусловливалось их генетическим родством, корни которого следует усматривать в области подгорной полосы Копет-Дага. Данное заключение основывается пока что лишь на типологическом сравнении керамических комплексов, что, естественно, ограничивает круг наших возможностей. Между тем наличие в Маргиане и Бактрии ряда специфических новшеств (крепостные сооружения, цилиндрические и прямоугольные печати-амулеты с сюжетами явно мифологического характера и пр.), истоков которых нет ни в одном из трех вышеперечисленных районов, объясняется, по всей видимости, влиянием более развитых областей Древнего Востока, связь с которыми первоначально, вероятно, основывалась на развитии обмена и торговли различными изделиями гончарного производства, некоторыми предметами из слоновой кости, металла, лазурита и пр. Однако на рубеже развитого и позднебронзового веков эти связи в Маргиане и Бактрии могли переходить рамки обычного обмена товарами и достигать границы обмена или передачи навыков в области архитектуры, а возможно, и земледелия, когда, как отмечал А. А. Марущенко, «древнеземледельческая культура ... превращается в „культуру рек" становясь тем самым в один ряд с древними цивилизациями Передней Азии» [33, с. 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Массон В. М.* Алтын-депе.— Тр. ЮТАКЭ, 1981, т. XVIII.
2. *Массон В. М.* Раскопки на Алтын-депе в 1969 году.— МЮТАКЭ, 1970, вып. 3.
3. *Богомолов Г. И., Папахристу О. А.* О дастарханах.— История материальной культуры Узбекистана. вып. 17. Ташкент, 1982.
4. *Масимов И. С.* Комплекс керамики из раскопа А-1 поселения Намазга-депе.— В кн.: Материальная культура Туркменистана. Вып. 2. Ашхабад: Ылым, 1974.
5. *Khlopina L. I.* Namazga-depe and the Late Bronze Age of Southern Turkmenia.— In: The Bronze Age Civilization of Central Asia. N. Y., 1981.
6. *Ганялин А. Ф.* Алтын-депе (по материалам работ 1953 года).— Тр. ИИАЭ, 1959, т. V.
7. *Масимов И. С.* Раскопки ремесленного квартала эпохи бронзы на поселении Алтын-депе.— Каракумские древности.вып. III. Ашхабад, 1970.
8. *Масимов И. С.* Раскопки жилых комплексов на Алтын-депе.— Каракумские древности, вып. 7. Ашхабад, 1978.
9. *Сариниди В. И.* Древности низовий Мургаба.— АО — 1972. М., 1973.
10. *Сариниди В. И.* Новые открытия в низовьях Мургаба.— АО — 1974. М., 1975.
11. *Сариниди В. И.* Открытие страны Маргуш.— Памятники Туркменистана, 1977, № 2.
12. *Масимов И. С., Ляпин А. А.* Археолого-топографические работы в низовьях древнего Мургаба.— АО — 1976. М., 1977.
13. *Масимов И. С.* Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба.— СА, 1979, № 1.
14. *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА, 1959, № 73.
15. *Аскаров А. А.* Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973.
16. *Аскаров А. А., Абдуллаев Б. Н.* Джаркутан. Ташкент: Фан, 1983.
17. *Schmidt E. E.* Tepe Hissar Excavations of 1931. Philadelphia, 1933.
18. *Schmidt E. F.* Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937.
19. *Arne T.* Excavations at Shah-Tepe. Stokholm, 1945.
20. *Mecquenem R.* Cataloque de la Ceramique Peinte Sucienne.— Mem. Mission Archeol. Persse. t. XIII. P., 1972.
21. *Casal J. M.* Fouilles de Mundigak. P., 1961.
22. *Tosi M.* Excavations at Shahr-i Sokhta, a Chalcolithic Settlement in the Iranian Sistan. Preliminary Report on the First Compaign.— EW, 1968, № 1—2.
23. *Tosi M.* Excavations at Shahr-i Sokhta: Preliminary Report on the Second Compaign, September-December 1968.— EW, 1969, № 3—4.
24. *Biscione R.* Relative Chronology and Pottery Connections Between Shahr-i Sokhta and Mundigak, Eastern Iran.— Mem. Ist. Ital. Paleontol. Umana, v. II, Rome, 1974.
25. *Сариниди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.
26. *Delougaz P.* Pottery from the Diyala Region.— Oriental Inst. Publ., v. LXIII, Chicago, 1952.
27. *Масимов И. С.* Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе.— Тезисы докладов второго советско-американского симпозиума. Ташкент, 1983.
28. *Сариниди В. И.* Степные племена эпохи бронзы в Маргиане.— СА, 1975, № 2.
29. *Кругликова И. Т., Сариниди В. И.* Древняя Бактрия. М.: Наука, 1976.
30. *Алекшин В. А.* Сапаллитепа.— Общественные науки в Узбекистане, 1975, № 2.
31. *Массон В. М.* Поселение бронзового века в Южном Афганистане.— СА, 1957, № 2.

32. *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.– Л.: Наука, 1964.
33. *Марушенко А. А.* Итоги полевых археологических работ 1953 года Института истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР.– Тр. ИИАЭ, 1956, т. II.

B. N. Udeumuradov

POTTERY COMPLEX OF THE ALTYN DEPE UPPER LEVELS

Summary

The author describes the pottery complex and points to its most distinctive traits. He looks at analogies found in Central Asia, Iran and Afghanistan. This approach makes it possible to date the Altyn Depe pottery complex and to surmise its typological proximity to the late Namazga V ceramics. Parallels drawn between the Altyn Depe complex and Bactrian and Margiana materials testify that there existed a cultural and genetic unity brought about by common historical roots.

В. А. КУТАЙСОВ

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ДОМ КЕРКИНИТИДЫ

Археологическое изучение Керкинитиды носило эпизодический характер и касалось в основном оборонительной системы, некрополя и в меньшей степени жилой застройки. Лишь в 1952 г. М. А. Наливкина раскрыла фрагмент строительных остатков центральной части древнего города [1, с. 63—72]. Архитектурный же анализ этих строений сделан недавно С. Д. Крыжицким [2, с. 53, 54], в распоряжении которого, к сожалению, не было ни одного полностью раскопанного дома [3, с. 78, 79]. В 1980—1982 гг. Евпаторийский отряд Южно-Крымской экспедиции института археологии АН УССР под общим руководством О. И. Домбровского вел раскопки в восточном районе города на площади более 2 тыс. м^2, в результате чего были получены данные, позволяющие говорить не только о планировке этой части памятника, но и судить об его градостроительном облике в целом на основе изучения конкретных жилых комплексов. Настоящая статья посвящена публикации наиболее интересного и полностью раскрытого эллинистического жилища Керкинитиды.

Рассматриваемая постройка расположена в северном углу одного из открытых раскопками кварталов города — возле его северо-восточной оборонительной стены. С этой и северо-западной сторон дома идут пересекающие одна другую улицы; с двух же противоположных сторон к нему вплотную примыкают два смежных жилых комплекса (рис. 1—3).

В процессе археологических раскопок описываемый жилой дом был полностью разобран с целью изучения нижележащих культурных отложений и более ранних строительных остатков. Здесь была собрана, в частности, большая коллекция керамических клейм, в основном на ручках амфор. Исключение составляют два оттампованных на синопских керамидах клейма: первое — астинома Никомеда и фабриканта Манея, второе — астинома Диофанта и фабриканта Кулана с изображением птицы (голубя?). Оба штампа относятся, по классификации Б. Н. Гракова, к первой группе (подгруппа Б) [4, с. 119], датированной И. Б. Брашинским 360—320 гг. до н. э. [5, с. 133]. Однако В. И. Кац сократил хронологические рамки этой группы до 25 лет (360—335 гг.), причем клейма астинома Никомеда он отнес к ее первому, а штампы магистрата Диофанта — к третьему этапу названной группы [6, с. 187]. Подавляющее большинство клейм на тарной керамике — херсонесского производства: из них к концу 80-х — середине 70-х годов III в. до н. э. относятся клейма астинома Ксенона [7, с. 109, № 36], к концу 70—60-х годов того же столетия — Невмения, сына Филиста [7, с. 109, № 8]. Датировка остальных клейменых ручек вызвала полемику в литературе. Так, штампы астинома Формиона, сына Аполлы (имя магистрата в данном случае не пропечаталось), В. И. Кац относит к 70—60-м годам III в. до н. э., а А. Б. Колесников — к концу IV — первой четверти III в. до н. э. [7, с. 109, № 12; 8, с. 75, 76]; клейма астиномов Героксена и Агасикла первый из названных авторов датирует соответственно первой четвертью III в. до н. э., второй — концом IV — началом III в до н. э. и 20-ми годами IV в. до н. э. [7, с. 108, № 21, 30; 8, с. 71, 74]. Еще одно плохо сохранившееся клеймо принадлежит, возможно, магистрату Атанадору, сыну Никея (?) Расхождения в его датировке особенно значительны: от конца IV — начала III в. до н. э. и до конца 30-х — начала 10-х годов III в. до н. э. [7, с. 110, № 31; 8, с. 73]. Здесь же следует вспомнить клеймо-монограмму ⋈, которое, согласно сводной табли-

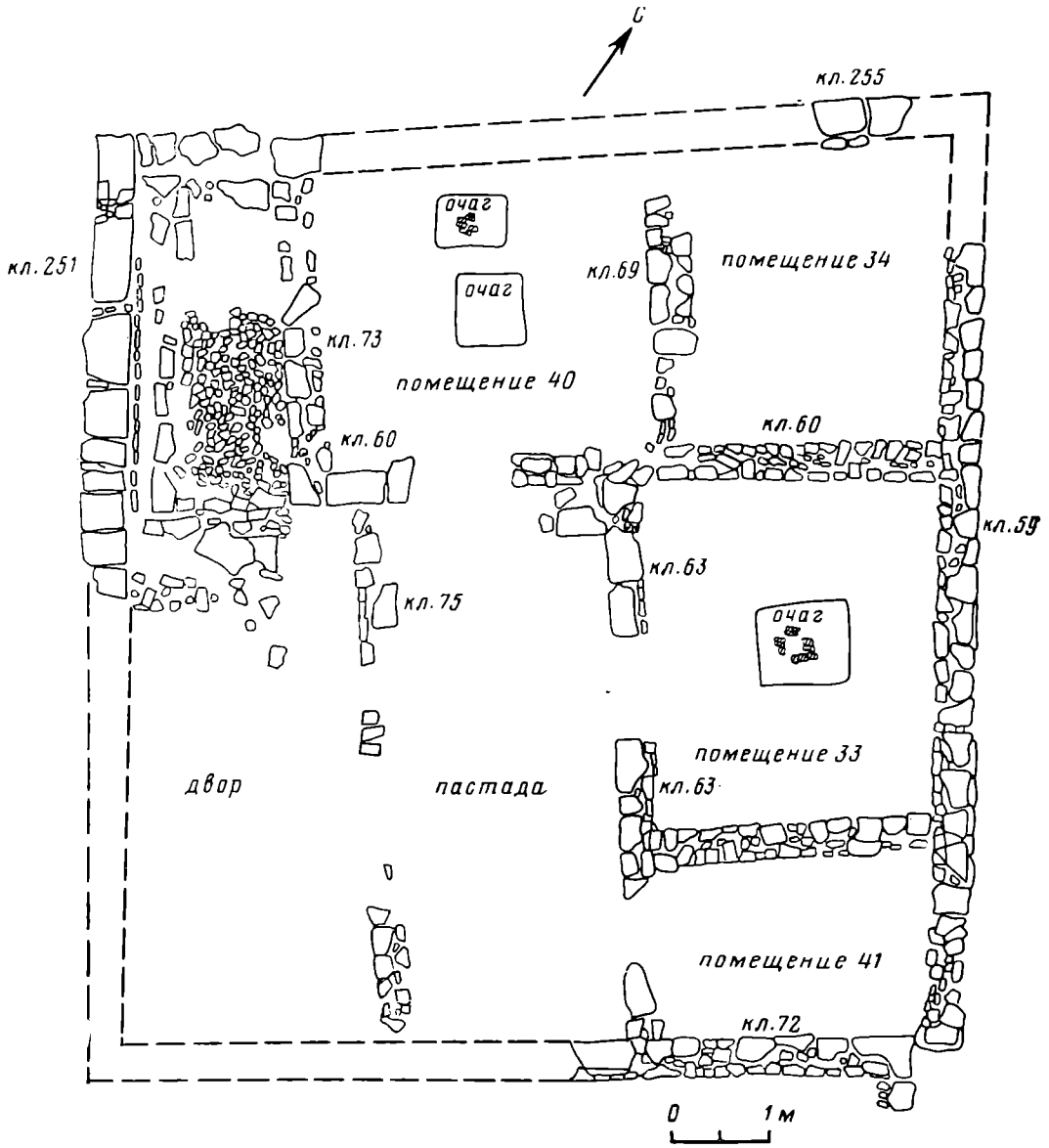


Рис. 1. План эллинистического дома Керкинитиды

це Б. Ю. Михлина, встречается вместе со штампом магистрата Герократа, сына Невмения [9, с. 147, № 6] и, следовательно, относится, по В. И. Кацу, к концу 70-х — 60-м годам III в. до н. э. [7, с. 109, № 4]. Однако его находка на усадьбах у Евпаторийского маяка позволяет датировать клеймо немного более ранним временем [8, рис. 5, 8].

Из культурных напластований под рассматриваемым домом происходят два гераклейских клейма: первое — магистрата Дексиппа с сокращенным именем фабриканта ЛУ — относится ко второй четверти IV в. до н. э., второе — фабриканта Малия. От второй строчки сохранился только предшествующий имени магистрата предлог, но находка аналогичного штампа на участке античного театра в Херсонесе в 1970 г. позволяет восстановить здесь имя магистрата Кира[1] и датировать его серединой того же столетия [10, с. 39]. Весь остальной керамический материал (тара, черный лак) может суммарно датироваться концом IV — первой половиной III в. до н. э. Однако особенно важны для хронологии постройки бронзовая херсонесская монета конца III в. до н. э. с изображением головы Девы в венке на лицевой стороне и коленопреклоненной Девы, стреляющей из лука, на оборотной [11, табл. X, *154*], а также

[1] Любезное сообщение О. А. Махневой.

Рис. 2. Общий вид эллинистического дома с юго-востока

Рис. 3. Общий вид с запада участка раскопок с эллинистическим домом. В центре — улица, пересекающая город с юго-востока на северо-запад

бронзовая монета Керкинитиды первой половины того же столетия с изображением сидящего скифа на аверсе и лошади на реверсе [12, с. 161, табл. 38, *17, 18*]. Однако датировка этих монетных выпусков требует уточнения. Как видно из всего вышесказанного, в культурных отложениях, подстилающих жилой комплекс, обнаружен керамический материал преимущественно первой половины III в. до н. э. Учитывая находку здесь столь поздней монеты, сооружение дома следует относить ко времени не ранее середины III в. до н. э. Он просуществовал вплоть до захвата Керкинитиды скифами в конце II в. до н. э.

Здание было сырцово-каменным, на что указывает развал сырцовых стен толщиной 0,40—0,50 м. Служивший им основанием каменный цоколь с ровной горизонтальной поверхностью возвышался над полами на 0,50—0,60 м (рис. 2—4). К сожалению, сырцовая кладка in situ не зафиксирована. Цоколь постройки двухлицевой, преимущественно двухслойный, шириной 0,40—0,45 м. Устанавливается следующая последовательность возведения стен постройки: первоначально вперевязь между собой были сооружены капитальные кладки 59, 60, 63, 73, затем к ним пристроены внутренние перегородки — стены 69, 71. В стене 59 наружный, обращенный на улицу панцирь сложен из трех выдержанных и подтесанных с лицевой стороны рядов кладки, причем ее подошва повышалась к юго-востоку, что потребовало выравнивания поверхности нижнего яруса дополнительным рядом, отсутствующим с юго-восточной стороны. Несмотря на это, следующий, третий ряд стены все же оказался не строго горизонтальным и несколько понижался к северо-западу. Он был перекрыт в юго-восточной части тремя орфостатами. Таким образом, сохранившаяся высота панциря достигала 0,90—1,10 м; при этом два его нижних ряда были заглублены в землю так, что стена возвышалась над поверхностью всего на 0,60 м. Противоположный внутренний панцирь кладки — целиком бутовый и сложен в иррегулярной системе. Стены 60, 69, 71 выложены из небольшого бута без соблюдения порядовки. Особой тщательностью отличался юго-западный, обращенный в пастаду и во двор панцирь кладки 63, сложенный из двух выдержанных отесанных рядов прямоугольных плит, уложенных плашмя поверх заглубленного в землю основания. В откосах дверного проема стены установлены два крупных одинаковых блока размерами 0,55×0,40 м, толщиной 0,25—0,30 м. Противоположный внутренний панцирь данной кладки сложен из мелкого бута в иррегулярной системе.

Направление внешней северо-западной стены комплекса определяется по трем крупным плитам известняка, внутренний край которых облицован мелким бутом. Ее ширина, насколько можно судить по этому участку достигает 0,50 м. Стены, ограничивавшие комплекс с юго-запада и юго-востока, принадлежали соседним жилищам. Как видно из приведенного выше описания кладок, их внешние, обращенные на улицу или во двор панцири выложены из более крупного подтесанного известняка и отличаются выдержанной порядовкой. Внутренние панцири, равно как и перегородки здания, сооружены из мелкого постелистого бута в иррегулярной системе. Все кладки на 0,10—0,20 м «просели» в землю, что отчасти вызвано тем, что строительство осуществлялось на недостаточно слежавшемся грунте (разрушившийся сырец от предшествующей постройки).

Описываемое здание, близкое к квадрату площадью ок. 93 м² (9,2×10,1 м), ориентировано углами по сторонам света, что обусловлено общей ориентацией планировочной сети города. Оно пристроено уступом к соседнему жилому комплексу (рис. 1). Прямоугольный в плане и расположенный в южном углу жилища двор занимал 14,5% от всей площади дома. Вокруг двора Г-образно с северо-запада и северо-востока размещались жилые и хозяйственные помещения, обращенные своими выходами на юг. Иначе говоря, здание было ориентировано по так называемой солнечной системе в соответствии с традиционными требованиями греческого домостроительства. Все помещения были объединены в одну постройку и, вероятно, перекрывались черепичной односкатной кровлей со

Рис. 4. Строительные остатки эллипистического дома. Вид с юго-востока

Рис. 5. Галечная вымостка входа (протирона). Вид с юга

стоком воды во двор. Три комнаты постройки (33, 40, 41) имели выходы в открытую во двор прихожую, так называемую пастаду. Одно помещение (34) занимало северное угловое положение и не имело непосредственного выхода ни во двор, ни в пастаду. Следует отметить то обстоятельство, что размеры дома, его внешняя конфигурация и в значительной степени внутренняя планировка совпадают с предшествующим ему и им перекрытым комплексом, что, вероятно, связано с необходимостью перестройки заново всех обветшалых строений, предпринятых тем же владельцем.

Двор этого дома (2,40×5,65 м) соединялся с улицей узким коридором протяженностью 4 м, шириной 1,7 м, вымощенным морской галькой (рис. 1, 2, 5). К сожалению, остался неясным характер дверных конструкций в коридоре. Однако, по всей видимости, дверь находилась у его наружного края, где четко обозначен крупными плитами порог. Вдоль юго-западной стороны коридора проходил открытый водосточный желоб шириной 0,15 м, выводивший дождевую воду из двора на улицу. Северо-восточная стенка водостока была выложена из горизонтально лежащих плит, поверхность которых использовалась в качестве края вымостки; противоположная — из тонких, поставленных на ребро плит, вплотную примыкающих к стене 251. В водостоке найдена херсонесская бронзовая монета середины IV в. до н. э. с изображением головы льва на лицевой стороне и пятиконечной звезды на оборотной [11, табл. II, *27—32*]. На плотно утрамбованной известковой крошке, устилавшей двор, была обнаружена еще одна херсонесская монета третьей четверти IV в. до н. э. типа квадрига — коленопреклоненный воин [11, табл. IV, *36—56*]. Обращает на себя внимание тот факт, что в рассматриваемом доме не было своей воды: ее приходилось брать из общего колодца, расположенного немного северо-восточнее комплекса, возле оборонительной стены.

Прямоугольная пастада выходила на северо-восточную сторону двора размерами 5,90×2,25 м, отделялась от последнего двухпанцирной стеной шириной 0,4 м, посредине как бы разорванной. Сохранился лишь заглубленный в грунт один ряд постелистых камней, преимущественно в наружном панцире стены. Над ним возвышалась (в толщину камня) одна плита у северо-западного края, возможно, служившая основанием для опоры. Отсутствие над описанной стеной траншеи от выборки камня и других перекопов, а также полная сохранность других, смежных с ней стен дома позволяет предполагать, что ограда прихожей не была значительной высоты (не более одного-двух рядов камней). Если наше предположение верно, то пастада была полностью открыта во двор. Ее пол представлял собой плотно утрамбованную известковую крошку, образовавшуюся в результате подтески камня в процессе строительства. Следов других опор, которые могли бы поддерживать перекрытие пастады, не обнаружено. Однако при длине пастады ок. 6 м кровля, вероятно, опиралась на деревянные несохранившиеся столбы. В северном углу прихожей находился плосколежащий блок, использовавшийся в качестве скамьи.

Помещение 33 (рис. 1) прямоугольное, площадью ок. 13 м² (3,1××3,7 м), занимало в постройке центральное место. Оно соединялось с пастадой дверным проемом шириной 1,1 м. Его глинобитный пол перекрывался тонкой (4—5 см) прослойкой утоптанной золы. Посреди комнаты находился трапециевидной формы очаг размерами 0,7×0,9 м, выложенный из сырцовых кирпичей и возвышающийся над полом на 0,15 м. В его центре была уложена синопская керамида, обращенная бортиком вниз. Доминирующее положение комнаты в постройке, присутствие в ней наиболее крупного очага позволяет рассматривать ее как ойкос — основное жилое и рабочее помещение дома с главным очагом семьи. Аналогичные комнаты, как правило, имели монументальные, сложенные из крупных плит очаги и являлись обязательной принадлежностью каждого комплекса.

На полу описываемого помещения обнаружены: фрагмент синопской керамиды с клеймом фабриканта Синопа (астином не читается, что не

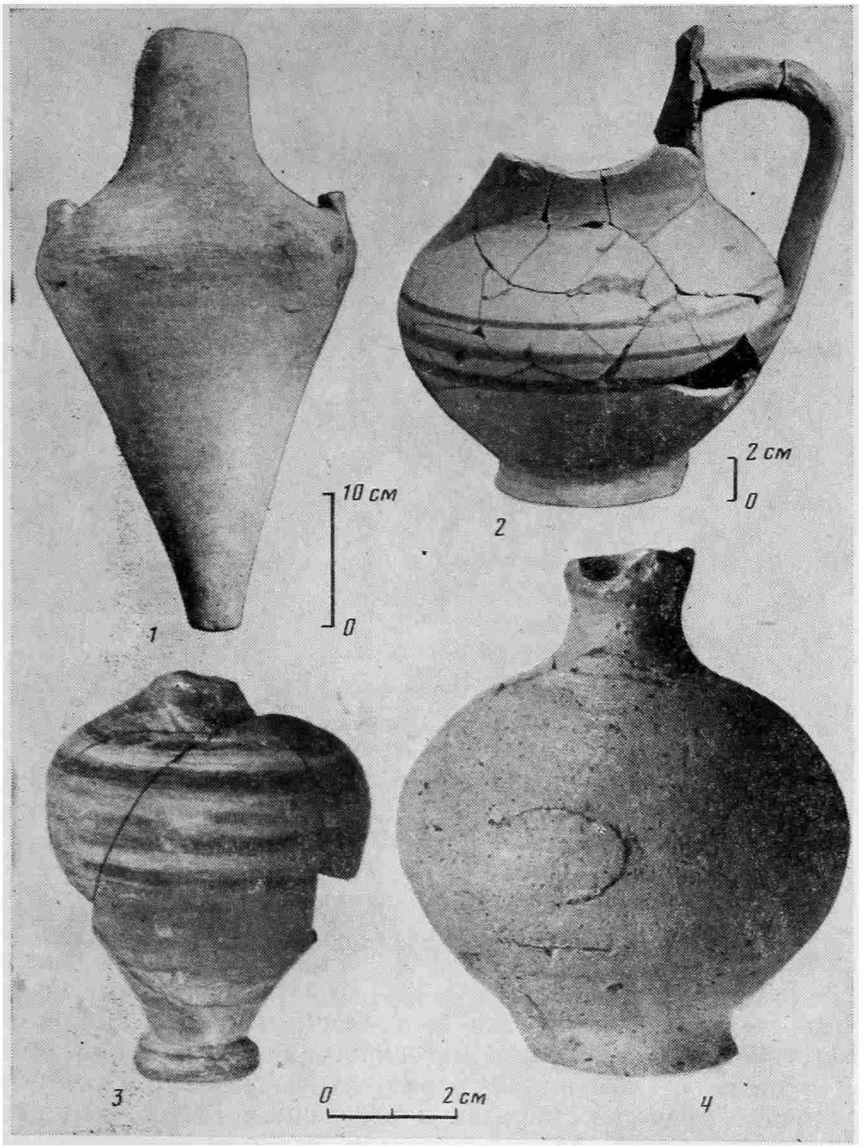


Рис. 6. Керамические находки с пола помещения 33

позволяет надежно датировать его [4, с. 147, 210]); тулово херсонесской амфоры; розовоглиняный, покрытый светлым ангобом арибал и сероглиняный под темным ангобом флакон, украшенный темными полосами на плечиках, а также херсонесский кувшин с красными полосами на плечиках (рис. 6).

Помещение 34 (рис. 1—3) занимает северный угол рассматриваемого дома. Оно внутреннее, не имеет выхода ни во двор, ни в пастаду и соединялось со смежным помещением 40 через дверной проем шириной 0,9 м. Площадь его ок. 8 м² (2,6×3,1 м). В нем обнаружены два разновременных глинобитных пола, залегавших один выше другого на 0,15—0,20 м. С повышением уровня пола был сооружен порог из ряда мелких камней, обращенных лицевой стороной на юго-запад. На верхнем полу найдены трехрожковый светильник из светло-коричневой слоистой глины с большим количеством слюды в тесте (рис. 7), а также фрагменты шести протом.

1. Протома Деметры в башенной диадеме с волнистыми, подобранными под головной убор волосами, прямым носом, острым подбородком и полной шеей, в ушах круглые серьги. Взгляд богини спокойный и величественный (рис. 8, 9). Изображение погрудное, высотой 25,5, шириной в нижней части 19,5 см. Богиня в дорийском хитоне с прорезными рукавами, руки прижаты к груди: в левой руке плод, в правой цветок

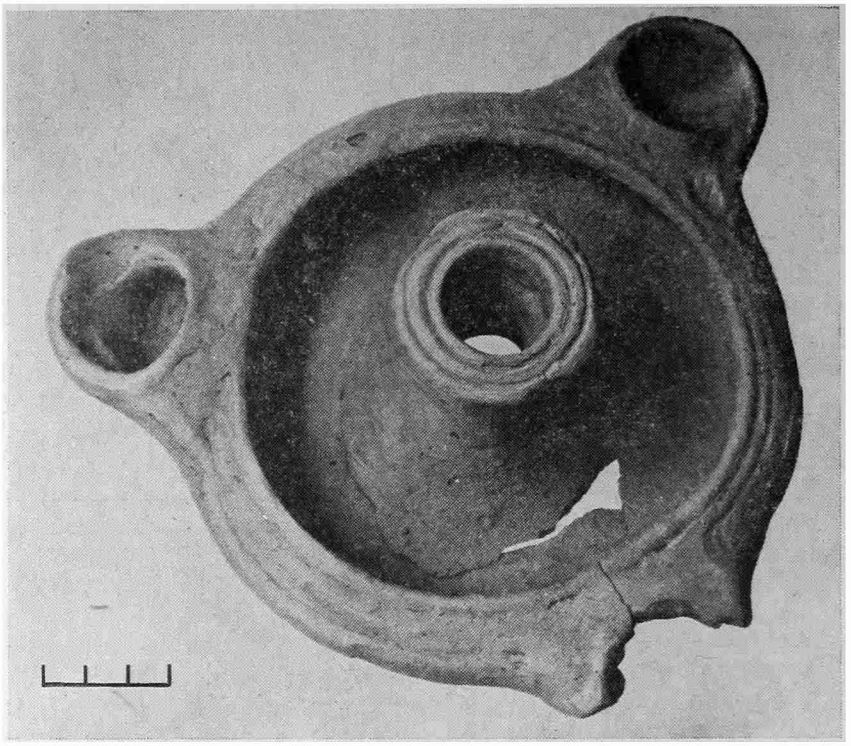


Рис. 7. Светильник с пола помещения 34

лотоса; проработка складок хитона слабая. Глина изделия светло-коричневая, слоистая, с большим количеством золотистых блесток, возможно, самосского производства (?). Верхняя часть протомы несколько отогнута вперед, с внутренней стороны имеется отверстие для ее подвешивания. Она была разбита в древности и тогда же отремонтирована, на что указывают просверленные отверстия для свинцовых скоб. Долгое время, вплоть до гибели дома, изделие находилось в употреблении. Аналогичный тип протом со сложенными в ритуальном жесте руками был весьма популярен в греческих городах и поселениях [13, с. 247, рис. 3, 5, 6, с. 249, рис. 1—6; 14, № 14—20; 15 № 237—239, 242]. Изображения богини в башенной диадеме известны в Ольвии, из прежних раскопок Керкинитиды, в Херсонесе и Тиритаки, на поселении «Чайка», на Елисаветовском городище и Майской горе [16, с. 53, № 41, 45, табл. 32, *2*, *4*; 17, с. 67, табл. 3, *1*; 18, с. 69, табл. 7, *1*; 19, с. 73, табл. 9; 20, с. 93, № 9, табл. 36, *4*; 21, с. 50, табл. XIIIв; 22, с. 33, № 4, табл. 37, *4*; 23, с. 33, № 4]. Опираясь на приведенные аналогии, протому можно датировать IV в. до н. э., вероятнее всего первой половиной столетия.

2. Верхняя часть протомы Коры херсонесского производства из темно-красной глины с крупными известняковыми и железняковыми включениями. Высота ее сохранившейся части 12,5, ширина 10 см. На голове богини невысокая стефана, украшенная в центре бантом и розетами, гладкие волосы в виде полувалика плавно спускаются на плечи. Она изготовлена в односторонней форме, с внутренней стороны отверстие для подвешивания, пропечатка деталей плохая. Протомы со стефанами, украшенными розетами, известны на Родосе, в Галикарнасе, Коринфе и Олинфе [13, с. XXVIII, *g*; 14, № 27, 48, 97; 15, № 295, 443, 490]. Исходя из аналогий, наш предмет может датироваться, по всей видимости, первой половиной IV в. до н. э. (рис. 10, *3*).

3. Протома Коры херсонесского производства, покрытая светлым ангобом; глина красная, с включением крупных известняковых частиц и пироксена (рис. 10, *2*). Голова отбита, высота сохранившейся части 13, ширина 13 см. Богиня либо обнажена, либо в ионийском, плотно облегающем тело хитоне; левая рука фигуры согнута в локте и придерживает край покрывала, правая прижимает к груди голубя. Полная шея

Рис. 8. Протома Деметры с пола помещения 34. Деталь

Рис. 9. Протома Деметры с пола помещения 34. Деталь

богини украшена ожерельем с подвеской. В целом фигура несколько тяжеловесная, что говорит о невысоком уровне ее исполнения. Аналогичные изделия известны из находок IV—III вв. до н. э. из Херсонеса [2].

4. Верхняя часть протомы Коры в высоком калафе, украшенном бантом. Волосы в форме полувалика плавно спускаются на плечи, нос отбит, глаза и рот почти не «пропечатались», подбородок овальный. Глина красная, с включением крупных известковых частиц пироксена и песка. Протома оттиснута в односторонней форме; высота ее сохранившейся части 8,5, ширина 9,5 см. Она покрыта светлой обмазкой, поверх которой окрашена красной краской. С внутренней стороны имеется отверстие для подвешивания. Аналогичные изделия известны в Херсонесе, где датируются IV—III вв. до н. э. (рис. 10, *4*).

5. Фрагмент средней части протомы богини из светло-коричневой глины с большим количеством частиц слюды. Сохранились лишь согнутая в локте левая рука и украшавшее грудь ожерелье (пекторали) с желудеобразными подвесками. Судя по имеющемуся обломку, протома была наиболее крупной из всех описанных выше (рис. 10, *1*).

6. Нижняя часть терракотовой протомы из светло-коричневой глины с известковыми включениями и блестками. Видны складки хитона.

Все описанные выше предметы, судя по их местоположению в момент раскопок на полу помещения 33, были подвешены либо на его северо-восточной стене, либо в восточном углу, напротив входа в комнату. Скопление в одном помещении протом Деметры и Коры вряд ли случайность. По-видимому, здесь находилось домашнее святилище их культа. Любопытно также и то обстоятельство, что все описанные выше протомы относятся к более раннему времени, чем публикуемый жилой комплекс, что свидетельствует о длительном их использовании. Большинство этих изделий было произведено в Херсонесе, где открыты остатки мастерских коропластов и терракотообжигательные печи [19, с. 72; 24, с. 13—15]. Никаких данных о производстве терракотовых изделий в Керкинитиде нет.

Помещение 40 (рис. 1—3) площадью ок. 10,5 м² (3,1×3,4 м), смежное с описанной выше комнатой, было открыто в пастаду, с которой соединялось дверным проемом шириной 1,1 м. Его пол глинобитный. С ним связаны два разновременных очага. Первый, сырцовый, прямоугольной формы, размерами 0,72×0,75 м, был расположен посреди комнаты, напротив входа. Позже его срезали и заменили передвинутым в глубь помещения новым сырцовым очагом размерами 0,6×0,7 м, возвышающимся над уровнем пола на 0,15 м. На полу комнаты обнаружены обломок бронзовой херсонесской монеты типа Дева-грифон 320—310 гг. до н. э. [11, табл. IV, *68—71*], а также синопское клеймо фабриканта Гефеста (имя астинома не восстанавливается) с эмблемой — гроздь винограда над канфаром. Отсутствие имени магистрата не позволяет уверенно датировать находку. Однако, судя по эмблеме и штемпелю клейма, оно может относиться ко второй хронологической группе Б. Н. Гракова и датироваться 320—270 гг. до н. э. [5, с. 133].

Помещение 41 (рис. 1—3) площадью ок. 5,6 м² (1,85—2,0×2,7—2,9 м) занимает восточный угол в доме. Его глинобитный пол залегал непосредственно поверх строительного отеса времени возведения здания. Миниатюрность комнаты, отсутствие в ней очага указывают, вероятно, на её хозяйственное назначение. Никаких выразительных находок в ней сделано не было.

Публикуемый эллинистический дом относится к самому последнему этапу существования Керкинитиды — второй половине III — II в. до н. э. Основная же часть раскрытых в 1980—1982 гг. жилых комплексов третьей четверти IV в. до н. э. не перестраивалась вплоть до захвата города скифами в конце II в. до н. э. Это объясняется, вероятно, тем обстоятельством, что в домостроительстве Керкинитиды после присоеди-

---

[2] Херсонесские протомы еще не опубликованы. Пользуюсь случаем выразить благодарность Т. И. Костромичевой и А. В. Шевченко за информацию о них.

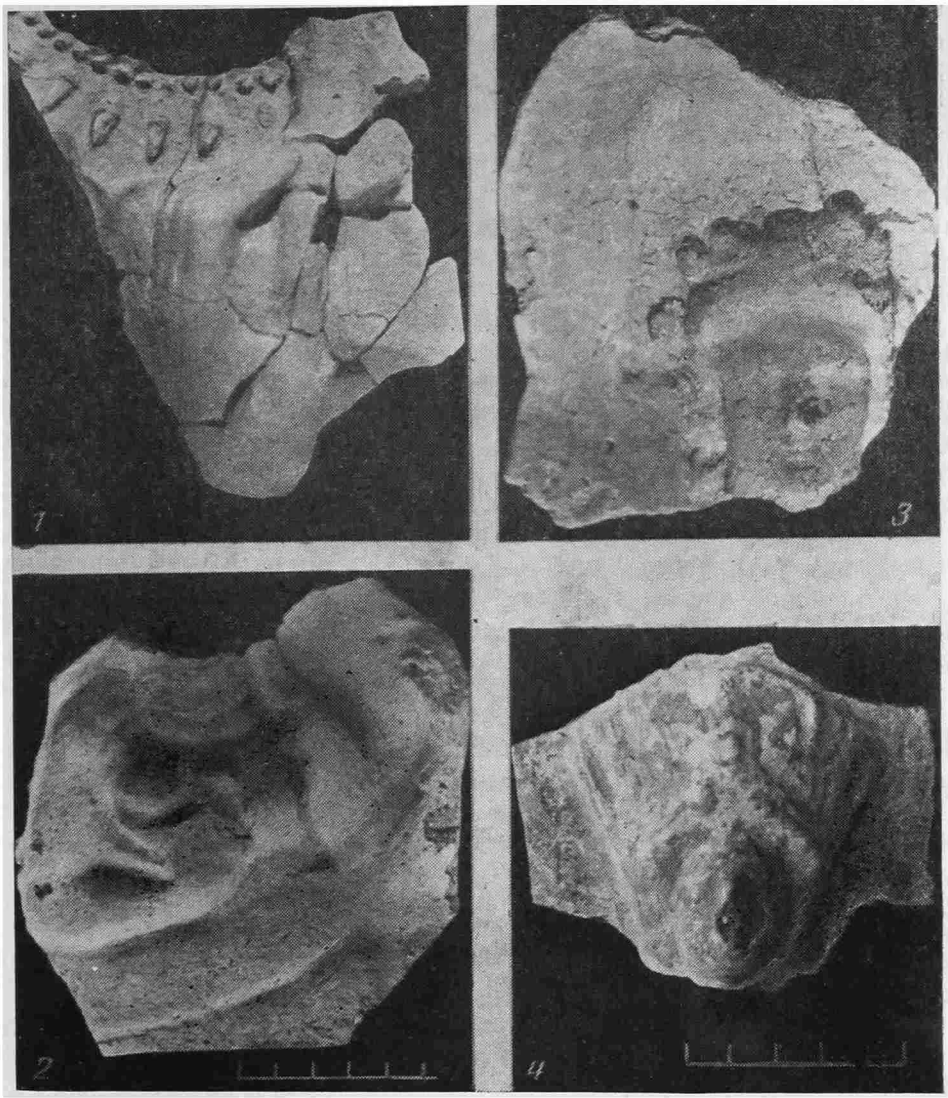


Рис. 10. Фрагменты протом с пола помещения 34

нения города к Херсонесу произошли существенные перемены: капитальные стены построек (а, вероятно, кое-где и внутренние перегородки) возводились во всю высоту из камня; в свою очередь каменные цоколи стен становились более монументальными. Такие перемены в строительной технике делали здания более долговечными, не требовавшими частой перестройки, характерной для более раннего периода. Однако отмеченные строительные перемены не нашли отражения в постройке, предшествовавшей рассматриваемому дому, что и потребовало в конечном счете замены ее другой.

Дом с пастадой в Керкинитиде открыт впервые; пока не известны подобные здания и в Херсонесе. Обращают на себя внимание размеры дома, незначительные даже в сравнении с мелкими жилыми постройками малой площади (ок. 150 м²) на северном берегу Херсонеса [25, с. 88, рис. 18; 26, с. 256; 27, с. 141; 28], жилищами на северной окраине Ольвии [29, с. 12, 20, 22, дома № 1—3] или с единственным раскопанным домом Калос-Лимена [30, с. 272—273; 31, с. 232], не говоря уже о составляющих основу городской застройки жилых зданиях Олинфа [32, с. 33, 142]. Столь же небольшие городские дома известны в Приене [33, рис. 303—307]; но наиболее близки к нашему памятнику жилые комплексы, расположенные на склонах Ареопага в Афинах [34, с. 177—179, рис. 42; 35, с. 240, рис. 66]. Сказанное, возможно, может свидетельствовать, с одной стороны о небольшом достатке обитателей Керкинитиды, а с другой — о большой плотности застройки города. Последнее объяс-

няется тем, что он был расположен на ограниченном участке между морем, лиманом и Евпаторийской бухтой. Такой ландшафт местности резко сужал возможности перспективного роста города.

Обычно в каждом греческом дóме была комната или ее часть, связанная с отправлением домашнего культа [36, с. 235]. В этой связи особый интерес в рассматриваемой постройке вызывает северное угловое помещение, использовавшееся в качестве домашнего святилища. Последние не часто встречается при раскопках жилых комплексов греческих городов, главным образом из-за отсутствия достаточно выраженных признаков. Надежным критерием в таких случаях служат находки алтарей, посвящений на керамических изделиях, скоплений терракотовых статуэток и протом, наличие других предметов религиозного культа (глиняных и известняковых жертвенников, светильников и т. д.). Нетрудно понять, что при перестройке или гибели дома подобные предметы могли удаляться либо перемещаться; лишая нас, таким образом, возможности судить о назначении отдельных помещений. Однако находки каких-то из названных компонентов не исключают случайности в атрибутировании той или иной комнаты. Важно также представить, какое место в доме занимало такое помещение: использовалось ли оно в утилитарных целях или было связано только с отправлениями культа? Незначительные размеры публикуемого здания (всего четыре комнаты) позволяют, на наш взгляд, допускать многофункциональное назначение рассматриваемой комнаты: с культом Деметры-Коры была связана только северо-восточная часть помещения, возможно даже лишь восточный угол, где висели протомы. Под ними могла быть ниша в стене или полка, на которой находился алтарь или светильник (в последнем случае предметы были бы закопчены). По всей видимости, к описываемому святилищу относится небольшой известняковый алтарик, найденный в скифском перекопе невдалеке от этой комнаты.

Домашние святилища, как правило, занимают угловое положение в постройках, как, например, в святилище Геракла, Деметры и Сабазия в усадьбе на поселении Панское [3, с. 82; 37, с. 137—141], в святилище Геракла в сельскохозяйственной усадьбе у Мойнакского озера [38, с. 172; 39, с. 111, 112] вблизи Керкинитиды, в святилище божественной триады Аполлона, Артемиды и Латоны в Херсонесе [40, с. 34], а также в архаическом святилище женского божества в Тиритаке [20, с. 91; 21, с. 19—20; 41, с. 77—86]. Рассматриваемое здесь домашнее святилище свидетельствует об отправлении частного культа Деметры-Коры в Керкинитиде. К сожалению, из-за скудости и отрывочности письменных источников, почти полного отсутствия памятников лапидарной эпиграфики трудно судить об официальном пантеоне города. Отсутствие письменных свидетельств, вероятно, будет в какой-то мере восполнено граффити. Однако и теперь некоторые данные о том же можно извлечь из нумизматического материала. Так, еще в 1894 г. сначала Н. Ф. Романченко, а немного позднее А. фон Залет выделили один из ранних монетных типов середины IV в. до н. э. с изображением на лицевой стороне крылатой Ники [12, с. 161; 42, с. 12, рис. 1; 43, с. 202]. К упомянутому выпуску непосредственно примыкает монетный тип с изображением на лицевой стороне головы богини в башенной короне. П. О. Бурачков видел в ней Артемиду [44, с. 98, № 1], А. В. Орешников — Тихе [45, № 1], А. Н. Зограф не атрибутировал это изображение [12, с. 161]. Следующий монетный тип имеет на лицевой стороне изображение головы Геракла [12, с. 161; 46, с. 186, рис. 31]. И наконец, на младшем номинале позднейших монет Керкинитиды помещена голова богини с подобранными в пучок волосами, которую Г. Фридлендер, Г. Спасский определяли как Диану [47, с. 232, № 3; 48, с. 28, № 3], Б. Кёне, П. О. Бурачков, А. В. Орешников, А. фон Залет — как Артемиду [44, с. 98, № 1; 45, № 10; 49, с. 110, № 1; 50, № 3], А. Н. Зограф — как Деву [12, с. 161]. Сказанное позволяет относить почитание упомянутых божеств к государственным культам города.

В настоящее время нет прямых данных в пользу существования официального культа Деметры в Херсонесе. Единственная надпись с ее именем носит частный посвятительный характер [51, № 15]. Частный культ богини отправлялся и в первые века нашей эры [52, с. 11]. Вместе с тем на популярность культа богини указывает большое количество теофорных имен в ономастике города (IOSPE, I², № 359, 454, 475, 492, 510—511) [51, № 155—157], известняковый рельеф богини [53, № 90], граффити на парадной чернолаковой посуде [54, № 499—527, с. 10], часть которой, по всей видимости, являлась приношением в храм богини и, таким образом, служит косвенным доказательством существования ее государственного культа, как было, например, в Ольвии [55, с. 71]. Экономические основы земледельческих культов в Керкинитиде, как и в Херсонесе, несомненно, существовали: в самой ближайшей округе города находились сельскохозяйственные усадьбы, остатки которых отмечал еще П. О. Бурачков [56, с. 242], а археологическое изучение проводили Н. Ф. Романченко и Л. А. Моиссеев [38, с. 223—225; 46, с. 172; 57, с. 54]. Усадьбы эти — свидетельства того, что в хозяйстве жителей Керкинитиды производство зерна играло не последнюю роль. Оно здесь, как и всюду, могло послужить материальной предпосылкой хтонических культов. Ведь общеизвестно, что культ Деметры и ее дочери был особенно популярен среди населения преимущественно земледельческого.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Наливкина М. А.* Раскопки в Евпатории (предварительные итоги).— КСИИМК, 1955, вып. 58.
2. *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка. 1982.
3. *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978.
4. *Граков Б. Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928.
5. *Брашинский И. Б.* Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э.— В кн.: Античный город. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
6. *Кац В. И.* Экономические связи позднеклассического Херсонеса (по данным амфорных клейм).— В кн.: Античный мир и археология. Вып. 4. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. 1979.
7. *Кац В. И.* Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм.— ВДИ, 1985, № 1.
8. *Колесников А. Б.* Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка.— ВДИ. 1985, № 2.
9. *Михлин Б. Ю.* К изучению херсонесских керамических клейм.— ВДИ, 1979, № 2.
10. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л.: Наука, 1980.
11. *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1977.
12. *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, № 16.
13. *Winter F.* Die Typen der Figürlichen Terrakotten. B. I. Berlin — Stuttgart, 1903.
14. *Robinson D. M.* Terracottas, Lamp and Coins Found in 1934 and 1938.— Excavations at Olynphus, 1952, pt. XIV.
15. *Higgins R. A.* Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities British Museum. L., 1954.
16. *Скуднова В. М., Славин А. М., Клейман И. Б.* Описание терракот из Ольвии (города и некрополя).— САИ, 1970, вып. Г1-11.
17. *Наливкина М. А.* Статуэтки из Керкинитиды.— САИ, 1970, вып. Г1-11.
18. *Яценко И. В.* Терракоты из городища у санатория «Чайка» в Евпатории.— САИ, 1970, вып. Г1-11.
19. *Белов Г. Д.* Терракоты из Херсонеса.— САИ, 1970, вып. Г1-11.
20. *Пругло В. И.* Терракоты из Тиритаки.— САИ, 1970, вып. Г1-11.
21. *Денисова В. И.* Коропластика Боспора. Л.: Наука. 1981.
22. *Марченко И. Д.* Терракоты из святилища на Майской горе.— САИ, 1970, вып. Г1-11.
23. *Марченко К. К.* Терракоты Елисаветовского городища.— САИ, 1970, вып. Г1-11.
24. *Борисова В. В.* Херсонес.— В кн.: Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. М.: Наука, 1966.
25. *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948.
26. *Белов Г. Д.* Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—1953 гг.— СА, 1955, т. XXIV.
27. *Белов Г. Д.* Эллинистический квартал в Херсонесе.— ВДИ, 1956, № 3.
28. *Федоров Б. Н.* Объемно-планировочная реконструкция двух жилых домов эллинистического времени (IV—II вв. до н. э.) в Херсонесе.— Проблемы развития зарубежного искусства, 1977, № 7.
29. *Крыжицкий С. Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии IV—II вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1971.

30. *Наливкина М. А.* Раскопки Керкинитиды и Калос-Лимена (1948—1952).— В кн.: История и археология Древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957.
31. *Щеглов А. Н.* Жилой дом эллинистического Калос-Лимена.— В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1978.
32. *Robinson D. M., Graham J. W.* The Hellenic House. Excavations at Olynthus, 1938, pt VIII.
33. *Wiegand T., Schrader H.* Priene. B., 1904.
34. *Thompson H. A., Wycherley R. E.* The Agora of Athens.— Athenian Agora, 1972, v. XIV.
35. *Wycherley R. E.* The Stones of Athens. Princeton. New Jersey, 1978.
36. *Латышев В. В.* Очерки греческих древностей. Ч. 2. Богослужение и сценические древности. СПб., 1889.
37. *Щеглов А. Н.* Полис и хора. Археологические памятники Крыма. Симферополь: Таврия, 1976.
38. *Романченко Н. Ф.* Таврическая губерния. Материалы по археологии Евпаторийского уезда.— ЗРАО, 1896, т. VIII, вып. 1—2.
39. *Наливкина М. А.* О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма.— СА, 1940, т. VI.
40. *Золотарев М. И.* Эллинистические домашние святилища Херсонеса,— В кн.: Матер. III. Всесоюз. симпоз. по древней истории Причерноморья в Цхалтубо. Тбилиси, 1982.
41. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.— МИА, 1952, № 25.
42. *Романченко Н. Ф.* К вопросу о древнем поселении вблизи Евпатории.— АИЗ, 1894, № 1.
43. *Sallet von A.* Erwerbungen des Königlichen Münzcabinets in dem Jahren 1890—1897 (antike münzen).— ZfN, 1898, № 21.
44. *Бурачков П. О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней Южной России. Одесса, 1884.
45. *Орешников А. В.* Материалы по древней нумизматике черноморского побережья. М., 1892.
46. *Романченко Н. Ф.* Раскопки в окрестностях Евпатории.— ИАК, 1907, вып. 25.
47. *Friedlaender G.* Kerkine citta del Chersoneso Taurico introdotta nella serie numismatica.— Annali dell' Instituto di corrispondenza archeologica, 1845, v. XVI.
48. *Спасский Г.* О местоположении древнего города Каркинита и об его монетах.— ЗООИД, 1848, т. 2.
49. *Кёне Б.* Музей покойного князя В. В. Кочубея и исследования об истории и нумизматике греческих поселей в России. Т. I. СПб., 1856.
50. *Sallet von A.* Beschreibung der Antiken Münzen B. I. B., 1888.
51. *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические надписи Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1973.
52. *Мещеряков В. Ф.* Религия и культура Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1980.
53. Античная скульптура Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1976.
54. Граффити античного Херсонеса/Отв. ред. Соломоник Э. И. Киев: Наук. думка, 1978.
55. *Русяева А. С.* Земледельческие культы Ольвии догетского времени. Киев: Наук. думка, 1979.
56. *Бурачков П. О.* Опыт соглашений открытой в Херсонесе надписи с природой местности.— ЗООИД, 1881, т. XII.
57. *Моисеев Л. А.* Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории.— ИТУАК, 1918, № 54.

V. A. Kutaisov

A HELLENISTIC HOUSE IN CERCINITIS

Summary

The article gives a detailed description of one of the most interesting dwelling complexes in Cercinitis dated to the last period of the city's existence (late 3rd-2nd centuries B. C.). The nearly square house covers an area of 93 sq m, its corners being orientated to the cardinal points. The rectangular court, the centrepiece of the layout, takes a one-seventh of the entire area and is enclosed, on two sides, by a construction consisting of four rooms and a vestibule open into the court. The northern room, covering 8 sq m, is of especial interest with fragments of six protomas of Demeter-Kore and a three-branch lighting fixture found on its floor. These objects came either from the eastern corner of the room or from the wall facing the entrance. In all probability, the room, or rather its north-eastern part or the eastern corner, served a shrine of a land-tilling cult. This first discovery of its kind in Cercinitis presupposes that there were other houses of the same type in the city.

В. Е. МАКСИМЕНКО, С. И. БЕЗУГЛОВ

ПОЗДНЕСАРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В КУРГАНАХ НА РЕКЕ БЫСТРОЙ

В 1979 г. Тацинский отряд Азово-Донецкой экспедиции, ведущий раскопки курганов в междуречье Дона и Северского Донца в пределах Ростовской обл., наряду с погребениями савроматского и среднесарматского времени вскрыл две выразительных позднесарматских могилы в Сладковском курганном могильнике [1, с. 116 сл.]. Описываемые погребения (кург. 19, погр. 1; кург. 20, погр. 1) были основными и единственными под небольшими курганными насыпями.

Курган 19 имел высоту около 0,25 м при диаметре 12 м. Погребение 1 (рис. 1) обнаружено в юго-западном секторе. Оно совершено в узкой могильной яме (1,95×0,7 м) овально-вытянутой формы, ориентированной длинной осью по линии север—юг. Глубина ямы 1,95 м от уровня погребенной почвы. В заполнении могильной ямы встречены мелкие угольки и порошок мела. Костяк лежал на спине вытянуто, головой на север. Руки вдоль туловища, ноги перекрещены в районе стоп. Череп повернут лицевой частью к западной стенке. У левого плеча погребенного обнаружен кусок серы (рис. 1, *1*). Чуть ниже его найдена бронзовая обойма из согнутой пополам пластинки с остатками дерева (рис. 1, *2*; 2, *13*).

В районе костей черепа и ключиц прослежена посыпка мелом, по дну могилы прослеживался коричневый тлен — остатки органической подстилки. Под левой рукой погребенного лежал длинный железный меч (рис. 1, *3*; 2, *1*) в деревянных ножнах, острием к ногам. В месте перехода рукояти в клинок на меч было насажено перекрестье, выточенное из полупрозрачного серо-зеленого нефрита (рис. 2, *2*). На клинке меча найдена скоба из такого же нефрита для крепления меча к портупейным ремням (рис. 2, *7*). На запястье правой руки находились две парные бронзовые пряжки (рис. 1, *4*; 2, *16, 17*), обойма одной из них утрачена, видимо, еще в древности. К ним относятся найденные там же бронзовые наконечники ремней (рис. 2, *18—20*). У правого бедра, с внутренней стороны, лежал железный кинжал (рис. 1, *5*; 2, *15*), рядом с ним железный нож с изогнутой спинкой (рис. 1, *6*; 2, *21*). Между бедренных костей найдена небольшая железная щитковая круглорамчатая пряжка от портупейного ремня; к ее кольцу прикипел маленький кусочек золотой фольги (рис. 1, *10*; 2, *22*).

У правой берцовой кости погребенного был компактно сложен плохо сохранившийся сбруйный набор (рис. 1, *8*), в состав которого входили: 1) пара железных стержневидных двудырчатых псалиев (рис. 2, *9, 12*), концы которых раскованы; 2) фрагментированные железные двучленные удила (рис. 2, *8, 9*), псалии крепились к удилам путем сгибания свободных концов последних в промежутке между отверстиями псалиев; 3) узкая железная бляха, обтянутая тонкой золотой фольгой, сплошь покрытой мелким точечным орнаментом. В отверстия, проделанные в пластине, вдевались две петлевидные скобочки из бронзовой проволоки. К головкам бронзовых петелек припаивались крупные полусферические бронзовые бляшки. Вся конструкция, видимо, крепилась на кожаной основе путем разгибания в стороны свободных концов бронзовых петелек. Судя по зазору между нижней плоскостью железной пластины и плоскостью разогнутых петелек, кожа была довольно толстой. Наиболее вероятно использование рассмотренной пластины в качестве налобника

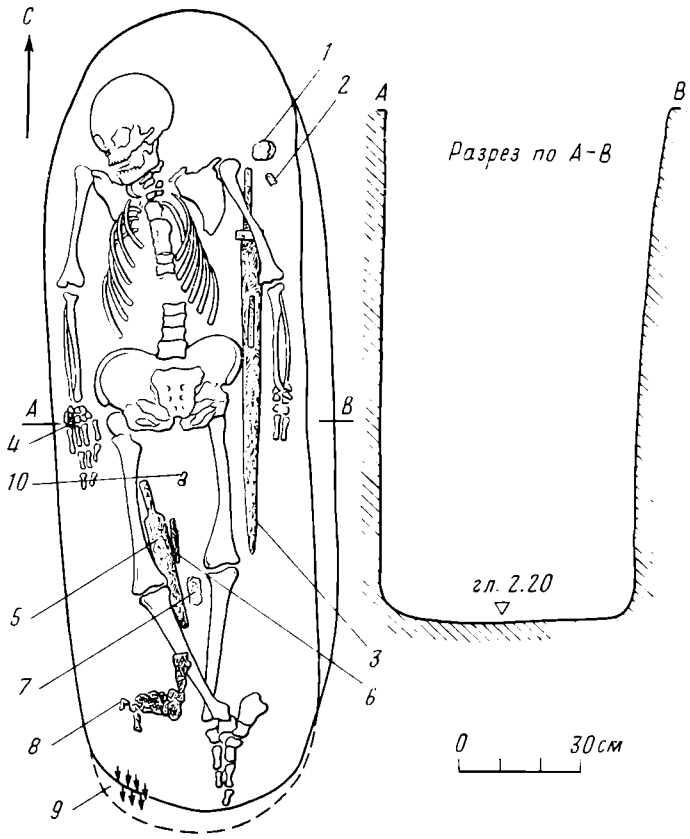


Рис. 1. Сладковский могильник, курган 19, погребение 1. *1* — сера; *2* — бронзовая обоймочка; *3* — железный меч; *4* — бронзовые пряжки; *5* — железный кинжал; *6* — железный нож; *7* — остатки кожи; *8* — фрагменты конской сбруи; *9* — железные наконечники стрел; *10* — железная пряжка

(рис. 2, *6*); 4) обломок круглой железной ажурной бляхи, обтянутой золотой фольгой, украшенной точечным орнаментом (рис. 2, *3*); 5) две круглые железные бляхи-подвески, обтянутые золотой фольгой, покрытой точечным орнаментом. К ремню эти бляхи крепились лишь в верхней части при помощи заклепок и надетых на них прямоугольных пластинок — шайб (рис. 2, *4, 5*); 6) восемь железных цилиндрических пронизей, надевавшихся скорее всего на повод в качестве украшения (рис. 2, *10, 11, 14*); 7) аморфные куски железных пластин, обтянутых золотой фольгой, покрытой точечным орнаментом. Форма и назначение других сбруйных деталей не восстанавливаются.

У южной стенки могильной ямы, справа от стоп погребенного, был положен пучок стрел (рис. 1, *9*), от которых сохранилось 18 железных трехлопастных черешковых наконечников крупных размеров (рис. 2, *23—27*).

Курган 20 имел высоту 0,5 м при диаметре 10 м. Могильная яма была вытянута по линии север—северо-запад — юг—юго-восток. При длине 1,35 м она имела ширину 0,82 м в северо-западной части и 0,58 м в юго-восточной.

Погребение 1 (рис. 3, *1*) было совершено в подбой, вырытый в длинной западной стенке ямы. Ширина подбоя 0,2, длина 2,35 м. Вдоль восточной стенки прослеживалась ступенька высотой 0,25—0,27 м. Глубина дна подбоя 1,7 м. В заполнении могилы, в норе грызуна, найдены 13 пастовых бусин (рис. 4, *5*) и очень сильно корродированный железный предмет (возможно, удила), распавшийся при зачистке. По краям ступеньки прослеживался коричневый тлен — остатки «кошмы», которой, видимо, был покрыт погребенный. Костяк частично находился в подбое. Он лежал вытянуто на спине, головой на север — северо-запад, руки вы-

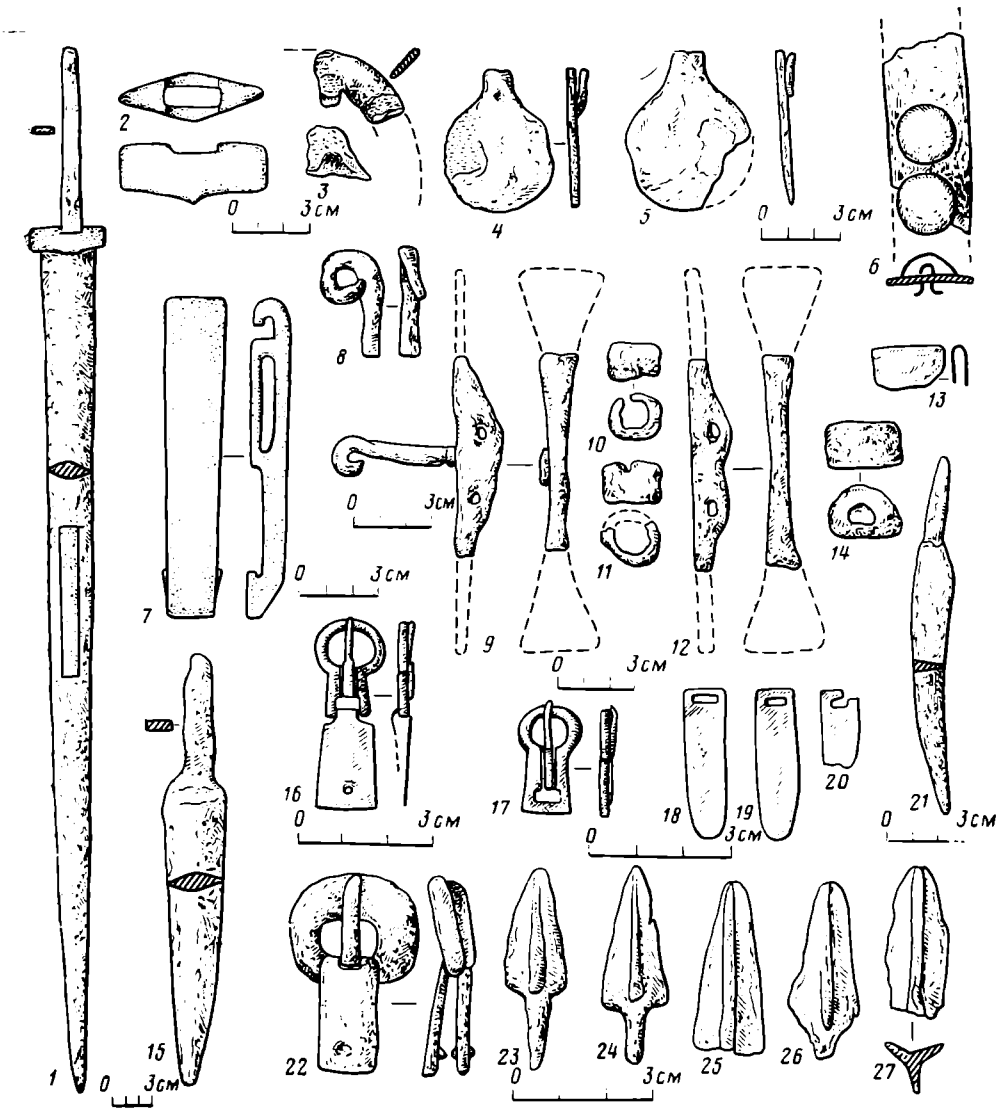


Рис. 2. Комплекс вещей из погребения 1 кургана 19. *1* — меч; *2* — нефритовое перекрестие меча; *3* — фрагменты железной бляхи; *4, 5* — железные бляхи-подвески; *6* — железная пластина с бронзовыми бляшками; *7* — нефритовая скоба; *8* — фрагмент удил; *9, 12* — фрагменты удил и псалиев; *10, 11, 14* — железные пронизи; *13* — бронзовая обоймочка; *15* — кинжал; *16, 17* — бронзовые пряжки; *18—20* — бронзовые наконечники ремней; *21* — железный нож; *22* — железная пряжка; *23—27* — железные наконечники стрел

тянуты вдоль туловища. Череп погребенного повернут лицевой частью к востоку. У черепа с западной стороны, в норе грызуна, найдены обломки неопределенного железного предмета (рис. 3, *10*). Вдоль костей левой руки погребенного лежал длинный меч с халцедоновым навершием (рис. 3, *16*; 4, *1*). Под костями предплечья левой руки обнаружена крупная серая пастовая бусина (рис. 3, *17*; 4, *3*). У берцовой кости левой ноги находилось круглое бронзовое кольцо (рис. 3, *11*; 4, *4*). Справа от костяка у берцовой кости располагались следующие вещи: железный кинжал (рис. 3, *7*; 4, *6*), железный нож (рис. 3, *6*; 4, *11*), две бронзовые (рис. 3, *1, 2*; 4, *9, 10*) и одна железная (рис. 3, *5*; 4, *8*) пряжки, два бронзовых наконечника ремней (рис. 3, *3, 4*; 4, *14, 15*), бусина (не сохранилась), оселок (рис. 3, *8*; 4, *7*). На костях стоп правой ноги прослежены истлевшие кусочки кожи — остатки обуви.

В юго-восточном углу ямы и частично в подбое стоял сероглиняный кувшин с зооморфной ручкой (рис. 3, *13*; 4, *13*) и сероглиняная чернолощеная миска со следами починки (рис. 3, *15*; 4, *17*). Между костями ног и глиняной посудой обнаружены кусочки бронзовой проволоки. Под костяком прослежен коричневый тлен — остатки подстилки.

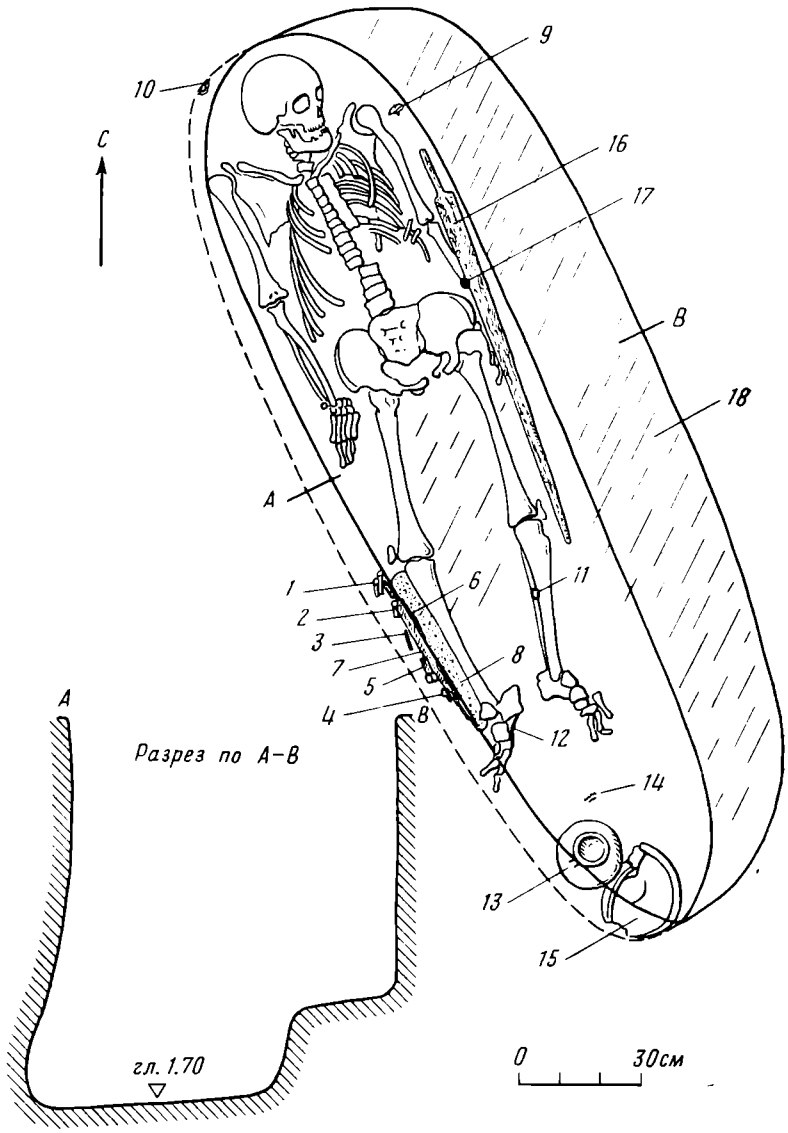


Рис. 3. Сладковский могильник, курган 20, погребение 1. *1, 2* — бронзовые пряжки; *3, 4* — бронзовые наконечники ремней; *5* — железная пряжка; *6* — железный нож; *7* — железный кинжал; *8* — оселок; *9* — навершие меча; *10* — фрагменты железного предмета; *14* — бронзовые проволочки; *15* — глиняная миска; *16* — железный меч; *17* — бусина; *18* — тлен

Инвентарь обоих погребений разнороден в своих составляющих частях и образует довольно оригинальное сочетание нескольких культурных элементов.

Оружие в могилах представлено мечами, кинжалами и наконечниками стрел. Длинные двулезвийные мечи без металлического навершия издавна считаются одним из диагностирующих признаков позднего этапа сарматской культуры [2, с. 78, 79; 3, с. 45, 46; 4, с. 105, 106], хотя и не являются его исключительной спецификой, на что указывал еще К. Ф. Смирнов [2, с. 79]. Меч из кургана 19 при общей длине 90 см имел штырь-рукоять длиной 14,5 см. Ширина его клинка у пяты 4,5 см. Особый интерес представляют детали его оформления — перекрестье и скоба. Мы не знаем близких перекрестий ни на мечах кубано-боспорской группы, ни на мечах из восточноевропейских кочевнических могил. Ближайшие аналогии происходят из древнекорейских гробниц [5, табл. XV, *1*]. Редкой находкой является и нефритовая скоба (рис. 2, 7), по цвету и качеству камня идентичная перекрестью и, видимо, исполненная одновременно с ним. В закрытых кочевнических комплексах они встречаются единично. Самым западным ранним комплексом, со-

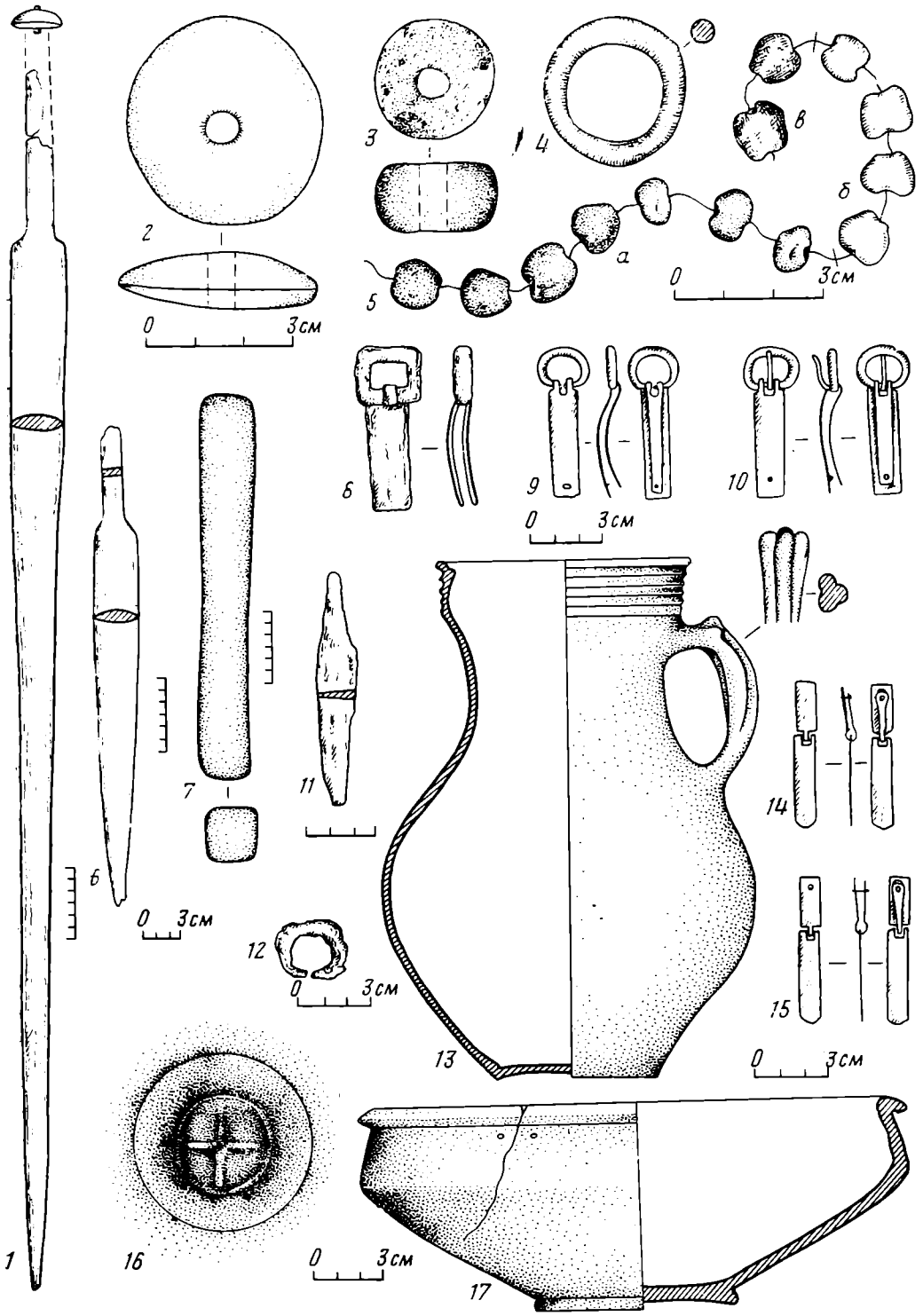


Рис. 4. Комплекс вещей из погребения 1 кургана 20. *1* — меч; *2* — халцедоновое навершие меча; *3* — бусина; *4* — бронзовое кольцо; *5* — пастовые бусы (*а* — голубые; *б* — белые; в — зеленые); *6* — кинжал; *7* — каменный оселок; *8* — железная пряжка; *9, 10* — бронзовые пряжки; *11* — железный нож; *12* — железное кольцо; *13* — глиняный кувшин; *14, 15* — бронзовые наконечники ремней; *16* — клеймо на дне кувшина; *17* — глиняная миска

державшим такую скобу, до сих пор считался курган Д16 у Альт-Веймара [6, с. 36—40]. Известны они и в более поздних комплексах — в богатой находке второй половины III — начала IV в. на бывшей усадьбе Мессаксуди в Керчи [7, табл. 28, *б*] в известном погребении у колхоза «Восход» середины или второй половины V в. [3, с. 15, рис. 5, *7*]. Особенно интересно, что, например, в Корее перекрестья и скобы сочетают-

ся в комплексах, как и в рассматриваемом случае. Очевидно, что появление подобных вещей в степях Восточной Европы следует объяснять новым импульсом восточных влияний во II — начале III в. Не исключено, что этот процесс находился в связи с формированием культуры нового типа — позднесарматской.

Меч из кургана 20 при общей длине 1,08 м имел штырь-рукоять длиной 0,22 м. Его ширина у пяты клинка 5,5 см. Украшениями меча служили дисковидное халцедоновое навершие и крупная серая пастовая бусина-привеска (рис. 4, *2, 3*). Некоторые исследователи отмечали редкость и ценность таких наверший [9, с. 74].

Теперь, однако, можно сказать, что для сарматов Подонья во II—III вв. н. э. такие навершия не были редкостью. Нам известно несколько экземпляров длинных мечей из донских сарматских погребений, которые имели грибовидные или дисковидные навершия из камней. Из опубликованных можно указать лишь на два таких комплекса [10, с. 41—42; 11, с. 26—27].

Очень характерно для позднесарматской культуры степного Подонья на всем протяжении ее существования (II — середина III в. н. э.) украшение мечей специальными привесками — крупными бусами из различных материалов (агат, халцедон, гагат, стекловидная паста). В подвешенном состоянии они находились, видимо, в конце верхней трети клинка. Примечательно, что массовые раскопки крупных могильников среднесарматской культуры, проведенные на Нижнем Дону в последние годы, показали, что для этого времени обычай ношения бус-привесок не характерен.

Традиция ношения таких бус пережила сарматское время. Они известны, в частности, в горизонте воинских могил гуннского времени типа Новогригорьевки (Новогригорьевка, могила IX) [12, с. 76]. Под влиянием традиций населения южнорусских степей обычай привешивать бусы к мечам широко распространился в Центральной и Западной Европе в V и частично VI в. н. э.

Кинжалы из обоих курганов очень близки между собой по форме (рис. 2, *15*; 4, *6*). Длина кинжала из кургана 19 около 34 см, из кургана 20 около 36 см. Они не имели металлического навершия и перекрестия.

В отличие от мечей позднесарматские кинжалы представлены довольно пестрыми типами — с перекрестиями и без них, с волютообразными, серповидными и кольцевидными навершиями. В данном случае мы имеем простейший тип.

Крупные наконечники стрел (рис. 2, *23—27*), найденные в кургане 19, более всего характерны для позднесарматских могил. Хронологическим показателем они служить не могут, так как обладают малой изменчивостью и типологически устойчивы. Резкие перемены в составе колчанных наборов проявляются лишь с гуннского времени.

Значительный интерес представляет и сбруйный набор из кургана 19. Найденные здесь псалии (рис. 2, *9, 12*) принадлежат к достаточно известному типу; им близки, в частности, псалии из Кобани и Нижнего Джулата на Центральном Кавказе [13, с. 73, рис. 12, *44*; 14, с. 118, рис. III, *30*]. Железные пронизи (рис. 2, *10, 11, 14*) выполняли роль бус — привесок к поводу или на грудь лошади. В нескольких донских находках они найдены в составе сбруйных бус. Аналогичные железные бусы, судя по описанию, были найдены в богатой могиле II в. н. э. у с. Олонешты [15, с. 206, 207].

Налобных блях, близких сладковской (рис. 2, *6*), мы не знаем. Один из налобников, очень далекий и конструктивно, и типологически, все же может быть поставлен в сравнение со сладковским. Их сходство — лишь в узкой вытянутой форме основы и украшение ее полусферами [16, с. 201, рис. 94, *2*]. Эта находка датируется амфорой «неапольского» варианта концом I—II в. н. э.

Круглые железные бляхи, обтянутые золотой фольгой (рис. 2, *4, 5*), выполняли в сбруе исключительно декоративную функцию. Их парность,

легкость и небольшие размеры позволяют предположить, что они использовались в качестве нащечных подвесок. Назначение остальных деталей ввиду сильной фрагментированности невозможно восстановить даже предположительно.

В позднесарматских могилах иногда встречаются массивные бронзовые кольца, подобные кольцу из кургана 20 (рис. 4, *4*). Нам известно пять находок таких колец, из них две опубликованы [11, табл. XVI, *1*; 15, рис. 6, *4*]. Следует отметить, что более одного такого кольца в погребениях не встречено, во всех учтенных случаях эти кольца не связаны с удилами. Их функциональное назначение пока не ясно.

Знакомство с позднесарматскими сбруйными наборами позволяет сделать некоторые наблюдения.

Крайне любопытен факт исчезновения в позднесарматское время полихромии и элементов звериного стиля, столь характерных для среднесарматских погребений знати. Особенно ярко это выразилось именно в составе и орнаментации сбруйных комплектов. На смену роскошным и подчас перегруженным цветными вставками и рельефными изображениями деталям сбруи (таким, как в Садовом кургане [16, с. 128—130], Запорожском комплексе [17, с. 10, 11, рис. 2, *4*], Жутове [18, рис. 1, *2*, *4*, рис. 3], Курджипсе [19, табл. 1] и др.) приходят простые, строгие формы блях (круг, прямоугольник, ромб). В это время происходит замена довольно массивных золотых тисненых вещей более рациональными железными или бронзовыми, плакированными тонкой золотой фольгой. Характерна крайне скупая орнаментация рядами мелких начеканенных точек или вообще отказ от орнамента и предпочтение широких гладких полей. Столь резкая перемена вкусов, идеологических традиций, важнейших принципов социального самовыражения, так ярко представленных в специфике и стилистике материальной культуры среднесарматской знати, на наш взгляд, должна быть объяснена не эволюцией сарматского звериного стиля в сторону схематизации [2, с. 79], а этническими сдвигами в среде политически господствующих слоев. Не будет преувеличением утверждение о том, что генезис позднесарматской культуры означал в то же время распад ряда важнейших среднесарматских традиций. В качестве одной из них следует рассматривать и специфический полихромно-звериный стиль, образцов которого лишена классическая позднесарматская культура.

Керамика из рассматриваемых нами погребений представлена двумя сосудами, кувшином и миской из кургана 20.

Кувшин (рис. 4, *13*) высотой 21 см имеет пять горизонтальных каннелюр на расширяющемся кверху горле. Сильно стилизованная зооморфная ручка изготовлена из трех круглых в сечении глиняных жгутов. На дне кувшин имеет клеймо — крест в круге (рис. 4, *16*). Кувшин принадлежит к группе сосудов, хорошо известных по находкам в поздних среднесарматских могилах Подонья (материал не опубликован), а также в Поволжье и Западном Казахстане [20, рис. 1, *5*, *6*, *8*; 21, рис. 1, *7*]. Основным центром производства таких сосудов обычно считают Центральное Предкавказье [13, с. 64, рис. 8, *12*, *36*, рис. 12, *14*; 20, с. 46, 48, рис. 1, *4*]. Этот очаг гончарства уже в среднесарматское время широко снабжал степняков своей продукцией.

Миску (рис. 4, *17*) из кургана 20 можно отнести к группе кубанодонской керамики. Диаметр миски по венчику 22, высота 8,5 см. Венчик отогнут наружу, основанием миски служит невысокий кольцевой поддон. Диаметр поддона 8 см. В древности миска была покрыта черным лощением, в настоящее время в значительной мере утраченным. Миска носит следы длительного употребления. Поддон ее обит, на тулове видны следы починки. Эта посуда, вероятно, нижнедонского производства. Много подобных мисок найдено в Кобяковском некрополе вместе с лучковыми и провинциально-римскими эмалевыми фибулами II — первой половины III в. [22, с. 106, рис. 6, *1*].

Предметы одежды представлены в обоих курганах пряжками и наконечниками ремней. Бронзовые пряжки из кургана 19 (рис. 2, *16*, *17*)

являются одной из модификаций сложносоставных пряжек, широко распространенных в ранне- и среднеримское время на юге России и в Центральной Европе. Отличительной чертой всех пряжек этого типа является рамка, содержащая в основе две фигуры — круг и трапецию или круг и прямоугольник. Ранние пряжки I—II вв. отличаются фигурностью и сложностью отделки, нередки ажурные щитки [23, с. 41, рис. 1; 24, табл. XXXII, *20*]. Сладковские пряжки гораздо ближе к более скромным и строгим образцам конца II — первой половины III в. [24, табл. XXXII, *17*; 25, с. 130, рис. IV, *17*] и должны быть синхронны им. Пара пряжек из кургана 20 (рис. 4, *9*, *10*) может быть датирована лишь в широких пределах II — середины III в.; сузить их дату невозможно из-за неразработанности хронологии пряжек римского времени в Северном Причерноморье.

Более точным хронологическим показателем могут служить обнаруженные в обоих курганах наконечники ремней (рис. 2, *18—20*; 4, *14, 15*). В среднесарматских могилах они не найдены, нет их и в ранней группе позднесарматских могил Волги и Дона, но они хорошо представлены в ряде богатых погребений первой половины III в. на Нижней Волге [6, с. 31—33, рис. 25; 26, с. 163, рис. 61] и в степном Подонье [11, табл. XVI; 27, с. 113]. Достаточно близкий наконечник ремня происходит из Керчи, где найден с полихромной пряжкой конца II — первой половины III в. [28, с. 156, рис. 138]. Нижнюю дату таких наконечников мог бы дать вещевой комплекс гробницы 1 усыпальницы питиахшей в Армазисхеви, где они найдены с монетами от Августа до Адриана и относятся, вероятнее всего, ко второй половине II в. н. э. [29, с. 70—72; 30, рис. на с. 473]. Наконечники из кургана 19 сближаются с армазисскими небольшими размерами и простотой — на них отсутствует декор фацетировкой, в то время как абсолютное большинство наконечников из хороших комплексов первой половины III в. украшено фасетками в различных сочетаниях. Более крупные наконечники из кургана 20 также лишены фасеток. Таким образом, оба сладковских погребения можно датировать примерно одним временем — последними десятилетиями II — первой половиной III в.

Нельзя обойти вниманием и крайне важный вопрос о социальной дефиниции рассматриваемых комплексов, так как объективно погребальный инвентарь при помещении его в могилу рассматривался соплеменниками как одно из важнейших средств для сохранения умершим его социальных функций в загробном мире. Такой вывод не является принципиально новым — многие исследователи считают его приемлемым для большинства древних степных народов [31, с. 145].

Возвращаясь к сладковским погребениям, мы можем отметить ощутимый контраст между скромностью бытовых вещей и довольно богатыми сбруей и оружием. Отделка оружия довольно сложными, дорогими деталями (перекрестие и скоба из кургана 19, навершие из кургана 20) из полудрагоценного халцедона и нефрита диктовалась, видимо, соображениями социального престижа. Золото на сбруйном наборе должно было производить впечатление богатства и значимости его владельца. Состав различных сбруйных наборов сарматского времени показывает, что им придавалось важнейшее значение внешнего социального индикатора.

В то же время мы не можем не заметить и определенной ограниченности в богатстве сбруи и оружия из сладковских могил. Так, размеры сбруйных блях весьма невелики, весьма скромно и их количество. Собственно золота на деталях узды очень мало, своей основой они имеют простые железные пластинки. Это резко отличает комплект сбруи из кургана 19 от синхронных конских уборов представителей высшего социального слоя кочевников, в которых основная часть элементов выполнена из серебра, а бляхи, плакированные золотом, весьма многочисленны и достигают крупных размеров [27, с. 113]. Целый ряд уздечных деталей из «княжеских» могил не имеет аналогий в комплексах рассматриваемого типа. Налицо их промежуточное положение между скромными рядовыми позднесарматскими погребениями и могилами знати.

По составу инвентаря они стоят гораздо ближе к последним, отличаясь от них, однако, качеством и количеством вещей. Наборы категорий вещей в обеих группах тем не менее поразительно однородны. Все это позволяет нам отнести погребенных в курганах 19 и 20 Сладковского могильника к «дружинной» социальной группе, т. е. к постоянному окружению набиравших власть и авторитет военных вождей.

Судить о племенной принадлежности погребенных мы не можем. Бесспорен лишь факт, что обе могилы принадлежат к развитой позднесарматской культуре, этническое членение которой пока дело будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Максименко В. Е.* Раскопки курганов в Тацинском районе Ростовской области.— АО – 1979. М., 1980.
2. *Смирнов К. Ф.* Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья.— Докл. и сообщ. истор. фак. МГУ. Вып. V. М., 1947.
3. *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия во II—IV вв.— СА, 1982, № 2.
4. *Граков Б. Н.* Пережитки матриархата у сарматов.— ВДИ, 1947, № 3.
5. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
6. *Rau P.* Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927.
7. *Ginters W.* Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. B., 1928.
8. *Амброз А. К.* Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии V—VIII вв.— Средневековые древности Евразийских степей. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
9. *Мошкова М. Г.* Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на Нижнем Дону.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
10. *Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А.* Работы Цимлянской экспедиции 1970 г.— В кн.: Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. 1. М., 1974.
11. *Мошкова М. Г., Максименко В. Е.* Работы Багаевской экспедиции в 1971 г.— В кн.: Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. 2. М., 1974.
12. *Засецкая И. П.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1975.
13. *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972.
14. *Абрамова М. П.* Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков н. э.— В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
15. *Мелюкова А. И.* Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты.— СА, 1962, № 1.
16. *Капошина С. И.* Ценные находки археологов в районе Новочеркасска.— Вестн. АН СССР, 1963, № 3.
17. *Манцевич А. П.* До питаняя про «Сибірську» колекцію Петра I. Археологія, 1973, № 8.
18. *Засецкая И. П.* Изображение «пантеры» в сарматском искусстве.— СА, 1980, № 1.
19. *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Л.: Искусство, 1980.
20. *Мошкова М. Г.* К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лощеной керамики.— КСИА, 1980, вып. 162.
21. *Мошкова М. Г.* Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане.— КСИА, 1982, вып. 170.
22. *Капошина С. И.* Раскопки Кобякова городища и его некрополя.— В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1962.
23. *Драчук В. С.* Пряжка римского времени с тамгообразным знаком.— В кн.: Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев: Наук. думка, 1974.
24. Древности Босфора Киммерийского. Атлас, Т. I. СПб., 1854.
25. *Гущина И. И.* Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников).— В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
26. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
27. *Копылов В. П.* Раскопки курганов на территории Донской оросительной системы.— АО – 1979, М., 1980.
28. *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 2. Древности скифо-сарматские. СПб., 1889.
29. *Ломтатидзе Г. А.* Археологические раскопки в древнегрузинской столице Мцхета. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1955.
30. Очерки истории СССР. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
31. *László Gy.* Études archeologiques sur l'histoire de la société des Avars.— Archaeol. Hungarica, XXXIV. Budapest, 1955.

V. E. Maximenko, S. I. Bezuglov

LATE SARMATIAN BURIALS IN THE MOUNDS ALONG THE BYSTRAYA RIVER

Summary

Two late Sarmatian mounds (Nos. 19 and 20) were unearthed during the 1979 investigations of the Sladkovsky mound cemetery on the Bystraya river in the interfluve of the Don and the Seversky Donets (Rostov Region). The dead, orientated to the north and laid on their backs, were buried in an extended position in narrow, idividually covered pits. Grave goods mainly consisted of long iron swords and short daggers (Mounds 19 and 20), three-blade tanged arrowheads (Mound 19), fragments of sword-belts (Mounds 19 and 20) and horse harness (Mound 19), and grey wheeled pottery (Mound 20). The burials relate to the last decades of the 2nd century A. D-first half of the 3rd century.

Г. Е. АФАНАСЬЕВ

МУРАВЬЕВСКИЙ КЛАД

(к проблеме оногуро-булгаро-хазарских миграций в лесостепь)

В сентябре 1869 г. в «Воронежских губернских ведомостях» появилось перепечатанное из «Правительственного вестника» сообщение о том, что в имении госпожи Муравьевой, расположенном в Старо-Ивановской волости Бирюченского уезда Воронежской губернии, крестьяне Иван и Филипп Чеботаревы из деревни Столбище (ныне с. Столбище Волоконовского р-на Белгородской обл.) обнаружили древнее погребение с богатым сопровождающим инвентарем. Сообщалось, что это место находилось в 4 верстах к западу от правого берега р. Оскола, в овраге у вершины «Попова леса». Скелет лежал на толстом слое древесного угля головой на восток, а сверху был присыпан известью. С правой стороны находилась кольчуга, в руке клинок меча, на черепе шлем, на грудных костях в районе шейных позвонков золотые монеты. Кроме того, в районе пояса найдено 6 золотых и 15 серебряных ременных украшений. Все эти вещи были отправлены в Археологическую комиссию [1]. В январе 1870 г. в той же газете появилась информация, что крестьяне получили за находку 50 рублей серебром, а найденные вещи — византийского происхождения — относятся к VIII в. Одна монета чеканена при императоре Артемии Анастасии (713—714), а другая — при Льве IV (775—780) [2]. Более сжато эти сведения были опубликованы в соответствующем отчете Археологической комиссии [3, с. 21], и вскоре о находке почти забыли. Лишь только Н. Кондаков перечислил вещи в каталоге Эрмитажа [4, с. 272—273; 5, с. 136], а С. Е. Зверев использовал находку как одно из доказательств византийского влияния на население Подонья в домонгольский период [6, с. 317, прим. 3].

В 1905 г. Н. Е. Макаренко, проводивший археологические исследования в Харьковской и Воронежской губерниях, посетил место находки. Ему удалось разыскать одного из свидетелей раскопок, в результате чего было установлено, что погребение находилось не в овраге, а в кургане. Очевидец показал Н. Е. Макаренко и сам курган, расположенный у вершины «Попова леса» близ небольшого оврага. Высота кургана была около 2 саженей, диаметр 15 саженей, а на вершине действительно находилась широкая оплывшая воронка грабительского раскопа [7, с. 154—155]. В отчете Н. Е. Макаренко подчеркивал, что без исследования кургана невозможно определить, к основному или впускному погребению относятся данные вещи, но более вероятным представляется второе [8, с. 86].

На этом изучение комплекса в дореволюционное время было практически закончено. Позже Б. А. Рыбаков охарактеризовал памятник как захоронение дружинника [9, с. 103]. В. В. Кропоткин пересмотрел определение византийских монет, отнеся одну из них к чекану Феодосия III (716—717), а другую — Льва III Исавра (717—741) [10, с. 24]. Небольшое уточнение в датировку монеты Льва III внес А. И. Семенов, полагающий, что данный тип относится к самым ранним монетам императора — 717—720 гг. [11, с. 181].

Таким образом, культурно-историческая характеристика материала, как и его этническая принадлежность, оставались неопределенными. В 1983 г. нами была предпринята попытка отыскать описанный у Н. Е. Макаренко курган. Путем опросов старожилов в с. Столбище удалось установить, что еще недавно «Поповым» назывался лес в окрестностях

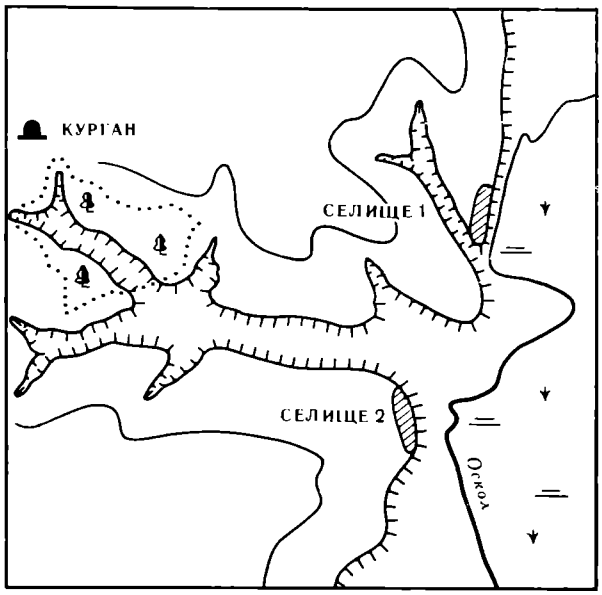


Рис. 1. Схематический план расположения памятников салтово-маяцкой культуры у с. Столбище

уже несуществующего хутора Попова. Он расположен в широкой балке, впадающей с запада в пойму р. Оскола в с. Столбище. Северо-западная окраина леса выходит на наиболее высокую точку района — водораздел между долиной р. Оскола и верховьями р. Волчьей, балкой Волчий Яр. На этой высоте в 4,5 км от правого берега Оскола и располагается одиночный курган, осмотренный Н. Е. Макаренко в 1905 г. Памятник постоянно распахивается, но и сейчас его высота достигает 2,5 м при диаметре в 25 м.

Исходя из хронологических и территориальных ориентиров, представляется целесообразным искать параллели рассматриваемому погребению в круге памятников салтово-маяцкой культуры. И действительно, в непосредственной от кургана близости расположены два салтовских селища на правом берегу р. Оскол в районе с. Столбище (рис. 1). Селище 1 находится у северной окраины села на склоне надпойменной террасы. Территория памятника (650×200 м) в значительной степени занята усадьбами и огородами. Подъемный материал типичен для салтовских поселений. Это обломки амфор, лощеных сосудов, кухонных горшков, металлургический шлак, кости животных. А. Г. Николаенко обнаружил здесь остатки гончарного горна и полуземлянки. Селище 2 находится в южной части села, а его территория (450×200 м) частично занята усадьбами и огородами местных жителей. Культурный слой толщиной 0,2—0,3 м насыщен обломками амфор, лощеных сосудов, кухонных горшков. Найдены обломки жерновов, точильных камней, пряслиц, фрагменты колб-тиглей сыродутных горнов и куски металлургического шлака. Во время проводившихся здесь строительных работ А. Г. Николаенко доследовал остатки разрушенной полуземлянки, хозяйственной ямы и двух гончарных горнов. Есть сведения о находке местными жителями при рытье погреба салтовского погребения, но не ясно, была ли это катакомба или ямное погребение.

В круге салтовских погребальных памятников можно найти ряд параллелей тем чертам погребального обряда рассматриваемого захоронения, которые известны по опубликованным материалам и архивным данным. Еще недавно ничего не было известно о погребениях в курганах салтово-маяцкой культуры. Но сейчас в бассейне Нижнего Дона открыто значительное количество салтовских ямных или подбойных захоронений под курганами [12, с. 71]. Известны факты совершения салтовских ямных погребений в насыпях более древних курганов. Так, у пос. Ольховатка в долине р. Черная Калитва Ю. П. Матвеев доследовал погребение в разрушенном кургане: скелет лежал вытянуто на спине, а рядом с черепом стоял салтовский горшок [13]. Разрушенное впускное погребение в кургане, сопровождавшееся салтовским кухонным горшком, обнаружено у с. Борки в долине р. Козинка, правого притока р. Оскол. Во время земляных работ в окрестностях г. Павловска на левом берегу Дона было разрушено несколько древних курганов, в одном из которых погребение сопровождалось салтовским кувшином [1]. На Сред-

[1] Книга поступлений Павловского краеведческого музея. Инв. № 230.

ней Волге ряд захоронений из исследованного Н. Я. Мерпертом булгарского могильника у с. Кайбелы были впущены в насыпи более древних курганов [14, с. 34].

Обычай посыпать дно погребений древесным углем довольно характерен для катакомбных могильников салтовской культуры, но встречается и в ямных. Он отмечался исследователями в некоторых ямных погребениях степного Поднепровья [15, с. 96—101], в Волоконовском могильнике [16, с. 279—298], в ямных погребениях Дмитриевского могильника [17, рис. 1] и ряде других памятников [18, с. 22; 19, с. 122]. В принципе использование в той или иной степени древесного угля при погребении — обряд, широко распространенный и во времени, и в пространстве. По-разному объясняется и его сущность в салтовских погребениях. В. А. Бабенко, фиксировавший угольные подстилки в камерах Верхнесалтовского могильника, считал их остатками обычая сожжения. Иной точки зрения придерживается С. А. Плетнева, полагающая, что в парных погребениях Дмитриевского могильника угольная подстилка под трупами имела специальное «свадебное» значение [20, с. 79]. Сопоставление состава погребального инвентаря и элементов обряда в Нижнелубянском катакомбном могильнике приводит нас к мысли, что угольная подстилка является там признаком высокого имущественного положения погребенного.

Более затруднительно найти параллели обычаю засыпать покойника известью. Если это не ошибка информаторов, которые вполне могли принять выброс из материка (в этой местности материк представляет собой мягкий писчий мел) за известь, то в данном случае мы сталкиваемся с неизвестным ранее элементом погребального обряда, хотя в Нижнелубянском могильнике отмечался обычай обмазывать пол дромосов белой (меловой) глиной или посыпать его толченым мелом, а часть костей погребенного в катакомбе 127 Маяцкого могильника была даже залита известковым раствором.

Таким образом, дошедшие до нас сведения об элементах обряда захоронения в имении Муравьевой вполне соответствуют имеющимся представлениям об обрядах погребения у этнических общностей, входивших в круг салтово-маяцкой культуры.

Рассмотрим сохранившийся вещевой материал. Прежде всего следует отметить, что три предмета из состава муравьевского клада имеют многочисленные аналогии в салтово-маяцких комплексах. Два из них представляют собой золотые поясные бляшки прямоугольной формы с прямоугольной прорезью в центральной части (вес 2,5 и 2,61 г). По углам расположены отверстия со штифтами для крепления к ремню. Поверхность пластин без орнамента (рис. 2, *9*). Аналогичные бляшки, но сделанные из меди, бронзы или серебра, известны в комплексах катакомб 21, 32, 34, 53 Нижнелубянского могильника, катакомб 15, 20 Ютановского могильника, катакомбы 3 на территории Маяцкого селища. Типологически близкие поясные украшения обнаружил Н. Е. Макаренко в катакомбе 5 из раскопок Верхнесалтовского могильника в 1905 г. [7, с. 128], где они сопровождались сасанидской монетой 682 г., омейядским, табаристанским и аббасидскими дирхемами 741—786 гг. [21, табл. 5].

Третий предмет представляет собой обломок золотой сложносоставной серьги (вес 1,8 г). От нее сохранился стержень кольца и подвески с насаженным цилиндриком, украшенным по краям двумя ободками из зерни (рис. 2, *10*). Серьги этого типа были довольно широко распространены в Восточной Европе в VIII—IX вв. В могильнике у г. Стерлитамака они сопровождались золотым омейядским динаром 705—706 гг. [22, табл. 5]. Такие же серьги входили в состав комплекса уже упомянутой катакомбы 5 Верхнесалтовского могильника с монетами VII—VIII вв. и катакомбы 2 из раскопок Н. Е. Макаренко в 1905 г., где были найдены идрисидская монета конца VIII — начала IX в и аббасидские монеты X в. [7, с. 125]. Не останавливаясь на перечислении других аналогичных находок, отмечу, что по хронологии С. А. Плетне-

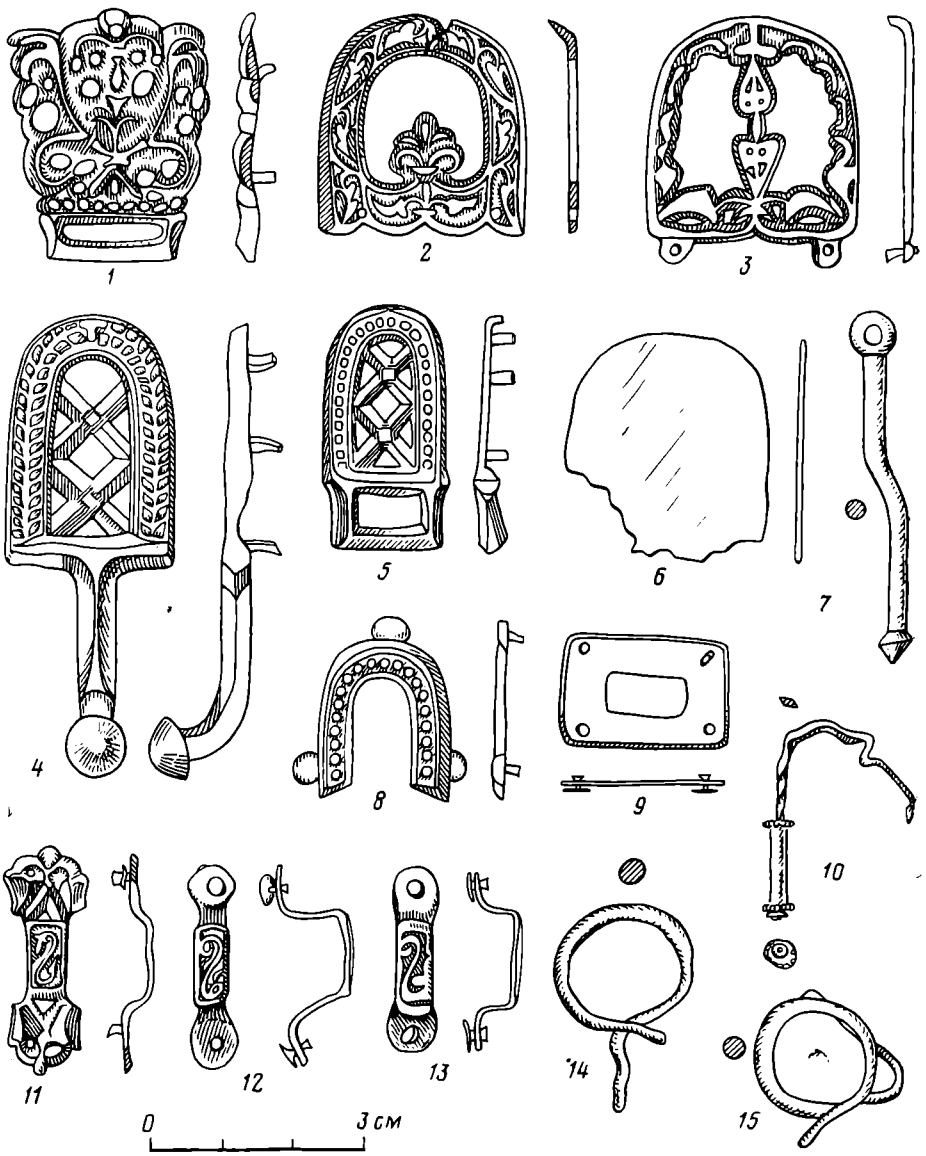


Рис. 2. Поясные украшения и височные подвески из состава муравьевского клада. *1* — ГЭ № 2159/10; *2* — ГЭ № 2159/12; *3* — ГЭ № 2159/11; *4* — ГЭ № 2159/7; *5* — ГЭ № 2159/8-9; *6* — ГЭ № 2159/16; *7* — ГЭ № 2159/17; *8* — ГЭ № 2159/13; *9* — ГЭ № 2159/1-2; *10* — ГЭ № 2159/6; *11* — ГЭ № 2159/5; *12* — ГЭ № 2159/4; *13* — ГЭ № 2159/3; *14* — ГЭ № 2159/14; *15* — ГЭ № 2159/15

вой подобный тип серег появляется со второй половины VIII в. и, несколько изменяясь, бытует вплоть до первой половины X в. [12, рис. 37].

Кроме серьги в состав муравьевского клада входили два серебряных височных кольца, сделанные из круглого в сечении дрота, но они (рис. 2, *14*, *15*) не являются ни территориальным, ни этническим, ни хронологическим показателем.

Другие предметы представляют собой поясные украшения. Это серебряная бляшка трапециевидной формы с прорезью в нижней части. Вся площадь щитка занята изображением дерева с тремя парами симметрично раскинутых ветвей, венчающихся опущенными вниз плодами (гроздья винограда). Нижняя часть щитка отделена от прорези бордюром из ложной зерни. С обратной стороны имеются три шпенька для крепления к ремню (рис. 2, *1*).

Другая серебряная полуовальная бляшка имеет два ушка для штифтов в нижней части (рис. 2, *3*). Верхний край рамки загнут назад, а в ушках сохранились маленькие штифтики. Центральным сюжетом орнаментальной композиции является изображение дерева, расположенного

строго по вертикальной оси щитка. Вершину дерева венчает розетка в виде крина-трилистника в сердцевидной фигуре. Чуть ниже помещена и другая такая же розетка в зеркальном отображении. В основании дерева симметрично расположены две ветви-полукрины. Оформляет щиток бордюр в виде сильно стилизованной и плохо проработанной византийской лозы.

Следующая бляшка (рис. 2, *2*) сильно отличается от предыдущей более высокой степенью художественного исполнения и проработкой орнамента. Эта серебряная полуовальная накладка с волнистой окантовкой нижнего края. Верхний край рамки слегка отогнут назад, а по углам в нижней части два отверстия для штифтов. Центральным сюжетом является изображение дерева в нижней части поля щитка. Вершину ствола венчает усложненный пятилепестковый крин с двумя отогнутыми вниз лепестками. От нижней части дерева отходят две симметричные ветви-полукрины. Обрамляет щиток бордюр в виде растительного побега, образованного ветвями-полукринами, византийской лозой. В целом для композиционного построения этой поясной накладки характерна зеркальная симметрия [23, с. 370—378]. Она выражается как в сочетании первоначальных элементов, составляющих дерево, так и в расположении ветвей-полукринов в бордюре.

Описанная бляшка крепилась к ремню посредством штифтов с помощью тонкой серебряной пластины полуовальной формы (рис. 2, *6*).

К группе бляшек с растительным орнаментом можно отнести три золотых ременных скобочки. Одна из них (вес 4,05 г) имеет фигурные концы с отверстиями для штифтов (рис. 2, *11*). В центральной части пластины в прямоугольном поле помещен S-видный завиток, концы которого оформлены кринами-трилистниками. Фигурные концы скобочки также оформлены трилистниками, расположенными в зеркальной симметрии.

Две другие скобочки (вес 2.86 и 3,72 г) являются упрощенным вариантом предыдущей (рис. 2, *12*, *13*). На концах имеются отверстия со штифтами. Орнамент украшает только центральную часть пластины, где в прямоугольном поле помещен S-видный завиток.

Наряду с группой поясных бляшек с растительным орнаментом в состав муравьевского клада входили ременные накладки с геометрическим орнаментом. Среди них серебряный колчанный крючок (рис. 2, *4*). Его щиток полуовальной формы со шпеньками для крепления к ремню. Прорезное поле щитка заполнено крестообразным переплетом, окантованным проходящим по краю щитка бордюром в виде елочки.

В состав этой группы входят две одинаковые серебряные бляшки с полуовальными щитками в верхней части и прямоугольными рамками для подвесных ремней в нижней. С обратной стороны есть шпеньки для крепления к ремню. В центре щитка прорезное полуовальное поле, заполненное крестообразным переплетом, а по краю проходит бордюр из ложной зерни (рис. 2, *5*).

Дополняет эту группу накладок серебряная поясная бляшка подковообразной формы (рис. 2, *8*) с тремя полукруглыми выступами на концах и в центральной части. С обратной стороны шпеньки для крепления к ремню. Пластина украшена бордюром из ложной зерни.

Наконец, комплекс дополняет подвеска в виде стержня, имеющего с одного конца кольцо, а с другого — коническую головку (рис. 2, *7*).

У рассмотренных поясных украшений нет прямых аналогий, и, по-видимому, они уникальны. Однако использованные при их изготовлении элементы орнамента и композиции позволяют наметить возможное место их производства или, во всяком случае, территорию бытования этой изобразительной традиции. Так, орнамент в виде симметрично расположенных гроздьев винограда, отходящих от одного стебля, использовался для украшения ряда пряжек, найденных в Крыму и на Северном Кавказе. Например, он украшает щиток пряжки VIII в. из погребения 172 Баклы, щитки, не датированных, к сожалению, пряжек из Керчи и Рутхи, причем их производство связывается исследователями с Крымом [24, табл. VI, *3*, XI, *11*].

Орнаментальную композицию, где центральной фигурой является крин, можно сравнить, как нам представляется, с группой овально-рамчатых пряжек с геральдическими щитками, выделенных В. Б. Ковалевской в тип 8, подтипы 2—5. Сходство между ними заключается в единстве самого сюжета: геральдический или полуовальный щиток с прорезным полем, в основании которого по вертикальной осевой линии помещен крин. Различия проявляются лишь в степени схематичности трехлистника или его эволюции и в характере оформляющего край щитка бордюра [24, табл. VII, *7—13*]. Время бытования подобных пряжек В. Б. Ковалевская заключает в рамки VIII—IX вв., Д. Чаллань предлатает более раннюю датировку — 620—660 гг., а А. И. Айбабин относит их появление ко второй половине VII в [25, с. 176—178]. Любопытную картину рисует территориальное распределение этих пряжек. Из 28 экз., учтенных В. Б. Ковалевской и происходящих с территории нашей страны, 85,7% найдено в Крыму, 10,7% — на Северном Кавказе, 3,6% — в Поволжье. Единичные экземпляры известны в Албании, Югославии, Греции, Италии и Египте. Итак, география распределения пряжек этих подтипов свидетельствует об их крымском происхождении, а подтип 5 В. Б. Ковалевская более конкретно связывает с херсонесским и, возможно, с керченским производством.

Аналогичная композиция и на золотом поясном наборе, найденном у с. Акалан в Турции, где центральная часть щитка занята изображением крина, расположенным по вертикальной осевой линии. С. Ваклинов датирует этот поясной набор первым десятилетием VII в. и считает, что он был сделан в византийских мастерских специально для «варваров» [26, с. 143]. Сходство проявляют и некоторые поясные бляшки из Вознесенского комплекса [27, табл. III, *16*] второй половины VII — первой половины VIII в. [28, с. 220]. Например, накладка в виде спаренных геральдических щитков, украшенная крином по осевой вертикальной линии. Почти полную ее аналогию представляет одна из бляшек, найденных у г. Суджи [29, рис. 7, *б*].

В орнаменте предметов из Вознесенки мы находим параллели и другому элементу, использованному при украшении бляшек муравьевского клада. Это розетки в виде крина в сердцевидной фигуре, покрывавшие четырехлепестковые поясные накладки [27, табл. III, *23, 25*].

Широко использовались для украшения поясных наборов и других металлических предметов в VII—IX вв. в Восточной Европе S-видные завитки. В частности, они помещены на подвесном цилиндрике из состава найденного в Саркеле поясного набора. Концы завитков украшены лепестками, а в целом они напоминают изогнутую веточку [30, с. 66]. Этот же элемент, но составляющий сердцевидные фигуры, оформляет стремена из разрушенного погребения на территории салтовского селища у г. Алексеевка в долине р. Тихой Сосны [30, с. 74]. Бордюр из S-видных завитков нанесен на круглой поясной бляшке из катакомбы 52 Дмитриевского могильника [21, рис. 45]. Аналогичный элемент использован при украшении щитка пряжки VIII в. из кургана 3 могильника Умна 3, где S-видный завиток — стебель с лепестками, а на его концах — крины [24, табл. VII, 14]. Этот же мотив мы видим и на круглой золотой пластине, найденной вместе с солидом Льва III Исавра (717—741) [10, рис. 18, *3*] в разрушенном погребении у ст. Романовской на Дону (новое определение поздней монеты комплекса — Леонтий II (695—698) предлагает А. И. Семенов [31, с. 100]).

Способ украшения поясных бляшек переплетом, окантованным бордюром из зерни, находит аналогии среди поясных наборов из погребений салтово-маяцкой культуры. Именно так оформлен поясной наконечник из катакомбы 3 Дмитриевского могильника. Разница состоит лишь в том, что в последнем случае переплет непрорезной. Типологически близок и орнамент поясного наконечника из катакомбы 5 того же могильника [20, рис. 45]. Прорезной переплет занимает поле щитка пряжки второй половины VIII — начала IX в. из катакомбы 51 Дмитриевского могильника. Подобный орнамент известен и в Крыму, для примера можно при-

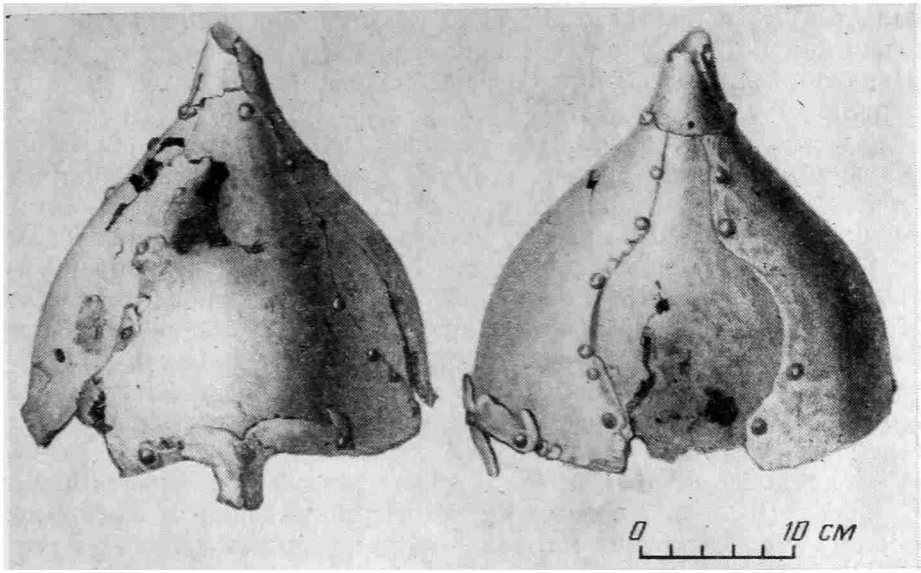


Рис. 3. Шлем из погребения близ с. Столбище

вести щиток пряжки VI—VII вв. из Керчи, украшенный непрорезным переплетом [24, табл. XIX, *9*].

Приведенные параллели показывают, что использованные при украшении поясного набора из муравьевского клада элементы орнамента и орнаментальные композиции вполне соответствуют тому времени, на которое указывают найденные в погребении монеты, что позволяет отнести комплекс ко второй половине VIII в. Вместе с тем очерченная параллелями территория свидетельствуют как будто об изготовлении рассмотренного поясного набора в Причерноморье и вероятнее всего в Крыму.

Хотя в литературе неоднократно упоминались найденные в этом погребении кольчуга, шлем и меч, мне не удалось обнаружить эти вещи в хранилищах Эрмитажа. Однако фотографии меча и шлема сохранились в соответствующем деле Археологической комиссии [32]. Клинок меча прямой, длиной около 70 см, но его конец обломан. Перекрестие напускное, расширенное посредине, а стержень рукоятки прямой с двумя отверстиями, для крепления обкладок. Железный шлем (рис. 3) склепан из четырех пластин, соединенных в верхней части коническим навершием. Спереди к нижнему краю шлема приклепана пластина наносника.

Сам факт находки таких предметов вполне закономерен для населения круга салтово-маяцкой культуры. Так, В. Бешевлиев отмечает, что, согласно древнеболгарским надписям, защитная одежда праболгар состояла из шлема и двух видов кольчуг [33, с. 107]. Этим данным соответствуют рисунки-граффити на стенах Плиски и Преслава, опубликованные Д. Овчаровым [34, с. 48—49]. Но наиболее выразительным является изображение тяжеловооруженного всадника на золотом сосуде № 2 из Наг сент Миклошского клада, найденного в 1799 г. на территории современной Румынии. Всадник одет в длиннополую кольчугу, а его голову защищает шлем. Некоторые исследователи считают по характеру и подробностям изображения, что здесь отражен военный быт болгар в VIII—IX вв., и в частности военная победа какого-то крупного болгарского аристократа [26, с. 149—150].

Археологические источники подтверждают использование кольчуг, шлемов и мечей населением Юго-Восточной Европы в VIII—IX вв. Так, в погребении 134 Борисовского могильника найдены железная кольчуга, обломки железного шлема, железные поножи, нарукавники и наплечник [35, с. 144]. Обрывки кольчуг обнаружены на Северном Кавказе в могильниках Чми, Балта и Комунта [36, с. 130, 164, 303]. Фрагменты кольчужных сеток открыты В. А. Бабенко и Н. Е. Макаренко в Верхнесалтовском могильнике, но, судя по тому, что в «скипевшейся массе»

находились бусы и амулеты, это были кольчужные сумочки [37, с. 137], известные нам по раскопкам Ютановского и Нижнелубянского могильников. Недавно были опубликованы материалы из связываемых с булгарами группы погребений VII—IX вв. у аула Казазово в Краснодарском крае, где в могиле 106 обнаружен комплекс защитной одежды. Это кольчуга из крупных колец в виде длинной рубахи с разрезами на подоле, без ворота, с короткими рукавами. Здесь же находился склепанный из восьми пластин шлем с прямым наносником и кольчужной бармицей [38, с. 148—155]. Большое количество обрывков кольчуг найдено в подкурганных катакомбах Верхнечирюртовского могильника, что послужило для М. Г. Магомедова основанием предполагать их местное производство [39, с. 120—123]. В отчете о раскопках В. А. Бабенко в 1911 г. в Верхнесалтовском могильнике упоминается о находке в катакомбе 1 железного шлема. Н. Я. Мерперт подверг сомнению правильность такой трактовки этого предмета, но допустил, что он является верхней частью шлема-мисюрки из войлока и, быть может, с кольчужной бармицей [40, с. 131—168]. Несколько необычно выглядит находка в погребении у с. Столбище меча, особенно на фоне многочисленных сабель из погребений салтово-маяцкой культуры. Однако в качестве параллели можно привести меч из катакомбы 52 Дмитриевского могильника [20, с. 157, 158]. Для VIII—X вв. известны мечи и на территории Дагестана, в частности из 34 клинков, найденных в Бежтинском могильнике, 9 двулезвийных, 25 однолезвийных [41].

Итак, совокупность сведений об элементах погребального обряда и вещевой материал позволяют поставить исследуемый памятник в один ряд с ямными погребениями салтово-маяцкой культуры. В настоящее время накоплен значительный материал, расширяющий наши представления о степени распространения таких погребений в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья и далее к востоку, на левобережье Среднего Дона. Традиционно они считаются булгарскими, а схема этнического определения, впервые предложенная Н. Я. Мерпертом, сводится к формуле: ямная конструкция погребения + вытянутое положение скелета на спине + + салтовский вещевой материал + брахикранность черепов [14, с. 36]. Однако абсолютный характер совокупности этих признаков для выделения исключительно булгарской этнической общности, а не каких-либо других из широкого круга оногуро-булгаро-хазарских племен никем не доказан (подобные попытки и не проводились). Теоретически подобный комплекс признаков можно предполагать и у ряда близких этнических общностей Юго-Восточной Европы в VIII—IX вв.— савиров, барсилов, хазар и т. д.

Топография распространения ямных погребений в лесостепи рисует широкий ареал, который фактически почти совпадает с территорией распространения там салтово-маяцкой культуры. По характеру концентрации, взаимного расположения и связи с другими погребальными памятниками ямные захоронения этой зоны можно разделить на три группы. Первую составляют отдельные разбросанные ямные погребения, территориально не связанные с какими-либо могильниками. Ко второй группе относятся ямные захоронения, комплектующие могильники с подобным обрядом (Нетайловский, Волоконовский) [16; 42]. Третья группа — это ямные погребения на территории могильников с иным погребальным обрядом. И здесь, исходя из признака — с какими захоронениями соседствуют ямные погребения, выделяются две подгруппы. Одна из них характеризует ямные погребения на территории аланских катакомбных могильников (Верхнесалтовский, Дмитриевский, Нижнелубянский, Ютановский, Маяцкий) [43, с. 415; 44, с. 460; 45, с. 120—122; 46, с. 108—112; 47, с. 64; 48, с. 49; 49, с. 78]. Другая — на территории могильников с трупосожжениями (Пятницкий) [50, с. 304].

Классификационные различия ямных погребений отражают как сложный процесс миграций оногуро-булгаро-хазарских групп в лесостепь и их инфильтрацию в среду местного и пришлого оседлого населения [51, с. 35—37], так и факт проявления подобной традиции у представителей алано-асской общности. Погребение, обнаруженное в имении Муравьевой,

относится к первой группе ямных могил, для которых характерна неожиданность, как бы случайность самого факта захоронения в процессе движения какой-то группы населения, еще не сформировавшей в этой местности могильника. Предлагаемая датировка памятника второй половиной VIII в. делает его самым ранним из датированных ямных погребений лесостепной зоны, а это, возможно, и определяет время первой миграции оногуро-булгаро-хазарских групп из степи в лесостепь, где в предшествующий период подобные захоронения известны не были, хотя отсутствие данных для антропологической характеристики погребенного не позволяет однозначно решать вопрос о его этнической принадлежности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронежские губернские ведомости, № 72, суббота, 27 сентября 1869 г.
2. Воронежские губернские ведомости, № 9, суббота, 31 января 1870 г.
3. ОАК за 1869 г. СПб., 1871.
4. *Кондаков Н.* Указатель отделения средних веков и эпохи возрождения Эрмитажа. СПб., 1891.
5. ЗРАО, СПб., 1896, т. VIII, вып. 1—2.
6. *Зверев С. Е.* Следы христианства на Дону в домонгольский период.— Тр. X АС, Т. I. М., 1899.
7. *Макаренко Н. Е.* Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г.— ИАК, 1906, № 19.
8. ОАК за 1905 г. СПб., 1908.
9. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
10. *Кропоткин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР.— САИ, 1962, вып. Е4-4.
11. *Семенов А. И.* Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону.— В кн.: Проблемы археологии. Вып. II. Сборник статей в память проф. М. И. Артамонова. Л., 1978.
12. *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура.— В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
13. *Матвеев Ю. П.* Отчет о раскопках курганов у пос. Ольховатка Ольховатского района Воронежской области в 1976 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6866.
14. *Мерперт Н. Я.* К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957.
15. *Швецов М. Л.* Погребения салтово-маяцкой культуры в Поднепровье.— В кн.: Древности Среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка, 1981.
16. *Плетнева С. А., Николаенко А. Г.* Волоконовский древнеболгарский могильник.— СА, 1976, № 3.
17. *Плетнева С. А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье.— В кн.: Плиска — Преслав. Т. 2. София, 1981.
18. *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964.
19. *Савченко Е. И.* Хронология Крымского могильника.— В кн.: Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1983.
20. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— МИА, 1967, № 142.
21. *Иченская О. В.* Особенности погребального обряда и датировка некоторых участков Салтовского могильника.— В кн.: Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наук. думка, 1982.
22. *Ахмеров Р. Б.* Могильник близ г. Стерлитамака.— СА, 1955, т. XXII.
23. *Макарова Т. И.* Симметрия в растительном орнаменте Древней Руси.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
24. *Ковалевская В. Б.* Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки.— САИ, 1979, вып. Е1-2.
25. *Айбабин А. И.* Погребения конца VII — первой половины VIII в. в Крыму.— В кн.: Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII веков. М.: Наука, 1982.
26. *Вакулинов С.* Формиране на старо-българската култура. София. 1977.
27. *Грінченко В. А.* Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі.— Археологія, 1950, т. 3.
28. *Амброз А. К.* О Вознесенском комплексе на Днепре — вопрос интерпретации.— В кн.: Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII веков. М.: Наука, 1982.
29. *Рыбаков Б. А.* Древние Русы.— СА, 1953, т. XVII.
30. *Макарова Т. И., Плетнева С. А.* Пояс знатного воина из Саркела.— СА, 1983, № 3.
31. *Семенов А. И.* Романовское погребение и донские памятники предсалтовской культуры хазарского времени.— В кн.: Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону. Изд-во Ростов. ун-та, 1983.
32. Дело Археологической Комиссии о древних вещах и золотых византийских монетах, найденных на человеческом скелете в Бирюченском уезде Воронежской губернии.— Архив ЛОИА АН СССР, № 26 за 1869 г.
33. *Бешевлиев В.* Първо-Българите. Бит и култура. София, 1981.

34. *Овчаров Д.* Български средневековни рисунки-графити. София, 1982.
35. *Саханев В. В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг.— ИАК, 1914, вып. 56.
36. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа.— МАК, 1900, вып. 8.
37. Каталог выставки XII АС в Харькове. Харьков, 1902.
38. *Тарабанов В. А.* Средневековый могильник у аула Казазово.— В кн.: Историческая этнография: традиции и современность. Л., 1983.
39. *Магомедов М. Г.* Население Приморского Дагестана в VII—VIII вв.— В кн.: Плиска — Преслав. Т. 2. София, 1981.
40. *Мерперт Н. Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье.— СА, 1955, т. XXIII.
41. *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
42. *Иченская О. В.* Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника.— В кн.: Древности Среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка, 1981.
43. *Бабенко В. Л.* Дневник археологических раскопок в с. Верхнем Салтове 1906 г.— Тр. XIII АС. Т. I. М., 1907.
44. *Бабенко В. А.* Памятники хазарской культуры на юге России.— Тр. XV АС, Т. I. М., 1914.
45. *Семенов-Зусер С. А.* Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р.— АП, 1949, т. I.
46. *Плетнева С. А.* Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья.— В кн.: Новое в археологии. М.: Наука, 1972.
47. *Николаенко А. Г.* Охранные раскопки в лесостепном Поосколье.— АО-1976. М., 1977.
48. *Афанасьев Г. Е., Атавин А. Г., Нахапетян В. Е., Молев Е. А.* Работы Оскольского отряда Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции.— АО-1978. М., 1979.
49. *Плетнева С. А., Афанасьев Г. Е., Винников А. З.* Советско-Болгаро-Венгерская экспедиция.— АО-1981. М., 1983.
50. *Буйнов Ю. В., Дьяченко А. Г., Шрамко Б. А.* Работы на новостройках Харьковской области.— АО-1977. М., 1978.
51. *Плетньова С.* Древните българи в Източна Европа.— ИБИД, 1980, кн. 33.

G. E. Afanasyev

THE MURAVIEVA HOARD
(On the Problem of the Onoguri-Bulgar-Khazar Migrations into the Forest-Steppe Zone)

Summary

In 1869 a burial with numerous grave-goods was discovered in Muravieva's estate near the Stolbishche Village on the Oskol River. It included gold and silver belt-plates, one gold and several silver hair rings, an iron chain mail and gold Byzantine solidi of Theodosius (716-717) and Leo III the Isaurian (717-720). Ornamental elements on the belt-plates and their compositions are close to the Northern Pontic artistic tradition. This fact permits us to surmise that the plates were manufactured in the Crimea in the latter half of the 8th century. Our knowledge of the burial rite relates this burial to the pit-grave burials of the Saltovo culture. On the strength of their location and their relations to each other, the Saltovo burials can be divided into three groups illustrating how steppe peoples migrated into the forest-steppe zone and infiltrated its population. If the date of the site is correct, then it is the earliest dated pit-grave burial in the forest-steppe zone. This, in its turn, defines the time the first Onoguri-Bulgar-Khazar groups appeared in the forest-steppe belt, since no similar burials dated to an earlier period were found there.

Н. В. ЖИЛИНА

ТВЕРСКАЯ БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА № 1

26 сентября 1983 г. при археологических раскопках в г. Калинине была найдена первая тверская берестяная грамота (рис. 1, 2).

ѿ СТѦННМНРѦПОКЛОNОКОМНХѦЛОУКОДОМѦЖНРО
ВНЦОУХОЦЕШНВОЗѦТНПОЛОВНNОУКОУNОѦПОРОУЦЕNЕОТЕЦЕВЕТВО
ЕМОУПОНВѦNОКѦNЕХОЦЕШНЛНДѦѦБОЛЕNЕМОГОУВОДАТ(Н)

Перевод текста понятен: «От Станимира поклон к Михалу, к Домажировичу. Хочешь взять половину денег? Я поручен отцу твоему по Иванка. Даже если не хочешь, я больше не могу дать» [1].

Грамота имеет хорошую сохранность. Найдена свернутой в рулон (рис. 2), расправлена и обработана в лабораторных условиях в соответствии с общепринятой методикой[1]. Текст написан на хорошо подготовленной, аккуратно обрезанной полоске бересты, не имеющей грубых естественных дефектов. Размер грамоты сразу после расправления: длина 335—337, ширина 30—33 мм; после высушивания размер практически не изменился. Оторвана и утрачена незначительная нижняя часть правого конца грамоты. Несмотря на эту небольшую утрату, текст читается полностью, грамота представляет собой законченное письмо [2]. У последних букв слова «отецеве» — -еве- (вторая строка) видны центральные и верхние части, предпоследняя буква Т в третьей строке видна верхней частью, последняя буква И может быть восстановлена по смыслу и орфографии грамоты. Буква О в слове «твоемоу» (конец второй строки) пропущена при написании и дописана сверху, очевидно, при переписывании письма писавшим.

В 1983 г. археологические исследования в г. Калинине были сосредоточены на мысу при впадении р. Тьмаки в Волгу, где выявлен культурный слой конца XII — первой трети XIII в. Именно в этом слое на раскопе, расположенном на берегу Волги (рис. 3), при переборке земли и была найдена грамота. По составу слой представляет собой суглинок и навоз. Квадрат раскопа № 23, где была сделана находка, располагался в северо-восточном углу раскопа [3].

Стратиграфическую дату грамоты можно определить как конец XII в. на основании находок стеклянных изделий киевского производства XII в.[4], ключей и деталей замков типа Б, по новгородской классификации [2, с. 160—162], датируемых началом XII — первой половиной XIV в. В нижнем слое раскопа встречены зооморфная подвеска-уточка XII—XIII вв. [3, с. 38, 39, 116] и стеклянная бусина византийского производства XI в.

По совокупности палеографических признаков [5] (рис. 4) тверскую грамоту можно отнести к XII—XIII вв. Наиболее важные признаки:

[1] Исследования проведены Калининской экспедицией Института археологии АН СССР и Калининского государственного объединенного музея.

[2] Автор выражает благодарность В. Л. Янину за помощь в прочтении текста грамоты, а также Е. А. Рыбиной за консультацию по обработке берестяных грамот.

[3] Глубина залегания грамоты — 399 см от условного 0, полевой номер 138.

[4] Пользуясь случаем, благодарю Ю. Л. Щапову за любезную консультацию по стеклянным изделиям из раскопок Твери.

[5] Пользуясь случаем, благодарю А. А. Медынцеву за любезную консультацию по палеографии и лингвистике.

Рис. 1. Тверская берестяная грамота № 1 из раскопок 1983 г., фото (Ю. Ю. Моргунова) и прорись

равновеликая форма букв В, Ж и К; геометричность (треугольность и сегментообразность) петель букв В и Б; буква Р с петлей, не соприкасающейся внизу с мачтой, или Р «в виде тросточки»; написание У только через ОУ; горизонтальная перекладина И и наклонная, приближающаяся к диагональной перекладина Н; ω с высокой серединой. В качестве аналогий, где в том или ином варианте наблюдается совокупность этих признаков, можно привести новгородские берестяные грамоты № 219, 238, 503, 510, 420, 422, 516, 531, 502 [4, с. 39, 62–63;

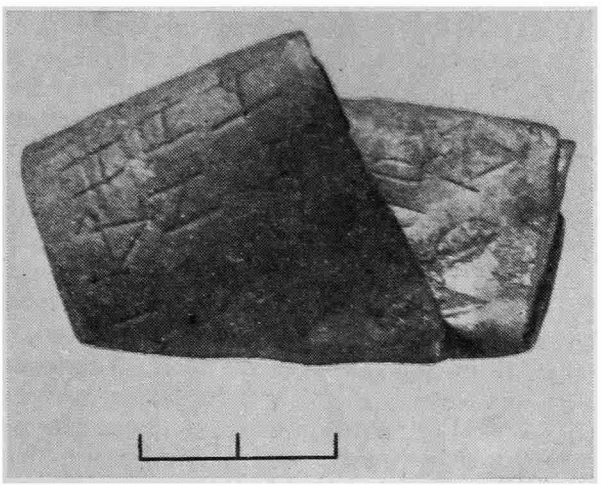


Рис. 2. Тверская берестяная грамота № 1. Первоначальный вид

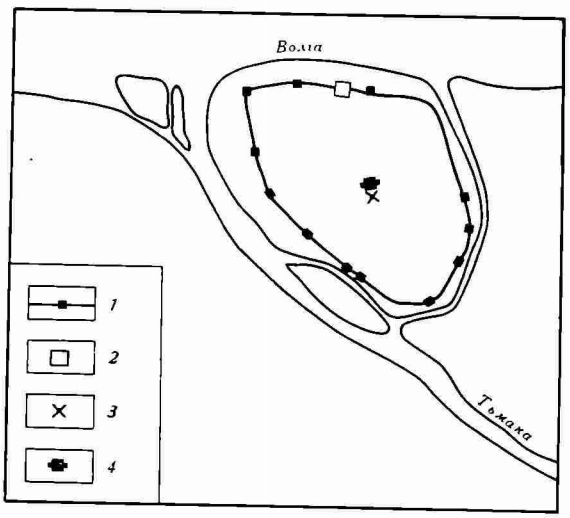


Рис. 3. Расположение раскопа № 3 на схеме Твери. *1* – крепостная стена; *2* – участок раскопа № 3, 1983 г.; *3* – место, указанное И. И. Соколовым; *4* – Спасо-Преображенский собор

5, с. 28, 31, 97, 99, 105, 111, 131], берестяные грамоты из Старой Руссы № 6 и 10 [5, с. 148–150], относящиеся к XII–XIII вв., в основном к XII в.

Исследователи не раз указывали на важность формы буквы В для палеографической датировки [5, с. 11]. Равновеликость частей В указывает на XII в., поскольку верхняя часть этой буквы начинает сокращаться в конце XII в. [5, с. 31] и сокращалась в течение XIII в. [6, с. 58]. Равновелики в тверской грамоте буквы Ж и К, что также в целом указывает на XII в. [7, с. 22]. О XII в. свидетельствует геометричность петель букв В и Б [5, с. 22; 6, с. 32; 8, с. 68, 78]. В тверской берестяной грамоте буква В употреблена 7 раз, в 6 случаях равновелика, в од-

ном случае верхний кузов несколько сокращен, что не противоречит датировке XII в. В шести случаях буква В имеет треугольные петли, в 1 — сегментообразные. Еще один связанный с ней признак — излом правой части, не доходящий до левой линии. Это отмечается как признак конца XII, середины XIII и начала XIV в. [5, с. 46, 47], встречается он и в первой половине XII в. [9, с. 34].

Раннюю форму имеет ω с высокой серединой. Точные аналогии можно указать в новгородских берестяных грамотах № 442 и 510 [5, с. 46, 105—106]. Такое написание с учетом других признаков характерно для раннего времени — XI—XII вв.

Написание Р «в виде тросточки» отмечено для берестяных грамот как признак XII в. [9, с. 53].

Написание У через ОУ не является самостоятельным датирующим признаком, но в данной совокупности говорит в пользу ранней датировки грамоты — XII в. [4, с. 17; 7, с. 25; 8, с. 57].

Буква А с подчетырехугольным кузовом и горизонтальной отсечкой встречена в берестяных грамотах XII—XIII вв. [5, № 422, 430, 433, 439].

Форма буквы М, употребленная в тверской грамоте 5 раз, имеет петлю простой треугольной формы, типичной для XI—XIII вв.

Форма буквы О напоминает пчелиные соты. Аналогии имеются среди грамот XII в. [10, с. 38].

Архаичной чертой XII в. можно считать большой навес над буквой З, однако при этом хвост нельзя назвать длинным [8, с. 78; 10, с. 10].

Буква Ж написана в пять штрихов, разорванно (изгибы боковых частей не доходят до средней линии), асимметрично (относительно вертикали). Аналогии асимметричному написанию можно указать в новгородских берестяных грамотах XII—XIV вв. [5, с. 31; 7, с. 81; 8, с. 52—54; 9, с. 19]. Разорванное Ж появляется в XII в. [5, с. 49, 51]. В то же время разорванность частей букв при написании на бересте иногда рассматривается как «специфическая берестяная форма» и встречается в разное время [7, с. 81; 8, с. 52]. Вспомним, что в тверской грамоте разорванность характерна также для написания В. По всей видимости, данную черту следует отнести к манере написания автора тверского берестяного письма, не придавая ей датирующего значения.

Несмотря на то что совокупность палеографических признаков относится к XII—XIII вв., на основании некоторых конкретных признаков данную датировку можно сузить. Геометричность и равновеликость В позволяют полностью исключить вторую половину XIII в.

Стратиграфическая и палеографическая датировки тверской грамоты соответствуют друг другу: XII в., первая треть XIII в., домонгольское время.

Тверская берестяная грамота имеет довольно много общих черт по палеографии с комплексом новгородских берестяных грамот мальчика Онфима (грамоты № 199, 200, 202, начало XIII в.) [4, с. 19—23]. Аналогичны следующие начертания: равновеликое В, М с треугольной петлей, З с большим навесом и коротким хвостом, Б с большим навесом и треугольной петлей, Р «в виде тросточки». Подчетырехугольный кузов А, сужающийся книзу, представляет собой, видимо, промежуточную форму между архаической формой А с треугольным кузовом (XI—XIII вв.) [7, с. 36] и А из грамот Онфима — с недописанным кузовом, расходящимся книзу, без нижней перекладины. Возможно, буква А тверской грамоты является более ранней формой, нежели буква А грамоты Онфима.

Интересные наблюдения и важные для датировки замечания можно сделать и на основании грамматического анализа текста тверской берестяной грамоты. Обзор грамматических явлений произведем по основным разделам грамматики.

Фонетика. Исследователями неоднократно отмечено, что важным показателем для датирования является ступень падения редуцированных гласных [11, гл. IV]. В древнерусских текстах редуцированные переда-

вались разными способами. Один из них — с помощью букв О и Е. Этот прием отмечен для памятников XI—XII вв. [11, с. 97; 12, с. 6—8; 13, с. 174, 175]. В тверской берестяной грамоте на месте слабых редуцированных (утраченных впоследствии) использованы буквы О и Е: поклоно (поклонъ); ко — (къ) — дважды; возяти (възяти); коуно (коунъ); пороуцене (поруцьнь) — последний гласный; отецеве (отьцевь) — последний гласный; Иванока (Иванъка); водати (въдати).

На месте редуцированных в сильной позиции также написаны О и Е: хоцеши (хъцеши) — дважды; поруцене (поруцьнь) — предпоследний гласный, боле (болъ). Следовательно, грамота относится к периоду до окончательного падения редуцированных, т. е. до начала XIII в.: XII — рубежу XII и XIII вв. [14, с. 49].

В тексте грамоты наблюдается систематическое смешение Ъ—О (9 раз), смешение Ь—Е (5 раз). Следовательно, по этому показателю грамота может относиться к первому переходному или среднему периоду истории смешения, выделяемому А. А. Зализняком [14, с. 58]. Учитывая положение редуцированных, на наш взгляд, вернее относить грамоту к первому переходному периоду — XII в. («кроме начала и конца») [14].

По гипотезе В. М. Маркова, написание О и Е на месте Ъ и Ь и в слабом, и в сильном положении относится к периоду, предшествовавшему окончательной редукции (когда редуцированные произносились уже ослабленно), т. е. также к XII или самому началу XIII в. [15, с. 241]. Следовательно, по лингвистическим данным, вытекающим из текста грамоты, мы вправе ограничить ее датировку XII — рубежом XII и XIII вв.

В написании текста тверской грамоты отмечается важное фонетическое явление — цоканье, или неразличение аффрикат Ц и Ч. Буква Ц употреблена в слове «отецеве», что этимологически правильно, но также и в словах «Домажировицу», «хоцеши» (дважды), «поруцене».

Древнее диалектное явление, цоканье появляется в текстах в конце XI в., но возникает значительно раньше [13, с. 263]. Как отмечено Ф. П. Филиным, цоканье распространено на северо-западе русской территории, непосредственно примыкавшей к балтийским языкам (псковские, западно-тверские, юго-западные, новгородские говоры) [13, с. 255]. В письменности ростовской, владимиро-суздальской, Московской Руси цоканья, как правило, нет [13, с. 259]. Неразличение аффрикат во множестве отмечено в новгородских берестяных грамотах, преобладает написание Ц на месте Ч [13, с. 257; 16, с. 94].

Цоканье в тверской берестяной грамоте соответствует материалам по цоканью на территории Калининской области, обобщенным в специальной работе С. А. Копорского [17]. Автор приводит интересное присловье: «тверитяне-цуканы», отмечая, что «тверской край в прошлом был краем едва ли не сплошного цоканья» (там же, с. 155, карта № 3) [6].

Интересен материал грамоты по смягчению шипящих согласных. До XIII—XIV вв. согласные были только мягкими [19, с. 67]. Этому соответствуют написания: «хоцеши» (дважды) и «Домажировицу» с буквой И после Ш и Ж. Это также аргумент в пользу преимущественного отнесения грамоты к XII в.

Морфология. *Имена существительные.* В тексте грамоты их четыре:

поклоно — склонение имен с основой на о, твердая разновидность, мужской род, единственное число, именительный падеж; образовано с помощью приставки по-, корень -клон- [20, с. 106]; -о — окончание;

половиноу — склонение имен с основой на а, твердая разновидность, женский род, единственное число, винительный падеж;

---

[6] Любопытно и выразительно свидетельство из материалов Русского географического общества, из корреспонденции, посланной в ответ на Программу 1848 г. из села Микулина Городища (б. Тверская губерния). Здесь указывается именно на неразличение аффрикат и произнесение Ц вместо Ч: «Замечается цоканье, кроме работающих в Москве или Петербурге, которые, быв осмеяны за свои „да", приходя домой, говорит, не понимая, „черковь" вместо „церковь"» [18, с. 7].

(аз)

(буки)

(веди)

(глаголъ)

(добро)

(есть)

(живете)

(земля)

(иже)

(како)

(людие)

(мыслете)

(наш)

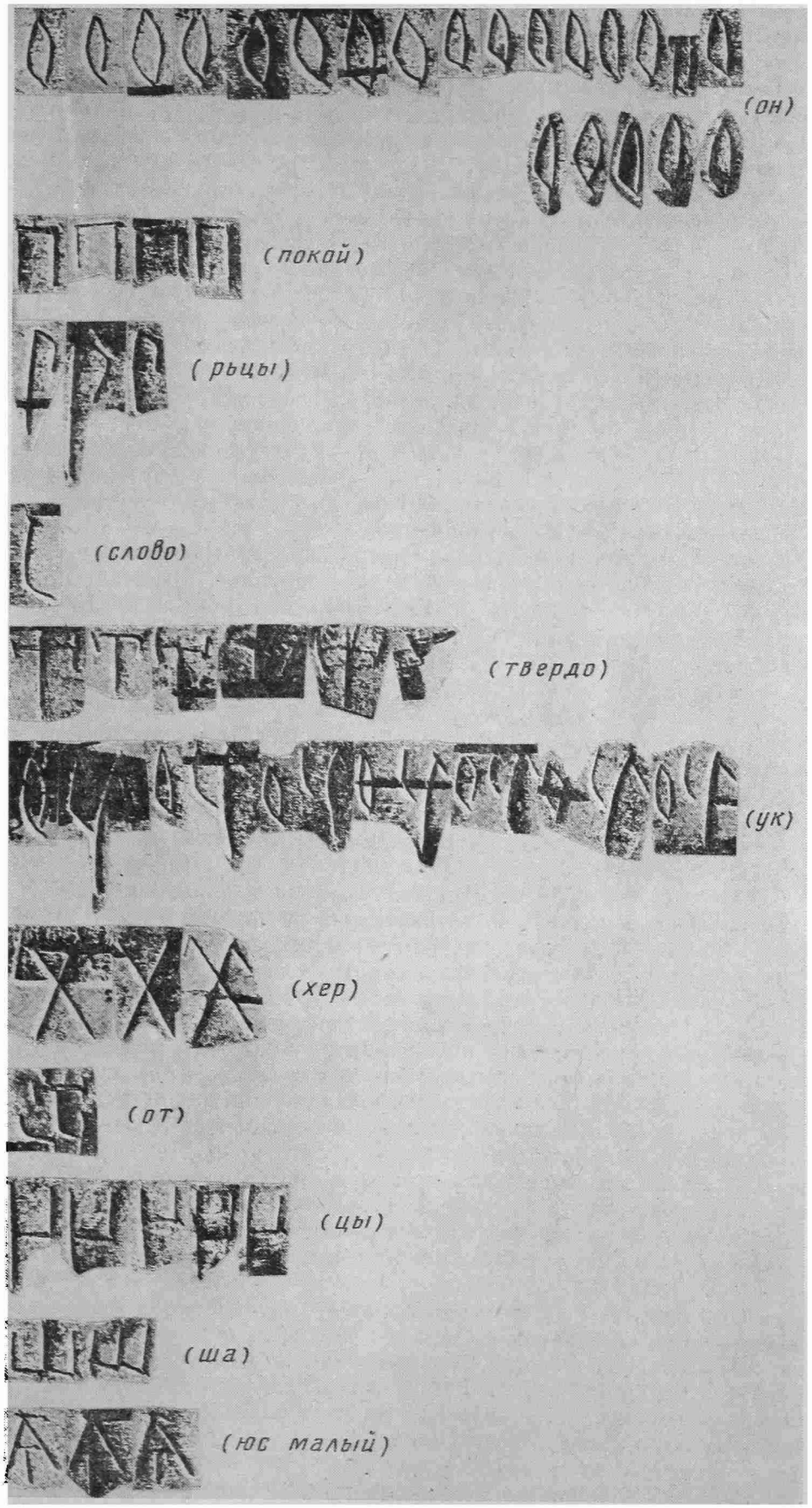


Рис. 4. Азбука тверской берестяной грамоты

коуно — склонение имен с основой на а, твердая разновидность, женский род, множественное число, родительный падеж (там же, с. 104, 115), коун- — корень; -о — окончание;

отецеве — склонение имен с основой на -о, мягкая разновидность, мужской род, единственное число, дательный падеж; корень -от-, суффикс -ец- (в древности уже не имел значения уменьшительности), -еве — окончание (там же, с. 108, 115).

Местоимения. Дважды употреблено личное местоимение «я», переданное с помощью буквы «юс малый».

Имеется притяжательное местоимение «твоемоу» — мужской род, единственное число, дательный падеж, согласовано с существительным «отецеве», тво- — корень, -ему — окончание.

Глаголы. Хощеши (дважды) — настоящее время, второе лицо, единственное число, несовершенный вид (инфинитив — хотети), (хоч- — корень, е — тематический гласный, -ши — окончание);

возяти — инфинитив совершенного вида, образован с помощью приставки во-, корень -зя- [21, с. 61]; -ти — окончание;

могоу — настоящее время, первое лицо, единственное число, несовершенный вид (инфинитив — мочи), мог- — корень, -у (оу) — окончание;

водати — инфинитив совершенного вида, образован с помощью приставки во-, корень -да-, -ти — окончание.

Причастие. В тверской грамоте употреблено краткое причастие страдательного залога прошедшего времени — поруцене. Причастие согласовано в роде, числе и падеже с подлежащим «я»; образовано от глагола «ручить», «поручить» (там же, с. 319). Приставка по- выражает завершенность действия [20, с. 140], корень — -руц-, -е- — тематический гласный, -н- — суффикс, -е — окончание [20, с. 290, 291].

Наречие. Боле.

Предлоги. ѡ (от) — употреблен с родительским падежом — «от Станимира»;

по — употреблен в значении «за» с винительным падежом для выражения защиты — «по Иванока» [22, т. I, с. 891];

ко — употреблен дважды (повторение предлогов) — «ко Михалу, ко Домажировицу».

Союз. Употребленный в грамоте союз «да» является редким [21, с. 504], употреблен в качестве усилительной частицы.

Частицы «не — ли» употреблены в сочетании в последнем предложении; по смыслу их можно заменить словами «если не»;

не — отрицательная частица с глаголом — «не могу».

Интересно отметить употребление редкой формы дательного падежа, мужского рода, единственного числа с окончанием -еви, в данном случае -еве: «отецеве». Исследователи русского языка приходят к выводу о том, что данное окончание было южнорусской особенностью, а в памятниках письменности Северо-Восточной Руси встречается очень редко [13, с. 369; 23, с. 13, 33, 34, 49, 75, 87, 88].

Ф. П. Филин произвел подсчет встречаемости окончания дательного падежа на — ови, -еви и -у, -ю в новгородских берестяных грамотах и в надписях на произведениях прикладного искусства, рассмотренных Б. А. Рыбаковым [24]. Подсчет показал полное преобладание окончаний -у, -ю [13, с. 369, 371].

Замечательно, что единственный пример на окончание -еви встречен на двух медных змеевиках XIV в. Б. А. Рыбаков доказал принадлежность их тверскому князю Александру Михайловичу (1330—1365 гг.) [24, с. 44]. Два примера на данное окончание, происходящие из Твери (змеевики и тверская грамота), пока не дают возможности рассматривать данное явление как диалектную особенность, но обращают на себя внимание.

Очень важно сохранение у глаголов второго лица, настоящего времени окончания -ши: хощеши (дважды). Изменение -ши в -шь происходит в связи с падением редуцированных, начинаясь в XII—XIII вв. [19, с. 94]. Это добавляет существенный аргумент в пользу отнесения твер-

ской берестяной грамоты к периоду до окончательного падения редуцированных, т. е. до XIII в.

В тексте грамоты употреблено четыре имени собственных. Два из них — Иванко и Михал — являются вариантами широко распространенных в древнерусском языке имен Иван и Михаил. Два других имени следует рассмотреть более подробно.

Имя Станимир по образованию аналогично именам Володимир, Судимир и т. д. Как указал А. М. Селищев, «в первой части имен не глагольная форма, а именная с суффиксом ... значение некоторых из таких сложных имен: Voldimer — „славный властительством“» [25, с. 84—85]. Очевидно, имя Станимир означает «славный станом». «Стан», как это указано у И. И. Срезневского, означает «стоянка», «лагерь», «жилище», «дом» [22, т. III, с. 494]. Таким образом, это имя можно перевести как «славный домом». В словаре древнерусских имен Н. М. Тупикова приведены упоминания этого имени в летописях [26, с. 427], относящиеся к XII—XIV вв.

Имя Домажир (Доможир) и отчество Домажирович, Домажиричь, Домажирь встречаются в летописях и новгородских берестяных грамотах XII—XIII вв. № 233 и 510, в грамоте новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. [4, с. 55; 5, с. 107—109]. Имя Домажир образовано сложением слова «дома» (наречная форма от слова «дом») и основы «жир». Домажир может означать «домосед», «скряга», «запасливый человек», «состоятельный хозяин» (интересно, что слово «доможира» означает «дом со всем хозяйством»). Таким образом, имена Станимир и Домажир близки друг другу по смыслу [27, с. 69].

Синтаксис. Письмо состоит из четырех предложений: трех простых и одного сложносочиненного. Все предложения полные.

«От Станимира поклоно ко Михалоу ко Домажировицоу» — простое номинативное. «Поклоно» — существительное в именительном падеже. «От Станимира» — приименной член, имя собственное в родительном падеже с предлогом. «Ко Михалоу, ко Домажировицоу» — приименные члены в виде имен собственных в дательном падеже с предлогом [21, с. 429]. Здесь наблюдается повторение предлогов «ко» с однородными приименными членами. С помощью повторения предлогов обычно подчеркивается какое-либо слово [21, с. 453]. В данном случае повторение предлога перед отчеством усиливает вежливость и уважительность обращения.

«Хощеши возяти половиноу коуно?» — простое, вопросительное, определенно-личное предложение с прямым порядком слов. Употребление определенно-личных предложений характерно для различных древнерусских памятников [21, с. 404]. «Хощеши» — простое сказуемое; «возяти» — прямое дополнение, выраженное инфинитивом; «половиноу» — дополнение прямое, выраженное существительным в винительном падеже; «коуно» — косвенное дополнение, выраженное существительным в родительном падеже.

«Я поруцене отецеве твоемоу по Иванока» — простое повествовательное предложение с прямым порядком слов; «я» — подлежащее, выраженное личным местоимением; «поруцене» — именная часть составного сказуемого, выраженная причастием страдательного залога; глагол-связка «есть» (есмь) опущен; «отецеве» — косвенное дополнение, выраженное существительным в дательном падеже; «твоемоу» — определение, выраженное притяжательным местоимением; «Иванока» — косвенное дополнение, выраженное именем собственным.

«Не хощеши ли, да я боле не могу водати» — отрицательное сложносочиненное предложение, сопоставляемое со сложноподчиненным условия с придаточным условия. Обусловливающая часть «Не хощеши ли» является определенно-личным предложением с опущенным подлежащим «ты»: «хощеши» — простое сказуемое, выраженное глаголом настоящего времени. В обусловленной части «...да я боле не могу водати» «я» — подлежащее, выраженное личным местоимением; «не могу» — простое сказуемое, выраженное глаголом настоящего времени с частицей «не»; «вода-

ти» — прямое дополнение, выраженное инфинитивом; «боле» — обстоятельство, выраженное наречием; «да» — союз, употребленный в качестве усилительной частицы [21, с. 504].

Тверское берестяное письмо является памятником живой разговорной речи, но вместе с тем это чисто деловое письмо и в синтаксисе текста можно отметить ряд черт, сближающих его с документами договорного характера. Автор стремится к правильному построению фразы. Господствует прямой порядок слов. Все предложения полные [21, с. 432]. В третьем предложении употреблено составное сказуемое с причастием страдательного залога, широко распространенное в языке договорных грамот [21, с. 372, 373]. Дважды можно отметить выделение субъекта действия с помощью местоимения «я» (во втором и четвертом предложениях), что для разговорной речи является редким [15, с. 146]. Очевидно, эта черта говорит о стремлении автора письма к четкости изложения сути дела. Можно отметить такие характеристики делового письма, как краткость, отсутствие качественных определений. В то же время черты разговорной речи проявляются достаточно ярко: повторение предлогов [21, с. 454]; расположение дополнений и обстоятельств, приименных членов перед управляющим словом: («от Станимира поклоно», «боле не могу водати») [21, с. 155], а также употребление в конце письма сложносочиненного предложения, сопоставляемого со сложноподчиненным с придаточным условия. В. И. Борковский отмечает, что подобные предложения, «где большую роль играет интонация», в устной речи были распространены значительно шире, нежели в письменной [21, с. 498]. Ритмомелодический рисунок последнего предложения письма очень красив. Как отметили В. И. Борковский и П. С. Кузнецов, «употребление бессоюзных предложений в частной переписке свидетельствует не только о влиянии живой разговорной речи на язык частной переписки, но и о ясности и выразительности бессоюзной конструкции при передаче ее на письме, когда устраняется такой важный фактор, как интонация» [21, с. 498, 499]. Однако такие предложения как бы «держат в себе» эту интонацию благодаря четко заложенному ритму и мелодике произнесения и в какой-то мере дают возможность услышать живую разговорную речь.

Лексика. Слова, употребленные в письме, в большинстве не требуют специального исторического пояснения, являясь общеупотребительными [28, с. 169]. В письме представлена деловая, судебная, денежно-расчетная терминология [28, с. 168].

Слово «возяти», как отмечено Л. В. Черепниным, «употребляется для обозначения актов, отличных от купли-продажи», реализации какой-либо сделки в виде получения денег одним лицом от другого [29, с. 274]. В тверской берестяной грамоте оно употреблено при разговоре о реализации отношений поручительства. Аналогично употреблено и слово «водати».

«Поруцене» — наиболее важное по содержанию историческое информации слово. «Дать по ком-нибудь руку», или «поручиться» (поручатися, поручитися) [22, с. 1219—1221], означает взять на себя ответственность за кого-либо. Форма причастия «я (есть) поручен» аналогична по образованию форме с кратким прилагательным «я (ёсть) должен». Такую же грамматическую конструкцию находим в примерах, собранных И. И. Срезневским: «...порученъ...письмены написати» (Минея 1097 г.) [22, т. II, с. 1219]; а также в более позднем документе: «... будет тот Василей по нем, по Иване Фуфае, поручен...» [29, с. 171].

Слово «коуны», «коун» означает «деньги» в собирательном смысле, «деньги вообще» [22, т. I, с. 1365—1366]. Пример, аналогичный нашему, приведен И. И. Срезневским: «а иному своих коунъ желъти» [22, т. I, с. 1365, 1366]. В таком же значении слово употреблено в новгородских берестяных грамотах № 109 [6, с. 38—41], 125 [6, с. 50].

Грамматический анализ текста убеждает нас в датировании грамоты XII — рубежом XII и XIII вв. (завершающая стадия падения редуцированных, систематическое смешение на письме Ъ — О, Ь—Е, сохранение окончания -ши у глаголов второго лица, единственного числа, настояще-

го времени, сохранение мягкости согласных Ж и Ш). Таким образом, стратиграфическая, палеографическая и лингвистическая датировки грамоты совпадают. На основании стратиграфической датировки дату грамоты можно сузить — конец XII в.

Как видно из содержания текста, грамота является письмом, касающимся долговых отношений. Несколько человек связаны отношениями поручительства. Отношения поручительства известны по «Русской Правде» и «Псковской судной грамоте», а также по ряду новгородских берестяных грамот. Статья № 14 Краткой редакции «Русской Правды» показывает наличие института поручительства на своде при решении судебных дел. Поручник — доверенное лицо ответчика [30, с. 78, 82, 91]. О поручительстве на суде княжеского наместника упоминает обрывок новгородской берестяной грамоты № 4 (XIV в.): «роуцилъ оу Петра на городищъ» [10, с. 29]. В «Псковской судной грамоте», характеризующей систему русского права в XIV—XV вв., четыре статьи рассматривают вопросы поручительства в денежных отношениях (ст. 32), размерах ссуд, обеспечиваемых порукой (до рубля) (ст. 33); об ответственности поручителей, о взыскании с них выполнения установленных обязательств (ст. 101, *45*). Как отмечают исследователи, статьи отражают различные этапы развития отношений поручительства и несколько противоречат друг другу [30, с. 290, 308, 349, 311—355, 299, 320]. Л. В. Черепнин отмечает, что новгородская берестяная грамота № 260 (XIV в.) соответствует ст. 33 «Псковской судной грамоты»: «У попа у Михаили возьми полорубля, 10 лососей, то за Иванка поруцнъ» [7, с. 87; 29, с. 278—279]. О какой сумме — «половине кун» — идет речь в тверской грамоте, сказать невозможно, поскольку она относится к иному хронологическому периоду и району, нежели распространение норм «Псковской судной грамоты».

Новгородские берестяные грамоты дают примеры поручительства, в основном относящиеся к XIII—XIV вв. (грамоты: № 4 первой половины XIV в. [10, с. 29], № 59 XIII—XIV вв. [8, с. 61], № 138 XIII в. [9, с. 11—14], № 260 второй половины XIV в. [4, с. 87], № 389 XIV в. [7, с. 88, 89], № 510 конца XII — первой половины XIII в. [5, с. 105—109]. Следовательно, тверскую берестяную грамоту можно считать текстом, содержащим одно из наиболее ранних упоминаний отношений поручительства. Берестяные тексты дают примеры различных словосочетаний, выражающих эти отношения. Сочетания слов «я (есть) поручене» (тверская берестяная грамота), «язо (есть) во поруки» (новгородская грамота № 59, рубеж XIII и XIV вв.) [8, с. 61]; «я (есть) поруцнь» (поручник) (№ 510, конец XII — первая половина XIII в.) [5, с. 105—109] синонимичны. На примере конкретных жизненных ситуаций грамоты раскрывают смысл термина «поручное» («то за Иванка поруцнъ», «корова поруценая»): это те деньги или имущество, которое выплачивается поручником в случае несостоятельности должника: «полорубля и 10 лососей» (грамота № 260), «корова» (грамота № 138), «половина коуно» (тверская берестяная грамота).

В той конкретной ситуации, которую рисует тверская берестяная грамота, Станимир, автор письма, поручился Домажиру, отцу Михала Домажировича, за Ивана в том, что Иван в назначенный срок вернет определенную сумму денег, взятую в долг у Домажира, т. е. Домажир — кредитор, Иван — должник, Станимир — поручившийся.

Аналогичная ситуация обрисовывается в новгородской грамоте № 389 (XIV): «От Лоуки ко Марфи. Цто Олекса Колбинцъ дал пороукоу в коунах, да ти бы дати коуны на Петров день...». Комментируя грамоту, Л. В. Черепнин указывает, что здесь кредитор — Лука, должница — Марфа, Олекса Колбинц — поручившийся [29, с. 356]. Кредитор напоминает об уплате долга. В ситуации тверской грамоты, наоборот, Станимир первый напомнил о своих обязанностях, связанных с поручительством. Если бы найденному в раскопе № 3 письму предшествовало письмо от Михала Домажировича к Станимиру с напоминанием, то вряд ли в первых строках своего письма Станимир стал бы снова писать: «Я поруцене

отецеве твоемоу...». Он обращается к сыну Домажира, Михалу Домажировичу, поскольку Домажир к моменту написания письма, вероятно, умер. Очевидно, Иван просрочил уплату долга. Михал Домажирович либо недостаточно хорошо осведомлен о делах отца, либо Станимир еще не опоздал с уплатой и посылает свое письмо как раз вовремя, не дожидаясь напоминаний и исков, на которые в данном случае имеет право кредитор. Это дает возможность предполагать, что Домажир умер незадолго до написания письма Станимира и письмо было как раз следствием этой смерти.

Новгородские письма на бересте рисуют те споры, которые возникали между кредиторами и должниками и иногда разрешались мирным путем, добровольным соглашением, иногда доходили до суда [29, с. 355]. Ситуация, обрисованная в тверской берестяной грамоте, могла разрешиться как мирным, так и судебным путем. В последних строках письма Станимир указывает, что может дать только половину денег — «Хоцеши ли ... не хоцеши ли...». Как отнесся к этому Михал Домажирович, неизвестно.

Новгородскую берестяную грамоту № 510 можно рассмотреть как аналогию тверской по нескольким аспектам [31]. Она также касается отношений поручительства («Я за то село поруцнь») [5, с. 105—109], в ней упомянуты Домажир и Домажирович, близки стратиграфические даты. Имеются палеографические аналогии: написание Р «в виде тросточки», равновеликое разорванное В с треугольными петлями, тождественны написания монограммы ѿ, где у ѡ можно отметить высокую середину. Наблюдаются при этом и различия в написаниях Ж, М, И.

Летописные сведения о грамотности в Твери касаются в основном княжеской и церковно-монастырской среды. В XIII—XV вв. Тверь представляется центром книжной культуры, летописания. Материал об этом обобщен Г. И. Вздорновым [32].

Наиболее раннее свидетельство о тверской грамотности — это характеристика в летописи епископа Симеона, относящаяся к году его смерти — 1289 г.: «Бяше же сей добродетелен и учителен и силен в книгах божественного писаниа» [33, т. 10, с. 167]. В конце XIII в., как это доказано А. Н. Насоновым, возникло тверское летописание [34].

Тверские князья были грамотны и обучали грамоте своих детей. Михаила Ярославича (1282—1318) обучала его мать Ксения [35, т. VII, с. 188]. Михаил Александрович (1333—1399) обучался грамоте в Новгороде у архиепископа Василия (1341 г.) [33, т. 10, с. 213]. Летописи рассказывают о княгине Василисе (1331—1378), «родом тверянке» (впоследствии жене нижегородского князя). Очевидно, в детстве, до замужества (т. е. до 12 лет), ее обучили грамоте: «И еще сущи отроковице, изучися грамотъ всей» [33, т. 12, с. 41; 36, с. 132].

С начала XIV в. известны культурные связи Твери с Византией. В 1317 г. в Твери переписан по заказу некоего Фомы Сирианина греческий церковный Устав [32, с. 43; 33, т. 10, с. 189].

Интересное свидетельство имеется для 1316 г. В Новгороде на вече приговорен к смерти и тут же убит за тайные сношения с тверским князем Михаилом Ярославичем Данилко Писцев, на которого показал его холоп: «...посылал мя есть съ грамотами на Тферь ко князю» [37, т. V, с. 206]. Этот летописный эпизод по содержанию перекликается с одной из новгородских грамот — № 24 (XV в.): «цоловеком грамотку пришли тайно» [8, с. 26]. Свидетельства относятся к разным периодам, но грамота, аналогичная по содержанию грамоте № 24, могла быть написана и во времена Михаила Ярославича, а человек, посылавший князю требуемые сведения, мог отвечая также пользоваться берестяными грамотами.

Тверской князь Борис Александрович (1425—1461), как сказано в посвященном ему похвальном слове, был «чрес пределы книгами горазд» [38, с. 15, 20].

Ранняя дата грамоты (конец XII в.) говорит о распространении грамотности в Твери в домонгольский период. О социальной принадлежности автора и адресата письма можно говорить предположительно. На этом

участке раскопа в более позднем, третьем строительном ярусе были вскрыты жилища (одно- и двукамерное) и остатки ремесленных построек. Возможно, Станимир и Михал Домажирович являлись представителями торгово-ремесленного населения города. Могли они относиться и к боярскому сословию. В любом случае тверская берестяная грамота расширяет наши представления о грамотности в Твери в хронологическом и социальном отношении.

Выводы о распространении грамотности в Твери подтверждает и находка железного писала на этом же раскопе, (рис. 5). Писало можно отнести к типу № 8 из выделенных А. Ф. Медведевым (лопатка, шейка и верхняя часть стержня имеют форму буквы Т). Подобные писала относятся ко второй половине XII — середине XIII в. [39. рис. 3—6].

Исследования 1979—1983 гг. в Твери показали, что культурный слой древнерусского средневекового центра обладает всеми условиями (влажность, отсутствие доступа воздуха) для сохранения предметов и сооружений из органических материалов. На раскопах в значительных количествах найдена кожаная обувь, деревянные вещи, донца берестяных сосудов, поплавки, части берестяной посуды. Интересна находка на раскопе № 3 крупных кусков снятой берестяной коры (возможно, материал для изготовления изделий).

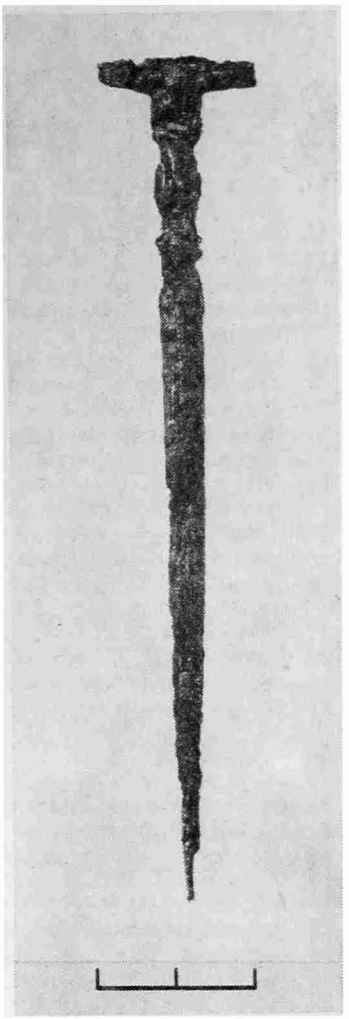


Рис. 5. Писало из раскопок Твери 1983 г.

В отношении перспектив находок тверских берестяных грамот интересно свидетельство И. И. Соколова. В 1903—1904 гг., будучи мальчиком, И. И. Соколов нашел около свежевырытой траншеи «кучу трубочек и обрывков из берестяной коры». На них он заметил «нацарапанные очертания каких-то букв». «Несмотря на мои попытки разобрать написанное, сделать этого я не смог и бросил их обратно на землю» [40, с. 268—269]. По-видимому, И. И. Соколов держал в руках несколько берестяных грамот.

Домонгольский культурный слой древней Твери сохранился на территории центра города на значительном участке (ок. 5 га, мыс при впадении р. Тьмаки в Волгу). На основании уже проведенных археологических исследований можно считать данный участок перспективным для изучения древнейших этапов средневековой Твери.

Находка первой тверской берестяной грамоты расширяет круг древнерусских городов, в которых был известен способ письма на бересте: Новгород, Старая Русса, Смоленск, Псков, Витебск, Мстиславль, Тверь. Вероятно, в дальнейшем список этих городов увеличится.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирьянов А. В.* Обработка берестяных грамот.— КСИИМК, 1954, вып. 53.
2. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей.— В кн.: Новгородский сборник (50 лет раскопок Новгорода). М.: Наука, 1982.
3. *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв.— САИ, 1981, вып. Е1-60.
4. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—57 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1963.
5. *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М.: Наука, 1978.
6. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—54 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1958.

7. *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1963.
8. *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1954.
9. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1958.
10. *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1953.
11. *Жуковская Л. П.* Новгородские берестяные грамоты. М.: Учпедгиз, 1959.
12. *Еселевич И. Э., Марков В. М.* История редуцированных гласных в русском языке. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976.
13. *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л.: Наука, 1972.
14. *Зализняк А. А.* Наблюдения над берестяными грамотами.— В кн.: История русского языка в древнейший период. Вопросы русского языкознания. Вып. V. М.: Изд-во МГУ, 1984.
15. *Марков В. М.* К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964.
16. *Аванесов Р. И.* Фонетика.— В кн.: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М.: Наука, 1965.
17. *Копорский С. А.* Цоканье в Калининской области.— В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии.Т. III. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
18. *Первов В. Е.* Этнографические сведения о селе Микулине Городище Старицкого уезда Тверской губернии, 1849.— Архив РГО, разряд 41, опись 1, № 18.
19. *Винокур Т. Г.* Древнерусский язык. М.: Высш. шк., 1961.
20. *Кузнецов П. С.* Морфология.— В кн.: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
21. *Борковский В. И., Кузнецов П. С.*— Историческая грамматика русского языка. М.: Наука, 1965.
22. *Срезнеевский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I—III. СПб., 1893—1903.
23. *Высоцкий С. А.* Киевские граффити XI—XVII вв. Киев: Наук. думка, 1985.
24. *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV вв.— САИ, 1964, вып. Е1-44.
25. *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. II. М.: Учпедгиз, 1952.
26. *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен.— ЗОРСА, 1903, т. VI.
27. Этимологический словарь славянских языков. Вып. V. М.: Наука, 1978.
28. *Бахилина Н. Б.* Лексика.— В кн.: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
29. *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.: Наука, 1969.
30. Памятники Русского Права. Т. I, II. М.: Госюриздат, 1952.
31. *Янин В. Л., Мясникова Н. В.* Тверь. Грамота № 1.— Правда, 1983, 10 окт.
32. *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси. М.: Искусство, 1980.
33. Патриаршая или Никоновская летопись.— ПСРЛ, 1965, т. 9—12.
34. *Насонов А. Н.* Летописные памятники тверского княжества (опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в.).— Изв. АН СССР. VII сер. Отд-ние гуманит. наук, 1930, № 9.
35. Летопись по Воскресенскому списку.— ПСРЛ, 1856, т. VII.
36. Рогожский летописец.— ПСРЛ, 1965, т. 15.
37. Псковские и Софийские летописи.— ПСРЛ, 1851, т. V, VI.
38. *Лихачев Н. П.* Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908.
39. *Медведев А. Ф.* Древнерусские писала X—XV вв. (по данным археологических раскопок).— СА, 1960, № 2.
40. *Соколов И. И.* К вопросу о тверских берестяных грамотах.— СА, 1971, № 3.

N. V. Zhilina

BIRCH-BARK SCROLL No. 1 FROM TVER

Summary

The first birch-bark scroll was found in Kalinin (formerly Tver) on September 26, 1983, during the archaeological excavations. It is a well-preserved letter, dated by its stratigraphic context of pottery and other material finds, between the 12th and the first third of the 13th century. Palaeographic indicators date the letter to the 12th-first half of the 13th centuries, while an analysis of grammatical and lexical peculiarities relates the scroll to the 12th century of the turn of the 13th century. The latter date seems to be the most probable. The letter is one of the earliest illustrations of the relations of guarantee. Stanimir wrote to Mikhail Domazhirovich to remind him that he, Stanimir, had vouched for Ivan before Domazhir, Mikhail's father, and suggested that he should pay half of the debt money. The find pushes back the chronological limits of wide-scale literacy in Tver and shows that broader social strata than it was thought before could read and write in this Old Russian town. Other old cities where birch-bark scrolls were found are Novgorod, Staraya Russa, Smolensk, Pskov, Vitebsk, and Mstislavl.

В. Г. ПУЦКО

КРЕСТ МАРКА ПЕЩЕРНИКА

В Киеве, в музее-заповеднике «Киево-Печерская лавра», хранится медный, украшенный инкрустацией чернью крест (размер 23,3×14,8× ×2,77 см; инв. № КПЛ-М/3221), по преданию, принадлежащий Марку Пещернику, или Гробокопателю (рис. 1—5). Этот достаточно широко известный, но остававшийся до сих пор неизученным памятник металлопластики принято датировать концом XI в. [1, с. 314, рис. 203—204; 2, с. 311, 312, рис. 211] на том основании, что упоминание о Марке — монахе Печерского монастыря относится к 1090 г., когда было осуществлено перенесение мощей Феодосия Печерского из пещеры в незадолго до того построенный Успенский собор. Принадлежать Марку могла лишь коробчатая часть креста (рис. 1, 2), так как пластина с изображением Распятия (рис. 6) явно относится к более позднему времени.

В начале XIX в. крест был кратко описан митрополитом Евгением Болховитиновым [3, с. 292]; затем пластина с гравированным Распятием была утеряна, и Н. Н. Закревский недоумевал относительно украшения креста указанной композицией и изображением Марка [4, с. 634]. К счастью, пластину удалось обнаружить в фондах музея-заповедника «Киево-Печерская лавра», где она была нами опознана как принадлежность креста Марка Пещерника. Это послужило поводом для исследования изделия, отдельные части которого относятся к двум различным эпохам [1]. Основным объектом изучения является древнейшая часть, которая собственно и является крестом-реликварием.

Крест четырехконечный с прямыми, лишь слегка закругленными концами. В верхней и нижней частях изделия большие выступы, переходящие в петли шарнира, служившего для соединения с другой частью креста. Края толстой медной пластины, из которой изготовлен крест, загнуты и образуют его боковые грани. Внутри крест полый, и это обстоятельство, вероятно, способствовало возникновению легенды об использовании преподобным Марком креста как сосуда для питья [5, с. 513] (о Марке см. [6, с. 150, 151; 7, с. 122; 8, с. 261]). Легенда изложена уже в первом издании Киево-Печерского патерика: «Мощи его (Марка.— *В. П.*) чудотворныя положены суть в пещере, идеже сам себе гроб ископа: и подают неоскудна исцеления всем с верою приходящим к честной его раце. Идеже лежат и железа, яже пошаше на себе преподобный, и крест медяный, из негоже воду пияше: его же устами своими сице освяти, яко чудотворну тому бытп. Ибо елицы верующии с постом пришедше испиют от креста того честнаго воду святую, паче всех вод врачебных, неотложное врачевание выше естественное, на недуги своя приемлют» [9, л. 210 об.]. Наличие боковых стенок указывает на то, что это нижняя, корпусная часть креста. На ее внешней стороне насечкой под инкрустацию выполнены фигура Христа среди 12 апостолов (рис. 2—4), а также святых Феодора и Георгия с сопроводительными греческими надписями. По сторонам на уровне головы Христа обычные монограммы $\overline{\text{IC}}$ — $\overline{\text{XC}}$, ниже с вертикально расположенными буквами Y АГНУ АПОСТОА. Вверху по сторонам изображения св. Феодора: О АГІОСΘЕѡΔОРОС; внизу такая же, почти совершенно исчезнувшая надпись, как и определяемое ею изображение св. Георгия: О ... ГЕ[ѡ]Р[ГІОС]. На торцах поперечной перекладины изображе-

[1] Выражаю сердечную благодарность М. З. Петренко за возможность детально изучить крест.

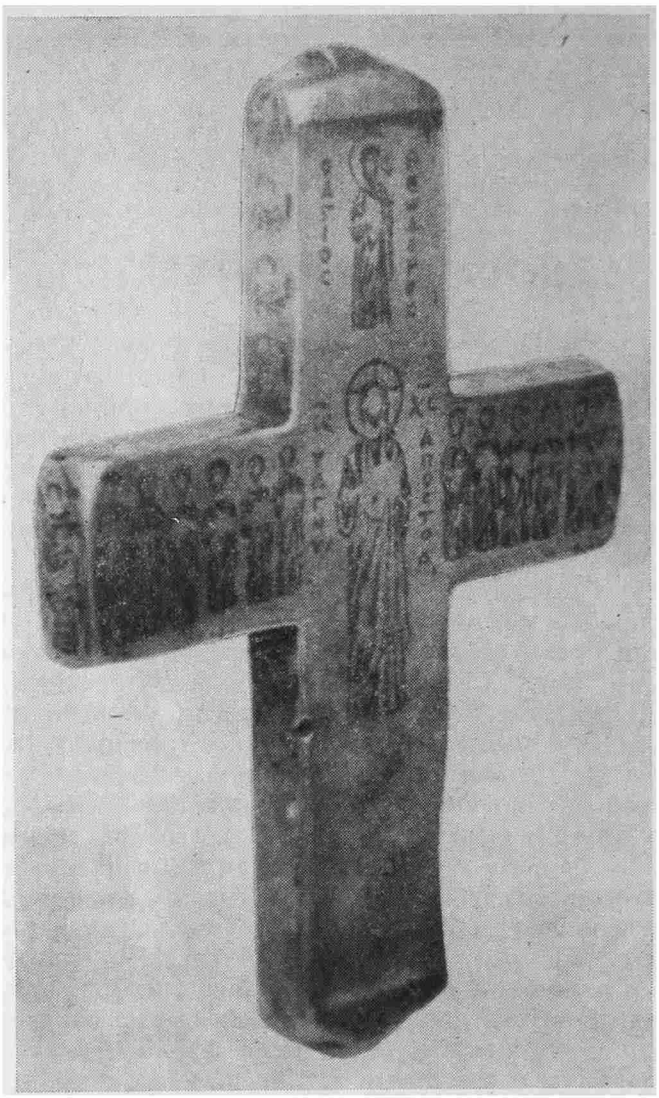


Рис. 1. Крест Марка Пещерника. Медь, инкрустация чернью. Последняя четверть XI в. Киев, музей-заповедник «Киево-Печерская лавра»

ны в рост лоратные архангелы, а на боковых гранях помещены круглые медальоны с погрудными изображениями лоратных ангелов. Как уже сказано, фигура св. Георгия стертая и лишь угадывается по едва различимым ее следам на поверхности креста, как и нижние медальоны с бюстами лоратных ангелов. Что касается остальных фигур, то их сохранность тоже далеко не идеальная: от лиц уцелели лишь точки глаз, почти совершенно стерты нимбы, утрачена большая часть инкрустации, заполнявшей контуры.

Верхняя часть креста, представлявшая пластину с изображением Распятия, по-видимому, была утрачена слишком давно. Во всяком случае, в XVII в. уже возникла необходимость в изготовлении новой пластины, сохранившейся до наших дней (рис. 6). Эта пластина составлена из двух тонких медных листов, соединенных заклепками (размер 24,3× ×16,3, толщина около 2 мм; инв. № КПЛ-М/3577), в нижней части две петли для шарнира. На лицевой стороне находятся гравированные изображения распятого Христа с предстоящими Богоматерью и Иоанном Богословом и преподобного Марка Пещерника (в медальоне вверху). Установить время выполнения гравировки можно с помощью гравюр, украшающих книги, вышедшие из типографии Печерской лавры. По иконографии с характерным рисунком провисшего тела распятого Христа, склонившего голову к правому плечу, и по графическим формам со-

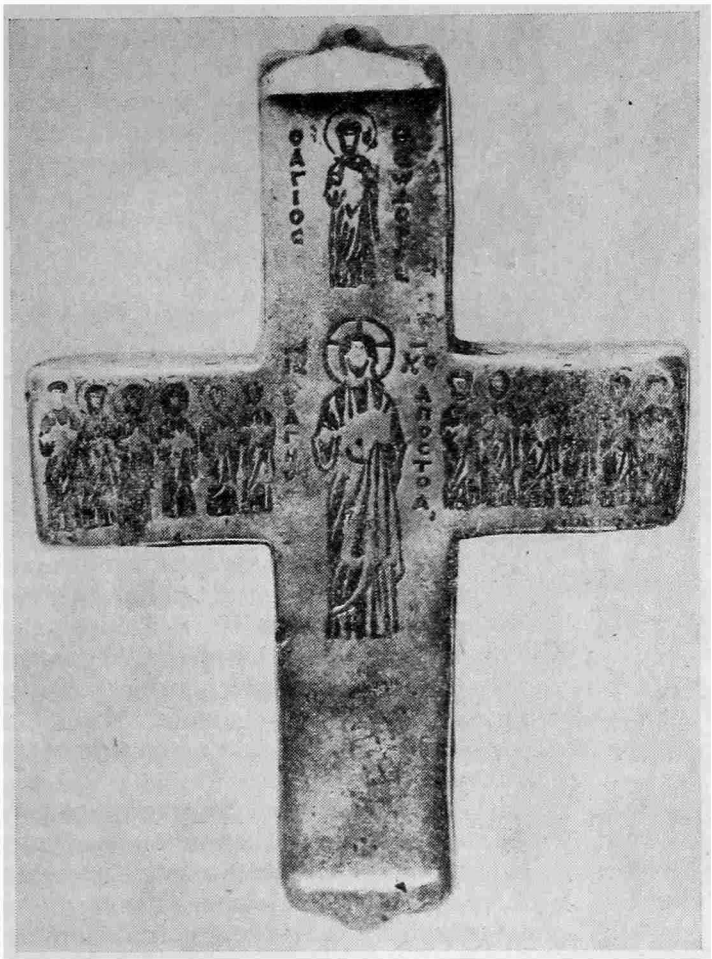


Рис. 2. Крест Марка Пещерника. Христос и апостолы (Отослание учеников на проповедь); мученики Феодор и Георгий

проводительных надписей изображение на медной пластине следует сблизить с гравюрой мастера «ЛТ» на обороте титульного листа «Служебника», «исправленного» и изданного Петром Могилой в 1629 г., в бытность его архимандритом Печерской лавры [10, с. 24, № 55, рис. 517]. Сопоставление с серебряными крестами гетмана Сагайдачного (1622 г.) и Выдубицкого монастыря (1642 г.) [11, рисунок после с. 74, 80] не противоречит предположению о выполнении пластины в годы управления монастырем Петра Могилы (1626—1633). Помещение в верхней части медальона с погрудным изображением Марка Пещерника в монашеской одежде, со скрещенными руками на груди указывает на то, что реставрация креста была проведена с учетом его мемориального значения. Типологически изображение Марка явно восходит к его надгробному образу, получившему впоследствии отражение в гравюре титульного листа (форте) первого издания Киево-Печерского патерика. Таким образом, реставрацию креста Марка Пещерника, выразившуюся в изготовлении пластины с гравированным Распятием, а также с образом Марка, следует отнести ко второй четверти XVII в.

О древнейшей части креста неоднократно упоминалось в литературе [1, с. 314; 4, с. 333, 334, табл. X; 12, с. 196; 13, табл. XI; 14, с. 295; 15, с. 172, рис. 4]. Крест со сходной композицией и подобными чертами стиля был исследован В. Н. Залесской (рис. 7) [15, с. 167—175]. Подобный крест находился в Голухове [16, с. 76—80, табл. XVIII—XIX; 17, с. 56—59, рис. 47]. В эту же группу изделий должен быть включен крест-реликварий, обнаруженный в 1973 г. в Плиске (Болгария), определяемый Л. Дончевой как византийское произведение

Рис. 3. Крест Марка Пещерника. Христос

IX–X вв. [18, с. 59–66, рис. 1, 2]. Крест Марка Пещерника своими размерами намного превосходит указанные изделия. Не подвергая сомнению его определение в качестве креста-реликвария, нельзя в то же время высказывать уверенность в использовании его как энколпиона, поскольку для ношения на груди он слишком велик.

Одной из существенных особенностей креста Марка Пещерника является иконография украшающих его изображений, и прежде всего композиция, заполняющая перекрестье и рукава поперечной перекладины. Помещенная в центре фигура Христа (рис. 2, 3) более чем в 2 раза выше фигур апостолов (рис. 4), что обусловлено не столько наличием свободного места, сколько общей схемой. Апостолы расположены в один ряд двумя плотно сомкнутыми группами, образующими вместе с изображением Христа единую композицию. Фигура св. Феодора (рис. 5) и почти совсем стертая фигура св. Георгия, очевидно, были одинакового размера, несколько превышающего изображения апостолов.

Христос представлен на кресте-реликварии Марка Пещерника как учитель. Этот иконографический образ, чрезвычайно близкий Пантократору, имеет многочисленные аналогии в раннехристианский и византийский периоды в разнообразных памятниках. Однако в целом композиция, предполагающая Христа в центре среди фронтально стоящих апостолов, встречается сравнительно редко, причем в большинстве случаев апостолы изображены приближающимися к тронному Христу. Едва ли не преобладающая часть этих композиций связана с Римом [19, с. 153, 154, 158, 159, табл. I, II, IV, XI]. Фронтальная постановка фигур апостолов в композициях более характерна для памятников искусства восточнохристианского происхождения. Примеры можно найти уже в росписях капелл монастыря Баунте, датируемых VI–VII вв. [19, с. 198–202, табл. XXV], а также в более поздних миниатюрах сирийских и армянских рукописей [20, табл. 4, *16*; 21, с. 244, 245, рис. 1–3]. Показательно, что фронтальное положение фигур апостолов имеет место и в тех композициях, где апостолы являются участниками действия (Вознесение). Не исключено, что в образовании указанной схемы композиции сказались традиционные восточные приемы изображения человеческих фигур, унаследованные раннехристианской иконографией. Мастер, изготовивший крест, изобразил фигуры апостолов не равновеликими, а несколько уменьшенными по мере приближения к правой части каждой из групп. Поскольку изображения не имеют сопроводительных надписей, а сохранность фигур посредственная, опознать их представляется возможным не во всех случаях. Можно лишь с уверенностью сказать, что слева от Христа изображен Петр, а справа — Павел, что юные крайние апостолы — Фома и Варфоломей. Хотя внешность других апостолов не является однообразной, однако критерии для их правильного определения, исключающего субъективность суждений, отсутствуют.

Феодор и Георгий представлены на кресте в образе мучеников, а не воинов, как это имеет место в преобладающей части произведений византийского искусства X–XI вв., изготовленных в Константинополе, где их воинский культ в указанную эпоху весьма широко распространен. Однако на этом основании было бы опрометчивым исключать возмож-

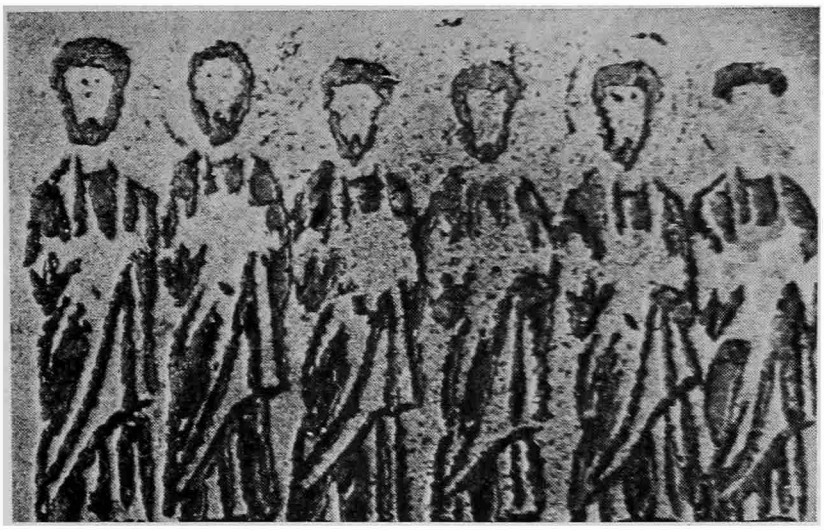


Рис. 4. Крест Марка Пещерника. Группа апостолов

ность изготовления креста в Константинополе и связывать его происхождение с одной из византийских провинций. И в Константинополе могли работать мастера, являвшиеся носителями восточнохристианских художественных традиций, в частности сирийских, роль которых в формировании художественного стиля столицы была весьма заметной и в эпоху Юстиниана, и в послеиконоборческий период [22, с. 77—83; 23, с. 110—114]. Художественные формы украшающих изделие изображений довольно характерны для искусства Константинополя. Одной из особенностей фигур, представленных на кресте, является отсутствие ступней ног, объяснить это едва ли можно лишь потертостью поверхности изделия. То же наблюдаем и в других произведениях, выполненных в той же технике и обнаруживающих с киевским крестом определенное стилистическое сходство.

Среди украшающих крест фигур, как было сказано, изображение Христа с кодексом в левой руке и с благословляющей правой рукой перед грудью выделяется своими крупными размерами. Фигура удлиненных пропорций; одежды собраны в прямые, почти не гнущиеся складки; нимб с традиционным крестчатым делением, выполненным, однако, лишь одной линией. Черты лица стерты: можно лишь отметить удлиненный овал лица, обрамленного прядями волос, концы которых откинуты за левое плечо, и небольшой окладистой остроконечной бородой (рис. 3). Этот тип изображения Христа является одним из наиболее популярных в византийском искусстве, но тем не менее возможно выделить в данном случае некоторые особенности, характерные для определенной эпохи. Аналогичную фигуру представленного в том же иконографическом типе Христа можно указать на фреске XI в. в Софии Константинопольской [24, с. 176, рис. 21], а также на иконе того же времени в пинакотеке монастыря св. Екатерины на Синае [25, рис. 48] (в обоих случаях в составе деисусной композиции), на камее X—XI вв. из Благовещенского собора Московского Кремля [26, № 631], на стеатите XII в. с изображением Деисуса и святых в Государственном Эрмитаже в Ленинграде [26, № 622]. Однако едва ли не наиболее существенную иконографическую параллель дает миниатюра IX в. в Евангелии из Андреевского скита на Афоне, теперь принадлежащем Принстонскому университету [27, с. 61, табл. IV; 28, с. 56, 63, табл. LXIII]. Она обнаруживает тот же характерный силуэт фигуры, то же расположение благословляющей правой руки, сходный тип складок одежд и почти квадратного, большого по размерам кодекса. Отмеченное сходство кажется тем более поразительным, что иконографически сходное изображение Христа на бронзовом дискосе (диам. 30 см) византийской работы начала XI в., найденном в Киеве (рис. 8) [29, с. 32, табл. XI, № 249], воспринимается

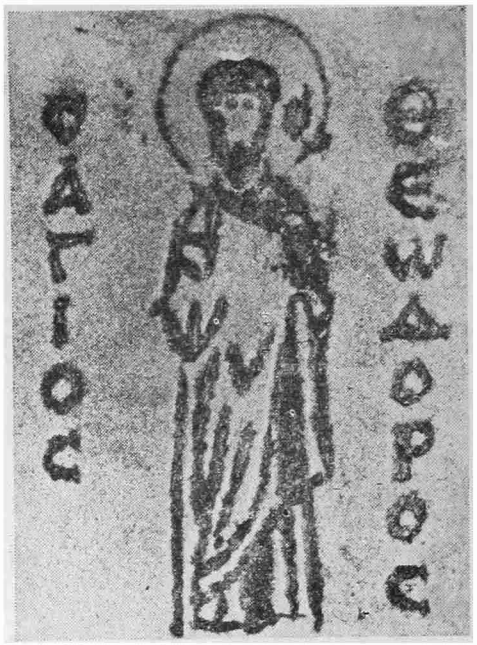


Рис. 5. Крест Марка Пещерника. Мученик Феодор

лишь как достаточно отдаленная аналогия. Тем не менее указанный дискос в данном случае важен как образец византийского художественного импорта, известного в древнем Киеве. Сопоставив изображения Христа на кресте Марка Пещерника (рис. 3) и на бронзовом дискосе из киевских находок (рис. 8), убедимся в том, что в обоих случаях имеются итоги интерпретации одного и того же образа применительно к форме предмета. Отсюда и различие пропорций. Это изображение Христа, возможно, восходит к константинопольской иконографии Христа Антифонита, весьма популярной в искусстве византийской столицы и известной за ее пределами [30, с. 142—148; 31, с. 217—229, рис. 1, 2].

В отличие от фигуры Христа изображения апостолов, составляющих вместе с ним единую композицию, нельзя назвать выразительными: однообразны их позы, жесты рук, одежды с поднятым слева краем окутывающего тело гиматия, в большинстве случаев заостренные книзу овалы голов с коротко подстриженными волосами и окладистыми бородами. Все эти черты не позволяют дополнить данные общей композиционной схемы. Затертые лица усиливают ощущение условности, и только в отдельных случаях круглые точки глаз и едва заметные тонкие линии носа и усов второго апостола справа (рис. 4) указывают на восточные этнические черты. Правда, говорить о крупном носе и широко открытых глазах в данном случае можно лишь весьма осторожно. Но сопоставимость фигур апостолов с миниатюрами парижского кодекса «Гомилий» Григория Назианзина, выполненного в 879 г. [32, с. 195—228; 33, с. 104], остается реальным фактом. Вместе с теми особенностями, которые сближают изображение Христа с константинопольскими произведениями IX в., не говорит ли это о том, что мастер, изготовивший крест Марка Пещерника, был ориентирован на модели столичного круга послеиконоборческого периода?

Из двух фигур мучеников сохранилось лишь изображение св. Феодора в верхней части креста (рис. 2, 5). Правда, и здесь оказываются существенными утраты, особенно на уровне груди. Но у нас нет сомнений относительно того, что в правой руке перед грудью мученик держал крест, как это видно на иконе первой половины VII в. в монастыре св. Екатерины на Синае [34, с. 117, 118, рис. 210, 215]. В византийской мелкой пластике широко известны случаи, когда изображены вместе Феодор Тирон и Феодор Стратилат. В частности, их изображения украшали двустороннюю камею на яшме в собрании Б. И. и В. Н. Ханенко в Киеве [35, с. 179, рис. 4]. Оба святые весьма сходны по своему облику, и поэтому их персонификация сопряжена с некоторыми трудностями. Однако в данном случае можно исходить из того, что в литературе и искусстве вместе со св. Георгием обычно представляли св. Феодора Стратилата [34, рис. 210; 36, с. 117]. Изображение в верхней части креста типологически напоминает константинопольские рельефы X в. из слоновой кости, а также выполненные из благородных металлов реликварии святых Димитрия Солунского, Нестора и Сергия, обычно датируемые в хронологических границах X—XI вв. [37, с. 1—28; 38, с. 61, рис. 67; 39, с. 71, № 94, табл. XLIX].

Фигуры лоратных архангелов на торцах поперечной перекладины креста воспринимаются как фланкирующие композицию, в которой представлен Христос среди 12 апостолов. Ее можно определять как Отосла-

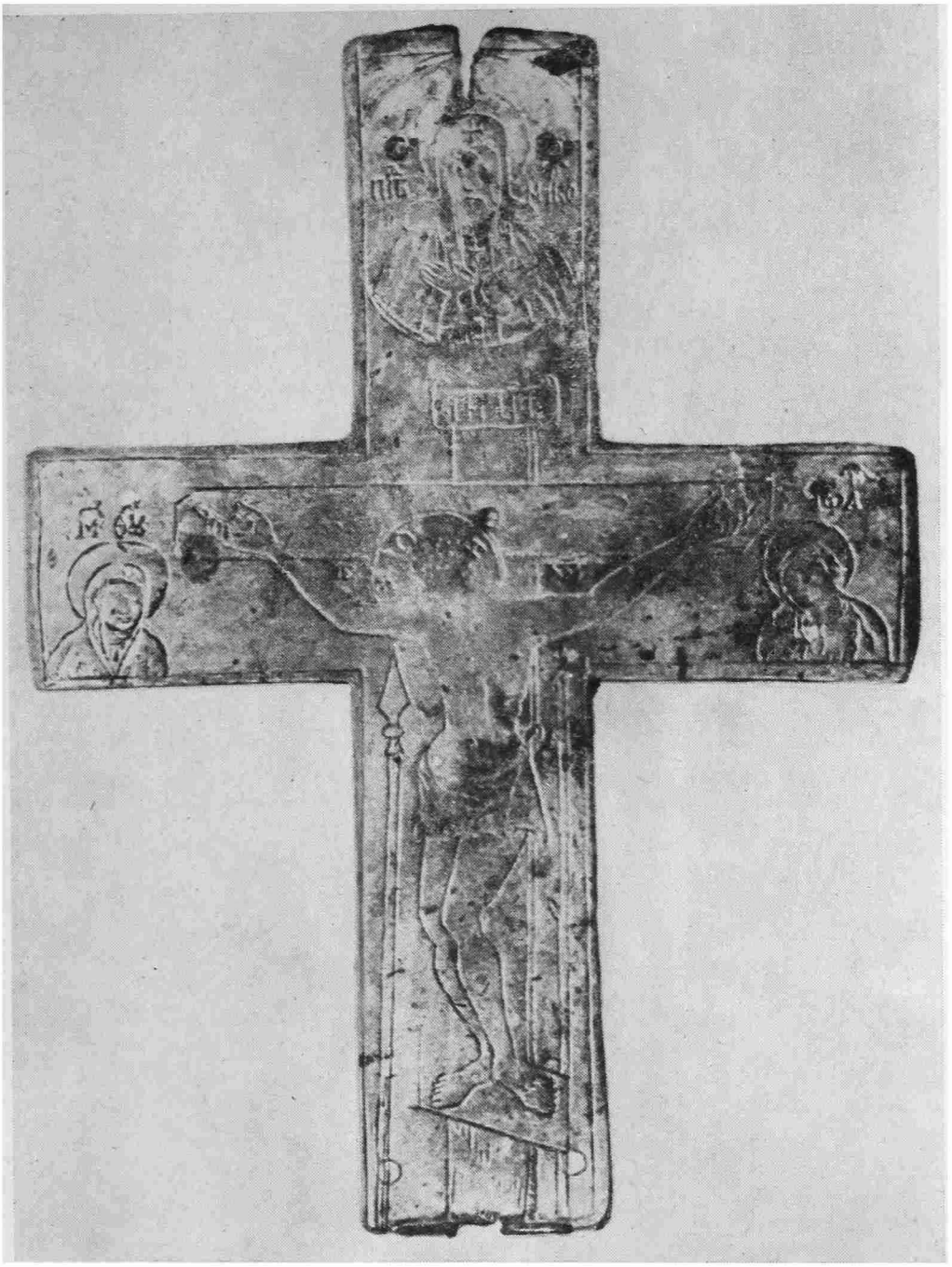


Рис. 6. Пластина креста Марка Пещерника. Медь, гравировка. Вторая четверть XVII в. Киев, музей-заповедник «Киево-Печерская лавра»

ние учеников на проповедь, иллюстрирующее текст Евангелия от Матфея (XXVIII, 16—20) и известное по многим памятникам в различных иконографических схемах [40, с. 81—83, рис. 2; 41, с. 53—54]. Наиболее близкой среди них к украшающей крест является композиция, украшавшая триклиний папы Льва III (795—816) в Латеранском дворце в Риме [42, с. 159, рис. 2]. Указанная композиция, заполнявшая плоскость конхи апсиды, позволяет понять связь, существующую между группой Христа с апостолами и лоратными архангелами и ангелами, изображения которых украшают крест Марка Пещерника (рис. 1—4). Это, несомненно, реплика апсидальной росписи, в которой фигуры в рост лоратных архангелов обычно вынесены на свод либо арку вимы, как это имеет место в Софии Константинопольской [43, рис. 2, 107] (здесь архангел с мери-

Рис. 7. Крест из Херсонеса. Бронза, инкрустация серебром. Конец X – начало XI в. Ленинград, Государственный Эрмитаж

лом и зерцалом, но без лора), как было в мозаиках церкви Успения в Никее [44, табл. II–IV]. Медальоны с бюстами ангелов довольно рано становятся принадлежностью декора арки алтарной апсиды [19, табл. XXV]. Изображения святых Феодора и Георгия, почитание которых в византийской столице было исключительно широким, можно рассматривать как отражение их культа в такой же мере, как и помещение фигур этих мучеников на створках триптихов из слоновой кости, обычно датируемых X в. Таким образом, крест Марка Пещерника своей иконографией в основном связан с программой византийских алтарных росписей и соответственно является отражением одной из их схем.

Верхняя створка креста-реликвария, о котором идет речь, явно имела вид пластины, закрывавшей сверху сохранившийся корпус в виде крестообразного ковчега. Реконструировать в деталях композиционную схему изображений, украшавших некогда эту часть креста, невозможно, но

Рис. 8. Бронзовый дискос. Начало XI в. Киев. Государственный Исторический музей УССР

установление сюжета не представляет затруднений. Как известно, золотой крест из Плиски (размером 4.2×3,2 см) украшен изображениями праздников [18, с. 59—62, рис. 1—2], но второй, вложенный в него крест имеет изображение Распятия с одной стороны и Богоматери Никопеи в окружении медальонов с бюстами святых — с другой [18, с. 62, 63, рис. 3—5]. Крест из Голухова соответственно украшен медальоном с бюстом Христа, над которым находится Богоматерь Никопея, а по концам поперечной перекладины и внизу — ангелы и святые. Показательно, что именно эта часть креста из Голухова служит ковчегом для реликвий, тогда как на верхней пластине представлено Вознесение с сильно удлиненной фигурой Богоматери и 10 фигурками апостолов, вписанными в пространство рукавов поперечной перекладины креста. Хотя стилистические признаки изображений на кресте из Голухова далеки от того, чтобы видеть здесь аналогию для рассматриваемого памятника, принципы композиционного построения общей иконографической схемы представляются довольно сходными. Но соотношение центральной и остальных фигур обладает еще большим контрастом, чем на кресте Марка Пещерника, несмотря на то что все фигуры объединены единством действия. От креста-реликвария из Херсонеса сохранилась лишь одна часть, украшенная изображениями Вознесения, Богоматери Никопеи среди апостолов (их фигуры относятся тематически к первой композиции) и Преображения (рис. 7) [15, с. 167—173]. Мы не знаем сюжетов, украшавших вторую, несохранившуюся часть креста, но что касается перечисленных изображений, то все они имеют непосредственное отношение к программе росписей византийского храма [45, с. 323]. Вознесение обычно украшало купол, изображение Богоматери с младенцем и Преображение — конху алтарной апсиды. Как было сказано, отражением апсидальной композиции является и изображение Отослания учеников на проповедь на кресте Марка Пещерника. Существенно также их сходное композиционное решение, равно как и техника исполнения.

Кресты из Плиски, Херсонеса, а также Голухова отмечены воздействием восточнохристианской иконографической традиции и характеризуют-

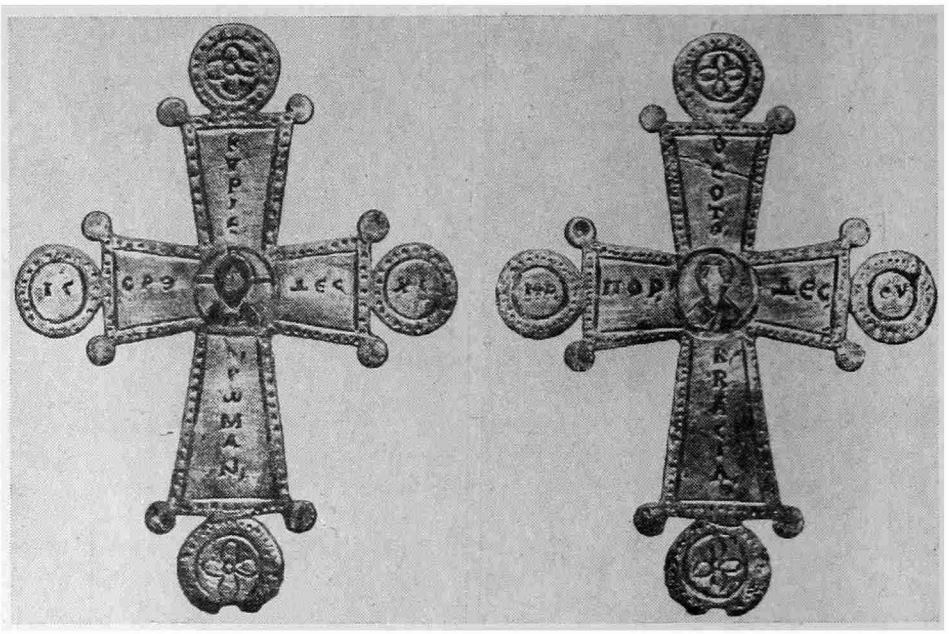


Рис. 9. Крест с погрудными изображениями Христа и Богоматери. Серебро, инкрустация чернью. 960—963 гг. Вашингтон, Думбартон Окс

ся воспроизведением праздников. Инкрустированный чернью серебряный крест в коллекции Думбартон Окс в Вашингтоне, выполненный в Константинополе между 960—963 гг., украшен лишь помещенными в средокрестье медальонами с бюстами Христа и Богоматери, типологически относящимися к Imago Clipeata (рис. 9) [39, с. 73, 74, № 97, табл. LI—LII]. Это произведение важно в том отношении, что может дать представление о продукции константинопольских мастеров второй половины X в. Кроме того, оно позволяет судить о распространенности в указанное время своеобразного «цитирования» иконных образов в той форме, которая известна по памятникам доиконоборческого времени и зафиксирована в многочисленных миниатюрах на полях Хлудовской Псалтири, выполненных ок. середины IX в. Если сопоставить стиль изображений на вашингтонском кресте с украшающими крест Марка Пещерника, можно увидеть, что последний занимает как бы промежуточное место между указанной группой крестов с их ориентализирующими тенденциями и столичным памятником торевтики. При этом оказывается больше черт, сближающих его с константинопольской продукцией.

При исследовании креста Марка Пещерника следует учесть еще один памятник — украшенный изображениями, выполненными в технике перегородчатой эмали, крест-энколпион X в., части которого (размером 12,5×9,5 см) укреплены на створках Хахульского триптиха (рис. 10) [46, табл. 44, 45; 47, с. 216—218]. На одной створке креста находится изображение Распятия, на другой — фигура Иоанна Предтечи (в средокрестье) и погрудные изображения четырех апостолов (Марка, Луки, Петра и Павла) в рукавах. Этот крест с именем грузинского царя Квирике, названного в греческой надписи магистром, по своему типу почти идентичен кресту Марка Пещерника, а фигура Иоанна Предтечи композиционно занимает то же самое положение, которое в рассматриваемом произведении отведено изображению Христа. Оба памятника обнаруживают следование одним и тем же художественным принципам, и поэтому, думается, без особого риска можно предположить нахождение на утраченной ныне пластине креста Марка Пещерника изображения Распятия. Об этом хорошо знали мастера во второй четверти XVII в. и поэтому восстановили композицию, дополнив ее изображением преподобного Марка (рис. 6).

Вопрос о времени изготовления креста Марка Пещерника может быть решен в результате сопоставления изделия с византийскими бронзовыми

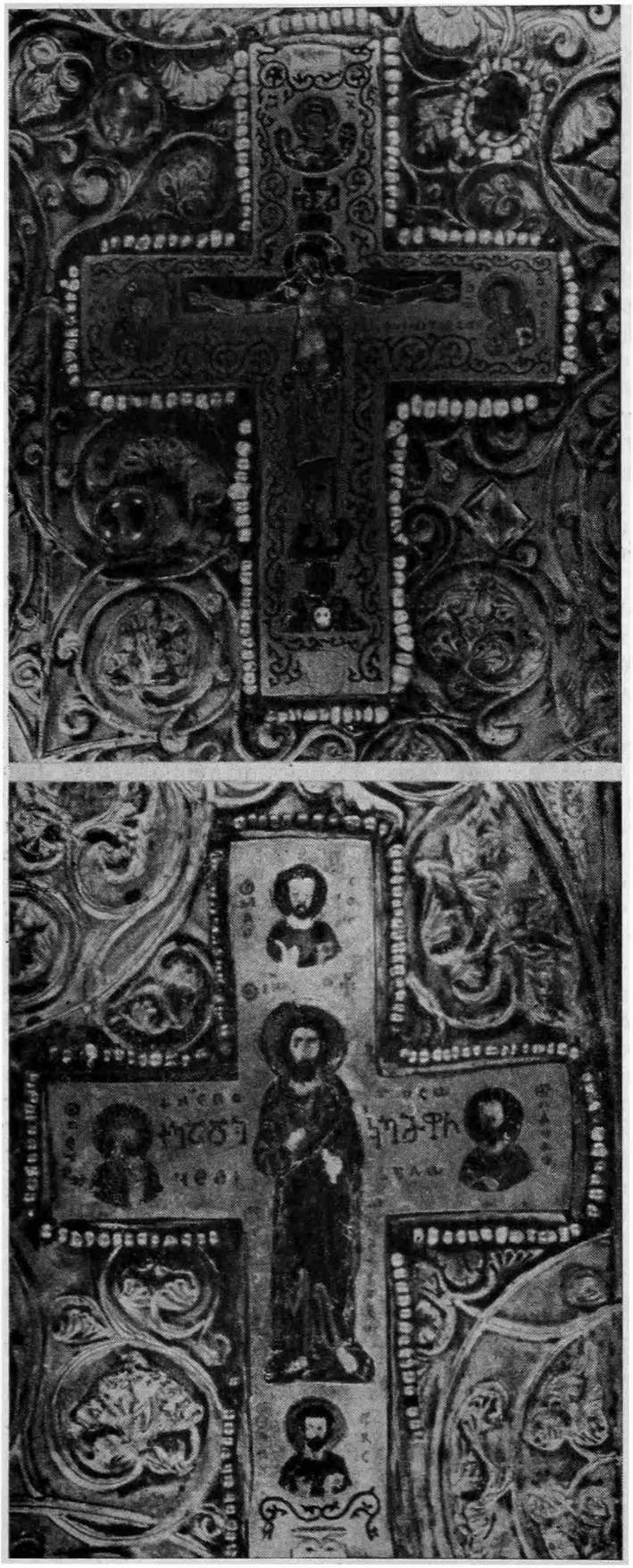


Рис. 10. Крест грузинского царя Квирике. Золото, перегородчатая эмаль. Конец X в. Тбилиси. Государственный музей искусств Грузии

вратами в Италии, среди которых наиболее сходными с ним в стилистическом отношении являются изготовленные в конце XI в. и украшающие собор Сан Марко в Венеции [48, с. 97—101, рис. 86—112]. Ошибки в сопроводительной греческой надписи возле изображений апостолов, казалось бы, могут позволить говорить о местном, киевском подражании константинопольским изделиям. Однако, как известно, достаточно подобных погрешностей и в сопроводительных надписях на мозаиках Софии Киевской, хотя выполнение последних греческими мастерами не подвергается сомнению [49, с. 161—192]. По эпиграфическим особенностям начертания букв крест Марка Пещерника представляет бесспорное произведение второй половины XI в.

Сопоставление стиля инкрустированных изображений креста Марка Пещерника с украшающими ставротеку в Музее Метрополитен в Нью-Йорке (ставротека Фиески Морган), исполненными гравировкой и чернью, примененной здесь как инкрустация [50, с. 324—326], позволяет объяснить, почему именно фигуры на киевском кресте не имеют ступней ног. На ставротеке они намечены тонкой линией резца, как и руки, и не заполнены чернью. По всей вероятности, точно в такой же манере были трактованы кисти рук и ступни ног на кресте Марка Пещерника, что может дать разгадку исчезновения этих линий, как и черт лица, которые на ставротеке тоже обозначены гравировкой, за исключением глаз и бровей. Точки, обозначающие глаза, в отдельных случаях заметны на кресте. Сходство технических приемов выполнения ставротеки Фиески Морган и креста Марка Пещерника — этих разновременных изделий — может свидетельствовать о единстве художественных традиций, обычно характеризующем продукцию одного ремесленного центра. Исходя из этого, а также с учетом иконографии, стиля изображений, вряд ли следует сомневаться в константинопольском происхождении креста, изготовленного, судя по сходству с фигурами, украшающими врата в Сан Марко в Венеции, в последней четверти XI в. Именно в указанное время заметно активизируются связи Печерского монастыря с византийской столицей, в монастыре работают константинопольские зодчие и мозаичисты [51, с. 23—25; 52, с. 63—88]. Сюда проникают предметы византийского художественного импорта, одним из которых была знаменитая «наместная икона» [53, с. 102—113]. Крест, связанный преданием с именем Марка, основным занятием которого было устройство в пещерах гробниц для братии, свидетельствует о том, что подобные изделия в Печерском монастыре не были редкостью. Правда, логичнее предположить нахождение этого креста-реликвария в монастырском храме, а не в качестве собственности отдельного лица. Но, возможно, связь креста с именем Марка Пещерника выражалась лишь в том, что произведение было приобретено по его инициативе и на его средства, подобно тому как благодаря печерскому черноризцу Еразму были украшены драгоценными окладами «иконы многы» в монастырском храме.

Изучение креста Марка Пещерника дает результаты, важные не только для атрибуции этого произведения прикладного искусства, но и для уяснения характера византийского художественного импорта, проникавшего в Киев в XI в. Это один из немногих сохранившихся памятников константинопольской металлопластики, исторически связанных со столицей древнерусского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Банк А. В.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М.— Л.: Искусство, 1966.
2. *Bank A.* L'art byzantin dans les musées de l'Union Soviétique. Leningrad, 1977.
3. *Болховитинов Евгений.* Описание Киевопечерской лавры. Изд. 3-е. Киев, 1847.
4. *Закревский Н.* Описание Киева. Изд. 2-е. Т. II. М., 1867.
5. *Ернст Ф.* Київ. Провідник. Київ, 1930.
6. *Яковлев В.* Древнекиевские религиозные сказания. Варшава, 1875.
7. *Шахматов А. А.* Житие Антония и Печерская летопись.— ЖМНП, 1898, март, ч. 316.
8. *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. X—XII в. СПб. 1913.

9. Патерик или Отечник Печерский. Киев, 1661.
10. Украинские книги кирилловской печати XVI—XVIII вв. Каталог изданий, хранящихся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Вып. 1. М.: 1976.
11. *Фундуклей И.* Обозрение Киева в отношении к древностям. Киев, 1847.
12. *Сементовский Н.* Киев, его святыни, древности, достопамятности и сведения, необходимые для его почитателей и путешественников. Изд. 7-е. Киев, 1900.
13. *Прохоров В.* Христианские древности. СПб., 1875.
14. *Frolow A.* La relique de la Vraie Croix. P., 1961.
15. *Залесская В. Н.* Часть бронзового креста-складня из Херсонеса.— Византийский временник, 1964, т. XXV.
16. *Froehner H.* Collection du Chêteau de Gołuchów. L'orfévrerie. P., 1897.
17. *Rosenberg M.* Geschichte der Goldschmiedekunst. Niello bis zum Jahre 1000 nach Chr. Frnakfurt am Main, 1924.
18. *Dontcheva L.* Une croix pectorale-reliquaire en or récemment trouvée à Pliska.— Cahiers archéologiques. t. XXV. P., 1976.
19. Ihr Chr. Programme der christliche Apsismalerei vom vierten Jahrhundert bis zum Mitte der achten Jahrhunderts. Wiesbaden, 1960.
20. *Дурново Л. А.* Армянская миниатюра. Ереван, 1969.
21. *Измайлова Т. А.* Истоки серии евангелистов в группе армянских малоазийских рукописей.— Ист.-филол. журн., 1968, № 1.
22. *Банк А. В.* К вопросу о роли Сирии в формировании византийского искусства.— В кн.: Эллинистический Ближний Восток. Византия и Иран. М.: Наука, 1967.
23. *Lazarev V.* Storia della pittura bizantina. Torino, 1967.
24. *Dirimtekin F.* Les fouilles en 1946—1947 et en 1958—1960 entre Sainte-Sophie et Sainte-Irène à Istanbul.— Cahiers archéologiques, t. XIII. P., 1962.
25. *Sotiriou G., Sotiriou M.* Icônes du Mont Sinai. T. I. Athènes, 1956.
26. Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. Вып. 2. М., 1977.
27. *Айналов Д.* Византийские памятники Афона: I. Евангелие библиотеки Андреевского скита № 5.— Византийский временник, 1899, т. VI.
28. *Weitzmann K.* Die byzantinische Buchmalerei des 9 und 10 Jahrhunderts. B., 1935.
29. *Ханенко Б. И., Ханенко В. Н.* Древности Приднепровья. Вып. VI. Киев, 1907.
30. *Mango C.* The Brazen House. Arkaeologisk-kunsthistoske Meddelelser. Copenhagen, 1959.
31. *Расолкоска-Николовска З.* Исус Христос Антифонитис од црквата св. Ѓорѓи во Горни Козјак.— В кн.: Зборник посветен на Димче Коцо (Археолошки музеј на Македонија, зборник, кн. VI—VII). Скопје, 1975.
32. *Der Nersessian S.* The Illustrations of the Homilies of Gregory of Nazianzus, Paris gr. 510.— Dumbarton Oaks Papers, v. XVI. Wash., 1962.
33. *Spatharakis J.* The Portraits and the Date of the Codex Par. Gr. 510.— Cahiers archéologiques, t. XXIII. P., 1974.
34. *Kitzinger E.* Byzantine Art in the Making. Cambridge, 1977.
35. *Putzko W.* Die zweiseitige Kames in der Walter Art Gallery in Baltimore.— In: Beiträge zur Kunst des Mittelalters. Festschrift für H. Wentzel. B., 1974.
36. *Пуцко В.* Киевские рельефы святых всадников.— Старинар, Н. С., XXVII. Београд, 1977.
37. *Grabar A.* Quelques reliquaires de Saint Démétrios et le martitium à Salonique.— Dumbarton Oaks Papers, V. V. Wash., 1950.
38. *Wentzel H.* Das byzantinische Erbe der ottonischen Kaiser. Hypothesen über den Brautschatz der Theophano.— Aachener Kunstblätter, 1972, B. 43.
39. *Ross M. C.* Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. V. II. Wash., 1965.
40. *Katzenellenbogen A.* The Separation of Apostoles.— Gazette des Beaux-arts (Paris), 1949, № 2.
41. *Millet G.* Recherches sur l'iconographie de l'évangile au XIV-e, XV-e et XVI-e siècles. P., 1916.
42. *Walter Chr.* Papal political imagery in the medieval Lateran Palace.— Cahiers archéologiques. T. XX. P., 1970.
43. *Mango C.* Materials for the Study of the Mosáics of St. Sophia at Istanbul.— Dumbarton Oaks Studies. V. VIII. Wash., 1962.
44. *Schmit Th.* Die Koimesis-Kirche von Nikaia. B.— Lpz, 1927.
45. *Шмит Ф. И.* Мозаики монастыря преподобного Луки.— Сб. Харьк. ист.-филол. о-ва, 1913—1914, т. XXI.
46. *Амиранашвили Ш. Я.* Хахульский триптих. Тбилиси: Мецниереба, 1972.
47. *Хускивадзе Л. З.* Византийские эмали в собрании Государственного Музея искусств Грузии.— В кн.: Средневековое искусство. Русь — Грузия. М., 1978.
48. *Matthiae G.* Le porte bronzee bizantine in Italia. Roma, 1971.
49. *Белецкий А. А.* Греческие надписи на мозаиках Софии Киевской.— В кн.: *Лазарев В. Н.* Мозаика Софии Киевской. М.: Искусство, 1960.
50. *Frolow A.* Le cult de la relique de la Vraie Croix à la fin VI-e et au début du VII-e siècles.— Byzantinoslavica. T. XXII. Prague, 1961.
51. *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII в.— САИ, 1982, вып. Е1-47.
52. *Пуцко В.* Киевский художник XI века Алимпий Печерский (по сказанию Поликарпа и данным археологических исследований).— Wiener slavistisches Jahrbuch, 1979, B. 25.
53. *Карабинов И. А.* «Наместная икона» древнего Киево-Печерского монастыря.— Изв. ГАИМК, 1927, т. V.

V. G. Patsko

A CROSS OF MARK PESHCHERNIK

Summary

The article analyses the iconography and artistic forms of a copper reliquary cross incrusted with niello. Tradition ascribes it to Mark Peshchernik. The cross is considered to be imported to Kiev from Constantinople and is dated to the last quarter of the 11th century. The pattern, according to which the images are placed on the cross, seems to be related to the decorative scheme of the altar apse in a Byzantine church. In the second quarter of the 17th century the cross was restored with a new plate replacing the missing one. The engraved Crucifixion is very close to an engraving in the Service Book printed in the printshop of the Pechera Lavra in 1629.

Ш. И. БЕКТИНЕЕВ

ВЕСЫ И ГИРЬКИ-РАЗНОВЕСЫ X—XIV ВВ. ИЗ БЕЛОРУССИИ

Особенностью денежного обращения древней Руси IX—XIV вв. является отсутствие собственной русской чеканной монеты. Только в конце X — начале XI в. при сокращении поступления на Русь восточной монеты была сделана попытка чеканить свою русскую монету, но она была очень кратковременной. С сокращением притока куфических дирхемов на древнерусские земли стали поступать западно-европейские денарии, которые были намного легче дирхемов. Дирхемы в IX— начала XI в. весили от 2,70 до 3,97 г. [1, с. 63; 2, с. 122], денарии в XI в. весили 1,36—1,08 г [3, с. 80]. Весовая пестрота монет вызывала необходимость как-то различать денежные единицы. В то же время в кладах X—XI вв. встречаются обрезки и обломки монет, слитки серебра различного веса и обломки украшений, которые также участвовали в денежном обращении.

На Востоке денежные единицы в виде различных монет и слитков выверяли гирьками-разновесами из стекла и металла [4, с. 11]. Металлические гирьки находят при археологических раскопках на территории, где обращались куфические дирхемы и серебряные платежные слитки.

Гирьки-разновесы и фрагменты весов находят и на территории Белоруссии (рис. 1). На настоящее время известны находки 23 гирек из восьми пунктов и пять фрагментов весов (коромысла и чашечки) из четырех пунктов. Гирьки и весы найдены не только при раскопках древнерусских городов и городищ, но и в погребениях (четыре гирьки и одни весы).

Самое раннее упоминание о находке весов относится к середине XIX в. Они были обнаружены при раскопках А. К. Киркором насыпи в курганном могильнике в урочище Темные Крамки под Логойском. В дневнике А. К. Киркора так описана эта находка: «...найдены в одном месте две металлические чашечки в $1^1/_2$ дюйма в поперечнике, вложенные одна в другую, обе же в футляре, как кажется, из толстой кожи. Внутри верхней чашечки маленький из того же металла прямоугольный треугольничек длиною в дюйм с лишним, по концам обоих его катетов подвижные петельки, а внутри еще меньший прямоугольный треугольничек; в каждой чашечке по четыре на краях дырочки, очевидно для протягивания ниток... в нижней же чашечке уцелел порядочный кусок льняной ткани, равно как и кусочек такой же нити в меньшем треугольничке, притом кусок чего-то длиною в 3 дюйма, в одном конце толще, в другом тоньше ... кажется из такой же как футляр кожи; все это вместе взятое совершенно похоже на нынешние вески» [5, с. 100, 101]. Перед нами описание складных (бронзовых?) весов, состоящих из складного коромысла и двух чашечек. В отличие от распространенных металлических или кожаных футляров здесь, как оказалось, весы хранились в роге зубра или тура [5, с. 101]. Кроме складного коромысла были найдены и целые неразборные коромысла в Волковыске [6, с. 74, рис. 9, *21*] (рис. 2, *13*). Чашечки для весов находили в Волковыске [6, рис. 9. *20*] (1 экз.), в Друцке (2 экз.) и Мстиславле [7, с. 105; 8, с. 51]. В основном они имеют диаметр 57—61 мм. Для подвешивания к коромыслу в чашечках пробито по четыре дырочки по краям, в которые продевались льняные веревочки.

Первое упоминание о гирьках-разновесах с территории Белоруссии имеется у Ф. В. Покровского. Он нашел гирьки при раскопках курганного могильника в д. Довборы в 1893 г. [9, с. 204, 205; 10, с. 60].

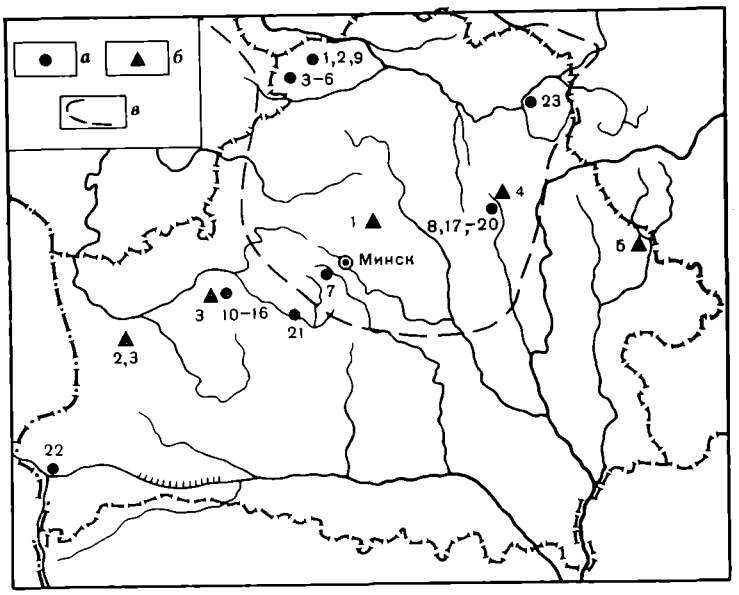


Рис. 1. Находки гирек-разновесов и весов X–XV вв. на территории Белоруссии. *а* – гирьки; *б* – фрагменты весов; *в* – граница Полоцкого княжества в XII в. (по Г. В. Штыхову). Гирьки: *1, 2, 9* – Масковичи; *3–6* – Довборы; *7* – Менка; *8, 17–20* – Друцк; *10–16* – Новогрудок; *21* – Кутец; *22* – Брест; *23* – Витебск. Фрагменты весов: *1* – уроч. Темные Крамки; *2, 3* – Волковыск, *4* – Друцк; *5* – Мстиславль. (Для гирек номера даны по табл. 2; для фрагментов весов по табл. 1)

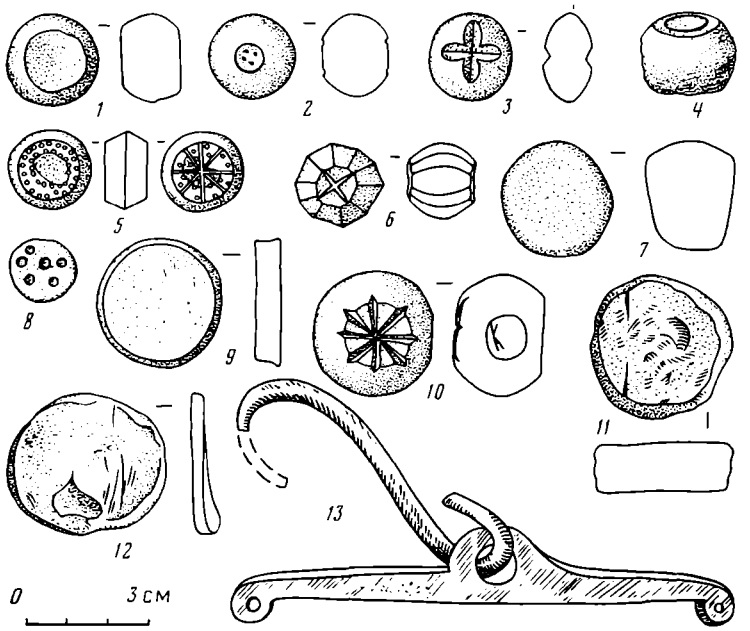


Рис. 2. Гирьки-разновесы и коромысло весов X–XV вв. *1, 2* (№ 1, 2) – Масковичи; *3* (№ 7) – Менка; *4, 7–9* (№ 8, 18, 17, 19) – Друцк; *5* (№ 9) – Масковичи; *6* (№ 15) – Новогрудок; 10 (№ 21) – Кутец; *11* (№ 22) – Брест; *12* (№ 23) – Витебск; *13* – Волковыск (в скобках даны номера по табл. 2)

Гирьки найдены при археологических раскопках городища Масковичи [11, с. 86, рис. 2, *16*] (3 экз., рис. 2, *1, 2, 5*), древних городов Друцка [7, с. 110, 111, рис. 18, *1, 3, 5*] (5 экз., рис. 2, *4, 7–9*), Новогрудка [12, с. 80, рис. 27, *4–8*; 13, с. 93, рис. 72, *5*, с. 156] (6 экз., рис. 2, *6*), Бреста (1 экз., рис. 2, *11*) [1], Витебска (1 экз., рис. 2, *12*). В качестве подъемного материала гирьки найдены на Менке [14, с. 71, рис. 28, *8*] (1 экз., рис. 2, *3*), около д. Кутец [2] (1 экз., рис. 2, *10*).

[1] Сообщение П. Ф. Лысенко и Т. С. Бубенько.
[2] Сообщение М. М. Чернявского.

Все гирьки имеют круглую форму и сделаны из металла — бронзы, свинца (3 экз.) и железа, покрытого бронзой (4 экз.). На некоторых гирьках имеются значки в виде точек или крестов — четырех-, шести- и восьмиконечных. К настоящему времени общепризнанно, что эти знаки означают кратность, т. е. количество денежно-весовых единиц в данной гирьке. Кратность гирьки определяют, подсчитывая количество глазков или лучей в крестах.

Учитывая датировку гирек и их предполагаемые кратности, гирьки распределены на три группы, которые в свою очередь разделены на подгруппы. Нужно учитывать, что гирьки, найденные в городах, могли быть обнаружены в перекопанном в древности культурном слое, например новогрудская гирька весом в 34 г (№ 15) (рис. 2, *6*) [3].

Гирьки ранних периодов сделаны более тщательно, чем поздние.

Гирьки первой группы (9 экз.) использовались в конце X — начале XII в. и имеют кратность весом 3,81—4,16 г. Гирьки в основном имеют бочковидную или битрапециоидную форму. На одной или двух плоскостях имеется обозначение кратности.

Первая группа включает три подгруппы: 1) конец X в.— 2 экз.; Масковичи (№ 1, 2); 2) XI — начало XII в.— 3 экз., Друцк (№ 8), Менка (№ 7), Масковичи (№ 9); 3) конец X — середина XI в.— 4 экз., Довборы (№ 3—6). В первых двух подгруппах весовая единица колеблется в основном от 3,81 до 3,86 г. Этот вес немного меньше веса «законного» дирхема (3,97 г.), который был принят на Востоке при халифе Омаре. От этой единицы имеется производная, весившая 2,97 г (дирхем «наказ») [1, с. 63, 67]. В свою очередь производным от дирхема «наказ» был дирхем весом в 2,73 г, который чеканился на Востоке в 892—933 гг. и был самой распространенной монетой в торговле с Русью в 900—938 гг.

С середины X в. дирхем весом в 2,73 г являлся куной, которая состояла из двух резан весом в 1,36 г. Но обрезки монет весом 1,3—1,5 г появились в древнерусских кладах только после 939 г., и особенно много их встречается в кладах середины X в. [2, с. 122]. Поэтому весовая единица гирек в 3,81—3,86 г, вероятнее всего, составляет сумму трех резан весом 1,3—1,36 г. Некоторая разбежка в весе, 3,86 и 3,9 г. (1,3×3), не должна вызывать недоумения, так как в древности мастера при отливке вещи из металла брали сырье, не учитывая угара металла при плавке. Поэтому вес отлитых гирек оказывался несколько легче гирек теоретического веса. Гирьки, подобные масковичским, находили в кладах куфических дирхемов конца X в. Такой клад был найден в 1934 г. около д. Подборовка Старорусского р-на Новгородской обл. Он содержал 96 целых и 56 обломков монет, а также 10 гирек [2, с. 175, № 23; 15, с. 34, рис. 17]. Для нас представляет интерес гирька весом в 39,80 г, которая при кратности 8 (4+4) дает весовую единицу в 4,97 г. Масковичская гирька № 1, если считать ее кратность, равную 8, при весе 38,14 г дает весовую единицу в 4,76 г, что немного легче, чем в подборовской гирьке. Но вероятнее всего, она имеет кратность 10 (5 + 5). На это указывает нахождение аналогичных гирек в Рязани, Киеве, Пришманчяй (Литва), но с глазками, обозначающими кратность в 10 (5+5) единиц [1, с. 61—69; 16, с. 143—152]. Несколько выделяется гирька из Менки (№ 7), которая при весе в 29,0 г и кратности 8 (4 + 4) имеет весовую единицу 3,62 г.

Интерес представляет гирька, найденная Л. В. Дучиц в 1980 г. на городище Масковичи (№ 9). Она интересна своим обозначением кратности. На лицевой стороне ее имеется два круга: один составлен из 20 кружков, второй — из 15, нанесенных пуансоном. На оборотной стороне плоскость делится линиями на восемь частей, в каждой из которых находится по два кружка, так что получается кратность в 16 единиц (2×8). Сама гирька круглой формы, отлитая из желтой бронзы, весит 20,50 г. При определении весовой единицы мы получаем на лицевой стороне 1,025 и 1,36 г, а на обратной — 1,28 и 2,56 г. Весовая единица в 1,36 г соот-

[3] Номера гирек-разновесов и фрагментов весов даны в скобках по таблицам 1, 2.

ветствует резане конца X — начала XI в., а вес 1,025 г. соответствует примерному весу денариев некоторых германских государств с начала XI в. [3, с. 80]. На оборотной стороне весовая единица в 1,28 г. составляет третью часть весовой единицы гирек из Маскович (№ 1, 2) и Друцка (№ 8) в 3,81—3,86 г. В то же самое время на Западе некоторые государства чеканили монеты весом в 1,17—1,25—1,31 г [3, с. 80]. Принимая во внимание, что в начале XI в. совершенно прекратился приток восточного серебра на Русь, а на Западе шло интенсивное уменьшение веса монеты, можно предположить, что на оборотной стороне масковичской гирьки (№ 9) мы имеем указание на облегчение веса резаны (1,28 г) и куны (2,56 г). В весовых единицах на лицевой стороне мы видим вероятное следствие перехода русской денежной системы от куфического дирхема к использованию западно-европейского денария с середины XI до начала XII в.

В отдельную подгруппу выделены гирьки, найденные в Довборах (№ 3—6). Кратная единица трех гирек (№ 4—6) составляет от 4,01 до 4,16 г. Гирька № 3 обгорела и имеет вес 7,08 г, вероятно, неповрежденной она весила немного больше 8 г. Здесь весовая единица весит немного больше единиц в гирьках из Маскович (№ 1, 2) и Друцка (№ 8). Она точно соответствует трем резанам по 1,36 г ($1{,}36 \times 3 = 4{,}08$ г). На рис. 1 можно видеть, что гирьки 1 группы найдены довольно близко от границы Полоцкого княжества с соседними землями.

Ко второй группе (XII—XIII вв.) можно отнести 13 экземпляров. В XII—XIII вв. в обращении находились литовские серебряные слитки палочкообразной формы с вмятинами на спинке. З. Дукса считает, что эти гривны использовались на территории Литвы, Белоруссии и других русских земель во второй половине XII—XIII в., возможно, и в начале XIV в. [17, с. 139]. Необходимо отметить, что вместе с ними в обращении были новгородские слитки (XII — середина XV в.) и киевские гривны (XII — середина XIII в.). В конце XIII в. впервые упоминаются термины «рубль» и «полтина» [18, с. 329]. В первой четверти XIII в.— третьей четверти XIV в. «Белая Русь» вошла в состав Великого княжества Литовского [19, с. 130], XII — конец XIV в.— время так называемого «безмонетного» периода.

Вторая группа гирек условно делится на три подгруппы: 1) XII в.— Новогрудок, 5 экз. (№10—14); 2) XIII в.— а) 3 экз., Друцк (№ 17), Новогрудок (№ 15) и Кутец (№ 21); б) 5 экз., Друцк 3 экз. (№ 18, 19, 20), Новогрудок (№ 16) и Брест (№ 22).

К подгруппе 1 отнесены новогрудские гирьки весом 21, 29, 57, 100 и 143 г. Они не имеют никаких обозначений. Некоторым из этих гирек можно найти весовые аналогии среди литовских слитков, которые находились в денежном обращении в XII—XIV вв. Слитки весом 99,40—100,9 г найдены в кладах Драгелишкес (Литва) — 3 экз., Слободка I (БССР) — 1 экз., Тверь (РСФСР) — 1 экз. [17, с. 110, № 4, с. 115, № 30, с. 116, № 31]. Слиток весом в 57,9 г был найден в Литве (Скаудвиле) [17, с. 113, № 14], это больше веса гирьки всего на 0,9 г, на что в XII—XIII вв. не обращали внимания.

К подгруппе 2а отнесены три гирьки, которые имеют обозначения с одной или двух сторон. Они найдены в Друцке (№ 17). Новогрудке (№ 15) и д. Кутец (№ 21) и датируются XIII в. Самая маленькая, друцкая гирька сделана из свинца и имеет шесть глазков при весе 10,8 г. Весовая единица ее — 1,8 г (10,8 г : 6). Но известно, что каждая гирька имеет практическое назначение. В исследованной В. Л. Яниным новгородской денежной системе XIII в. мы видим, что ногата соответствовала весовой единице в 1,87 г, а это больше весовой единицы нашей гирьки всего на 0,07 г. По В. Л. Янину, новгородская гривна серебра содержит в себе 105 ногат [18, с. 331]. Если умножим 1,8 г (весовая единица друцкой гирьки) на 105, получим вес 189 г. З. Дукса считает, что литовские трехгранные слитки, датируемые концом XIII — серединой XV в., весили 170—185 г [17, с. 141]. Разница с максимальным весом трехгранного литовского слитка всего 4 г. Можно предположить, что друцкая гирька

Таблица 1

Весы X–XV вв., найденные на территории БССР

№ п. п.	Место и время находки	Длина коромысла, мм	Количество чашечек, мм	Диаметр чашечек, мм	Сохранность	Датировка	Литература
1	Уроч. Темные Крамки	–	2	38 (1,5 дюйма)	–	–	[5, с. 100, 101]
2	Волковыск	124			Хорошая	–	[6, с. 74, рис. 9, *21*]
3	Волковыск	–	1	57	–	XII – первая половина XIII вв.	[6, с. 74, рис. 9, *20*]
4	Друцк, 1959	–	2	61	Хорошая	XV–(XVII) вв.	[7, с. 105, рис. 18, *6*, *7*]
5	Мстиславль	–	1	?	–		[8, с. 51]

весом в 10,8 г является связующим звеном между новгородской и литовской системами конца XIII–XIV в. и обозначает денежно-весовую единицу, равную 6 ногатам. В кладе, найденном в Драгелишкесе, была обнаружена новгородская трехгранная полтина весом в 94,5 г [17, с. 110], что составляет $^1/_2$ гривны весом в 189 г. Гирька, найденная в д. Кутец, весит 94,8 г, что составляет примерно половину гривны. Литовская гривна почти такого же веса (94,9 г) была найдена в кладе из Скаудвиле [17, с. 113, № 14]. Эта гирька имеет кратность 8 и весовую единицу 11,85 г. Интересна она и тем, что имеет на боку знак (рис. 2, *10*), который, вероятно, является знаком владельца. В Новогрудке найдена ранее упоминавшаяся гирька весом 34 г с кратностью 8 (4+4) и весовой единицей 4,25 г. Удвоенная эта единица равна весу скандинавского артуга – 8,5 г. В то же время эта гирька имеет 10 граней (№ 15; рис. 2, *6*), и если это считать кратностью (10), то весовая единица будет равна 3,4 г, а это близко к весу ногаты конца X–XI вв. (3,41 г) [2, с. 125].

К подгруппе 2б отнесены пять гирек из Друцка (№ 18, 19, 20), Новогрудка (№ 16) и Бреста (№ 22). Гирьки в 88,5 г (Друцк, № 18) и 90,1 г (Новогрудок, № 16) соответствуют половине литовского серебряного «рубля» весом в 170–185 г. Друцкая гирька (№ 19) весом в 94,6 г соответствует весу литовской серебряной «полтины». Интересны гирьки весом 104,52 г (Друцк, № 20) и 106,5 г (Брест, № 22). Они соответствуют весовой норме литовского слитка в 100–110 г [17, с. 108]. Брестская свинцовая гирька, найденная в 1973 г., равна по весу слиткам, которые находили в Литве, Белоруссии и РСФСР и весившим 106,1–106,9 г (всего известно 21 экз. такого веса) [17, с. 110–117, № 4, 13, 14, 20, 30–32].

Гирьки II группы показывают, что на территории Белоруссии широко использовались литовские слитки весом 100–110 г, а также литовские «рубли» весом 176–189 г и «полтины» весом 88,5–94,8 г. На территории Северо-Восточной Белоруссии вероятно существовали денежные единицы «переходные» от новгородской системы к литовской.

К III группе отнесена условно единственная свинцовая гирька весом в 36,02 г, найденная в 1981 г. в г. Витебске (№ 23, рис. 2, *12*). Практически эта гирька может соответствовать 20 ногатам (36,02 г : 1,8 г) при условии, что верно предположение о более легкой ногате на территории Белорусского Подвинья в XIV – начале XV в., чем в Новгородской земле (1,8, а не 1,87 г.). В то же время вес этой гирьки соответствует $^1/_3$ литовского серебряного слитка весом в 108 г. Литовские слитки примерно такого веса (108,11–108,79 г) неоднократно находили в кладах [17, с. 112, № 13, с. 113, № 14, с. 115, № 30, с. 117, № 32], в том числе и на территории Белоруссии. Витебская гирька по весу равна $^1/_5$ части литовского «рубля» в 180,1 г. В XIV–XV вв. слитки в Великом

Таблица 2

Гирьки-разновесы X–XIV вв.

№ п. п.	Место и год находки	Вес гирьки, г	Кратность гирьки	Весовая единица гирьки, г	Сохранность	Датировка гирьки	Литература
1	Масковичи, 1978	38,14	(5+5)	3,81	Хорошая	Вторая пол. X в.	[11, с. 84, рис. 2, *16*]
2	Масковичи, 1979	30,90	4+4	3,86	»	Вторая пол. X в.	[11, с. 84]
3	Довборы, 1893	7,08			Обожжена	X–XI вв.	[9, с. 205]
4	Довборы, 1893	12,49	2+1	4,163	–	X–XI вв.	Там же
5	Довборы, 1893	24,07	3+3	4,01	–	X–XI вв.	»
6	Довборы, 1893	40,27	5+5	4,02	Обожжена	X–XI вв.	»
7	Менка	Ок. 29	4+4	3,62	Хорошая	X – первая пол. XI в.	[14, с. 71, рис. 28, *8*]
8	Друцк, 1962	30,8	(4+4)	3,85	–	XI – начало XII в.	[7, с. 110, 111]
9	Маскович, 1980	20,50	а) 20; 15 б) 8×2	а) 1,025 1,36 б) 2,56 1,28	Удовлетворительная	XII–(XIII) вв.	Сообщение Л. В. Дучиц
10	Новогрудок, 1969	Ок. 21				XII в.	[12, с. 80]
11	Новогрудок, 1969	Ок. 29				XII в.	Там же
12	Новогрудок, 1969	Ок. 57				XII в.	»
13	Новогрудок, 1969	Ок. 100				XII в.	»
14	Новогрудок, 1969	Ок. 143				XII в.	»
15	Новогрудок, 1958	34	4+4 (или 10)	4,25 (и 3,4)	Хорошая	XIII в.	[13, с. 93, рис. 72, *5*]
16	Новогрудок	90,1				XIII в.	[13, с. 156]
17	Друцк, 1962	10,8	6	1,8	»	XIII в.	[7, с. 105, рис. 18, *1*]
18	Друцк, 1958	88,5					[7, с. 110, 111]
19	Друцк, 1959	94,6					Там же
20	Друцк	104,52				XIII в.	–
21	Кутец, 1976	94,8	8	11,85	»	Первая пол. XIII в.	Сообщ. М. М. Чернявского
22	Брест, 1973	106,5			»	Середина XIII в.	Сообщение П. Ф. Лысенко
23	Витебск, 1981	36,02			»	XIV – нач. XV в.	Сообщение Т. С. Бубенько

княжестве Литовском соответствовали определенному количеству пражских грошей. На вес гирьки приходилось примерно 12 пражских грошей Вацлава (III) IV (1378—1419) весом около 3 г.

В Белоруссии в настоящее время известно сравнительно мало гирек, но их, очевидно, было больше, на что указывают публикации К. Тышкевича и Ф. В. Покровского, в которых мы находим указание на находки обломков или слитков металла [5, с. 101; 10, с. 60]. Вероятно, это были вспомогательные гирьки, но они не были взвешены. Также в погребениях и в других археологических памятниках могли встречаться «вспомогательные» гирьки, т. е. обломки разных металлических украшений и других предметов.

Имеющийся материал позволяет сделать некоторые выводы. В Белоруссии, в основном в северной и западной частях, ограниченных линией Брест—Новогрудок—Минск—Друцк—Мстиславль, встречаются гирьки конца X—XIV в. Гирьки первого периода (конец X — начало XII в.) имеют весовую единицу 3,81—4,16 г, т. е. вес, близкий к весу «законного» арабского дирхема (3,97 г), и относятся к восточной денежно-весовой системе, принятой в древнерусских землях. Гирьки второго периода (XII—XIII вв.), который совпадает с «безмонетным» периодом, указывают на обращение в Белоруссии литовских слитков весом 100—110 г, литовских «рублей» (170—185 г) и «полтин» (88—95 г). Гирьки второго периода позволяют предположить, что литовский слиток был равен 60 ногатам, а литовский «рубль» в Северо-Восточной Белоруссии весил около 189 г, при ногате весом в 1,8 г (1,8 г×105). На этом основании можно предположить, что в этом регионе существовала «переходная денежно-весовая система», в которой вес рубля ниже новгородского, но выше собственно литовского. Гирьки служили в X — начале XV в. для выверки имеющихся в обращении денежно-весовых единиц. Например, в XII—XIII вв. 6 ногат были равны $^1/_{10}$ части литовского слитка; 20 ногат составляли $^1/_3$ литовского слитка или $^1/_5$ литовского «рубля» по весу; «полтина» = новгородской «полтине» (94,8 г), литовская «полтина» (88,5 г) и т. д.

Скандинавская система, основанная на артуге весом 8,5 г, вероятно, употреблялась на территории, где было особенно сильное литовское влияние,— на Новогрудчине.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Монгайт А. Л.* Рязанские гирьки.— КСИИМК, 1947, вып. XIV.
2. *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.: Изд-во МГУ, 1956.
3. *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л.: Сов. художник, 1968.
4. *Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М.: Наука, 1970.
5. *Тышкевич К.* О курганах в Литве и Западной Руси (Археологические исследования). Вильна, 1865.
6. *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск. Минск: Наука и техника, 1975.
7. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля (IX—XIII вв.). М.: Наука, 1966.
8. *Алексеев Л. В.* Древний Мстиславль (по материалам раскопок 1959—1964, 1968 и 1969 гг.).— КСИА, 1975, вып. 146.
9. *Покровский Ф. В.* Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии.— Тр. IX АС. М., 1895.
10. Предметы из раскопок Ф. В. Покровского в 1893 г.— В кн.: Каталог предметов, доставленных на археологическую выставку при IX Археологическом съезде в Вильне в 1893 г. Вильна, 1893.
11. *Дучиц Л. У.* Маскавіцкае гарадзішча (XI—XIII ст.) — Весці АН БССР, 1980, № 4, серыя грамад. навук.
12. *Павлова К. В.* Хозяйственные постройки XII—XIII вв. на детинце древнего Новогрудка.— КСИА, 1972, вып. 129.
13. *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок. Л.: Наука, 1981.
14. *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли. Минск: Наука и техника, 1978.
15. *Спасский И. Г.* Русская монетная система. Изд-е 3. Л.: Изд-во ГЭ, 1962.
16. *Навицкайте-Кунцене О.* К вопросу о древнейшей (X—XIII вв.) весовой системе мер в Литве.— Тр. АН Лит. ССР, 1966, сер. А, № 2 (21).
17. *Дукса З.* Деньги и их обращение.— In: Lietuviu materialiné kultura IX—XIII amžiuje. II. Vilnius: Mokslas, 1981.

18. *Янин В. Л.* Деньги и денежные системы.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV веков. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1969.
19. Гісторыя Беларускай ССР, І. Мінск: Навука і тэхніка, 1972.

Sh. I. Bektineev

BALANCES AND WEIGHTS OF THE 10th-14th CENTURIES FROM BYELORUSSIA

Summary

In the 10th through 14th centuries people in Byelorussia used balances and weights to check coins. The same can be said of the Western Russian lands in Byelorussia. Byelorussia, in its turn, formed part of the Great Duchy of Lithuania between the second half of the 13th and the first half of the 14th centuries. So far, five fragments of balances found in four places have been discovered in Byelorussia. Weight beams were composed of several parts (Fig. 2, *13*), balance pans were from 38 to 61 mm in diametre. Twenty three weights came from eight places: Maskovichi, Dovbory, Drutsk, Novogrudok, Menka, Kutets, Brest and Vitebsk (Fig. 2, *1—12*). The dates and weights divide these finds into three groups. The first group comprises weights dated to the late 10th-early 12th centuries (Fig. 2, *1, 2, 7*—9), the second group dates to the 12th-13th centuries (Fig. 2, *3—6, 10, 11*). The third group consists so far of one weight from Vitebsk (Fig. 2, *12*) related to the late 14th-early 15th centuries. It comprises one-fifth of a ruble which weighs less than the Novgorodian ruble, but more than the Lithuanian ruble. The weights from Byelorussia indicate that in the Byelorussian part of the Dvina basin and partly in the Smolensk area there existed transitory monetary systems: in the 10th and first half of the 11th centuries the Byelorussian system was transitory between the Novgorodian (northern) and Kievan (southern) systems, while in the late 13th and in the 14th centuries it was transitory between the Novgorodian and Lithuanina rubles. In the late 14th century Byelorussia switched over to the Lithuinian monetary and weight systems.

Заметки

В. П. КСЕНЗОВ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ЮРОВИЧИ

Юровичское верхнепалеолитическое поселение, открытое К. М. Поликарповичем в 1929 г.— одно из немногих поселений Белоруссии, свидетельствующих о заселении ее территории человеком в верхнем плейстоцене [1, с. 499—501]. Расположено оно в д. Юровичи Калинковичского р-на Гомельской обл., на коренном левом берегу Припяти, в 2,5 км от нее, на юго-западном склоне древнего оврага, впадающего в долину реки. Изучение памятника проводилось К. М. Поликарповичем в 1929 и 1931 гг. На поселении были заложены два раскопа площадью 59 м² и несколько шурфов. В красно-желтом песке, залегавшем между светлым и зеленоватым песками, были найдены костные остатки мамонта, быка, песца, лошади и 30 кремней [2, с. 186—190]. Отмечая значительную разрушенность культурного слоя, исследователь предположил, что еще в конце ледникового времени стоянка была размыта и смещена с более высокого пункта в теперешнее ее положение [2, с. 186]. На основании анализа малочисленного кремневого инвентаря К. М. Поликарпович вначале датировал поселение верхнеориньякским временем, позже— мадленским [2].

Геологией поселения занимался Г. Ф. Мирчинк. Возраст памятника был определен им временем, последовавшим за прекращением накопления аллювиальных отложений на второй надпойменной террасе Припяти и образованием уступа к первой надпойменной террасе [3, с. 47—49].

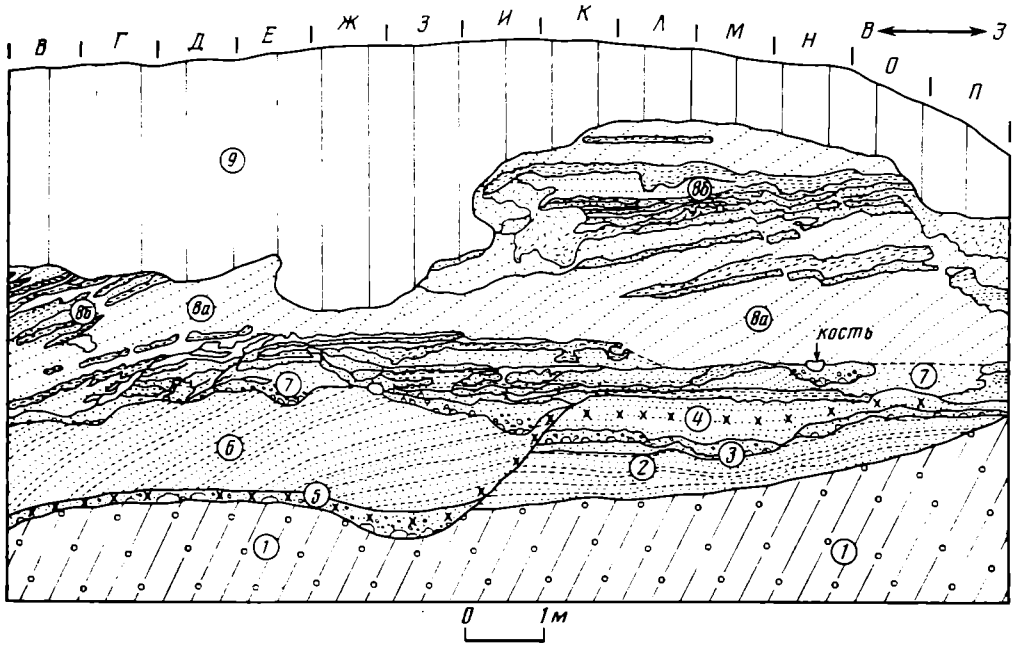


Рис. 1. Стратиграфический разрез по южной стенке раскопа 1976 г. *1—9* — описание слоев дано в тексте; X — культурные остатки

№ слоев (снизу вверх)	Краткая характеристика слоев	Мощность в полосе квадратов, К. Л., (м)
1	Красно-бурая моренная супесь, значительно понижающаяся к востоку, к тальвегу древнего оврага.	Не установлена
2	Пестроцветные оглеенные делювиальные пески, отмеченные в западной части стены и выклинивающиеся к западу.	До 0,85
3	Грубые гравийные пески с галькой (базальный горизонт овражно-балочного аллювия). Отмечены в западной части.	До 0,25
4	Ожелезненный разнозернистый песок, отмеченный лишь в западной части. В нем залегает первое скопление культурных остатков.	До 0,5
5	Базальный горизонт более позднего размыва с включением валунов разных размеров, небольших линз оглеенных пестроцветных песков. В этом горизонте залегает второе скопление культурных остатков.	До 0,25
6	Овражно-балочные желтовато-серые мелкозернистые пески с тонкими прослойками алеврита.	До 1,4
7	Овражно-балочные отложения со следами солифлюкции и криотурбациями, с переслаиванием линз и прослоев гравийно-галечного материала, песков различной зернистости (с косой и косоволнистой слоистостью) и палево- и зеленовато-серых прослоек супеси, в основании толщи в юго-восточной части раскопа отчетливо видны следы местного размыва, отмеченного линзами гальки.	До 1,2
8*а*	Склоновые светло-серые мелкозернистые пески с ритмичной наклонной слоистостью, падающей к востоку, к тальвегу древнего оврага.	До 1,3
8*б*	Склоновые ритмично-слоистые песчано-алевритовые отложения с линзами солифлюкционного материала.	До 1,6
9	Отвалы и осыпи, образовавшиеся при современных строительных работах	

В 1959, 1960 гг. раскопки поселения возобновил В. Д. Будько. Общая вскрытая им площадь составила 122 м². По его мнению, на поселении выявлены два культурных горизонта in situ, в верхнем из которых отмечены «остатки своеобразного жилого комплекса, где кроме костей мамонта в качестве строительного материала широко применялись крупные камни и плиты валунного происхождения [4, с. 36]. Памятник был датирован временем позднего граветта, отмечалась близость ряда кремневых орудий Юровичского и Елисеевичского поселений. Необходимо, однако, заметить, что в совместной статье, посвященной геологическим условиям залегания палеолитических стоянок Белоруссии, М. М. Цапенко, В. Д. Будько, Л. Н. Вознячук указывали на переотложение в Юровичах культурного слоя, в пределах древнего погребенного оврага [5, с. 72].

В 1976 г. исследования Юровичской стоянки были продолжены нами совместно с Л. Н. Вознячуком. Раскоп площадью 77 м² был заложен южнее раскопов В. Д. Будько на левом, обращенном к северу склоне мыса. По южной стене раскопа выявлен следующий наиболее полный стратиграфический разрез (рис. 1):

Культурные остатки, представленные расщепленным кремнем (11 экз.) и мамонтовой фауной, залегали на разном уровне и в разных геологических слоях. Основные находки происходили из 4 и 5 слоев. Рассмотрим прежде всего расположение культурных остатков в западной и центральной частях раскопа в полосе квадратов К—П (рис. 2). Для этого участка характерно значительное падение склона к северу, на что указывает глубина залегания находок: в северной части она достигала 5,38 м, в южной — 4,72 м от современной поверхности. Здесь найдены кости мо-

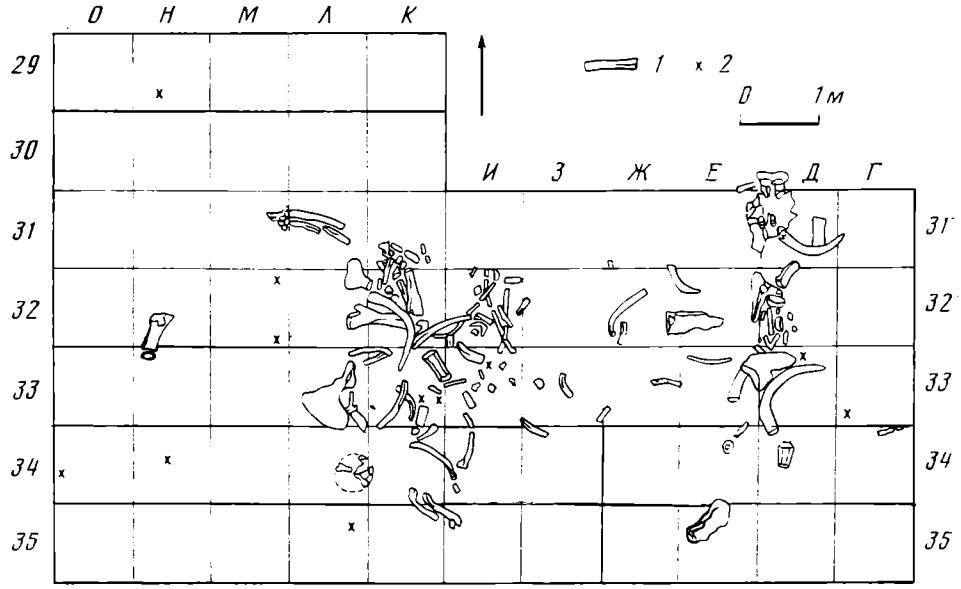


Рис. 2. План расположения культурных остатков в раскопе 1976 г. *1* – кости; *2* – кремни

лодой особи мамонта (череп, тазовые, плечевая, локтевые, бивень, ребра и их фрагменты, позвонки и др.), и девять кремней. Кости часто лежали одна на другой, непосредственно соприкасаясь, или отделялись тонкими прослойками разнозернистого песка; некоторые были разломаны на два—пять фрагментов, расположенных, как правило, недалеко друг от друга. Залегали они в слое ожелезненного крупнозернистого песка с включением гальки (слой 4), который подстилался метровой толщей пестроцветных оглеенных песков, залегавших непосредственно на моренной супеси. Значительный наклон площади поселения, перекрывание находок одна другой позволяют предположить, что на рассмотренный участок культурные остатки сдвинуты с более высокого пункта. Подобные условия залегания костей и расщепленного кремня были отмечены К. М. Поликарповичем в его раскопках 1929 и 1931 гг.

Интересно положение находок в полосе квадратов З—И, являющихся связующим звеном между культурными остатками, расчищенными в слое 4 (рис. 1) на участке квадратов К—О (рис. 2) и в слое 5 на участке квадратов В—Г, разница в уровнях расположения которых достигает 1,37 м. Верхние находки, представленные фрагментами ребер, кусками губчатой массы и находящиеся на участке квадратов И, залегали на склоне размытых пестроцветных оглеенных песков. Нижние, расположенные в полосе квадратов З, находились в несортированном песчано-гравийном материале на дне овражка, образовавшегося на территории поселения. Также на дне овражка, в несортированном песчано-гравийном материале горизонта размыва морены, среди многочисленных валунов и уцелевших от размыва линз маломощных пестроцветных оглеенных песков (слой 5), залегали культурные остатки, расчищенные на линиях квадратов В—Г на глубине 5,65—6,36 м от современной поверхности. Среди них два кремневых отщепа и кости мамонта: бивни, лопатки, малые берцовые и тазовая, фрагменты ребер и перевернутый череп без нижней челюсти с одним бивнем и частично выломанными верхними зубами. Залегали кости в беспорядке, некоторые находились частично или полностью под валунами, как в горизонтальном, так и в вертикальном положении. Все кости плохой сохранности, темно-коричневого, иногда черного цвета.

Залегание культурных остатков на этом уровне впервые было отмечено К. П. Поликарповичем в 1931 г., однако специальным исследованиям они тогда не подвергались. Было лишь указано, что «на 1 м глубже основного слоя с костями обнаружен второй слой костей с редкими ис-

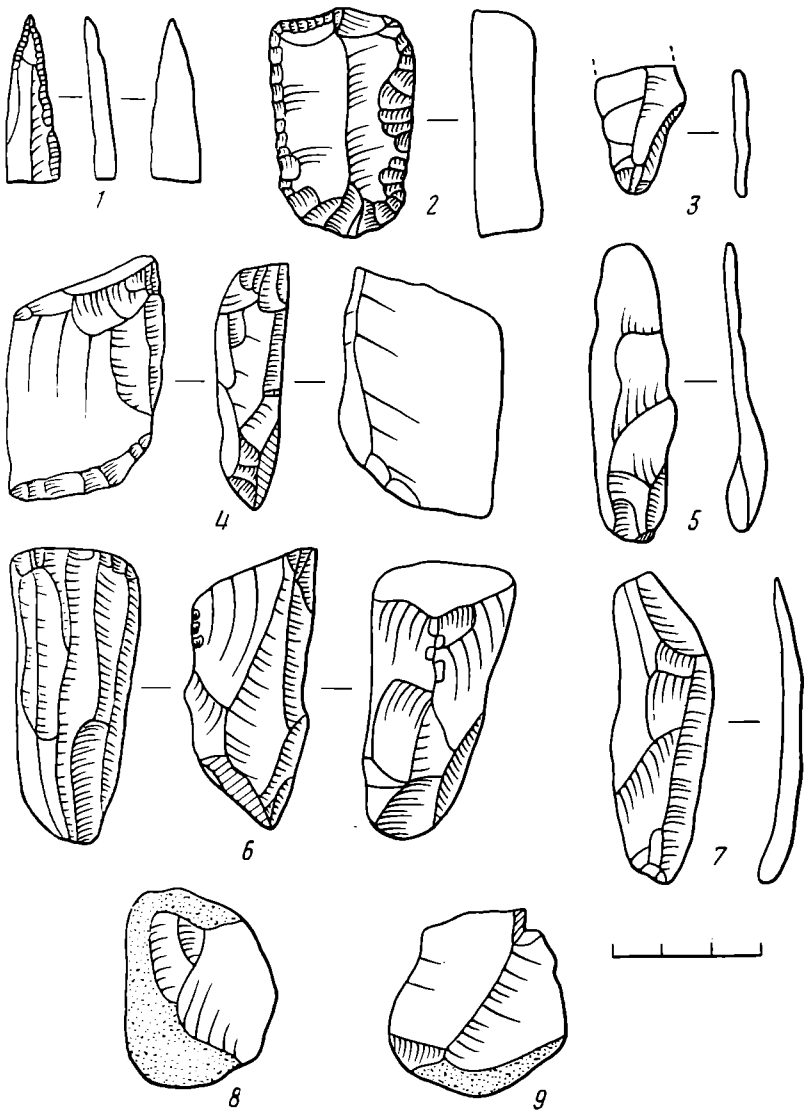


Рис. 3. Кремневый инвентарь из раскопа 1976 г. *1* — проколка; *2* — скребок; *3, 5, 7* — пластины; *4, 6* — нуклеусы; *8, 9* — отщепы

кусственными чешуйками кремня» [2, с. 190]. Такие же данные мы находим и у Г. Ф. Мирчинка, описавшего стратиграфию Юровичской стоянки [3, с. 49]. Судя по планам В. Д. Будько, этот уровень залегания культурных остатков вскрыт им в 1960 г. [4, с. 21], однако непонятно, почему он оказался верхним горизонтом?

Вызывает также интерес расположение отдельных находок. Прежде всего, это лопатка и эпифиз ребра мамонта, расчищенные в восточной части раскопа в квадрате Е—35 (рис. 2). Залегали они в тонком намытом слое красно-бурой моренной супеси в сопровождении мелких валунов на уровне слоя 7 (рис. 1), что в среднем на 2 м выше культурных остатков, находящихся в полосе квадратов В—Ж. В таких же условиях и на том же уровне в южной стене, в ее западной части, найдена кость стопы мамонта (на рис. 1, указано стрелкой). Положение этих находок объясняется, вероятно, переотложением сохранившегося культурного слоя Юровичской стоянки по склону в северном и восточном направлениях, но уже после захоронения указанного выше овражка.

Расщепленных кремней найдено всего 11 экземпляров. Сырьем служил темно-серый меловой кремень, валуны которого не редки в местной днепровской морене. Орудия представлены проколкой (рис. 3, *1*) и двойным концевым скребком (рис. 3, *2*), которые изготовлены из пластин. Впервые на стоянке встречено вторичное ядрище на краевом отщепе

(рис. 3, *4*). Еще один нуклеус (призматический, рис. 3, *6*) имеет две скошенные противолежащие ударные площадки. На его тыльной стороне с помощью нескольких грубых сколов подготовлено ребро, служившее, видимо, для зажима. Остальной инвентарь представлен тремя пластинами (5,5—6 см в длину при ширине 1—1,5 см; рис. 3, *3*, *5*, *7*) и четырьмя отщепами (рис. 3, *8*, *9*).

Данные последних раскопок позволяют говорить о наличии в Юровичах одного горизонта с культурными остатками, находящимися в переотложенном залегании. Стоянка располагалась на пологом мысу между склоном долины Припяти и впадающей в нее древней балки. С севера и востока это место было защищено от холодных ветров крутым высоким склоном балки. Со временем поселение начало разрушаться водными потоками, что, видимо, побудило людей оставить его. Вследствие врезаний оврага часть культурных остатков была переотложена в базальный горизонт и толщу овражно-балочного аллювия, сопряженного с перигляциальным аллювием второй надпойменной террасы. Часть культурных остатков, не погребенных в овраге, впоследствии в процессе плоскостного смыва переотложилась по склону в северном и восточном направлениях. Залегание культурных остатков в основании толщи овражно-балочных образований, парагенетически сопряженных с аллювием верхней свиты второй надпойменной террасы [6, с. 71], позволяет датировать памятник заключительными этапами молого-шекснинского межледниковья или (по схеме Л. В. Вознячука) одной из заключительных фаз средневалдайского мегаинтерстадиала. Для поселения есть радиоуглеродная дата — 26 470±420 (ЛУ—125). Вследствие небольшого количества кремневого инвентаря сопоставить стоянку с соседними памятниками верхнего палеолита не представляется возможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Палікарповіч К. М.* Раскопкі Юравіцкай палеалітычнай стаянкі.— Працы археалагічнай камісіі. Т. II. Менск, 1930.
2. *Поликарпович К. М.* Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск, 1968.
3. *Мирчинк Г. Ф.* Геологические условия нахождения палеолитических стоянок в СССР и их значение для восстановления четвертичной истории.— Тр. II Междунар. конф. АИЧПЕ. Новосибирск, 1934.
4. *Будько В. Д.* Юревичская верхнепалеолитическая стоянка.— В кн.: Белорусские древности. Минск, 1967.
5. *Цапенко М. М., Будько В. Д., Вознячук Л. Н.* Геологические условия залегания палеолитических стоянок на территории Белоруссии.— Тр. КИЧП, 1961, т. XVIII.
6. *Вознячук Л. Н.* К стратиграфии и палеогеографии неоплейстоцена Белоруссии и смежных территорий.— В кн.: Проблемы палеогеографии антропогена Белоруссии. Минск, 1973.

Л. Л. КОСИНСКАЯ

ЖИЛИЩА ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ ВЫЧЕГДЫ

В последние годы на Северо-Востоке европейской части СССР исследовано несколько долговременных поселений эпохи ранней бронзы со сходными на первый взгляд жилищами-полуземлянками [1—3]. При существующей на этой территории пестроте культурных типов периода ранней бронзы вопрос о конструктивных особенностях жилищ является достаточно важным.

Одним из таких памятников является поселение Ниремка I, исследуемое экспедицией Республиканского историко-краеведческого музея Коми АССР под руководством автора. Поселение расположено на краю 7-метровой боровой террасы р. Выми — правого притока р. Вычегды, близ с. Серегово Княжпогостского р-на Коми АССР. На 1425 м² вскрытой площади исследовано 12 сооружений: 10 жилищ и две хозяйственные постройки, давшие неоднородный в культурном и хронологическом отноше-

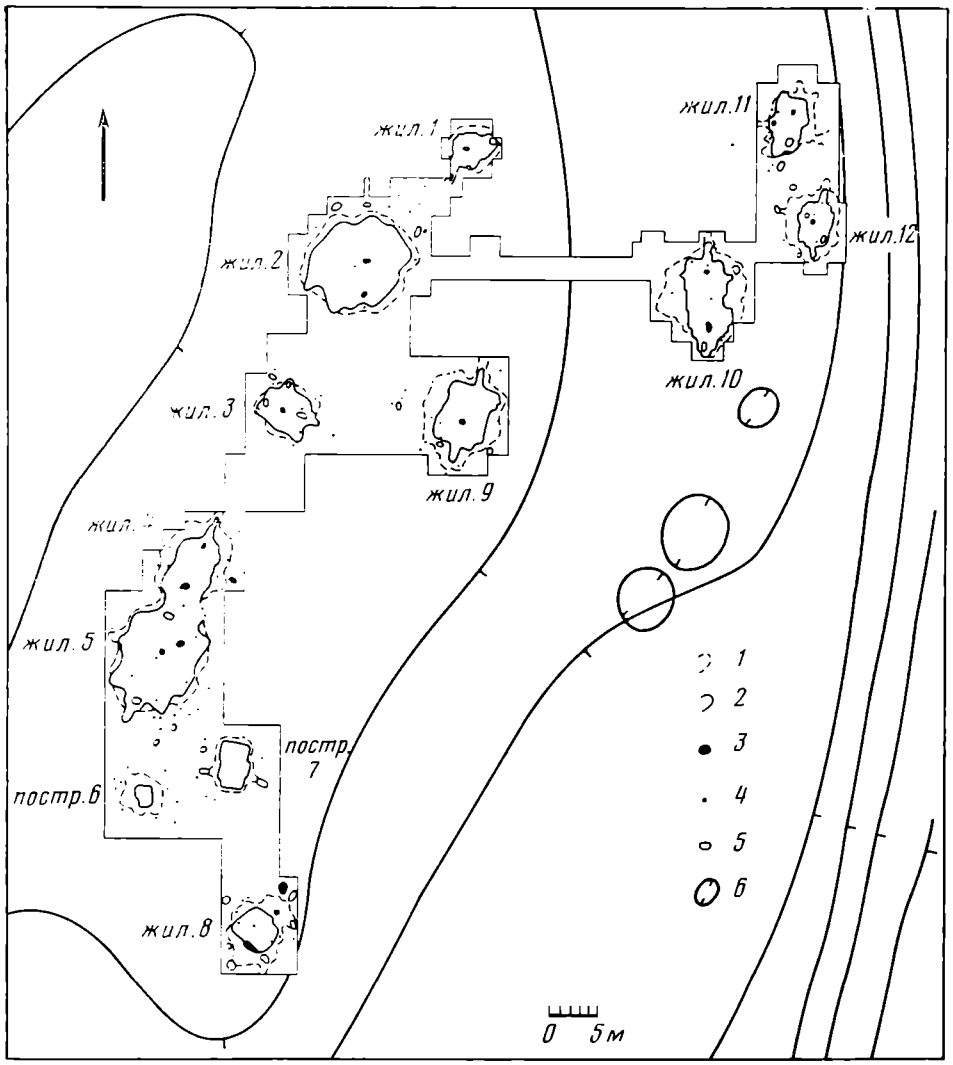


Рис. 1. План поселения Ниремка I. *1* — границы жилищ, на уровне древней поверхности; *2* — границы котлованов; *3* — очаги; *4* — столбовые ямки; *5* — ямы; *6* — нераскопанные впадины

нии материал (рис. 1). Жилища 8, 10, 11 и хозяйственная постройка 7 содержали керамику северного варианта турбинской (гаринско-борской) культурной общности. Из них жилище 11 датируется гаринским, остальные — борским временем. Посуда из жилищ 1—5, 9 и 12 с известными оговорками может быть отнесена к культурной общности гребенчатой керамики европейского Северо-Востока эпохи ранней бронзы [4, с. 122, 123], поскольку ряд черт сближает ее с турбинской керамикой этого же поселения.

На площади поселения, как и на других подобных памятниках, заметны на поверхности неглубокие овальные или округлые впадины, вокруг которых часто прослеживается слабо выраженный кольцевой вал шириной 3—4 м и высотой до 15 см от окружающей поверхности. Впадины расположены довольно компактно, на расстоянии 3—15 м друг от друга, и группируются в два неправильных параллельных ряда, вытянутых вдоль бровки террасы.

Все сооружения дают сходную стратиграфию (рис. 2). Под современным подзолом в материковом песке прослеживается неглубокий (0,4—0,8 м от древней поверхности) котлован с наклонными стенками, заполненный слабоокрашенным культурным слоем. Последний залегает и в промежутке между котлованом и полоской погребенной почвы, которая в ряде случаев заметна вокруг жилищ под валообразной насыпью, сложенной материковым песком. В межжилищном пространстве культурный

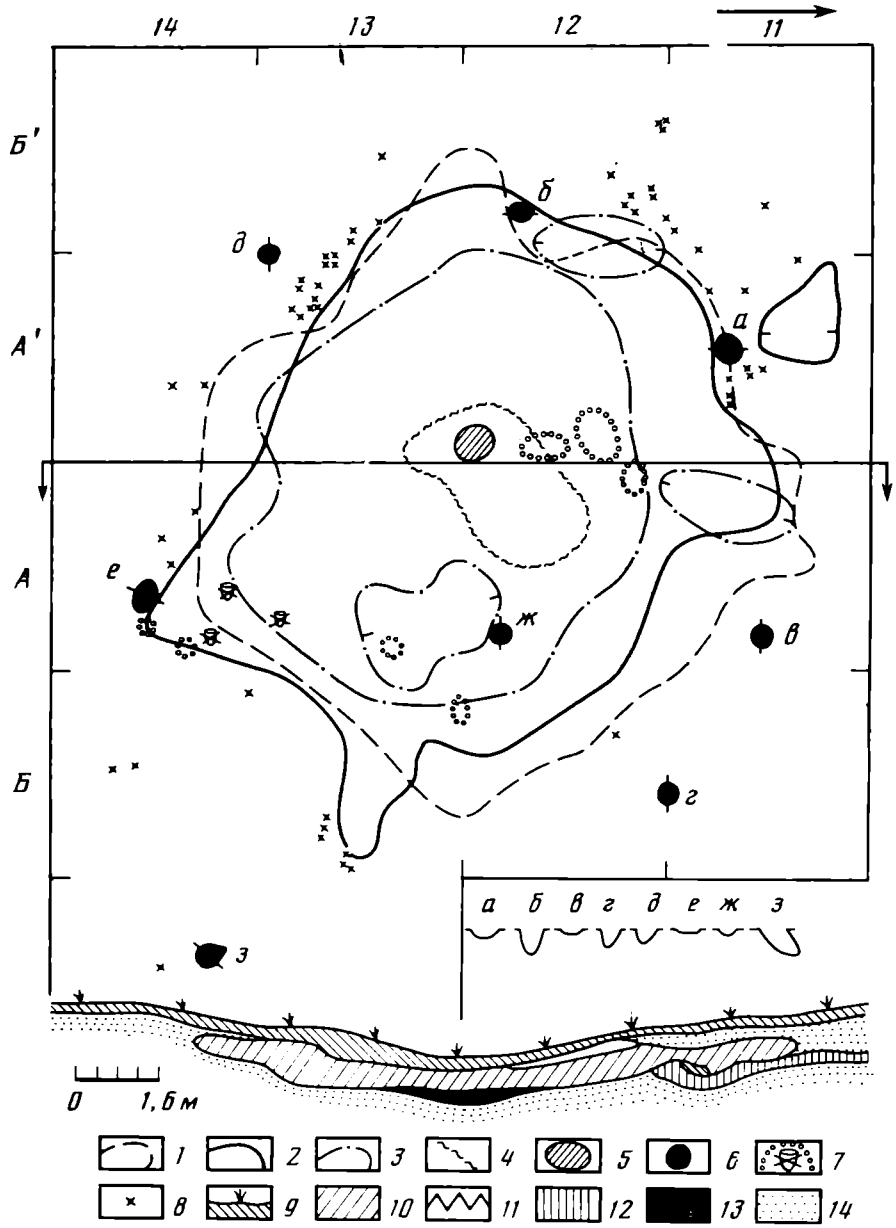


Рис. 2. Поселение Ниремка I. План и разрез жилища 3. План: *1* — граница культурного слоя на уровне древней дневной поверхности (—40 см); *2* — граница котлована на глуб. —60 см; *3* — граница котлована в придонной части (—80 см); *4* — очажный слой; *5* — очажная яма; *6* — столбовая ямка; *7* — скопление керамики и развал сосуда; *8* — находки кремня на уровне древней поверхности. Разрез: *9* — слой современной почвы (мох и подзол); *10* — культурный слой (коричневато-желтый песок); *11* — серый углистый песок: *12* — погребенная почва; *13* — темно-коричневая супесь (очаг); *14* — желтый материковый песок. *а* — *з* — профили столбовых ям

слой и погребенный подзол не фиксируются, находки практически отсутствуют. Это обстоятельство позволяет проследить некоторые детали жилищ на уровне древней дневной поверхности, которые обычно не удается фиксировать на поселениях с более мощным культурным слоем.

Стратиграфические наблюдения свидетельствуют о неодновременности бытования жилищ поселения. Так, выход жилища 1 был перекрыт кострищем, содержавшим керамику из комплекса жилища 2 (рис. 3). Посуда обоих жилищ относится к культурному типу гребенчатой керамики. Южная стенка котлована жилища 11 турбинского культурного типа пострадала при постройке соседнего жилища 12, в котором найдена гребенчатая керамика. Анализ планиграфического распределения находок позволяет считать каждое обособленное сооружение закрытым комплексом. В частности, установлено, что фрагменты одного и того же сосуда не

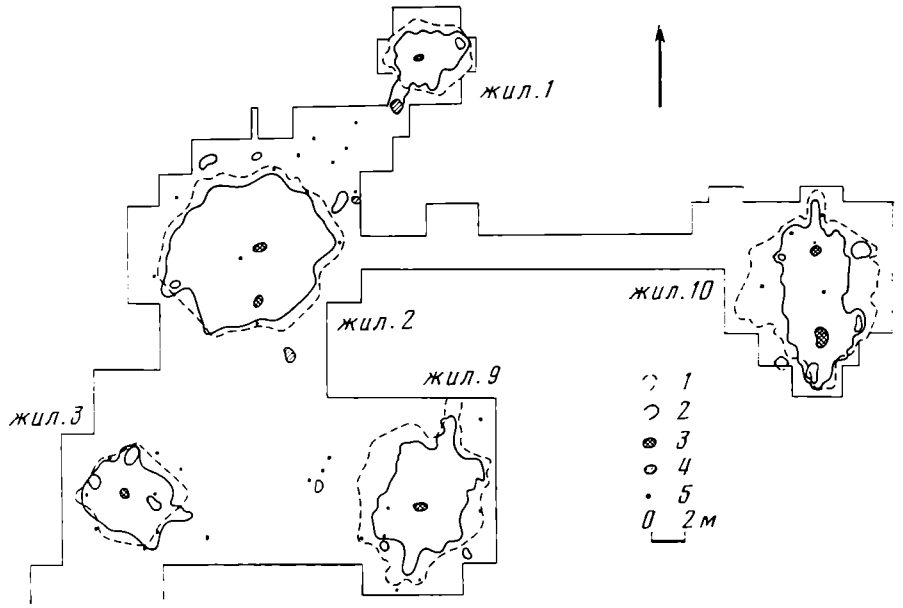


Рис. 3. Жилища северной части поселения Ниремка I. *1* — граница жилищ на уровне древней поверхности; *2* — границы котлованов жилищ и хозяйственных ям; *3* — очаг на полу в жилище; *4* — кострище на древней дневной поверхности; *5* — столбовая ямка

встречаются в стратиграфически разновременных жилищах. Единичные находки более поздних эпох залегают во впадинах выше культурного слоя, в современном подзоле.

Большинство жилищ продольной осью ориентировано по географическому меридиану, жилище 3 и хозяйственное помещение 6 — по линии запад—восток. Все жилища, за исключением 4 и 5, соединенных широким переходом, представляют собой обособленные постройки (рис. 1). Сооружения с керамикой обоих культурных типов имеют сходные по конструкции котлованы, придонная часть которых четко фиксируется на фоне светлого материкового песка. Котлованы имеют подпрямоугольную форму, площадью от 3×4 до 8×10 м. В длинных боковых стенах или по углам располагаются выступы-ниши. Вдоль стен котлованов прослеживаются уплощенные возвышения пола, образующие подобие низких (до 20 см) земляных нар неравномерной ширины почти по всему периметру. Очаги представляют собой простые кострища на полу или в яме. Жилища с турбинской керамикой имеют по два очага, расположенных по продольной оси ближе к выходам. Жилища с гребенчатой керамикой в зависимости от размеров бывают одно- и двухочажные. Основной очаг всегда находится в центре, дополнительный — в дальнем от входа углу. Очаги заполнены темной гумированной супесью и содержат мелкие фрагменты керамики, обожженный кремень, изредка кальцинированные косточки. Хозяйственные ямы располагаются в нишах у стен котлованов или перед выходом.

Границы жилищ на уровне древней дневной поверхности прослеживаются хуже. Жилища с турбинской керамикой по форме приближаются к прямоугольным, а жилища с гребенчатой керамикой имеют очертания неправильного шести- или семиугольника, на углах которого часто фиксируются ямки от вертикальных столбов диаметром 15—30 см (рис. 2, 3). Наибольшая ширина промежутка между этой границей и стенкой котлована составляет 0,3—0,8 м, но иногда они совпадают. По всей видимости, это свидетельствует о том, что граница жилищ проходила не по стенкам котлована, а на некотором расстоянии от них, т. е. наряду с центральным углублением — котлованом выделяется еще и наземная часть постройки.

Жилые и хозяйственные сооружения имеют по одному (1—6), два (7—10, 12) или три (11) выхода в виде канавок, отходящих в большин-

стве случаев от торцевых стенок котлованов и постепенно или уступом поднимающихся на поверхность. Длина коридоров-канавок достигает 2—3 м, ширина в придонной части 0,5—0,7 м. Жилище 2 имеет наземный выход с двумя рядами столбовых ямок по сторонам. Ширина прохода между ними 1,8, длина около 4 м, что дает возможность судить о размерах выходных тамбуров остальных построек. Отличительной чертой сооружений с керамикой турбинского типа является расположение канавок-выходов не только в торцевых, но и в длинных боковых стенах, а также отсутствие построек с одним выходом. В нескольких случаях рядом с жилищами на уровне древней поверхности зафиксированы кострища в виде прокалов, ямы и столбовые ямки, указывающие на существование наружных пристроек.

Различия между жилищами с разнокультурной керамикой проявляются также и в количестве и расположении столбовых ям. В жилищах с керамикой турбинского типа немногочисленные ямки отмечены вдоль одной из стенок котлована (11), по продольной (10) и поперечной (8) его оси, а также по периметру котлована (хозяйственная постройка 7). В жилищах с гребенчатой керамикой столбовые ямки располагаются по периметру наземной части на углах, а в четырех жилищах (2, 3, 5, 12) также и в центре котлована. Учитывая наряду с этим различия в форме наземной части и расположении очагов, следует предположить, что они относятся к разным конструктивным типам. Данных по группе жилищ с турбинской керамикой пока недостаточно, чтобы судить о характере их стен и перекрытия. Что же касается жилищ с гребенчатой керамикой, то изученные остатки позволяют предложить их возможную реконструкцию.

Наземная часть. Наличие ям от вертикальных столбов за пределами котлованов по периметру жилищ уже само по себе заставляет отнести их к типу каркасных построек, так как сруб («стены деревянного строения, собранные из бревен, уложенных одно на другое и соединенных в пересечениях врубками» [5, с. 302]) столбов не требует. Об этом же косвенно свидетельствуют и такие факты, как непрямолинейность границ наземной части, скругленность углов, отсутствие следов горизонтальных бревен.

Для жилищ с центральным опорным столбом (2, 3, 5, 12) с уверенностью устанавливается шатровый характер перекрытия в форме многогранной неправильной пирамиды (рис. 4). Основу каркаса составляли столбы, расположенные по периметру жилища. Их значительный диаметр свидетельствует о том, что они служили главной несущей конструкцией. Расстояние между столбами колеблется в пределах 2—6 м. На них крепилась горизонтальная многоугольная рама, на которую опирались жерди и бревна перекрытия. Она же служила и верхней обвязкой каркаса стен. Последние, по-видимому, присыпались землей, что и прослеживается в виде кольцевого вала материкового песка. Выходы, несомненно, также имели перекрытие, хотя его остатки в виде столбовых ям зафиксированы не во всех жилищах. Судить о материалах, применявшихся для покрытия каркаса стен и кровли, можно только предположительно, привлекая этнографические материалы. У народов таежной зоны Сибири в традиционных постройках для этого использовались жерди, ветви и кора деревьев, береста, часто покрывавшиеся дерном и землей [6, с. 145, 146; 7, с. 181, 196].

Углубленная часть. В отличие от наземной части, существенных различий в устройстве котлованов разнокультурных жилищ не наблюдается. Котлованы, земляные нары, хозяйственные ямы, вырытые в рыхлом песчаном грунте, безусловно, требовали крепления стенок и дна. Следами таких креплений являются пятна и полосы углистого песка, прослеживаемые вдоль стен котлованов, углистые прослойки на отдельных участках пола и в ямах, а также фрагменты сгоревших жердей вдоль стен на дне. В некоторых случаях можно предполагать, что горизонтальные жерди обкладки стен котлована прижимались к ним наклонно вкопанными короткими бревнами (жил. 2). Уступчатые в плане очертания границ

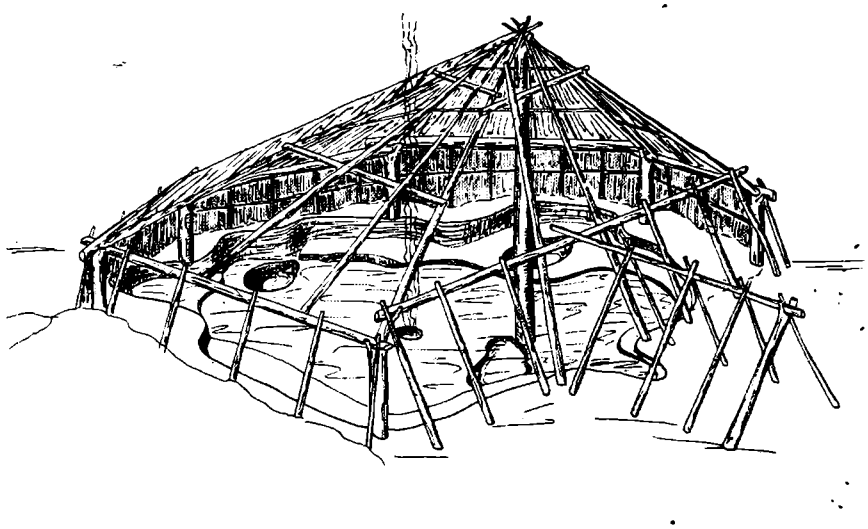


Рис. 4. Поселение Ниремка I. Реконструкция жилища 3

котлованов некоторых построек (6—8, 10—12) могут свидетельствовать и об использовании для этой цели коротких (длиной 0,5—2 м) бревен, уложенных горизонтально и концами заходящих друг за друга. Остатки прямоугольных деревянных рам зафиксированы в канавках выходов (жил. 10, 11) и на верхнем крае хозяйственной ямы (жил. 9).

Об использовании внутреннего пространства жилищ можно судить по планиграфии отдельных категорий находок. Наибольшее их количество сосредоточено обычно на нарах и у их подножия (орудия труда, керамика). Видимо, здесь производились основные домашние работы. На нарах же, в углу, справа или слева от входа, в каждом жилище располагались сосуды, часто крупные, предназначенные, вероятно, для хранения припасов. Домашние мастерские по обработке камня и выделке орудий находились около очагов и у выходов, т. е. в наиболее освещенных местах. На полу, как и в наземной части жилищ, находки редки. В хозяйственных постройках обнаружены лишь единичные кремневые орудия и фрагменты керамики.

Тот факт, что основная деятельность обитателей поселения проходила в жилищах, подтверждается отсутствием хозяйственных комплексов в межжилищном пространстве и редкостью отдельных находок. Очевидно, это можно считать признаком зимнего поселения, необитаемого в теплое время года. Жилища использовались сравнительно недолго, вероятно, в течение нескольких зимних сезонов, о чем свидетельствует слабая насыщенность их находками, в частности незначительное количество керамики (не более пяти—семи сосудов в каждом жилище, но представленных довольно полно). Судя по некоторым наблюдениям, поселение складывалось постепенно, в течение нескольких сезонов, которые, по-видимому, были отделены друг от друга значительными промежутками времени. Одновременно же на поселении существовало от одного до трех жилищ.

Существование специализированных зимних поселений, не использовавшихся в летний период, и соответствующего типа непереносных жилищ указывает на относительно подвижный образ жизни населения, связанный, по-видимому, с сезонным кочеванием. Последнее характерно для хозяйственно-культурного типа таежных охотников и рыболовов и зафиксировано в этнографии обских угров и некоторых других народов Сибири, у которых преобладали традиционные формы хозяйства [8, с. 576 и др.]. Для них характерны также сезонные непереносные зимние и летние жилища преимущественно каркасного типа [6, с. 132]. Так, жилища с шатровым перекрытием в форме четырехгранной пирамиды, часто углубленные, имели распространение у хантов [9, с. 88—105], селькупов и тюркоязычных народов [6, с. 132—151]. На европейском Севере подобные жилища бытовали у саамов, причем кроме четырех-

угольных у них известны постройки в форме шести- или восьмигранной неправильной пирамиды [10, с. 5, 6].

Остатки полуземлянок с подпрямоугольным котлованом прослежены в различных археологических культурах эпохи бронзы по обе стороны Уральского хребта. Поэтому для выявления наиболее близких аналогий требуется детальное сравнение всех данных: не только общей формы котлованов, но и других их особенностей, а также характера стен и перекрытия. Последнее далеко не всегда возможно, так как в археологических материалах часто фиксируется только углубленная часть жилищ, впущенная в материк и зачастую сходная при разных конструкциях наземной части. Так, жилища турбинской (гаринско-борской) культуры в Среднем Прикамье характеризуются как срубные с двускатным [11, с. 27, 51,71] или шатровым [12, с. 142] перекрытием; жилища волосовской культуры и культур поздней бронзы Среднего Поволжья — как каркасные шатровые [12, с. 142]. Такого же типа жилища известны в Среднем Поволжье и в предшествующее неолитическое время [2, с. 61]. Остатки неолитических шатровых каркасных жилищ исследованы в Удмуртии [13, с. 46] и в Зауралье [14, с. 178].

Жилища обеих культурных групп поселения Ныремка I обнаруживают наибольшую близость постройкам борских и частинских поселений Среднего Прикамья [11, 15]. Сходство проявляется в следующих деталях: форме и пропорциях котлованов, устройстве и расположении стенных ниш, выходов и очагов, уступчатости дна котлованов и даже в такой детали, как размещение глиняных сосудов в переднем углу. Отличия касаются в первую очередь конструкции кровли, что выражается в различной системе столбовых ям. Таким образом, наблюдаемое сходство не является абсолютным.

Сравнение с жилищами поселений ранней бронзы Чужьяёль [2] и Чойновты II [3, с. 20—41] на Мезени, территориально наиболее близких, а также поселения Галово II на Ижме [1, с. 41—72] выявляет значительные различия в деталях. Котлованы этих жилищ имеют более правильную прямоугольную форму. У них отсутствуют ниши в стенах, за исключением жилища 4 поселения Чойновты II [3, рис. 6], возвышения-нары вдоль стен, хозяйственные ямы в полу, нет столбовых ямок в центре. В галовских жилищах прослеживаются два параллельных ряда столбов по продольной оси котлованов, что позволяет реконструировать у них двускатную кровлю [1, с. 66]. На поселении Чойновты II столбовые ямки расположены вдоль длинных стен котлованов [3, рис. 1, 3, 6]. Такие различия в традициях домостроительства наряду со своеобразием керамики и каменного инвентаря свидетельствуют о культурной неоднородности населения на территории Коми АССР в эпоху ранней бронзы, что скорее всего следует связывать с неоднородностью этнической основы, а также с различным направлением и интенсивностью культурных контактов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лузгин В. Е.* Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972.
2. *Стоколос В. С.* Поселение Чужьяель на Мезени.— В кн.: Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. Сыктывкар: Изд-во Коми ФАН СССР, 1978.
3. *Стоколос В. С.* Поселение Чойновты II на Мезени.— В кн.: Древние памятники Северного Приуралья. Сыктывкар: Изд-во Коми ФАН СССР, 1980.
4. *Канивец В. И.* Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974.
5. Сруб.— БСЭ, 1958, т. 40.
6. *Попов А. А.* Жилище.— В кн.: Историко-культурный атлас Сибири. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
7. *Соколова З. П.* Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров.— В кн.: Сибирский этнографический сборник, т. V. Тр. ИЭ. 1965, нов. сер., т. 84.
8. Народы Сибири. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
9. *Соколова З. П.* К истории жилища обских угров.— СЭ, 1957, № 2.
10. *Лукьянченко Т. В.* Жилище саамов (лопарей) Кольского полуострова конца XIX — начала XX в.— СЭ, 1966, № 6.

11. *Бадер О. Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье.— МИА, 1981, № 99.
12. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.
13. *Голдина Р. Д., Гусенцова Т. М.* Поселение Моторки II в нижнем течении р. Палы.— В кн.: Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1979.
14. *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980.
15. Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Т. А. ПРОХОРОВА

ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ИЗ МОГИЛЬНИКА КРИВОЛИМАНСКИЙ I

В 1980—1981 гг. Мартыновский отряд археологической экспедиции Ростовского государственного университета исследовал курганный могильник Криволиманский I, расположенный в 6,2 км к юго-западу от хут. Кривой Лиман (Ростовская обл., Мартыновский р-н) [1]. Могильник насчитывал 53 кургана, которые тянулись цепочкой по водоразделу с северо-запада на юго-восток [1, с. 6]. Курган 20 стоял несколько в стороне к северу от общей цепочки. Насыпь кургана подвергалась ежегодной распашке. Высота кургана 0,15, диаметр 18 м. Под насыпью кургана обнаружено два погребения (рис. 1). Погребение 1 — раннесарматское IV—III вв. до н. э. Погребение 2 эпохи раннего железа, с очень своеобразным погребальным инвентарем, уникально для данного региона. Располагалось оно в юго-западном секторе кургана, на глубине 2,67 м от условного нуля, и являлось основным в кургане. Могильное сооружение представляет собой овальную в плане яму с подбоем, ориентировано длинной осью по линии запад — восток. Длина ямы 2,60, ширина 2,05, высота подбоя 0,75—0,80 м.

Погребение ограблено, кости человека происходят из заполнения могилы [2]. На дне могильной ямы у ее северо-восточной стенки обнаружена лепная сероглиняная корчага с отогнутым наружу венчиком, невысоким горлом, яйцевидным туловом, дно ее вогнуто, по бокам две округлые в сечении ручки. Поверхность серая, лощеная, черепок в изломе пористый, в тесте примесь шамота, извести, песка. Высота сосуда 40, диаметр венчика 18,4, наибольший диаметр тулова 34,5, диаметр дна 14,6 см (рис. 2, *3*).

В заполнении западной части могилы на глубине 1,14 м найдено 10 золотых бусин биконической формы (рис. 2, *16*). Здесь же обнаружены золотые нашивные бляшки полусферической формы с двумя отверстиями для пришивания (41 экз., диаметры бляшек 0,33—0,4 см; рис. 2, *15*) и желто-розовая биконическая бусина из прозрачного стекла (рис. 2, *9*). Железный нож обнаружен на дне в северной части ямы. Нож имеет горбатую спинку и прямое лезвие, к краю сужается и заостряется, длина его 13 см (рис. 2, *12*).

В центре ямы на дне найдены железные удила с бронзовыми псалиями. Удила двусоставные, с неподвижными кольцами на краях. Одна часть удил имеет длину 12,5, другая — 13 см, диаметры колец 4 и 3,7 см (рис. 2, *4*). Бронзовые S-видные псалии литые, двудырчатые, края заканчиваются головками кошачьего хищника с торчащими ушками, округлыми глазами, подчеркнутыми желобком, с приоткрытой в одном случае и оскаленной в другом пастью. Длина каждого псалия 13,5 см (рис. 2, *7*, *8*).

[1] Руководитель раскопок Е. И. Савченко, старший научный сотрудник археологической лаборатории РГУ.

[2] Определения костных остатков человека и животных из материалов раскопок могильника произведены Е. Ф. Куркиной, младшим научным сотрудником археологической лаборатории РГУ. Согласно ее определению, кости человека из погр. 2 принадлежат женщине (?) 25—30 лет.

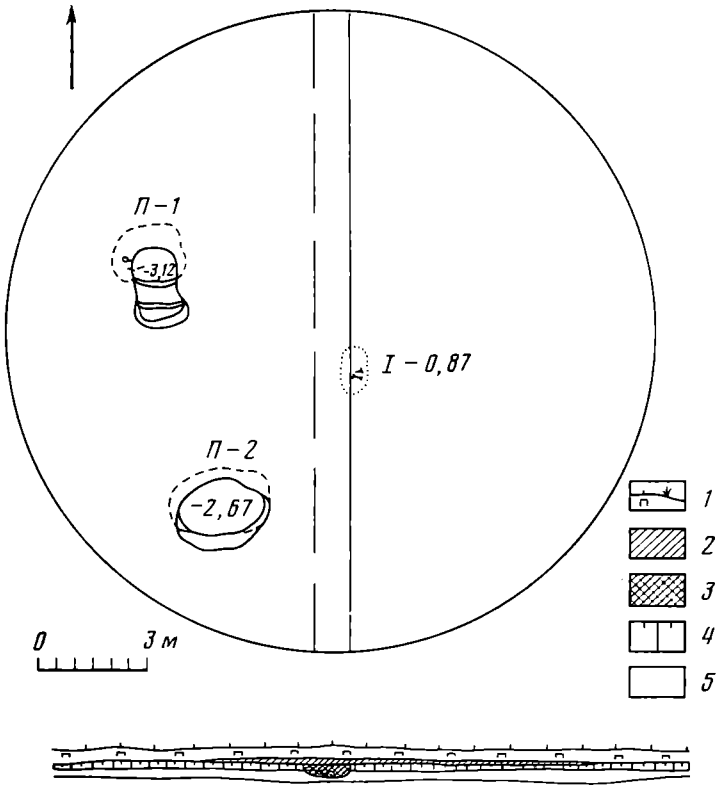


Рис. 1. План и разрез кургана 20 могильника Криволиманский I. *1* — пахотный слой; *2* — насыпь; *3* — перекоп; *4* — погребенная почва; *5* — материк

Бронзовый наносник подтреугольной формы с рельефной головкой копытного животного с торчащими большими ушами, глаза врезные с выпуклым глазным яблоком, губы изящно подчеркнуты, Верхняя часть наносника имеет сквозное округлое отверстие для ремня. Длина изделия 10,5, ширина 1,5, диаметр отверстия 0,9 см (рис. 2, *6*). Рядом с удилами обнаружена бронзовая бляха в виде головы грифона. Грифон имеет загнутый клюв, подчеркнутый желобком, округлый, выпуклый глаз, глазное яблоко подчеркнуто желобком, голову венчает маленькое ушко и «рожки-завитки», на тыльной стороне бляхи петля для ремня. Размер изделия 5,5×3,5 см (рис. 2, *11*).

Из заполнения могилы происходит трехлопастной втульчатый бронзовый наконечник стрелы, лопасти его образуют с втулкой острые углы, длина наконечника 3,1 см (рис. 2, *2*). Кроме того, из погребения происходят бронзовые ворворки усеченно-конической формы (рис. 2, *13*, *14*), бронзовое кольцо диаметром 2,8 см (рис. 2, *16*), два амулета из лисьих клыков (рис. 2, *5*).

В северо-восточной части ямы у стенки сосредоточены кости лошади: лопатка, лучевая кость, тазовая кость, крестец, пять позвонков. В центре кургана на глубине 0,87 м обнаружена тризна (рис. 1) — лежащие в беспорядке кости двух особей овцы. Тризна перекрыта насыпью кургана и на этом основании отнесена нами к погребению 2, основному в кургане.

Погребальный инвентарь криволиманского комплекса является материальным выражением в погребальном ритуале верований, связанных с заупокойным культом, в котором в интересующий нас период представления и обряды, связанные с магией, должны были играть значительную, если не ведущую роль [2, с. 246; 3, с. 61]. Наборы конской упряжи и золотые нашивные бляшки в зверином стиле относятся исследователями к категории предметов сакрально-магического назначения [2, с. 18, 139; 4, с. 104]. Характер погребального инвентаря, его разнообразие и богатство свидетельствуют о достаточно высоком положении погребенно-

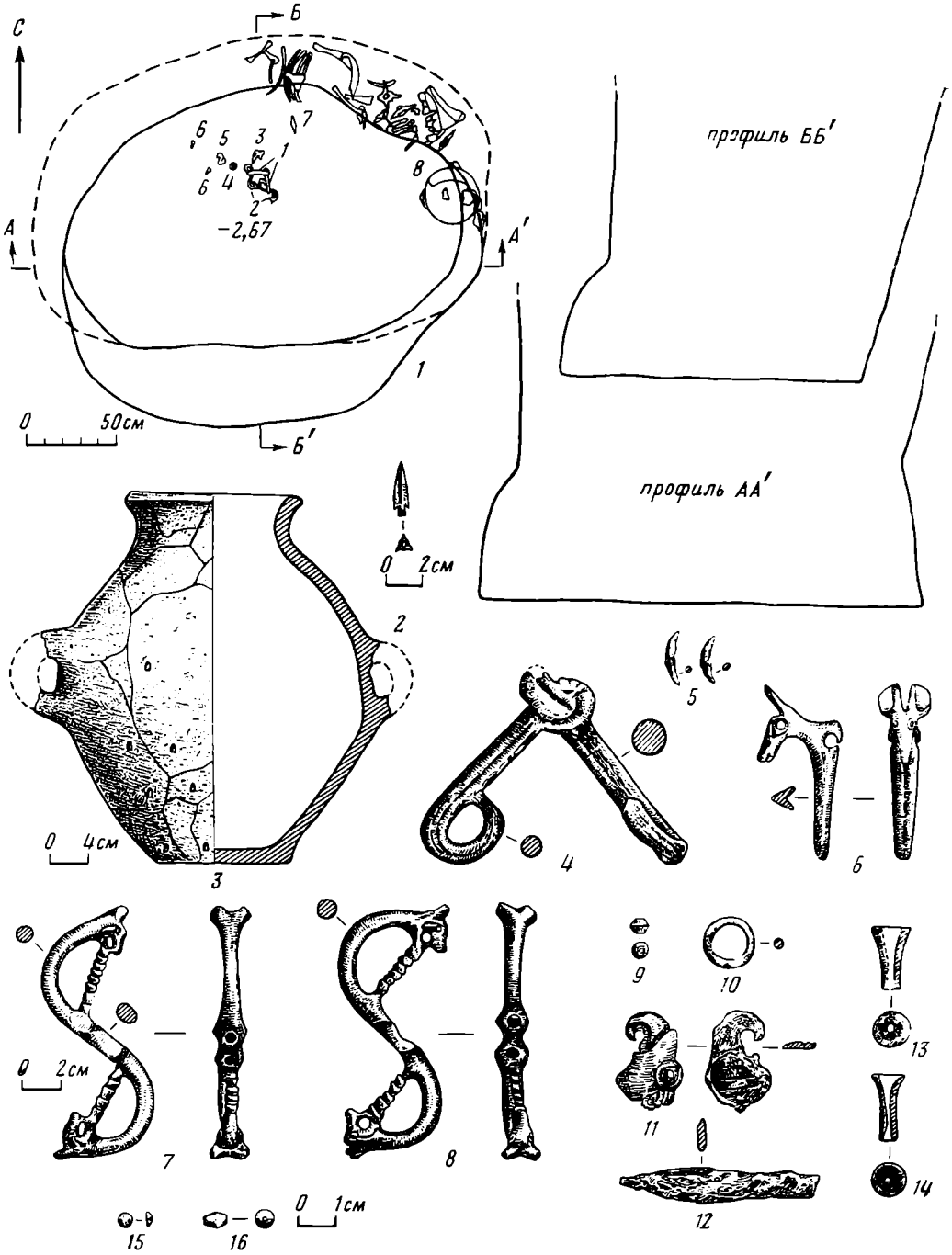


Рис. 2. План погребения и инвентарь из погребения 2. *1* — план и разрез; *2—16* — инвентарь: *2, 6—8, 10, 11, 13, 14* — бронза, *3* — керамика, *5* — кость, *9* — стекло, *12, 4* — железо, *15, 16* — золото

го, или погребенной, в обществе и, возможно, о причастности его к культу.

Междуречье Дона и Волги в эпоху раннего железа, по свидетельствам античных авторов и данным археологии, было заселено савроматскими племенами [2, с. 7, 193]. Однако ближайшие аналогии предметам инвентаря погр. 2 кург. 20 Криволиманского I могильника мы находим в материальной культуре скифских племен. Уздечный набор из погребения по облику является скифским вариантом звериного стиля. S-видные псалии с концами в виде зооморфных изображений в курганах правобережья Среднего Днепра датируются первой половиной V в. до н. э. [5, с. 37]. Из курганов правобережного Приднепровья происходят находки наносников с рельефными головками копытных животных, блях в

форме голов грифонов, очень близких находкам криволиманского комплекса [5, с. 165, 169]. Звериный стиль в V в. до н. э. еще глубоко реалистичен, стилизация этого времени осмыслена, и только в IV в. до н. э. заходит так далеко, что трудно узнать изображаемое [5, с. 39]. Ворворки усеченно-конической формы в V в. до н. э. были широко распространены. Находка такого комплекса предметов конского убора на савроматских территориях является первой [5, с. 37]. Бронзовые трехлопастные наконечники стрел, лопасти которых образуют с втулкой острые углы, а головки в пропорциональном отношении значительно превосходят втулку, составляя около двух третей общей длины наконечника, находят аналогии в савроматских комплексах Поволжья и датируются первой половиной V в. до н. э. и более широко V в. до н. э. [6, с. 115, 118]. Такие наконечники стрел были распространены в этот период и на скифских территориях. В курганных погребениях V в. до н. э. на правобережье Среднего Днепра зафиксированы находки лощеных корчаг, морфологически, однако, несколько отличных от корчаги криволиманского комплекса [5, с. 21]. Погребальный инвентарь погр. 2 могильника Криволиманский I позволяет датировать его V в. до н. э.

Рассматриваемое нами погребение 2 обнаружено на территории, заселенной, по свидетельствам письменных источников, савроматскими племенами. Черты погребального обряда: подбойный тип могильной ямы, широтная ориентировка, наличие в инвентаре предметов конской сбруи в зверином стиле, амулетов из клыков животных, предметов вооружения, больших частей туш животных в могиле и тризне и т. д.— находят аналогии в погребальном ритуале как савроматских, так и скифских племен. Инвентарь погребения имеет ярко выраженный скифский облик и находит ближайшие аналогии в материале памятников скифской культуры. Все это в значительной мере затрудняет определение этнической принадлежности комплекса.

Исследователь савроматской культуры К. Ф. Смирнов неоднократно отмечал, что археологические памятники скифов и савроматов начала их истории почти неразличимы, так как их погребальные обряды и материальная культура в целом имели больше общего, чем раздельного [7, с. 12], что скифы и савроматы находились в постоянных сношениях экономического и политического характера [7, с. 12, 18], кроме того, не исключено существование между ними контактов брачного порядка [7, с. 34]. Предполагаемое генетическое родство скифов и савроматов [7, с. 11], близость и смешанность их материальных культур, особенно в контактных зонах, выдвигают при определении этнической принадлежности на первый план значение сообщений письменных источников и их приоритет над археологическими [7, с. 5]. Исходя из этого, криволиманский комплекс следует отнести к кругу памятников савроматской культуры, разумеется, с определенной долей гипотетичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Савченко Е. И., Казакова Л. М.* Отчет о исследовании археологических памятников в зоне строительства Мартыновской оросительной системы в 1980 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 8069.
2. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
3. *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев: Наук. думка, 1983.
4. *Граков Б. Н.* Пережитки матриархата у савроматов.— ВДИ, 1947, № 3.
5. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.— СА, 1967, вып. Д1-4.
6. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— МИА, 1961, № 101.
7. *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984.

Л. А. БУЛАВА

К АТРИБУЦИИ ЗОЛОТОГО КОЛПАЧКА ИЗ КУРДЖИПСКОГО КУРГАНА

В богатом и разнообразном по своему составу погребальном комплексе кургана Курджипс, исследованном в монографии Л. К. Галаниной, заметно выделяется характером декора золотой колпачок [1, с. 45—47, 93, табл. VII, рис. 51]. На его поверхности оттиснута в низком рельефе сюжетная композиция, составленная из двух пар мужских фигур, связанных, несомненно, общей темой (рис. 1, *1*). Необычность формы и декора предмета до сих пор не дала возможность определить его функциональное назначение [1, с. 45]. Вопросы атрибуции усложняются и тем обстоятельством, что он найден вне комплекса. В связи с этим проблемы подлинности, датировки и историко-культурной интерпретации требуют особенно тщательной аргументации.

После исследования Л. К. Галаниной, по мнению Н. А. Онайко, убедительно доказана его подлинность [2, с. 282, 284]. На вопросе датировки автор монографии специально не останавливается, принимая, очевидно, общую дату погребального комплекса — последнюю четверть IV в. до н. э. [1, с. 31, 33]. При определении культурной принадлежности, как видно из общего анализа, Л. К. Галанина склонна считать его образцом варварской торевтики скифской эпохи. Конкретизирующим этот вывод может служить предположение о вероятной связи сюжета с местным эпическим сказанием [1, с. 47].

Н. А. Онайко в рецензии на монографию о дате колпачка отдельно никакого мнения не высказала. В вопросе культурной интерпретации она прямо не назвала его произведением меотской торевтики, но из общего текста явствует, что она считает колпачок варварским подражанием, выполненным под влиянием лучших образцов боспорской торевтики [2, с. 284].

Вопрос определения культурной принадлежности произведений торевтики скифской эпохи чрезвычайно сложен и важен. Нет смысла перечислять весь ряд проблем, тесно с ним связанных. Здесь и вопросы определения технических приемов и особенностей иконографии, генезиса стиля и выделения локальных школ и др. Он тесно связан с проблемами этнокультурных контактов и взаимовлияний. В свое время Н. А. Онайко уже занималась этим в связи с исследованием непосредственно антропоморфных изображений. Ею был выделен ряд основных признаков такого важного для этой группы памятников стилеобразующего фактора, как иконография [3, с. 173, 172]. Правда, следует сразу заметить, что круг привлекаемых Н. А. Онайко в качестве аналогов памятников территориально за рамки лесостепной Скифии и Боспора не выходил.

Принимая общий вывод Н. А. Онайко и Л. К. Галаниной о колпачке как произведении мастера-варвара, хотелось указать еще одно ранее не учтенное направление поиска ближайших аналогий, дающее, на мой взгляд, не только ближайшие иконографические параллели, но и уточнение даты предмета и, возможно, способное выделить еще одну линию генезиса стиля боспорской торевтики с антропоморфными изображениями. Речь идет о группе серебряных рельефных блях с антропоморфными изображениями из клада, найденного у с. Летница в Северо-Западной Болгарии. Бляхи, по мнению исследователей клада, являются характерными образцами фракийского искусства и датируются второй четвертью — серединой IV в. до н. э. [4, с. 106, рис. 284—290; 5, с. 136].

Наиболее близкими аналогиями по иконографии, на мой взгляд, являются три бляхи с изображениями конных воинов, облаченных в защитные доспехи, с дротиками в руках [4, рис. 285, 286; 5, с. 194, рис. 44]. По мнению З. Гочевой, на бляхах изображен «Фракийский Герос», представленный в виде всадника в военном снаряжении [6, с. 159, 160].

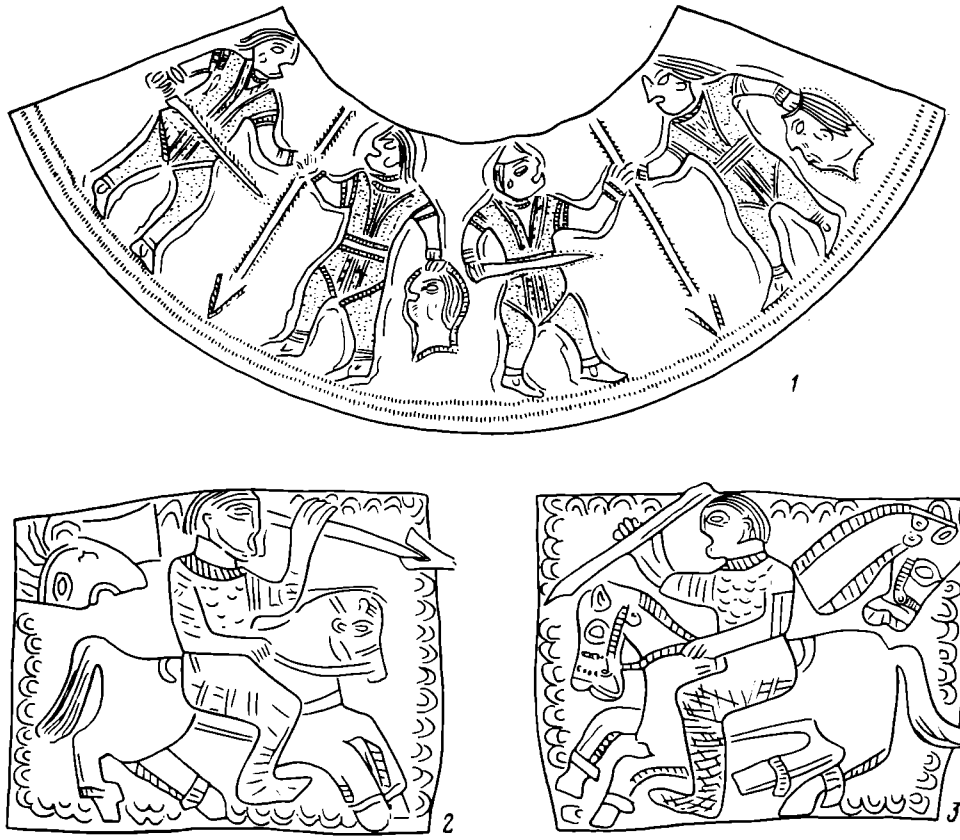


Рис. 1. Прорисовка изображений на колпачке из Курджипского кургана, по Л. К. Галаниной (*1*); графические прорисовки блях из клада у с. Летница (*2, 3*)

Несмотря на трехчетвертное положение туловища, головы всадников показаны в профиль. Рельеф блях — высокий, четкий. Характерной стилистической особенностью для всех блях из Летницы является частичная позолота, выделяющая наиболее рельефные и значимые части композиции и придающая изделиям эффект полихромии. В композиции двух блях есть одна интересная деталь — вписанные в свободное пространство за спиной всадника головы (рис. 1, *2*, *3*). В одном случае это конская, в другом — человеческая. Обе головы по композиционному построению совершенно самостоятельны: никакими промежуточными деталями с основным изображением не связанные, они как бы висят в воздухе. Безусловно, включение их в композицию преследует цель раскрытия какого-то сюжета, но смысл его пока не ясен. Тем не менее следует констатировать сам факт изображения отрубленной человеческой головы на одной из летницких блях.

В целом бляхи из Летницы по сравнению с колпачком выполнены с большим художественным совершенством, но в сравнении с такими памятниками, как воронежский и кульобский сосуды, их отличает своеобразие примитивизма варварской торевтики.

При сравнении композиций на колпачке и бляхах черты сходства проявляются прежде всего в иконографии профильного изображения мужских голов. Сразу надо отметить, что их размеры слегка увеличены по отношению к размерам туловища. Самой яркой чертой сходства можно считать общий абрис профиля, в котором главным является прием изображения без выделения переносицы, т. е. слияние линий низкого лба и носа. Характерно и изображение рта глубоко вогнутым полуовалом. Одинаковым приемом показаны и волосы — параллельными рельефными линиями, как бы подчеркивающими прямой тип волос. Сходно и изображение прически: уши оставлены открытыми. Отличие есть в длине волос: у двух фигур на колпачке волосы длинные, ниспадающие за спину,

у двух других — короче; на изображенных отрубленных головах — коротко остриженные, открывающие шею, как у всадников на бляхах. Глаза показаны рельефным овалом без выделения зрачка. Изображение пальцев рук отличает одинаково характерная неумелость, выделяющаяся даже на фоне общего примитивного рисунка. К иконографической общности относится показанная шарообразность головы. Бляхи отличает только бо́льшая геометризация профиля, на колпачке она четко не читается. Изображенных на колпачке выделяет и утяжеленная нижняя часть профиля.

Обратимся теперь к определенным Н. А. Онайко характерным признакам иконографии антропоморфных изображений меото-скифской торевтики: преобладание фронтального положения; уделение особенного внимания изображению головы; характерное увеличение размеров головы; крупные черты удлиненного в нижней части лица и низкий лоб; особенно примитивная передача пальцев рук; в некоторых случаях геометризация фигур и отдельных изображений [3, с. 172, 173]. К этим признакам можно добавить монументальность фигур, сохранение пластичности покрытых одеянием тел, преобладающую мягкость моделировки общего рельефа и черт лица.

Как видно из приведенных особенностей стиля, общими являются: увеличение размеров головы, утяжеленная нижняя часть лица и явное неумение в передаче пальцев рук. В остальном же ничего общего в иконографии фигур на колпачке и антропоморфных изображений меото-скифской торевтики нет.

На колпачке и летницких бляхах присутствует еще одна общая деталь — изображение метательных дротиков. Кроме дротиков на колпачке в руках воинов изображены однолезвийные мечи типа греческой махайры [1, с. 47]. Можно предположить, что это махайры иллирийского типа, появившиеся в Скифии в середине — второй половине IV в. до н. э., тем более, что, по мнению А. И. Мелюковой, в Северном Причерноморье даже в греческих городах греческие мечи распространения не имели [5, с. 199, 200].

Что касается такой ярко выраженной этнографической детали на всех памятниках торевтики как одежда, то здесь параллелей между изображениями на колпачке и летницких бляхах нет. Всадники на бляхах представлены в защитном доспехе, на колпачке — в коротких кафтанах. Одинаковы только плотно облегающие ноги узкие штаны. Л. К. Галанина в описании одежды воинов на колпачке отметила ее типично скифский облик [1, с. 93]. Хотелось подчеркнуть только одну деталь, которую М. В. Горелик считает особенно яркой в скифском костюме,— своеобразный покрой короткого кафтана, когда полы куртки удлинены спереди [7, с. 33]. Это отличает кафтаны воинов на колпачке (эта деталь, кстати, может занять место в ряду аргументов, приведенных Л. К. Галаниной в пользу подлинности колпачка).

Объединяющей изображения на бляхах и на колпачке деталью можно считать обручи на шеях, если это только не прием показа высокого ворота рубахи, отороченного мехом, Л. К. Галанина также без полной уверенности считает гривнами кольца из точек вокруг шеи воинов на колпачке [1, с. 93].

Что касается техники исполнения, то отличает эти памятники не только более совершенный уровень художественного мастерства исполнителей рельефов и эффект полихромии на бляхах, но и еще одна весьма существенная деталь, которую Л. К. Галанина считает стилистической особенностью колпачка: усилие контура отдельных деталей посредством конечной надчеканки с лицевой стороны. Она указала на тождественный технический прием и на рельефах золотого ритона из Мерджан [1, с. 47]. К этим двумя памятникам можно добавить кульобский сосуд с изображением скифов, на котором так же отдельные детали выделены подобным способом, но только усиление контура чаще идет не по внешнему краю предмета, а с внутренней стороны (например, контуры щитов подчеркнуты рядом точек на самой поверхности щитов) [8, табл. III, рис. 5—7]. Этот технический прием, объединяющий памят-

ники, происходящие с одной территории, т. е. Боспорского царства, может быть первым шагом на пути выделения признаков, определяющих специфику ремесленной традиции какого-то центра боспорской торевтики. Но утверждать что-либо более определенное на основе столь небольшого числа памятников пока рано. Во всяком случае эта деталь дает право предполагать происхождение ритона из Мерджан и курджипского колпачка, несмотря на разный уровень мастерства их исполнения, из одного центра, каковым вполне мог быть один из городов Боспора. Что же касается явной близости черт иконографии на колпачке и бляхах из Летницы, то ее можно объяснить результатом знакомства этого предполагаемого центра с произведениями фракийского искусства. Для северопричерноморской торевтики, по определению Н. А. Онайко, характерно фронтальное размещение фигур в антропоморфных композициях, поэтому вполне правомерно предположить заимствование боспорским мастером при воплощении своего сюжета иконографии профильного изображения с фракийского образца. Самостоятельность же мастера проявилась в общем композиционном решении темы и оформлении отдельных деталей. Такой, например, как изображение типично скифского кафтана с удлиненными передними полами. В появлении на колпачке изображений **однолезвийных мечей** также предположительно можно видеть фракийское влияние. А. И. Мелюкова связывает появление таких мечей в Скифии в середине — второй половине IV в. до н. э. с фракийским воздействием на культуру скифов [5, с. 199]. В этот же период, по ее наблюдениям, черты фракийского влияния появляются в скифском искусстве [5, с. 253].

Появление однолезвийных мечей в Северном Причерноморье и черты влияния фракийского искусства на скифское, отмеченные А. И. Мелюковой, можно связать с событиями середины — третьей четверти IV в. до н. э., когда, вероятнее всего, в результате скифо-фракийских войн и продвижения войск Зопириона увеличился приток фракийских вещей. На этом основании логичнее всего считать датой создания колпачка конец третьей — начало четвертой четверти IV в. до н. э.

Что касается сюжета изображения, который, по предположению Л. К. Галаниной, возможно, связан с каким-то местным эпическим сказанием, то мне кажется более убедительным обращение Н. А. Онайко к сообщению Геродота (Her., IV, 64, 65) [2, с. 283]. Но в поиске расшифровки содержания хотелось бы обратить внимание на статью Э. А. Грантовского, в которой на основе сравнительного анализа индоевропейских материалов автор приходит к гораздо более широким выводам о содержании этого отрывка [9]. Таким образом, интерпретацию сюжета как иллюстрацию военного обычая скифов можно значительно дополнить выводами Э. А. Грантовского о судебных поединках, об обычаях аристократических поединков в мирное время, о решении исхода военного конфликта единоборством полководцев [9, с. 66, 67, 69]. Выводы Э. А. Грантовского открывают новые возможности интерпретации сюжета, в частности в социальном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Л.: Искусство, 1980.
2. *Онайко Н. А.* Рец. на кн.: Галанина Л. К. Курджипский курган. Л.: Искусство, 1980.— СА, 1984, № 4.
3. *Онайко Н. А.* Антропоморфные изображения в меото-скифской торевтике.— В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
4. *Venedikov I., Gerassimov T.* Thracian art Treasures. Sofia, 1975.
5. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979.
6. *Гочева З.* Антропоморфные изображения у фракийцев.— ВДИ, 1981, № 2.
7. *Горелик М. В.* Скифский мужской костюм в системе комплекса одежды праноязычных народов древности.— В кн.: Тез. докл. III Всесоюз. конф. «Искусство и археология Ирана и его связи с искусством народов СССР с древнейших времен». М.: Сов. художник, 1979.
8. *Ростовцев М. И.* Воронежский сосуд.— МАР, 1914, вып. 34.
9. *Грантовский Э. А.* О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья».— В кн.: Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1981.

С. А. ПЛЕТНЕВА

ГЛИНЯНЫЙ РИТОН ИЗ КОРЧЕВА И БРОНЗОВАЯ ЛИЧИНА ИЗ ТМУТАРАКАНИ

В 1963 г. в Керчи на рыночной площади, в 30 м к северу от церкви Иоанна Предтечи, впервые был вскрыт участок улицы древнего города Корчева [1, с. 70—76]. Четко прослеженная стратиграфия улицы позволила датировать три ее горизонта и привязать к каждому из них дома, раскрытые в раскопе. В заполнении одного из домов (№ 3), в слое, соответствующем горизонту улицы конца X в., были обнаружены обломки исключительно интересного сосудика.

Он представляет собой небольшую (диаметр по венчику 6,7; высота 6 см) коническую чашечку с кольцевидной ручкой и отогнутой в сторону ножкой, отбитой у основания (рис. 1; 2). Сосуд сделан на гончарном кругу из тонкого, прекрасно отмученного теста, цвет обжига желтый, поверхность слегка залощена. Поверх лощения нанесен рельефный и прочерченный по сырому тесту орнамент: через весь сосуд от основания к венчику налеплен в виде остроугольного зигзага треугольный в разрезе валик, изображающий пару слегка изогнутых рогов. По обеим сторонам рогов нанесены наколы острой палочкой (14 на каждой стороне). Рога делят поверхность сосуда на три части, каждая из которых украшена орнаментом. Центральное место в каждом отсеке занимает налепная шишечка, покрытая наколами. Во фронтальной секции над рогами под шишечкой прочерчено схематическое изображение растения. В боковых секциях аналогичные изображения помещены рядом с шишечками и над ними.

В целом сосуд напоминает сильно стилизованную морду рогатого животного, скорее всего козы, на которой две боковые шишечки являются глазами животного. В то же время все три налепа почти натуралистически воспроизводят сосцы — женский символ. Такие же налепы на среднеазиатских сосудах и в наши дни называются «чича» — грудь [2, с. 84—86, рис. 28]. Однако сосцов не четное число, как должно бы быть у животного, а три — по одному в каждом отделении. Представляется весьма вероятным предположение, что эти шишечки несли в себе еще одну смысловую нагрузку: они символизировали солнце в три времени суток — при восходе, зените и заходе. На восходе и при заходе солнце в степи выглядит выходящим из травы или опускающимся в нее (боковые секции), а в полдень оно высоко над растительностью (лобовая секция). Помимо сосца-солнца и растения в лобовой части изображены еще две продольные линии наколов (слева — семь, справа — девять), возможно означавшие капли дождя, падавшие с неба.

Подобные сложные символические, полные закодированного смысла картины нередко встречались в культурах различных времен и на разных территориях, у населения с разными экономическими укладами. Вспомним, например, трипольские или черняховские сосуды, орнамент на которых подвергался расшифровке Б. А. Рыбаковым [3, с. 166—208, 318—326]. Солнце у кочевого населения евразийских степей, как огонь и очаг, издревле было женским божеством — символом плодородия и семьи. Поэтому нет ничего необычного в том, что женский символ — сосок был отождествлен на сосудике с женским же символом — солнцем [1].

Сосуды-ритоны из золота, серебра, кости и глины, сделанные в виде мордочек быков, баранов, коней, оленей или рогов, оканчивавшихся фигурками всадников, женщин, коней и козлов, хорошо известны в иранском и парфянском искусстве VII—I вв. до н. э., и позже в Иране вплоть до V—VI вв. н. э. [4, рис. 34, 52—54, 72, 76, 80, 85, 121, 202; 5, с. 223, 224, табл. XIII, LXXXVIII]. Предназначался этот тип сосудов

[1] Этот вывод отнюдь не противоречит тому, что две шишечки служили и глазами животного на морде-сосуде. Отождествление солнца с небесным глазом свойственно многим религиям человечества с глубокой древности.

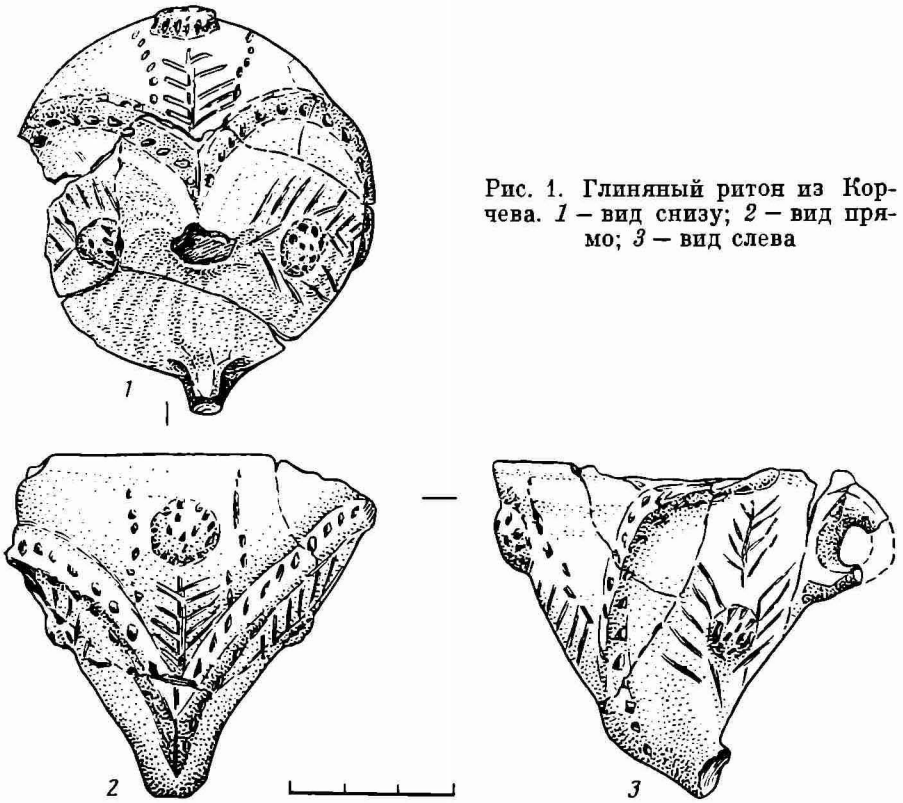


Рис. 1. Глиняный ритон из Корчева. *1* — вид снизу; *2* — вид прямо; *3* — вид слева

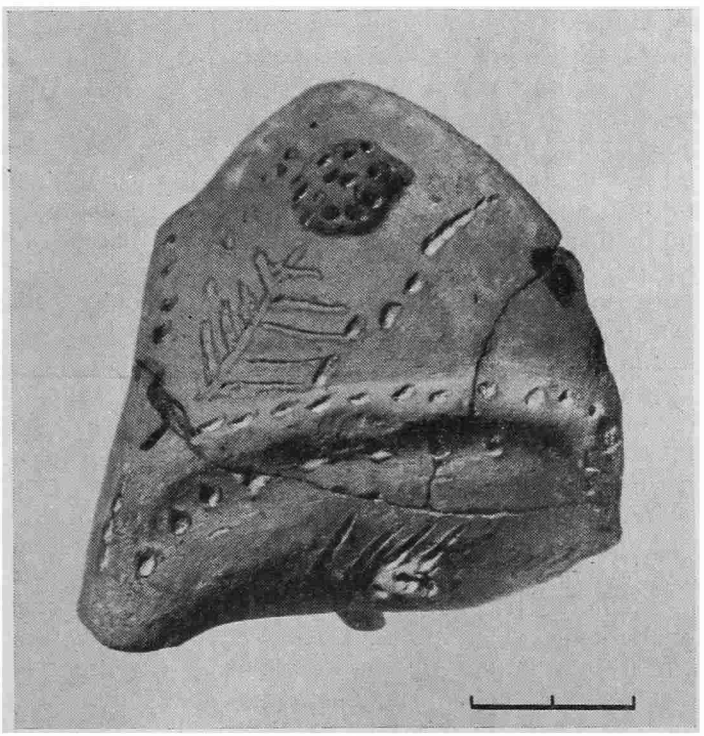


Рис. 2. Общий вид ритона

для особо торжественных пиршеств и, видимо, ритуальных возлияний. В более позднее время, т. е. во второй половине I тыс. н. э. и до наших дней, широкое распространение получили ритоны из рогов животных (быков и коз). Керамические ритоны в средневековых древностях конца I — начала II тыс. н. э. до корчевской находки не были известны.

Характерно, что корчевский ритончик соединил в себе типичные для древних ритонов черты: головка козы несет ярко выраженную символи-

ку плодородия и «благоденствия». Следует напомнить, что коза являлась древнейшим «заместителем» человека при жертвоприношениях [6, с. 39 и сл.], а у тюрко- и монголоязычного населения степей она считалась животным — покровителем женщин. Так, Вильгельм Рубрук при описании монгольской юрты XIII в. отмечает: «Госпожа дома помещает у своего правого бока, у ножек постели, на высоком месте козлиную шкуру, наполненную шерстью или другой материей, а возле нее маленькую статуэтку, смотрящую в направлении к служанкам и женщинам» [7, с. 94]. Обе эти вещи были идолами—охранителями женщин, живущих в юрте.

С. П. Толстов писал, что для кочевников Средней Азии и Сибири характерны были пережитки «полового тотемизма». В кочевнической мифологии часто фигурируют два тотема: мужской и женский. Обычно это волк и коза. У туркмен до настоящего времени сохранился свадебный обряд — ритуальная скачка жениха и невесты, в которой жених олицетворяет мужской тотем — волка, а невеста — женский тотем — козу [8, с. 5—8].

Возможно, что керамический ритончик из Корчева в форме козьей головы с изображением символов плодородия также относился к сложному, обставленному множеством ритуалов свадебному обряду.

Поскольку находка уникальна, прямых аналогий ей нет. Лощеная поверхность сосудика сближает его с салтово-маяцкой парадной керамикой, распространенной среди населения степей донского бассейна, Приазовья и Причерноморья в VIII—X вв. [9, с. 114—122]. Правда, подавляющее большинство этой группы керамики было серого или черного цвета, но нередко в городских мастерских изготовляли оранжевую или желтую посуду.

Богатая и сложная орнаментация ритона не свойственна салтово-маяцкой керамике. Однако отдельные ее элементы — налепные валики, шишечки, прочерченные узоры — часто встречаются на парадной посуде этой культуры. Необычно только пышное сочетание различных орнаментальных приемов на небольшом сосудике.

По всей вероятности, ритон был изготовлен корчевским гончаром высокого класса по специальному заказу в соответствии с пожеланиями заказчика. Последним мог быть городской житель — выходец из тюркоязычного хазаро-болгарского или уже нового, огузо-печенежского степного населения [10, с. 197—201, 349, 431 и сл.].

О значительном этническом разнообразии приморских городов в эпоху средневековья особенно выразительно свидетельствует массовый керамический материал [11, с. 9—46]. Анализ уникальных предметов, обнаруженных в развалинах и культурных слоях этих городов, является весомым дополнением к выводам, сделанным в результате исследования массового материала. Керамический ритончик из Корчева прекрасно подтверждает это наблюдение.

Другим не менее ярким примером освоения портов окружающим их и соседящим с ними населением является находка небольшой бронзовой личины в отвале средневекового слоя Таманского городища (рис. 3). Находка была сделана И. Б. Зеест и передана мне еще в конце 60-х годов. Беспаспортность и полная неясность назначения и происхождения делали невозможной публикацию этой оригинальной вещи.

Личина представляет собой изображение — «маску» человеческого лица. Она литая, овальная, выпуклая, размером 37×28 мм. Подбородок и нижняя часть правой щеки отломаны в древности. Поверхность сохранила местами следы позолоты. Лицо европеоидное с выраженными надбровиями и полукружиями бровей, прямым высоким носом, круглыми большими отверстиями для глаз (диам. 6 мм) и вдвое меньшим, также круглым, отверстием рта, снизу подчеркнутого слегка выпуклой губой. По краю лба прослеживаются следы выпуклой, углом изогнутой над носом линии, возможно изображающей волосы, разделенные прямым пробором (рис. 4).

Рис. 3. Бронзовая личина из Тмутаракани

Рис. 4. Графическая реконструкция начельника с тмутараканской личиной

В настоящее время, как нам кажется, удалось найти почти точную аналогию данной личине. Это часть конского начельника, входившего в сбруйный убор богатых аланских всадников. Такой начельник был найден в катакомбе 14 Змейского могильника, датированного В. А. Кузнецовым XI—XII вв. [12, с. 82—87, рис. 15; 13, табл. 37]. Начельник изображает позолоченную бронзовую женскую фигурку на плоском круглом «поддоне». Фигура полая внутри, отдельные ее части отлиты и затем спаяны. Лицо было отлито отдельно (места спайки на голове хорошо видны). Размеры лица удивительно совпадают с таманской личиной: 38×27 мм. В круглые отверстия глаз (диам. 6 мм) вставлена бирюза, закрепленная тонкой припаянной окантовкой. Рот так же, как у таманской личины, расположен почти вплотную к носу, только отверстие рта не круглое, а овальное. Губы выпуклые (на таманской маске, как говорилось, сохранился только след от выпуклой нижней губы).

Таким образом, материал, позолота, размеры, общий абрис и стиль изделия являются неоспоримыми доказательствами принадлежности таманской находки начельнику, аналогичному змейскому. Мало того, совпадения настолько выразительны, что создают впечатление тождества. Видимо, мы можем говорить об изготовлении обоих начельников в одной мастерской или даже одним мастером.

Где находилась эта мастерская — в Тмутаракани или Алании — неясно. Находка двух аналогичных, причем уникальных вещей в памятниках, разделенных сотнями километров, свидетельствует о тесных связях обеих областей. О постоянном общении населения Северного Кавказа с Причерноморьем и, в частности, с русской Тмутараканью в XI в. неоднократно писал, опираясь на различные источники, В. А. Кузнецов [12, с. 134, 135; 14, с. 126—135]. Об этом же свидетельствует, как указывалось выше, изучение керамических материалов: аланское присутствие в Тмутаракани фиксируется благодаря ему вплоть до середины XI в. Обломок великолепного начельника, принадлежавшего, очевидно, аланскому феодалу, свидетельствует, что не только рядовое население Алании, но и крупные феодальные владетели этого государства посещали столицу (а возможно, и жили в ней) русского Тмутараканского княжества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Макарова Т. И.* Раскопки древнего Корчева.— КСИА, 1965, вып. 104.
2. *Пещерева Е. М.* Гончарное производство Средней Азии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
3. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
4. *Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана. М.: Наука, 1977.
5. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М.: Наука, 1985.
6. *Евреинов П. П.* Азазел и Диопис. Л., 1924.
7. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: География, 1957.
8. *Толстов С. П.* Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен.— ПИДО, 1935, № 13.
9. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967.
10. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
11. *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища.— В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
12. *Кузнецов В. А.* Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 года).— В кн.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе: Сев.-Осетинск. кн. изд-во, 1961.
13. *Даркевич В. П.* Древняя Русь X—XIII вв.— В кн.: Произведения искусства в новых находках советских археологов. М.: Искусство, 1977.
14. *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе: Сев.-Осетинск. кн. изд-во, 1984.

В. Н. ДЕДОВ, М. Л. ШВЕЦОВ

НАХОДКА ДРЕВНЕРУССКОГО МЕЧА В ДОНБАССЕ

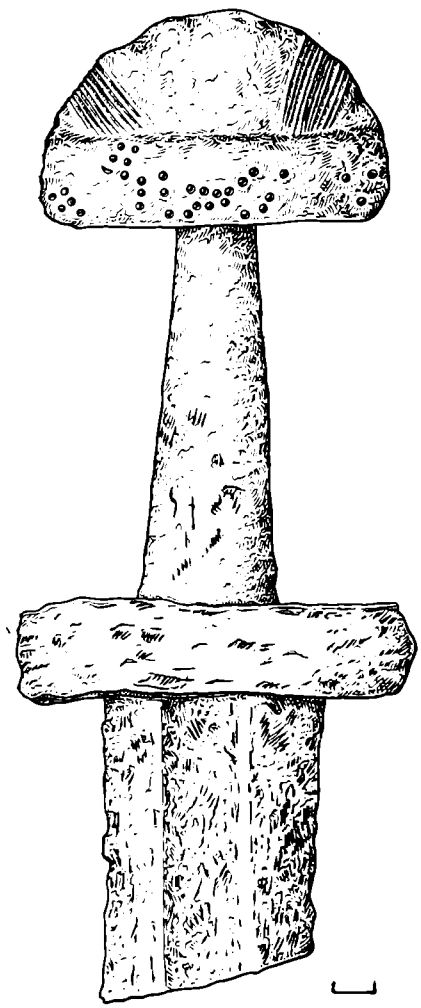


Рис. 1. Верхняя часть меча из Славяногорска

В степной полосе Восточной Европы наиболее частой находкой в погребениях являются сабли, мечи очень редки. Поэтому находка меча в степных памятниках вызывает несомненный интерес. Целью нашей публикации является ввод в научный оборот одной из таких интересных находок.

В 1977 г. недалеко от с. Татьяновка[1] на горе Артема в г. Славяногорске Донецкой обл. была найдена верхняя часть древнерусского меча (рис. 1). Сохранившаяся часть лезвия (длина 7, ширина 5 см) в сечении обоюдоострая и имеет по центру с двух сторон желобок шириной до 2 см. Лезвие снабжено прямым перекрестием (9,5×3 см), надетым на сужающий к навершию стержень длиной 9, шириной в нижней части 3 и в верхней 1,8 см. Навершие имеет следы серебряной насечки, видны на ней также углубления-ячейки.

Типологически наиболее близкие публикуемому нами мечи типа Е А. Н. Кирпичников датирует IX и в основном X в. [3, с. 20, рис. 1]. Указанный меч найден у о. Краснянка, Харьковской губернии. Считаем возможным привести в качестве аналогии еще один экземпляр меча — из погребения у с. Пришиб Славянского р-на Донецкой обл. [4, рис. 4, *4*]. Из этого же погребения происходят железная пряжка,

[1] Здесь же известен памятник VIII—IX вв. [1, 2].

стремена и наконечник копья [4, с. 103]. Интересно отметить также захоронение воина с мечом и сбруей, погребенного по кочевническому обряду в кургане на водоразделе рек Мокрая и Сухая Волноваха у с. Николаевка Донецкой области [5, с. 355, 356]. Поскольку такие находки время от времени попадают в руки археологов, можно надеяться, что в дальнейшем это позволит поставить вопрос о путях и причинах проникновения древнерусского оружия в степь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сибилев Н. В.* Древности Изюмщины. Вып. IV. Изюм, 1930.
2. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.
3. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие.— САИ, 1966, вып. Е1-36.
4. *Сибилев Н. В.* Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського.— Археологія, 1950, т. IV.
5. *Привалова О. Я., Привалов А. И.* Исследования курганов на территории Донецкой области.— АО — 1976. М., 1967.

В. А. ЛИТВИНОВ, О. А. МАКУШНИКОВ, А. И. ДРОБУШЕВСКИЙ

КЛАДЫ ДРЕВНЕРУССКИХ ШЕЙНЫХ ГРИВЕН ИЗ БЕЛОРУССИИ

Весной 1980 г. при распашке поля у пос. Козий Рог Буда-Кошелевского р-на Гомельской обл. бригадиром Д. М. Юрцовым был найден клад из семи древнерусских шейных гривен. Находки поступили в Гомельский областной краеведческий музей (рис. 1).

Клад обнаружен в 200—300 м от курганной группы, располагавшейся на западной окраине пос. Козий Рог и состоявшей из нескольких десятков полусферических насыпей. В настоящее время все курганы разрушены. По словам местных жителей, при земляных работах на территории этого могильника находили глиняные сосуды, украшения из цветных металлов, человеческие кости. Однако у нас нет достаточных оснований, чтобы связать клад с курганной группой.

Д. М. Юрцов сообщил, что в 1960-х годах в поселке был обнаружен еще один клад аналогичных гривен, разошедшийся среди находчиков. Удалось разыскать только одну из них. По технике изготовления и внешнему виду она близка гривнам из клада 1980 г. (рис. 2). По сообщениям сторожилов, у местного помещика была в свое время коллекция подобных украшений.

Шейные гривны-обручи известны у народов Евразии с древнейших времен. В X—XIII вв. ими пользовалось и древнерусское население; особенно характерны гривны для вятичского и радимичского женских костюмов. Примечательно, что гривны, изготовленные из серебра и золота, нередко украшенные сканью, выступали в качестве атрибута власти и носили их преимущественно представители социальной верхушки древнерусского общества [1, с. 58].

Исследователи выделяют несколько типов шейных гривен из находок в восточно-славянских курганах и кладах X—XIII вв. Все гривны из Козьего Рога относятся к одному типу — витым. Изготовлены они из биллоновой проволоки круглого сечения, на которой видны слабые следы волочения в виде продольных полос и царапин. Кроме серебра и меди в сплаве присутствуют небольшие примеси (в целом составляющие менее 1% содержания металла) свинца, олова, цинка, железа. Каждая гривна имеет некоторые отличия, касающиеся главным образом толщины проволок и жгутов, плотности витья, орнаментации наконечников. Представляется целесообразным описать все гривны по отдельности (№ 1—7 — из клада 1980 г., № 8 — из клада 1960-х годов).

Гривна № 1 — из трех сдвоенных жгутов, перевита тремя скаными нитями, витье не очень плотное. Наконечники пластинчатые, один без орнамента, другой орнаментирован 10 парами отпечатков пуансона в

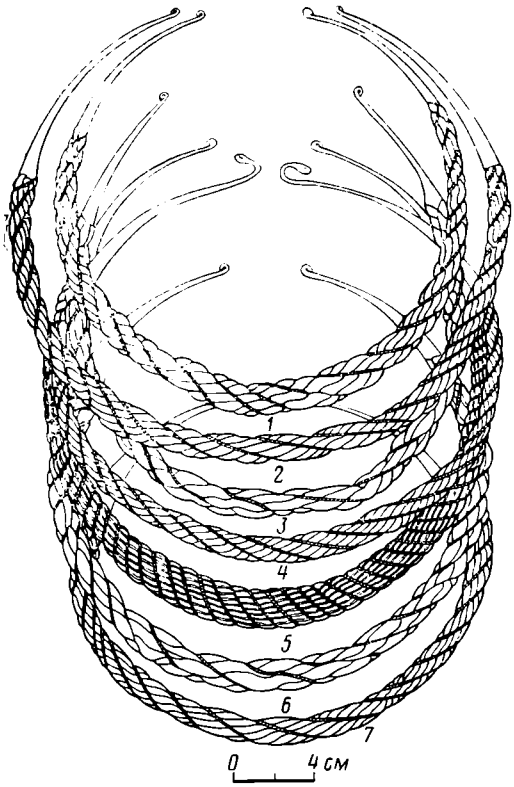
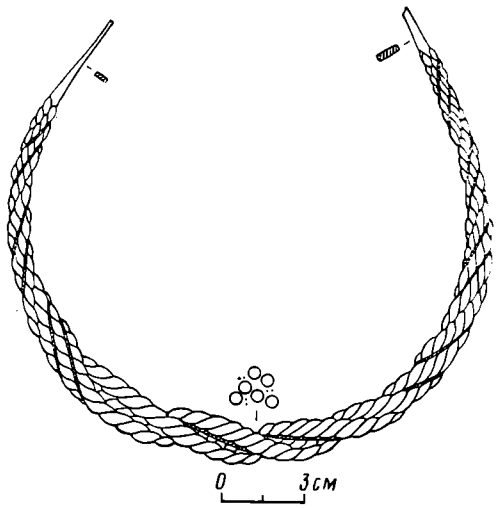


Рис. 1. Древнерусские шейные гривны из Козерожского клада 1980 г.

Рис. 2. Древнерусская шейная гривна из Козерожского клада 1960-х годов



виде вдавленных миниатюрных треугольников с округлыми выпуклостями внутри них, расположенными «волчьим зубом». Диаметр проволоки возле наконечников 2,5, в центре — 4,5 мм. Замок составляют две спирально закрученные петли (рис. 1, *1*; 3, *1*). Вес гривны 299,4 г.

Гривна № 2 — из трех сдвоенных жгутов, перевита тремя сканым нитями, витье плотное. Наконечники пластинчатые, украшены прямыми и ломаными чеканными линиями, образующими ряд треугольников, и мелкими ромбиками. Диаметр проволоки возле наконечников 1,5—2,0, в центре — 2,55—3,0 мм. Замок — две спирально закрученные петли (рис. 1, *2*; 3, *2*). Вес гривны 297 г.

Гривна № 3 — свита из трех сдвоенных жгутов, дополнительно перевита тремя сканым нитями, витье не очень плотное. Наконечники пластинчатые, суживающиеся к замку, орнаментированные ломаной чеканной линией и мелкими ромбиками. Диаметр проволоки у наконечников 3,0, в центре гривны — 4,0 мм. Замок выполнен в виде двух спирально закрученных петель, через которые пропускался шнурок (рис. 1, *3*; 3, *3*). Вес гривны 288,5 г.

Гривна № 4 — из трех сдвоенных жгутов, перевита тремя сканым нитями, витье плотное. Наконечники пластинчатые, орнаментированные чеканной ломаной линией. Диаметр проволоки у наконечников 1,5—2,0, в центре — 2,5—3,0 мм. Замок выполнен в виде двух крючков, сцеплявшихся между собой (рис. 1, *4*; 3, *4*). Вес гривны — 200,3 г.

Гривна № 5 — свита из пяти сдвоенных жгутов, каждый жгут перевит двумя сканым нитями, а вся гривна — еще пятью. Витье очень плотное. Наконечники пластинчатые, орнаментированные прямыми чеканными линиями и мелкими треугольниками. Диаметр проволоки у наконечников 1,5, в центре — 2,5—3,0 мм. Замок — две спирально закрученные петли (рис. 1, *5*; 3, *5*). Вес гривны 323 г.

Гривна № 6 — из трех сдвоенных жгутов, перевита тремя сканым нитями, витье не очень плотное. Наконечники пластинчатые. Один наконечник орнаментирован чеканными линиями по краям, прямыми и ломаной линиями в виде частых отпечатков мелкозубчатого штампа, образующими ряд треугольников, другой — мелкозубчатыми отпечатками в виде прямых и ломаных линий, образующих ряд треугольников. Диаметр

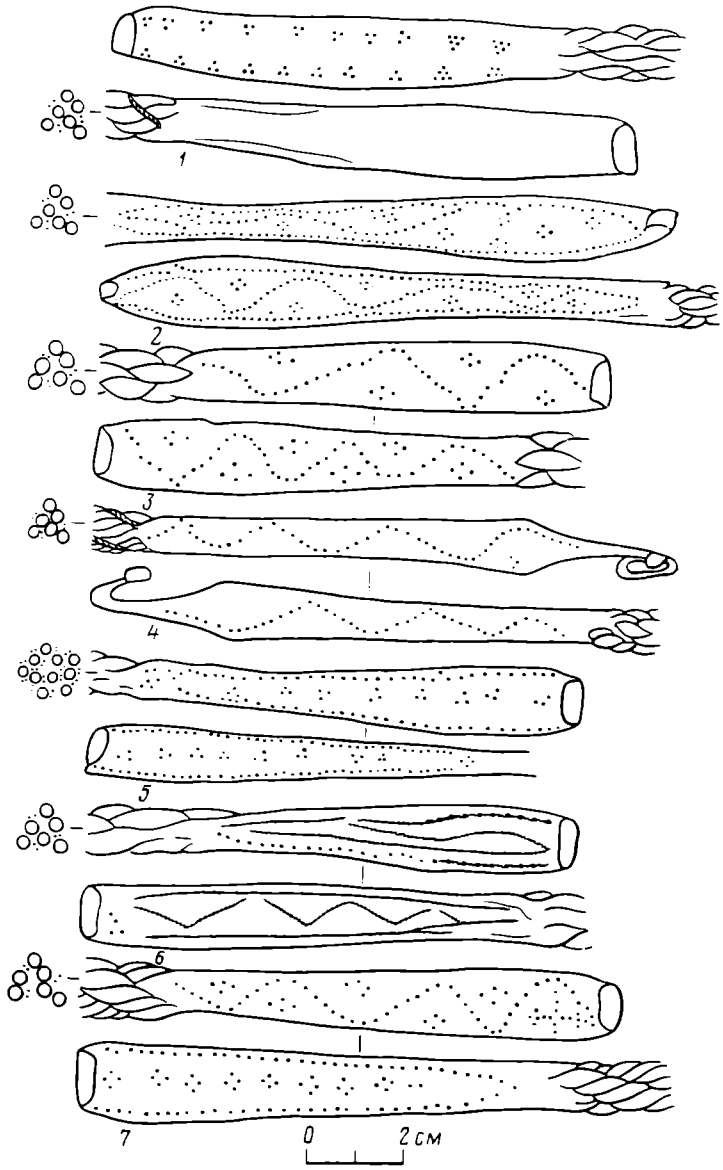


Рис. 3. Орнаментация наконечников шейных гривен Козерожского клада 1980 г.

проволоки возле наконечников 3,0, в центре — 4,0 мм. Замок составляют две спирально закрученные петли (рис. 1, *6*; 3, *6*). Вес гривны 341,5 г.

Гривна № 7 выполнена из трех сдвоенных жгутов, перевита тремя сканными нитями, витье плотное. Наконечники пластинчатые, один орнаментирован чеканной ломаной линией, мелкими ромбиками и крестовидной фигурой у замка, другой — прямыми чеканными линиями по краям и мелкими ромбиками. Диаметр проволоки возле наконечников составляет 2,0, в центре — 3,0 мм. Замок составляют две спирально закрученные петли (рис. 1, *7*, 3, *7*). Вес гривны 294,3 г.

Гривна № 8 сделана из трех сдвоенных жгутов, перевита тремя сканными нитями, витье не очень плотное. Наконечники пластинчатые, их замки не сохранились (рис. 2). Вес гривны 236,4 г.

Таким образом, все гривны двух кладов изготовлены из одного сплава и выполнены в одной технике сложного жгута — свиты из трех (7 экз.) или пяти (1 экз.) жгутов, состоящих из двух перекрученных между собой проволок, диаметр которых уменьшается от центра изделия к концам. Последние, в свою очередь, объединены путем кузнечной сварки и раскованы в узкие пластинчатые наконечники с замками в виде двух спирально закрученных петель (6 экз.) или же двух крючков

(1 экз.). Следует еще раз подчеркнуть, что все гривны дополнительно перевиты сканными нитями из двух тонких перекрученных проволочек.

Идентичность приемов изготовления и оформления шейных обручей двух кладов наводит на мысль о производстве их в одной ювелирной мастерской и делает возможным предположение о принадлежности их одному владельцу.

Гривны подобного типа найдены как при раскопках курганов XI—XII вв. [2, с. 86, 87], так и в составе кладов, датируемых по времени зарытия XI, XII вв., а иногда и началом XIII в. [1, с. 25, 26]. Ряд признаков — техника сложного жгута, метод кузнечной сварки, оформление замков — позволяют предварительно датировать вещи из наших кладов концом XI — первой половиной XII в., хотя время их зарытия может быть и более поздним, т. е. XII — начало XIII в.

В области Белорусского Поднепровья такие гривны в составе кладов найдены впервые. Из 18 кладов, обнаруженных на территории Древней Руси [1, 3], которые содержали гривны, выполненные в технике сложного жгута с пластинчатыми наконечниками, около половины (8) концентрируются в Среднем Поднепровье, около Киева, остальные (10) рассеяны по другим землям, почти полностью охватывая территорию Киевской Руси XI—XII вв. [1, № 17, 23, 32, 34, 41—43, 49, 52, 103, 117, 122, 126, 129, 135, 154, 170; 3 табл. III *25*; VI *1*, *4*; VII, *1—3*; рис. 20]. Козерожские клады найдены близ Днепра, в его левобережье, всего в нескольких километрах от этого важного торгового пути древности, и скорее всего обязаны последнему своим появлением. Очевидно, находки не имеют прямого отношения к этнографической группировке радимичей, в ареале расселения которых они обнаружены. В памятниках радимичей XI—XII вв. витые сложножгутовые гривны не встречены ни разу [4, с. 90—92]. М. В. Фехнер, специально занимавшаяся изучением древнерусских гривен, пришла к выводу, что аналогичные предметы, изготовленные посредством сложных технических приемов (кузнечная сварка и др.) являются продукцией городского, а не сельского ремесла [2, с. 73]. Анализируя состав указанных выше 18 кладов, включавший, как правило, и другие дорогостоящие высокохудожественные изделия, нетрудно убедиться, что они являлись собственностью представителей княжеско-боярского сословия.

Можно предположить, что и козерожские гривны также были изготовлены в одной из городских ювелирных мастерских. Принадлежали шейные обручи скорее всего крупному торговцу, который вез их на продажу, но в силу обстоятельств вынужден был спрятать, не успев реализовать свой товар.

По характеру, составу и количеству изделий находки из Козьего Рога уникальны для территории Белоруссии и стоят в одном ряду с лучшими образцами древнерусского ювелирного искусства. Они еще раз свидетельствуют о тонком художественном вкусе мастеров «по злату и серебру», о высоком уровне развития ремесла в домонгольской Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Корзухина Г. Ф.* Русские клады. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
2. *Фехнер М. В.* Шейные гривны.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
3. *Гущин А. С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв. М.: Л.: Соцэкгиз, Ленингр. отд., 1936.
4. *Рыбакоў Б. А.* Радзімічы.— В кн.: Працы сэкцыі археолёгіі інстытута гісторыі Беларускай Акадэміі навук, т. 3. Менск, 1932.

В. Б. ВИНОГРАДОВ

ДВА ЗЕРКАЛА ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЭПОХИ ИЗ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Из средневековых погребальных памятников горной Чечено-Ингушетии происходит небольшая серия металлических зеркал, датируемых XIII—XIV вв. [1, с. 20; 2, с. 87, рис. 22, *1*; 3, с. 39, 40]. Недавно она пополнилась двумя новыми образцами, в атрибуции которых существенную помощь оказали обстоятельные консультации М. Г. Крамаровского (Государственный Эрмитаж) и Г. А. Федорова-Давыдова (Московский государственный университет).

Бронзовое зеркало (рис. 1, *1*, *2*) поступило в 1980 г. в Историко-краеведческий музей Чечено-Ингушского государственного университета от жителя г. Грозного А. А. Арсеньева, нашедшего его у одного из наземных склепов близ ингушского башенного аула Вовнушки (на р. Тхобачоч, правом притоке Ассы) [4, с. 45]. Диск диаметром в 10,8 см уцелел неполностью. Он имеет узкий бортик по краю, в центре заметны следы несохранившейся шишки-петли. В правой части диска (у бортика) пробито отверстие, в которое мог продеваться шнур для подвешивания.

Орнаментальное поле занято рельефным изображением двух помещенных в геральдической позе фантастических существ (сфинксов) с туловищем животного и человеческим лицом, крыльями и длинным хвостом. По краю диска проходит ободок с арабской надписью, уцелевшая часть которой гласит: «... великолепие и высокое положение, и хвала, и наслаждение, и честь, и власть, и долголетие, и сила, и благословение владельцу сего ...».

Иконографически и по формуле благопожелания зеркало принадлежит к большой серии металлических зеркал, получившей распространение на всем Переднем и Ближнем Востоке, а также в зоне евразийских степей и их округе на протяжении XIII—XIV вв. Значительное число аналогичных находок опубликовано в отечественной и зарубежной литературе [5, с. 557; 6, табл. XXVIII, *4*, *5*; 7, рис. 127; 8, с. 239, рис. 3, *5*; 9, с. 356—360; 10, с. 105 11, с. 36; 12, с. 69].

По поводу генеалогии этих зеркал высказывались различные мнения: их относили к Ирану [7], Средней Азии [10, с. 105], Хорассану [11, с. 36]. Сейчас принято считать, что этот тип зеркал своим происхождением связывается с Западной Анатолией или Северной Месопотамией, более всего с территорией Ирака [12], а изготовляли их, вероятно, повсеместно в указанном выше ареале, в том числе и в джучидских городах Золотой Орды, хотя литейных форм пока нигде не обнаружено.

По сообщению М. Г. Крамаровского, в Царевской коллекции (Гос. Эрмитаж, ОВ, Сар. 728) есть такое зеркало, которое по ряду признаков можно датировать второй половиной XIII — началом XIV в., что выделяет его среди других известных образцов, которые датируются менее определенно.

Г. А. Федоров-Давыдов по поводу публикуемого экземпляра высказывает мнение, что он является репликой на привозной, возможно иранский, оригинал и изготовлен в одном из золотоордынских городов не ранее XIV в.

Еще одно из публикуемых зеркал (из белого сплава, диаметром в 8,8 см) найдено археологом Д. Ю. Чахкиевым (рис. 2) при осмотре в 1983 г. потревоженного бульдозером участка крупнейшего в горной Ингушетии склепового средневекового могильника Мохде у с. Шуан в Джераховском ущелье [4, с. 36, 37].

Оно имеет узкий и высокий вертикальный бортик по краю, орнаментальное поле занято рельефным изображением сложной плетенки с головами животных и антропоморфным мотивом (коронованная голова) в центре нижней части узора.

Рис. 1. Бронзовое зеркало (аул Вовнушки)

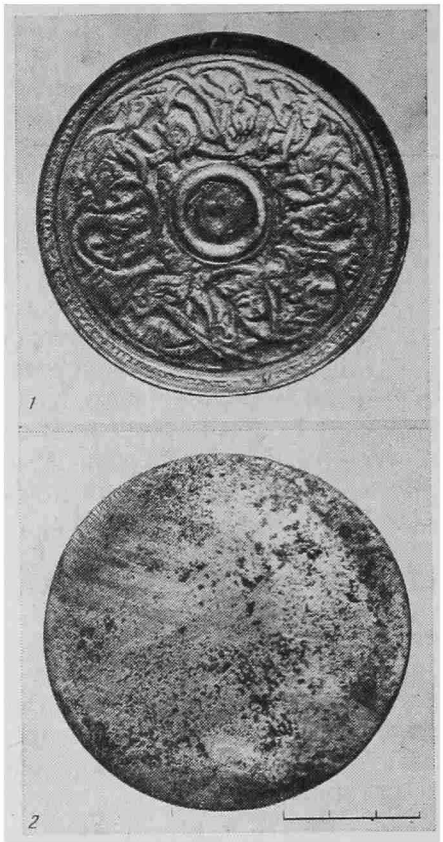


Рис. 2. Металлическое зеркало из могильника у с. Шуан

Такие зеркала довольно широко представлены на территории Восточной Европы от устья Камы на севере до горной зоны Северного Кавказа на юге (см., например [6, табл. XXVII, *2*, *6*, *7*; 13, с. 16, 37; 14, с. 95; 15, с. 127; 16, с. 272; 17, с. 663; 18, с. 80—82]). Согласно сводке, произведенной М. Г. Крамаровским, в настоящее время насчитывается более 30 экз. аналогичных зеркал (частью фрагментированных) из 12 пунктов Восточной Европы, располагающихся в степной зоне или соседящих с нею (Царевское городище, Прикубанье, Верхний Кобань, Болгар, Увек, Небыково и Курмояр, Аксай, Миусский полуостров, Харинка, Новочеркасск, Столетово и др.).

Археологические данные позволяют датировать всю серию находок в рамках второй половины XIII — начала XIV в., а общность ремесленно-технических, иконографических и стилистических признаков в сочетании с их ареалом дают право признать их характерность для культуры Золотой Орды. Намерение представить эти зеркала специфически булгарскими, домонгольскими [19, с. 105; 20, с. 255, рис. 116, 7] противоречит имеющимся фактам.

Вместе с тем стилистические аналогии орнаментике зеркал данного типа ведут к некоторым серебряным ажурным украшениям из Семиречья [21, с. 73, 74]. Еще более близкие параллели отмечаются в мосульских бронзах XIII—XIV вв. [22, № 489; 23, рис. 115, 116, 162]. Все это позволяет М. Г. Крамаровскому считать, что интересующий тип зеркал родился в Золотой Орде под влиянием исламского искусства, идущего из сиро-египетского региона, с одной стороны, и, возможно, от Сельджукидов — с другой.

Сопоставление обеих публикуемых находок с другими зеркалами золотоордынской эпохи, обнаруженными в горной Чечено-Ингушетии, выявляет их группировку в западных районах области, близких к Дарьяльскому проходу. Если это не результат случайности, то не исключено, что металлические зеркала попадали в руки обитателей горных ущелий

через посредство золотоордынских городов, располагавшихся в равнинной зоне бассейна Терека [24. с. 41, 42; 25, с. 57—59]. В целом же они пополняют пока не очень многочисленные сведения о материальных следах взаимных связей предков чеченцев и ингушей с Золотой Ордой в XIII—XIV вв. [3, с. 36—53; 26, с. 59—76].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Умаров С. Ц.* Средневековая материальная культура горной Чечни, XIII—XVII вв.: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1970.
2. *Мужухоев М. Б.* Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII—XVII вв.). Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1977.
3. *Нарожный Е. И.* Некоторые дискуссионные вопросы золотоордынского периода истории Чечено-Ингушетии (по историко-археологическим данным). Дипломная работа: ЧИГУ. Грозный, 1983.— Архив библиотеки ЧИГУ, д. 7, № 278.
4. *Виноградов В. Б., Марковин В. И.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1966.
5. *Fraehn C. M.* De speculo aereo Bylariensi et Samaroviensi, idem de talismano Kazanesi.— Memoires de l'Ocad des Sciences. VIII. SPb. 1892.
6. *Лихачев А. Ф.* Археологический атлас. Памятники Волжской Болгарии. Казань, 1868.
7. *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1976.
8. *Хлебников Т. А.* К истории города Жукотина (Джу-Тау).— СА, 1975, № 1.
9. *Крачковская В. А.* О бронзовых зеркалах Донского музея.— В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока.— М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
10. *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1970.
11. *Melikian-Chirvani A. S.* Le bronze Iranien. P., s. a.
12. The al-Sabah Collection Islamic Art in the Kuwait National Museum/Ed. Jenkins M. 1983.
13. *Лихачев А. Ф.* Бытовые памятники Волжской Болгарии.— Тр. II АС. М.; 1876.
14. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа.— МАК, 1900, т. VIII.
15. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.
16. *Шпилевский С. М.* Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.
17. *Каташов Н. Ф.* Описание одного металлического зеркала с арабской надписью, принадлежавшего Обществу археологии, истории и этнографии.— ИОАИЭ. Казань, 1897.
18. ОАК за 1901 г. СПб., 1903.
19. *Валеев Ф. Х.* Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975.
20. *Авдусин Д. А.* Археология СССР. М.: Высш. шк. 1977.
21. Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставки. Л.: Аврора, 1983.
22. *Ettinghausen R.* Iranien and Islamic art. N. Y., 1941.
23. *Kühnel E.* Islamische Klein Kunst. B., 1925.
24. *Даутова Р. А.* Старогладовское поселение — новый памятник Золотой Орды на Тереке.— В кн.: Археология и краеведение — вузу и школе. Тез. докл. Грозный, 1981.
25. *Мамаев М. Х.* О городе Дедякове русских летописей.— В кн.: Вклад молодых ученых и специалистов ЧИАССР в развитие общественных наук. Тез. докл. Грозный, 1984.
26. *Виноградов В. Б.* Судьбы древних монет. Опыт лирической нумизматики. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982.

Критика и библиография

Baiern und Slawen in Oberösterreich. Probleme der Landnahme und Besiedlung.— Schriftenreihe des OÖ Musealvereins — Gesellschaft für Landeskunde. B. 10. Linz, 1980. 243 S.

Сборник статей «Бавары и славяне в Верхней Австрии» посвящен самым разнообразным аспектам взаимоотношений (от узко археологических до политических и церковных) двух основных групп раннесредневекового населения Верхней Австрии.

Здесь сразу же необходимо пояснить, что имеет под собой современное географическое понятие Верхняя Австрия. Прежде всего это одна из десяти земель Австрии. Она расположена на северо-западе страны и граничит с ФРГ, ЧССР, раскинувшись по обеим берегам Дуная, упираясь на юге в отроги Альп (граница со Штирией) и доходя до лесных массивов ЧССР на севере.

Эта территория интересна в первую очередь тем, что в эпоху раннего средневековья она явилась контактной зоной между славянским и германским миром, представленным баварами — одним из германских племенных объединений, превратившимся в VI в. в относительно самостоятельное Баварское герцогство, окончательно присоединенное Карлом Великим к своей империи в 788 г.

Проблема пограничья одна из узловых в археологии вообще. Когда же речь заходит о крайнем западном пограничье славянского мира (в данном случае о локальном участке протяженностью с юга на север около 200 км), то интерес этот для археологов-славистов значительно увеличивается. Проблема взаимодействия баваров со славянами является одной из основных для австрийской археологии. Отчасти ей уже был посвящен сборник «Баварское время в Верхней Австрии» [1], но тогда в его основе лежала германистика (естественно, включая и археологию). Теперь же перед нами сборник, представленный, пожалуй, в равной мере как германскими, так и славянскими штудиями.

Авторами его являются историки, археологи, лингвисты. И задача всеми понята одинаково: определить место, уровень развития и роль взаимоконтактов славянских и германских групп населения в Среднем Подунавье в раннем средневековье.

Хронологический диапазон рассматриваемых проблем — VII—X вв., т. е. время активного освоения исследуемой территории как баварами, так и славянами. Вероятно, и те и другие появляются на данном участке Подунавья уже в VI в., но археологически они почти не прослеживаются.

Открывает сборник статья его главного редактора историка К. Хольтера. Редакционная статья называется, так же как и весь сборник, «Бавары и славяне в Верхней Австрии» (с. 8—16). Автор останавливается в ней на основных вехах в истории изучения славяно-германской проблематики в Австрии, много места уделяет сложностям источниковедческого характера и акцентирует внимание на главных проблемах исследований: времени и месте первого появления баваров и славян в Верхней Австрии, взаимоконтактах, элементах иных эпох и иных культур и т. д. Предваряя сборник, статья К. Хольтера нацеливает читателя на серьезный подход к теме исследований историков, археологов, лингвистов.

Итак, перед нами сборник статей, включающих гипотезы и идеи, направленный в большей степени на постановку проблем, чем на их разрешение. Мы не будем следовать за его оглавлением и начнем с археологии, самого большого и самого полемичного раздела книги.

Статья И. Райтингера, старейшины верхнеавстрийских археологов, «Славянская проблема в свете археологии» (с. 25—41), как явствует из названия, должна пролить свет на многочисленные аспекты славянской археологии в ее австрийском варианте. Автору хорошо известна проблема, его перу принадлежит капитальный труд по археологии Верхней Австрии с большой главой о славянах [2].

Несомненно, сильной стороной статьи Й. Райтингера является раздел о баварах. Автор подробно останавливается на проблеме происхождения этого германского племени, считая баваров выходцами из земли Байя (откуда в дальнейшем и происходит название Богемия). Убедительно показано Й. Райтингером наличие в материальной культуре древних баваров элементов поздней римской культуры. Интересны также выводы об определенной близости элементов материальной культуры баваров и других германских племен, в частности алеманнов.

Но далее, переходя непосредственно к славянской проблеме, автор становится на путь тенденциозного осмысления археологических материалов, особенно полученных в последнее десятилетие благодаря широкомасштабным раскопкам погребений VIII—X вв. археологами Верхнеавстрийского музея в г. Линце М. Пертлвизером и В. Товорник.

Вообще надо отметить, что в VIII—X вв. Верхняя Австрия становится ареной активных процессов славянской колонизации. Славяне продвигаются на эту территорию с юга из Каринтии, проникают в Верхнее Подунавье с севера из Великой Моравии. Это различные группы славянского населения, и археологические памятники Верхней Австрии вполне отразили этот процесс. Погребения этого периода имеют определенное своеобразие, но славянская их принадлежность вполне аргументированно доказана М. Пертлвизером и В. Товорник.

В статье рецензируемого сборника Й. Райтингер излагает свою теорию, по которой все верхнеавстрийские погребения VIII—X вв. принадлежат не славянам, а баварам, но баварам другого, более позднего хронологического периода, принявшим христианство еще в VII в., что и отразилось в погребальном обряде — умерших перестали сопровождать погребальным инвентарем. Но затем по никому не ведомым причинам в конце VIII в. эти бавары вновь дехристианизируются и начинают украшать погребенных и сопровождать их в загробный мир пищей и питьем.

Очевидно, чувствуя некоторую шаткость своей археологической аргументации, Й. Райтингер начинает развивать идею о недостаточности археологических критериев, фрагментарности археологических источников, их малочисленности для решения этнических проблем. В частности он пишет: «Из-за того, что мы знаем фрагментарно источники, мы вынуждены отбрасывать из наших представлений многие неясные факторы» (с. 35). Однако фрагментарность источников — это по крайней мере 12 могильников с 467 раскопанными погребениями только в Верхней Австрии. И едва ли научно игнорировать не десятки, а сотни достоверно славянских погребений.

Далее Й. Райтингер вообще приходит к отрицанию раннесредневековой археологии как самостоятельной науки. Он пишет: «Раннесредневековая археология не самостоятельная область, а должна дополнять историческую картину своей некоторой эвристикой» (с. 35). Все это служит лишь тому, чтобы прийти к весьма однозначному и определенно окрашенному выводу, «что славянский элемент на территории Верхней Австрии играл полностью подчиненную роль» (с. 30).

Следующая археологическая статья сборника принадлежит перу М. Пертлвизера и называется «Раскопки раннесредневековых могильников Верхнеавстрийского музея» (с. 43—80). С результатами именно этого автора так в корне не согласен И. Райтингер. М. Пертлвизер раскопал в Верхней Австрии многие сотни раннесредневековых погребений. Первая часть статьи и является публикацией девяти раскопанных могильников VII—X вв. Публикация в сжатой форме представляет информацию о результатах полевых исследований, сопровождается планами могильников.

Но гораздо интереснее вторая, аналитическая часть статьи, где автор расчленяет огромный материал на две группы. Прежде всего в основе разделения лежит хронология: группа А (VII — начало VIII в.) — могильники Рудельсдорф, Шлатт, Шваненштадт и группа В (конец XIII—X в.) — могильники Аухоф, Гусен, Виндегг, Сиернингхофен, Михельсдорф-Кремсдорф, Михельсдорф-Георгенберг. Но из этого первоначального разделения вытекают и более принципиальные различия. Различия эти подкрепляются статистическими данными, которые убедительно доказывают принципиальную разницу в элементах погребального обряда. Наиболее характерные черты обряда группы В — это наличие в погребениях (около 70%) остатков заупокойной пищи (горшки, кости животных, яичная скорлупа). Этот ритуал практически отсутствует в погребениях группы А (не более 5%). Существенно дополняют выводы автора о различиях сравниваемых могильников половозрастные характеристики. В группе В большое количество детских погребений. В группе А

преобладают мужские взрослые погребения. Ориентировка погребений также различна. В могильниках группы А преобладает западная ориентировка практически без отклонений. В группе В при той же ориентировке наблюдаются сильные колебания, и часть могил имеет северную ориентировку. Наконец, топографические наблюдения позволяют автору дополнить картину различий. Могильники группы А, как правило, помещаются на ровных террасах, а группы В — на холмах и склонах.

В данной статье М. Пертлвизер не приводит данных о погребальном инвентаре, но вещевые комплексы подробно рассматриваются им в одной из предыдущих статей [3]. Инвентарь также указывает на принципиальные различия сравниваемых групп. В группе А высок процент погребений с оружием (от 26 до 36%), преобладают также находки поясных наборов, гребней. В группе В гораздо чаще встречаются кресала и ножи в мужских погребениях и различные типы украшений в женских.

Все вышеперечисленное свидетельствует о существенных различиях двух выделенных автором групп могильников, первую из которых он относит к баварскому населению, а вторую — к славянскому. И те и другие находятся на периферии германского и славянского мира. В этом их специфичность, они имеют зачастую черты, несколько отличные от типично баварских или же типично славянских, и только при их взаимном сравнении, как считает автор, можно разделить баварско-языческие и славянско-языческие погребальные явления (с. 76).

В статье М. Пертлвизера приведены антропологические определения, выполненные на краниологическом материале могильника Аухоф (группа В), сопоставленные с многочисленными раннесредневековыми сериями (определения Д. Росса из университета г. Майнца). Они указывают на сильное сходство с западнославянскими сериями.

К сожалению, отдельные статистические выкладки автора представляются с точки зрения статистики не совсем надежными. За схожими процентами порой кроется совершенно несопоставимое количество исследованных погребений (Рудельсдорф — 151, Шлатт — 33, Виндегг — 20, Сиернингхофен — 12). Но тем не менее позиция автора ясна, она достаточно логично сформулирована и достаточно убедительно доказывает наличие значительной группы славянского населения в Верхней Австрии в VIII—X вв.

Этой же теме посвящена и статья В. Товорник «Могильник каринтско-коттлахской культурной группы на Георгенберг у Михельсдорфа» (с. 81—132). В 1978 г. автором была раскопана большая часть указанного в статье могильника, и в данном сборнике он впервые полно и обстоятельно публикуется. В. Товорник подробно разбирает основные элементы обряда и вещевые комплексы и датирует могильник второй половиной IX—X в. и относит его к каринтско-коттлахской культурной группе.

Особый интерес статьи В. Товорник помимо полной публикации памятника представляют выводы, относящиеся к огромному массиву памятников каринтско-коттлахской культурной группы. В европейской раннесредневековой археологической литературе существовало понятие «коттлахская культура», получившее название по Коттлахскому могильнику на юге Австрии. Но внутри культуры и ранее уже отмечалось наличие элементов различных культурных групп, и в частности носящих типично каринтские черты южнославянского мира. Поэтому В. Товорник объединяет два ранее существовавших отдельно названия воедино. А далее предлагает разделение всего культурного массива на два горизонта, «культурно и хронологически отличающихся друг от друга» (с. 123). По В. Товорник, более ранняя — каринтская культурная группа, более поздняя — коттлахская. Между этими группами лежит еще плохо различимая переходная фаза. Для верхнеавстрийских погребальных древностей это сделано впервые.

Материал каринтской группы (вторая половина VIII — середина IX в.) представлен S-видными височными кольцами, цепочками-подвесками, серьгами со стеклянными и металлическими бусинами, круглыми фибулами с эмалями и ножами. Для коттлахской группы (конца IX—X в.) характерны круглые височные кольца с утолщениями на концах и луновидные серьги.

Выводы В. Товорник в целом представляются убедительными, правильность хронологического разделения не вызывает сомнений.

Из круга только что охарактеризованных статей, направленных на серьезные крупномасштабные проблемы, несколько выпадает небольшая, чисто вещеведческая статья К. Целлера «О некоторых „баварских" серьгах из Лауриакума» (с. 133—

138). Она посвящена находке погребения молодой девушки с серьгами среди руин римского г. Лауриакума. Такие серьги до сих пор считались баварскими и датировались около 600 г. Автор усомнился в правильности этнической атрибуции данной пары серег, нашел аналогии им среди погребальных древностей позднеримского времени в Паннонии середины V в.

Вторая группа статей сборника написана лингвистами и посвящена топонимическим и диалектологическим исследованиям. Данные этих наук существенно дополняют археологические представления о заселении Верхней Австрии в раннем средневековье.

Статья П. Визингера «Население Верхней Австрии в свете топонимики» (с. 139—210) представляет анализ названий населенных пунктов Верхней Австрии, дополненных данными из смежной области — гидронимики. Картина географических названий исследуемой территории довольно пестрая и содержит помимо древнейших индоевропейских кельтские, романские, германские и славянские элементы. Тем не менее автор уверенно отделяет одни языковые пласты от других, уделяя наибольшее внимание периоду раннего средневековья (VI—XIII вв.).

Опуская множество частных вопросов, рассматриваемых в статье, остановимся на основных положениях П. Визингера. Германизация Верхней Австрии начинается с прихода баваров (VI—VII вв.). В VII—VIII вв. на востоке Верхней Австрии появляются славяне. Поселения обоих народов сосуществовали друг с другом на одной территории. Постепенно происходит процесс германизации славянского населения. Славянские топонимы и гидронимы видоизменяются в период между VIII—XII вв., что и отражено в топонимических и гидронимических картах, прилагаемых к статье. Фактически здесь отображен процесс эволюции языковых форм на территории Верхней Австрии от римского времени до позднего средневековья. На картах четко прослеживаются первоначальные зоны славянского и германского расселения, зрительно предстает сложный процесс постепенной германизации славянского языка. Практически перед нами картина формирования австрийского варианта немецкого языка во всей его динамике.

Выводы П. Визингера нисколько не противоречат представлениям о заселении Верхней Австрии, полученным на основе археологических данных, а для XI—XII вв. вообще являются единственными, так как позднее X в. мы пока не знаем славянских памятников. Процесс христианизации превратил все могильники (и славянские и баварские) в безынвентарные, отражающие жесткую церковную регламентацию погребального обряда.

В статье О. Кронштайнера «Славянские топонимы в Верхней Австрии» (с. 211—288) рассматриваются примерно те же проблемы, что и у П. Визингера, но с бóльшим уклоном в славистику. Вообще же они существенно дополняют друг друга. Особенно интересен методический прием О. Кронштайнера. Говоря о каком-либо характерном языковом явлении, он пытается для его датировки привлечь четко датированные исторические сведения. Как пишет автор, наличие славян в Верхней Австрии впервые письменно зафиксировано в 777 г. (указ баварского герцога Тассило III). Именно к этому периоду и относится ранний пласт славянских топонимов. В последний раз славяне упоминаются в начале XII в. в некрологе Св. Флориана. В этот период протяженностью около 350 лет и происходил процесс ассимиляции славянских племен среди германского населения, процесс постепенной утраты славянских языковых форм.

Интересны выводы автора относительно процессов контактирования двух языковых сред, о некоторой интеграции славян с германским миром, на что указывает повсеместное распространение славянских топонимов с немецкими суффиксами (образования типа Frensdorf, Kronstorf).

Представляет значительный интерес ссылка на Раффельштеттскую таможенную грамоту 903—906 гг., где называются славяне, периодически приходящие с севера. Они четко противопоставляются «своим» славянам, живущим здесь в Подунавье вместе с баварами и свободным от таможенной пошлины.

По данным топонимики О. Кронштайнером составлена целая серия карт, на которых нанесена западная граница славянских топонимов и представлены возможные пути проникновения славянского населения в области Верхнего Подунавья. Данные этих карт имеют много общего и с картами археологическими (с. 75).

Еще одно лингвистическое направление — диалектологию представил в сборнике своей второй статьей «Бавары и славяне в Верхней Австрии в свете географии

диалектов» П. Визингер (с. 229—243). На основе анализа распространения на территории Верхней Австрии первичных и вторичных звуковых и формообразующих признаков, а также географии слов автор приходит к интересному выводу, сделанному с определенной долей осторожности,— о существовании баварско-славянской границы по р. Кремс. Естественно, под этим термином нельзя понимать какую-либо фиксированную линию. Речь скорее идет об определенной контактной зоне со своим специфическим контактным языком. По П. Визингеру, этот процесс происходил так. С течением времени для меньшинства (автор имеет в виду славянское меньшинство — *А. К.*) из практической основы их родного языка появился контактный язык, который зафиксировал не только языковые или географические отличия, но и отличия психологические. В основе нормальной жизни меньшинства лежала необходимость двуязычия, с принятием чужого языка господствующей общественной верхушкой (с. 240). «Граница психологических противоположностей групп стала линией специфического перехвата языковых новаций из прежней земли в новую» (с. 242). Под психологическими противоположностями понимается здесь психологическая антипатия меньшинства к специфическим особенностям большинства. Импульс дальнейшего продвижения и развития верхнеавстрийских первичных диалектных признаков идет в дальнейшем от Кремс-линии на север и на восток, что соответствовало позднему и заключительному этапу германизации славянского населения. Процесс образования контактной зоны по р. Кремс П. Визингер относит к периоду до XII в. Принципиально это не противоречит данным археологии, которые, правда, относятся к более раннему периоду. На карте к статье М. Пертлвизера (с. 73) крайние восточные баварские поселения расположены по соседней к Кремсу р. Траун, но ведь диалектная граница, естественно, более размытое явление, чем граница археологическая.

Еще большее совпадение границ славянского и германского мира мы можем наблюдать при сопоставлении топонимических и гидронимических карт О. Кронштайнера и диалектологических карт П. Визингера (карты 1—3; карта 2). Все это дает ощущение реальности.

И наконец, третья группа статей сборника — историческая. Помимо редакционной статьи К. Хольтера, о которой уже шла речь, в сборнике опубликована статья Х. Вольфрама «Размышления о политической ситуации славян в сегодняшней Верхней Австрии (VIII—X вв.)» (с. 17—24), посвященная анализу большинства имеющихся письменных свидетельств о славянском населении в Верхней Австрии в раннем средневековье. Этих сведений так немного, что они традиционно перекочевывают из одной исторической, археологической или лингвистической работы в другую и в рецензируемом сборнике уже неоднократно упоминались авторами. Поэтому остановимся только на политических аспектах, которые сам Х. Вольфрам считает главными в данной своей статье. Естественно, что скудость источников ведет к определенной недоработанности проблемы и ко многим неясностям и недосказанностям.

Выводы его сводятся к следующему: в VIII—X вв. на территории Верхней Австрии обитали небольшие славянские племена, которые своими поселениями покрывали не все пространство, а жили чересполосно с баварским населением. К этому же выводу приходят и лингвисты.

Славянские общины управлялись жупанами. Источники называют несколько имен славянских вождей: Талиуп, Спаруна, Фюссо, Хозиль и др. Славянская верхушка вступала в родственные отношения с группами баварской аристократии. Таких случаев источники знают несколько. Х. Вольфрам в качестве примера приводит сына известного славянского князя Прибины Хозиля, который полностью перешел в господствующий слой баварского общества. Наконец, показателен пример моравского князя Цвентибольда-Святоплука, имя которого свидетельствует об определенной престижности германских имен. Оно было присоединено к славянскому при крещении.

Политически славянское население находилось под властью Баварии, а та в свою очередь входила в государственное объединение Каролингов. Но зависимость, видимо, была чисто номинальной. Во всяком случае, источники молчат о ее степени и формах. В жалованной грамоте Людвига II Немецкого (840—876 гг.) упоминаются «бавары и славяне, свободные и несвободные». Здесь также уже называются «homines liberi vel Sclavi» (с. 23).

В заключение хотелось бы отметить, что для сборника характерен высокий профессиональный уровень всех статей, полемическая заостренность (особенно у археологов) и общая заинтересованность всех авторов. Много в австрийской славистике и германистике встало на свои места. Значение книги «Бавары и славяне в Верхней Австрии» выходит за рамки проблематики изучения раннесредневековых древностей не только Верхней Австрии, но и Австрии в целом. Она представляет несомненный интерес для всех славистов.

А. В. Кашкин

ЛИТЕРАТУРА

1. Baiernzeit in Oberösterreich. Linz, 1977.
2. *Reitinger J.* Oberösterreich in Ur- und Frühgeschichtlicher Zeit. Linz, 1969.
3. *Pertlwieser M.* Zur etnischen Zugehörigkeit der Beigabenführen den Gräberfelder des 9 Jahrhunderts im östlichen Oberösterreich.— Jahrbuch Oberösterreichischer Musealvereins. B. 122/1. Linz, 1977.

М. Тачева-Хитова. История на източните култове в Долна Мизия и Тракия V в. пр. н. э. — IV в. от н. э. София: Наука и изкуство, 1982. 520 с.

В последние десятилетия исследование культов и религии, составляющих часть духовной жизни провинциального мира Римской империи заняло свое место в советской и зарубежной историографии античности. Учеными разных стран проделана значительная работа по подбору и публикации источников, а также по исследованию как религиозных отношений в отдельных провинциях Рима, так и истории некоторых культов в пределах всей империи [1—3]. Однако фундаментальных работ, освещающих эту сторону духовной жизни римских провинций Нижняя Мезия и Фракия, мы до сих пор не имеем. Последние крупные исследования в этой области опубликованы в 1928 и 1936 гг. [4, 5]. Появившиеся с тех пор статьи болгарских ученых, судя по заглавию посвященные античной религиозной тематике, чаще всего были публикациями археологических, эпиграфических и нумизматических памятников. Их авторы ограничивались описанием находок, приводили параллели из литературы без глубоких попыток связать отдельные религиозные явления с их конкретной культурно-исторической средой. Эти работы выходили в болгарских периодических изданиях и, как отмечает М. Тачева-Хитова, оставались неизвестными для исследователей из других стран. Поэтому монография «История восточных культов в Нижней Мезии и Фракии V в. до н. э.— IV в. н. э.» достойна самого пристального внимания.

Следует отметить, что работа М. Тачевой-Хитовой является результатом более чем десятилетнего труда. За период с 1969 по 1980 г. автором опубликовано несколько исследований по интересующей нас тематике. В 1969 г. вышла в свет ее монография о роли переселенцев из Малой Азии, Сирии и Египта в экономической и культурной жизни Нижней Мезии и Фракии в I—III вв. н. э. В 1974—1976 гг. опубликованы две статьи о культе Юпитера Долихенского, в 1977 г.— о культе Бога Высочайшего, в 1978 г.— об эпитетах богов в грекоязычных надписях из Нижней Мезии и Фракии [6—10].

Рецензируемое исследование заполняет один из пробелов в современной историографии античных религий и вводит в научный оборот многочисленные открытые на фракийских территориях южнее Дуная памятники, свидетельствующие о распространении и характере восточных культов: Сераписа и Исиды, Великой матери богов (Кибелы) и Аттиса, Сабазия, Бога Высочайшего, Юпитера Долхенского, Сирийской богини, Светлейшего и Справедливейшего богов, Капитолийской триады в малоазийском варианте, Приапа, Глюкона, Мена, Митры. В монографии сделана также удачная попытка интерпретации божеств, изображенных на бронзовых пластинках, найденных в Разградском округе.

Исследование ведется по трем разделам: «Египетские культы» (глава I); «Малоазийско-балканские культы» (главы II—IV); «Малоазийские и переднеазиатские культы» (главы V—XII). Каждому культу посвящена отдельная глава, имеющая четкую структуру: каталог памятников, касающихся рассматриваемого божества,

с комментариями и библиографией, историография, литературные источники, эпиграфические памятники, имена и эпитеты богов, археологические материалы и изображения божеств на них, монетные изображения (историческая интерпретация), распространение культа (хронология и центры), этнический и социальный состав посвятителей в Нижней Мезии и Фракии, общая характеристика культа, святилищ, культовой деятельности, синкретизма с другими божествами и особенностей культа в исследуемых провинциях, вызванных конкретной культурно-исторической средой. Таким образом, работа М. Тачевой-Хитовой носит, по существу, энциклопедический характер.

Однако при общем большом объеме работы основное место в ней занимают публикации источников и их характеристика, историографические экскурсы и библиография. На собственные исследования автора остается не более 60 страниц. Учитывая, что монография охватывает период в девять веков, мы можем сказать, что этого явно мало.

Хотя об отрицательных сторонах работы принято говорить в конце, скажем сразу, что основным, на наш взгляд, серьезным ее недостатком (кстати, не зависящим от автора) является слишком суммарный анализ всего материала в пределах большого хронологического отрезка — V в. до н. э.— IV в. н. э. Если нарративные, эпиграфические и нумизматические источники мы можем датировать с уверенностью хотя бы в пределах одного-двух веков, то датировка археологических памятников, которые составляют самую большую по количеству часть источников, в силу сложившихся условий весьма затруднена. Дело в том, что часть материалов относится к случайным находкам, обнаруженным в ходе земляных и строительных работ. Много источников было открыто в предвоенные и военные годы, они хранились в местных музеях, и археологическая документация об этих находках либо не составлялась, либо была утрачена. К тому же изображения часто сохранились в фрагментах. Так как иконография ряда божеств пока разработана недостаточно, то порой весьма сложно установить, относится ли памятник к эллинистическому времени или к периоду римского владычества. Это и вынуждает автора расширять пределы исследования до границ всей античной эпохи.

Тем не менее, несмотря на пропуск некоторых источников, неизбежность которого автор предвидит и оговаривает во введении (с. 9), мы можем отнести источниковедческую часть работы к наиболее сильным и удачным ее разделам, тем более что М. Тачева-Хитова ввела в научный оборот множество неизвестных до сего дня исследователям материалов.

Бесспорным достоинством монографии являются историографические замечания, предпосланные автором каждой главе. Несмотря на небольшой их общий объем (около 10 стр.), они охватывают почти все заслуживающие внимания высказывания болгарских и зарубежных ученых по исследуемым проблемам. Автор справедливо отмечает, что работы болгарских историков по проблемам восточных культов носят, за редким исключением, описательный характер, статьи основаны на нескольких источниках одного вида, отсутствуют попытки комплексного исследования материалов. В этом отношении книга М. Тачевой-Хитовой является первой в своем роде в послевоенный период. Однако и в этой части монографии не обошлось без досадных пропусков. В главе о культе Митры автор не указывает ни одного послевоенного исследования болгарских ученых по проблемам митраизма в Нижней Мезии и Фракии, считая последней значительной работой болгарской историографии монографию Янко Тодорова. Это не верно. Специально проблемами митраизма в балканских провинциях Рима занималась в 1970-х годах Вербинка Найденова. В 1975 г. она защитила в Москве диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Мифраизм в Нижней Мезии и Фракии (I—II вв. н. э.)», которая по сей день является наиболее фундаментальным в болгарской историографии исследованием по этой проблеме и дает обоснованные выводы о характере и путях проникновения митраизма в указанные провинции.

Самыми сильными и заслуживающими наибольшего внимания частями монографии являются параграфы о распространении культов, об этническом и социальном составе их почитателей и о фракийской сущности восточных божеств в балканских землях.

Ранее историки Болгарии традиционно связывали появление этих культов на фракийских территориях с проникновением восточных элементов, прежде всего, в дислоцированные в провинциях части римской армии, вексиляции которых,

участвуя в восточных походах, длительное время пребывали на Востоке и пополнялись там за счет местного населения. Исследование М. Тачевой-Хитовой показывает, что этот процесс не был столь простым.

В главе I, рассматривая культ Сераписа и Исиды, автор отмечает, что проникновение культа во фракийские земли в эллинистическую эпоху связано с политическим присутствием и торговыми интересами Птолемеевского Египта. Первые памятники Серапису и Исиде происходят из Томи и Перинта — греческих колоний на фракийском побережье Понта, имевших давние связи с Александрией Египетской. В них существовали торговые фактории египтян. Желая заслужить благосклонность птолемеевских правителей, под властью которых в начале III в. до н. э. находились Киренаика, большая часть сирийского побережья Средиземного моря, остров Кипр, а также ряд прибрежных городов Эгейского моря, правители Томи и Перинта приняли решение об основании святилищ Исиды и Сераписа в своих городах. Наибольшего расцвета культ достигает во II—III вв. н. э., когда императоры династии Северов поставили свое благоденствие и военные победы под эгиду Сераписа. Для основателя династии Септимия Севера, который, как известно, ассоциировал себя с Сераписом и поклонялся ему, подобный выбор божества для почитания не был случайным. Император, африканец по происхождению, чтил бога, соединившего в себе черты важнейших культов египтян и греков,— Осириса, Аписа, Зевса [3, с. 75]. Интересным и оригинальным для болгарской историографии является вывод о том, что распространение культа в римскую эпоху связано, главным образом, не с проникновением восточных элементов в Нижнюю Мезию и Фракию, а с религиозной политикой римских императоров. В этот период почитание Сераписа и Исиды служило выражением лояльности провинциалов по отношению к правящей династии. Вместе с тем, анализируя памятники из Дуростора, Трэзма, бывших стоянками легионов, вспомогательных войск и местами групповых поселений ветеранов, автор справедливо считает их посвятителей военными.

Во втором разделе монографии исследуются культы Кибелы, Сабазия и Бога Высочайшего.

Хотя первые посвящения Великой матери богов и Сабазию датируются I в. н. э., расцвет культов относится ко II—III вв. Широкому распространению культа Кибелы во фракийских землях способствовало наличие близких по характеру местных (Бендида и Котис) и греко-римских (Артемида, Гера) божеств, с которыми идентифицировалась малоазийско-балканская богиня-Мать (с. 243—245). Если почитание ее культа в местах лагерных стоянок римской армии (Эск, Новы, Трэзм, Тропеум Траяни) позволяет связать этот процесс с римскими войсками, то анализ имен посвятителей, среди которых встречаются имена как италийские, так и греческие и фракийские, не позволяет связать распространение культа Кибелы в Мезии и Фракии в римскую эпоху с определенным этносом. Скорее напрашивается вывод о связи его с религиозной политикой Рима.

Почти все посвящения Сабазию исходили от фракийцев: из 21 известного доныне памятника 17 составляют эпиграфические, из них 14 выполнены на греческом языке (с. 284). Лишь три посвящения принадлежат военным. Все они найдены во Фракии и не связаны с римским гарнизоном, дислоцированном в провинциях. Дедиканты: бывший преторианец, воин II Парфянского легиона и помощник корникулария неизвестной войсковой части. В связи с этим автор делает убедительный вывод, что распространение культа не может быть связано с присутствием римских войск, как обычно принято считать в литературе.

Вслед за Янко Тодоровым, Г. И. Кацаровым и М. Ростовцевым автор рассматривает Бога Высочайшего как местного великого бога, синкретичное образование иранского культа Ахурамазада и фракийского Сабазия (с. 325). Распространение культа связано с проникновением восточных влияний в среду высшей фракийской знати.

В третьем разделе рассматриваются малоазийские и переднеазиатские божества. Их появление во фракийских землях М. Тачева-Хитова связывает с проникновением восточных элементов: торговцев, ремесленников, воинов римской армии.

Первые посвящения Юпитеру Долихенскому относятся ко времени Адриана, значительного расцвета культ достигает при Антонине Пие и наивысшего при Северах. Это божество широко почиталось воинами и ветеранами римской армии. С военными связано около 40% общего числа посвящений. Это же подтверждают и археологические памятники, найденные в местах дислокации подразделений. Среди

почитателей-военных почти нет лиц, носивших фракийские и италийские имена, поэтому автор с полной уверенностью заключает, что дедиканты явно чужеземцы, выходцы с Востока, которыми пополнялись римские легионы и вспомогательные части, стоявшие в Нижней Мезии и Фракии (с. 389, 390).

Глава VI монографии содержит интересный материал о характере совместной находки бронзовых пластин, случайно обнаруженных близ развалин античного г. Абрит в Разградском округе. В отличие от Г. И. Кацарова, считающего, что они происходят из разрушенного святилища [5, с. 532], М. Тачева-Хитова убедительно доказывает, что это матрицы для изготовления предметов культового (прежде всего погребального) обихода, принадлежавшие воинам восточного происхождения служившим в частях нижнедунайского лимеса. На пластинах представлены синкретичные изображения Кибелы с местными фракийскими и греко-римскими божествами (с. 410, 411).

Особо следует остановиться на культе Митры (гл. XIII). Наиболее широкое распространение митраизма на Балканах относится также ко времени Антонинов — Северов. Так как посвящения принадлежат лицам от простого воина до провинциального наместника, от ремесленника до членов провинциального совета, а также людям несвободного происхождения — рабам и вольноотпущенникам, занятым как в административном аппарате, так и во владениях аристократов (с. 449), то нельзя связывать проникновение митраизма в римские провинции с определенным этносом.

Оригинальным является утверждение автора, что участвовавшие в восточных походах Антонинов воины I Италийского легиона, имевшие римские или италийские имена, приобщились к культу не на Востоке, а еще в Италии, где мистерии Митры были известны со времен Помпея (с. 448).

Таким образом, внимательное ознакомление с материалами монографии позволяет сделать следующие выводы: во-первых, некоторые культы (Сераписа и Исиды, Бога высочайшего, Сабазия) были известны фракийцам за несколько веков до прихода римлян. Во-вторых, в эпоху римского владычества распространение культов было связано как с проникновением выходцев с Востока, так и с политикой римских императоров, причем превалирующим был, по-видимому, второй путь. В-третьих, римская армия играла значительную роль в распространении, главным образом, тех культов, которые официально почитались в Риме. Это относится к Серапису и Исиде, Митре, Великой матери богов, почитание которой было введено в Риме с конца Пунических войн.

Хотя исследование М. Тачевой-Хитовой и показывает, что армия не играла абсолютной роли в распространении восточных культов, все же необходимо отметить значительную роль войск в романизации населения провинций, в распространении среди него неизвестных ранее фракийцам не только восточных, но и греческих и римских культов. Исследование роли армии в религиозной жизни Нижней Мезии и Фракии, проведенное автором данной рецензии, позволяет сделать следующие замечания по этому вопросу. Роль армии в распространении среди населения провинций иноземных культов определялась, с одной стороны, тесной связью ее с императорской властью, с другой стороны, тем, что армия имела большое влияние на местное население. Последнее определялось особенностями в дислокации частей, составлявших постоянный гарнизон провинций. Анализ эпиграфических и археологических памятников, открытых за последние 30 лет, показывает, что размещение войск несколько отличалось от существующего до настоящего времени в исторической литературе представления. Нижнемезийские легионы начиная с эпохи Траяна не были сосредоточены лишь в нескольких пунктах провинции (Рациария, Эск, Новы, Дуростор, Трэзм), а делились на отдельные отряды и размещались по всей территории. К этим отрядам присоединялись части вспомогательных войск, а в прибрежных укреплениях — и части нижнедунайской флотилии. Отряды легионов были стержневым элементом дислокации войск. Такое размещение гарнизона позволяло римлянам уверенно контролировать положение не только на границе, но и внутри провинции и в значительной мере определяло ведущую роль военных в романизации местного фракийского населения.

Оценивая монографию в целом, следует сказать, что, несмотря на отсутствие в работе ряда источников, касающихся восточных культов и анализа отдельных работ историков по этим проблемам (например, культа малоазийской Гекаты, изображавшейся с тремя телами [11, с. 5]), исследование Маргариты Тачевой-Хитовой является существенным вкладом в развитие античной историографии.

Н. И. Соловьянов

ЛИТЕРАТУРА

1. Etudes préliminares aux religions orientales dans l'Empire romain. Publ. par Vermaseren M. J. V. 1—68. Leiden, 1961—1980.
2. *Merlat P.* Répertoire des inscriptions et monuments figurés de Jupiter Dolichenus. Rennes, 1951.
3. *Садовская М. С.* Восточные культы в римской Британии.— В кн.: Из истории античного общества. Межвузовский сборник. Горький, 1982.
4. *Тодоров Я.* Паганизмът в Долна Мизия и Тракия. София, 1928.
5. *Kazarow G.* Thrakische Religion.— RE, 1925, B. VI A.
6. *Тачева-Хитова М.* Ролята на преселенице от Мала Азия, Сирия и Египет в икономическия и културен живот на Долна Мизия и Тракия (I—III в. от н. э.). Велико Тырново, 1969.
7. *Тачева-Хитова М.* Култът на Юпитер Долихен в Долна Мизия и Тракия.— Изв. на Народния музей Варна, 1974, т. X.
8. *Taceva-Hitova M.* Geschichte des Dolichenskultes im Mosia inferior und Thracia.— Klio, 1976, № 58.
9. *Taceva-Hitova M.* Hypsistos geweihte Denkmäler in Thracien. Untersuchungen zur Geschichte der antiken Religionen III.— Thracia, 1977, № 4.
10. *Taceva-Hitova M.* Über die Göttenepitheta in den grichischen Inscriften aus Moesia inferior und Thracia. Untersuchungen zur Geschichte der antiken Religionen VIII.— Bulg. histor. rev., 1973, № 3.
11. *Кацаров Г. И.* Принос към религията на многоглавите божества.— ИАИ, 1950, кн. XVII.

Birka II:1. Systematische Analisen der Gräberfunde / Ed. G. Arwidsson. Stockholm, 1984. 290 S., 64 Abb., 55 Diagr., Taf., 2Karte

В 1984 г. Шведской Королевской академией литературы, истории и древностей выпущен очередной том материалов по изучению одного из крупнейших памятников раннесредневековой Скандинавии — могильника Бирки.

Основные исследования могильника, расположенного на озере Мелар в Средней Швеции, произведены зоологом проф. Х. Стольпе в 70-х годах прошлого столетия, в 30-е годы XX в. небольшие раскопки на памятнике произведены проф. Х. Арбманом, который тогда же приступил к изданию материалов могильника — работе сложной и трудоемкой. В 1940, 1943 гг. он выпустил два объемистых тома, в которых опубликованы дневники раскопок более чем 1170 погребений с приложением топографических схем памятника, планов отдельных погребений, сводной таблицы инвентарей по комплексам, многочисленных таблиц вещевых находок [1]. Во вступительной статье к первому тому излагалась история поселения в Бирке, к тому времени еще слабо изученная.

Помимо этого в 1938 г. А. Гейер опубликовано исследование текстильных изделий из курганов Бирки, а в 1980 г. вышла работа А. Грэслунд, посвященная погребальным обрядам могильника [2; 3].

Немногие археологические памятники могут похвастать столь подробной и хорошо иллюстрированной публикацией материалов. Вполне естественно, что эти три книги превратились в своеобразный каталог форм погребального обряда и инвентаря, к которому часто обращаются исследователи археологических памятников IX—X вв. не только Северо-Западной, но и Восточной Европы. К этим материалам обращаются в поисках аналогий и многие советские исследователи, занимающиеся изучением древностей периода становления древнерусского государства.

В Швеции в 1973 г. был организован комитет под председательством проф. Г. Арвидсон по систематизации и обработке коллекции Бирки из раскопок Х. Стольпе. К изучению материалов комитет привлек большой коллектив — археологов, специалистов по обработке металлов, зоологов, ботаников, химиков.

Исследования богатого и многообразного погребального инвентаря издаются двумя отдельными томами. Рецензируемый том Бирки (II : 1) состоит из 35 разделов, посвященных украшениям костюма (фибулы, булавки), предметам туалета (гребни, копоушки, пинцеты, зеркала), культа (бубенчики, крестовидные подвески, крестики, гривны с подвесками-молоточками Тора), быта (кошельки, ножницы, кресала, игольники, «гладилки», игры) и посуде — деревянным, стеклянным, металлическим сосудам.

Во второй том должны войти статьи, рассматривающие предметы вооружения и конского снаряжения, весы и гири, бусы и подвески к ожерельям, нумизматическая коллекция и ряд железных вещей массового характера.

Разделы рецензируемого тома неравноценны по объему лежащего в основе исходного материала. В написании этих разделов приняли участие 23 автора. Разделы составлены в основном по единому плану: описание находки (название, материал, количество учтенных экземпляров), типология, список курганов с указанием погребального обряда, место находки в захоронении, сочетание ее с другими, аналогии (преимущественно скандинавские). В некоторых случаях рассматриваются вопросы технологии и происхождения той или иной вещи. При описании вещей и некоторых комплексов читатели отсылаются к давно разошедшемуся изданию Х. Арбмана 1940, 1943 гг., копии которого на пластинах «микрофиш» приложены к данному тому.

При датировке материалов авторы пока пользуются условным хронологическим делением на раннюю (Ältere Birka Stufe — ÄBS, около конца VIII — конец IX в.) и позднюю (Jüngere Birka Stufe — JBS, конец IX — вторая половина X в.) стадии существования могильника. Уточнение границы между этими двумя хронологическими периодами, а также установление абсолютной датировки для некоторых категорий вещей возможно лишь по окончании обработки всего материала из Бирки.

Одну из самых многочисленных групп находок в Бирке составляют различные фибулы и булавки, связанные с мужским и женским костюмом (около 600 экз.). Наряду с некоторыми предметами вооружения (мечи, наконечники копий) фибулы являются определенным хронологическим показателем, поэтому анализ их особенно важен.

Рассматривая находки Бирки, авторы учитывают классификацию овальных, круглых, трилистных, равноплечих, кольцевидных и подковообразных фибул, предложенную Яном Петерсеном в 1928 г., а также дают свою более дробную и в ряде случаев выделяют новые формы (например, фибулы дугообразные) или уточняют терминологию (булавки и кольцевидные фибулы с длинной иглой — подковообразные фибулы).

Кольцевидные фибулы с длинной иглой из серебра, бронзы и железа исследованы в статье Л. Тунмарк-Нюлен, разделившей их на пять типов с подразделением последнего на подтипы и варианты в зависимости от деталей орнаментации кольца и конструкции иглы. Получается, что тип I соответствует в общих чертах типу 235 ЯП (по Яну Петерсену), тип IV — 237 ЯП, а тип V объединяет типы 226 и 227 ЯП.

Следует заметить, что типы IV и V, наиболее многочисленные в Швеции (около 80 экз.) и в Бирке (18 экз.), хорошо представлены на территории Восточной Европы в могильниках Приладожья, Ярославского Поволжья, Гнездова и др. (около 30 экз.).

Примерно треть погребений с кольцевидными булавками в Бирке содержала оружие, поясные наборы, конское снаряжение, что свидетельствует о принадлежности данной группы украшений к мужским захоронениям. Очевидно, кольцевидные булавки следует считать украшением мужского костюма.

В 94 погребениях Бирки найдены кольцевидные или подковообразные фибулы из железа, бронзы и серебра, которые Г. Толин разделил на восемь типов в зависимости от оформления кольца или дуги. По наблюдениям автора, подковообразные застежки большого размера обычны в мужских захоронениях, маленькие — в женских и характерны в основном для поздней стадии существования могильника. Распространение отдельных типов этих украшений связано с социальным положением погребенного, возможно, оно определялось и этнической его принадлежностью.

Вопросы происхождения некоторых типов подковообразных фибул посвящена статья В. Гинтерса. Им рассмотрены спиралеконечные и фибулы с многогранными головками (около 80 экз.). Статья эта является переработанным вариантом работы, вышедшей несколькими годами раньше [4], где материал Бирки рассмотрен более подробно. Отметим, что типология Г. Толина является более четкой, зато В. Гинтерсом привлечен обширный материал из раскопок в Литве, Латвии и Эстонии. Типы фибул В. Гинтерса частично совпадают с классификацией Г. Толина: так, тип Re (спиралеконечные) соответствует I, а четыре типа VK (1—4) соответствуют четырем вариантам II типа (с многогранными головками). Широкий ареал

аналогий не позволяет определить истоки импорта для Бирки, но автор отмечает концентрацию близких форм подковообразных застежек в материалах Литвы и Латвии (с. 25). Часть подобных фибул могла быть изготовлена в самой Бирке.

Обсуждая проблему происхождения кольцевидных фибул с напускными шаровидными бусами и дротовым кольцом (типы III—IV Г. Толина) и булавок с кольцевидным навершием (типология Тунмарк-Нюлен), Дж. Грехем-Кемпбелл значительное внимание уделяет уточнению терминов, предлагаемых разными авторами (с. 31—35) и отмечает совпадение типа I у Тунмарк-Нюлен с III типом Толина, восходящих по существу к выделенному М. Стенбергером в 1947 г. типу серебряных застежек с длинной иглой — Rn-I. По мнению Дж. Грехем-Кемпбелла, эта форма фибул в Скандинавии заимствована из Ирландии и Британских островов, где имеются более ранние и более совершенные по исполнению экземпляры. Автор считает возможным определить несколько находок из Бирки как западноевропейский импорт, но допускает существование местного производства этих простых по форме украшений преимущественно из железа или бронзы (с. 38).

К данной группе украшений примыкает уникальный экземпляр длинной серебряной булавки с шаровидной головкой, украшенной филигранью и литыми звериными скульптурками,— эта находка подробно рассмотрена в статье В. Дучко (с. 1—4). Анализ техники филиграни, деталей декора и аналогичных находок Северо-Западной Европы приводит автора к выводу, что данная булавка — редкий вариант украшения, являющийся изделием местных скандинавских ювелиров, искусно переработавших стиль ирландских и англосаксонских украшений.

Интересна небольшая группа дугообразных фибул из бронзы или железа (18 экз. из 17 погребений). Застежки этой формы впервые исследованы Б. Аррениус, которая относит их к концу ранней и поздней стадии существования Бирки. Автор приводит находки еще нескольких подобных фибул с территории Швеции и одну из Гнездова. Мы можем добавить находки еще трех фибул из Псковского некрополя [5, с. 75] и Гнездовского селища [6, с. 287].

В статьях И. Янссона, Б. Хорд, Г. Б. Аагорда подробно проанализированы овальные, круглые, трилистные, равноплечие фибулы, связанные со своеобразным покроем женской одежды эпохи викингов. Эта группа находок особенно многочисленна.

Следует отметить скрупулезный анализ материала, проведенный И. Янссоном. Им указан ряд деталей в оформлении овальных фибул, позволяющих отнести фрагментированные находки к определенному типу по отдельным мотивам орнамента, форме бортика, системе крепления иглы. Выделенные И. Янссоном группы, объединяющие определенные типы классификации Я. Петерсена, дают представление об относительной хронологии этих украшений. По мнению автора, не следует абсолютизировать даты, предложенные Я. Петерсеном. Критически учитывая разработки П. Паульсена и Т. Капелле, автор считает, что вопрос хронологии скандинавских украшений дискуссионен и не может быть решен без тщательного анализа всех вариантов находок и их комбинаций (с. 67). Такой вывод заставляет с осторожностью обращаться к скандинавским аналогиям при попытке датировать материал, происходящий с территории Восточной Европы. Как известно, в большинстве случаев при изучении некоторых памятников лесной зоны (Приладожья, Новгородской земли, Ярославского Поволжья, Верхнего Поднепровья и др.) мы вынуждены опираться на датировку скандинавских аналогий.

Интерес представляет наблюдение И. Янссона, позволившее ему прийти к выводу, что при массовом производстве овальных фибул в качестве образца часто использовались более ранние экземпляры и это затрудняет определение мест их изготовления и датировку (с. 46, 79). Изучение находок Бирки (291 экз. из 159 погребений) на фоне всего скандинавского материала позволило автору уточнить датировку двускорлупных овальных фибул типа 51 и отнести их к X в., односкорлупные к IX в., фибулы типа 42 преимущественно к X в., а застежки типа 48 отнести ко времени не ранее последней четверти X в. (с. 67). Наиболее распространенными в Скандинавии, как и в Бирке, являлись варианты фибул типа 51. Отметим, что и на территории Древней Руси среди скандинавских фибул этот тип является самым представительным. Автор выдвигает предположение, что преобладание тех или иных типов овальных застежек в разных районах связано с племенными различиями внутри Скандинавии.

Рассмотрение больших и малых круглых фибул (около 90 экз.) показало, что

они характерны для поздней стадии существования Бирки. Большие круглые фибулы являлись, видимо, чисто скандинавской формой украшения, распространенной в основном на территории Швеции. С мастерскими Бирки можно предположительно связать происхождение одно- или двускорлупных фибул с литым зооморфно-ленточным орнаментом — эти находки, иногда отлитые в одинаковых формах, выделены в отдельный «биркинский тип». Аналогичные фибулы известны и на других памятниках, в том числе на Руси (с. 79—81).

Некоторые типы фибул малого размера подражают западно-европейским образцам, но сделаны, видимо, скандинавскими мастерами — это литые фибулы с филигранным орнаментом или штампованные с последующей дополнительной гравировкой (типы III*e*; V*a*, *д*; VI*a*; VII*a*). Импортом являются две небольшие фибулы (типа VII) со вставками из цветного стекла, относящиеся к позднемеровингскому или каролингскому времени.

Трилистные фибулы (26 экз.) исследованы Б. Хорд. По различию в орнаментации они разделены на шесть подгрупп, включающих, помимо семи типов, выделенных Я. Петерсеном на основе норвежского материала, целый ряд новых форм (с. 85). Подробно рассмотрев конструкцию фибул и проанализировав встречаемость их с другими вещами, Б. Хорд в отличие от Т. Капелле не считает расположение иглы хронологическим признаком (с. 86, 87). На основе концентрации находок в восточной части Средней Швеции автор предположительно намечает небольшую группу застежек местного производства — это относится к экземплярам со спиральным и звериным орнаментом (типы 90 и 97 ЯП). Трилистные фибулы обычно находят в сочетании с овальными.

Наиболее часто в наборе с другими встречаются так называемые равноплечие фибулы, изучению которых посвящена статья Г. Б. Аагорд. По форме спинки и крыльев фибулы (61 экз.) разделены на пять групп, каждая из которых по элементам декора подразделяется на типы и варианты (с. 100—103). В основу типологии положена классификация Я. Петерсена (учтены его типы), но автор отмечает своеобразие шведского, в особенности биркинского материала, и отсутствие прототипов для равноплечих застежек Скандинавии в предшествующий период (с. 95). Два типа (I и III) определены как возникшие в Бирке, где найдены обломки литейных форм для их изготовления, и один тип (IV) происходит из Средней Швеции. Типы I и III относятся к IX в., тип IV, со скульптурными фигурками животных,— к X в. (с. 104—108). Многие типы этих фибул, представленные в Бирке, известны на других памятниках Скандинавии, а некоторые из них и в Восточной Европе. К сожалению, вне поля зрения автора остались находки четырех фибул типа 58 ЯП (IA : I по Г. Б. Аагорд) в курганах юго-восточного Приладожья и Смоленщины [7, № 1, 2, 9, 14], одной из гнездовских погребений варианта типа 67 ЯП (IIIF : I) [8, рис. 8] и фибул типа 71 ЯП (IIIA; IIIA : 2) на Сарском городище под Ростовом и в Гнездове [9, табл. 1, *1*; 10; табл. 1, *8*].

Завершая рассмотрение разделов, посвященных находкам фибул и их классификации, можно заметить, что в настоящее время существуют как бы две типологии: одна основана на норвежском материале, другая — преимущественно на шведском. Типы первой включены во вторую, дополнены и в ряде случаев детализированы; уточнены некоторые даты и ведущие типы для отдельных территорий Скандинавии, а также для групп погребений внутри могильника Бирки.

Несомненный интерес в рецензируемой работе представляют разделы, связанные с изучением предметов культа. К ним относятся крестовидные подвески или крестики и реликварий-подвеска, систематизированные в статье А. Грэслунд. Их немного — всего 10 экземпляров, что затрудняет решение вопроса об их назначении и использовании. Автор считает возможным видеть в погребенных с этими предметами (все погребения женские) христианок, захороненных рядом с сородичами язычниками; не исключено также, что эти погребения связаны с христианской общиной X в. (с. 118). Вопрос о назначении крестовидных подвесок, литых или вырезанных из серебряного листа, как правило, включенных в состав ожерелья, представляет несомненный интерес. Аналогичные находки известны в погребениях на территории Древней Руси, где они определяются как кресты-тельники раннего этапа христианизации [11].

Еще одна группа предметов — 11 бубенчиков из бронзы — тщательно изучена тем же автором, исследованы их форма, размеры, способ изготовления, проведен анализ звучания (!). На основании этого ограниченного материала, к тому же не

характерного для Скандинавии, автор приходит к заключению, что бубенчики связаны с детскими погребениями и являлись амулетами-оберегами. К сожалению, автором не привлечен материал погребений Северо-Восточной Руси, где значительное число аналогичных привесок X — первой половины XI в. обнаружено в подавляющем большинстве случаев в женских захоронениях, здесь они были не только амулетами, но использовались и для украшения женского наряда [12].

Железным шейным гривнам с подвесками молоточками Тора посвящена статья К. Штрема, который, в противоположность другим авторам рецензируемого сборника, не ограничивается рассмотрением находок из погребений Бирки (58 экз.), анализируя все известные в настоящее время гривны с подвесками этого типа (около 450 экз.). Происходят они в основном из Швеции, отдельные находки сделаны на территории Финляндии и Советского Союза. К. Штрем дает подробное описание гривен, их размеры, различные формы подвесок к ним, расположение их в захоронениях и датировку. Основываясь на положении гривен в курганах, отмечая незначительное число вариантов (по размерам и форме), небрежное их исполнение, автор приходит к убедительному заключению, что в каждодневной жизни они не употреблялись как украшения, а являлись предметами магического значения — оберегами. Как показал анализ материала, концентрация находок подобных гривен, появившихся, очевидно, еще в VIII в., приходится на IX и X вв. В XI в. железные гривны с молоточками Тора не встречаются. Тем самым, подчеркивает К. Штрем, не подтверждается ранее выдвинутое П. Паульсеном и М. Стенбергером положение, что подвески в виде молоточков Тора — символы язычества — встречались лишь как исключение в погребениях викингов IX в. и только в конце X — начале XI в., т. е. в период внедрения христианства, ношение их стало общепринятым среди сторонников старой языческой веры, противопоставлявших их кресту — символу христианства.

В статье приведены также находки подвесок молоточков Тора из серебра, бронзы и янтаря. В отличие от железных такие подвески встречаются в более поздних комплексах и кладах XI в.

Большое значение имеет исследование роговых и костяных гребней, находки которых (323 экз.) характерны для данного могильника, а аналогичные формы широко представлены не только на памятниках Скандинавии, но и Восточной Европы. Статья о гребнях является несколько переработанной главой монографии К. Амброзиани, опубликованной в 1981 г. [13], поэтому мы лишь вкратце остановимся на некоторых ее выводах. Наблюдение автора, что более крупные гребни соответствуют более раннему времени, согласуется с заключением О. И. Давидан о ведущих формах аналогичных находок в слоях IX в. Старой Ладоги. Однако между типами гребней Бирки автор не видит резкой хронологической разницы (с. 170, 171). Следует отметить, что К. Амброзиани рассматривала материал Бирки с учетом широкого круга аналогий из других памятников Скандинавии, Польши, средневековой Германии и Руси, что делает ее выводы особенно убедительными. Можно лишь добавить к одной известной ей находке гребня с бронзовыми накладками из Старой Ладоги еще пять из Новгорода, Гнездова [14, рис. 116] и Ярославских могильников [15, с. 40].

Остальные группы вещей, рассмотренные в данном сборнике, представлены в незначительном числе и не имеют решающего значения для разработки хронологической шкалы Бирки. Следует только отметить еще редкую малоизученную находку в Бирке — обрядовое печенье. Ботанический анализ этого материала (29 экз.), произведенный Х. Хельмквистом, дает известное представление об ассортименте зерновых культур, высеваемых в Швеции в это время. Наиболее распространенными видами являлись ячмень и овес, пшеница и рожь встречались реже. Маленькие круглые хлебцы из Бирки выпечены из смешанной муки разных сортов, чаще всего из ячменной и овсяной. Автор видит в этом стремление улучшить вкусовые качества хлеба. При этом не исключается возможность, что ячмень и овес, время созревания которых совпадает, сеяли одновременно на одних и тех же участках и собранный с них урожай был смешанным. В хлебцах из Бирки встречается еще примесь гороховой муки и льняного семяни. Сравнивая их с немногочисленными находками печеных изделий с поселений и из погребений Швеции примерно этого же времени, автор приходит к заключению, что обрядовый хлеб выпекался из муки лучших сортов, чем хлеб, употребляемый в повседневной жизни, к тому же нередко сдабривался льняным маслом.

Таким образом, в настоящем томе представлен анализ значительной части инвентаря могильника Бирки. Значение каждой из групп находок, будь то предметы костюма или быта, особенно хорошо оттеняется при перечислении аналогий на территории Скандинавии и за ее пределами. Среди материалов Бирки достаточно ясно выделяются три направления: местное скандинавское, западно-европейское и восточное (в широком смысле). Для нас особый интерес имеет последнее, поскольку среди археологического материала древнерусских могильников IX — начала XI в. немало аналогий скандинавским находкам. Остановимся на некоторых из них, указывающих на контакты Скандинавии с отдельными восточными территориями. Среди рассмотренных А. Грэслунд поясных сумок особенно интересны украшенные фигурными металлическими накладками или оковками. Многочисленные прямые аналогии им происходят не только из венгерских погребений Центральной Европы, но и из мордовских и ряда древнерусских курганов Поднепровья, Ярославского Поволжья и др. [10, табл. II, *5, 15*; табл. III, *47, 49—51;* табл. VII, *4*; табл. XII, *2*; 16, с. 52—54; 17, с. 64, рис. 37, *4, 6*]. В Скандинавии такие сумочки известны только в Бирке (за исключением находки из Реста). Видимо, также за счет «восточных» контактов следует объяснить появление стеклянных зеркал (статья Я. П. Ламма) и шарнирных ножниц (статья Г. Арвидсон).

Издание материалов этого прекрасно изученного памятника, имевшего широкое международное значение с начала IX в. до третьей четверти X в., очень важно для всех занимающихся эпохой раннего средневековья. Надеемся, что второй том издания с разработкой хронологической шкалы Бирки появится в свет в ближайшие годы.

М. В. Фехнер, Т. А. Пушкина

ЛИТЕРАТУРА

1. *Arbman H.* Birka. Die Gräber. I—II. Text und Tafeln. Stockholm., 1940, 1943.
2. *Geyer A.* Birka. III. Die Texstilfunde aus den Gräbern. Stockholm, 1938.
3. *Авдусин Д. А.* Рец.: Grässlund A.-S. Birka. IV. The Burial Customs, 1980. Stockholm.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. 1982. М.: Наука, 1984.
4. *Ginters V.* Tracht und Schmuck in Birka und ostbaltischen Raum. Eine vergleichende Studie.— Antikvarisk Arkiv, 70. Stockholm, 1981.
5. *Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф.* Древнерусский некрополь Пскова (по раскопкам 1976 г.) — КСИА, 1981, вып. 166.
6. *Пушкина Т. А.* Скандинавские вещи из Гнездовского поселения.— СА, 1981, № 3.
7. *Дедюхина В. С.* Фибулы скандинавского типа.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
8. *Авдусин Д. А.* Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 г. МИСО, вып. 1. Смоленск, 1952.
9. *Эдинг Д. Н.* Сарское городище. Ростов Великий, 1928.
10. *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник.— МАР, 1902, № 28.
11. *Недошивина Н. Г.* Средневековые крестовидные подвески из листового серебра.— СА, 1983, № 4.
12. *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Привески-бубенчики.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
13. *Ambrosiani K.* Viking age Combs, Comb Makers in the Light of Find from Birka and Ribe. Stockholm, 1981.
14. *Спицын А. А.* Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева.— ИАК, 1905, вып. 15.
15. *Фехнер М. В.* Изделия косторезного производства.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М.: Сов. Россия, 1963.
16. *Бліфельд Д. І.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ: Наук. думка, 1977.
17. *Мальм В. А.* Поясные и сбруйные украшения.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М.: Сов. Россия, 1963.

Хроника

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО МЕТОДИКЕ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА, ПОСВЯЩЕННОЕ СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. П. ЕФИМЕНКО (ЛЕНИНГРАД, 1984)

26—28 марта 1984 г. в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР проходило Всесоюзное совещание, посвященное вопросам полевой методики исследования памятников каменного века, организованное сектором палеолита. Совещание проводилось в связи со столетием со дня рождения выдающегося советского археолога П. П. Ефименко (1884—1984 г.).

Совещанию предшествовала большая подготовительная работа. Оргкомитетом во главе с председателем В. П. Любиным был составлен и разослан в различные археологические учреждения страны специальный вопросник, охватывающий все многообразие аспектов полевой методики изучения памятников каменного века. В результате в деятельности совещания приняло участие свыше 60 специалистов из различных городов Советского Союза: Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Кишинева, Тбилиси, Еревана, Баку, Риги, Вильнюса, Алма-Аты, Душанбе, Волгограда, Казани, Петрозаводска, Сыктывкара, Орджоникидзе, Якутска, Львова, Каменец-Подольска, Свердловска, Новосибирска, Томска, Красноярска, Иркутска. В ходе работы было заслушано свыше 60 докладов и сообщений, в том числе 5 пленарных и 56 секционных (36 на палеолитической секции и 20 на секции неолита).

Необходимость и своевременность проведения методического совещания единодушно отмечались всеми его участниками. Вместе с тем, несмотря на насыщенную программу, доклады и дискуссии охватили лишь сравнительно ограниченный круг проблем, отмеченных в предварительно разработанном вопроснике.

Кроме того, отдельные доклады были посвящены информации о памятниках и по сути дела не касались методики полевых исследований. Теоретические аспекты проблемы специально рассматривались лишь в докладе Н. Д. Викторовой «К теории культурного слоя», хотя эти аспекты так или иначе затрагивались и в ряде других докладов и выступлений.

Совещание было открыто докладом П. И. Борисковского «Петр Петрович Ефименко, 1884—1984», в котором освещались основные этапы жизни и деятельности этого выдающегося ученого, по существу заложившего основы современной методики раскопок палеолитических стоянок. Ряд следующих докладов, как пленарных, так и секционных, характеризовал основные методические приемы, выработанные в ходе изучения важнейших палеолитических и неолитических памятников нашей страны (доклады В. П. Любина, М. Г. Ниорадзе и Л. Д. Церетели по пещерным стоянкам; Н. Д. Праслова, М. Д. Гвоздовер и Г. П. Григорьева по палеолитическим памятникам открытого типа Русской равнины; З. А. Абрамовой и Т. Ю. Гречкиной, Ю. А. Мочанова, В. В. Свинина и Г. И. Медведева по разновозрастным памятникам Сибири; Н. Н. Гуриной, Н. Кунскас и Р. Римантене по неолитическим стоянкам, залегающим в различных условиях[1]. Значительное количество докладов было посвящено методике изучения памятников, отличающихся теми или иными характерными особенностями культурного слоя: с переотложенными или разрушенными культурными слоями (М. В. Аникович, А. А. Синицын, Р. П. Казарян), со смешанными культурными слоями (И. В. Гаврилова, В. П. Ксензов), с культурными слоями большой мощности (Л. М. Тарасов). В ряде докладов характеризовалась методика изучения памятников особого типа: палеолитических пещерных святилищ (В. Е. Щелинский, В. Т. Петрин), петроглифов более поздних эпох (Ю. А. Савватеев, В. Я. Шумкин), торфяниковых стоянок (Ю. Б. Сериков), кремнедобывающих шахт (Н. Н. Гурина), свайных поселений (П. М. Долуханов, А. М. Микляев), могильников (Ю. А. Шилов). Исключительно важные по своему значению вопросы изучения отдельных объектов культурного слоя, в первую очередь жилищ, в большей степени освещались в докладах неолитической секции (Т. М. Гусенцова, А. А. Журавлев, Е. Г. Калечиц, Л. А. Косинская, Э. С. Логинова). Палеолитическим жилищам были посвящены доклады М. А. Гладких и Н. Л. Кор-

[1] Тексты докладов, заслушанных на совещании, готовятся к печати. Это избавляет от необходимости давать здесь их развернутую характеристику, позволяет ограничиться перечнем основных тем, затронутых в докладах, и больше внимания уделить ходу дискуссии.

ницц, А. П. Черныша, а также развернутое выступление М. А. Александровой, в котором жилые объекты рассматривались в контексте культурного слоя поселения. Другие объекты и особенности культурного слоя, характеризующие его как исторический источник, отражались в докладах З. А. Абрамовой и Т. Ю. Гречкиной, Н. Б. Леоновой, И. Н. Ершова, Р. К. Римантене, Е. Г. Калечиц, Л. Г. Мацкевого.

Совещание показало рост комплексных междисциплинарных исследований: авторами ряда докладов были коллективы ученых — археологов и представителей естественных наук, изучавших в течение ряда сезонов определенные стоянки (доклады Н. Б. Леоновой, Н. Н. Ершова, Е. В. Минькова, А. В. Лаврова о работах на Каменной Балке I, II; В. П. Любина, А. Г. Черняховского, Г. М. Левковской и Г. Ф. Барышникова о комплексном изучении Борисовских пещерных стоянок). Сложились постоянные коллективы археологов, изучающих такие памятники, как Королево (доклады В. Н. Гладилина, Л. В. Солдатенко, В. И. Ситливого), стоянки Костенковско-Борщевского района (доклады Н. Д. Праслова, М. В. Аниковича, А. А. Спиницына). Коллегиальный подход к полевым работам на памятниках каменного века отразился и в ряде докладов, упоминавшихся выше (Г. П. Григорьева и М. Д. Гвоздовер, М. А. Гладких и Н. Л. Корниец).

Вопросы совершенствования фиксации материала так или иначе затрагивались всеми выступавшими; кроме того, этим вопросам было специально посвящено 2 доклада: В. А. Ранова и А. Г. Амосовой на палеолитической секции и В. Ф. Исаенко на секции неолита.

В 6 докладах, сделанных представителями естественных дисциплин, говорилось о различных естественно-научных методах изучения культурного слоя (П. М. Долуханов, С. А. Несмеянов, Г. М. Левковская, А. Бутримас, Р. Янкаускас, Б. И. Гуслицер и П. Ю. Павлов). Древним природным нарушениям культурного слоя был посвящен доклад Л. В. Греховой.

Доклады М. М. Мансурова и М. В. Шунькова затрагивали вопросы разведки палеолитических памятников в условиях Западного Азербайджана и Горного Алтая. Наконец, в ряде докладов сообщалось о раскопках отдельных стоянок или групп памятников определенного региона (Ж. Таймагамбетов, Н. Ташкенбаев, С. А. Васильев, Н. И. Дроздов, Т. Д. Белановская, В. И. Неприна, Л. Я. Крижевская). Таким образом, участники совещания ознакомились с большим разнообразием приемов исследования практически всех разновидностей памятников каменного века (поселений, мастерских, пещерных стоянок, могильников, шахт, святилищ, жилищ и др.), с полевой практикой и опытом изучения объектов разного возраста, в различных природных зонах, и разных регионах страны.

К настоящему времени, как отмечалось во многих докладах и выступлениях, в деле полевой практики советские исследователи имеют определенные достижения: в ряде случаев они внесли и осуществили здесь прогрессивные принципы и идеи. Таковы, к примеру, успехи в области изучения верхнепалеолитических и мустьерских поселений и жилищ, в области изучения памятников каменного века в районах вечной мерзлоты или в условиях мощных лёссовых толщ. Значительны успехи, касающиеся полевых археологических исследований памятников с нарушенным культурным слоем, пещерных стоянок, неолитических поселений, шахт и могильников, памятников первобытного искусства и т. д. Большое развитие в последние годы приобрела чрезвычайно плодотворная в научном отношении методика планиграфического исследования структур различного хозяйственного типа. Заметны усилия в области корреляции стратиграфических и планиграфических исследований при изучении уровней обитания, жилищ, ям и т. д. Разрабатывается методика микростратиграфических исследований. Расширяются кооперирование с представителями естественных наук и проведение комплексных полевых исследований.

Очевидны и недостатки полевых работ. Наиболее характерны следующие изъяны: неоправданная, непозволительная торопливость при исследовании некоторых, нередко уникальных памятников; недооценка важности дробного стратиграфического членения отложений, а также археологических, фаунистических и иных материалов; недостаточность полевой документации и ее качества; слабое развитие комплексных междисциплинарных исследований; недостаточное внимание к свидетельствам об относительной и абсолютной датировке памятников каменного века.

Совещание установило, что исследование памятников каменного века является процессом творческим, исключающим жесткие методические предписания, шаблонные наставления: применение тех или иных методических приемов зависит от конкретных особенностей памятника, находчивости и квалификации исследователя. В то же время существуют определенные принципы и рекомендации к исследованию археологических памятников всех категорий, установленные инструкциями к открытым листам на право производства археологических разведок и раскопок, выдаваемым Институтом археологии АН СССР и соответствующими археологическими учреждениями союзных республик. Эти принципы и рекомендации должны выполняться строго и неукоснительно. Исходя из методических норм, определенных этими инструкциями, и учитывая специфику памятников каменного века и задач, связанных с их исследованием на современном этапе, совещание отметило, что целью полевых изысканий в настоящее время являются не только получение совокупности археологического материала и изучение его контекста, но и обеспечение наибольшей замкнутости археологических комплексов. Способы выполнения этих за-

дач — традиционные археологические: стратиграфия, микростратиграфия и постоянно совершенствуемые способы фиксации археологического материала. В этой связи совещание одобрило развитие планиграфического метода изучения культурных остатков на памятниках различного типа, а также развитие методов точной фиксации культурных остатков, допускающей возможность строгой увязки коллекций с имеющимися планами и моделирование культурного слоя. Особенно важны планиграфические изыскания на стоянках с мощным культурным слоем (проблема плана одного хронологического среза).

Методические приемы исследования скальных убежищ имеют свою специфику. Особенности отложения пещерных стоянок (многослойность и сложность литологии, явления эрозии и несогласия напластований, гравитационно-карстовые процессы, фациальная изменчивость осадков и их эпигенетические преобразования) предполагают методику частого профилирования толщи пещерных отложений и тщательной корреляции стратиграфических и планиграфических показателей, пристального внимания к мельчайшим литологическим подразделениям и расчленения седиментов и всех археологических, фаунистических и прочих материалов строго по этим подразделениям.

В ходе дискуссий участники совещания единодушно отмечали важность комплексного подхода к изучению стоянок каменного века, необходимость исследовать их в тесном содружестве с представителями естественных наук. При этом геолог С. А. Несмеянов отмечал, что для решения еще в поле естественно-научных вопросов желательно создание постоянных коллективов, в которые наряду с археологами входили бы специалисты разного профиля. В. П. Любин, поддерживая в принципе такой рабочий союз, справедливо указал на различного рода трудности, возникающие при привлечении смежников к постоянной работе в археологических экспедициях. Трудности эти не могут быть полностью преодолены усилиями начальников экспедиций; требуются межинститутские координационные действия на более высоком уровне.

Совещание констатировало, что изучение памятников каменного века в настоящее время настоятельно требует расширения использования всех возможных естественнонаучных методов (литолого-стратиграфического, биостратиграфического, радиоуглеродного, палеомагнитного и т. д.). Только широкое применение этих методов обеспечит доказательное решение вопросов о возрасте памятников, характере эволюции природной среды, хозяйстве и быте древнего человека. Учитывая большие трудности применения комплексной методики на местах, совещание призывает ведущие археологические учреждения страны оказывать всемерную помощь и поддержку в решении этой проблемы (организация местных лабораторных баз; принятие в штат ученых-естественников; проведение раскопок с обязательным участием этих специалистов).

В работе совещания проявилась еще одна черта современного этапа развития полевой археологии — повышение интереса к культурному слою. Теперь уже никто не сомневается в том, что культурный слой представляет собой чрезвычайно сложное явление, что характер его накопления зависит от большого количества факторов, связанных как с человеческой деятельностью, так и с различного рода природными процессами. Без учета этих факторов, без всестороннего анализа культурного слоя невозможно и правильное понимание характера человеческой деятельности, отраженной в этом слое, невозможна историческая интерпретация памятника. Показательно в этой связи, что единственный теоретический доклад совещания, сделанный Н. Д. Викторовой, был посвящен теории культурного слоя.

Несмотря на то что ряд общих принципов исследования культурного слоя ни у кого не вызывал возражений, по поводу их конкретного применения возникали довольно острые споры. Так, например, все выступавшие единодушно говорили о необходимости тщательно, детально анализировать культурный слой. Однако каков разумный предел детализации? Опыт расчленения единого культурного слоя по горизонтам был представлен в докладе В. П. Любина по Баракаевской пещере (четыре горизонта) и в докладах группы Н. Б. Леоновой по Каменной Балке I, II (три горизонта). Против такого членения выступил Г. П. Григорьев. По его мнению, едва ли следует столь дробно членить единый культурный слой; что же касается различий в наборе орудий, взятых по горизонтам, то нельзя безоговорочно утверждать, что различия эти могут объясняться только хронологически. Л. М. Тарасов в своем выступлении справедливо заметил: «...не ясно, как люди, жившие в более позднее время, не повредили нижележащих горизонтов, мощность которых не превышает 5—7 см».

Полевой опыт Г. П. Григорьева по работам в Авдеево показал, что естественное членение культурного слоя этого памятника сугубо локально; сколько-нибудь протяженных самостоятельных горизонтов выделить не удается. Это в общем соответствует опыту раскопок однокультурного памятника — верхнего слоя Костенок I. Однако едва ли правомерно в свою очередь переносить эти данные, полученные по двум ярким и своеобразным стоянкам, на памятники иных типов.

В. П. Любин, возражая Г. П. Григорьеву, отметил, что речь идет об искусственном расчленении литологически однородного и сравнительно маломощного (до 25 см) мустьерского слоя Баракаевской пещеры на несколько дробных искусственных горизонтов снятия. Естественно-научное (минералогическое, палеонтологическое и т. д.) и археологическое исследование материалов каждого горизонта удостоверило постепенное изменение климато-стратиграфических показателей этих горизонтов и некоторую эволюцию кремневого инвентаря. В едином маломощном

слое могут быть, таким образом, спрессованы тысячелетия, в течение которых и среда обитания, и культура человека претерпевали известные изменения. В поддержку выступил также В. А. Ранов, по мнению которого, «метод Любина дал результаты и оправдал себя».

Совещание подтвердило важность и плодотворность развития микростратиграфического метода исследований: установление внутреннего членения культурных слоев с целью выявления различных горизонтов и уровней обитания для суждений о длительности и особенностях обитания на разных этапах существования стоянки, о перерывах в заселении, об эволюции природной среды и хозяйства и т. д. В этом отношении целесообразно применение частого профилирования и сопряженности уровней находок в пещерных памятниках, изучение различных элементов культурного слоя локального и длительного простирания (зольные и охристые прослойки) в памятниках открытого типа, отношения заполнения ям к культурному слою за пределами этих ям и т. п. Наряду с антропогенными критериями большое значение имеют здесь также критерии (маркеры) литологические и палеонтологические.

Совещание сочло недопустимой практику выборочного вскрытия «особо интересных» компонентов культурного слоя (жилища, погребения и т. д.) без исследования прилегающих участков.

Совещание обратило внимание на то, что изучение памятников с переотложенным культурным слоем не должно автоматически приводить к упрощению методики полевых исследований. Возникающие при исследовании таких памятников специфические вопросы в ряде моментов даже усложняют эту методику. Важным аспектом исследования культурного слоя здесь является установление механизма и времени его накопления и переотложения, степени нарушенности и т. д.

С проблемой повышения тщательности раскопок тесно связан вопрос о фиксации добываемого материала. Особую остроту этого вопроса отмечали многие выступавшие. Так, В. П. Любин говорил о том, что точная документация раскапываемого памятника совершенно необходима, но, к сожалению, «зачастую ее нет не только в публикациях, но и в архивах, что совершенно недопустимо». Н. Д. Праслов также отмечал, что «фиксация материала до сих пор остается самым слабым участком в полевой методике». Эти же вопросы поднимались и на неолитической секции. Так, Ю. Б. Сериков в своем выступлении подчеркнул большую важность «индивидуальной фиксации материала». Проблема совершенствования полевой документации поднималась в той или иной связи во многих других докладах и выступлениях.

Совещание показало, что во многих палеолитических экспедициях существуют приемы фиксации массового кремневого материала, позволяющие точно «привязать» его к чертежам, точно зафиксировать место каждого кремня на плане и в профиле с учетом его положения, ориентации. Такие методы фиксации применяются в последние годы в Авдеевской, Костенковской и Каменно-балковской экспедициях. Не все участники совещания безоговорочно поддержали это направление. Сомнения в целесообразности столь тщательного учета массового материала высказывал В. Н. Гладилин. Л. М. Тарасов считает маловероятной возможность установить точное положение каждого кремня в условиях сильной насыщенности кремневыми изделиями. Необходимо отметить, однако, что детальная фиксация кремней, дающая возможность впоследствии при необходимости разложить коллекцию (или хотя бы большую ее часть) по плану с учетом нивелировочных отметок, не является самоцелью. Археологи вынужденно приходят к этому в связи с развитием планиграфического метода анализа добываемых материалов. При этом прежняя, поквадратная фиксация каменных изделий оказалась совершенно не достаточной. Думается поэтому, в ходе дальнейшего распространения планиграфического метода новые способы фиксации кремня в ближайшие годы будут успешно развиваться, получат все более широкое признание и применение.

В ходе дискуссии затрагивался вопрос о том, нужно ли раскапывать памятник полностью. Некоторые исследователи считают это необходимым или по крайней мере желательным. Такая точка зрения особенно распространена среди исследователей неолита. По мнению И. В. Гавриловой, например, полное доследование памятника — непременное предварительное условие для исторической реконструкции. На том, что памятник, в том числе и многослойный, должен быть по возможности полностью исчерпан, настаивали в своих выступлениях и некоторые палеолитчики (Б. Г. Ерицян, Ю. А. Мочанов). Однако большинство последних считают такой подход неправомочным. В. П. Любин говорил, ссылаясь на опыт ряда советских и французских археологов, что исследователь не только не должен в обязательном порядке стремиться без остатка раскопать изучаемый им памятник, но, напротив, должен постараться оставить нетронутые участки, обратившись к которым, потомки смогут значительно приумножить скрытую в них информацию. Для опорных памятников такой подход должен стать обязательным методическим требованием. Памятники такого рода следует «расходовать» крайне бережно, экономно в предвидении будущих, более совершенных методов исследования, возможности проверки и уточнения принципиально важных выводов. Подобных взглядов придерживаются большинство исследователей, раскапывающих особо важные памятники с непереотложенным культурным слоем, включающим остатки сложных конструкций: не случайно стремление сохранить на них часть таких конструкций в неразобранном виде (под кровлей построенных или строящихся музеев в Добраничивке, Костенках, Межиричах, Юдиново). В Костенковской палеолитической экспедиции такая традиция продолжается со времени П. П. Ефименко, сохранившего разобранные

ямы, землянки и другие объекты первого жилого комплекса верхнего слоя Костенок I, несмотря на то, что под ними находится по крайней мере еще три культурных слоя, разведанные на соседних участках. Было бы роковой ошибкой уничтожить основание верхнего культурного слоя — одного из уникальнейших позднепалеолитических памятников Европы — ради полноты вскрытия нижележащих слоев, к чему призывали в своих выступлениях Б. Г. Ерицян и Ю. А. Мочанов.

Сказанное, разумеется, не относится к тем случаям, когда памятник по тем или иным причинам оказывается обреченным на уничтожение; полное и по возможности быстрое изучение таких стоянок является необходимостью.

В ходе дискуссии затрагивались и некоторые частные вопросы методики полевых исследований, причем иногда им уделялось неоправданно большое внимание. Так, В. А. Ранов несколько раз возвращался к так называемым «столбикам-останцам», почему-то связывая употребление этого широко распространенного приема исключительно с деятельностью Костенковской экспедиции. В своих выступлениях В. А. Ранов объявлял этот прием устаревшим, утверждал, что «останцы не дают представления о характере отложений и их взаимосвязи», призывал полностью от них отказаться. Трудно понять, чем вызвана такая острая неприязнь к частному методическому приему, одному из многих способов детального изучения культурного слоя, но еще труднее согласиться с его абсолютным отрицанием. На практике в тех случаях, когда нет необходимости в детальном и всестороннем анализе взаимного положения находок в слое, останцы не оставляются. Но в большинстве случаев такой анализ необходим. Конкретные примеры можно было извлечь из некоторых докладов, заслушанных на совещании. Например, только применение останцов дало возможность структурно расчленить культурный слой на Каменной Балке II, позволило отделить от первого культурного слоя Костенок 12 так называемый «верхний горизонт находок», а по существу самостоятельный культурный слой, сделать ряд выводов о характере накопления и переотложения культурных слоев этого памятника.

Неоднократно возникал вопрос и о допустимости применения при раскопках палеолитических стоянок различных технических средств (бульдозеры, взрывы и т. д.) для удаления так называемого балласта, перекрывающего культурный слой, так как при этом могут быть уничтожены вышележащие маркирующие литолого-стратиграфические уровни и незамеченные культурные горизонты. Безусловное запрещение их использования (к этому призывал в своем выступлении Б. Г. Ерицян) едва ли правомерно, хотя, конечно, здесь следует соблюдать большую осторожность. В этом отношении, по-видимому, вполне оправданно практикуемое В. А. Рановым удаление взрывами мощных верхних лёссовых отложений, не содержащих находок и с трудом поддающихся лопате или кирке.

Большой интерес, хотя и неоднозначное отношение, вызвало использование для хронологических построений критерия патинизации, предложенного В. Н. Гладилиным и его сотрудниками. Если В. А. Ранов признал интересными «наблюдения о выветрелости изделий и сведение их в хронологическую таблицу», то В. П. Любин и Л. М. Тарасов высказали сомнения в плодотворности этого направления, отметив, что «факторы, влияющие на патину изделий, очень многообразны, и поэтому рискованно ориентироваться на степень патинизации при хронологических построениях», считая также, что «визуально трудно различать степень патинизации». Отвечая своим оппонентам, В. Н. Гладилин подчеркнул, что построение хронологической таблицы опиралось на стратиграфию, а не на патину; степень патинизации изучались и учитывалась лишь впоследствии. Признавая, что в настоящее время в данной методике еще много спорного, В. Н. Гладилин считает перспективной ее дальнейшую разработку.

На неолитической секции в ходе обмена мнениями в центре внимания стояли проблемы, связанные с раскопками и реконструкциями жилищ. Т. М. Гусенцова в своем выступлении призывала к точности и обдуманности употребляемых понятий, подчеркивала, что неточные понятия приводят к ошибочным реконструкциям жилищ: «Нужно четкое деление этнографического и чисто археологического понятийного аппарата. Археологи имеют в своем распоряжении только дно жилища, поэтому сам термин „жилище со срубной конструкцией“, по-видимому, неприемлем. Более правильно говорить „каркасное жилище“, т. к. вопрос о наличии в таких конструкциях сруба спорен». Ей возразил А. П. Журавлев, считающий, что в жилищах, о которых идет речь, срубы, по-видимому, были. Нельзя также представлять дело таким образом, что археолог может наблюдать только пол жилища: в ряде случаев находят и остатки перекрытий. В своем выступлении А. П. Журавлев подчеркивал значение изучения жилищ на больших территориях для решения целого ряда вопросов демографического и социально-экономического плана. Особое значение жилищ для исторических реконструкций отметила в своем выступлении и Л. Я. Крижевская. В дискуссии по жилищам также выступили Ю. Е. Вострецов, Е. Г. Калечиц, В. П. Ксензов и Э. С. Логинова. Е. Г. Калечиц отметила, что до сих пор мало внимания уделяется изучению хозяйственных ям, а также предложила новый способ исследования жилых объектов — по остаткам хитиновых покрытий бытовых насекомых. Естественно, для обнаружения этих остатков необходима промывка заполнения объекта. В. П. Ксензов обратил внимание на сложности, возникающие при изучении мезолитических памятников Белоруссии, связанные с отсутствием на этой территории «чистых» мезолитических комплексов. Перед археологами возникает задача научиться выделять мезолитические жилища на поселениях со смешанным культурным слоем.

В заключение совещания секция мезолита и неолита отметила определенные успехи, достигнутые в изучении углубленных в материк мезолитических и неолитических жилищ, исследовании поселений в торфяниках, практике раскопок кремнедобывающих шахт и методах копирования петроглифов. В то же время секция констатировала, что в областях, где изобилуют памятники с разрушенным культурным слоем, со смешанным инвентарем или нечеткой стратиграфией, настоятельно необходим поиск эталонных памятников с «чистыми» комплексами, ненарушенными отложениями. Раскопки поселений в рыхлых отложениях с литологически невыраженными слоями целесообразно проводить тонкими «горизонтами взятия» с обязательной поглубинной и планиграфической фиксацией материала каждого горизонта.

В целом Всесоюзное методическое совещание выявило возросший уровень полевой методики. По словам Ю. А. Савватеева, в заслушанных докладах проявились «повышение уровня методики раскопок, обострение историко-археологического зрения». Продуктивность совещания, правильность и тщательность методики, применяемой в подавляющем большинстве экспедиций, отметили в своих заключительных выступлениях Н. Н. Гурина и В. П. Любин. Разумеется, это не означает, что все здесь обстоит безупречно и не нуждается в улучшении. На дальнейшее совершенствование полевой методики и были направлены высказанные в ходе дискуссии советы и критические замечания.

В общем процессе изучения прошлого полевые изыскания являются основой для последующей аналитической ступени археологического исследования и последующих исторических обобщений, для воссоздания тех разделов истории человечества, где археологические источники являются основными или единственными. Высокая научная значимость, малое количество и нередко уникальность памятников каменного века, как заключило совещание, налагают особо высокую ответственность на каждого исследователя, требуют от него поиска и применения наиболее оптимальных методических решений, получения максимально возможной информации из каждого компонента культурного слоя и публикации доказательных исследований, ибо, как справедливо заметил Ф. Борд, «архивы четвертичного периода уничтожаются при перелистывании и могут быть прочитаны только один раз; лучше поэтому оставить книгу нераскрытой, чем читать ее небрежно».

М. В. Аникович

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА VI МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ФИННО-УГРОВЕДОВ

VI Международный конгресс финно-угроведов состоялся 24—30 июля 1985 г. в столице Коми АССР Сыктывкаре. Среди его участников было около 100 археологов из СССР, Венгрии, Финляндии и Норвегии. Наша страна была представлена исследователями из научных учреждений, университетов и музеев Москвы, Сыктывкара, Ижевска, Ленинграда, Таллина, Свердловска, Петрозаводска, Казани, Перми, Йошкар-Олы, Саранска, Томска, Тобольска, Риги и Симферополя. На нескольких заседаниях секции «Археология и физическая антропология» и одном межсекционном было заслушано и обсуждено свыше 60 археологических докладов. В них рассматривался широкий круг вопросов финно-угроведения. Доклады касались истории, культуры, хозяйства и быта всех финно-угорских племен и народностей, заселявших в древности и средневековье обширные пространства Северо-Восточной Европы и Западной Сибири.

Одной из важнейших была тема «Этногенез пермских народов». В настоящее время археологами накоплены новые значительные материалы, позволяющие обстоятельно решать основные вопросы этой проблематики.

А. Х. Халиков в докладе «Проблемы этногенеза пермских финнов» изложил гипотезу, согласно которой начало финно-пермского этнического единства археологически соответствует выделению из ананьинской культурной общности гляденовской культуры. Пермская этноязыковая общность существовала с III в. до н. э. по IX в. н. э. Сначала это были носители гляденовской культуры, позднее — племена ванвиздинской культуры. В IX—X вв. произошло разделение пермской общности на пракоми (вымская культура X—XIV вв.) и праудмуртов (лузско-вятские могильники X—XIV вв.). Эта точка зрения не противоречит утверждению некоторых лингвистов об относительно поздней дифференциации пермско-финской этноязыковой общности.

Однако многие археологи склоняются к мысли о распаде пермской общности еще в раннем железном веке. Э. А. Савельева в докладе «Этногенез и этническая история коми-зырян», подготовленном вместе с этнографом Л. Н. Жеребцовым, утверждала, что прапермская этноязыковая общность на поздней стадии соответствует ананьинской культуре. В III—II вв. до н. э. последняя дифференцировалась на пьяноборскую (чегандинскую), караабызскую, осинскую и гляденовскую культуры, что означает распад прапермского языка. Носители чегандинской и осинской культур позднее приняли участие в этногенезе удмуртов, а гляденовскую нужно рассматривать как культуру пракоми. С коми-зырянами, по мнению Э. А. Савельевой, нужно связывать памятники перми вычегодской — поселения и могильники

вымской культуры. Сформировалась же культура средневековых коми-зырян на основе ванвиздинской, при участии прибалтийско-финского компонента.

Р. Д. Голдина в докладе «Этническая история пермских народов в эпоху железа» и выступлении по докладу А. Х. Халикова также утверждала, что пермско-финскому языку-основе в археологическом плане соответствуют ананьинская и предшествующая ей приказанская культурные общности. Разделение ананьинской культуры на пьяноборскую (III в. до н. э.— V в. н. э.) и гляденовскую (II в. до н. э.— IV в. н. э.) является показателем распада пермской языковой общности. Носителями первой культуры были праудмурты, а гляденовской — пракоми. В дальнейшем гляденовская культура расчленилась на пермскую, неволинскую, ломоватовскую и ванвиздинскую, что, однако, по мнению докладчицы, не привело к распаду пракоми-языка. Только когда на базе ванвиздинской сложилась вымская культура, сформировались коми-зыряне. На основе поломской, неволинской и ломоватовской культур, при участии пришлых угров оформились родановская культура коми-пермяков, а также сылвенская и чепецкая культуры. Последняя вместе с вновь выделяемой искринской легла в основу этноса северных удмуртов. Южным же удмуртам принадлежала чмайтинская археологическая культура (выделена впервые), имевшая сложное происхождение из бахмутинской и верхнеутчанской (тоже новой) культур. Последние в свою очередь ведут начало из пьяноборской культуры.

Г. М. Буров в докладе «Происхождение коми-зырян в свете новых археологических данных» присоединился к мнению о том, что далекими предками коми и удмуртов были ананьинские племена. Пермское языковое единство, по его представлениям, соответствовало гляденовской культуре, а средневековой культурой коми-зырян была вымская. Однако предшествующую ей ванвиздинскую культуру нужно относить к угорской, поскольку формировалась она из бичевнических и пришлых западносибирских культурных элементов, носителями которых были угры.

Дискуссия, развернувшаяся по этой проблематике, показала, что имеется множество спорных вопросов, обусловленных прежде всего недостаточностью археологических материалов. Е. П. Казаков в связи с докладом Р. Д. Голдиной отметил, что выделение новых археологических культур преждевременно, достаточных материалов для этого нет, нуждаются в уточнении и ареалы уже известных культур. В. А. Оборин утверждал, что вымская культура не эволюционировала из ванвиздинской и, следовательно, последнюю нельзя считать культурой предков коми. Вымская культура, по мнению этого исследователя, сопоставима с родановской; предками удмуртов скорее всего были и азелинские племена. В. А. Оборин согласился с А. Х. Халиковым относительно позднего распада пермской общности. Лингвист А.-Р. Хаузенберг отметил, что мысль Э. А. Савельевой об участии прибалтийских финнов в этногенезе коми-зырян находит подтверждение в языковых материалах.

Б. А. Серебренников подчеркнул, что во всех выступлениях археологические культуры отождествлялись с этносом, смешение культур равнозначно смешениям этносов, а проникновение культурных элементов — проникновению лексики. Так ли это? На всей территории Комп АССР от Мезени до Вычегды распространена обско-угорская топонимия. С этим необходимо считаться. Но отсюда не следует, что коми сформировались в результате смешения пермского этноса с уграми. Пермской общности, судя по языковым данным, должна соответствовать общая археологическая культура.

В ряде докладов рассматривались частные вопросы этногенеза пермских племен. Н. В. Водолаго свой доклад «Юго-восточный вариант культуры древних комипермяков» посвятил характеристике неволинской культуры V—IX вв., которая считается угорской, но докладчик склонен атрибутировать ее как коми-пермяцкую. В основе неволинской культуры, по представлениям Н. В. Водолаго, лежит ломоватовская, а миграционный поток, связанный с уграми, сыграл при ее формировании второстепенную роль. С докладчиком не согласились А. Х. Халиков, В. А. Оборин и Г. М. Буров, отстаивающие угорский характер неволинских древностей.

В. А. Кананин в докладе «Этнический очерк коми-пермяцкого населения верховьев реки Камы в эпоху средневековья» пытался показать, что коми-пермяки сформировались на верхней Каме. Археологически им соответствуют ломоватовская и эволюционировавшая из нее родановская культуры.

Т. В. Истомина доклад «Погребальный обряд перми вычегодской» посвятила анализу 1200 могильных комплексов вымской культуры. К. С. Королев в докладе «Погребальный обряд вычегодского населения в эпоху раннего железа и средневековья» проанализировал элементы погребальной обрядности разных периодов и на этом основании утверждал, что от ананьинской культуры через гляденовскую и ванвиздинскую можно наблюдать преемственность вплоть до развитого средневековья. Специально ванвиздинским древностям посвятила свое выступление «Археологическая проблематика раннего средневековья на Европейском Северо-Востоке» Н. Н. Чеснокова. Бичевнические древности получили освещение в докладе А. М. Мурыгина, полагающего, что формировались они на основе гляденовской культуры, в условиях широкого расселения носителей усть-полуйской культуры.

Доклады М. Г. Ивановой, В. А. Семенова и Т. К. Ютиной посвящены древностям и этногенезу удмуртов. В сообщении М. Г. Ивановой «Этническая идентификация археологических памятников бассейна р. Чепцы» были охарактеризованы древности IX—XV вв. этого региона (чепецкая культура) и сделан

вывод о непосредственном участии их носителей в генезисе северных удмуртов. В. А. Семенов в докладе «Роль верхнекамских племен в формировании северных удмуртов» пытался обосновать тезис о переселении на рубеже V и VI вв. части населения из верховьев Камы в бассейн р. Чепцы. Т. К. Ютина в докладе «К этнической истории населения Южной Удмуртии в I тысячелетии н. э.» попыталась обосновать выделение новой верхнеуганской археологической культуры второй половины I тыс. н. э., сформировавшейся, по ее мнению, на местной основе, в результате взаимодействия пьяноборской и мазунинской культур и связанной с древнеудмуртским этносом. Часть выступивших в прениях поддержала мысль докладчика, другие отнеслись к ней весьма критически.

С интересом был выслушан доклад А. В. Чернецова «Сцены из жизни народа коми в резьбе по кости XV в.», в котором анализировались изображения на так называемом посохе Стефана Пермского.

Более ранние периоды истории и культуры племен Прикамья были отражены в докладе Л. И. Ашихминой «Культуры эпохи поздней бронзы Среднего Прикамья и их участие в ананьинском генезисе», Л. Л. Косинской — «О культурном и хронологическом соотношении типов керамики эпохи бронзы (по материалам поселения Ниремка I в бассейне нижней Вычегды)» и Э. С. Логиновой — «Проблемы заселения средней Вычегды в эпоху неолита».

В большой группе докладов рассматривалась прибалтийско-финская проблематика. В. В. Седов в докладе «Восточная группа прибалтийско-финских племен на основе реликтов погребальной обрядности» исследовал племенную дифференциацию прибалтийских финнов в I тыс. н. э., предшествующую раннесредневековой. Им были выделены четыре племенные группировки: 1) область распространения каменных могильников с оградками (предки эстов, ливов и суми); 2) область каменных сооружений с захоронениями по обряду кремации в сидячем положении (Новгородско-Псковский регион); 3) область могил в виде каменных куч (северо-восточное побережье Финского залива и Западное Приладожье); 4) область, в которой сооружались погребальные домики для захоронений (Белозерье и Прионежье).

О некоторых общих элементах в домостроительстве древних эстов и финнов говорил Э. Ю. Тыниссон в докладе «Древние жилища как источник этнической истории прибалтийских финнов». Он показал, что формы жилищ и их эволюция в раннее время были общими для всего Прибалтийско-финского региона. В выступлении С. К. Лаул «Об общих чертах в древней одежде прибалтийских финнов» было показано, что общность прибалтийско-финских племен проявляется и в женском костюме, в частности в его орнаментации бронзовыми спиралями.

Ряд выступлений был посвящен археологии отдельных прибалтийско-финских племен средневековой поры. С. И. Кочкуркина в докладе «Корела и весь» анализировала общие элементы в этногенезе этих племен. Вопрос о формировании этнической общности средневековой корелы исследовался в выступлении А. И. Саксы. П.-Л. Лехтосало-Хилландер (Финляндия) в докладе «Юг, запад и восток в материалах позднего железного века Финляндии» анализировала культурные импульсы, воздействовавшие на эволюцию финских древностей, поступавшие из Скандинавии, Латвии, Литвы и Западной Европы во второй половине I тыс. н. э. Н. А. Макаров в докладе «Формирование населения Восточного Прионежья в IX—XIII вв., по археологическим данным» рассказал о славяно-чудском культурном и этническом симбиозе, имевшем место в этом регионе. Выступление Э. С. Мугуревича «Изменение в хозяйстве прибалтийско-финского населения на территории Латвии в XIII—XVI вв.» было посвящено ливским древностям и их эволюции в условиях захвата земель ливов крестоносцами.

Интересным был доклад У. Сало (Финляндия) «Прибалтийская лексика прибалтийско-финских языков с археологической точки зрения». В нем собраны были слова, проникшие в древности в прибалтийско-финский язык от балтов, прежде всего скотоводческая и земледельческая терминология. Эти виды хозяйства появляются в ареале прибалтийских финнов в эпоху культуры боевых топоров. С последней связано и распространение некоторых лексических балтизмов (топор, кельт, мотыга, колесо, клин), которые находят соответствие в инвентаре. Исследователь утверждает, что все эти слова балтского происхождения проникли к прибалтийским финнам в эпоху культуры боевых топоров.

М. Хуурре (Финляндия) в докладе «Восточные связи Северной Фенно-Скандии в бронзовом веке» рассказал о сравнительно широком распространении в этом регионе текстильной керамики и металлических изделий, сходных с предметами Прикамья и Урала. Эпохе камня были посвящены доклады Я. Вилкуна (Финляндия) «Доисторические финно-угорские весла» и К. Янитса «О происхождении и развитии мезолитической культуры Кунда».

С большим интересом были выслушаны доклады, посвященные изобразительному искусству: Ю. А. Саввateева — «Лыжи в наскальных изображениях Фенно-Скандии» и А. Д. Столяра — «О генетическом аспекте изучения петроглифов Карелии».

П. Симонсен (Норвегия) в докладе «Этнические концепции и происхождение саамов» говорил о трудностях определения в археологических материалах миграции саамов. Определенно можно говорить, что саамы уже жили на севере Западной Европы около 500 г. н. э., сохраняя традиции каменного века. В более древних материалах прослеживаются и континуитет, и несколько миграций. Г. А. Панкрушев в докладе «Асбестовая керамика — изобретение протосаамов» утверждал, что протосаамской была неолитическая культура с асбестовой керами-

кой, распространенная на обширной территории Финляндии, Карелии, северной части Ленинградской обл., Кольском полуострове, в северных районах Швеции и Норвегии. В. Я. Шумкин прочитал доклад «Каменный век Кольского полуострова и проблема происхождения саамов», в котором дал очерк археологии этого региона в VIII—III тыс. до н. э. Докладчик полагает, что формирование саамов нужно относить к IV—III тыс. до н. э., когда в Северной Фенно-Скандии и на Кольском полуострове складывается единообразная культура.

Древности поволжско-финских племен анализировались в трех докладах. К. А. Смирнов в докладе «Жилища у населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии до н. э.» проанализировал материалы из раскопок поселений VII в. до н. э.— II в. н. э. В результате было выделено несколько типов домостроительства. Для второй четверти — середины I тыс. до н. э. известны круглые жилища с углубленным полом, многокамерные дома, одновременно являющиеся укреплениями (параллели им прослеживаются на памятниках, находящихся к западу и юго-западу), многокамерные жилища, не связанные с укреплениями, и прямоугольные дома срубной или столбовой конструкции. Различная конструкция жилищ обусловлена тем, что в формировании населения Волго-Окского междуречья участвовали различные этнические группы. Х. И. Крис в докладе «Памятники искусства из городищ Волго-Окского междуречья» исследовала находки с графическими рисунками, а также различные скульптурные фигурки, обнаруженные на поселениях дьяковой культуры Подмосковья.

Г. А. Архипов свой доклад «Основные этапы этногенеза марийцев» посвятил далекой предыстории марийцев. Древности типа Младшего Ахмыловского могильника V—VII вв.— завершающий этап формирования марийцев, а начало их этногенеза, по мнению докладчика, восходит к волосовской культуре, ее локальному варианту, распространенному в Марийском регионе. Новые материалы, полученные в результате раскопок последних лет, получили характеристику в докладе А. Х. Леонтьева и Е. А. Рябинина «Финно-угорское население Костромского Поволжья во второй половине I тысячелетия н. э.».

В целой группе докладов исследовались угорская проблематика и непосредственно связанная с ней тема о древнем расселении венгров, их миграции в среднедунайские земли. Собственно угорские или угро-самодийские древности рассматривались в докладе Л. А. Чиндиной «Этнокультурные процессы в Приобье в эпоху железа», В. А. Могильникова — «Взаимосвязи населения Приуралья и Западной Сибири в эпоху железа», В. М. Морозова — «Некоторые особенности культуры жизнеобеспечения обских угров по материалам археологических раскопок», Л. Н. Коряковой — «Некоторые аспекты динамики саргатской культуры», Ю. П. Чемякина — «Сургутское Приобье во II—I тысячелетия до н. э.» и др.

Охарактеризовав саргатскую культуру, существовавшую до конца III — начала IV в. н. э. между Иртышом и Обью и до Урала на западе, В. А. Могильников отметил, что в ее развитии отчетливо наблюдается тенденция к переходу к кочевому скотоводству. увеличению роли коня в хозяйстве и жизни. Носители этой культуры скорее всего были далекими предками венгров. Во второй четверти I тыс. н. э. значительная часть их мигрировала в западном направлении. Кушнаренковские древности, известные с VI—VII вв. между Волгой и Уральскими горами, эволюционировали, по мнению В. А. Могильникова, из саргатской культуры.

Анализу саргатской культуры посвятила выступление и Л. Н. Корякова. Она показала, что эта культура господствовала в лесостепной зоне Западной Сибири между IV в. до н. э. и III в. н. э. и в своем развитии подразделяется на три этапа.

В докладе Л. А. Чиндиной получили характеристику памятники большереченской и кулайской культур Среднего Приобья, которые, по всей вероятности, были оставлены самодийским населением, и древности подчевашской и релкинской культур, связываемые автором с угорскими или угро-самодийскими племенами.

В. М. Морозов познакомил участников конгресса с поселениями и домостроительством раннесредневековых предков хантов.

С большим интересом был выслушан доклад И. Фодора (Венгрия) «Роль финно-угорской археологии в изучении древней истории венгерского народа», в котором был затронут широкий круг вопросов, начиная от зарождения древневенгерского этноса в начале эпохи железа и кончая расселением венгров IX в. в Карпатской котловине. Докладчик вслед за В. Н. Чернецовым полагает, что угорская общность, из которой вышли предки венгров, существовала между Уральскими горами и Иртышом в лесостепной и южной части лесной зоны. Распад угорской общности и, следовательно, отделение предков венгров от обских угров происходило в конце бронзового или начале железного века. И. Фодор присоединяется к тем исследователям, которые считают памятники кушнаренковского типа ранневенгерскими. Правда, кушнаренковская керамика, как подчеркнул этот исследователь, не имеет ничего общего с венгерской глиняной посудой Паннонии, что, по-видимому, обусловлено хронологически.

В докладе И. Эрдели (Венгрия) «Обретение Задунавья венграми в свете археологии» рассматривались возможные пути пересечения венграми Карпатских гор и анализировались самые ранние могильники венгров в Дунантуле. Б. Кюрти (Венгрия) в докладе «Структура могильников X в. в Венгрии» исследовал планиграфию грунтовых кладбищ и показал, что в их строении выделяются семейные группы. Л. Ковач (Венгрия) прочитал доклад «О восточных связях венгров — обретателей родины», в котором картографировал и исследовал саманидские дир-

хемы Карпатского региона. В интересном выступлении Ч. Балинта (Венгрия) «Восточные аналогии и датировка находок в Венгрии периода обретения родины» были сопоставлены ранневенгерские и однотипные восточноевропейские вещевые находки в связи с вопросами их хронологии.

В нескольких докладах рассматривались культурные и этнические связи древних финно-угров с соседними племенами. А. Ф. Мельничук и В. А. Оборин в докладе «Связи финно-угорских племен Прикамья со славянами в XI—XV вв.» обстоятельно рассмотрели вопрос о культурном воздействии, шедшем преимущественно из Новгородской земли в области Прикамья. По Сухоно-Вычегодскому пути двигались и славянские переселенцы, и многочисленные вещи славянских и прибалтийско-финских типов: украшения, посуда, крестики, предметы языческого культа. Пермская деревянная скульптура, по мнению докладчиков, является синтезом местной и славянской культур. Часть славянских вещей, в частности шиферные пряслица, поступали в Прикамье при посредстве Волжской Болгарии. Два доклада (А. М. Белавин «Связи финно-угорского населения Прикамья с Волжской Болгарией в IX—XIV вв.», Е. П. Казаков «Этнокультурные взаимодействия волжских болгар с пермскими и поволжскими финнами») были посвящены контактам различных племен Волго-Камья с Волжской Болгарией, которая оказала заметное влияние на историю и развитие культур соседних финно-угров.

Более древние контакты рассматривались Н. Л. Членовой в докладе «Иранцы и финно-угры на Волге и на Урале во II тысячелетии н. э.». Иранскими, как показывает докладчица, были племена срубной и андроновской культур. Их северными соседями были финно-угры, которые испытывали воздействие со стороны иранского мира. В частности, Н. Л. Членова утверждала, что обожествление бобров среди мордвы восходит к иранцам.

Интересным был доклад С. В. Кузьминых и Е. Н. Черных «Сейминско-турбинский транскультурный феномен». На основании исследования металлических изделий эти исследователи пришли к выводу, что сейминско-турбинский металл ведет свое происхождение с Алтая. Оттуда какая-то этническая группировка (или несколько таковых) двинулась на запад. Промежуточным регионом было лесостепное междуречье Иртыша и Оби. Далее население мигрировало за Урал и осело в Европейской зоне.

Венгерские исследователи продолжили поиски археологических культур начального периода формирования финно-угорской этноязыковой общности. Д. Ласло (Венгрия) в докладе «Доистория финно-угорских народов» утверждал, что начало финно-угров восходит к мезолиту. Уральская языковая общность, по мысли этого ученого, идентифицируется со свидерской культурой, распространенной в XI—V тыс. до н. э. от Польши на западе до Урала на востоке. Финно-угры сложились в результате языкового взаимодействия носителей культуры Кунда-Шигир со свидерскими племенами. Это взаимодействие двух культур и было причиной выделения финно-угров от уральской языковой семьи.

Согласно точке зрения П. Вереша (Венгрия), изложенной в докладе «К вопросу финно-угорской прародины и этногенеза венгров в свете новейших палинологических данных», финно-угры сформировались в лесной и лесостепной зонах Приуралья и Западной Сибири в условиях единой мезолитической культуры. К такому выводу склоняют новейшие исследования палеоботаники.

Обсуждение докладов по археологической тематике на заседаниях конгресса происходило живо и активно. Многочисленные вопросы к докладчикам, ответы на них и выступления в диспуте дополняли и уточняли те или иные положения. Трудно переоценить большое научное значение конгресса для археологов Северо-Восточной Европы и Западной Сибири. В его работе смогли выступить с докладами, рассказать о полученных результатах археологи, работающие во всех финно-угорских регионах нашей страны и за рубежом. Чтобы правильно и полнее исторически осмыслить археологические материалы, необходимо выйти за пределы более или менее ограниченных регионов, которыми занимается тот или иной исследователь. Работа конгресса была хорошей возможностью для всестороннего рассмотрения важнейших историко-культурных и этнических тем финноугроведения. Конгресс станет мощным импульсом для дальнейшего изучения этих тем и археологического финноугроведения в целом.

Следующий, VII Международный конгресс финно-угроведов решено провести в 1990 г. в Венгрии, в г. Дебрецене.

В. В. Седов, К. А. Смирнов

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГОРНЫМИ И РАВНИННЫМИ РЕГИОНАМИ (ДУШЕТИ, 1984)

В Арагвском ущелье (Восточная Грузия) с 1971 г. работает Жинвальская экспедиция Центра археологических исследований Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР. Здесь выявлены и изучены многочисленные памятники различных периодов. Накопление материала позволило экспедиции сконцентрировать внимание на двух больших научных проблемах: взаимосвязь горных и равнинных регионов и взаимоотношения Грузии с народами Север-

ного Кавказа. Для более многостороннего изучения этих проблем по инициативе Жинвальской экспедиции Отделением общественных наук АН ГССР и Центром археологических исследований ИИАЭ АН ГССР была созвана I республиканская конференция, проходившая в г. Душети с 9 по 13 октября 1984 г.

На конференции, в работе которой приняли участие представители научных учреждений Москвы, Ленинграда, Киева, Симферополя, Свердловска, Майкопа, Грозного, Махачкалы, Баку, Сухуми и Тбилиси, было заслушано 43 доклада. К конференции был издан сборник аннотаций «Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами» (Тбилиси, 1984).

Во вступительном слове акад. А. М. Апакидзе сказал, что за последнее десятилетие в Грузии созданы все условия для археологических исследований на новостройках. Он отметил, что изучение горных и равнинных регионов имеет большие традиции в грузинской историографии, начиная с трудов историка и географа XVIII в. Вахушти Багратиони. Значительный вклад в эту проблему внесли И. А. Джавахишвили и его школа, а также грузинские этнографы, антропологи и языковеды.

С докладом «Археологическое изучение предгорья и горной зоны Грузии в Центре археологических исследований АН ГССР» выступил руководитель Центра проф. О. Д. Лордкипанидзе. Он отметил, что круг вопросов, которыми занимаются экспедиции Центра, очень широк, он включает этнические и социальные процессы, экономические взаимоотношения с другими народами.

Значение тематики конференции было раскрыто в докладе Р. М. Рамишвили (Тбилиси) «Основные проблемы взаимосвязей между горными и равнинными регионами». Данный вопрос важен для исследования исторических процессов многих государств Старого и Нового Света. Уникальные археологические материалы, обнаруженные в долинах Куры и Аракса, Кубани и Терека, Риони и Ингури, дают возможность высказать ряд новых соображений. С эпохи раннеземледельческих культур, и особенно — ранней бронзы, земледельцами как Южного, так и Северного Кавказа были фундаментально освоены не только предгорья, но и горы, функционировали все перевальные дороги через Кавказский хребет. Значение горных регионов Кавказа возрастает после зарождения и развития металлургии и отгонного скотоводства. После кульминационного развития бронзовой индустрии, возникновения в ее недрах металлургии железа, а затем интенсификации сельского хозяйства равнинные регионы как в экономическом и культурном, так и в социальном плане развиваются опережающими темпами. С образованием классового общества в Грузии и на Кавказе в целом взаимосвязь между горными и равнинными регионами усложняется и приобретает иной характер: теперь основные экономические, политические и культурные центры сосредотачиваются в равнинной и предгорной полосе. В дальнейшем огромное значение имело зарождение раннефеодальных отношений в закавказских обществах. После того как здесь в начале IV в. христианство было принято в качестве официальной религии, влияние равнинных регионов на горные края еще более возросло. На примере Кавказа, и особенно Грузии, хорошо прослеживается, как тесно этнический состав равнинных регионов связан с составом населения горных регионов; существование гор являлось чуть ли не главным условием выживания целых народов, условием спасения огромных культурных ценностей.

В. Б. Виноградов (Грозный) в докладе «Изучение древностей горного Кавказа во второй половине XIX — начале XX в.» показал, что интерес к древностям горной зоны Центрального Кавказа проявился уже в средневековых грузинских хрониках, в сообщениях русских, восточных и европейских путешественников XVI—XVII вв. Важнейшим этапом археологического изучения региона стал V Всероссийский археологический съезд 1881 г. в Тбилиси. Заслугой дореволюционных археологов является начало изучения кобанской культуры и открытие многих средневековых и других памятников.

В докладе «К вопросу об истории христианства и исторической географии Аварии» Г. Г. Гамбашидзе (Тбилиси) привлек материалы Дагестано-Грузинской экспедиции, изучающей культурно-исторические связи между народами Грузии и Дагестана.

М. Г. Гаджиев (Махачкала) в докладе «Горы и степи в эпоху раннего металла (по данным археологии Северо-Восточного Кавказа)» на новом материале убедительно показал развитие локального варианта куро-араксской культуры на Северо-Восточном Кавказе. Исследования в Дагестане древнейших на Кавказе и юге Восточной Европы катакомбных погребений подтверждают большую роль Северного Кавказа в формировании предкавказской катакомбной культуры.

Доклад М. Г. Глонти (Тбилиси) «Памятники Арагвского ущелья раннебронзовой эпохи» был посвящен выявленным Жинвальской экспедицией поселениям и культовым местам в Абаносхеви, Шарнеули, Ахали-Жинвали и др. В хозяйстве здесь ведущими отраслями были земледелие и скотоводство, отмечено развитое гончарство. Местное население поклонялось астральным божествам. Докладчик приходит к выводу, что главные кавказские перевалы уже использовались носителями куро-араксской культуры, освоившими как равнинные, так и горные регионы.

Г. Б. Авалишвили (Тбилиси) в докладе «К вопросу о времени становления „хеви" в Юго-Восточной Грузии» отметил, что здесь уже с III — первой половины II тыс. до н. э. жизнь сосредотачивается по ущельям — «хеви», заселявшимся каждое одним племенем. Сначала «хеви» становится самостоятельной эко-

номической ячейкой, а затем — административно-территориальной единицей, включающей долины и горы, между которыми были прочные связи.

А. Л. Нечитайло (Киев) в докладе «К вопросу о взаимосвязях древнего населения Грузии с племенами Северного Кавказа и Украины (эпоха бронзы)», привлекая материалы по исследованию открытых в Грузии и Азербайджане курганов III тыс. до н. э. (Марткопи, Шулавери, Цнори, Уч-Тепе), подтвердила вывод А. А. Иессена о степных влияниях на Закавказье. Поскольку Закавказье, Северный Кавказ и Украина входили в одну циркумпонтийскую металлургическую провинцию, там вырабатывалась и единая технология отливки орудий и оружия. На Северном Кавказе прослеживаются кинжалы, появившиеся в результате заимствований из Грузии.

А. А. Щепинский (Симферополь), выступивший с докладом «Вазимоотношения нагорий и равнин Крыма в эпоху камня — начала железа», отметил неравномерное распределение в Крыму памятников разных эпох и культур, связанное с природным делением полуострова на равнинную, предгорную, горную и южнобережную части. Освоение человеком горной зоны Крыма шло с эпохи мустье; в неолите численность населения возрастает втрое и возникают стоянки в равнинном Крыму. По мнению докладчика, культура тавров, с преобладанием скотоводства, возникла в горах Крыма, включив в себя остатки кеми-обинской энеолитической культуры, и в то же время в предгорьях формируется кизил-кобинская культура, относимая к поздним киммерийцам.

В докладе М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского (Москва) «О некоторых комплексах второй четверти I тысячелетия до н. э. Закавказья, Северного Кавказа и Восточной Европы» указывается на тот факт, что элементы культур кобанской и Центрального Закавказья взаимовстречаются, как правило, в тех комплексах или узких ареалах, где есть и скифский компонент. Ответ на вопрос о принадлежности скифоидных комплексов Кавказа скифам докладчики ищут в ананьинских комплексах Северо-Восточной Европы, где сочетаются кобанские, закавказские и скифские элементы. Эти памятники авторы относят к скифам, отделившимся (по Геродоту) от основного массива.

Н. Г. Ловпаче (Майкоп) в докладе «Грузия и Закубанье в эпоху средневековья» проследил связи адыгов с Грузией в V—XV вв., выделив четыре периода. По археологическим материалам установлены христианизация погребального обряда, грузинские культурные влияния, заимствования в церковной архитектуре и пр. Даны письменные источники и сведения западноевропейских путешественников.

Э. О. Берзин (Москва) посвятил доклад взаимоотношениям между горными и равнинными районами в Юго-Восточной Азии. Самые ранние следы жизнедеятельности человека (нижний палеолит) здесь обнаружены в горных районах. В материковой части Юго-Восточной Азии долины больших рек стали очагами цивилизации, в то время как жители окружающих гор вплоть до XIX—XX вв. находились на стадии первобытно-общинного строя. В островной же части региона горные районы с отсталым населением располагались внутри островов, цивилизация и государственность возникли на прибрежной полосе.

В докладе «Этнокультурные связи Закавказья с Малой Азией и Эгейским миром в середине II тысячелетия до н. э.» М. Р. Абрамишвили (Тбилиси) выдвигает тезис о появлении в Закавказье нового этнического элемента из северо-западной части Анатолии.

С. Л. Дударев (Грозный) в докладе «Бронзовое оружие восточно- и центральнозакавказского типа в Чечено-Ингушетии (конец II — начало I тысячелетия до н. э.)» показал, что в эпоху поздней бронзы наблюдается «милитаризация» культуры, связанная с новыми формами хозяйства (скотоводство) и военными столкновениями с северными степными племенами. Из Шида-Картли, Кахети и Центрального Закавказья заимствуются не только формы оружия, но и технология металлургии и металлообработки.

М. П. Абрамова (Москва) в докладе «Некоторые особенности культур горной и равнинной зон центральных районов Северного Кавказа в I тысячелетии до н. э.— начале I тысячелетия н. э.» отметила, что в ареал кобанской культуры включаются памятники горной, предгорной и равнинной зон, причем наиболее ярко их особенности проявляются в горных районах. В скифское и сарматское время памятники предгорий гораздо ближе к равнинным, чем к горным. Сарматизация привела здесь к нивелировке культуры.

В докладе Г. Ф. Дундуа и Т. Г. Дундуа (Тбилиси) «Античные монеты, найденные Жинвальской и Эрцойской экспедициями» представлены новые данные о тесных связях между горным и равнинным населением Иберии, прослеженные на нумизматическом материале.

Из доклада Ю. Н. Воронова (Сухуми) «Взаимосвязи горных и равнинных районов Абхазии в античности и раннем средневековье» следует, что в системе связей основное значение имели организующие (меридиональные) и распределяющие (широтные) направления. На протяжении всего рассматриваемого периода горные и низменные районы Абхазии характеризовались единством материальной культуры.

И. Н. Храпунов (Москва) в докладе «К вопросу о населении горных и степных районов Крыма в III в. до н. э.— III в. н. э.» отметил, что поздние скифы предпочитали для своих поселений возвышенности, используя плодородные речные долины, в степи же (на западном побережье) лишь захватывали земли, уже освоенные греками. Тавры в первые века нашей эры спускались с гор и оседали в скифских поселениях. В результате готского и гуннского нашествий, напротив, население

отступило из степей в горы. Докладчик считает решающими для межплеменных контактов в изучаемый период экономические и политические причины, не придавая большого значения географическим условиям.

В. Б. Ковалевская (Москва) в докладе «Географическая зональность Центрального Предкавказья и распределение основных памятников эпохи раннего средневековья» показала увеличение процента традиционно кавказских типов погребальных сооружений (грунтовые погребения, полуподземные склепы, каменные гробницы) от равнин через предгорья к горам и противоположную картину — для катакомб. Как явствует из ее доклада, системный подход к памятникам с учетом географической зональности позволяет улавливать закономерности расселения, характер отношений между населением степных, предгорных и горных областей Кавказа в древности и средневековье.

Э. В. Хоштария-Броссе (Тбилиси) в докладе «Основные этапы взаимосвязей горных и равнинных регионов феодальной Грузии и их отражение в развитии христианского зодчества» отмечает, что феодализации страны сопутствовало подчинение горных областей центральной властью, а с ее ослаблением — крупными феодальными родами. Включение гор в общее русло социально-политической и культурной жизни страны отразилось в распространении христианства среди горцев и строительстве церквей.

Г. Д. Тогошвили (Тбилиси) в докладе «Взаимоотношения Грузии с горцами Северного Кавказа (по данным письменных источников до XIII в.)» подчеркивает, что здесь известную роль кроме военно-политических аспектов играли также экономические и культурные факторы.

Д. Ю. Чахкиев (Грозный) сделал доклад «Некоторые общие черты в военном деле позднесредневековых вайнахов и горцев Грузии», проследив взаимовлияние в вооружении, фортификации, методах ведения боя в горных условиях. Им отмечены пути поступления оружия из Грузии в Чечено-Ингушетию, а также дружественный характер отношений между племенами вайнахов и горцев.

В докладе Дж. Г. Гвасалия (Тбилиси) «К истории взаимоотношений горных и равнинных регионов Грузии по материалам Шида-Картли» рассматривается история становления Ксанского эриставства.

В докладе В. М. Чиковани (Тбилиси) «Структура дома-микрокосмоса в Мтиулет-Гудамакари (по этнографическим материалам второй половины XIX и начала XX в.)» рассмотрены мифоритуальные элементы «образа жизни семьи» мтиулов и гудамакарцев, позволяющие реконструировать «картину мира» и для равнинной части Картли.

Г. Ч. Чиковани (Тбилиси) в докладе «Селища раннеземледельческих культур в предгорьях Арагвского ущелья» представил открытия в Бодорне, Ахали-Жинвали, Жинвали и Хертвиси, показав, что в VI—V тыс. до н. э. предгорья уже были интенсивно освоены и здесь наряду с земледелием ведущую роль играло скотоводство.

В докладе В. В. Чихладзе и Ц. В. Робакидзе (Тбилиси) «Арагвское ущелье в I—VIII вв. (по могильникам Арагвиспири, Ахали-Жинвали, Талбети, Жинвали, Ципранисдзири)» прослежена культурная общность горных и равнинных районов Восточной Грузии. З. А. Каландадзе (Тбилиси) в докладе «Ущелье Мтиулетской Арагви в развитом средневековье» наряду с археологическими широко привлек письменные источники и этнографию. В докладе Г. М. Рчеулишвили (Тбилиси) «Ущелье Пшавской Арагви в развитом средневековье» на основании анализа памятников (селища, церкви, могильники) и письменных источников высказывается предположение, что в раннем и развитом средневековье Пхови являлась единой провинцией, которая распалась в позднем средневековье.

М. Г. Маргвелашвили (Тбилиси) в докладе «Жинвали в развитом средневековье» представила результаты исследования торгово-ремесленного города, возникшего на стыке гор и равнин. Очевидно, с его существованием связаны контакты с Северным Кавказом и контроль над горными пастбищами. Доклад В. А. Джорбенадзе (Тбилиси) «Склепы Жинвальского могильника Накалакари» был посвящен изучению интересных погребальных комплексов XI—XIV вв. в предгорной части Восточной Грузии. Обряд захоронения и инвентарь могильника относятся к одному культурному кругу с равнинными памятниками.

А. А. Карахмедова (Баку) прочла доклад «Вопрос о взаимосвязи античных памятников Албании горных и равнинных регионов». В докладе «Малые скульптуры всадников из Тушети» Р. М. Долаберидзе (Тбилиси) представила две бронзовые статуэтки IX—XII вв., которые считает изображениями св. Георгия.

Еще три доклада были посвящены крымской тематике. В докладе Л. А. Омельковой (Свердловск) «Погребальный комплекс середины — второй половины V в. до н. э. в Бельбекской долине» рассмотрено захоронение в каменном ящике, в обряде докладчик видит скифские и таврские черты. А. И. Романчук (Свердловск) в докладе «Типы поселений Юго-Западного Крыма в средние века и характер их взаимоотношений (Херсонес и сельская периферия)» отмечает, что сельские поселения располагались в основном по берегам рек, тяготея к укреплениям на возвышенностях. Превращение укреплений в экономико-политические микроцентры шло при господстве Херсонеса, значение которого возрастало с распространением христианства в Крыму. М. Г. Крамаровский (Ленинград) в докладе «Крымская ривьера и Северный Кавказ в XIII—XV вв.») рассмотрел вопрос о связях торгово-ремесленных городов прибрежной полосы Юго-Восточного Крыма (Каффа,

Солдайя, Солхат) с зоной степей Северного Кавказа. Анализ художественной керамики и серебряных изделий, найденных в адыгских могильниках близ Геленджика и Белореченска, позволил ему определить пути импорта, подтверждающие значение Крымской ривьеры как особого экономического и культурно-исторического региона.

В докладе М. И. Джандиери (Тбилиси) «Древние истоки башенного жилища долинных и горных регионов по материалам Большого Кавказа (с привлечением параллелей из других стран)» по археологическим, письменным, иконографическим и другим данным Грузии, Дагестана, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии установлены закономерности появления, развития и длительного существования общинного башенного жилища. В докладе К. К. Чолокашвили (Тбилиси) «Изготовление оружия в городах и горных районах Грузии» было показано, что в производстве оружия наряду с горными регионами немаловажную роль играли города. Г. В. Джалабадзе (Тбилиси) в докладе «Этнические процессы в Шида-Картли» подчеркнул, что проживание представителей других народов вместе с грузинами как в средние века, так и в новое время не оказывало существенного влияния на грузинскую культуру, пришлое население ассимилировалось. В докладе М. В. Кантария (Тбилиси) «Соотношение среды обитания и форм хозяйства» установлено, что воздействие естественно-экологического фактора на формы хозяйства в определенной мере обусловлено степенью социально-экономического развития общества.

К. Х. Кушнарева (Ленинград) посвятила свой доклад памяти выдающегося кавказоведа А. А. Иессена, показав основные этапы его научной деятельности.

А. М. Лесков (Москва) сделал доклад «Меотские святилища начала IV в. до н. э.». Открытые им в 1981—1983 гг. святилища размещались на курганах майкопской и северокавказской культур. На одном из курганов в 1982 г. раскопана площадка с богатыми жертвоприношениями, связанными с примыкающим грунтовым могильником IV в. до н. э. Обилие импортных предметов роскоши (греческих, иранских, египетских) позволяет считать Среднее Закубанье одним из крупных центров меотской культуры V—IV вв. до н. э.

В докладе В. В. Дворниченко и Г. А. Федорова-Давыдова (Москва) «Богатое сарматское захоронение в Астраханской обл.» дана характеристика найденного в 1984 г. погребального комплекса рубежа нашей эры с золотыми предметами и серебряными сосудами. Вещи относятся к разным эпохам и центрам (Средиземноморье, Причерноморье, Иран, Месопотамия, Сибирь).

В докладе Р. М. Абрамишвили (Тбилиси) «Этнокультурные течения в эпоху поздней бронзы — раннего железа в центральной части Закавказья в аспекте взаимосвязей горных и равнинных регионов» рассмотрены археологические памятники Тбилиси — Мцхета и их окрестностей, важные для истории Кавказа и сопредельных стран.

Ш. Г. Чартолани (Тбилиси) в докладе «К вопросу о хозяйственно-торговом и стратегическом значении перевальных путей Северо-Западной Грузии в раннюю эпоху» подчеркнул, что главные дороги из низменностей в горные районы Западной Грузии и их продолжения на кавказских перевалах с древнейших времен имели значение как для северных и южных районов Главного хребта, так и для Передней Азии, Греции и Византии.

Большинство заслушанных на конференции докладов вызвало оживленную дискуссию. Выступив в прениях, А. М. Лесков и Р. М. Рамишвили указали на важность новых материалов, представленных в докладе М. Г. Гаджиева, которые, по их мнению, свидетельствуют о существовании на Северо-Восточном Кавказе значительного очага куро-араксской культуры. А. М. Лесков и А. Л. Нечитайло выразили сомнение в выводе А. А. Щепинского, что культура тавров связана происхождением с кемп-обинской, ввиду хронологического разрыва между ними. А. М. Лесков считает завышенной предложенную А. А. Щепинским датировку ямной культуры в Крыму II тыс. до н. э. О. Д. Дашевская высказала мнение, что вопрос об этносе кизил-кобинской культуры следует пересмотреть с учетом отсутствия характерного для этой культуры керамического комплекса в Крымских горах и распространения его в предгорной зоне и на степной территории, выходящей за пределы Крыма. А. М. Лесков в связи с докладом М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского заметил, что не следует все памятники, содержащие оружие скифского типа, в Закавказье относить к скифам, а также видеть «отколовшихся» скифов в ананьинских погребениях с переделанными кавказскими бронзовыми поясами. Поддерживая мнение А. М. Лескова, С. Л. Дударев сказал, что роль скифов в изготовлении найденного на Кавказе оружия необходимо оценивать с позиций металлографии; скифы могли лишь стимулировать изготовление местным населением железного оружия. В ответном слове Д. С. Раевский высказал мысль, что возвращавшиеся из Азии отряды скифов включали компонент кавказского населения.

Выступая по докладу Э. О. Берзина, М. Г. Гаджиев и Р. М. Рамишвили отметили, что хотя его доклад территориально выходит за рамки конференции, решаемые им проблемы позволяют проследить закономерности культурного развития в разных регионах. М. Г. Гаджиев подчеркнул, что в эпоху сложения производящего хозяйства на разных территориях были периоды, когда горные области в своем развитии опережали равнину. Важность исследования М. Р. Абрамишвили отметил А. М. Лесков, Ю. Н. Воронов и Э. М. Гогадзе. Последний указал на необходимость большей осторожности при решении вопроса о вторжении нового этнического элемента из Анатолии. Т. Н. Нераденко в выступлении по докладу

М. Р. Абрамишвили отметила значение находок пинтадер и минойской керамики в Закавказье для выявления связей с Эгейским миром. Ю. Н. Воронов, Т. Н. Нераденко и А. М. Лесков согласились с основными положениями доклада С. Л. Дударева. В то же время А. М. Лесков считает, что не все типы найденного в Чечено-Ингушетии оружия можно связать с Закавказьем.

В. Б. Виноградов, А. М. Лесков и Ю. М. Гагошидзе положительно отозвались о докладе М. П. Абрамовой. Ю. Н. Воронов считает справедливым ее мнение о необходимости четких критериев для определения кобанской культуры. А. М. Лесков предостерег от отнесения к скифам ряда курганов конца VII в. до н. э. в Центральном Предкавказье, заметив, что оружие еще не дает для этого оснований.

О. Д. Дашевская сделала дополнения к докладу И. Н. Храпунова, подчеркнув, что предгорья Крыма, как более безопасные, были заселены осевшими на землю скифами раньше, чем равнинное северо-западное побережье. Вытеснив с этого побережья греков, скифы во II в. до н. э. заселили лишь часть его. И в предгорьях, и на равнине строились укрепления. Распространение скифов из предгорий на равнину шло в условиях уже сложившегося государства; центр его был в предгорьях, и равнина не заняла господствующего положения. Оттесненное в горы, лишенное удобных для земледелия равнины и предгорий, Скифское государство в III в. н. э. прекращает существование. Д. С. Раевский по докладу И. Н. Храпунова заметил, что начало проникновения скифов в предгорья Крыма (III—II вв. до н. э.) — это время активности сарматов. В годы Юго-Западного Крыма отступило уже сарматизованное скифское население. Тезис о смешении тавров со скифами археологически не подтверждается. А. М. Лесков не согласился с И. Н. Храпуновым, что тавры спустились с гор к скифам, и считает, что святилище на Гурзуфском Седле принадлежало таврам.

Высокую оценку методологических обоснований, содержавшихся в докладе В. Б. Ковалевской, дали В. Б. Виноградов и Ю. Н. Воронов. Последний особо отметил наглядность результатов картографирования и интересную мысль докладчицы об участии кавказских народов в переднеазиатских походах скифов. Ю. М. Гагошидзе, напротив, считает возможным мирный путь распространения скифских вещей, независимо от скифских походов. Р. М. Рамишвили и Ю. М. Гагошидзе возразили, что нельзя использовать сочинение Леонтия Мровели для освещения скифского периода. Р. М. Рамишвили, ссылаясь на новые материалы из Абаносхеви, указал, что погребения коней в Закавказье встречены еще до появления там скифов, в XV—XIV вв. до н. э.

В связи с докладом Э. В. Хоштария-Броссе дополнительные факты о ранней христианизации горных районов Грузии (церковная архитектура, погребальный обряд IV—V вв. н. э.) привели Ю. М. Гагошидзе и Р. М. Рамишвили. Т. С. Шевякова отметила, что в Сванети сама архитектура некоторых церквей не позволяла совершать богослужение по всем правилам христианского обряда. Д. Х. Чахкиев привел данные о противодействии языческих культов христианизации высокогорных районов Чечено-Ингушетии.

Выступив по докладу А. И. Романчук, Ю. Н. Воронов признал убедительными положения о связи сельских поселений с Херсонесом, приведя в качестве аргумента данные о христианизации. М. Г. Крамаровский в выступлении по этому же докладу отметил неправомерность сопоставления приведенных А. И. Романчук материалов со сведениями Константина Багрянородного и рекомендовал обратить внимание на наблюдения А. Л. Якобсона.

В выступлении по докладу М. Г. Крамаровского Ю. Н. Воронов отметил, что сообщенные им данные открывают перспективы в исследовании всего Причерноморья: генуэзские колонии до сих пор у нас неверно считались в основном очагами грабежа, на самом же деле они оказывали влияние и на материальную культуру. Г. А. Федоров-Давыдов высоко оценил раскопки М. Г. Крамаровского в Старом Крыму, исследования Крыма золотоордынского периода. Он подчеркнул важность мысли о районизации золотоордынской культуры. В конце XIV—XV в. Северный Кавказ входит в ареал крымской монетной чеканки; в Крыму и в западной части Северного Кавказа прослежено влияние Запада.

Ю. Н. Воронов отметил интересное содержание доклада М. И. Джандиери. Т. С. Шевякова не согласилась с М. И. Джандиери в том, что церкви Сванети строились жителями равнины, поскольку живопись там чисто сванская. В качестве параллелей к докладу М. И. Джандиери Г. А. Федоров-Давыдов привел, в частности, семейные башни, не имевшие фортификационного значения, из Западной Европы и Средней Азии.

Подводя итоги конференции, А. М. Апакидзе отметил актуальность доклада К. Х. Кушнаревой о деятельности А. А. Иессена, а также дал высокую оценку докладам, ознакомившим участников конференции с новейшими результатами раскопок исключительного значения. Находки А. М. Лескова в Адыгее можно считать открытием века, сокровищем мирового масштаба; чрезвычайный интерес представляют и находки В. В. Дворниченко и Г. А. Федорова-Давыдова, в докладе которых убедительно показаны связи астраханских степей с Кавказом.

Было признано целесообразным устраивать конференции по проблеме взаимосвязей между горными и равнинными регионами регулярно во всесоюзном масштабе. Для будущей конференции была предложена и дополнительная тема — о межрегиональных коммуникациях.

О. Д. Дашевская, В. А. Джорбенадзе

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ЛИНЕВСКОГО

20 февраля 1985 г. скончался видный советский археолог, историк, этнограф, фольклорист и писатель Александр Михайлович Линевский. Ему принадлежит одно из самых крупных археологических открытий первых лет Советской власти — открытие наскальных изображений Беломорья, получивших европейскую известность.

А. М. Линевский родился в 1902 г. в Петербурге. С 16 лет началась его трудовая деятельность. В 1923—1928 гг. А. М. Линевский учился в Ленинградском университете, среди его учителей были А. А. Спицын, Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз. В 1926 г., будучи студентом университета, Александр Линевский отправился во главе небольшого отряда в Карелию. Около д. Выгостров (в низовье р. Выг), в 7—8 км от Белого моря, им были обнаружены наскальные изображения «Бесовы следки», выбитые на прибрежной скале о. Шойрукшин. Это открытие предопределило дальнейший жизненный путь начинающего исследователя. Оно дало на многие годы тему — петроглифы Белого моря, а затем и Онежского озера и подсказало место работы — Карелия.

Первая большая статья молодого автора — «К вопросу о петроглифах Карелии» получила высокую оценку в рецензии А. А. Спицына. В 1929 г. А. М. Линевский переехал в Петрозаводск и остался верен Карелии до конца своих дней. Он работал в краеведческом музее, участвовал в создании музейных экспозиций, в собирании материалов по древней истории и этнографии края. В Карелии он стал первопроходцем в сфере гуманитарных наук: археологии, этнографии, фольклористики, истории, здесь все надо было начинать почти на пустом месте.

С 1934 г. А. М. Линевский работает в первом научном учреждении молодой республики — комплексном Карельском научно-исследовательском институте (ныне Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР). Здесь он продолжал заниматься изучением наскальных изображений, опубликовал ряд статей и книгу «Петроглифы Карелии» (1939 г.), успешно защищенную им в 1944 г. в качестве кандидатской диссертации. В 1940 г. он издает «Очерки по истории древней Карелии», где стремится на основе комплексного использования наскальных изображений, данных этнографии и эпических рун «Калевалы» воссоздать эпоху первобытнообщинного строя на территории края.

Естественно, эти исследования в немалой мере отразили особо трудную начальную ступень поисков исторического подхода к памятникам древней изобразительной летописи на камне. Однако в научном наследии А. М. Линевского представлены не только существенные главы отправного опыта историографии. Особой ценностью в качестве инструмента изучения древних монументальных ансамблей и поныне обладают намеченные А. М. Линевским исследовательские методики, нацеленные на выяснение реальной истории определенного собрания фигур. Такой структурно-топографичский анализ был новаторски и мастерски применен им при разборе как беломорского, так и онежского комплекса наскальных изображений. А полученные при этом выводы (в Беломорье — наибольшая древность ядра «Бесовых следков»; на Онеге — установление вопреки мнению большинства первичности во всем озерном пантеоне «триады» Бесова Носа, которая составляла единую уравновешенно-симметричную композицию) в дальнейшем получили убедительные подтверждения и вошли в основные итоги конкретно-исторического изучения петроглифов Карелии — этой традиционной исследовательской лаборатории по первобытному монументализму СССР.

В первые послевоенные годы А. М. Линевский занялся новой археологической темой — изучением курганов Юго-Восточного Приладожья. В 1947—1950 гг., в течение четырех полевых сезонов, им было раскопано 174 кургана X — начала XIII в. на р. Оять, давших исключительно ценный материал, над которым он работал до последних лет жизни. Своими раскопками А. М. Линевский продолжил изучение приладожских курганов, которым до него занимались Н. Е. Бранденбург, Д. Европеус, В. И. Равдоникас и др. На основе материалов своих полевых работ и работ предшественников ученый предполагал дать широкую картину социально-экономического и культурного развития общества Приладожья X—XII вв., но не успел выполнить этот замысел. Удалось подготовить (совместно с С. И. Кочкуркиной) лишь каталог изученных памятников «Курганы летописной веси», вышедший из печати уже после смерти А. М. Линевского.

В послевоенные годы А. М. Линевский интересно и своеобразно читал курсы «Основы археологии» и «Основы этнографии» в Петрозаводском университете.

Научную работу с молодых лет А. М. Линевский стал сочетать с литературной деятельностью, причем именно научные исследования подтолкнули его к художественной литературе. Увлекшись наскальными изображениями, он захотел в лите-

ратурной форме воссоздать жизнь и быт неолитической эпохи в Карелии, отраженный в петроглифах. Из небольшой повести, напечатанной в журнале «Всемирный следопыт» в 1930 г., выросло после многократной переработки одно из лучших в советской литературе художественных произведений о жизни первобытного общества — «Листы каменной книги». Книга эта издавалась 15 раз большими тиражами на русском, финском, литовском и латышском языках, на английском языке в США и принесла большую известность автору.

Занимаясь литературным творчеством с 1930-х годов (и будучи одним из основателей Союза писателей Карельской АССР), А. М. Линевский в 1954 г. ушел из Института ЯЛИ, стал профессиональным литератором, но продолжал активно участвовать в работе института, был членом Ученого совета. В 1950—1970 гг. выходит несколько крупных художественных произведений А. М. Линевского. Он многократно избирался членом правления Союза писателей КАССР. Общий тираж его книг приближается к 2 млн. экземпляров.

Для А. М. Линевского как человека было характерно подвижничество в труде. Творческий труд был главным содержанием и смыслом его жизни, труд упорный и постоянный, до предела напряженный, часто изнурительный, но всегда воспринимаемый им как главное предназначение в жизни и как истинное счастье. Таким вечным тружеником и сохранится он в памяти коллег и товарищей по работе.

Литературная и научная деятельность А. М. Линевского была высоко оценена Советским государством. Он был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов, медалями, почетными грамотами Президиумов Верховного Совета РСФСР и Карельской АССР; ему были присвоены почетные звания лауреата Государственной премии Карельской АССР и почетного гражданина города Петрозаводска.

И. П. Шаскольский, Ю. А. Савватеев, А. Д. Столяр

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические известия и заметки Московского археологического общества
АИМ — Археологические исследования в Молдавии
АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АС — Археологический съезд
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры. Москва — Ленинград
ДАЭ — Дагестанская археологическая экспедиция
ДВНЦ — Дальневосточный научный центр АН СССР. Владивосток
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества. СПб.
ИАИ — Известия на Археологическия институт на Българска Академия на науките. София
ИАК — Известия Гос. Российской Археологической комиссии. СПб.
ИБИД — Известия на Блъгарското историческо дружество. София
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии
ИОАИЭ — Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
КБН — Корпус боспорских надписей / Под ред. акад. Струве В. В. М.—Л.: Наука, 1965
КИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода
МАД — Материалы по археологии Дагестана. Махачкала
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР — Материалы по археологии России. СПб.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва — Ленинград
МИСО — Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. Ленинград
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РГО — Русское географическое общество
САИ — Свод археологических источников. Москва — Ленинград
СГАИМК — Сообщения Гос. Академии истории материальной культуры
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ЧИГУ — Чечено-Ингушский гос. университет им. Л. Н. Толстого. Грозный
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
AAH — Acta archaeologica Academiae scientiarum hungaricae. Budapest
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
EW — East and West. Rome
IPE — Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxine (2 ed.). Petropoli, 1916
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
ZfN — Zeitschrift für Numismatik

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций; для раздела «Заметки» — не более 5 страниц и 3 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке с четким, контрастным шрифтом, через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

3. Все знаки, которые не могут быть напечатаны на машинке, должны быть вписаны в текст от руки, черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо в единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписаны, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы нужно подчеркивать красным карандашом. Знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

4. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде. Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора — два раза больше размера иллюстраций в журнале. Рисунки представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Эскизы карт должны быть выполнены либо непосредственно на картах, изданных ГУГК, либо на фотокопиях с них (не на самодельных ручных выкопировках). Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, контрастные, на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Все необходимые на фотографиях обозначения, пояснения следует делать только на втором экземпляре. Первый экземпляр фотографии не должен иметь никаких дефектов: пятен, надписей, изломов, следов от скрепок, трещин и т. д. Наклеивать первый экземпляр фотографии на бумагу или картон не разрешается. На авторских оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать «верх» и «низ».

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи (для всех видов иллюстраций дается общая нумерация). На обороте каждой иллюстрации карандашом следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указывается фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации.

5. Текстовые пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: [1], [2], ...

6. Пронумерованный список использованной литературы (не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте) дается в конце статьи на отдельной странице. Библиография оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1—76 «Библиографическое описание произведений печати». Для книг указываются фамилии и инициалы авторов, название книги, город, издательство, год издания; для статей, опубликованных в журналах и продолжающихся изданиях (типа КСИА, МИА, Тр. ГИМ) — фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, название журнала (издания), год издания, том, номер (выпуск); для архивных материалов — фамилии и инициалы авторов, заглавие, местонахождение документа (наименование архива, номер и название фонда, номера описи, дела). Ссылки на русские летописи даются в списке литературы с указанием принятого наименования летописи и издания. Источником библиографического описания является титульный лист издания.

В тексте в квадратных скобках указывается порядковый номер библиографической ссылки и страница, если она необходима: [5, с. 80]. Для литературы на иностранных языках — том, рисунок, таблица и страница указывается на русском

языке: т., рис., табл., с. При ссылке на рисунок позиция отмечается волнистой чертой: [8, рис. 5, 1, 2].

7. Ссылки на работы классиков марксизма-ленинизма и оригинальные работы древних авторов (Her., Plin. и т. д.) даются в тексте статьи и в список цитированной литературы не вносятся. Если используются переводные источники, они упоминаются, как обычно, в списке литературы с указанием переводчика.

8. К статье следует приложить список сокращений и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страница машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, вариантов, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например, кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или в расшифровке.

9. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть тщательно проверен и подписан автором с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового адреса, места работы, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

10. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные с доработки позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

11. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 17.04.86 Подписано к печати 18.12.86 А-10353 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 26,6 Усл. кр. отт. 107,5 тыс. Уч.-изд. л. 31,4 Бум. л. 9,5
Тираж 4015 экз. Зак. 3052

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6